

Эдуард Владимирович Экк

От Русско-турецкой до Мировой войны.

Воспоминания о службе. 1868–1918

Живая история (Кучково поле)

«Эдуард Экк. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918»: Кучково поле, Аудит недропользования и консалтинг; Москва; 2014

ISBN 978-5-9950-0546-9

Воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка (1851–1937) охватывают период 1868–1918 гг. В книге рассказывается о времени его службы в лейб-гвардии Семеновском полку, а также о Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войнах. Автор дает уникальную картину жизни Российской императорской армии от могущества 1860-х до развала ее в хаосе Февральской революции 1917 года. Огромное количество зарисовок из военной жизни Российской империи, описания встреч автора с крупными историческими фигурами и яркие, красочные образы дореволюционной России делают воспоминания Экка поистине ценнейшим историческим источником.

Российское историческое общество

Федеральное архивное агентство

Государственный архив Российской Федерации

Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–416

Комментарии. А. И. Дерябина

© Государственный архив РФ, 2014

© Грюнберг Н. П., вступ. ст., 2014

© Дерябин А. И., коммент., 2014

© ООО «Кучково поле», 2014

Генерал трех императоров

Эпоха царствования Николая II оставила после себя множество мемуарной литературы, подчас малоизвестной или вовсе неизвестной и недоступной широкой публике. Как правило, подавляющее число воспоминаний написаны тяжелым языком, а содержащиеся в них сведения довольно отрывочны, крайне субъективны и, давая чересчур узкую картину исторических событий, интересны лишь специалистам. Редкие образцы мемуарной литературы выделяются из этого общего ряда, и лишь единичные труды можно назвать поистине бриллиантом русской мемуаристики благодаря их легкому, увлекательному стилю изложения и поистине неисчерпаемому кладезю исторической информации. Именно таковыми являются воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка, служившего при трех императорах и ставшего участником трех войн – Русско-турецкой 1877–1878 гг., Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой.

Нет смысла подробно останавливаться на биографии этого, вне всякого сомнения, выдающегося военного и талантливого рассказчика. Экке сам более чем подробно рассказал о своей жизни на страницах своих воспоминаний, и к этим сведениям можно лишь добавить, что с 1918 года он находился в Добровольческой армии и до конца Гражданской войны исполнял обязанности председателя военно-полевого суда при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России и был вынужден эмигрировать вместе с остатками армии генерала Врангеля в Турцию. Позднее он перебрался в Югославию и до самой своей

смерти жил в Белграде, где пользовался непререкаемым авторитетом как среди эмигрантов, так и у местных властей. Был начальником 4-го отдела Российского общевойскового союза, председателем Совета объединенных офицерских обществ. По его инициативе в Белграде издавался «Русский военный вестник», издание, ориентированное на небезразличных к военному делу представителей русской эмиграции. Последние годы жизни генерал потратил на создание своих воспоминаний, так и не изданных ни за рубежом, ни в России. Скончался генерал Экк 5 апреля 1937 года. На похоронах на Новом кладбище Белграда присутствовала почти вся русская община и в знак особого уважения военный министр Югославии. Сейчас мы имеем уникальную возможность опубликовать воспоминания генерала от инфантерии Экка не только как ценнейший исторический источник и блестящее литературное произведение, но и как дань памяти этому, без сомнения, незаурядному человеку.

Воспоминания Эдуарда Владимировича Экка дают уникальную картину не только его собственной биографии, но и жизни Российской императорской армии от могущества 1860-х до развала ее в хаосе Февральской революции 1917 года. Сам автор скуп на оценки, воздерживаясь от общих комментариев и суждений, и старается описывать только то, что сам видел и чему был сам свидетелем. От повествования веет легким чувством ностальгии по «старым добрым временам», по молодцам-семеновцам, блиставшим выправкой на разводах караулов в Санкт-Петербурге, по полным опасностей предприятиям в Восточной Румелии, по лихим кавалерийским атакам на маневрах Варшавского военного округа, по аромату полевых кухонь, строгости

полевых лагерей и ушедшей навсегда храбрости солдат 71-й пехотной дивизии, с которыми приходилось делить все радости и горести Маньчжурской кампании. И эта ностальгия сама собой захватывает читателя, втягивает его в рассказ, заставляя вместе с автором проживать все моменты его непростой военной жизни.

Генерал Экк относился к поколению людей, вся жизнь которых была связана с армией от начала и до конца и которые не могли существовать без военной службы. Его воспоминания проникнуты глубоким осознанием таких понятий, как долг, честь, достоинство и присяга. Вне военной службы для автора нет смысла существования, и вне ее он себя не видит. Вся жизнь Экка была подчинена служению царю и Отечеству, и от начала и до конца ее он не нарушил присяги и не поступился своей честью. Эдуард Владимирович, в отличие от многих современников, не гонялся за чинами и во главу угла ставил не достижение карьерных высот, а принесение пользы своей стране и своему императору на любом месте в военной системе. Его не интересовала политическая жизнь страны, так как, согласно древнему принципу, «армия вне политики», генерал Экк не считал себя вправе поддерживать какие-либо политические взгляды и течения, на которые было столь богато российское общество начала XX века. Экк был целиком и полностью военным профессионалом, и потому его мемуары рассказывают о военном деле более чем о чем-либо еще. Тем не менее не был он и примитивным солдафоном – слог и стиль воспоминаний говорят о высочайшем уровне культуры их автора.

Карьеру автора нельзя назвать быстрой и блестящей, тем не менее ее нельзя назвать и неудачной. Она давалась Экку

непросто, и все назначения были получены лишь благодаря его несомненно выдающимся личным качествам. Военная служба генерала Экка началась в качестве юнкера в одном из наиболее привилегированных и престижных полков Российской императорской армии – лейб-гвардии Семеновском полку, основанном еще Петром Великим и входившим вместе с другим детищем своего основателя в состав «Петровской бригады» – 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. В качестве юнкера Экку пришлось на себе испытать все трудности солдатской жизни, познать все тонкости строевой службы. В таком полку, как лейб-гвардии Семеновский, с высочайшими стандартами выправки, строя, владения строевыми приемами, служить было нелегко. Присутствие на всех важнейших государственных торжествах, несение караульной службы в Зимнем дворце при императорской фамилии, а также высокий статус полка, его традиции и история накладывали свой отпечаток на все стороны жизни семеновцев. В полку все было лучшим, от качества формы до выполнения строевых эволюций, и семеновцы гордились этим. Не каждый был способен соответствовать этим стандартам, и не все юнкеры – товарищи Эдуарда Владимировича – заслужили чести стать офицерами лейб-гвардии Семеновского полка, но всякий, достигший семеновской планки, навеки входил в полковую семью. Даже расставшись с полком, семеновец на всю жизнь оставался семеновцем, и одним из них стал Экк, удостоившийся производства в офицерский чин в полку.

Более чем шестилетняя служба в лейб-гвардии Семеновском полку не прошла для Экка даром, навеки привив ему высокие стандарты отношения к себе и окружающим. Не менее высокие образцы, но несколько иного уровня дала ему

Николаевская академия Генерального штаба, которую Экк окончил осенью 1877 года. Высочайшие требования к слушателям и не менее высокие стандарты образования академии формировали у ее выпускников такие навыки, как глазомер, умение ориентироваться в сложной обстановке и вести самую сложную штабную работу. Безусловно, военное образование, полученное Эдуардом Владимировичем, можно назвать блестящим, и воспользовался он им не менее талантливо, выполняя ответственные задания помощником штаб-офицера над колонновожатыми в заключительных операциях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Именно личные качества Экка, проявленные им в ходе войны, послужили основанием для назначения его военным агентом при русской дипломатической миссии сначала в Константинополе, а позднее в Филиппополе (ныне Пловдив), столице автономной провинции Турции Восточная Румелия. Врожденный такт и умение находить общий язык с людьми позволили ему с успехом выполнять весьма непростые обязанности в такой сложной и неоднозначной военно-политической обстановке, какая сложилась в населенной преимущественно болгарами Восточной Румелии. В этой провинции под руководством русских офицеров было сформировано местное ополчение, формально подчинявшееся Турции, а на практике совершенно самостоятельная сила, что вызывало многочисленные осложнения. Не меньшей проблемой был и плохо скрываемый курс Восточной Румелии на присоединение к Болгарии. Масла в огонь подливали и попытки Болгарии и Сербии поделить между собой Македонию. В своих воспоминаниях Экк раскрывает массу подробностей хитросплетений местной политики, давая неоценимые сведения о роли России в

становлении болгарской государственности. Не менее интересны и приводимые Экком подробности обстоятельств убийства О. Н. Скобелевой, матери выдающегося русского полководца М. Д. Скобелева, совершенного неподалеку от Филиппополя в 1880 году.

Дослужившись на посту военного агента до чина полковника Генерального штаба, Эдуард Владимирович, имея возможность продолжать военно-дипломатическую карьеру, все же не видел себя вне армии, вне ее строевых частей. В 1885 году он расстается с Болгарией для того, чтобы отбыть цензовое командование батальоном 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка в Москве. Без опыта командования батальоном было невозможно получить строевую должность, и Экк активно включается в непростую и очень ответственную работу батальонного командира, решая совершенно иной круг задач, нежели задачи военного агента. На этом посту Эдуард Владимирович впервые проявил себя как заботливый, но в то же время весьма требовательный командир. Весьма трудно достичь необходимой золотой середины: некоторые офицеры слишком погружались в бытовые проблемы своего подразделения, забывая про требования службы и ведение боевой подготовки, иные, наоборот, за излишней требовательностью в обучении личного состава не замечали необходимости заботы о его повседневных нуждах. Именно на посту батальонного командира Экк проявил качества, все ярче и ярче раскрывавшиеся в дальнейшем. Несмотря на то что цензовое командование батальоном было во многом необходимой формальностью, полковник Экк не только сдал его в блестящем с точки зрения строевой и боевой подготовки состоянии, но и вникая во все мелочи

солдатского быта и проявляя постоянную заботу о нуждах подчиненных. Экк, в отличие от многих коллег, не стеснялся разговаривать с солдатами, регулярно общался с унтер-офицерами, с уходившими в запас и, поскольку общение это было не для галочки, а от души, знал душу русского солдата, его менталитет, его потребности и надобности. Требовательность и одновременно искреннее, неподдельное внимание давали потрясающий результат: солдаты души не чаяли в своем начальнике, ибо чувствовали его заботу, а не отбывание номера. Именно понимание психологии солдата, его мира позволяло Экку приводить в чувство разболтавшиеся полки, из не лучшего качества резервных батальонов формировать боеспособные дивизии и руководить корпусами в самых тяжелейших операциях. Доверие солдата своему командиру и безграничное уважение к нему творили поистине чудеса, позволяя им выполнять невозможное. Высокие чины не мешали Экку обходить позиции на передовой, вникать в каждую мелочь окопной жизни и делать все возможное, чтобы люди были не только снабжены боеприпасами, но и сыты, одеты, обуты, чтобы укрытия были сухи, а каждый солдат имел возможность помыться и переодеться в чистое. Даже второочередные дивизии, сформированные по мобилизации 1914 года, под командованием Экка воевали как лучшие кадровые части, ибо не чувствовали никакого различия между собой и подразделениями первой очереди, ощущали такую же заботу и внимание и платили за них сторицей. Даже в страшные послереволюционные дни 1918 года бывшие солдаты одного из полков, сражавшегося под началом генерала Экка во время Мировой войны, а теперь красноармейцы, не просто не смели тронуть царского генерала и «классового врага», а

оказывали ему всяческую посильную помощь, настолько большим авторитетом в их среде он пользовался.

Экк обладал редким талантом мотивировать, воодушевить своих людей, увлечь их общим делом, вдохнуть в равнодушных искру, заставлявшую их равняться на лучших, а не на отстающих. Стремление командира сделать вверенное ему подразделение не просто хорошим, а лучшим передавалось подчиненным, они сами уже старались не подвести своего начальника, не ударить в грязь лицом, потому что для них не было средней оценки – только «отлично» и «плохо». Достигнутые на маневрах результаты и оценки на смотрах, а потом и отбитые штурмы, и удачные наступления, и прорывы, и требования не были пустой рутинной, а жизненно необходимыми навыками, а самого Экка превращали из просто заботливого начальника в настоящего боевого командира, которому солдаты доверяли безгранично.

Отношения Экка с подчиненными офицерами далеко не всегда складывались просто, ибо, будучи требовательным к солдатам, к офицерам, он был не просто требовательным, а сверхтребовательным. Высочайшие стандарты военной службы, вынесенные Экком из лейб-гвардии Семеновского полка, прививались им неустанно в любом подразделении и соединении, которым приходилось командовать, и не все офицеры в состоянии были дотянуться до столь высокого уровня. Не способных справиться с возложенными на них обязанностями офицеров он всегда старался применить там, где они могли оказать наилучшую пользу, с не желавшими справляться безжалостно расставался. Трепетно относясь к кодексу воинской и офицерской чести, Экк внимательно следил за неукоснительным соблюдением его подчиненными.

ми и умел внушить им правильное понимание заложенных в нем ценностей. Но в строгости он не был бесчеловечным, всегда шел навстречу в чем-либо нуждавшимся офицерам, способствуя решению их проблем. Офицер должен был быть безукоризненным во всех аспектах своей жизни, считал Эрк, и не просто требовал безукоризненности от подчиненных, но в первую очередь спрашивал соответствие собственным стандартам с себя. Офицеры это чувствовали, понимали и потому души не чаяли в своем командире, командующем, начальнике, зная, что он требует с них в любом случае меньше, нежели от себя самого.

Помимо требовательности генерал Эрк обладал таким ценным качеством, как умение разбираться в людях. Знание способностей своих подчиненных, умение видеть все их достоинства и недостатки позволяли ему избегать неудачных назначений и ставить офицеров на те посты, на которых их недостатки нивелировались, а таланты, наоборот, максимально раскрывались. Наиболее ярко это качество Эрка проявилось в ходе мобилизации 1904 года, во время которой из сомнительной боевой ценности резервной дивизии ему удалось создать полноценное боевое соединение и в первую очередь благодаря продуманной и удачной кадровой политике.

Удивительный талант быть внимательным начальником и быть любимым подчиненными Эрк совмещал с талантом настоящего военного, цепкого, меткого и решительного. Впервые став самостоятельным начальником, Эрк железной рукой навел порядок в 26-м пехотном Могилевском полку, порядком запущенном предыдущим командиром, сумел не только наладить быт подчиненных, но и вытянуть полк во всех прочих аспектах. Наиболее ярко военные дарования

Экка проявились в ходе Русско-японской войны, где не раз ему вместе с подчиненными войсками приходилось выдерживать неравные бои с японцами, не имея зачастую никакой поддержки от командования корпусов или армий. В отличие от многих «интеллигентов в погонах», буквально наводнивших армию перед Мировой войной, Экк никогда не сомневался в собственных действиях, никогда не впадал в апатию нерешительности и никогда не отвлекался от выполнения собственных обязанностей. Спокойствие и четкое осознание своих целей – вот одна из лучших черт генерала Экка. Также не свойственны ему были присущие службистам-карьеристам черты, такие как забота о «достойном» назначении и дифференцированное отношение к подчиненным в зависимости от «статусности» их подразделения. Экк, гвардеец-семеновец, никогда не ставил себя выше армейских офицеров или командиров, не имевших академического образования, он одинаково прост со всеми, и его отношение к людям зависело прежде всего от их личных качеств, а не карьерной лестницы или принадлежности к элитным соединениям.

Обладая прекрасным глазомером, а также пониманием настроения войск и хорошим чувством момента, генерал Экк превосходно справлялся как с командованием дивизией, так и корпусами. Руководство 71-й пехотной дивизией стало для него своеобразным испытанием на прочность. Сформированные из резервных пехотных бригад на время войны, подобные дивизии считались неустойчивыми, обладавшими низким боевым духом и малой боеспособностью, а служивших в ней резервистов – плохо обученными и не желающими идти в бой солдатами. Под руководством генерала Экка 71-я пехотная дивизия полностью опровергла

негативную репутацию резервистов, а благодаря его мастерству военачальника заслужила уважение противника. В отличие от многих своих коллег, Экк не возмущался назначением во второсортную дивизию и не вымещал свою досаду от подобного «принижения» на окружающих, он просто выполнял свой долг так, как он его понимал, а свой долг начальника дивизии он видел в придании боеспособности этому подразделению. И надо сказать, свой долг Экк выполнил от начала и до конца.

Интересны наблюдения Экка над противником – японцами. С удивлением он отмечает попытки пленных японцев покончить жизнь самоубийством, а также отмечает высокие боевые качества японской пехоты. Эти наблюдения тем ценнее, что с русскими пленными японцы обращались в высшей степени предупредительно, однако качества, проявленные ими во Второй мировой войне, Экк отметил еще во время Русско-японской: невероятное упорство в атаке, предпочтение смерти плену, способность продолжать бой, не считаясь с потерями, и в то же время необычайная изобретательность и способность к неожиданным тактическим решениям. Впоследствии русский опыт войны с японцами был проигнорирован всеми без исключения крупными державами и стоил большой крови союзникам в годы Второй мировой войны.

Надо отметить, что как военный Экк никогда не отставал от требований времени. Его полки одними из первых начинают применять ручные гранаты против японцев. Он один из первых понял преимущества комплексного физического развития солдат, а не формальных занятий гимнастикой и широко внедрил систематические спортивные занятия в Гренадерском корпусе. Во время

Первой мировой он, словно копируя Суворова под Измаилом, строит копии австрийских укреплений и обучает на них своих солдат штурмовать позиции противника. Изменения тактики, нововведения в военном деле – ничто не проходит мимо него незамеченным. Использование артиллерии в боевых порядках пехоты невозможно? Экке тут же опровергает этот тезис. Военная мысль Экка живая, плоть от плоти и кровь от крови русской военной школы. Врага надо не просто разбить, не просто прорвать фронт, надо не дать ему опомниться, садиться ему на плечи и превращать поражение в разгром. Однако отсутствие в его распоряжении должных сил и средств ни разу не позволило довести начатое до конца, а неприятие его методов вышестоящим начальством не давало ни малейшего шанса на реализацию задуманного. Тем не менее действия генерала Экка в качестве командующего 7-м и 23-м армейскими корпусами в годы Первой мировой войны требуют подробного изучения и являются яркими образцами русской военной школы.

Не менее интересны воспоминания Экка о встречах с известнейшими политическими и военными деятелями его времени. Уникальны его воспоминания о пребывании императора Николая II и императорской семьи в Ливадии в 1913 году, изобилующие многочисленными подробностями, через призму которых и сам император, и его семейство предстают перед нами не застывшими историческими персонажами, а живыми людьми со своей собственной частной жизнью. Подобные свидетельства от лиц, не входивших в ближайший круг императорской фамилии, уникальны и позволяют взглянуть на жизнь царской семьи глазами человека, не подверженного влиянию придворных интриг и сплетен.

Колоритны и характерны те эпизоды воспоминаний Экка, в которых он вспоминает свои встречи с генералом А. А. Брусиловым, а также участие подчиненных ему подразделений в ставшем знаменитым Брусиловском прорыве. Экк предельно корректен, даже передавая оскорбительные для него слова Брусилова, тем не менее оценка действий этого военачальника Экком так или иначе прорывается сквозь максимально нейтральный и лишенный резких оценок текст. Противоречивые действия Брусилова, нередко продиктованные личными мотивами и не связанные или противоречащие военным надобностям, вносят перекликающиеся с оценками А. И. Деникина интонации в образ этого известного полководца, поднимая проблему достоверности наиболее распространенного представления о нем.

На страницах своих мемуаров генерал Экк не пытается сводить личные счеты или «рассказать всю правду» даже о людях, с которыми у него случались служебные и личные конфликты, его повествование максимально нейтрально и при ощущении глубокого личного переживания прожитого предельно дистанцировано от каких-либо резких оценок и суждений. Экк всюду корректен, всюду скромен и не пытается распространить свою собственную роль далее тех пределов компетенции, которые были ему доступны в описываемый им момент. Оценки, критика или неприятие действий того или иного лица прорываются через описание его деятельности, позволяющее читателю самому делать выводы, но только не в личностных оценках или едкой критике, исходящих от лица автора.

Огромное количество уникальных подробностей, масса зарисовок из военной жизни Российской империи, описания

встреч автора с крупными историческими фигурами и, бесспорно, живые, яркие, красочные образы дореволюционной России делают воспоминания генерала от инфантерии Эдуарда Владимировича Экка поистине блестящим историческим источником и в противоположность многим работам этого жанра являющимся по совместительству и прекрасным литературным произведением. Пронизанные насквозь беззаветной любовью к России, высоким чувством долга и ощущением своей причастности к ее истории, эти мемуары станут настоящим украшением библиотеки любого любителя истории и, несомненно, привлекут внимание не только специалистов, но и благодаря своему легкому и доступному стилю достоянием самого широкого круга читателей, могущих отдать должное человеку, всю свою жизнь положившему на алтарь служения нашей стране.

Н. Грюнберг

Глава I

10 октября 1868 года, 17 лет, я поступил юнкером в лейб-гвардии Семеновский полк¹ и был зачислен в роту Его Величества.² Требования нам предъявлялись большие. Все отделы службы должны были быть усвоены в совершенстве. Рота была великолепно подобрана, рост юнкеров так велик, что я был почти на два вершка ниже левофлангового (правда, я был ниже ростом, чем теперь, но все же около восьми вершков). В строю еще находились люди, призванные под знамена на пятнадцать лет, и именно они лучше всего относились к нам, что особенно ярко сказывалось в дни, когда нам, юнкерам, приходилось весь день проводить в роте в ожидании тревоги. В такие дни мы обедали в роте и подолгу с ними беседовали, иногда читали им вслух взамен занятий грамотой.

Моим дядькой был унтер-офицер Брун, латыш десяти с лишком вершков росту, строгий, молчаливый, прекрасный гимнаст. Учителями были Фогель и Мордвинкин, оба разжалованные за пьянство, но лучшие фронтовики в роте. В

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк – второй полк Российской императорской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

² Рота Его Величества – рота, шефом которой был сам император.

то время в царские дни³ и в дни двенадцатых праздников всем людям, помимо улучшенной пищи, полагалось от казны по чарке водки, и нам, юнкерам было особенно приятно уступать учителям наши чарки. Зная, что наша доля принадлежит им, Фогель и Мордвинкин подходили к ведру, имея в рукаве шинели по большому стакану, черпали им водку и с наслаждением пили ее маленькими глотками.

В строевой выправке, в маршировке, в фехтовании на ружьях трудно было с ними равняться, зато в гимнастике я мог тягаться с любым из них.

В мае 1868 года я сдал успешно офицерский экзамен, прошел съемки и прибыл в лагерь.

В лагере юнкера проходили полный курс строевого обучения, по очереди с прочими унтер-офицерами дежурили по роте, но в караул не заступали. Обедали в офицерской столовой, но после офицеров. Ужинали за отдельным столом, так как время ужина продолжалось от 8 до 10 часов вечера.

Однажды, будучи дежурным по роте, я уже после зори зашел поужинать и сел за наш юнкерский стол. Не успел я поесть, как подошел ко мне унтер-офицер Штамм и передал, что господа офицеры просят меня к своему столу.

Я тотчас же подошел к ним и представился. Все заговорили:

³ Царские дни – дни празднования торжественных событий из жизни царствующего дома – восшествия на престол, коронации, дней рождения, именин.

– Пожалуйте, Эрк, садитесь, мы давно хотим с вами поближе познакомиться.

Тотчас же появились бутылки «Белой головки», которую пили во всем Красносельском лагере, причем не бокалами, а обыкновенными большими стаканами.

Напрасно я их уверял, что никогда еще не пил вина, они только посмеивались и говорили, что это ничего, у нас привыкнете. Тут же пошли брудершафты. Я выдержал все семь стаканов, но, выпив последний, категорически заявил:

– Теперь я должен уйти, иначе мне будет стыдно перед Ксенофонтom Максимовичем.

Обаяние этого старого фельдфебеля было так велико, что никто не возражал, и я, простившись, вернулся в роту, сел на дерновую скамеечку и сладко задремал. Наутро чувствовал себя совершенно свежим и, как только сменился с дежурства, отправился в столовую поесть. Первый опыт оказался очень удачным и, увы, когда появлялось вино, меня уже не приходилось упрашивать.

18 июля я опять был дежурным по роте.

Часов около шести вечера к передней линейке лагеря подъехал начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн.⁴

⁴ Дрентельн Александр Романович (1820–1881) – русский военачальник и государственный деятель. В 1865 г. генерал-лейтенант, в Свите Е. И. В., командир 1-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-адъютант (1867).

С 1872 г. командующий войсками Киевского военного округа. В 1877 г. начальник военных сообщений действующей армии, затем командующий войсками действующей армии в тылу. С 1878 г. генерал от инфантерии, шеф Отдельного корпуса жандармов и

Он приказал приготовить роту и собрать юнкеров Семеновского и Преображенского⁵ полков. Таковых оказалось восемь человек.

Поставив семь юнкеров в строй на различные должности взводных и отделенных командиров, генерал-адъютант Дрентельн меня не позвал, я остался стоять на линейке.

Себе я объяснил это тем, что был дежурным по роте, но в то же время заметил крайнее смущение и как бы огорчение Ксенофонта Максимыча.

Произведя учение, генерал-адъютант Дрентельн пожурил юнкеров за недостаточно твердое знание уставов и уехал.

Ксенофонт Максимыч сейчас же все доложил ротному командиру, капитану Шмиту, который вызвал меня и просил не огорчаться, что это, вероятно, простая случайность, которая не будет иметь никаких последствий.

Тут-то я понял, что случилось что-то для меня нехорошее, и настолько огорчился, что ушел и заперся в палатке, отказавшись от ужина.

Уже после зори, когда люди улеглись спать, за мной прибежал вестовой ротного командира и объявил:

главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В том же году – член Госсовета и Особого присутствия по воинской повинности. С 1879 г. член Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи. С 1881 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа.

⁵ Лейб-гвардии Преображенский полк – старейший полк русской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

– Вас сейчас требуют.

Явившись к капитану Шмиту, я застал его веселым, на столе стояла бутылка шампанского.

– Поздравляю, читайте, – и подал мне приказ по дивизии о производстве меня в портупей-юнкеры. – А теперь садитесь, выпьем за ваше здоровье.

Звание портупей-юнкера давало право носить саблю с офицерским темляком и допускало к исполнению офицерских обязанностей.

Портупей-юнкером мне предстояло пробыть не менее четырех месяцев, так как, имея ценз лишь среднего образования, я мог быть произведен в офицеры только по отбытии года в звании нижнего чина. Но уже на следующий же день я был введен в офицерскую среду уже как полноправный ее член и, принятый как родной, быстро в ней освоился. А чем ближе сходилась, тем яснее осознавал ее высокие достоинства: сплоченность офицерского состава, близость к нам старших офицеров, их отеческие, товарищеские отношения к нам при высокой служебной требовательности. Все это навсегда оставило в моей памяти неизгладимый след, послужило руководящей нитью во всей моей строевой службе, навсегда связало меня с войсками и сделало легким главнейшее искусство военной службы – командование полком.

С глубокой благодарностью вспоминаю имена первого командира полка князя Святополк-Мирского, командира 1-го батальона флигель-адъютанта полковника Эллиса, ротного командира капитана Шмита и общего любимца полка, полковника Дубельта, которого солдаты прозвали «внутренним солдатом».

Павел Петрович Дубельт был старшим офицером в полку, еще участником Венгерской кампании 1848 года; большой барин во всем, со значимым авторитетом в вопросах внутренней жизни офицеров.

На учениях он часто смешивал старый и новый уставы, но это никогда не вызывало замешательства в строю. Так, например, в период батальонных учений полковник Дубельт, поздоровавшись с людьми, выезжал вперед и командовал: «Знаменные ряды вперед на линию, по знаменным рядам в колонну из середины стройся». И хотя в новом уставе знаменных рядов не было, роты выходили вперед и строились в колонну в образцовом порядке.

Однажды, сидя у него за чаем, я решился спросить:

– Почему вы, Павел Петрович, всегда командуете: знаменные ряды, когда знаменных рядов в уставе уже давно нет?

Павел Петрович рассмеялся и ответил:

– Ах, Экк, да вы еще не родились, когда я так командовал!

Вскоре после моего производства в офицеры, П. П. Дубельт был назначен командиром 100-го пехотного Островского полка⁶ и мы с ним вновь встретились лишь в 1901 году в г. Бендеры, где он, оставив службу по предельному возрасту, мирно доживал свой век. Ему уже

⁶ 100-й пехотный Островский полк – сформирован в 1806 г. как 24-й егерский полк. С 1864 г. – 100-й пехотный Островский полк. В 1914 г. полк входил в 25-ю пехотную дивизию 3-го армейского корпуса. Дислокация – Витебск.

было далеко за 70, но он оставался все тем же Павлом Петровичем, и встретились мы с ним так, будто никогда не расставались.

С благоговением вспоминаю своего фельдфебеля Ксенофонта Максимыча Воронкова, произведенного в фельдфебели в 1648 году и много лет состоявшего фельдфебелем роты Его Величества.

Воронков состоял в звании кандидата, то есть он выдержал офицерский экзамен, но отказался от производства в офицеры. Носил саблю с офицерским темляком, получал офицерское жалование 312 рублей в год и, как фельдфебель роты Его Величества, по 50 копеек в день Шефских денег (182 рубля 50 копеек в год). Ему была присуждена пенсия 75 рублей в год, завещанная великим князем Михаилом Павловичем⁷ для выдачи достойнейшему из фельдфебелей или вахмистров войск гвардии.

В начале семидесятых годов он начал болеть грудной жабой. Узнав об этом, один из старых командиров, барон Притвиц, прислал письмо командиру полка, в котором просил передать Воронкову, что дарит ему усадьбу с полной обстановкой и инвентарем и там все готово к немедленному переезду на жительство.

Когда командир полка объявил об этом Воронкову, тот просил передать барону Притвицу: благодарю, мол, барона

⁷ Михаил Павлович (1798–1849) – четвертый сын императора Павла I. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части. С 1831 г. главный начальник всех сухопутных кадетских и Пажеского корпусов. В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. командовал гвардией.

от всей души и по гроб жизни буду за него Бога молить, но переехать в усадьбу не могу, так как, если перестану видеть государя, я все равно умру. Так и остался в полку.

Даже когда недуг настолько усилился, что Воронков всю неделю лежал, в воскресенье он вставал, одевался и шел к часу дня к Зимнему дворцу на собственный Его Величества подъезд. Когда государь, выйдя на подъезд, здоровался с ним, Воронков, ответив: «Здравия желаю, Ваше Императорское Величество», возвращался в казарму и приваливался до следующего воскресенья. Так и скончался в полку. Тело его проводили в последний путь все офицеры с командиром полка во главе.

Другим ветераном в полку был знаменщик 2-го батальона Родионыч, срока службы 1828 года, кавалер Знака отличия Военного ордена I V, III и II степеней.

При возвращении с больших маневров в 1871 году при подъеме на гору от Красного Села к лагерю, старик, притомившись, несколько отстал. Командир полка, построив полк для отнosa знамен, скомандовал «оправиться» и только когда Родионыч вернулся на свое место, раздалась команда: «Полк смирно, под знамена, слушай, на-караул».

Вечером, отобедав, мы по обыкновению собрались на дерновом валике и, как тогда всегда бывало, попивая вино, вели оживленные разговоры, разбирали разные эпизоды маневра и все были в отличном настроении, к командиру 7-й роты подошел денщик и доложил, что Родионыч очень желает его видеть.

Позвав Родионыча, мы поднесли ему стакан вина и выпили за его здоровье. Старик поблагодарил, но даже не

улыбнулся и, обращаясь к своему ротному командиру, проговорил:

– Вы думаете, Ваше высокоблагородие, я не понял, что командир полка скомандовал оправиться только для того, чтобы спасти меня, старого дурака, от сраму, что не смог со знаменем вовремя стать на свое место. Второй раз этого не будет, и я прошу вашего ходатайства о зачислении меня в роту дворцовых гренадер.

И как мы ни упрашивали, старик остался при своем.

Ходатайство Родионыча было уважено, и его зачислили в роту дворцовых гренадер.⁸

Прошло с полгода. На Пасху пришел Родионыч похристоваться со своим ротным командиром и опять взмолился:

– Явите Божескую милость, помогите мне вернуться в полк, сил моих нет. Я не привык быть в богадельне, а там, помилуйте, назначают тебя дежурным к знаменам и тут же на ночь стелют постель, а наместники гренадер, стоявший на часах у Александровской колонны, разговаривал с прохожим, а ему за это лишь только выговорил старый прапорщик. Очень прошу, помогите вернуться в полк.

И это ходатайство Родионыча было уважено. Он был вновь зачислен в полк, но выходил в строй со знаменем

⁸ Рота дворцовых гренадер – особая почетная часть русской гвардии. Сформирована в 1827 г. из гвардейских солдат-ветеранов, отличившихся и награжденных в эпоху Наполеоновских войн. Все чины роты назначались в нее лично императором. За свои расшитые мундиры получила неофициальное название «Золотая рота». В боевых действиях никогда не участвовала. Расформирована в 1921 г.

только в день полкового праздника, на водосвятие 6 января и в дни высочайших парадов.⁹ Тоже умер в полку.

Третьим ветераном при полку был наш полковой разносчик Марка, состоявший при полку с 1828 года, помнивший, как в том же году барон Бистром поступил юнкером в полк. (Барон Бистром прослужил в полку непрерывно, с производством в офицеры, до назначения генерал-адъютантом и командовал полком.)

С первого дня вступления полка в лагерь в офицерской столовой в обеденный час появлялся Марка со своим лотком, на котором были ягоды, фрукты, пастила, конфеты и другие сласти.

Когда же полк выходил на учение на военное поле или выступал на маневры, Марка с лотком на голове шел неотлучно при полку и тогда у него преимущественно была провизия: пирожки, холодное мясо, телятина, язык, хлеб, масло, сыр и славившаяся собственного его изготовления водка «листовка», настоящая на листьях черной смородины.

Какие бы ни были тяжелые переходы или маневренные действия, при первом же привале Марка раскрывал свой лоток, и желавшие могли закусывать по своему вкусу.

Последние годы с ним выходили два сына, но при очень больших и тяжелых переходах сыновья иногда не выдерживали и отставали в пути. Один старик всегда был тут как тут.

⁹ Высочайший парад – парад, проводившийся в присутствии высочайших особ – членов императорской или королевской семьи, а также равных им гостей из иностранных владетельных домов.

Особенно ценился он, когда, посланный в штаб отряда за приказанием и задержанный там до глубокой ночи, часто не успев пообедать, вернешься, когда столовая давно уже уложена и все спят. Есть хочется до тошноты и вдруг появляется Марка со словами: «А я вам приберег закуску» и поставит у палатки «листовку», хлеб, мясо или что-нибудь из закусок.

Марка был крестьянином Тверской губернии, давно уже являлся богатым человеком, обладал капиталом в несколько сот тысяч рублей, вел по весне крупную торговлю молодыми деревьями у Семеновского моста. Но он так сжился с полком, что, как только мы выступали, Марка оставлял все прочие дела, шел с полком и оставался с нами до окончания больших маневров.

Был еще один старик, Сапожок, который постоянно вращался около офицеров 1-й Гвардейской дивизии. Жил тем, что выменивал у офицеров старые погоны и галунные портупей на новые, по расчету за новую пару погон или новую галунную портупею – по 5 пар старых погон или 5 старых галунных портупей.

Сколько лет прожил так Сапожок при полках 1-й Гвардейской дивизии, никто точно не знал, но, например, один из моих дядей, которому в 1870 году было уже за 60 лет, отлично помнил Сапожка и, увидав старика у меня, сразу его узнал и очень ему обрадовался.

6 ноября 1868 года состоялось мое производство в офицеры. Я был произведен в прапорщики тринадцатым, сверх комплекта и лишь на третьем году офицерской службы попал в комплект полка.

Жалованье младшего офицера тогда составляло 312 рублей в год, которые выдавались по третям – 104 рубля в треть. В 1870 году последовало первое увеличение офицерского содержания в форме полугодового оклада, то есть 156 рублей, которые выдавались единовременно перед Пасхой.

6 ноября я был произведен в офицеры, а 15-го была отпразднована серебряная свадьба моих родителей.

Отмечаю здесь этот день, потому что он послужил как бы поворотной точкой в жизни нашей семьи.

Мы жили очень патриархально, никуда не выезжали, кроме дней семейных праздников в семьях дядей и другой родни. В своем внутреннем миру мы были поглощены учением, так как нам предъявлялись очень большие требования.

Вспоминая, как мы целые дни проводили за книгой или за писанием сочинений, кроме полутора-двухчасовой прогулки или катания на коньках, даже летом занимаясь по утрам, странно бывало слышать постоянные сетования на переутомление детей от учения.

Правда, к девяти часам вечера мы все уже были в постели и спали зимой до семи, а летом до шести часов.

Когда же подросли сестры, круг знакомых стал расширяться, установились танцевальные вечера, на которые с осени 1868 года я смог уже приглашать моих полковых товарищей.

Так прожили мы до конца 1868 года, совершенно не замечая того, что творилось вне нашего дома, почти не зная внешнего мира. Даже хроническая болезнь моей матери,

продолжавшаяся много лет, стала как бы нормальным явлением.

Никто из близких в это время не умирал.

Среди такого замкнутого круга нашей семейной жизни особенно ярко вспоминается весна 1862 года.

У отца была дача в 14 верстах от Петербурга на Парголовском озере, на которую мы переезжали возможно раньше, обыкновенно в конце апреля, и оставались на ней до октября, купаясь с самого дня переезда по день отъезда в город. В октябре температура воды в озере понижалась до 6 градусов.

В 1862 году ввиду обострившейся болезни матери нас, четырех младших (вторую сестру и трех братьев), отправили на дачу с нашей воспитательницей мадемуазель Лалле, отец же и старшая сестра остались с матерью в городе.

В тот год в Петербурге и во многих других городах возникали ежедневные пожары, охватывавшие целые улицы. Выгорало по несколько десятков, сотен домов, шли постоянные поджоги.

Особенно сильный пожар был в Духов день. Во время ежегодного в этот день гуляния в Летнем саду – смотрин купеческих невест – подожгли гостиный двор, толкучий рынок, а по ту сторону Фонтанки у Чернышова моста лесные склады Громова и весь Жербаков переулок.

От запылавших складов, досок, бревен, дров получился такой каленый жар, что загорелось здание Министерства внутренних дел, по воздуху летали горящие головни (целые балки), толстые папки с делами, на воде горели садки.

Наша квартира находилась в Театральном переулке, окна большой гостиной и нашей классной комнаты выходили на Чернышевскую площадь против самого Министерства внутренних дел. Жар был так силен, что люди все время поливали водою стекла балконной двери и окна.

Мы с Лалле все время стояли на Парголовской горе, откуда город казался охваченным одним огненным кольцом и, наконец, не утерпев, переглянулись со старшим братом, побежали домой, сели верхом и тайком уехали в город, куда прибыли около девяти часов вечера. Родители сделали вид, что сердятся на нас, но мы по тому, как нас поцеловала мать, по лицу отца, по тону его вопросов, зачем приехали, понимали, что они в душе одобряют нас.

К вечеру следующего дня пожар начал затихать, склады дерева, деревянные дома Щербакова переулке, толкучий рынок выгорели дотла. Гостиный двор частью уцелел. Удалось при помощи впервые примененной паровой машины отстоять нижние этажи Министерства. Уцелела и наша квартира.

Когда мы с братом под вечер пошли по направлению к Александрийскому театру, то увидели следующую картину: с Невского на Театральную площадь, мимо здания Публичной библиотеки свернул государь Александр II. Он ехал один, верхом, шагом, окруженный сплошной толпой народа, которая теснилась к нему, крестила его, целовала его руки, ноги, даже лошадь. Государь ехал на пожарище грустный, слезы временами капали из глаз.

Всего лишь год с небольшим тому назад, государь, освободивший десятки миллионов людей от крепостной зависимости, наделивший их землей, сделавший это одним

росчерком пера (чему нет другого примера в мировой истории) видел кругом себя растущие злодеяния и не мог не скорбеть душою.

Виденная нами картина, обожание толпы не поддаются никакому описанию. Но она так и стоит у меня перед глазами.

Когда мы рассказали матери все виденное нами, она крепко поцеловала нас и сказала:

– А теперь поезжайте обратно, успокойте бедную Лалле, хотя ей уже сообщили, где вы.

Возвращаясь к празднованию серебряной свадьбы: это было наше последнее торжество, 12 марта 1870 года внезапно скончалась мать.

В мае женился старший брат, двадцатилетний студент 5-го курса Медико-хирургической академии.

Ранней осенью жившая у нас с отбытия в Париж мадемуазель Лалле, англичанка мисс Эллен, заболела черной оспой и, проболев неделю, скончалась на руках моих сестер, не допустивших ее отправки в больницу.

Весной 1871 года вторично женился мой отец, на княжне Трубецкой, а вслед затем вышли замуж старшая сестра за барона Таубе, вторая сестра за Зубова, и они переехали на жительство в Псков.

В октябре 1872 года старшая сестра, отличавшаяся всегда крепким здоровьем, неожиданно скончалась от неблагоприятных родов.

Недолголетен оказался и второй брак отца. Хотя они совершенно подходили друг другу по возрасту и в 1873 году у них благополучно родилась здоровая, крепкая дочь, отец с

весны 1874 года стал недомогать. Объяснили это переутомлением от постоянной напряженной работы, и в начале лета того же года они уехали на продолжительный отдых за границу. Мы сначала переписывались, но затем, с середины лета, письма от него прекратились. Осенью отец и мачеха неожиданно вернулись и поселились на даче. Отец стал постепенно утрачивать дар речи, обнаружились признаки прогрессивного паралича. Проболев несколько месяцев, он скончался 22 января 1875 года, не дожив одного месяца до 56 лет.

Владимира Егоровича знала не только Медико-хирургическая академия, где он был тридцать пять лет профессором и ведал клиникой по внутренним болезням, но знал и любил весь Петербург, богатый и бедный, как врача, никогда никому не отказавшего в помощи, всегда ехавшего к больному по первому зову, будь то днем или ночью, смелого в лечении и никогда не останавливавшегося ни перед какой ответственностью, если дело шло о спасении жизни.

Изменилось наше материальное положение, и в дальнейшем мы были предоставлены сами себе.

Так решительно поступила жизнь, разрушив наше гнездо и поставив нас перед своей действительностью.

Но возвращаясь к первым дням моего производства в офицеры.

В чине прапорщика я пробыл около шести лет. Вообще, пока существовало производство по полкам, в Семеновском же полку производства почти не было, и мы, семеновцы, в отношении продвижения в чинах намного отставали от своих сверстников других полков 1-й Гвардейской дивизии,

но нам так хорошо жилось, что никто на это не сетовал и не расставался с родным полком.

Служба младших офицеров состояла:

а) в ответственном обучении своих взводов по всем отделам одиночного обучения и стрелкового дела;

б) в обучении грамотности и по уставам внутренней и гарнизонной служб;

в) в несении нарядов помощника дежурного по полку, в караулах и дежурными по военным госпиталям, кроме того, каждый младший офицер ежемесячно наблюдал за приготовлением пищи.

В то время каждая рота самостоятельно вела полное хозяйство, то есть не только варила обед и ужин, но пекла хлеб и варила квас. Государева рота славилась своим хлебом и кашей. Каша ставилась в чугунах в глубь хлебной печи и там парилась во все время выпечки хлеба, делаясь особенно мягкой и рассыпчатой. Масло в кашу выдавалось чухонское, по расчету 3 фунта на 100 человек.

Помню, как я, пробуя впервые пищу, увидав в котле какую-то, как мне показалось, грязную накипь, попрекнул кашевара и хотел приказать ее снять.

К счастью, за мной стоял Ксенофонт Максимыч, который шепнул:

– Ваше Высокоблагородие, ведь это вы велите навар снять.

Когда мы вышли с кухни, объяснил мне, что такое навар. Я был очень смущен, а когда рассказал об этом дома за обедом, сестры подняли меня на смех.

Чайного довольствия не было совсем. В казармы допускались сбитенщики, у которых желающие могли покупать сбитень по полкопейки за кружку. В лагерное время кроме сбитня единственным лакомством для солдат были оладьи, продававшиеся с лотка. За копейку солдат имел право взять одну оладью и обмакнуть ее в постное масло, кувшин с которым висел у лотка.

Посты соблюдались полностью до 1872 года, когда по настоянию врачей для улучшения питания людей постную пищу приказано было варить лишь на первой, четвертой и седьмой неделях поста и в дни говения.

Приверженность к постам среди людей была так велика, что когда впервые на второй неделе сварили скоромную пищу, только один солдат во всем полку поел ее, остальные до нее не дотронулись и предпочитали оставаться на одном хлебе.

Офицерских собраний еще не было, но мы часто сходились по вечерам либо в дежурной комнате и бильярдной при ней, либо на квартире полкового адъютанта, штабс-капитана Ковалевского, а потом штабс-капитана Викулина, обменивались впечатлениями и беседовали до глубокой ночи. Об усталости никто никогда не упоминал.

Только когда приезжал отставной семеновец Бакунин, беседы переходили все пределы, так как Бакунин ни за что не ложился спать ранее пяти часов утра и любил начинать ужинать после двух часов ночи.

Однажды было решено отучить его от столь поздних «посиделок», и когда Бакунин появился во втором часу ночи, по обыкновению потребовав ужинать, ему заявили, что, к сожалению, ничего нет. Он не поверил, отправился

обыскивать все шкапы, но ничего не нашел. Сперва было рассердился, но потом расхохотался:

– Это свинство, господа, предательство. Вы это нарочно против меня сделали. Посидел недолго и уехал.

Через день, когда мы стали уже расходиться, вдруг появился Бакунин и торжествующе заявил:

– Второй раз не надуете, прошу всех остаться, а ты (обращаясь к денщику) принеси с извозчика корзину и мы отлично поужинаем.

Пришлось с ним примириться.

Наезжали и другие старые семеновцы, среди них неугомонный Назимов. Этот не довольствовался беседой в излюбленной квартире, настаивал на поездку к Дюссо или Делуту (известный тогда ресторан), или в «Самарканд» к цыганам, где и давал волю своей широкой натуре.

Еще живо сохранялось воспоминание о последней его выходке, после которой, в сущности, ему и пришлось оставить полк.

Уехавши на воскресенье в город, Назимов к понедельнику в лагерь не вернулся, полку же предстоял высочайший смотр стрельбы. Командир полка граф П. А. Шувалов, зная повадку Назимова, командовавшего четвертой ротой, приказал полковому адъютанту Ковалевскому разыскать Назимова и во что бы то ни стало водворить его в лагерь.

Штабс-капитан Ковалевский с одним из ближайших друзей Назимова тотчас же выехали в Петербург, оттуда в Новую деревню на Минеральные воды Излера, где и застали Назимова в обществе знаменитой тогда шансонетной певицы Матильды, в которую он был без памяти влюблен.

Когда за ужином стали настаивать на его немедленном возвращении в лагерь, Назимов объявил, что никуда от Матильды не уедет.

Пришлось прибегнуть к ее помощи, и она действительно уговорила его обещанием проводить до самого лагеря.

Назимов сдался, но потребовал, чтобы в честь Матильды была подана от Сабаева четверка серых с лентами в гривах.

И эта его фантазия была исполнена. Решимость Матильды проводить Назимова являлась настоящим самоотвержением с ее стороны, потому что ей пришлось одной ехать обратно на той же четверке, ибо в то время в лагерь гости допускались только в определенные дни, раз в неделю (у нас по четвергам).

В офицерскую столовую можно было вводить только офицеров других частей, все же остальные гости, даже семьи своих офицеров принимались или в бараке пригласившего, или в беседках в саду при офицерской столовой.

Особенно торжественным днем, настоящим военным праздником являлся день высочайшего объезда лагеря, заканчивавшийся зорей с церемонией при царской Ставке на левом фланге нашего полка.

При объезде войска стояли на передней линейке своих лагерей без оружия. Всюду раздавалась музыка и песни, а при появлении державного вождя, после ответа на приветствие, раздавалось громовое «Ура».

Государыня императрица, великая княжна и великие княгини следовали вдоль линии лагеря в парадных экипажах la Daumond, государь император на коне в сопровождении великих князей, дежурства, свиты и начальствующих лиц.

Зорю играли все хоры музыкантов и барабанщики (свыше 500 человек) под управлением Вурма. Молитву «Отче Наш» читал полковой барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка.

В лагерное время все занятия и смотры производились в походной форме и только один раз, на параде в присутствии государыни императрицы Марии Александровны,¹⁰ войска выводилась на парад в летней парадной форме (мундир с эполетами и лацканами, в пехоте белые шаровары навыпуск).

По прохождении всех войск церемониальным маршем император Александр II сам принимал командование и, построив войска в общую резервную колонну, проводил их перед государыней императрицей, салютуя Ее Величеству. Все шли в ногу. Музыканты на ходу играли колонный марш, следуя при своих частях, получалось величественное зрелище.

В одну из вечерних бесед мы договорились о том, что наша полковая библиотека, насчитывавшая уже тогда свыше 4000 томов и постоянно пополняемая, далеко не в должном порядке, и что необходимо составить систематический каталог по отделам.

Сейчас же заявили шестеро желающих взяться за эту работу.

¹⁰ Великая княжна Мария Александровна (1853–1920) – дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны. С 1874 г. замужем за принцем Альфредом герцогом Эдинбургским. С 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская, сохранила титул герцогини Эдинбургской.

Собирались по вечерам, работали усердно до глубокой ночи и составили каталог.

Не обошлось и тут без веселых ужинов.

Когда засиживались очень долго, один из нас, по очереди, отправлялся в Милютины лавки, покупал холодной еды и на обратном пути, в Троицком переулке, стучался в форточку булочной Филиппова и приобретал горячие булки.

Всю зиму каждое воскресенье полк, заступавший в караул по первому отделению, сдавал в Михайловском манеже в высочайшем присутствии развод с церемонией.

Часть, сдающая развод, строилась по одному фасу манежа, против нее, по другому фасу – офицеры всех полков Петербургского гарнизона с командирами полков во главе.

По команде «господа обер- и унтер-офицеры на середину марш!» государь обыкновенно добавлял «господам офицерам являться».

По этой команде каждый из офицеров, заступавший в караул, держа саблю «под высь», подходил к Его Величеству и, опустив саблю, рапортовал:

«Ваше Императорское Величество, такой-то караул наряжен».

Кажется просто, а между тем хорошо явиться было очень трудно. Волнение, которое мы испытывали, подходя к государю, и сотни глаз, следившие за каждым жестом являющихся, вызывали особенное напряжение. Зато, когда все бывало сойдет хорошо и по окончании развода услышишь от государя: «Спасибо, семеновцы, за блестящий развод», появлялось чувство какого-то особенного удовлетворения.

Среди ровного течения мирной жизни три события в течение 1872 года внесли большое оживление во внутреннюю жизнь полка.

В Вербное Воскресение сдавал развод 1-й батальон Семеновского полка. Когда по прибытии «сбора» вышли вперед обер- и унтер-офицеры, вместо обычных слов «господам офицерам являться», государь, подозревая наследника, повелел взять «на караул» и громко произнес:

– Поздравляю вас с новым начальником дивизии.

Долго несмолкаемое «Ура!» было ответом на эти слова.

Когда Его Величество отбыл из Манежа, старый начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн подошел к нам и сказал:

– Встаньте, господа, кругом, сейчас наследник цесаревич придет благодарить вас от имени государя за действительно блестящий развод.

Долго не шел наследник. Наконец решился, стал подходить быстрыми шагами и вошел в круг, покраснел до того, что весь затылок побагровел.

Постояв несколько мгновений, цесаревич обратился к генерал-адъютанту Дрентельну:

– Не могу, Александр Романович, скажите вы им, – и быстро удалился.

Генерал-адъютант Дрентельн улыбнулся и сказал:

– А между тем государь император дал Его Императорскому Высочеству самое приятное поручение поблагодарить вас за блестящий развод и за то, как вы отлично все щегольски, строго являлись, по форме одеты.

На Фоминой неделе прибыл в Петербург старый германский император Вильгельм¹¹ благодарить государя императора за пожалование в его лице германской армии ордена Св. великомученика и победоносца Георгия I степени и назначения его шефом 13-го драгунского Военного ордена полка.¹²

По случаю этого приезда состоялись торжества: после парадного обеда зоря с церемонией на Дворцовой площадке и парад войскам на Царицыном Лугу.

Весна стояла холодная. Царицын Луг еще был замерзший. Градоначальник генерал-адъютант Трепа¹³ решил во чтобы-то ни стало осушать луг. С этой целью за день до парада весь луг был уложен кубами дров на одну сажень друг от друга и зажжен. Но результат от такой топки получился обратный. Луг глубоко растопило и получилась вязкая грязь.

¹¹ Вильгельм I (1797–1888) – германский император (с 1871), сын прусского короля Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Штрелицкой. Регент (1857), король Пруссии (1861).

¹² 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк сформирован в 1709 г. как Драгунский гренадерский полковника фон дер Роппа полк. С 1864 г. – 13-й драгунский Военного ордена полк. С 1882 г. имел номер 37, с 1907 г. – 13. В 1914 г. входил в 1-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии 14-го армейского корпуса. Дислокация – г. Гарволин Варшавской губернии.

¹³ Имеется в виду Федор Федорович Трепов (1808 или 1812–1889) – русский государственный и военный деятель. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, затем санкт-петербургский обер-полицмейстер (1866–1873) и градоначальник (1873–1878).

Пока проходила пехота, было тяжело только нам. Когда же пошла артиллерия, а за нею кавалерия и государь стал подавать сигналы «рысь и карьер», то грязь взлетала стеной к стороне императоров.

Также состоялись смотр батальона лейб-гвардии Семеновского полка с числом рядов по военному времени, на котором был подробно показан новый только что высочайше утвержденный устав – «действия в сомкнутом и в рассыпном строях», все действия в рассыпном строю были проведены со стрельбой холостыми патронами; и смотр 13-го драгунского Военного ордена полка, нарочно вызванного из Ковно для приветствия шефа.

В этом же году исполнилось 200 лет со дня рождения Петра Великого.

Ко дню парада в Петербург был доставлен ботик собственноручной работы Петра и торжественно провезен перед фронтом войск.

Почетными парными часовыми к ботику были назначены унтер-офицеры от полков Петровской бригады (лейб-гвардии Преображенского и Семеновского). Часовые стояли у ботика в парадной форме времен Петра. Мы выбрали четыре пары одна красивее другой настолько, что старые генералы приезжали в полк и просили показать им часовых.

Великим днем являлся день полкового праздника, 21 ноября, Введение во храм Пресвятой Богородицы.

К празднику тщательно готовились, даже шитье новых мундиров мы, офицеры, подгоняли к этому дню и обновляли их на Церковном параде. В ротах, помимо улучшенной пищи, устраивались развлечения, допускались гости, танцы.

Накануне праздника в полковом соборе, после всенощной, служили панихиды по всем почившим Державным шефам полка, по всем семеновцам, живот свой на поле брани положившим и мирно почившим.

После панихиды все собирались на чай в дежурную комнату. Самыми дорогими гостями были старые семеновцы, посещавшие нас в этот день, и беседа с ними затягивалась на долгие часы.

Вечер целиком принадлежал нам.

В ноябре 1872 года в Петербург прибыл император Франц Иосиф,¹⁴ и государю благоугодно было назначить в честь него парад войскам на 22 ноября.

Кому-то из осторожных пришла мысль о необходимости ввиду высочайшего смотра перенести домашнее празднование полкового праздника на другой день.

Командир полка предложил спросить офицеров. Мы же и мысли не допускали о перенесении празднования на иной день и единогласно ответили:

– Праздник справлять как всегда, что касается парада, то ручаемся и за себя и за людей.

Командир улыбнулся:

– Справляйте по-семеновски, но в полночь всему конец.

Слово командира для нас было, что закон, все было точно исполнено, и на другой день на параде полк представился блестяще.

¹⁴ Франц-Иосиф I (Франц-Иосиф-Карл Габсбург-Лотарингский) (1830–1916) – император Австрии (1848) и апостольский король Венгрии (1867), сын австрийского эрцгерцога Франца.

Но раз случилась и беда: на высочайшем смотре стрельбы стрелковых батальонов и рот 2-я стрелковая рота, числившаяся первой во всем Петербургском округе, в этот раз не вошла даже в оценку.

Ротный командир капитан Савицкий, уже много лет командовавший ротой, стоял бледный, как полотно, вся рота потупилась.

Государь, выслушав доклад, проехал дальше, не сказав ни слова.

Уже все начальство уехало, другие части начали расходиться, а командир и рота все также стояли. Никто и слова не проронил.

Вдруг смотрим, полной рысью на своем Полкане едет генерал-адъютант Дрентельн:

– Чего, семеновцы, носы повесили, случайная неудача в счет не идет, какими были отличнейшими молодцами, такими и остались, с песенниками домой.

Тронулись, попробовали запеть, но не смогли.

Больше всего людей пригнетало то, что никто, ни младшие офицеры, ни ротные, ни батальонные, ни полковой командир ни единым словом не попрекнули роту.

В 1874 году была впервые введена всеобщая воинская повинность и набор произведен на основании нового закона.

Несмотря на обширные льготы по образованию, на введение института вольноопределяющихся, многие студенты не пожелали воспользоваться предоставленными им льготами, добровольно тянули жребий и отбыли повинность на общем основании.

Все зачисленные в полк студенты замечательно добросовестно относились к службе, всем служили примером и оставили по себе добрую память.

Заканчивая воспоминания о годах, проведенных в строю родного полка, не могу не отметить одного впечатления, которое испытывалось не только мною, но и большинством офицеров, сжившихся и сроднившихся с полком, с его внутренней жизнью и чутко воспринимавших все до него касавшееся.

Как ни воздавал нам за наши труды император Александр II, как ни благодарил за все смотры, за блестящее состояние полка,¹⁵ все же чувствовалось, что нет к полку того полного душевного благоволения, какое проявлялось у государя к другим полкам.

Такое же отношение к полку чувствовалось и при императорах Александре III и даже при Николае II. Причина этого явления крылась в одном событии из жизни Семеновского полка, в 1822 году, когда полк был обвинен в бунте и сразу утратил расположение императора Александра I, до того особенно любившего полк.

Вот что мне известно по поводу этого события со слов покойного генерал-лейтенанта Николая Константиновича Языкова, отец которого был офицером старого Семеновского полка, и со слов Елизаветы Борисовны Почацкой, родной

¹⁵ Речь идет о 1-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирована в 1807 г. 1-я бригада – лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки; 2-я бригада – лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. Входила в 1-й Гвардейский корпус, дислокация – Санкт-Петербург.

сестры князя Трубецкого, также офицера старого Семеновского полка.

Император Александр I особенно любил Семеновский полк, самым близким лицом к императору был тогда генерал-адъютант князь Волконский, неотлучно состоявший при государе, сопровождавший его во всех поездках по России, сам офицер и командир старого Семеновского полка.

В первые годы царствования императора Александра I служба солдата была пожизненная, а затем был установлен срок в 25 лет.

Проезжая через города и села, государь был всюду встречаем населением хлебом-солью. Государь беседовал с жителями и часто, во время этих бесед, Его Величество вдруг обращался к князю Волконскому:

– Посмотри какой красавец, он как раз подойдет в такую-то роту. Запиши его в Семеновский полк.

Так постоянно полк пополнялся отборными людьми, среди которых попадали сыновья дворовых, игравшие и учившиеся вместе с господскими детьми, владевшие часто иностранными языками.

Если припомнить, что в те годы, начиная с 1805-го и заканчивая 1814-м, полк принял участие во всех европейских войнах, в избавлении Родины от нашествия Наполеона, в битве народов под Лейпцигом и во вступлении наших войск в Париж, то станет ясно, что полк, ввиду особенностей своего формирования, выделялся. Офицеры близко стояли к солдатам, вникали во все их нужды, делились с ними книгами и даже иностранными журналами, телесные наказания в полку не применялись.

Так шла жизнь полка до 1818 года.

В 1818 году император Александр Павлович во время пребывания на Эрфуртском конгрессе впервые услышал от князя Миттерниха,¹⁶ что в самой России в отношении революционных течений не вполне благополучно, и что эти течения нашли благоприятную почву в любимом государя Семеновском полку.

Пораженный этими сведениями, Александр Павлович по возвращении в Петербург поделился ими со своими братьями и по настоянию великого князя Михаила Павловича было решено подтянуть полк, для чего командиром был назначен генерал-майор Шварц, узкий фронтовик, жестокий по натуре, Шварц совершенно не понял, с каким полком имеет дело. Начались мелкие придирки, были восстановлены телесные наказания.

Один из излюбленных приемов подтягивания заключался в следующем: каждый день, в семь часов утра, в зал командирского дома должны были прибывать по одному рядовому от каждой роты, раздеться, сложить по форме вещи на расставленных табуретках и голыми ожидать появления командира полка.

Шварц входил, проверял, так ли разложены вещи, и приказывал одеваться.

Если кто-либо при этом ошибался, то Шварц, сам маленького роста, вскакивал на табуретку, надевал

¹⁶ Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) – австрийский дипломат, в 1809–1821 гг. – министр иностранных дел. Председатель на Венском конгрессе в 1815 г., один из организаторов Священного союза.

провинившемуся кивер и бил по нему до тех пор, пока кивер не спускался через лицо и уши до самой шеи.

Не лучше шло и на учениях. Особенно он придирался к государственной роте, сплошь состоявшей из Георгиевских кавалеров.

Дошло наконец до того, что в 1822 году¹⁷ на одном из строевых учений расвирепевший Шварц приказал арестовать государственную роту и отвести ее в Петропавловскую крепость.

Вот тут впервые полк не сдержался и раздались голоса:

– Государева рота нам голова, если ее арестовать, то и мы вместе с ней пойдем в крепость.

Испугавшийся Шварц поскакал к великому князю Михаилу Павловичу и доложил, что в полку вспыхнул бунт.

Великий князь поверил, доложил государю и было решено раскассировать полк.

В Петербург был приведен 9-й пехотный Новоингерманландский полк,¹⁸ переодет в семеновские мундиры, а всех

¹⁷ Автор ошибается – «бунт» произошел в конце 1820 г.

¹⁸ Автор неточен либо в номере, либо в названии полка – существовали пехотные 9-й Ингерманландский и 10-й Новоингерманландский. 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк сформирован в 1703 г. С 1864 г. – 9-й пехотный Староингерманландский полк, с 1903 г. – 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Калуга.

семеновцев раскассировали по другим полкам с таким расчетом, чтобы никуда более шести человек не попало.

Полк был переведен в молодую гвардию и вернул себе права старой гвардии лишь в 1831 году за штурм Воли.¹⁹

И вот с того времени, несмотря на все заслуги, Семеновский полк все же был в подозрении. Даже доблестное поведение полка в 1905 году не вполне загладило это отношение.

В 1875 году я поступил в Академию Генерального штаба.

В то время еще не было столь многочисленных приемов. Вступительный экзамен производился довольно строго.

В течение младшего курса и первых съемок к проходившему курс присматривались, а сортировка шла при переходных экзаменах с младшего курса на старший. Зато кто успешно их выдерживал, считался уже желательным в академии как будущий офицер Генерального штаба.

В дальнейшем ему во всем помогали, и только собственное нежелание серьезно заниматься могло повлечь неудачу на экзаменах, на темах дополнительного курса и отчислении от академии.

Расформирован в 1918 г. 10-й пехотный Новоингерманландский полк сформирован в 1790 г. как Новоингерманландский пехотный полк. С 1864 г. – 10-й пехотный Новоингерманландский полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Калуга. Расформирован в 1918 г.

¹⁹ Имеются в виду события Польского восстания 1831 г. Предместье Варшавы – укрепленный район Воля – было взято штурмом русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича 25 августа 1831 г.

Так было и с нами. На приемный экзамен явилось 85 офицеров, из них выдержали вступительный экзамен и были зачислены в академию 36, из этих 36 перешли на старший курс 24, которые успешно окончили академию (18 – по первому разряду, 6 – по второму).

Наш выпуск был последним при генерал-лейтенанте Леонтьеве, скончавшемся весной 1878 года от рака.

Генерал-лейтенант Леонтьев стоял во главе академии в 1865 года. Своим твердым руководством, необычайным тактом и умелым подбором профессоров совершенно преобразовал внутренний быт и внешний облик будущих офицеров Генерального штаба и поставил академию на такую высоту, какой она не достигала ни до него, ни после.

Мы еще застали всех лучших из старых профессоров: по прикладной тактике и стратегии генерал-лейтенанта Леера,²⁰ по военной истории генерал-майора Станкевича. по статистике иностранных государств (обзор пограничных театров войны) генерал-майора Обручева,²¹ по статистике

²⁰ Леер Генрих Антонович (1829–1904) – русский военачальник, профессор военного искусства. С 1865 г. профессор кафедры стратегии и военной истории Николаевской академии Генштаба и профессор такой же кафедры Инженерной академии. В 1889–1898 гг. начальник Николаевской академии Генштаба. Автор многих трудов по стратегии и тактике, военной истории.

²¹ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – русский военный деятель. Участник венгерской кампании 1849 г. и Крымской войны. В 1856 г. адъюнкт-профессор кафедры военной статистики, в 1857–1875 г. профессор, в 1875–1878 гг. почетный профессор (с 1893 г. – почетный член) Николаевской академии Генштаба. В 1876 г.

России генерал-лейтенанта Макшеева,²² по геодезии генерал-майоров Рехневского и Штубендорфа, по русскому языку профессора Галахова, по международному праву профессора Феоктистова. При нас же начали чтение лекций молодые профессора: по тактике пехоты полковник Гудима-Левкович, по тактике кавалерии, а затем и военной истории полковник Сухотин.²³

Пропускать лекции не приходилось не только потому, что по уставу академии посещение лекций было обязательно и приравнялось к служебным обязанностям, но такие профессора, как Леер, Обручев, Макшеев, в своих лекциях часто излагали столько нового, еще не вошедшего в руководства, что без записи лекций нельзя было с успехом выйти к экзамену.

Генерал-майоры Леер, Обручев, Станкевич читали так увлекательно, что мы заслушивались. Генрих Антонович Леер, имея в своем распоряжении время после большого перерыва (от 12.30 до 3 часов), читая прикладную тактику

главный исполнитель при разработке стратегического плана войны с Турцией 1877–1878 гг. Генерал-адъютант (1878), генерал-лейтенант (1887). В 1881–1897 гг. начальник Главного штаба. С 1893 г. член Государственного совета и почетный член Академии наук. Автор ряда капитальных трудов по военной истории и военному искусству.

²² Макшеев Алексей Иванович (1822–1892) – русский генерал. С 1854 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба. В 1866 г. генерал-майор, в 1879 г. генерал-лейтенант; с 1864 по 1891 г. член Военно-ученого комитета Главного штаба.

²³ Речь идет о работе Сухотина Н. Н. «Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг.» (СПб, 1887).

или стратегию, не только увлекал нас, но и сам так увлекался иногда, что забывал про перерыв между лекциями и заканчивал чтение далеко после трех часов.

Кроме слушания лекций, к нашим услугам были библиотека академии и богатейшая библиотека Главного штаба.

В перерывах между лекциями процветала шахматная игра, особенно вчетвером.

Так и мы четверо: Водиско, Надаров, Чичагов и я, постоянно садились за четверную партию.

Мнение, что переходный экзамен на старший курс почти наверняка предрешал успешное окончание академии, настолько установилось среди состоявших в ней офицеров, что вслед за окончанием этих экзаменов все выдержавшие их сходились на общий обед, за которыми происходило настоящее братание.

Будучи в академии, я связи с полком не порывал. Не удалось только летом 1877 года выступить в поход с родным полком. Гвардия выступила в поход в конце лета, а наш выпуск последовал лишь осенью.

Тотчас по окончании курса мы все были причислены к Генеральному штабу и отправлены на театр войны: 18 человек на европейский и шестеро на кавказский.

Я попал в штаб 9-го армейского корпуса.

Глава II

28 ноября 1877 года пала Плевна,²⁴ сдалась армия Османа-паши²⁵ и возобновилось победоносное наступление нашей армии. Войска Гурко,²⁶ перевалив в декабре Балканы, заняли Софию и, продолжая безостановочно преследовать противника, подошли к Филиппополю, в трехдневном бою с 3 по 5 января 1878 года окончательно разгромили армию Сулеймана-паши,²⁷ остатки которой разбрелись по Родопским горам.

²⁴ Всего за время осады Плевны произошло три сражения: «Первая Плевна» – 8 июля 1877 г., «Вторая Плевна» – 18 июля и «Третья Плевна» – 30 августа. Затем русские войска перешли к осаде города, и 28 ноября он пал.

²⁵ Осман Нури-паша (1832–1900) – турецкий генерал, командовал войсками при осаде и взятии Плевны 8 июля – 28 ноября 1878 г. Был вынужден капитулировать, в бою был ранен, попал в плен. За мужество император Александр II вернул пленнику саблю.

²⁶ Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) – русский военачальник, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1877 г. генерал-адъютант, кавалер ордена Св. Георгия III и II степеней. В 1879–1880 гг. временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, в 1882–1883 гг. генерал-губернатор Одессы, в 1883–1894 гг. генерал-губернатор Варшавы и командующий войсками Варшавского военного округа. С 1894 г. генерал-фельдмаршал.

²⁷ Сулейман-паша (1838–1883) – турецкий генерал. Отличался крайней жестокостью по отношению к болгарскому мирному населению и военнопленным. В 1877 г. командовал турецкими

Войска Радецкого,²⁸ спустившись с Шипки,²⁹ заставили армию Весселя-паши положить оружие.

5 января мы заняли Адрианополь, и путь на Константинополь был открыт. Продвигаясь к югу, наши войска дошли до берегов Эгейского моря и заняли Демотику и Деде-Агач. Главная же масса войск была двинута на Константинополь и Галлиполи.

В тылу было образовано Адрианопольское генерал-губернаторство. В его состав вошли все занятые нами земли к югу от Балкан. Генерал-губернатором назначен командир 9-го корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант Свечин.

Особого штата управления сформировано не было, и обязанности начальника канцелярии генерал-губернатора нес начальник штаба корпуса, а чинов канцелярии – офицеры штаба.

Работа по устройству края было огромна.

войсками во время боев на Шипкинском перевале. В 1878 г. командовал турецкой армией в сражении под Филипполем. После войны был осужден и разжалован.

²⁸ Радецкий Федор Федорович (1820–1890) – русский военачальник. В 1877 г. генерал от инфантерии, командир 6-го армейского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия III и II степеней. С 1878 г. генерал-адъютант. В 1882–1888 гг. командующий Харьковским, в 1888–1889 гг. – Киевским военными округами. С 1888 г. – член Государственного совета.

²⁹ Имеются в виду боевые действия в районе Шипкинского перевала в Болгарии в июле – декабре 1877 г.

В течение первых четырех месяцев была разобрана 31 тысяча жалоб. К счастью, удалось нанять хороших переводчиков, ибо жалобы подавались преимущественно на турецком, армянском и греческом языках.

В Адрианаполе скопилось свыше 20 тысяч мухаджиров, то есть жителей, бежавших из своих деревень и городов, побросавших все свое добро и буквально голодавших. Все это были мусульмане. Гордые турки ничего не просили, но их жены и дети с чашечками в руках робко подходили к солдатским столовым и ожидали, пока не раздадут пищу. И солдаты, обязательно ворча, выругавшись нехристями, тут же щедро наполняли их чашки щами и делились хлебом.

Дошло до того, что начальник пятой дивизии, посетив кухню, остался крайне недоволен жидкой пищей и приказал провести расследование. Оказалось, что люди столько отливали в чашки жителей, что кашевары должны были лить в котлы в полтора раза больше воды, чем полагалось при раскладке. Прочитав расследование, начальник дивизии приказал увеличить дачу мяса до полутора фунтов в день на человека и наблюдать, чтобы щедрость людей не слишком шла в ущерб их собственному питанию.

Но вскоре подошла новая беда.

С переходом войск на покой, началась реакция в натруженных организмах. Сказались последствия перехода Балкан в глубоких снегах Правацкого обхода семеновцев, во время которого три человека умерли от натуги, перехода Петровский бригады вброд по грудь через реку Марицу 4 января 1878 года и затем бивакирования на снегу, снежной выюги на Баба-горе, когда, несмотря на все принятые меры спасения, остались погребенными под снегом до восьмисот

человек и орудия, стоявшие на позиции – и других подобных подвигов.

Открылся сыпной тиф и сразу достиг таких размеров, что число имевшихся при армиях госпиталей совершенно не могло удовлетворить потребности в лечении.

Чтобы возможно лучше устроить больных, поддержать энергию медицинского персонала генерал-лейтенант Свечин сам ежедневно посещал больных и наблюдал за отводом новых помещений.

Отводились лучшие дома: в каждой комнате больные размещались, по возможности, на тюфяках, рядами – первый ряд шаг отступя от окон, по одному шагу между больными и по два шага между рядами, пока не заполнялась каждая комната.

Во время своих посещений больных генерал-лейтенант Свечин сам заразился, но, несмотря на увещание врачей, на появившуюся сыпь и временами бред, генерал оставался на ногах и продолжал руководить всем делом вплоть до вечера 18 февраля, когда наконец была получена телеграмма о подписании мира в Сан-Стефано.

Прочитав телеграмму, генерал-лейтенант Свечин позвал меня и отдал следующее приказание (привожу дословно, так как такие вещи никогда не забываются): «Вы и все офицеры штаба сейчас же садитесь верхом, объезжайте город и объявляйте всем начальникам, офицерам, солдатам и жителям, что мир подписан и врагов больше нет. А я теперь имею право лечь. Сил больше нет». Лег около девяти часов вечера и в час ночи скончался на руках моего старшего брата.

Он был торжественно погребен в Адрианополе, а затем по высочайшему повелению тело его было перевезено в Россию.

18 февраля был днем восшествия на престол государя императора Александра II. На торжественном богослужении перед молебным старший священник армии обратился к нам со словом, которое начал так:

– На востоке с давних времен существует сказание, что белый медведь восстанет на луну и будет между ними борьба великая, и белый медведь победит луну, и этот белый медведь – это вы все, господа...

Настроение в Адрианополе было беспокойное. Ходили постоянные слухи о предстоящей будто бы резне христиан, что представлялось совершенно невероятным, ибо в городе стояло пять батальонов (17-й Архангелогородский полк³⁰ и два батальона 18-го Вологодского полка³¹). Тем не менее слухи не утихали.

³⁰ 17-й пехотный Архангелогородский Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полк был создан 25 июня 1700 г. как пехотный Алексея Дедюта Архангелогородский полк.

После ряда переименований с 22 февраля 1811 г. стал называться Архангелогородским пехотным полком, а с 11 февраля 1908 г. ему было даровано шефство великого князя Владимира Александровича. В 1914 г. входил в 5-ю пехотную дивизию.

³¹ 18-й пехотный Вологодский Его Величества Карла I короля Румынского полк был сформирован 16 мая 1803 г. как Вологодский мушкетерский. После нескольких переименований 18 июля 1898 г.

Дело дошло до того, что в один из вечеров Страстной недели к генерал-губернатору прискакал верхом помощник Адрианопольского полицмейстера, поручик 12-го стрелкового батальона,³² и доложил, что вокзал атакован и захвачен, и что когда он скакал через мост предместья Карагач, шел такой ружейный огонь, какого он ни разу не слышал за весь первый Забалканский поход.

Удивленный генерал-губернатор барон Деллингсгаузен тотчас приказал вызвать по тревоге два батальона для направления к станции и поседлать состоявшую при штабе сотню 34-го Донского казачьего полка.³³ Но прежде чем батальоны успели выступить, с вокзала прибыл урядник с запиской от генерал-лейтенанта Горшкова, проведенного перед тем весь день у генерал-губернатора:

– Успокойтесь, дорогой барон, к вам поскакал какой-то сумасшедший болван. Здесь произошла глупая паника, я всех обругал и сейчас все спокойно.

уже как 18-й пехотный Вологодский полк получил шефство короля Румынии. В 1914 г. находился в 5-й пехотной дивизии.

³² 12-й стрелковый батальон был создан 7 января 1834 г. как Гренадерский стрелковый, переименованный 28 декабря 1847 г. в Резервный стрелковый батальон. 6 декабря 1856 г. был назван 12-м армейским стрелковым батальоном, 31 декабря 1888 г. переформирован в двухбатальонный 12-й стрелковый полк (входил в 3-ю стрелковую бригаду, позднее дивизию).

³³ 34-й Донской казачий полк был создан в качестве второочередного 23 марта 1888 г.

Было произведено тщательное расследование, которое, однако, выяснило лишь одно: действительно произошла паника, но кем и чем вызванная – установить не удалось.

Часовой караул на одном из фортвов показал, что к форту подходила группа людей, которая на его трижды повторенный окрик «стой, кто идет», не остановилась. Тогда он выстрелил. В ответ на его выстрел последовал залп со стороны подходивших людей, которые затем разбежались.

На самой же станции, где происходила посадка больных и раненых в санитарный поезд, вдруг поднялась суета, все, кто только мог, бросились в вагоны и поезд самовольно отошел, но потом вернулся.

Так и пришлось это дело предать забвению. Только поручик был отчислен от должности помощника полицеймейстера и отправлен в батальон.

В эту же пору генерал-губернатору стали поступать донесения об отходе наших войск от Демотики, о восстании жителей в Родопских горах и, наконец, о переходе наших войск на левый берег реки Арды, причем о потерях никто не доносил.

Тогда барон Деллингсгаузен поручил мне объехать край и донести, что там действительно происходит.

Прибыв в Мустафу-Пашу, в район 9-го уланского Бугского полка,³⁴ я предъявил командиру полка свои

³⁴ 9-й уланский Бугский полк имел непростую историю. Только 28 ноября 1857 г. он получил наименование Бугского уланского генерала от кавалерии Сиверса полка, а затем 22 июня 1912 г. стал 9-м уланским Бугским.

документы, взял в конвой взвод улан и выступил в долину реки Арды к Родопским горам.

Глазам нашим представилась следующая картина: наибогатейший край был совершенно брошен – жители, зарезав скот, ушли в горы, и в течение двух дней мы не встретили ни одной живой души и не могли ничего достать поесть. Люди довольствовались сухарями, а командир взвода и я бисквитами Альбера, коробки коих по счастью оказалась у меня во व्यюке.

На третий день мы достигли района 30-го Донского казачьего полка.³⁵

Полк уже много дней стоял, не расседывая лошадей, в ожидании внезапного нападения. Но на чем были основаны подобные опасения, командующий полком, войсковой старшина Грузинов, ясно объяснить не мог.

Кругом царило такое же разорение и полное отсутствие жителей.

Отпустив улан, я остался при 30-м Донском полку с тем, чтобы на утро продолжать объезд. Вместо конвоя полковой старшина Грузинов пожелал сам выступить со мною с двумя сотнями.

При дальнейшем продвижении картина представилась та же – жители бежали, но богатейшие села были менее разорены. Походя к деревне Пепсолан, мы были встречены ружейными выстрелами, по горам, по обе стороны дороги виднелись группы людей, некоторые из них в турецких

³⁵ 30-й Донской казачий полк сформирован как второочередной 23 марта 1888 г.

мундирах, и хотя людей было едва видно глазом, пули свистели высоко над головами, и пришлось сделать вывод о том, что перед нами мелкие остатки разбежавшейся армии Сулеймана-паши.

Одна из сотен была спешена, рассыпана в цепь и, открыв огонь, быстро начала наступать.

После первых же наших выстрелов, люди на высотах разбежались и исчезли бесследно, мы прошли ущелье без всяких потерь и в следующей деревне стали на ночлег.

Пока войсковой старшина Грузинов отдавал свои распоряжения, я написал донесение начальнику штаба корпуса так, как здесь изложено это столкновение, и в конце добавил – потерь никаких.

Вошел войсковой старшина Грузинов. Я прочел ему свое донесение.

– Помилуйте, да разве так можно? Ведь подумают, что ничего не было.

– Да ведь и на самом деле так ничего не было, – ответил я.

– Все же надо расписать, что казаки, под огнем противника наступали с беззаветной храбростью...

Он был очень огорчен, когда я предложил ему послать отдельное донесение, а мое пойдет такое как есть.

К моему великому удивлению на обед подали борщ с курицей. Где они ухитрились ее достать – это их секрет.

К вечеру этого дня удалось, наконец, задержать одного турка – местного жителя, который, успокоенный обещанием, что после показания он будет сейчас же отпущен, рассказал следующее:

– Когда пришли войска, все стали брать и платили за все, а потом стали брать без денег, а если мы не давали, грозили нагайкой, забрали даже то, что у нас было зарыто на семена. Тогда мы бежали в горы.

Я его действительно отпустил и поручил передать всем, чтобы возвращались в свои дома, их никто больше не тронет и, если они честно покажут свои убытки, то таковые им будут уплачены.

По возвращении в Адрианополь я представил подробный доклад, в котором указал, что необходимо запретить дальнейшие боевые действия, успокоить население, уплатив ему за насильно забранное у него, и тогда жители вернутся в свои села и восстание само собой затихнет.

Генерал-губернатор одобрил доклад. 9-й уланский Бугский и 30-й Донской казачий полки были выведены из этого района, а на их место, в район Родопских гор, был двинут отдельный отряд из двух батальонов пехоты и 9-го драгунского Казанского полка³⁶ под начальством полковника Тимирязева. Я был назначен в его распоряжение и нес обязанности начальника штаба отряда.

Штаб отряда и два эскадрона были расквартированы в селении Инджекией, остальные эскадроны и роты по соседним деревням.

³⁶ 9-й драгунский Казанский Его Императорского Высочества великой княжны Марии Николаевны полк был создан 15 июня 1701 г. как Драгунский полковника Зыбина полк. После многочисленных переименований и переформирований 14 июля 1912 г. полк получил свои окончательные название и шефство.

Замирение края пошло чрезвычайно быстро, жители тотчас же вернулись по своим селам и зажили нормальной жизнью. Красота и богатство края поражало. Большинство сел со смешанным населением были расположены по обоим берегам многочисленных речек – по одному берегу турецкое, по другому – болгарское.

Взаимные отношения жителей были самые близкие, честность и доверие полное. Когда за время войны приходилось бежать, болгарам они все свое достояние до денег включительно несли и отдавали туркам. Когда же наступал черед бежать туркам – они с такой же верой сдавали все болгарам. Каковым было богатство края, могут свидетельствовать следующие факты: когда мы стали устраивать хлебопечение, жители села Инджекией предложили поставлять хлеб в готовом виде.

Когда им на это сказали, что ведь на два эскадрона и на штаб нам потребуется по 300 ок (око – 3 фунта) хлеба в день, они ответили: «Так что же, триста ок и будем поставлять». И село в сто десять дворов, дважды ограбленное, исправно поставляло это количество хлеба в течение двух месяцев.

Труднее было со скотом. На предложение продать скот жители уверяли, что у них нет скота, что часть его погибла, другая была захвачена войсками. Когда же им было объявлено, что мы все равно должны взять скот по реквизиции, с платой за него по установленной главнокомандующим таксе, то они взмолились: «Только не берите у тех, у кого меньше пяти голов». Таких хозяев в огромном селе Курашлы (260 дворов) оказалось всего шесть.

Когда жители окончательно привыкли к нам, то объяснили, что весь скот и другое ценное достояние были ими припрятаны в горах.

Стояли совершенно спокойно, и только раз случилась тревога в роте, стоявшей в селе Кадыкией в четырех верстах от штаба. Ночью мы были разбужены ружейной перестрелкой, которая все усиливалась, мы тотчас выехали в Кадыкией.

Но когда подъезжали, в деревне огонь затих и ротный командир доложил, что первые выстрелы были сделаны часовыми. Моментально из домов стали выбегать люди и в черной тьме стреляли куда попало. С трудом удалось их собрать на горке за деревней и водворить порядок. По счастью, никто не был даже ранен, несмотря на то, что перестрелка продолжалась минут 20. Рота была строго наказана, командир смещен.

Пока все это разобрали, рассвело, и я решил проехать на стоявший в пяти верстах к югу в деревне Кавак-Махалесси драгунский пост.

Старший на посту подошел с рапортом и доложил: на посту несчастье. Едва стало светать, как часовой заметил, что в кустах на расстоянии дальнего ружейного выстрела проезжала группа всадников (человек пятнадцать). По знаку часового к нему подошел взводный вахмистр. В это время всадники на ходу дали залп по часовому. Часовой был убит, подошедшей к нему взводный тяжело ранен в живот.

Недаром говорят – от судьбы не уйдешь. Там, в Кедакские, целая рота, метаясь в темноте по селу, стреляла куда попало и никто даже не был задет. А тут по посту дали залп на ходу, с предельного может быть расстояния, и оба находящиеся на

посту были убиты (взводный вахмистр к вечеру того же дня скончался).

Условия жизни были нелегкие: жили мы тесно, спали на полу, так как походных кроватей не было, огонь разводили тут же на земляном полу, дым уходил в большую дыру в крыше, потолка не было.

Но красота кругом и наступившая весна все скрашивали. Да и в пище и табаке недостатка не было, притом дешевизна была необычайная, например за пару цыплят брали шесть галаган, это наш двугривенный.

Помню, как мы раз сидели на завалинке и беседовали с нашим хозяином. Полковой адъютант князь Шаховской скрутил папиросу из отличного табаку Книдже, за око которого в Адрианополе он заплатил три лиры и предложил хозяину. Тот раза два затянулся, сказал: «хорошо, но подожди», побежал в хату и вернулся с пачкой табачных листьев в руке, доской и коротким широким ножом, крепко сдавил листья в ладони левой руки, нарезал их тонкими слоями, скрутил папиросу и, подавая ее Шаховскому, сказал: «Спии теи». И, несмотря на грубость резки, Шаховской признался, что этот табак еще лучше его Книдже.

В одной из разведок мой конь, англо-донец, отличавшийся своей смелостью и выносливостью, при поисках в сплошном дубняке порезал ногу настолько сильно, что с большим трудом удалось довести его до нашей деревни. При обследовании выявился разрез до кости у самого венчика. Ветеринар признал лошадь пропавшей, что меня глубоко огорчило, тем более что у меня кроме нее были только две маленькие местной породы лошадки, обе хорошие, но совершенно не соответствовавшие моему росту.

Я позвал нашего хозяина и просил его уступить мне часть его луга, на котором могла бы пастись моя лошадь и сказать, сколько это стоит. Подумав, он назначил цену в два рубля и когда я на нее согласился, добавил, что пока лошадь не может двигаться, он в ту же цену будет давать подводу для подвоза травы. С грустью ходил я навещать моего коня, не становившегося совершенно на больную ногу. Раз застал около него старого вахмистра третьего эскадрона, который мне доложил:

– Я осмотрел ногу, очень тяжелый порез. Ветеринар считает лошадь пропавшей, а я смогу ее вылечить, доверьтесь старому вахмистру и нашему народному средству.

И тут же назвал это средство. Я просто остолбенел и ни за что не соглашался. Но он настоятельно просил, уверяя, что ручается за излечение. Я сдался.

Назвать это средство я прямо не могу, скажу только, что оно состояло из совершенно необычайно горячих припарок с солью и через три недели рана зажила, лошадь выздоровела и я на ней ездил еще в течение двух лет, а продал ее в Константинополе только из-за трудности содержания.

Жизнь с отрядом внезапно порвалась.

В начале мая 1878 года меня вызвали в Сан-Стефано в штаб главнокомандующего, где высочайшим приказом 22 мая 1876 года я был назначен штаб-офицером над вожатыми с переводом в Генеральный штаб капитаном. Только в Сан-Стефано, впервые за время войны, мне удалось свидеться с родным полком.

Полк стоял биваком при деревне Нифес и, как и все прочие полки, переживал тяжелую эпидемию сыпного тифа.

Число больных доходило до 1500–1800 человек на каждый полк. Болело и много офицеров. Эпидемия прекратилась лишь когда просохли все болота бывших рисовых полей и наступило жаркое лето.

Итоги вспышки выразились в том, что в ближайшем к Константинополю районе и далее к югу до городов Родосто и Силиври, на берегу Мраморного моря, мы оставили 37 кладбищ. Несколько лет спустя, в девяностых годах, в Сан-Стефано была сооружена часовня, в фундамент которой были замурованы все кости погребенных на этих кладбищах.

Во второй половине января 1878 года наши главные силы двинулись двумя группами: одна, под личным предводительством главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, – на Константинополь, другая, под командой генерал-адъютанта Гурко, – на Галлиполи.

Обе группы в начале февраля были остановлены: первая в 18 верстах от Константинополя, вторая в 30 верстах от Галлиполи.

Понимая все значение взятия Галлиполи – ключа Дарданелл, генерал-адъютант Гурко шел без остановки, несмотря на утомление войск, дважды скрыл полученное приказание остановиться и только по третьему категорическому приказу остановил свои войска в 30 верстах от Галлиполи.

Последовало перемирие, и 18 февраля между нами и Турцией был подписан Сан-Стефанский мирный договор, но его условия, по настоянию великих держав, были вынесены на рассмотрение международного конгресса в Берлине.

Армия, победоносно преодолевшая среди суровой зимы твердыни Балкан, уничтожившая армию Сулеймана-паши,

взявшая в плен армии Османа-паши и Бесселя-паши и уже подходившая к заветной цели русского народа – взятию Царьграда и водворению вновь святого Креста на куполе Святой Софии, была неожиданно остановлена под стенами Константинополя и вынуждена ожидать решения Берлинского конгресса.

Армия недоумевала, а турки были настолько уверены в утрате Константинополя, что ко времени подхода нашей армии к Сан-Стефано уже была намечена новая столица Оттоманской империи – г. Брусса на азиатском берегу. Гарем и все ценное имущество султана стояли погруженными на две султанские яхты в ожидании приказа об отплытии в Бруссу.

В самом Константинополе был создан наряд полиции для встречи наших войск и разведения их по квартирам во избежание столкновения между жителями и войсками.

Вопрос, почему в 1878 году мы не заняли Константинополь, остается открытым до сих пор.

Еще менее ясно, почему не было дозволено генерал-адъютанту Гурко занять Галлиполи. Если бы Галлиполи ко дню открытия Берлинского конгресса был наш, английский флот, явившийся в Константинополь в числе семи броненосцев для защиты столицы, был бы заперт там, да и условия Берлинского трактата были бы совсем иные.

22 мая 1878 года состоялось Высочайшее повеление о назначении в распоряжение посла в Константинополе князя Лобанова-Ростовского, военной миссии в составе свиты Его Величества генерал-майора Бобрикова, капитана Протопопова и меня. Затем в Константинополь прибыли: Генерального штаба генерал-майоры Стебницкий и Зеленый,

полковники флигель-адъютант Боголюбов и Филиппов и подполковник Шнеур для участия в проведении новых границ между Турцией и Россией в Малой Азии, между Турцией, Сербией и Болгарией, между Болгарией и Восточной Румелией, между последней и Турцией – на Балканском полуострове.

Число уполномоченных от прочих держав, подписавших Берлинский трактат, было еще значительнее. Константинополь кишел иностранными уполномоченными. Не было недостатка и в добровольных радетелях о спасении Оттоманской империи с венгерцем Клапкой во главе (главой восстания венгров в 1848 году), представлявших султану самые фантастические проекты.

Первые месяцы после войны наибольшее влияние на самого султана и его министров имел английский посол Лайярд, сам убежденный туркофил, кроме того, вдохновляемый главой английского кабинета лордом Бигонсфилдом и еще более сэром Эльджерноном Бортвиком, собственником и редактором торийского органа газеты «Морнинг-Пост», дважды приезжавшего в Константинополь и оба раза приветливо принятого султаном.

Мы, военные, конечно, ближе всего сходились с военными комиссарами, при чем сразу обозначилась двойственность отношений между нами и иностранцами.

В частной жизни все они, особенно англичане, охотнее всего общались с нами, часто проводили с нами вечера. В заседаниях же комиссий при обсуждении вопросов, от важных до мелочей, все дружно шли против нас, и соглашения достигались с большим трудом и проволочкой времени.

Турецкое правительство явно благоволило иностранцам, искало у них поддержки. Население столицы, особенно турки, относилось к нам доброжелательно, а бывшие у нас в плену офицеры и солдаты дружелюбно высказывали благодарность за доброе к ним отношение в России.

Симпатии военнопленных к нам высказывались настолько ярко, что последовало распоряжение немедленно всех бывших в плену в России уволить в запас, выдав каждому в счет жалования по меднидие, то есть по 20 пиастров (тогда на наши деньги – около рубля восьмидесяти копеек).

Жалованье войска не получали уже несколько лет, причем офицеры, в зависимости от чинов, получали натурой двойной или выше солдатский паек, а семьям офицеров выплачивались деньги: четвертая часть жалованья, причитавшегося главе семьи. И только раз в году, когда наступал праздник Байрама, всем состоявшим на правительственной службе выдавался месячный оклад полностью.

Когда состоялось увольнение военнопленных в запас, многие из них стали приходить к нашему генеральному консулу, иногда собираясь целыми толпами во дворе генерального консульства, и просить его ходатайства, чтобы им было выдано все заработанное за время их служения.

Оригинальную картину представляло расположение нашей армии под Константинополем.

Впереди всех войск, на берегу Мраморного моря, в Сан-Стефано, стоял штаб главнокомандующего, отделенный от турецких войск лишь сторожевым охранением, причем линии охранений обеих сторон местами сходились.

Отступая несколько верст, стояли биваками войска Гвардии и дальше 8-го и Гренадерского корпусов. Так что, направляясь в войска, приходилось проезжать через мост, на одном конце которого стоял наш караул, на другом турецкий, и часовые обоих караулов отдавали честь.

Жизнь в Сан-Стефано тянулась крайне однообразно. Все свободное время проводилось или в театральном ресторане, или в купальне, а вечерами шли в театр или в сады «Конкордия» и «Боскет».

Сад «Конкордия» представлял собой кафе-шантан, в котором играл отличный в оркестр из Вены и выступали шансоньетные певицы, за вход платили франк.

Сад был постоянно переполнен военными, среди которых появлялись дамы из артистического мира, но большого оживления не замечалось. Только под конец выдался один особенно оживленный вечер.

В середине августа 1878 года началась посадка войск на суда для отправления в Россию.

В Сан-Стефано прибыл командир 8-го корпуса, всеми чтимый и любимый защитник Шипки Федор Федорович Радецкий. После обеда у главнокомандующего, когда мы все его окружили, Федор Федорович, побеседовав с нами, сказал:

– Идемте в «Конкордию».

Сад был переполнен, и Федор Федорович, сев в середине первого ряда, подпевал артисткам и каждой подносил букет. Последние недели две на афише стало появляться имя артистки Фанни, печатавшееся крупными буквами, и в эти дни взималась двойная плата за вход. Но когда подходила ее очередь петь, выходил господин во фраке и извинялся, что она по болезни выйти не может. Обычно офицеры

добродушно относились к этому, и Фанни продолжала оставаться мифической личностью.

Но в этот вечер расшалившееся офицерство, выслушав обычное заявление, не удовлетворилось им и начало громко вызывать: «Фанни, Фанни»! Напрасно хотели продолжать представление, вызовы не умолкали. Вдруг поднялся комендант главной квартиры и громко заявил:

– Господа, удостоверяю, что Фанни действительно больна.

В ответ раздались неистовые аплодисменты и крики. Взбешенный комендант приказал закрыть сад. На это все в один голос: «Деньги назад»! Комендант стушевался и все оставались в саду до полуночи, когда за генералом Радецким пришел катер с «Москвы», и его торжественно, с факелами проводили на пристань, а оттуда на лодках до самого крейсера.

В опере тогда с успехом подвизалась молодая певица Рая Лари, настоящая фамилия которой была Котович.

Когда офицеры узнали, что у нее не хватает средств на окончание музыкального образования в Италии, сделали подписку, и на ее бенефис вместо обычных цветов и подарков ей поднесли деревянную, круглую, лукутинской работы чашу, горой наполненную полуимпериялами.

Но лучшее удовольствие заключалось в купании в Мраморном море. Песчаный грунт, температура воды уже в мае до 18 градусов, а в середине лета до 22, бывало, не наплаваешься.

И летом же 1878 года, когда наша армия еще стояла под Константинополем, английский посол Лайард подал султану меморандум, в котором, высказывая готовность Англии

прийти Турции на помощь в ее тяжелом положении, между прочим указал, что обеднение Турции во многом зависит от обеднения ее малоазийских владений, когда-то богатейших в мире земель, а ныне запустевших, страдающих от отсутствия твердой власти на местах и благоустроенных путей сообщения, от разбоев, ставших постоянным явлением в этих благословенных землях. Чтобы восстановить там порядок и производительность, Англия согласна дать необходимые денежные средства на проведение железнодорожного пути от начального пункта турецких железных дорог на берегу Малой Азии – города Конии – на Багдад и до Персидского залива. Другой путь от той же Конии – в северном направлении на Амасию-Эрзерум. Для возможности же доведения постройки этих линий до благополучного конца и безопасности их эксплуатации, турецкое правительство должно уступить в пользование общества, которое будет строить дорогу, полосу земли в сто километров ширины вдоль всего пути, с правом строить блокгаузы, где признает нужным содержать в них гарнизоны и дать право на разработку недр земли во всей отчуждаемой полосе.

Как ни печально было денежное положение Турции, все же султан от столь любезной помощи уклонился.

Другими добровольными спасителями Турции явились так называемые бонд-хульдеры, то есть владельцы долговых обязательств турецкого правительства.

Парижским трактатом 1856 года Турецкая империя была включена в сонм великих держав. Но это включение счастья ей не принесло. Турция, соблазненная легкостью предлагаемого ей кредита, быстро «залезла» в долги. К концу

царствования Абдул-Азиса, в семидесятых годах, внешний государственный долг Турции превысил 4 миллиарда франков, платеж процентов и погашение по займам стали государству не под силу, Турция оказалась банкротом и продолжала платить проценты лишь по тем займам, которые были сделаны под поручительства французского или английского правительств, платежи же по всем остальным займам просто отсрочивались и значились в бюджете под рубрикой «отложенных».

Несмотря на такое неблагоприятное положение, весной 1878 года в Константинополь прибыл представитель бондхульдеров виконт де Токвилль со следующим предложением: все разновременно заключенные Турцией займы сводятся в один, по которому Турция впредь будет выплачивать полтора процента в год, причем один процент будет считаться как процент, а полпроцента повышением суммы займа.

Сверх того, чтобы Турция снова могла дать правильный ход своему государственному развитию, ей будет выдан новый заем в 500 миллионов франков.

Все переговоры по этой сделке велись так секретно, что ничего не проникло вне среды заинтересованных лиц.

К счастью, накануне того дня, когда оставалось лишь подписать условие, князь Лобанов узнал о сделке и тотчас вручил Порте ноту, в которой напомнил, что по Берлинскому трактату Порты обязана по получении нового займа прежде всего уплатить нам военный долг 300 миллионов рублей, за которым трактатом обеспечен приоритет перед всеми другими платежами и расходами.

Как только стало известно содержание этой ноты, из Парижа и Лондона были присланы телеграммы: «Ничего не подписывать». Сделка расстроилась. Но скоро преобладающее влияние Англии и Франции стало меркнуть. Император Вильгельм сумел приобрести доверие султана Абдул-Гамида сперва присылкою помощника по управлению финансами и таможенниками с целою сериею чиновников, успевших навести некоторый порядок в управлении финансами.

Одновременно прибыла германская военная миссия с генералом фон дер Гольцем во главе, состоявшая из полковников: Рюстова (артиллерист), фон Лобе (кавалерист), полковника инженера, фамилия которого ускользнула у меня из памяти. Эта комиссия при содействии подчиненных ей инструкторов приступила к реорганизации турецкой армии по германскому образцу. Вслед за тем германское общество получило концессию на постройку Багдадской железной дороги и с успехом выполнило ее, вложив в это дело огромные капиталы.

В девяностых годах император Вильгельм совершил свое знаменитое путешествие в Палестину, на обратном пути прибыл в Константинополь с Викторией-Августой, где они были торжественно приняты султаном.

При помощи грамотного подбора послов германское влияние в Константинополе продолжало крепнуть, и к началу мировой войны германский посол Вангенгейм являлся почти полновластным хозяином в Константинополе.

С конца лета 1876 года в печати начали появляться слухи об албанской лиге, желавшей отделения Албании от Турции. Маршал Мегмет-Али при проезде в горных проходах Албании подвергся внезапному нападению восставших и

был убит со всем составом посольства. В Константинополе тогда сложилось убеждение, что и нападение, и убийство Мегмет-Али произошли с ведома и согласия Абдул-Гамида, опасавшегося влияния маршала на войска и население столицы.

С самого первого дня покушения младотурок во главе с Али-Суави летом 1878 года, желавших освободить низложенного в 1876 году султана Мурада, брата Абдул-Гамида, последний окончательно поселился не в большом дворце Дольми-Бахче, резиденции Абдул-Азиса, а в его бывшем охотничьем доме Альдыз-Киоске, окружил себя отрядом из двенадцати стрелковых батальонов, вызванных из Малой Азии, державших кругом дворца сплошную боевую цепь, спал одетым на мендере, имея при себе револьвер, никогда никуда не выезжал, кроме как по пятницам на селямлик в Чераганскую мечеть, что уже по Корану он избежать не мог.

Слухи об албанской лиге, согласно газетам, все росли, теперь уже говорили о ее численности в 150 тысяч человек.

Тогда князь Лобанов поручил мне осмотреть и наметить будущую границу Восточной Румелии с Македонией, по пути заехать в Филиппополь к императорскому комиссару в Болгарии князю Дондукову-Корсакову с просьбой выдать мне открытый лист на право требования конвоя при объезде будущих границ между Восточной Румелии с Сербией и Восточной Румелии с Македонией. Предварительное намечание этих границ было для нас особенно важно, так как иностранцы хотели свести вопрос о границе с Македонией на нет под предлогом, что незачем проводить

точную границу между Турцией и ее же автономной провинцией.

Сверх того, князь Лобанов дал мне письмо Дондукову-Корсакову, причем сказал:

– Вручите письмо лично и скажите князю, что хотя я знаю, насколько он занят, но все же прошу прочесть письмо и дать словесный ответ через вас, ибо вам содержание письма известно.

Прибыв в Филиппополь, я был тотчас же принят императорским комиссаром, доложил о возложенном на меня поручении по осмотру границ и вручил письмо, передав пословно сказанное послом. Князь Дондуков ответил:

– Хорошо, все будет сделано.

От императорского комиссара я прошел к его начальнику канцелярии генерал-лейтенанту Домонтовичу, который тотчас же снабдил меня всеми необходимыми документами и, кроме того, дал переводчика – болгарина-македонца Ангела Сукачева, оказавшегося незаменимым человеком по превосходному знанию местности в районе намеченных границ, неутомимым и умелым.

Когда же разговор зашел об албанской лиге, Домонтович сказал:

– Албанская лига – пустяки, все сведения о ней сильно раздуты, а вот македонская лига – дело другое.

Заметив мое удивление, он добавил:

– Македонская лига – дело серьезное. Во главе ее стоит македонский комитет, членами которого мы все являемся и главная цель которого – не допустить на местах исполнения постановления Берлинского конгресса.

Напрасно я ему напомнил, что государь император признал постановления конгресса и подписал их, Домонтович продолжал горячо говорить и окончил словами:

– Да что говорить. Поживите у нас день-другой и сами увидите, а теперь идемте обедать.

В шатре-столовой я сразу очутился среди группы близко знакомых по Петербургу офицеров, все обступили, расспрашивали, потом поинтересовались:

– Ты, конечно, будешь на концерте в пользу македонского комитета?

На заявление, что я ничего о концерте не знаю, мне тотчас же вручили билет и обещали вечером отвести меня туда.

В семь вечера мы были на месте. Довольно большой зал кафе-шантана был битком набит офицерами, болгар было мало, так как цена билета в половину турецкой лиры была для местных непомерно высока.

На сцене играл, как и во всех тогда кафе-шантанах, женский струнный оркестр, были и исполнительницы – шансоньетки, которым вся аудитория подпевала, в различных группах произносились речи, шли оживленные споры, после которых неизменно требовался гимн, все вставали и пели под звуки оркестра. Главная тема речей: процветание целокупной Болгарии так, как оно была намечено Сан-Стефанским договором, за освобождение Македонии из-под турецкого ига.

Трудно было устоять перед общим задором, но в то же время я не мог не сознавать, что происходит что-то совершенно несхожее с решениями, принятыми в Петербурге.

На другое утро, перед отъездом в Софию, я зашел к генералу Домонтовичу, рассказал ему все, чему был очевидцем и предупредил, что командированный послом, я не могу ничего от него скрыть и обязан доложить и о македонской лиге, и о македонском комитете, и знаю наперед, что посол не сможет допустить дальнейшего существования лиги и сообщит обо всем в Петербург.

Только я успел прибыть в Софию и представиться начальнику гарнизона, барону Николаю Егоровичу Мейкендорфу, как явился посланный от митрополита Климента с просьбой зайти к нему. Едва я успел войти к владыке, как Его Преосвященство, благословив меня, взял мою руку и сказал:

– Вы – царский капитан, конечно, с нами и должны помочь нам в нашем деле. Так как вы приехали от посла, то вас наверно послушают, и потому мы просим повлиять на военное начальство, чтобы оно распорядилось передать винтовки и патроны двух стоящих тут полков в распоряжение поручика Калмыкова для вооружения своих комидаджи-ев и выступления в Македонию.

Отставной поручик Калмыков – председатель македонского комитета, тот самый, который несколько лет спустя участвовал в экспедиции в Абиссинии.

Напрасно разъяснял я владыке, что все это надо прекратить, вопрос о Болгарии и Восточной Румелии решен бесповоротно и Берлинский трактат государем ратификован, он продолжал настаивать на своем:

– Это вы только так говорите официально, на самом деле и посол, и вы готовы нам помогать.

Так и не удалось переубедить владыку. Но барону Мейкендорфу я объяснил подробно действительное положение вещей, и тот пообещал использовать все свое влияние для того, чтобы не допустить поручика Калмыкова до активных действий.

В Радомире я застал командира 4-го уланского Харьковского полка³⁷ полковника Эртеля в горячей беседе с посланцем Калмыкова, отставным поручиком Маткевичем, который предполагал в одну из ближайших ночей двинуться вперед и внезапным нападением захватить турецкий пограничный пост. Как объяснил мне полковник Эртель, он помогал подпоручику Маткевичу выработать план самого нападения. Взяв имевшуюся у меня карту, я показал Эртелю, что в данном районе граница для Сербии намечена очень выгодно и весь участок, занимаемый турецким сторожевым постом, сам собой отойдет к Сербии. Кроме того, мир окончательно подписан, и за какие-либо боевые действия придется строго отвечать.

От Радомира я уже следовал верхом на Костендиль, Дубницу, Бабаново, где, наняв конвой от 4-го гусарского Мариупольского полка,³⁸ вступил в район Родопских гор и с

³⁷ 4-й уланский Харьковский полк являлся одним из старейших полков русской регулярной кавалерии. Свое начало он вел от Харьковского слободского черкасского казачьего полка, сформированного 5 сентября 1651 г. После многих переименований и реорганизаций полк 6 декабря 1907 г. получил свое историческое название.

³⁸ 4-й гусарский Мариупольский генерал-фельдмаршала Витгенштейна полк был образован 16 июня 1834 г. из двух полков:

вершины перевала Валево-Верх видел дивную панораму Македонии.

Характер гор был настолько дикий и труднодоступный, что наши лошади даже в поводу с трудом карабкались по отрогам.

После двухдневного передвижения по хребту, набросав кроки главных перевалов, я спросил переводчика Сукачева, где можно поблизости стать на ночлег. Он указал на стоявший вблизи самый древний и чтимый болгарский Рыльский монастырь.

Монастырь расположен на высоте 5500 футов над уровнем моря у верховьев водопада, ниспадающего с окрестных скал, образующего реку Рыльскую, впадающую в реку Арду, приток Марицы. Монастырь существует свыше тысячи лет и, несмотря на его отдаленность, ежегодно посещается тысячами богомольцев. В нем покоится часть мощей Иоанна Рыльского, другая часть которых находится в России.

В то время в монастыре было около сорока монахов и послушников. Игумен монастыря окончил курс в Киевской духовной академии и свободно говорил по-русски.

Монахи с игуменом в главе встретили нас колокольным звоном. Благословив, игумен провел нас в церковь, отслужил краткий молебен и затем отвел в предоставленное нам помещение.

Гусарского фельдмаршала графа Витгенштейна и Дерптского конно-егерского. Окончательно свое шефство получил 6 декабря 1906 г.

Встретили нас не только почетно, но и братски тепло, кормили, поили и всячески старалась показать нам свое сердечное расположение. Многие монахи и послушники свободно говорили по-русски и щеголяли друг перед другом знанием русской истории. Были такие, которые наизусть, без единой запинки, рассказывали всю нашу удельную систему.

Два дня, проведенные в монастыре, не только принесли нам необходимый отдых, но и оставили навсегда самое светлое воспоминание.

По счастливой случайности в монастыре оказался фотограф, и мне удалось сохранить фотографию обители.

На обратном пути я вновь посетил в Радомире командира 4-го уланского Харьковского полка и застал его разгневанным на подпоручика Маткевича.

Оказалось, что несмотря на мое предупреждение, полковник Эртель все же допустил ночное нападение на турецкий пост.

Вместо того чтобы тихо подкрасться к посту, комитаджи шли с песнями, размахивали винтовками, а те, у кого были патроны, стреляли вверх, так что, когда они приблизились к посту, то турки их встретили словами: «Ну, подходи, комитетская сволочь», а затем открыли по ним частый огонь.

Разумеется, все разбежались, а полковник Эртель на другое утро получил письмо от начальника поста такого содержания: «Я был у тебя, ты был у меня. Мы вместе курили и пили кофе, и я был уверен, что между нами мир окончательный. И я не мог даже подумать, что после этого, ты, русский офицер, допустишь нападение на нас».

Вот это письмо и привело Эртеля в неистовое бешенство, и он всю свою злобу вымещал на несчастном Маткевиче.

Не знаю, до чего бы дошло, если бы я не вошел в комнату. Увидев меня, полковник Эртель начал мне с жаром все рассказывать, возмущаясь тем, как смел ему так написать турецкий офицер.

Я напомнил, какое важное значение придают магометане такому обмену посещениями и закончил словами:

– Извините, но я должен сказать, что вы один во всем виноваты, и я бы на вашем месте загладил свою вину, послав кого-нибудь извиниться перед начальником поста и вновь пригласить его к себе.

Затем, прочитав телеграмму посла, вызывавшую меня безотлагательно в Константинополь, я попросил лошадей и тотчас же выехал на Софию – Филиппополь – Константинополь.

По возвращении в Константинополь я представил послу подробный отчет о всем виденном мною в Филиппополе и при дальнейшем пути к Македонской границе.

Князь Лобанов был поражен и тотчас же доложил обо всем в Петербург. Это была высочайшая телеграмма на имя главнокомандующего генерал-адъютанта Тотлебена: «Удивляюсь, что ты не знаешь, что творится у тебя под боком, подчиняю тебе временно князя Дондукова-Корсакова и повелеваю прекратить все эти затеи».

Вслед затем в Филиппополь и Софию прибыл генерал-адъютант Обручев и торжественно в соборах с амвона прочитал высочайший манифест к болгарам о необходимости подчиниться постановлениям Берлинского конгресса.

В течение второй половины 1878 и первой половины 1878 годов сперва в Константинополе, потом на местах работали комиссии по проведению новых границ и к осени 1878 года благополучно завершили работу.

В Филиппополе же заседала комиссия, вырабатывавшая Органический статут для Восточной Румелии.

По статье 61 Берлинского трактата должны были быть созданы из оставшейся под турецкой властью части Румелии (то есть европейских владений Турции) две автономные провинции: Восточная и Западная Румелии. К образованию Восточной Румелии приступили тотчас же, а Западная Румелия, главным образом Македония, так навсегда и осталась лишь в проекте.

К счастью для болгар пределы автономии будущей Восточной Румелии были довольно точно определены Берлинским трактатом и урезать их не представлялось возможным. Поэтому все усилия иностранных комиссаров были направлены к тому, чтобы обеспечить влияние на ход дел так называемым *minorités* (меньшинствам), то есть туркам и грекам.

Население Восточной Румелии состояло главным образом из трех народностей: болгар, турок и греков.

Произведенные нашим гражданским управлением исчисление населения дало следующие приблизительные цифры: болгар от 850 тысяч до 1 миллиона, турок от 350 до 450 тысяч и греков от 40 до 60 тысяч. Приступая к работе, комиссары порешили, что каждый возьмет на себя разработку одного из отделов Статута, и затем уже выработанные проекты окончательно обсудят в полном составе комиссии.

И в этой комиссии особенно ярко высказалось стремление свести на нет наше влияние в крае и для этого всеми мерами устранить болгарское население от влияния на ход дел. Но судьба решила иначе.

Английский комиссар сэр Дремонд-Вольф настоял, чтобы ему было поручено составление отдельного управления краем, и когда его стремление было уважено, тут же просил нашего старшего комиссара флигель-адъютанта полковника А. А. Шепелева о сообщении комиссии имеющихся у нас данных о численности населения.

Шепелев представил вышеуказанные цифры, оговорив, что это не точная перепись, а лишь приблизительные исчисления.

Так как из всех заседаний комиссии решающим по своему значению явилось заседание, в котором был принят разработанный Дремонд-Вольфом отдел управления провинцией, то я и остановлюсь на нем подробнее.

Дремонд-Вольф начал свой доклад следующими словами:

– Прежде всего, должен оговорить, что сообщенные моим уважаемым русским коллегой цифры населения оказались совсем неверными, правда, показанное число болгар близко к истине, число же турок в действительности оказалось от 800 до 900 тысяч и греков 450–500 тысяч. Основываясь на этих данных, предлагаю следующее:

Во главе края:

1) Генерал губернатор.

Примечание: выбор генерал-губернатора и его права точно определены Берлинским трактатом.

2) При нем директора: внутренних дел, военный, финансов, публичных работ, правосудия и народного просвещения.

3) Областное собрание в составе 56 депутатов, из коих 20 по назначению генерал-губернатора и 36 по выборам от населения, пропорционально численности каждой народности.

Областное собрание заседает два месяца в году, а на остальные 10 месяцев выбирает из своего состава Постоянный комитет из десяти действующих членов плюс двое запасных, избираемых следующим образом: каждый депутат пишет шесть фамилий. По подсчете голосов 10 депутатов, получивших наибольшее число голосов, и составляют Постоянный комитет. Председателем является получивший наибольшее из всех число голосов. Комитет заседает круглый год, издает публично-административные постановления (*Reglements d'adinistration publique*), которые до открытия следующей сессии Областного собрания имеют силу временного закона и, если будут Собранием утверждены – становятся законом, если нет – отпадают.

При такой системе права меньшинств будут ограждены, и они всегда будут иметь перевес голосов в Постоянном комитете.

Едва Дремонд-Вольф успел закончить свой доклад, как наш первый комиссар А. А. Шепелев громко заявил: «Всецело принимаю».

Все, не исключая и Дремонд-Вольфа, были так поражены столь неожиданным оборотом дела, что воцарилось полное молчание, и только австрийский комиссар, умный венгерец,

граф Каллай, посмотрев на всех с улыбкой, проговорил: «И я тоже».

После этого первый отдел был принят единогласно и заседание закрыто.

Поздно вечером, когда мы все сидели в кабинете нашего генерального консула, князя Церетелева, человек доложил о приходе графа Каллая.

Поздоровавшись, граф Каллай обратился к князю Церетелеву со следующими словами:

– Я сегодня зашел к вам не случайно, а чтобы выяснить наши дальнейшие отношения. Вы видели, что до сих пор я шел во всем против вас и делал это сознательно, оберегая интересы своей Родины. Но после сегодняшнего заседания, согласно которому вы стали полновластными хозяевами в крае, я напрасно препираться из-за мелочей не буду и пойду с вами. Я уполномочен своим правительством откровенно признать нижеследующее: как вам нужен Константинополь, так нам нужны Салоники. И если вы это признаете, то мы вам тут больше не враги, а союзники, и будем друг другу взаимно помогать в достижении наших целей.

Содержание этой беседы Церетелев ночью же перешифровал в Петербург. Ответ из Петербурга был получен лишь через месяц и гласил: «Россия не может согласиться на разрез Македонии пополам».

Вооруженные силы Восточной Румелии состояли из Учебного батальона, в составе двух рот пехоты, саперной роты, полубатарей, конной учебной сотни, семи дружин четырехротного состава каждая, и двух эскадронов Подвижной жандармерии.

Полицейскую службу в крае несла жандармерия, имевшая также строевую организацию.

Во главе милиции стоял ее начальник в чине генерала, он же и военный министр. При нем штаб милиции из двух отделов: строевого и хозяйственного.

Первым начальником милиции был назначен Виталис-паша, левантинец, состоявший на турецкой службе, а раньше на французской, участник мексиканской экспедиции в царствование Наполеона III, носивший бесчисленное число медалей и орденов и всегда говоривший: я участвовал в 27 сражениях.

Дружинами и ротами командовали русские и болгарские офицеры, состоявшие в рядах нашей армии еще в мирное время либо в болгарском ополчении во время войны.

Начальствование Виталиса-паши, носившее больше опереточный характер, когда каждый требовал чего угодно и делал что задумает, продолжалось недолго. По настоянию нашего посла Виталис был отозван в Константинополь и на его место прибыл Штреккер-паша, родом пруссак, уже много лет состоявший на турецкой службе.

В это же время князь Лобанов, озабоченный тяжелым и беззащитным положением наших офицеров в Восточной Румелии, по соглашению с военным министром графом Милютиным прикомандировал меня к генеральному консульству в Филиппополе – официально для окончания дел и счетов действующей армии, негласно же мне поручалось наладить отношения с генерал-губернатором и местными властями, взять в свои руки руководство нашими офицерами и направить их работу в должном направлении,

то есть сделать так, чтобы милиция стала частью болгарской армии.

Прежде чем продолжать рассказ, считаю долгом сказать несколько слов об офицерах, оставленных на службе в болгарской армии и в восточно-румельской милиции.

Впервые было допущение служения русских офицеров в иностранной армии.

Все они были условно уволены от службы (по прошению), но продолжали числиться в списке частей, сохраняли свое старшинство и оставались обязательными участниками эмеритальной кассы, причем взносы за них производило военное ведомство. Кроме того, всем офицерам, оставшимся на службе в болгарской армии, было выдано на руки высочайшее повеление, что пока они состоят в болгарской армии, все распоряжения болгарского князя исполняются как повеления государя императора, и офицеры свято соблюдают этот приказ.

Главным ядром для офицеров в болгарской армии и в восточно-румельской милиции послужило болгарское ополчение, созданное во время войны. Особенностью при формировании болгарского ополчения явилось то, что его начальники и все офицеры были выбраны Главным штабом по округам исключительно по аттестационным спискам, причем брались аттестованные, без чьих-либо рекомендаций. Результат получился блестящий. В числе избранных офицеров большой процент был взят из Туркестанского военного округа.

У нас принято попрекать офицеров в инертности, в недостатке собственного почина, в бездействии без приказанья. Отмечает эти отрицательные стороны генерал

Куропаткин в своих записках о Японской войне. Служба наших офицеров в болгарских войсках и особенно в восточно-румельской милиции является блестящим опровержением этого мнения.

Работая не покладая рук над формированием и обучением вверенных им частей, офицеры в то же время являлись неутомимыми и совершенно самостоятельными учителями гимнастических дружеств, через них обучали военному делу все население.

В Болгарии офицерам помогал военный министр, в Румелии же начальник милиции всячески старался тормозить их деятельность, поощряя офицеров, безучастно относившихся к своим обязанностям. И все же их энергия, любовь к делу взяли верх, преодолели все препятствия и, как увидим ниже, довели дело до блестящего конца.

Правда, что и ученики-болгары вели себя выше всяких похвал и с особым рвением занимались в дружествах, часто даже в ущерб своим личным делам.

В новейшее время другим опровержением того же утверждения служит деятельность наших военных летчиков. В 1910 году в Москве впервые было основано Общество воздухоплавания, и первым учителем был приглашен Уточкин.

Как теперь помню первые его полеты на Ходынском поле осенью 1910 года, как все восхищались, когда Уточкин описал в воздухе большой круг и успешно пролетел над зданиями скакового общества.

В 1911 году наши офицеры свободно летали в высоте, а в 1913 уже процветали на р. Кача и в Гатчине школы военных летчиков, в которых учителями были штабс-капитан

Андриади, ротмистр Ильин, штабс-капитан Берченко и другие. А год спустя уже каждый корпус имел свой отдельный отряд летчиков, ничем не уступавших летчикам иностранных армий. Даже император Вильгельм отдал им должное:

– Только русский офицер может отважиться и полететь на таких аппаратах.

Первым нашим генеральным консулом в Восточной Румелии был князь Алексей Николаевич Церетелев, бывший до войны секретарем посольства в Константинополе, сопровождавший графа Н. П. Игнатьева при его объезде иностранных дворов перед войной, кавалер знака отличия Военного ордена всех четырех степеней.

Работать с ним было легко. Отлично зная обстановку, пользуясь высоким авторитетом среди болгар и турок, он не только не опасался моего сближения с местными властями и иностранными консулами, но всеми силами содействовал ему и сразу познакомил меня и с болгарскими политическими деятелями, и с болгарским обществом.

Обретя доверие генерал-губернатора князя Вогориди, председателя Областного собрания и Постоянного комитета Ивана Евстратьева Гешева, легко удалось провести в жизнь намеченную нами программу: восстановить внутренний порядок в дружине, вести обучение по нашим строевым уставам, выработать военный бюджет и получить ходатайство от Областного собрания о перевооружении

нашей милиции и жандармерии винтовкой Бердана,³⁹ о снабжении ее сапогами и так далее.

Осенью 1878 года было впервые созвано Областное собрание. По статуту первое заседание открыл старейший по годам депутат, глава католической епархии епископ Реноди и предложил собранию приступить к выборам президиума Постоянного комитета.

Председателем был выбран единогласно Иван Евстратьев Гешев, товарищами председателя доктора Янколов и Хаканов; членами в Постоянный комитет 10 болгар и запасными 2 турка. Так ответила действительная жизнь на все хитроумные изощрения Дроммонд-Вольфа об устранении болгар от влияния на ход дел в родной стране.

Но и болгары умели использовать свое выгодное положение. Ни в чем не тесня ни турок, ни греков, они дружно приводили в собрании все мероприятия к тому, чтобы Восточная Румелия являлась как бы частью Болгарии, той Болгарии, которая им была указана Сан-Стефанским договором. И у них были партии, зарождалась борьба не только между партиями, но и между влиятельными семьями, но все это на время откладывалось. Накануне решения важного вопроса все депутаты-болгары собирались вечером в доме пловдивского митрополита Данарета, обсуждали вопросы и выносили предварительные решения. Особенно не было отказа в ассигновании средств на нужды милиции,

³⁹ Винтовка системы Бердана, или так называемая берданка (однзарядная винтовка), была создана американским изобретателем Х. Берданом и принята на вооружение русской армией в 1868 г. Калибр – 10,67 мм, прицельная дальность до 1600.

напротив, собрание подсказывало начальнику милиции, в чем еще чувствуется недостаток.

При том повышенном настроении, которое царило в крае и в среде офицеров, работа шла усиленным темпом и первые годы самостоятельной жизни Восточной Румелии прошли весьма благополучно и дали мощный ход производительным силам страны.

Главная заслуга в этом принадлежит генерал-губернатору князю Вогориди, умевшему и, главное, хотевшему отстаивать интересы края перед султаном и Портою и, в особенности, председателю Областного собрания и Постоянного комитета Ивану Евстратьеву Гешеву, неутомимому работнику, с редким тактом, твердостью и самоотвержением руководившим ими в течение четырех лет.

За 1880 год два события во внутренней жизни края заслуживают быть особенно отмеченными: восстановление поземельного кредита и усиление католической пропаганды в Восточной Румелии, особенно в Македонии.

Несмотря на наши щедрые оплаты за все приобретаемое от населения, война значительно истощила край, чувствовался недостаток в скоте и лошадях, земледельческих орудиях и семенах.

Вспомнили, что до войны в каждом казе (уезде) была своя земледельческая касса, из которой земледельцы могли получать ссуду не свыше 50 турецких лир исключительно на покупку семян, земледельческих орудий, скота и незначительного участка пахотной земли или виноградника.

За время войны масса городов и деревень были сожжены дотла, в них погибли долговые книги и иные документы

земледельческих касс, тем не менее было решено восстановить этот порядок. Простота предложенного способа восстановления заслуживает особого внимания, так как она ясно показала, насколько в душе населения, еще не тронутого цивилизацией, понятие о настоящей честности было выше, чем в наиболее цивилизованных странах.

Постановлением Областного собрания все бравшие ссуды из касс обязывались немедленно заявить в управление начальника своего уезда, когда, какую ссуду получили, сколько по ней выплатили и сколько остались должны.

На мой вопрос Гешеу, заявят ли все, он с уверенностью сказал, что, безусловно, заявят. Если же кто-нибудь не сообщит, то это будет значить, что или до него не дошло объявление, или он погиб. И земледельческие кассы были успешно восстановлены.

Католическая болгарская община в Филиппополе, так называемые павликиане, состояли под руководством францисканских монахов во главе с 80-летним старцем, архиепископом монсеньором Реноди. Дети павликиан воспитывались в церковной школе, которой заведовал монах отец Александр Шилье, пользовавшийся неограниченным влиянием не только на детей, для которых он был и духовником, и наставником, и руководителем их игр и экскурсий, но и на их родителей.

Опасаясь ослабления деятельности монсеньора Реноди, в помощь ему был прислан епископ Менини, который перед отъездом в Восточную Румелию представился императору Францу-Иосифу и получил от него значительную сумму денег в безотчетное распоряжение.

Одновременно в Македонию был командирован епископ Геппингер, успевший в одно лето обратить в католичество 250 болгарских семей. Большинство перешедших в католичество делали это лишь с целью достижения покровительства австрийских генеральных консулов, оставаясь в душе православными. В отношении отцов это может быть было и так, но дети, подпавшие в школе под руководство таких учителей, как отец Александр Шилье, уже всецело воспринимали католическое вероучение.

Когда же по повелению папы 11 мая, в День святых Кирилла и Мефодия, первоучителей болгарских, католическая месса была отслужена на болгарском языке, национальная гордость болгар была настолько польщена, что они не могли скрыть своей гордости, и церковный вопрос снова обострился. К счастью, новая жизнь так захватила всех, что не хватало времени на чем-нибудь сосредоточиться.

Летом же 1880 года произошло еще одно частное сообщение, огорчившее всех и особенно больно поразившее нас, военных. Выехавшая в Черпан мать М. Д. Скобелева была убита в четырех верстах от Филиппополя.

Ольга Александровна (Николаевна. – *Примеч. ред.*) Скобелева объехала Болгарию, посетила Софию, где в Народном собрании ее встретили бурными овациями. Из Софии, посещая по пути крупные города и села, она прибыла в Филиппополь, где прогостила довольно долгое время. Она всюду открывала отделения Общества Св. Пантелеймона и в то же время пропагандировала идею об избрании ее сына, знаменитого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, в князя Болгарии.

Пребывание ее в Филиппополе было большим везением для меня, Церетелева, Извольского. По своим связям среди Петербургского общества, по родству с Адлербергами, она близко знала всю жизнь высших чинов тогдашних государственных деятелей. Обладая живым умом и острым языком, она с неистощимым юмором рассказывала закулисную сторону жизни общества, не исключая своих дочерей. Один лишь Миша, как она называла своего сына, был для нее кумиром, и для него она была готова на все жертвы.

Ей прислуживала девушка, никогда с ней не разлучавшаяся, и состоявший в запасе старший унтер-офицер Суздальского полка Иванов, кавалер знака отличия Военного ордена IV, III и II степеней. У нее постоянно бывал капитан Узатис, командир учебной саперной роты, во время войны поступивший из отставки охотником в один из полков 16-й пехотной дивизии,⁴⁰ которой командовал М. Д. Скобелев, и бывший у него ординарцем. Перед тем Узатис в 1876 году был добровольцем в Черногорской армии в ее войне с Турцией и даже среди черногорцев пользовался репутацией беззаветного храбреца. Все прибывавшее в Филиппополь черногорцы обязательно шли к нему на поклон и признавали его старшим над собой. Заветным желанием Узатиса было приобрести в собственность мельницу, арендованную им в деревне Дермень-дере, и он просил Ольгу Александровну дать ему необходимую сумму денег.

⁴⁰ 16-я пехотная дивизия впервые была образована 28 сентября 1808 г. В 1914 г. в дивизию входили пехотные полки: 61-й Владимирский, 62-й Суздальский, 63-й Углицкий и 64-й Казанский, а также 16-я артбригада.

Отъезд в Черпан ввиду сильной жары был назначен в пять часов пополудни. Перед отъездом Ольга Александровна зашла ко мне, так как я лежал в сильной лихорадке, посидела со мной, напилась чаю и поехала.

Часа через два после ее отъезда в комнату вбежал мой денщик и от волнения с трудом выговорил:

– Прибежал раненый Иванов, он говорит, что капитан Узатис с черногорцами убили генеральшу и ее девушку.

Известие было так невероятно, что я не поверил ему, приказал помочь мне подняться с постели и сойти вниз к Иванову.

Иванов действительно лежал тяжелораненый в руку и со слезами рассказал:

– Едва мы отъехали от города версты четыре на высоте лагеря, как увидели, что у края шоссе стоит Узатис с тремя черногорцами. Генеральше приказали остановиться. Только экипаж встал, они все вдруг бросились: один черногорец на меня, ударил ножом в руку и сбросил с козел, другой убил извозчика, а сам Узатис одним ударом ножа зарезал генеральшу, другим – девушку. Воспользовавшись минутой, когда они стали разбивать чемоданчик, я бросился бежать.

Не успел Иванов окончить свой рассказ, как послышался топот лошадей на быстром аллюре и затем в дом вошел поручик Вишневский, который доложил:

– С час тому назад в лагерь прибежали люди, которые передали, что на шоссе стоит экипаж, убиты две женщины и извозчик и тут же лежит взломанный чемоданчик.

Мы тотчас поскакали на шоссе и в убитой узнали мать генерала Скобелева. Капитан Ковалевский остался при

покойной, а я, вернувшись в лагерь, поручил Вишневскому взять восемь конников, чтобы скакать в Дермен-дере за Узатисом. Вишневский прошел рысью по городу, затем галопом к пере езде через полотно железной дороги. Здесь он узнал от сторожа путей, что примерно с час тому назад через переезд перешли четыре человека, один на коне, трое пешком, и поспешили по направлению к Дермен-дере. Вишневский, ускорив ход, быстро достиг Дермен-дере, сам с пятью конниками свернул на мельницу, а троим приказал занять единственный выход в горы, на пути в Македонию, и никого не пропускать до его приезда к ним.

На мельнице Вишневский застал только что прибежавших черногорцев Андрея и Илью и фельдфебеля учебной саперной роты македонца Барчика.

Все трое только начали снимать промокшее от пота платье и обувь и без сопротивления дали себя арестовать, уверяя, что они ни в чем не виноваты.

Конники показали:

– Едва мы успели занять выход, как показался капитан Узатис в черной кожаной куртке. На окрик «Стой, кто идет?», Узатис спросил: «Разве вы меня не знаете? – Знаем, да не велено пропускать, потому что ты убил мать Скобелева». Тогда Узатис достал из-за пояса револьвер и выстрелом в рот убил себя наповал.

Благодаря расторопности наших офицеров убийство, совершенное около шести часов вечера, было сразу раскрыто, к одиннадцати часам главный виновник покончил с собой, а три его соучастника арестованы и переданы болгарским властям.

Это злодеяние произвело на нас удручающее впечатление, одновременно с донесением в Петербург мы отправили сочувственную телеграмму генералу Скобелеву, находившемуся в Баме и занятому приготовлениями к экспедиции в Ахалтеке. В ответ получили лишь лаконичную телеграмму: «Кто убийца, как наказан?»

В заключение скажу несколько слов об одном из соучастников-черногорцев, Андрее. За войну 1876 года с турками он получил от князя Николая один из четырех знаков отличия Военного ордена, как храбрейший из его воинов. В Филиппополь Андрей прибыл за год перед тем и пристроился к Узатису.

Когда его привели на очную ставку с унтер-офицером, Иванов сразу его признал и начал обличать. На это Андрей не проронил ни слова и, лишь когда Иванов закончил, спокойно сказал:

– Если ты говоришь, что меня знаешь, то это много чести для меня, и я тебя благодарю. Но тебя я вижу в первый раз.

На допросе у следователя он также был совершенно равнодушен, все отрицал и вроде бы подшучивал над стараниями его обличителей. И только на третьем допросе, на котором присутствовали Церетелев и я, Андрей вдруг обернулся к нам с вопросом:

– Позвольте ли вам руку целовать?

– Целуй.

Андрей подошел к нам, положил к ногам свою шапочку, поцеловал нам руки и сказал, указывая на следователя:

– Ему я бы никогда ничего не сказал, а вам сознаюсь во всем. Ни один черногорец не убьет женщины. Мать

Скобелева и другую женщину убил сам Узатис, я же убил извозчика и ранил Иванова, и если мне дадут офицера, то я проведу его на то место, где закопаны деньги. Пошли мы, черногорцы, на это дело, потому что того потребовал Узатис, но женщин мы никогда не убиваем. Больше мне нечего сказать.

Все трое: Барчик, Андрей и Илья – были приговорены к каторжной тюрьме без срока.

Совесть ли его мучила, или он не смог перенести неволи, но на втором месяце заключения богатырь Андрей скончался от чахотки.

В декабре 1883 года я был вызван в Петербург, где и представил подробный доклад об общем положении военного дела в Восточной Румелии и по каждому из отделов. В том числе подал ходатайства об уступке по казенной цене 5,5 тысяч винтовок для перевооружения милиции и по тысяче патронов на винтовку; о командировании в Филиппополь военного прокурора для устройства военно-судной части и ротмистра для командования учебной конной сотней; об уплате нашим офицерам дополнительного содержания до размеров содержания, получавшегося нашими офицерами в Болгарии из сумм оккупационного фонда, чтобы этим остановить переход наших офицеров в Болгарию.

Все ходатайства были удовлетворены.

Когда доклад был окончен, генерал-адъютант Обручев сказал:

– Теперь пройдите к Семену Никитичу и запишитесь на представление к государю императору.

Тайный советник Семен Никитич Акимов был всеми уважаемый ветеран штаба, дослужившийся из писарей до чина тайного советника и управлявший канцелярий начальника Главного штаба. Когда я вошел к нему, он беседовал с двумя генералами. Поздоровавшись, спросил:

– Чем могу служить?

– Прошу вас записать меня на представление государю императору.

– Никакого права не имете-с, государю императору могут представляться только генералы и штаб-офицеры, а вы капитан.

– Но меня направил к вам генерал Обручев.

– В таком случай не посетуйте, я все же проверю и затем вас извещу, оставьте ваш адрес у дежурного писаря, – и добродушно добавил. – Не беспокойтесь, все будет сделано.

Представление было назначено на воскресенье 5 февраля после обедни, но почему-то не состоялось, и было перенесено на 7-е, на 12 часов дня.

Представляющихся было всего трое, два брата Мансуровых, по случаю назначения в Государственный совет, и я.

Ровно в двенадцать вышел государь император, поздравил Мансуровых с назначением и пригласил их к завтраку, а мне сказал:

– Ты подожди меня здесь.

В час дня подошел ко мне скороход и доложил:

– Его Величество изволили отбыть в манеж и повелели вам прибыть сюда завтра в 11 часов утра.

У меня упало сердце, думалось, что я так и не увижу государя, особенно когда, прибыв на другой день во дворец,

других представляющихся не оказалось, и дежурный флигель-адъютант встретил меня словами:

– Что вам угодно?

Я изложил ему суть визита.

– В таком случае прошу вас подождать, у Его Величества с докладом шеф жандармов, когда выйдет, доложу о вас.

Через несколько минут из кабинета Его Величества вышел генерал-адъютант Дрентельн, мой первый начальник дивизии, узнал меня, поздравил с переводом в Генеральный штаб и сказал:

– Его Величество приглашает вас в кабинет.

Государь стоял у письменного стола и, проговорив: «Здравствуй», сел к столу и, указав на стул против себя, добавил: «Садись».

Никто так подробно не спрашивал меня не только в общем, но и по каждому вопросу в отдельности.

Обаяние Александра II было так велико, что я забыл свою застенчивость и докладывал все, что знал и видел, до мельчайших подробностей, ничего не утаивая.

Выслушав доклад, государь молчал несколько мгновений, затем вдруг спросил:

– Заметны ли последствия войны? Что дала она краю?

По самому тону этого вопроса я почувствовал, насколько эта мысль волнует государя, и ответил:

– Лучше всего Вашему Величеству это будет видно из следующего: если теперь выехать по железной дороге из Константинополя на Адрианополь и далее, то весь путь будет идти словно по вымершему краю. На станциях тишина, пусто, никакого движения, разве лениво пройдет

один-другой человек. Подъезжая к Мустафе-паше, уже издали слышен гул голосов, на самой станции толпится народ, жизнь кипит. По всей Восточной Румелии в полях народ, везде слышны песни, жизнь бьет ключом, а по воскресеньям и в праздники утром звонит колокол, всюду идет обучение в гимнастических дружествах, а после обеда появляется волынка и все танцуют «хоро» (болгарский народный танец).

Государь перекрестился и тихо проговорил:

– Слава богу, значит, война все же принесла пользу, и жертвы были не напрасны.

Встав, государь добавил:

– Спасибо тебе, что ты говоришь всю правду своему государю, – обнял меня, поцеловал и на этот раз не помешал мне поцеловать его руку.

Это было около полудня 8 февраля 1881 года, а 1 марта государя не стало. Но образ государя императора Александра II и пребывание с ним с глазу на глаз навсегда оставили во мне неизгладимое впечатление, особенно слова: «Спасибо тебе, что ты говоришь всю правду своему государю».

В это же пребывание в Петербурге мне, наконец, удалось повенчаться с моей невестой, с которой мы пробыли в разлуке свыше двух лет, и в обратный путь на Константинополь и Филиппополь мы выехали уже вдвоем.

Наше первое путешествие прошло не совсем гладко. Едва успели устроиться в купе, как на высоте Колпина поезд остановился, произошла какая-то серьезная поломка и мы простояли до тех пор, пока из Петербурга не подали новый состав. Вагоны не успели обогреться, и мы порядком озябли в течение первых часов пути.

В Одессе рейд оказался замерзшим, ледоколов еще не было, и пришлось прожить в Одессе 12 дней, так что до Константинополя мы добрались лишь в последних числах февраля.

1 марта вечером было получено известие о кончине государя и о воцарении императора Александра III. На панихиде в Посольской церкви не только мы стояли подавленные, но и по лицам всех иностранных послов и приехавших в большом числе чинов посольств было видно, что они не только отбывают долг вежливости, но вместе с нами переживают весь ужас совершенного злодеяния. Гостившая у посла старушка баронесса Боде, войдя в церковь, опустилась на колени и так разрыдалась, что упала на пол и, рыдая, пролежала всю панихиду.

В Константинополе я уже не застал князя Лобанова. Он был перемещен послом в Вену, а на его место в Константинополь прибыл бывший много лет послом в Вене статс-секретарь Новиков, находившийся под сильным обаянием австрийского премьера графа Андраша.

Когда я доложил послу о намеченных мероприятиях по укреплению вооруженных сил Восточной Румелии, отметив, что все эти мероприятия одобрены министром иностранных дел статс-секретарем Гирсом, и просил его содействия, то посол воскликнул:

– Вы забываете, что Австрия едва допускает существование Восточной Румелии, мое имя – это мир, а вы хотите мне навязать проведение военных мероприятий.

Едва удалось заручиться его содействием.

В Филиппополе уже не оказалось моего друга и сотрудника князя Церетелева. Тяжкий недуг заставил его уехать в

отпуск, а затем и совсем покинуть службу. В следующем году этот недуг свел его в могилу на 43-м году жизни.

Отъезд князя Церетелева явился большим ущербом для нашего дела в Восточной Румелии.

В начале лета были благополучно доставлены в Бургас винтовки с Тульского завода и патроны с завода Гилленшмидта. Прибыли военный прокурор полковник Хольмблат и командир учебной конной сотни, донской казак есаул Дубовской.

Полковник Хольмблат был выбран лично главным военным прокурором В. Д. Филосовым, и выбор оказался весьма удачным. К началу открытия сессии Областного собрания полковник Хольмблат выработал проект уставов дисциплинарного, военно-уголовного и военно-судебного, внес их и доложил собранию на чистом болгарском языке.

Выбор есаула Дубовского состоялся следующим образом: военный министр направил меня к начальнику Офицерской кавалерийской школы. В то время как я поджидал генерал-лейтенанта Тутолавина, в школу вошел великий князь Николай Николаевич – старший. Увидав меня, он спросил:

– Что ты тут делаешь?

На мой доклад великий князь сказал:

– Весной оканчивает школу есаул Дубовской, рекомендую тебе его как отличного во всех отношениях офицера.

Стоит заметить, для милиции московским купцом Селивановым были доставлены семь тысяч пар сапог отличного качества и по весьма сходной цене, по 2 рубля 70 копеек.

Когда же к нему обратились с таким же предложением на следующий год, Селиванов сам приехал в Филиппополь и так закутил, что не было с ним сладу. Он заявил, что он подарит сапоги, а подряда не возьмет. Когда же председатель Постоянного комитета ему ответил, что подарка они не могут принять и просят его взять подряд, как и в прошлом году, Селиванов обиделся и уехал в Москву, не дав никакого ответа.

Вообще, мы не сумели установить экономической связи с болгарами, а, между тем, сделать это было легко, стоило начать с книг, которых так просили болгары, от учебников по всем предметам, научных книг и до нашей литературы.

Предметами немедленного ввоза могли служить: наш керосин, качеством выше американского и дешевле; сахар легко вытеснил бы австрийский, как несравненно высший по качеству, но при непременно условии доставки его малыми головками, в пять-шесть фунтов или колотым в кусках; все изделия хлопчатобумажной промышленности, особенно ситец, при условии подгона рисунков под местный вкус. А через некоторое время, несомненно, пошли бы в ход наши шелка, бархат, парча, обувь и все кожаные изделия.

Обо всем этом поднимался вопрос, горячо хлопотал председатель славянского комитета, составлялись грандиозные проекты. Но все оставалось в области разговоров и проектов, потому что московские промышленники, привыкшие при нашей покровительственной системе к легкой наживе, считали недостаточными для себя те барыши, которые им сулила торговля с Болгарией и Восточной Румелией.

А пока мы говорили, иностранные товары, в большинстве австрийские, окончательно заполонили болгарский рынок.

Водворяя на Восточно-Румельскую службу новых лиц, пришлось одновременно приступать к избавлению офицерской среды от вкравшихся в нее нежелательных элементов.

В самом начале 1881 года вспыхнуло восстание в богатом Кырджалисском округе, населенном помаками, то есть болгарами-мусульманами. Для подавления восстания были двинуты три дружины под командой капитана Яперова.

Восстание было быстро подавлено, но при этом трое из офицеров позволили себе награть известное количество скота.

Начальник милиции Штреккер-паша всеми силами старался раздуть это дело, всюду жаловался на наших офицеров, и только я успел вернуться в Филиппополь, начал мне доказывать, что все офицеры совершенно не соответствуют своему назначению, что весь Кырджали ограблен, а жители разорены. На вопрос, провел ли он расследование, Штреккер-паша ответил, что и без расследования все слишком ясно.

Тогда я сам произвел расследование, которое показало, что после усмирения восстания три офицера пригнали в город Хасков несколько десятков голов скота, которые продали, причем один из ротных командиров наивно выдал расписку в получении денег за награбленный скот.

Деньги пострадавшим были тотчас уплачены, виновные офицеры вызваны обратно в Россию и высочайшим повелением навсегда исключены из службы.

Вслед за тем в течение года были постепенно заменены еще десять офицеров.

Забыл упомянуть, что еще осенью 1880 года из состава милиции были командированы в Петербург, в Академию Генерального штаба три младших офицера, болгары Радко-Димитриев, Цанков и Волнаров. Все трое успешно окончили академию и вернулись обратно уже с правами офицеров Генерального штаба. Радко-Димитриев, в войну 1912–1913 годов командовал болгарской армией, наступавшей на Адрианополь, разбил турок под Люле-Бургасом и захватил Адрианополь. После войны переехал в Россию со всей семьей, принял русское подданство и в Великую войну 1914–1917 годов командовал сначала 8-м корпусом, а затем 3-й армией. Во время революции в 1918 году был убит на Кавказе.

Летом 1881 года наступил кризис в политической жизни Болгарии, и так как он заметно отразился и на внутренней жизни Восточной Румелии, то я вкратце поведаю о нем.

Еще в первый год своего служения князь Александр Баттенберг обратился к государю Александру II с просьбой об изменении Тырновской конституции.

Государь запросил мнение князя Лобанова, который указал, что не прошло и года, как князь Александр присягнул этой конституции и потому обязан ее соблюдать. Просьба была отклонена. По воцарении императора Александра III князь повторил свою просьбу и получил разрешение на созыв Великого народного собрания, которое должно было приостановить действие Тырновской конституции и даровать князю особые полномочия сроком на семь лет.

Когда князь объявил военному министру о задуманном перевороте, генерал Эрнрот, заменивший генерал-майора Паренсова, обещал провести переворот, но заявил, что как только переворот закончится, он, Эрнрот, подаст в отставку и уедет из Болгарии.

Еще большее содействие в успехе переворота оказал наш дипломатический агент М. А. Хитрово, который сопровождал князя при его объезде княжества и всюду на местах уговаривал народ о даровании князю испрашиваемых полномочий.

1 июля собиралось Великое народное собрание. Открытие было назначено на полдень.

За несколько минут до открытия на квартиру дипломатического агента явилась депутация от Собрания, глава которой обратился к М. А. Хитрово со следующей речью:

– Через несколько минут князь обратится к нам с требованием о приостановке действия конституции и о даровании ему особых полномочий. Так скажи нам: желает ли царь, чтобы мы исполнили требование князя? Признает ли царь, что это будет для нашего блага?

Хитрово ответил:

– Да, царь желает этого и считает, что это будет для вашего блага.

Князь открыл собрание вовремя, прочел манифест, и через каких-нибудь десять минут все, о чем просил, было ему даровано, и князь пригласил депутатов присягнуть новому порядку. 298 депутатов присягнули и целовали крест и Евангелие. Один, Драган Данков, покинул Собрание, не присягнув.

Генерал Эрнрот сейчас же подал в отставку и покинул Болгарию. Вскоре за ним последовал и М. А. Хитрово.

Из Петербурга прибыли генерал-лейтенант Соболев для занятия вновь розданной должности первого министра и генерал-майор барон Каульбарс – на должность военного министра.

Назначение дипломатического агента сразу не последовало, текущими делами агентства ведал секретарь Арсеньев, обязанности агента временно нес генерал-лейтенант Соболев.

С этого момента политическая жизнь Болгарии резко изменилась. Несмотря на то что до выборов в Народное собрание оппозиция не была допущена, дела не шли, во всем чувствовался застой, какое-то глухое сопротивление и недовольство.

Прошло всего лишь три года со дня образования Болгарского княжества, а в Софии сменились уже три наших дипломатических агента и два военных министра. Мы не сумели установить правильных отношений ни с князем, ни с болгарами.

Последствия переворота сказались и на жизни Восточной Румелии. Исчезла сплоченность болгар, стала образовываться новая партия, которая начала проповедовать стремление не к присоединению Восточной Румелии к княжеству, а наоборот, княжество к Восточной Румелии, и, провозгласив генерал-губернатора князя Вогориди болгарским князем, партия повела решительную борьбу против Ивана Евстратьева Гешева и его единомышленников.

К счастью, удалось не допустить князя Вогориди до решительных выступлений.

С приездом преемника Церетелева, статского советника Кребеля, моя работа стала протекать в иной обстановке. Добрые отношения с ним продолжались до тех пор, пока я не посвятил его в подробности местной обстановки. Дошло до того, что однажды князь Вогориди рассказал мне, как он просил Кребеля поддержать его в Константинополе по вопросу, касавшемуся милиции, и Кребель будто бы ответил:

– Я все для вас сделаю, но при условии, что подполковник Экк не будет об этом знать.

В Петербург постоянно доносилось, что мое пребывание в Филиппополе возбуждает недоверие представителей иностранных держав, которые будто бы постоянно спрашивают, что может делать в Генеральном консульстве подполковник Генерального штаба.

Весной 1882 года я вновь был вызван в Петербург и был очень удивлен, когда после доклада генерал-адъютант Обручев спросил:

– А какие у вас, Экк, отношения с иностранцами?

– Самые лучшие, а с некоторыми, особенно с английским генеральным консулом Джонсом, даже дружеские, насколько это допустимо, но я с ними никогда не затрагиваю деловых тем.

Отпуская меня, генерал-адъютант Обручев добавил:

– Военный министр и я признаем желательным ваше дальнейшее пребывание в Филиппополе.

После этих слов я не решился просить об отзывании меня и оставался в Филиппополе до 1885 года.

Милиция постепенно совершенствовалась, Штреккер-паша, убедившись, что ему не удастся понизить рвение

офицеров, незаметно перешел на положение шефа и благодаря высокому содержанию спокойно наслаждался жизнью.

Несколько отдельных эпизодов, ярко рисующих внутреннюю сторону деятельности милиции, заслуживают быть отмеченными.

По Органическому статуту командир учебного батальона считался старшим из всех офицеров в строю и их представителем. Ввиду этого на должность командира учебного батальона был избран старший из капитанов 54-го Минского полка⁴¹ капитан Минко, родом болгарин, который с большим достоинством занимал эту должность и пользовался всеобщим уважением.

В нашей армии тогда еще существовал порядок производства в штаб-офицеры не по общей линии старшинства, а отдельно по полкам, по мере открытия вакансии.

Такая вакансия открылась в 146-м Царицынском полку,⁴² и на нее был произведен в подполковники

⁴¹ 54-й пехотный Минский Его Величества царя Болгарского полк был сформирован 16 августа 1806 г. как Минский мушкетерский, 25 марта 1864 г. назван 54-м пехотным Минским. Шефство царя Болгарии получил 11 апреля 1908 г. Входил в 14-ю пехотную дивизию, но в 1914 г., после начала Первой мировой войны, шефство было отменено, и полк вновь стал именоваться 54-м пехотным Минским.

⁴² 146-й пехотный Царицынский полк в своей основе имел Московский легион, из двух батальонов которого 6 марта 1775 г. был создан Днепровский пехотный полк, ставший с 25 марта

состоявшей командиром первой Филиппопольской дружины капитан Якобсон. Получив извещение о производстве, подполковник Якобсон предъявил свои права и был утвержден в чине подполковника милиции.

Капитан Минко оказался ни при делах. И генерал-губернатор, и начальник милиции, и, в особенности, председатель Постоянного комитета Гешев, и многие депутаты стали интересоваться: чем же так провинился капитан Минко, за что его обошли, и объяснение, что это простая случайность, никого не удовлетворяло. Сам Минко, глубоко огорченный, решил уйти в отставку и переехать в Болгарию.

С трудом удалось его уговорить немного выждать, затем написать генерал-адъютанту Обручеву о впечатлении, произведенным неожиданным производством Якобсона.

С обратной почтой был прислан высочайший приказ, один из пунктов которого гласил: «За отличия, оказанные в Восточной Румелии, 54-го пехотного Минского полка капитан Минко был произведен в подполковники со старшинством на один день раньше дня производства Якобсона». Так капитан Минко был восстановлен в своем служебном положении.

Оригинальное бытовое явление представляли тогда личности некоторых разбойников края, пользовавшихся известною славой и вроде бы даже почетом в народе.

Особо среди населения славился разбойник Спанос, орудовавший в Восточной Румелии и в Македонии,

1864 г. 146-м пехотным Царицынским. В 1914 г. входил в состав 37-й пехотной дивизии.

нападавший только на богатых, никогда не трогавший бедных и часто им помогавший.

За его поимку живым или мертвым правительством была обещана сумма в 10 тысяч пиастров (100 турецких лир золотом), сумма, составлявшая тогда целое состояние, но несмотря на это его не только словно бы охраняли в народе, даже жандармы его не трогали. Так, однажды мы с А. П. Извольским поехали верхом в деревню Сотир. День был воскресный, в церкви шла обедня. Спешившись, мы вошли в церковь. Стояло много народу и впереди один богато одетый человек. Через несколько минут ко мне подошел жандарм и шепнул:

– Ваше Высокоблагородие, изволите видеть человека впереди, это Спанос.

– Ведь ты же обязан его арестовать.

– Никак нет, да и народ не позволит.

Так и простоял Спанос до конца, первым подошел к кресту и вышел из церкви, ни на кого не взглянув.

Этот самый Спанос некоторое время спустя в Белове захватил Бернгесса, старшего лесничего железнодорожного правления барона Гирша, увел его в горы и потребовал выкуп в 12 тысяч турецких лир, угрожая в противном случае убить заложника.

Переговоры о выкупе Спанос поручил одному из своих помощников Маламе, а сам отлучился в Македонию.

Малама не сумел выдержать характера, стал торговаться и выпустил Бернгесса за 3 тысячи лир.

Когда Спанос узнал об этом, то тотчас арестовал Малама и написал Филиппопольскому префекту: «Так как Малама

осрамил наше ремесло, согласившись выпустить представителя грабителя Гирша за 3 тысячи лир вместо назначенной мною суммы, то я его выдам вам, при условии, что будут выпущены из тюрьмы арестованные на днях три мои разбойника и возвращена ослица, бывшая при них». Условие Спаноса было принято и он, получив своих обратно, передал Маламу местным властям.

После этого случая решено было ваять Спаноса силою. Были двинуты рота пехоты и эскадрон подвижной жандармерии. Спанос был окружен, шайка его разбежалась, сам Спанос упал в припадке падучей болезни, тем не менее ни один человек не тронулся, чтобы схватить его. Когда припадок кончился, Спанос поднялся и с трудом ушел в горы, и до его ухода никто не шелохнулся. (Подлинный рассказ офицера, бывшего при этом.)

Другой разбойник, Стоян, орудовал в районе Бургаса, Айдоса, Ямболя. В один прекрасный день возвращавшийся из Бургаса в Ямболь с полученным офицерским содержанием поручик Набоков был ограблен шайкой Стояна, у него отобрали 5 тысяч рублей и угнали лошадей.

Считая себя опозоренным тем, что не сумел уберечь казенные деньги, Набоков сидел на краю шоссе в глубоком раздумье и слезы текли по его щекам. Какой-то прохожий дотронулся до его плеча и спросил:

– О чем горюешь, капитан?

Набоков рассказал, как его ограбил Стоян.

– Как ты поверил, что Стоян мог ограбить царского капитана? Тот, кто назвал себя Стояном, будет убит, а ты ступай спокойно домой, все деньги тебе будут возвращены, в том тебе Стоян поручаю.

И деньги были действительно возвращены Набокову.

Еще в марте 1873 года, когда мне было поручено объехать район Родопского восстания и выяснить причины отхода наших войск от Демотики и перехода их на левый берег реки Арды, в пути меня настигла ночь. Дикий характер Родопских гор не допускал продвижения в темноте, приходилось становиться на ночлег. Расположенные в долине села были явно разбойничьими и невольно закрадывалось опасение. Но бывший при мне переводчиком татарин, унтер-офицер 9-го драгунского Казанского полка, заверил меня, что мы для них будем посланными от Аллаха гостями, что они примут и ни за что денег не возьмут.

Пришлось согласиться, и когда мы вошли в дом богатого помака, он нас усадил, указал место, куда поставить лошадей. Я шепнул унтер-офицеру:

– Назначь часового к лошадям.

– Не надо, Ваше Высокоблагородие, это только их обидит. Они сами будут и их, и нас охранять.

Мы отлично переночевали. Утром я напрасно упрашивал хозяина взять деньги хотя бы за прокорм лошадей. Он только повторял: «Алла, Алла» и упорно отказывался. Не допустил даже подарить золотой его маленькой внучке, которая держала мою лошадь.

Простившись с хозяином, я поехал шагом по богатому селу. Когда мы подходили к околице, унтер-офицер галопом подъехал ко мне:

– Ваше Высокоблагородие, теперь надо рысью, за околицей мы для них уже не от Аллаха.

В августе я был приглашен на большие маневры Болгарской армии, сосредоточенной в окрестностях Шумлы.

Хотя всем приглашенным были отведены дома в Шумле, мне удалось устроиться в палатке с офицерами и, с разрешения князя, я остался жить в лагере. Это дало возможность присмотреться к отличному внутреннему порядку в армии, убедиться в основательном знании полевой службы.

Местность под Шумлой, пересеченная глубокими, с крутыми берегами балками, представляла значительные трудности для передвижения войск, постоянные дожди, размочившие глинистую почву, значительно увеличивали эти трудности. Но болгары – прирожденные ходоки, и надо было видеть, с какой легкостью войска преодолевали препятствия, с какой быстротой совершались все передвижения. 28 августа около полудня обе стороны сошлись под Переяславлем, древней столицей Болгарии. Князь дал «отбой», поблагодарил войска и прямо с поля шагом на своем чистокровной кобыле поехал в лагерь, до которого было 16 верст.

Подъехав к шатру, князь просил всех обедать, и мы тотчас же сели за стол. Не успели подать второе блюдо, как раздалась песня, и головная часть пехоты вступила в лагерь.

Отобедав, войска тотчас приступили к убранству лагеря, и на утро, в день тезоименитства князя, весь лагерь утопал в зелени.

Парад прошел блестяще.

После обеда начались «хоро»: танцы, пение и музыка продолжались до самой зари, которая в этот день бала назначена немного позже обыкновенного.

Житье в лагере дало возможность не только ближе познакомиться со старшими нашими офицерами, переговорить с ними о многом, но и ежедневно видеть князя и беседовать с ним.

Отпустив после обеда иностранных гостей, князь охотно оставался в шатре побеседовать с нами.

Уверяли, что с ним нельзя заговаривать о перевороте, однако, когда мы однажды остались вдвоем, князь сам заговорил об этом, о создавшейся трудной обстановке, и сетовал на то, что не получает должной поддержки от генералов, что самая твердая его опора – это войска и наши офицеры, просил высказать откровенное мнение о войсках.

На это я ответил:

– Войска настолько хороши, что настало время постепенно замещать известную часть вакансий ротных командиров младшими офицерами-болгарами старших выпусков из Софийского военного училища.

– Слишком резкое отличие, проводимое Вашим Высочеством между нашими офицерами и болгарскими, может пойти в ущерб нам, может поселить рознь между ними и подорвать авторитет наших офицеров в стране.

– Наши офицеры являются в болгарской армии временным элементом инструкторов, главная задача которых, помимо обучения войск, – постепенно подготовить командный состав из офицеров-болгар, являющихся постоянным элементом, главной основой ее в будущем.

Князь без всякой тени неудовольствия сказал:

– Вы правы, но сейчас этого делать еще нельзя.

Отпуская меня, князь добавил:

– Я не решаюсь пожаловать вам орден Св. Александра без предварительного разрешения государя ввиду вашего пребывания в Филиппополе, но прошу вас при случае приезжать в Софию, меня крайне интересует все, касающееся милиции.

25 декабря 1881 года, в самый день Рождества, родилась наша первая дочь.

Понадобилась зачем-то помощь прислуги, я заглянул в комнату девушки, приехавшей с нами из России, ее не оказалось, тогда я стал звать каваса Саву, но и тот не откликнулся. Спустившись вниз, я наткнулся на старика повара, который увидав меня, снял феску и проговорил:

– Ну что ж делать, то Божия воля.

Озадаченный этими словами я с нетерпением спросил:

– А где же Сава?

– О, Сава не покажется вам на глаза, он не захочет вас страмить.

Так я ничего и не добился.

И никто из знакомых местных жителей нас не поздравил, более того, оставление в передней банок с петмесом свидетельствовало о сочувствии нам. Оказалось, что одни боялись меня обидеть, поздравляя с рождением девочки, другие, и в том числе очень мне преданный черногорец Сава, считали, что я просто осрамился тем, что у меня первой родилась дочь. Потом мы с женой очень смеялись, но в первую минуту меня взяло зло, и я чуть не рассчитал всех людей.

Жена не смогла сама кормить, пришлось искать кормилицу, что представляло большие трудности, никто не хотел

идти. Наконец удалось уговорить одну бедную, брошенную мужем болгарку, у которой была дочь всего неделей старше нашей.

Фану, когда отдохнула, подкормилась, оказалась женщиной не только здоровой, очень хорошенькой, но и удивительно ровного, веселого нрава, сильно привязалась к своей питомице, ласково и умело с ней обращалась. Мы предоставили ей самой подобрать себе костюм. Надо было видеть, с какой радостью и с каким вкусом она все подбирала. Костюм был болгарский: черный сукман, шитва по борту матовым золотом, рукава рубашки пышные, как у нас на сарафанах. Пояс широкий кожаный в серебре, передники шелковый – один ярко-зеленого, другой ярко-желтого муара, оба обшиты черным кружевом; белые чулки с вышитыми стрелками, черные башмаки. Волосы заплетены несколькими мелкими косичками, поверх которых цветной платок, очень красиво повязанный. В парадные дни сверх сукмана надевалась меховая безрукавка, расшитая золотом и шнурками.

Мы скоро полюбили Фану за ее удивительно нежное обращение с ребенком, и, хотя ей ни в чем отказу не было, она ни разу не позволила себе ничего лишнего. Освоившись наконец у нас, Фану решилась обратиться ко мне с просьбой развести ее с мужем, который, узнав, как ей живется и что у нее завелись деньги, стал требовать ее обратно к себе.

– Спаси меня, – просила Фану. – А то он меня совсем погубит.

– Но я же не могу разводить.

– Ты можешь просить владыку. Он для тебя все сделает.

Подумав, я пошел к митрополиту Панарету, рассказал ему о ней, просил войти в ее положение и развести с мужем.

Выслушав меня, старый владыка спросил:

– Да выгодно ли вам их разводить, может быть, она такая хорошая именно из-за страха перед возвращением к мужу, не лучше ли обождать?

Но я настойчиво повторил свою просьбу.

– Хорошо, если так, то разведу. Но прежде я должен им трижды сделать пастырское внушение и затем только, если они не исправятся, дам развод.

Самая процедура развода прошла так: Фану и ее муж были вызваны к владыке. Поставив их на колени, владыка сделал им внушение и дал месяц на исправление. Через месяц повторил внушение, потом – в третий раз, и, видя упорство сторон, приказал им внести по одной турецкой лире и выдал каждому отдельное свидетельство о том, что такого-то числа они разведены, причем если исправятся, то каждая из сторон может через год после этого вновь вступить в брак.

Летом 1832 года в Филиппополь прибыл военный инженер Рамбах, командированный с двумя капитанами для сооружения памятников на местах важнейших сражений, на средства капитала, завещанного императором Александром II.

Всего предполагалось поставить 11 памятников, из них восемь в Болгарии и три в Восточной Румелии.

Все памятники были сделаны по одному образцу: основание из красного гранита в пять или шесть ступеней,

на нем пирамида из серого гранита с орнаментами и досками из белого мрамора.

На досках золотыми буквами надпись: день и год боя, какие войска и под чьим предводительством участвовали в бою.

Все части памятников были художественно исполнены в Италии, доставлены в разобранном виде и монтировались нашими инженерами на избранных местах.

В Восточной Румелии памятники были сооружены: на горе Святого Николая в память Шипкинских боев и пленения армии Весселя-паши; под Старой-Загорой, где пришлось выдержать упорный бой с войсками Сулеймана-паши; в Филиппополе в память трехдневного боя с 3 по 5 января 1878 года, в котором была окончательно разгромлена армия Сулеймана-паши.

Так как освящение этих памятников, особенно в Старой-Загоре, приняло характер народного торжества, то считаю необходимым их описать.

Первым был освящен памятник на горе Святого Николая.

Шествие к памятнику началось от Казанлака, и с нами двинулось все население города, Шипки и других прилегающих деревень. Во главе шел старый отец Амфилохий, бывший священником болгарского легиона во время осады Севастополя.

Весь путь от подножия горы до ее вершины был усеян памятниками на отдельных и общих могилах. У каждой такой могилы отец Амфилохий служил краткую литию, так что, выступив на рассвете, мы достигли памятника немного ранее полудня.

Торжество началось с речи депутата Наумова, в которой он ярко обрисовал все трудности Шипкинского сражения, отбития горстью наших войск бешеных атак турок, и, наконец, пленения армии Весселя-паши.

После речи была отслужена панихида по всем павшим в Шипкинских боях с провозглашением вечной памяти царю-освободителю и всем воинам, живот свой положившим за освобождение Болгарии. Все стояли на коленях, многие громко рыдали, после панихиды был торжественный молебен с многолетием государю императору Александру III и победоносному российскому воинству, генерал-губернатору и прочим. Покрывало спало, и пред всеми предстал в ярком солнечном свете великолепный памятник.

Затем все двинулись к столам. В это самое время ко мне приблизился один из старых габровских ополченцев и просил подойти к ним.

Габровские ополченцы добивались права участия в торжестве, но по политическим причинам их притязания были отклонены. Они все же поднялись из Габрово и стали на северном склоне, неподалеку от памятника.

Когда я поздоровался с ними и поздравил с освящением памятника, старший из них поднес мне небольшой кувшин с вином:

– Ты тут один царский капитан, так прими от нас и выпей за царя Александра.

Пришлось выпить весь кувшин.

Общая трапеза и гуляние продолжались до самой ночи.

Освящение памятника в Старой-Загоре состоялось 20 августа, в годовщину одного из самых тяжелых боев, притом

для нас неудачного. После нашего отступления турки жестоко расправились с городом, разрушили его и заполнили две мечети головами убитых жителей. Памятник был воздвигнут на самом поле сражения.

Ко дню освящения со всех окрестностей собрались свыше двух тысяч человек, расположившихся биваком в ореховых рощах.

Тот же Наумов, депутат от Старой-Загоры, произнес вдохновенную речь, ярко описав все ужасы, пережитые городом, и последовавшее затем освобождение. Речь произвела потрясающее впечатление, многотысячная толпа громко рыдала.

За речью последовали панихида и молебен, и памятник был открыт.

Столов не было, трапезовать расположилась на земле в великолепной ореховой роще. По окончании трапезы составились «хоро» и танцевали до полной темноты. Впереди того места, где мы сидели, составилось «хоро» из двенадцати стариков. Самому молодому из них был 61 год. Это «хоро» водил в течение двух часов 80-летний старик. Под конец танца ему подали большой графин вина. Поставив графин себе на голову, старик, придерживая графин одной рукой, еще довольно долго водил «хоро». Наконец, остановил его перед нами и, выступив вперед, взял графин в обе руки и со словами «Да живет царь Александр» одним духом выпил его.

Освящение памятника в Филиппополе состоялось по той же программе, но было несколько сдержаннее. Не было народной трапезы, не было общего «хоро», их заменил вечер в городском собрании.

В этом же году у деревни Шипки было окончательно выбрано место под храм в память «Освобождения Болгарии и всех, за это дело живот положивших». Храм предполагалось построить на собранный в России по подписке капитал в 500 тысяч рублей. Архитектор Томишко разработал редкой красоты проект.

3 января 1883 года я был приглашен в Софию на освящение дворца, построенного народом для своего князя.

Прекрасный дворец был богато обставлен, и болгары справедливо им гордились. После освящения состоялся парадный прием, а вечером бал. К сожалению, и на этом балу не обошлось без неловкости с нашей стороны по отношению к князю.

Князь просил супругу генерала Соболева быть хозяйкой этого бала. Съезд был назначен к 10 часам. Все уже давно собрались, а хозяйки все не было, и князь, наконец, открыл бал с другой дамой, и лишь около полуночи появилась хозяйка.

Пробыв в Софии два дня, я успел сделать все официальные визиты, переговорить с военным министром, с которым у нас шла не всегда гладкая переписка, нанести визит Соболевым и побывать на заседании Народного собрания.

Отовсюду вынес впечатление, что отношения генералов с князем все более обострялись, всюду чувствовались трения, а в Народном собрании дела совсем не шли.

При прощании князь пожаловал мне Командорский крест ордена Св. Александра, сказав при этом, что государь разрешил мне носить этот орден и в Восточной Румелии.

Было 10 января, и я очень торопился, чтобы 11-го, в день нашей свадьбы, хоть к вечеру попасть домой!

Переночевал в Ихтимане, несмотря на неблагоприятную погоду. 11-го в 7 часов утра въехал на Филиппополь. Шел мокрый снег, и спуск к селу Ветренову в полторы версты был очень опасен. На половине спуска затянулась правая дышловая и начала валить влево, к стороне обрыва. Но превосходный кучер Яни сумел-таки настолько справиться с лошадьми, что мы упали со сравнительно малой высоты на кусты и все остались целы. Время шло, и я с трудом, лишь к полночи, добрался до дому.

У жены сидела Ж. Н. Кребель, которая набросилась на меня за то, что я вернулся без Кребеля, и, не прощаясь, ушла.

Наступило время коронавания императора Александра III.

Вся Румелия готовилась к этому дню как к народному торжеству. 15 мая, в самый день коронавания, во всех церквах были совершены богослужения и молебны о благоденствии царя-покровителя, все учащиеся освобождены на два дня от занятий. При появления кого-либо из русских сейчас же раздавались крики «Ура, да живет царь Александр!».

В соборе на молебне присутствовали генерал-губернатор, все власти и члены Постоянного комитета и наличные депутаты Областного собрания. Прямо из собора генерал-губернатор во главе всех официальных лиц прибыл в наше Генеральное консульство для принесения поздравлений, вечером в Городском собрании состоялся парадный бал, на котором было произнесено много славных речей. Но самая искренность радостного настроения

сказывалась в той сердечности, с какой жители зазывали к себе офицеров, солдат-инструкторов, вообще всех русских и, угощая их, старались всячески показать свою любовь и благодарность к России. Когда мы с женой ехали на бал в Городское собрание, мы трижды были остановлены окружавшею нас толпой.

Но из всех знаков внимания самое светлое воспоминание оставило шествие детей. Когда стемнело, несколько сотен мальчиков и девочек, держа в руках зажженные фонари, прошли с песнями через весь город, подошли к нашему дому и, став под балконом, запели «Боже, Царя храни», затем «Ура», «Шуми Марица», и так несколько раз подряд. Мы с женою вышли к ним, благодарили, целовали их, а они в ответ еще громче «Ура», «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица» (их тогдашний народный гимн). Пение и крики «Ура» проходили под окнами детской, где спала наша полуторогодовалая дочь, и не только не напугали ее, но даже и не разбудили.

Из Болгарии в Москву выехал князь Александр во главе депутации, которая, поздравляя государя, просила принять на память от болгарского народа серебряную группу, представлявшую символически Россию, освобождающую Болгарию.

На время отсутствия князя было установлено регентство. Регентом назначен военный министр генерал-майор барон Каульбарс.

Лето 1883 года в Восточной Румелии прошло спокойно. Волновали только вести, доходившие из Болгарии. Там, видимо, опять приближался кризис. Не шли дела в Народном собрании, отношения между князем и нашими генералами, особенно первым министром Соболевым, все более

обострялись. Чувствовалось назревание столкновений. Несмотря на эти недоразумения, на параде 30 августа, в день тезоименитства князя, он был встречен особенно горячо, а после парада вызванные вперед офицеры после речи князя сопровождали его до самого края поля несмолкаемыми криками «Ура!».

Осенью того же года я должен был отвести больную жену в Вену и, по совету врачей, поселить ее на зиму в Меране.

Возвращаясь обратно, я остановился на два дня в Софии у одного из наших офицеров, капитана Ковалевского, которого хорошо знал по Филиппополю, чтобы повидаться с бароном Каульбарсом и в особенности с недавно прибывшим нашим представителем Иониным.

В первый же день моего пребывания на квартиру Ковалевского приехал адъютант князя и передал мне приглашение Его Высочества прибыть к нему.

Предчувствуя, какие могут быть между нами разговоры, я просил адъютанта поблагодарить Его Высочество за честь приглашения, но я, не имея с собой ничего, кроме штатского дорожного костюма, лишен возможности воспользоваться приглашением.

Адъютант вернулся и передал, что князь просит придти в чем есть. После этого я отправился во дворец и был тотчас же принят князем.

Привожу дословно рассказ самого князя, из которого между прочим видно, что князь состоял в личной переписке с императором Александром III:

– Чувствуя, что мои отношения с генералами все обостряются и что, донося в Петербург, стараются все мои поступки представить в известном явно для меня

неблагоприятном освещении, я решился просить государя прислать генерала Эрнрота, который рассудил бы нас и затем доложил бы всю правду в Петербург. Государь сначала как бы согласился на командирование Эрнрота, но затем написал: «Je ne puis t'envoyer Ernrote, mais j'envoie Ionine. Lui tranquille, la mission de Ionine est une mission de paix, il est chargé de se prononcer entre toi et les généraux». ⁴³

Через некоторое время прибыл Ионин, был торжественно принят князем во дворце в присутствии всех министров.

Вручив свои верительные грамоты, Ионин потребовал у князя аудиенции. Князь ему ответил:

– Выбирайте сами время в любой день и час.

Ионин просил сейчас же. Князь сказал:

– Сейчас неудобно, тут все министры, я сам в парадной форме.

Но Ионин продолжал настаивать и, когда князь дал согласие, обратился со следующей речью:

– Monseigneur! Je suis chargé de Sa Majesté L'Empereur, mon Seigneur et Maître de vous déclarer que Sa Majesté est très mécontente de Vous et que j'ai reçu l'ordre formel de surveiller la clique infâme qui vous entoure. ⁴⁴

⁴³ Я не могу послать к тебе Эрнрота, но посылаю Ионина, он спокойный. Миссия Ионина – это миссия мира, ему поручено выступить между тобой и генералами. – *Примеч. пер.*

⁴⁴ – Милостивый государь! Я уполномочен Его Императорским Величеством, моим государем и повелителем, заявить Вам, что Его Величество весьма недоволен Вами и что я получил строжайший

Совершенно озадаченный князь через некоторое время ответил:

– Dans ce cas veuillez Vous adresser à mon ministre des affaires étrangères – il est payé pour entendre Vos importunités.⁴⁵

После такого диалога о соглашении не приходилось говорить.

Посетив на другой день Ионина, я был поражен тем раздраженным тоном, с которым он говорил о князе, критиковал его и вообще отзывался о нем неодобрительно, рассказывал, что князь будто бы тайком вывез из Софии несколько подвод с золотом, что болгары, особенно Драган Цанков, сами недовольны князем и подумывают о его замене. Даже за обедом в присутствии своей молодой жены, красавицы черногорки, Ионин все время говорил о князе, но ни разу словом не обмолвился о генерале Соболеве.

Переговорив вечером со знакомыми офицерами, служившими в Софии с 1873 года, для меня стало ясно, что болгары, в первую очередь Драган Цанков, твердо решили использовать это недоразумение для ускорения восстановления Тырновской конституции. Руководство всем этим принял на себя Драган Цанков, который, с одной стороны, уговаривал князя смело идти этим путем, а с другой, уверял Соболева, что болгары будут с ним, и князь вынужден будет уступить.

приказ следить за вашей постыдной кликой, окружающей Вас. – *Примеч. пер.*

⁴⁵ – В таком случае извольте обратиться к министру иностранных дел. Ему платят, чтобы он выслушивал Ваши нелепости. – *Примеч. пер.*

Соболев поверил, пошел напролом и быстро осекся.

Действительно, когда некоторое время спустя князь просил Соболева оставить свой пост ввиду невозможности соглашения между ними, Соболев ответил, что покинет свой пост только тогда, когда получит на то указание из Петербурга.

Тогда князь призвал Драгана Цанкова, объявил ему о своем твердом намерении отказаться от дарованных ему полномочий и восстановить действие Тырновской конституции и повелел объявить о созыве Великого народного собрания.

Даже когда Великое народное собрание состоялось, Соболев все еще думал, что болгары пойдут с ним, и только когда князь прочел свой манифест и предложил депутатам вновь присягнуть конституции, он увидел, что первым поднялся Драган Цанков, и подошел к кресту и Евангелию, а за ним и все депутаты.

Простым восстановлением Тырновской конституции сама собою упразднилась созданная на основании Особых полномочий должность первого министра, и Соболев, неожиданно для себя, оказался в положении частного лица.

Пришлось запросить Петербург, откуда пришел ответ: «Обоим немедленно выезжать».

Вслед за тем был отозван и Ионин.

В Софию прибыл с особыми полномочиями флигель-адъютант барон Н. В. Каульбарс (брат военного министра), который восстановил нормальные отношения и заключил новую военную конвенцию, одним из параграфов которой половина всех ротных командиров заменялась

болгарскими офицерами. Военным министром был назначен Генерального штаба генерал-майор князь Кантакузен.

Не сбылась мечта князя Александра обвенчаться с дочерью великого князя Михаила Николаевича⁴⁶ Анастасией Михайловной. Против этого высказалась княгиня Ольга Федоровна и упросила императора Александра III не давать согласия на брак.

В октябре этого же года, сразу же по возвращению в Филиппополь, отправляя донесение, я приложил письмо на имя генерал-адъютанта Обручева, в котором, как всегда откровенно, изложил отдельно все слышанное от самого князя и отдельно – все слышанное от близких мне людей и мною проверенное. Считал положение настолько серьезным, что позволил себе указать на необходимость подумать о заместителе князя Александра, так как после всего совершившегося он всегда будет настороже в отношении нашего представителя в Софии.

В Восточной Румелии в течение 1883 года также последовал ряд перемен: начальник милиции Штреккер-паша был отозван в Константинополь. Очень хотел получить это место

⁴⁶ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) – четвертый сын императора Николая I и его супруги Александры Федоровны; военачальник и государственный деятель. Получил военное образование с уклоном в артиллерийское дело; генерал-адъютант.

С 1852 г. – генерал-фельдцейхмейстер, участвовал в Крымской войне, награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1878 г. – генерал-фельдмаршал. С 1862 по 1881 г. занимал должность наместника Кавказа и командующего Кавказской армией. В 1864 г. был награжден орденом Св. Георгия II, а в 1877 г. – I степени. С 1881 по 1905 г. являлся председателем Государственного совета.

командовавший в Мустафе-паше Мегмед-Хюлюсси-паша, отлично говоривший по-русски и владевший крупной земельной собственностью под Старой Загорой. Мегмед-Хюлюсси-паша был родом черкес, уроженец Кавказа, и принадлежал к сословию владетельных беков и на Кавказе носил имя Мегмед-Хан-Бек-Улусийский, служил в наших войсках до чина полковника. За бой под Кюрюк-дара в 1853 году был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1873 году, как он сам выразился, будучи кровно обиженным помощником наместника по гражданскому управлению, просил у государя разрешения покинуть Россию и, получив таковое, эмигрировал в Константинополь, где вступил в ряды турецкой армии, участвовал в войне против нас, но продолжал носить на турецкой сабле наш георгиевский темляк. Два его сына осталась в России и получили военное образование в кадетских корпусах. После войны женился на богатой турчанке, владевшей крупной земельной собственностью в Старо-Загоровской префектуре, а чтобы закрепить владение всею ее собственностью, выписал из России своего младшего сына и женил его на ее дочери. С самого заключения мира Мегмед-Хюлюсси-паша очень дружелюбно относился к нам, радушно принимал наших офицеров, подолгу с ними беседовал и просил, чтобы они, проезжая через Мустафу-пашу, непременно заходили к нему.

Командуя пограничными в Восточной Румелии частями, он не допускал никаких грабежей и дружелюбно относился к болгарам. Казалось бы, что такой кандидат подходил по всем статьям и соответствовал нашим интересам, но министерство иностранных дел категорически высказалось против его назначения, мотивируя свой отказ тем, что нельзя допустить

прецедента по назначению магометанина на должность начальника Восточно-Румелийской милиции.

Выбор остановился на генерал-лейтенанте фон Дрыгальском-паше, родом пруссаке, много лет уже состоявшим на турецкой службе, бывшем флигель-адъютанте султана.

С Дрыгальским-пашой у нас сразу установились хорошие отношения. Он много писал, был со всеми отменно любезен.

Я всегда ему был благодарен за подаренную фотографию императора Александра II, поясную, в половину натуральной величины, лучшую из всех, имеющихся у меня.

В первой же половине 1883 года был отозван наш генеральный консул Кребель, а на его место прибыл старший советник Сорокин, бывший несколько лет консулом в Тульче.

Мы с ним поддерживали хорошие отношения, и этого было совершенно достаточно, дело оказалось прочно налажено, работа наших офицеров шла успешно, а во всех серьезных делах я имел поддержку в лице нашего нового посла в Константинополе А. И. Нелидова.

Убыл в Софию Иван Евстратьев Гешев, бывший все годы председателем Областного собрания и Постоянного комитета. В Софии он был назначен директором Болгарского государственного банка.

В 1884 году истекли пятилетние полномочия князя Вогориدي, и предстояло избрание нового генерал-губернатора державами, подписавшими берлинский трактат.

Выбор пал на Крестовича, состоявшего пять лет генеральным секретарем Восточной Румелии (соответствовал министру внутренних дел).

Несмотря на его скромность, на некоторую, я бы сказал, «бесцветность», за князем Вогориди остается по отношению к болгарам одна крупная заслуга – он сразу принял точку зрения, что Восточная Румелия есть часть Болгарии, упорно отстаивал перед Портой интересы болгар, несмотря на все неприятности, иногда даже угрозы.

Новый генерал-губернатор Крестович всю жизнь до создания Восточной Румелии провел на турецкой службе, имел связи в Порте, но в душе остался турецким чиновником и большой самостоятельности от него нечего было и ждать.

Находясь весной 1884 года в Петербурге, я еще раз откровенно доложил генерал-адъютанту Обручеву, в какой обстановке протекает моя служба в Восточной Румелии, что налаженный порядок прочно установился, милиция готова слиться в одно целое с болгарской армией, и просил отозвать меня при первой возможности.

Просьба была уважена через год, и в начале 1885 года я был отозван в Петербург.

На мое место был командирован Генерального штаба подполковник М. М. Чичагов.

После моего отъезда Восточная Румелия просуществовала всего лишь один год. В 1886-м, ко времени возникновения болгаро-сербской войны, она присоединилась к Болгарии. Тотчас же была объявлена мобилизация и в 24 часа явились под ружье 95 600 человек, которые на третий день подошли к Софии, совершив переход в 250 верст.

В этой поразительной мобилизации сказались результаты работы наших офицеров в милиции и, в особенности, в гимнастических дружествах.

Описывая первые годы самостоятельной жизни Восточной Румелии, я совершенно не коснулся вопроса о железных дорогах, а между тем этот вопрос заслуживает особого внимания.

Еще в царствование Абдул-Азиса концессия на постройку железных дорог в пределах Европейской Турции была предоставлена австрийскому банкиру барону Гиршу, который обязался построить магистраль Константинополь – Адрианополь – Филиппополь – Татар-Базарджик – София, и от этой магистрали отходила отдельная ветка к портам Черного, Мраморного, Эгейского морей и вглубь страны к главнейшим городам.

Представленный бароном Гиршем проект сети будущих железных дорог действительно удовлетворял экономическим нуждам страны, и концессия была ему предоставлена.

Когда же дело дошло до проведения проекта в жизнь, то, благодаря умению барона Гирша ладить с великими визириями и Портой, были построены только те дороги, которые являлись выгодными для Гирша. Так, например, главная магистраль от Константинополя через Адрианополь – Филиппополь была доведена только до Татар-Базарджика. От Татар-Базарджика была построена лишь ветка до Белой Горы – богатейшему лесному району во всей Европейской Турции. По негласному соглашению с Портой барон Гирш эксплуатировал эти леса в свою пользу, и целые поезда, нагруженные выделанной древесиной, ежедневно отправлялись на Константинополь и далее в Австрию.

Из боковых линий была построена ветка от Люле-Бургаса до Новой-Загоры и там приостановлена.

Тарифы были высоки настолько, что вывезенный из Румелии хлеб, доехав до Константинополя, уже стоил вдвое дороже, чем доставляемый из других стран.

Барон Гирш пользовался особым покровительством не только Великого визиря, но и австро-венгерского посла в Константинополе.

По Берлинскому трактату право постройки железных дорог было оставлено исключительно за турецким правительством. При этом Турция обязалась войти в специальное соглашение с Австро-Венгрией, Сербией и Болгарией для соединения своих железных дорог с австро-венгерской сетью через Сербию в Болгарию.

Несмотря на заверения австро-венгерского посла в Константинополе, что Восточной Румелии не будет дозволено вмешиваться в вопрос о железных дорогах, по первому запросу депутата Величко о том, что намерено предпринять Восточно-румелийское правительство для урегулирования железнодорожных тарифов, барон Гирш из Вены по телеграфу приказал понизить все тарифы на 50 процентов.

Когда же австрийское правительство стало настаивать на заключении железнодорожной конвенции и дважды приглашало заинтересованные стороны на совещание в Вену, все его усилия разбились об изворотливость турецких делегатов. Казалось, все договорено, а санкции из Константинополя получить не могут. Решили взять султана хитростью.

Путешествовавший в то время на восток наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Рудольф должен был возвращаться в Вену через Константинополь. Австро-венгерский посол барон Каличе испросил согласия Абдул-Гамида на проезд эрцгерцога через Константинополь и получил любезный ответ султана:

– Да, но при одном условии, что по прибытии в Дарданеллы эрцгерцог будет моим гостем и переседет на мою яхту «Махмудис», которая затем доставит его в Варну.

Посол был в восторге.

На другой день по всей Пере продавцы газет выкрикивая «Stamboul, la Turquie» добавляли: «Кризис в министерстве, Кучук Саид подал в отставку со всеми министрами, отставка принята».

Все были поражены, так как Кучук Саид был самым выдающимся государственным деятелем и пользовался неограниченным доверием султана.

Загадка скоро разъяснилась. В тот же день яхта «Махмудис» остановилась против дворца Дольмабахче, и эрцгерцог Рудольф сошел на берег. Благодаря султана за радушный прием и передавая приветствие от императора, эрцгерцог вручил султану письмо Франца-Иосифа и добавил, что император рассчитывает на то, что Его Величество вручит свой ответ ему, эрцгерцогу.

Абдул-Гамид, прочитав письмо, сказал:

– Я бы с величайшим удовольствием исполнил желание императора, но я лишен возможности это сделать сегодня, так как остался без министров. Обещаю, как только составитсЯ новое министерство, прислать Его Величеству ответное письмо.

Затем последовал парадный обед и вечером эрцгерцог Рудольф отбыл в Варну, не получив желанной подписи султана.

А на другой день в Пере снова раздавались крики: «Кучук Саид согласился вновь составить министерство», и пресловутая железнодорожная конвенция так и осталась навсегда неподписанной. Осталось также тайной, кто предупредил султана о предстоявшем вручении ему письма императора Франца-Иосифа.

В то самое время, когда австрийское правительство так настойчиво добивалось подписания договора о железных дорогах, имея главным образом цель связать свою сеть дорог с турецкой, ко мне зашли два бельгийских инженера, де Серр и Ронна, и сделали предложение: минуя Австрию, связать нашу железнодорожную сеть от Унген через Румынию – Дунай (в том месте, где был наш военный мост) через Болгарию – Балканский хребет (Хаинский проход) – Шипку на Старую Загору – Новую Загору, где новый путь соединился бы с турецкой сетью.

При этом де Серр и Ронна указали, что необходимый капитал в 150 миллионов франков уже обеспечен, произведена нивелировка Хаинского прохода, который оказался вполне удобным, и прорытие тоннеля не доставит особенных технических трудностей и может быть закончен в два года. Главная проблема – это сооружение моста через Дунай, на которое потребуется четыре года, а временно его будет заменять паровой паром.

В заключение добавили, что хотя капиталы имеются, но без русских они этого предприятия провести не могут, а потому предлагают, чтобы в кампанию вошли русские

инженеры в какой угодно доле, лишь бы получить поддержку нашего правительства. По первому заявлению они готовы приехать в Петербург со всеми полномочиями от командировавшего их общества.

Все это я подробно донес генерал-адъютанту Обручеву, испрашивая указаний, но, потому ли, что мы были связаны Берлинским трактатом, или по иным каким причинам, в Петербурге к этому проекту отнеслись равнодушно и я никаких указаний не получил. Небезынтересно в этом деле то, что де Серр и Ронна состояли инженерами кампании австрийской Зюд-Бан.

Остается сказать еще об одном из благодатных сокровищ Восточной Румелии, да и всей Болгарии. Это природные горячие источники.

В Восточной Румелии я лично видел такие источники под Сливной, в Чирпане, Гиссаре в предгорьях Малых Балкан, в 50 верстах от Филиппополя, где моя семья проводила обычно июль и август месяцы, в Пиштере, в Новой Загоре и других местах.

В другой стране эти источники служили бы доходной статьей и обогащением местного населения. Но турецкое правительство, считая, что вода от Аллаха, не допускало мысли, чтобы за пользование этими источниками можно было бы взимать какую-либо плату. Более того, они все были оборудованы банями-бассейнами для купания.

Так как устройство бассейнов везде одинаково, опишу подробно бани на Гиссаре.

Местечко Гиссар расположено в предгорье Малых Балкан. Оно окружено лужайками и местами крупным гравием. По лужайкам всюду протекают ручейки, русло

которых и трава в них черные как уголь, вода же в ручейках светлая, чистая, совершенно горячая.

В крупном гравии много луж правильной круглой формы, диаметром от трех до четырех аршин; дно от краев к середине покатое, в центре глубина не более аршина и из центра каждой лужи непрерывно поднимаются на поверхность крупные пузыри. Температура воды очень высокая, так что больно в ней держать руку. Тем не менее местные жители привозили к этим лужам больных, особенно тех, кто страдал ревматизмами, разрывали гравий, клали на него больного и держали его в этой горячей воде по полчаса и более, затем укутывали в шубу и увозили домой. Так повторяли ежедневно до полного выздоровления.

Сами же бассейны расположены на расстоянии 30–35 шагов друг от друга, в каменных домиках. Длина бассейна шагов 30–35, ширина 10–15. Глубина – по грудь человека среднего роста. Вокруг – широкая каменная площадка, устилаемая циновками. В воду сходят по каменным ступенькам, на которых можно сидеть.

Во всех бассейнах вода проточная, она постоянно поступает в емкость и свободно вытекает из нее. Ночью бассейны запираются, закрывается труба, спускается вода, дно и стены бассейна тщательно моются и снова наполняются. Температура воды в каждом различна. Самый горячий и самый всеми любимый «Хавуз» – 52 °С или 41,6 °R (градусы по шкале Реомюра. – *Примеч. ред.*).

Целебное действие удивительное. Я видел, как привозили больных, совершенно скрюченных, с распухшими коленями, локтями, их на простыне опускали в воду, держали минут пять, причем некоторые кричали от боли,

вынимали на циновку и укрывали. Через полчаса опять опускали на пять минут – и так до трех раз. Дня через четыре такого больного сводили по ступенькам под руки, а через неделю больной уже сам сходил. Наибольший срок такого ежедневного купания – две недели.

Остуженная вода «Хавуза» очень вкусная. «Мамуз» – почти такой же горячий, как и Хавуз, но почему-то им мало пользовались и никогда о нем не говорили.

«Квачез» – 43,5 °C или 36,5 °R – единственный, в котором вода была слегка грязной, но она исцеляла кожные болезни. И, наконец, «Инджес» – 42 °C или 32 °R – единственный, в который я решился входить и иногда даже плавал. Вода – как горный хрусталь. Но местные жители уже считали его недостаточно горячим, а купанье в нем было для них забавой, а не лечением.

Единственное ограничение в пользовании банями – строгое разграничение мужских и женских часов. Посетители платили только за кофе.

Спустившись с плато, мы подходили прямо к месту, называемому Бетп-Бунар (пять колодцев), на котором действительно было пять колодцев с великолепной, холодной ключевой водой.

Здесь была гостиница с совсем примитивной обстановкой, но с очень услужливым хозяином-поляком, паном Мокринским, который вдобавок сам отлично готовил и очень вкусно нас кормил.

Когда-то пан Мокринский был ротмистром в турецком уланском полку, сформированным Садык-пашой Чайковским и в котором все офицеры были из поляков эмигрантов.

По расформировании полка офицерам-полякам пришлось искать заработка, пан Мокринский обосновался на Гиссаре и существовал, по-видимому, безбедно.

В 1886 году⁴⁷ Болгария объявила войну Сербии. Как только известие об этом достигло Петербурга, государь император отдал приказ об исключении князя Александра из списков русской армии и повелел немедленно отозвать всех русских офицеров, находившихся в болгарских войсках.

К счастью, война была непродолжительна. В первом же бою, под Сливницей, сербская армия потерпела поражение и начала быстро отступать.

От дальнейшего разгрома сербов спасло вмешательство состоявшего при короле Милане⁴⁸ австрийского военного уполномоченного, графа Ковенгюллера, который выехал навстречу князю Александру и потребовал немедленного прекращения преследования и заключения мира, грозя в противном случае вступлением австрийских войск в пределы Сербии. Мир был тотчас же заключен.

Вслед за этим князь Александр издал манифест к своему народу, в котором объявил, что, утратив благоволение русского царя, он не считает возможным оставаться князем и отрекается от престола.

⁴⁷ Автор ошибается – отзыв русских генералов и офицеров из болгарской армии произошел в 1885 г., тогда же последовал разрыв с князем Александром I Болгарским.

⁴⁸ Точнее, князем Сербским Милане, главнокомандующим Сербской армией. Королем Сербии был его сын Александр, позднее убитый вместе с королевой Драгой.

После отречения он тут же покинул пределы Болгарии.

Этим закончился первый период наших взаимоотношений с Болгарией.

В этот период, помимо обычных дипломатических отношений, мы через наших офицеров-инструкторов принимали непосредственное участие в ее внутренней жизни, создавали ее военную силу и тем прочно обеспечивали ее самостоятельность и процветание в будущем.

От нас зависело создание прочной нравственной и экономической связи, и затем, примирив болгар с сербами, мы должны были помочь им полюбовно размежеваться в Македонии, довести их до союза балканских держав, сделать их проводниками нашей славянской идеи на Ближнем Востоке. При этом определенно указать на неотъемлемое право в будущем на владение Константинополем и проливами.

Выполнение изложенного требовало назначения в Софию лучших представителей как от министерства иностранных дел, так и от военного.

О том, что это было упущено, лучше всего говорят цифры: с 1878 по 1886 год в Софии сменились пять дипломатических агентов и пять военных министров. В Филиппополе – три генеральных консула, не считая тех промежутков времени, когда должность оставалась вакантной, и генеральным консульством заправляли молодые секретари.

Глава III

Прибыв в Петербург в феврале 1885 года и доложив обо всем генерал-адъютанту Обручеву, я обратился к нему с личной просьбой – ввиду болезненного состояния моей жены предоставить мне возможность пожить на месте, без постоянных разъездов.

Просьба была удовлетворена, и я был назначен в Москву штаб-офицером для поручений при штабе Московского военного округа,⁴⁹ причем, отпуская меня, генерал-адъютант Обручев добавил:

– За два года ручаюсь, а там посмотрим.

С назначением в Москву характер моей службы совершенно изменился. В первую очередь предстояло отбыть строевой ценз, и с первого октября 1885 года я вступил в командование 1-м батальоном 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка.⁵⁰

⁴⁹ Московский военный округ образован в 1864 г., управление – в Москве. В территорию округа входили 12 губерний (Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская), с 1888 г. к ним добавились еще две – Воронежская и Орловская.

⁵⁰ 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский императора Александра II полк сформирован в 1756 г. как 3-й гренадерский полк. С 1785 г. – Екатеринославский гренадерский полк. С 1864 г. – 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества полк. В 1914 г. входил состав в 1-й гренадерской дивизии. Дислокация – Москва.

Каждый строевой офицер поймет мое волнение, когда после десятилетнего пребывания вне строя я впервые выехал перед батальоном, и в голове неотступно стоял вопрос: сумею ли при поворотах скомандовать под левую ногу или собьюсь с такта, скомандовав под правую. К счастью, все вышло без осечки, и мое семеновское самолюбие не было задето. Но приходилось быть начеку, лейб-гренадерский Екатеринославский полк исстари славился своей строевой выправкой, и командиром его в то время был блестящий Герман Борисович Прокопе.

В Москву я прибыл в мае 1885 года, когда все войска и штаб округа находились в лагере на Ходынском поле.

Помню, как меня поразило пребывание в лагере офицерских семей, еженедельные танцевальные вечера, иногда даже театральные представления в летнем окружном офицерском собрании.

Офицерские полковые собрания, недавно введенные в полках, для меня были новостью. Они, несомненно, явились главным фактором улучшения быта офицеров, значительно удешевили их жизнь, особенно стол и, предоставив офицерам хорошее помещение, в котором каждый чувствовал себя как дома и пользовался такими удобствами, каких в отдельности редко кто мог бы себе предоставить, способствовали сплочению офицерской семьи.

Хотя для офицерских собраний существовал один нормальный устав, которым, помимо служебных занятий, предусматривались семейные вечера, бесплатные спектакли, некоторые полки ввели у себя известные ограничения. Так, в нескольких полках, в том числе и в лейб-гренадерском Екатеринославском полку, постановлением общества

офицеров дамы совершенно не допускались в полковое собрание.

Это правило настолько вошло в жизнь и никогда не нарушалось. Так, в одно из своих пребываний в Москве император Александр III, пройдя с императрицей пешком по Кремлю, были застигнуты сильным дождем. Их Величества остановились под крышей подъезда офицерского собрания лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Швейцар мгновенно открыл двери, но государь сказал, что они не войдут. Швейцар бросился наверх и доложил офицерам, что Их Величества стоят под дождем. Находившиеся в собрании офицеры сбегали вниз и просили Их Величества осчастливить полк заходом в собрание. Императрица Мария Федоровна уже было сдалась, но государь остался непоколебим и, улыбаясь, сказал:

– Нет, Мари, тебе не полагается войти в их собрание, и мы постоим тут. Не упрашивайте, господа, ваше постановление не должно быть нарушено.

Так и простояли, пока дождь не утих.

Осенью того же года я перевез семью из Петербурга, и мы поселились на Смоленском бульваре, в Полуэктовском переулке, у церкви Неопалимой Купины.

Не бывав раньше в Москве, я с недоумением подошел к дому, в который меня направили. Дом был деревянный, бревенчатый и, на мой петербургский взгляд, совершенно неподходящий для нас. И только когда вошел внутрь, увидел комнаты и окна, выходящие в сад, понял всю прелесть этого дома и тотчас же нанял квартиру – семь комнат за семьсот пятьдесят рублей в год. Правда, далековато было до Кремля, где стоял 1-й батальон лейб-гренадерского Екатеринослав-

ского полка, но зато жилось нам в этой квартире очень хорошо. У нас были близкие знакомые в Москве, которые приняли нас как родных, сразу ввели в свой круг и создалось такое чувство, будто мы уже давно здесь живем. Да и сама Москва своей красотой, своей стариной невольно привлекала к себе.

Особенно радушно принял меня командующий войсками граф Бреверн-Делагарди,⁵¹ расспрашивал подробно о моей заграничной службе, а главное, предоставил мне читать книги, которые он получал в огромном количестве, как русские, так и из-за границы, без цензуры.

Спокойная жизнь в Москве благотворно сказалась на здоровье жены, быстро оправившейся после рождения сына в феврале этого же года.

1 октября я вступил в командование батальоном, вошел во все подробности внутренней жизни полка, по поручению командира вел тактические занятия с офицерами и в течение зимы сделал несколько сообщений.

Я скоро понял, что строевое обучение и воспитание части – родное мне дело, и все же сознаюсь, что временами чувствовал, насколько сузилось мое поле деятельности, и что я стал как бы меньшим человеком.

В период лагерного сбора все смотры прошли очень удачно. В это лето впервые в нашей армии были введены подвижные сборы.

⁵¹ Генерал от инфантерии граф А. И. Бреверн-де-Лагарди с мая 1879 по август 1888 г. был командующим Московским военным округом.

На первый раз решено было произвести подвижной сбор в гренадерском корпусе.⁵² Корпусу был представлен район: для 1-й гренадерской дивизии⁵³ Московского, Верейского, Можайского и Серпуховского уездов Московской губернии, Боровского и Тарутинского – Калужской губернии, 2-я⁵⁴ и 3-я⁵⁵ Гренадерские дивизии продвигались с юга по направлению на Серпухов.

⁵² Гренадерский корпус сформирован в 1814 г. в составе 1, 2 и 3-й гренадерских дивизий. Впоследствии его состав неоднократно менялся. Входил в состав войск Московского военного округа.

⁵³ 1-я гренадерская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. состав дивизии: 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский императора Александра II, 2-й Ростовский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича, 3-й Перновский короля Фридриха-Вильгельма IV и 4-й Несвижский генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полки, 1-я гренадерская генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

⁵⁴ 2-я гренадерская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. состав дивизии: 5-й гренадерский Киевский Его Императорского Высочества наследника цесаревича, 6-й гренадерский Таврический генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича, 7-й гренадерский Самогитский генерал-адъютанта графа Тотлебена и 8-й гренадерский Московский великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полки, 2-я гренадерская артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

⁵⁵ 3-я гренадерская дивизия сформирована в 1814 г. В 1914 г. состав дивизии: 9-й гренадерский Сибирский генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича, 10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа

Подвижной сбор продолжался 33 дня и закончился двухсторонним маневром в окрестностях Серпухова.

Производство малых маневров ежедневно на новых местах внесло большое разнообразие, оживило занятия; с переходом же в Калужскую губернию, к этому прибавились торжественные встречи нас населением, по много лет не выдавшем войск. Когда войска входили в город, жители стояли по пути, имея при себе кадки, полные огурцов и наделяли каждого солдата двумя-тремя огурцами.

Занятия в районе Боровска продолжались пять дней. 30 августа в городской роще было народное гуляние, поражали степенность всех гуляющих, как старых, так и молодых. Помню, как меня подвели к намеченной мне квартире в доме богатого огородника, как хозяин вышел на крыльцо, стоял, смотрел на меня, но в дом не приглашал. Становилось даже неловко. Наконец, решился и спросил:

– Вы табак принимаете?

На мой ответ, что я никогда не курил, хозяин просиял и стал просить:

– Пожалуйста, пожалуйста, дорогим гостем будете, – и ввел меня в лучшую комнату, уставленную по стенам старинными иконами в богатых ризах, украшенных жемчугом и самоцветными камнями, в темного дерева киотах, и добавил:

Румянцева, 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества великого князя Дмитрия Павловича и 12-й гренадерский Астраханский императора Александра III полки, 3-я гренадерская артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

– Если куда угодно поехать, скажите только слово – подам доброго рысака.

От Боровска дивизия продвигалась в направлении на село Граково, расположенное на левом берегу Нары, составлявшее предместье Тарутина.⁵⁶

Жители сел Гракова и Тарутина встретили нас крестным ходом с хоругвями и с образами, причем рассказывали, что в их губернии не было войск с 1837 года. В этот же год жители Тарутина, узнав, что Тарутинский полк⁵⁷ вызывается в Петербург, отправили депутацию к императору Николаю Павловичу, упросить, чтобы было повелено направить полк через Тарутино и пробыть в нем хотя бы день. Ходатайство жителей было уважено, полк прошел через Тарутино и имел в нем дневку.

Богатейшее село Тарутино, свыше девятисот дворов, расположено на правом берегу р. Нары. Во время Отечественной войны 1812 года село принадлежало сыну фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского молодому

⁵⁶ Тарутино – село Боровского уезда Калужской губернии (ныне Жуковского района Калужской области). 6 (18) октября 1812 г. севернее Тарутино произошло сражение между частью сил русской армии и авангардом Великой армии. В память сражения в 1813 г. из половины Московского гарнизонного полка был сформирован Тарутиинский пехотный полк.

⁵⁷ 67-й пехотный Тарутинский великого герцога Ольденбургского полк сформирован в 1811 г. как Тарутинский пехотный полк. С 1864 г. – 67-й пехотный Тарутинский великого герцога Ольденбургского полк. В 1914 г. входил в состав 17-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса. Дислокация – Ковель.

графу Румянцеву, жившему постоянно в Париже и не посещавшему своего села. По окончании войны в память Тарутинского боя крестьяне выпросили себе несколько орудий из захваченных у французов и за свой счет соорудили при селе богатый памятник, красующийся по сей день.

Когда молодой граф узнал о поступке своих крестьян, то тотчас же приехал в село, благодарил крестьян, всем дал вольную, подарил им все земли, прилегающие к селу и уже за свой счет обнес памятник богатой оградой.

Занятия в районе Тарутина – Гракова продолжались целую неделю. Шла молотьба, и солдаты в свободное от занятий время принимали в ней самое деятельное участие, все время царило общее веселье. Молодые бабы и девушки весело болтали с солдатами, перебрасывались шутками, целовались даже, но ни одна не перешла известной границы. Поражало общее довольство, незабитость баб и детей.

И моя молодая хозяйка взяла слово с денщика, что он не будет покупать хлеба, пока мы стоим у нее, и присылала по утрам чудесные сдобные булочки в глубокой тарелке с горячим топленым маслом.

Большой интерес придавало занятиям умелое руководство начальника 1-й гренадерской дивизии генерал-лейтенанта Н. В. Эллиса, моего первого батальонного командира в Семеновском полку. Уже тогда полки 1-й гренадерской дивизии славились своим умением ходить, были основательно обучены действию в рассыпном строю, ночным действиям в полной тишине.

Сбор закончился двухсторонним маневром корпуса в окрестностях города Серпухова под руководством

командира гренадерского корпуса генерал-адъютанта Столыпина.

В марте 1887 года в Москве освободился штаб 13-й кавалерийской дивизии,⁵⁸ и высочайшим приказом 17 марта я был назначен на эту должность, причем получил телеграмму от помощника начальника Главного штаба: «Поздравляю, ваше желание исполнено, вы остаетесь в Москве».

Мы с женой были очень обрадованы этим назначением. Но уже в Благовещение, когда мы вернулись около полудня домой, денщик доложил, что приходили два раза от начальника штаба округа, ему необходимо меня видеть.

На другой день в 8 часов утра я уже был у генерал-лейтенанта Духовского,⁵⁹ который тотчас же показал мне расшифрованную телеграмму начальника Главного штаба: «Во сколько дней может 13-я кавалерийская дивизия выступить на австрийскую границу? Прошу до времени сохранить в секрете. Обручев».

На вопрос о сроке готовности я тотчас же ответил:

– Согласно мобилизационному плану будем готовы на третий день. Но как же сохранить в секрете мобилизацию,

⁵⁸ 13-я кавалерийская дивизия сформирована в 1875 г. В 1914 г. состав дивизии: 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха, 13-й уланский Владимирский, 13-й гусарский Нарвский и 2-й Оренбургский казачий полки, 21-я конная батарея 12-го конно-артиллерийского дивизиона.

⁵⁹ Генерал-лейтенант С. М. Духовской с мая 1873 по март 1895 г. был начальником штаба Московского округа.

которую необходимо тотчас же начинать, как же не поставить в известность семьи, остающиеся дома?

Было решено командировать в Главный штаб старшего адъютанта штаба дивизии, чтобы получить точные указания. Через два дня пришла вторая телеграмма: «Мобилизацию отложить до особого приказа».

Дивизия была чрезвычайно широко расквартирована: штаб – Москва, 37-й драгунский Военного ордена полк – Гжатск (Смоленской губернии); 38-й драгунский Владимирский полк⁶⁰ – Коломна, 39-й драгунский Нарвский⁶¹ – Муром (Владимирской губернии); 2-й Оренбургский казачий полк⁶² – Нижний Новгород.

⁶⁰ 13-й уланский Владимирский полк сформирован в 1701 г. как драгунский полковника Жданова полк. С 1864 г. – 13-й уланский Владимирский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полк, с 1882 г. – 38-й драгунский того же шефа, с 1907 г. – вновь 13-й уланский Владимирский. В 1914 г. входил в 1-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Ново-Минск.

⁶¹ 13-й гусарский Нарвский полк сформирован в 1705 г. как драгунский подполковника Пестова полк. С 1864 г. – 13-й гусарский Нарвский Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича полк, с 1882 г. – 39-й драгунский того же шефа, с 1907 г. – 13-й гусарский Нарвский Его Императорского королевского Величества императора Германского короля Прусского Вильгельма II полк. В 1914 г. входил во 2-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Седлец.

⁶² 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк сформирован в 1882 г. В 1914 г. входил во 2-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Варшава.

Специально-кавалерийский сбор дивизия отбывала под Москвой. Широкое расквартирование давало возможность во время передвижения на специально-кавалерийский сбор и обратно широко вести с офицерами тактические занятия в поле благодаря указаниям и личному руководству двух выдающихся начальников дивизии генерал-лейтенантов Кульгачева и Скобельцина, от которого и принял дивизию Николай Егорович Мейкендорф.

Специально-кавалерийский сбор 1887 года мы отбыли под Москвой, но уже в августе было получено уведомление, что 22 июля государю императору благоугодно было утвердить нормальную дислокацию 13-й кавалерийской дивизии: штаб и 37-й драгунский Военного ордена полк – Люблин; 38-й драгунский Владимирский – Влодава; 29-й драгунский Нарвский – Грубешов; 2-й Оренбургский казачий – Холм. Стоянки 20-й и 22-й конных батарей⁶³ припомнить не могу.

В октябре началась перевозка частей и закончилась к пятому ноября. Стоянки не были обследованы и располагаться на них зимою было крайне тяжело, особенно во Влодаве и в Грубешове.

Во Влодаве только для командира полка нашлась квартира в четыре комнаты, которую, однако, полковник Винтулов тотчас же отдал под офицерское собрание, а сам взял предназначавшуюся под собрание из трех маленьких

⁶³ 20-я конно-артиллерийская батарея сформирована в 1875 г., 22-я конно-артиллерийская батарея сформирована 28 сентября 1794 г. как 2-я конная рота. Обе батареи входили в 10-й конно-артиллерийский дивизион.

комнат, настолько сырую, что за диваном в ней водились лягушки. Эскадроны стали по фольваркам в расстоянии от полкового штаба от пяти и до десяти верст.

Только часть эскадронных командиров имели квартиры с деревянными полами, остальные все с земляными. Не лучше обстояло дело и в Грубешове. Город Грубешов отстоял от железной дороги на 50 верст из них только 27 верст – шоссе, а остальные 23 версты грунтовой, лесной дороги по черноземью, в ненастье становившейся непроезжей. Сам город был немощеный, грязь на улицах так глубока, что подводы, приезжавшие осенью на базар, увязали по ступицу, и если случался мороз, то выехать уже было нельзя, лошади или волы выпрягались, подводы же оставались до следующей оттепели.

Но благородство начальника дивизии, удачный подбор командиров, бодрое настроение в частях преодолели все препятствия и сделали то, что не только занятия шли успешно, но и общественная жизнь офицеров не замерла.

На Масленицу в офицерских собраниях состоялись танцевальные вечера, на которые офицеры прибывали верхом в полушубках, надев поверх новых рейтуз старые, смазные сапоги на ногах, а лакированные в чехлах на седле или у вестового. По приезде, под лестницей Собрания, в приспособленном чулане переодевались, танцевали и ужинали до утра, и затем, вновь переодевшись, уезжали обратно в эскадроны; некоторые при этом являлись за 30, за 50 верст, всегда веселые, щегольски одетые, никто не жаловался.

Замечательно, что и санитарное состояние в частях не ухудшилось. Но грязь зимою была удручающая. Во Влодаве

полковник Винтулов требовал постоянной чистки улиц и навел такой страх на всех, что улицы скребли и чистили целыми днями, сгребая и увозя грязь, потом Влодаву замостили.

Даже в Люблине вопрос с квартирами стоял так остро, что мы с семьей прожили два месяца в гостинице, и только перед самым Рождеством по просьбе губернатора одна помещица согласилась уехать в деревню и уступила нам квартиру, удержав, однако, две комнаты под свою мебель. Начальник же дивизии так и жил в гостинице, пока не уехал из Люблина вышедший в отставку генерал и тем освободил подходящую квартиру.

Так прожили мы первую зиму в Варшавском округе. Весной стало уже гораздо легче. Помещики, убедившись в строгом внутреннем порядке полка, предоставили лучшие фольварки под стоянки эскадронов, возможно, лучше обставили офицеров, стали отпускать вволю солому, а в Грубешове даже дали разрешение на охоту с борзыми, которых в Нарвском полку насчитывалось 23 полковых и несколько собственных офицерских свор.

В Варшавское округе было сосредоточено пять кавалерийских дивизий, одна отдельная кавалерийская бригада, и намечалось формирование еще одной кавалерийской дивизии.

Командующий войсками генерал-адъютант Гурко особенно любил кавалерию, заботился о ее боевом воспитании и предъявлял к ней большие требования. Все кавалерийские дивизии с нетерпением ждали дня смотра нашей дивизии, ждали и мы этого смотра, знали, что он будет очень строгий и подробный.

Специально-кавалерийский сбор дивизия отбывала в окрестностях Варшавы на Рембертовском полигоне; полки стояли кругом по деревням, в расстоянии от Варшавы в 19, 25 и до 40 верст, штаб – 24 версты от вокзала.

Пред смотром генерал-адъютант Гурко вызвал к себе начальника дивизии, командиров бригад, полков, батарей и начальника штаба. Познакомившись со всеми, дал следующие указания:

– Смотр я вам произведу на Повонаковском поле в час дня. Выступите в ночь из обоих штаб-квартир с таким расчетом, чтобы к 8 часам утра прибыть на Беляни; выкормите там лошадей и к часу дня построитесь на Повонаковском поле.

Все было точно выполнено, и в назначенный день в час дня дивизия была выстроена на указанном поле. Смотр состоял из полковых учений всем четырем полкам, затем бригадных учений. Церемониальным маршем генерал-адъютант Гурко пропустил дивизию через стрелковые валы, и когда все легко, стройно преодолели препятствия, сказал начальнику дивизии:

– Церемониальный марш хорош.

По окончании смотра пропустил все части справа по три разомкнутыми рядами, поблагодарил и затем добавил:

– Ну а теперь, барон, выступайте по домам, каждый полк своей дорогой с полной связью между полками.

Смотр продолжался четыре часа. Все присутствовавшие удивлялись, почему не было ни одного серьезного замечания. Ведь еще ни одна вновь прибывающая часть без таковых не уходила со смотра. Дело объяснилось просто. Сев

в коляску, генерал-адъютант Гурко тотчас же обратился к своему начальнику штаба Нагловскому:

– Дмитрий Станиславович, немедленно запросите всех кавалерийских начальников, почему мне до сих пор ни одна кавалерийская часть не выводила свыше 11 рядов, а 13-я кавалерийская дивизия представилась в состав 15 рядов.

В постоянной работе незаметно прошли первые два года в Варшавском округе. Благодаря правильной постановке зимних занятий получалась правильная, постепенная втянутость конского состава, полное уравнивание аллюров и съездка эскадронов, дивизия выдерживала все предъявляемые ей требования, не разрушая конского состава. Полки, особенно 38-й и 39-й драгунские, соревновались между собою, перенимая друг у друга все хорошее, и шли дальше по пути усовершенствования. Особенно хорошо были поставлены разъезды особого назначения и конно-саперные команды.

Насколько успешно шли подготовка и втягивание эскадронов, может служить следующий пример: весной 1888 года начальник дивизии производил эскадронные смотры в 38-м драгунском Владимирском полку. Подъехав к 1-му эскадрону, барон Мейкендорф сказал:

– Эскадрон в блестящем виде, но жирен и, вероятно, мало езжен.

Вспыхнул бедный ротмистр Конради, но проговорил:

– Разрешите показать учение.

Получив в ответ «покажите», ротмистр Конради скомандовал:

– Эскадрон, равнение на середину полевым галопом марш!

И все учение с заездами повзводно, направо кругом, перемену фронта с производством атак провел на полевым галопе, причем не одна лошадь не рванула, не задрала головы. Когда учение было закончено, дыхание у всех лошадей было совершенно свободное, и лишь несколько из них дали заметный пот.

Дивизия попала в Варшавский округ в самый разгар новых веяний в кавалерии. Всем кружили головы нововведения прусского кавалерийского генерала Шмидта, и, с легкой руки Сухотина, у нас в кавалерии появился целый ряд новаторов, которые, чтобы превзойти друг друга, загоняли свои части в течение лета до того, что правильные занятия зимою могли возобновляться лишь под Рождество; самое же драгоценное для одиночной работы и втягивания лошадей осеннее время пропадало на залечивание. Благородный Мейкендорф не гонялся за дешевыми лаврами, вел обучение дивизии планомерно круглый год, понимая, что в мирное время можно расходовать только проценты, капитал же целиком сохранять на военное время.

Весной 1888 года дивизия перешла на новые стоянки в построенные для полков казармы: штаб и 2-й Оренбургский казачий полк – в Варшаву, 37-й драгунский Военного ордена полк – в Гарволин, 38-й драгунский Владимирский – в Новоминск и 39-й драгунский Нарвский – в Седлец.

К сожалению, казармы строились лишь на штаб полка и на три эскадрона; остальные три эскадрона располагались по фольваркам.

Настоящим экзаменом для дивизии явились большие маневры под Ровно в высочайшем присутствии в 1890 году, маневры войск Варшавского округа против войск Киевского.

Отбывши общий сбор под Варшавой, дивизия была двинута к селению Локачи Волынской губернии, 250 верст в пять переходов и одна дневка перед началом маневра.

Ввиду трудности расквартирования войск, генерал-адъютант Гурко приказал, чтобы при расхождении на ночлеги, кавалерия в первую очередь пропускала бы пехоту, а затем уже сама следовала на свои места, так что лошади ежедневно оставались под седлом: с пяти-шести часов утра до семи вечера.

Кавалерией Варшавского округа на время маневров командовал Его Императорское Высочество великий князь Николай Николаевич-младший.⁶⁴ На третий день маневра кавалерийские части достигли реки Стыри, которую невозможно пройти вброд. Великий князь обратился к барону Мейкендорфу с вопросом:

⁶⁴ Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук императора Николая I. В 1873 г. окончил Николаевское инженерное училище, в 1876 г. – Николаевскую академию Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1900 г. генерал от кавалерии. В 1885–1905 гг. генерал-инспектор кавалерии. С 20 июля 1914 по 23 августа 1915 г. и со 2 по 11 марта 1917 г. – Верховный главнокомандующий. С 23 августа 1915 до 2 марта 1917 г. – заместитель на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. В марте 1917 г. уволен со службы. Эмигрировал сначала в Италию, затем переехал во Францию, где и умер.

– Как быть? Нам крайне важно перейти на тот берег, пока не подошла кавалерия генерала Струкова.⁶⁵

Тотчас же была вызвана конно-саперная команда, которая под руководством полковника Иванова с необычайной быстротой из подручного материала: ворот, ставень, заборов и плетней – построила мост, по которому тут же перешла 1-я бригада, ведя лошадей в поводу. Затем был наведен второй мост, и в ночь перешли все остальные полки. Великий князь был в восторге.

В последний день маневров произошло столкновение кавалерии обеих сторон. В атаке участвовали 26 кавалерийских полков, которые так перемешались, что невозможно было их развести.

Тут подъехал уже совсем больной, на маленьком арабском коне на уздечке фельдмаршал великий князь Николай Николаевич-старший⁶⁶ и, несмотря на то, что с

⁶⁵ Струков Александр Васильевич (1840–1912) – русский генерал. Отличился во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1878 г. кавалер ордена Св. Георгия IV степени, Свиты Е. И. В. генерал-майор, временно командующий 1-й бригадой 1-й кавалерийской дивизии. После войны командовал различными кавалерийскими соединениями.

⁶⁶ Великий князь Николай Николаевич (старший) (1831–1891) – третий сын императора Николая I. С 1864 г. командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и генерал-инспектор кавалерии. Главнокомандующий Дунайской армией в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжден орденом Св. Георгия II и I степени. С 1878 г. генерал-фельдмаршал. Из-за ухудшения состояния здоровья, не дождавшись заключения мира с

трудом говорил, проезжая между полками, быстро развел их и направил на фланги сторон, чтобы не мешать развертыванию пехоты.

30 августа состоялся высочайшей парад всем войскам, участвовавшим в маневрах. В строю находилось 124 642 человека и 460 орудий.

Как только Его Величество сел на коня и взвился Георгиевский штандарт,⁶⁷ артиллерия дала залп и вела все время съезда беглый огонь.

31-го была дневка, а на следующий день войска выступили по домам, маршрут был дан от Ровно на линию Варшава – Новоминск – Седлец в девять дней, из них две дневки; переход в среднем 50 верст, а последний 73 версты.

Дивизия выдержала испытание, не оставив ни одной лошади в пути. Лейб-уланы⁶⁸ оставили по пути обратного следования до 160 лошадей, а начальник 14-й кавалерийской

Турцией, подал в отставку и в дальнейшем не принимал активного участия в военной деятельности.

⁶⁷ Имеется в виду штабной флаг главнокомандующего армиями, сшитый из пяти черных и пяти оранжевых полос. Размер его 1 × 1,5 м.

⁶⁸ Автор имеет в виду лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, входивший в то время в 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Сформирован в 1817 г. как лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества цесаревича полк. В 1914 г. входил в состав Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады. Дислокация – Варшава.

дивизии,⁶⁹ генерал-лейтенант Леонтьев, прибыв через месяц по возвращении в штаб-квартиры полков своей дивизии, отдал приказ, что из всей дивизии смог вывести в конном строю лишь пять эскадронов.

Следующий маневр в высочайшем присутствии состоялся в 1892 году в районе крепости Ивангород. Маневр протекал не так гладко, как обыкновенно, чувствовался недостаток энергии в действиях стороны, подходившей к крепости с целью ее захвата. Тем не менее ночной штурм форта «Ванновского», на котором находились Их Величества, представил захватывающую картину. Артиллерийский огонь по наступающим цепям был доведен до крайнего напряжения. Разгоряченные номера одного из орудий батареи, вблизи которой стояли Их Величества, при спешном зарядении, очевидно, забыли смочить банник, и, прежде чем номер успел закрыть затвор, последовал взрыв картуза, и ближайшие три номера были тяжело обожжены. Особенно номер с банником, стоявший за орудием, был так сильно обожжен, что упал. Он был в беспамятстве и тяжело стонал. Государыня Мария Федоровна тотчас же подошла к нему, опустилась на колени и, положив на них голову раненого, держала его так, пока не принесли носилки. И только когда все трое раненых были уложены на носилки, государь велел отнести их в свой поезд и доставить в госпиталь. Но пока все

⁶⁹ 14-я кавалерийская дивизия сформирована в 1812 г. В 1914 г. входила в 14-й армейский корпус. Состав дивизии: 14-й драгунский Малоярославский, 14-й уланский Ямбургский, 14-й гусарский Митавский и 14-й Донской казачий полки, 22-я конная батарея 12-го конно-артиллерийского дивизиона.

это устроилось, государыня простояла свыше часу на коленях, держа голову сильно стонавшего обожженного.

На другой день, 30 августа, парад был отменен, но все начальники частей и посредники были приглашены к высочайшему завтраку, музыка не играла.

Провозгласив здравие государя императора, генерал-адъютант Гурко произнес:

– За здравие матушки царицы, сердобольной матери, скорбящей о всех болястях русского солдата.

Вставая от стола, я взял три конфеты в бумажках с тем, чтобы подарить их приказному второго Оренбургского казачьего полка Кучугурову, состоявшему при мне вестовым на всех учениях и маневрах. Вручая их Кучугурову, я сказал:

– Вот тебе конфеты с царского стола, попробуй их.

Кучугуров вынул платок и со словами:

– Никак нет, они пойдут домой под образа, – завернул их и спрятал в карман.

Начальником штаба 13-й кавалерийской дивизии я пробыл свыше восьми лет и так сжился с ней, что считаю 13-е число счастливым для себя.

Самое живое, интересное время представлял период специально-кавалерийского сбора, когда от штаба требовалось полное напряжение работы, так как мне, старшему из начальников штабов дивизий, приходилось быть и начальником штаба сборов.

Сбор отбывали, в большинстве, корпусами из 8–10 полков, и даже в случае сбора по дивизиям 13-я кавалерий-

ская дивизия составляла с 3-й гвардейской отдельной бригадой⁷⁰ Сводную 6-ю полковую дивизию.

При невольном широком расположении частей в пределах от 5–7 и до 15 верст от учебного поля, чтобы войска имели по возвращении с занятий полный покой, приходилось все задачи на следующий день вручать тут же, на поле, до расхождения частей. Естественно, что штабу приходилось работать и по ночам.

Дивизия славилась успешным участием офицеров в скачках, как Красносельских, так и на частных ипподромах. Особенно отличались офицеры Владимирского и Нарвского полков. Имена корнета Маркозова, штабс-ротмистра Виноградского – владельца Коршуна, корнета Лихачева, штаб-ротмистра Козлова, барона Ренне – владельца Веракса, Апушкина – владельца кобылы Рубии, и другие были известны тогда и в Петербурге, и в Москве, и в Варшаве.

Помню, как однажды в городе Седлец после смотра 39-му драгунскому Нарвскому полку командующий войсками граф Шувалов вошел в полковое собрание и увидел посредине зала огромный стол, сплошь уставленный призами, взятыми офицерами на различных скачках, в том числе четыре великолепных рога – первые императорские призы за ежегодные в высочайшем присутствия четырехверстные офицерские скачки с препятствиями в Красном Селе.

⁷⁰ По-видимому, автор имеет в виду не 3-ю гвардейскую отдельную кавалерийскую бригаду, а 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, включавшую лейб-гвардии Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки. Отдельной гвардейской кавалерийской бригадой она стал позднее.

В то время 39-м драгунским Нарвским полком командовал в течение 11 лет барон Стемпель, всю душу вкладывавший в полк.

Полк с каждым годом его командования все совершенствовался и постепенно завоевал себе в среде кавалеристов особо почетное положение.

Особенно высокие требования предъявлял он к офицерам. Когда-то сам выдающийся скакун, он всеми способами поощрял развитие спорта среди офицеров, начиная с парфорсных охот⁷¹ и кончая скачками. Он ежегодно весной ездил на казенные Беловодские заводы и приобретал по льготной цене лошадей для офицеров. Редкий знаток лошадей, он удивительно удачно выбирал их и распределял их по офицерам на свое усмотрение, принимая при этом во внимание решительно все, начиная от служебных заслуг и кончая темпераментом офицера. Так, при одном из таких распределений, назначая бурую кобылу Радость Ново-Александровского завода командиру 2-го эскадрона ротмистру Казараки, он добавил:

– Ну, милейший, Казараки для вас ее выбрал, она вас разбудит.

⁷¹ Парфорсная охота – травля зверя до его изнеможения, пришла в Россию из Великобритании. Для Офицерской кавалерийской школы проводилась в имении графов Пшесдецких Постава (Виленская губерния). Младший курс школы проводил там три недели, старший – шесть. Начальником охоты был генерал-лейтенант В. А. Химец, бывший офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

Оставалась еще одна гнедая кобыла, Сильфида, которую только и отдали с завода за то, что у нее вокруг правого глаза была полоска экземы, не поддававшаяся лечению. Офицеры перешептывались между собою и говорили: «Только бы не мне». Командир полка, обращаясь к своему помощнику подполковнику Байкову, сказал ему:

– Александр Семенович, эта Сильфида специально для вас, вы и не знаете, какой клад вы отведете на свою конюшню.

У самого Стемпеля жил на пенсии его знаменитый Леопольд, на котором он взял 16 одних первых призов и сделал кампанию 1877–1878 годов, причем они вместе были ранены под Навачином. Леопольду было уже 25 лет, и последний год его водили только на прогулку.

В 1892 году, когда Стемпель был командиром бригады 6-й кавалерийской дивизии,⁷² мы вместе с ним выехали в Седлец накануне полкового праздника Нарвского полка. Только вышли из вагона, к Стемпелю подошел уборщик Леопольда и доложил:

– С Леопольдом неблагополучно: когда я его сегодня вывел на проводку, он упал, и хотя мы с подбежавшими

⁷² 6-я кавалерийская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. входила в 15-й армейский корпус. Состав дивизии: 6-й драгунский Глуховский императрицы Екатерины Великой, 6-й уланский Волынский, 6-й гусарский Клястицкий генерала Кульнева, ныне великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига I и 6-й Донской казачий генерала Краснощёкова полки, 11-я и 12-я конные батареи 6-го конно-артиллерийского дивизиона.

людьми подняли его, идти он не мог, и так и лежит на плацу, около места, назначенного для парада.

Стемпель поручил мне извиниться перед командиром полка, проехал прямо на плац и, увидав Леопольда, приказал его не трогать, накрыть попоной и оставить в покое.

На другой день на церковном параде,⁷³ который Нарвский полк всегда отбывал в конном строю, по окончании молебна полк перестроился в полковую эскадронную колонну справа, раздалась команда «к церемониальному маршу» и заиграли трубачи. Леопольд начал метаться, пытаясь встать. Ему помогли. Леопольд стоял до тех пор, пока весь полк не прошел мимо него, затем упал и уже больше не вставал.

Каким авторитетом и уважением пользовался Стемпель среди людей, лучше всего может показать следующий случай. Весной 1891 года был убит вахмистр 1-го эскадрона Шкуратский. Следствие показало, что Шкуратский убит людьми эскадрона. Обвинение пало на двух рядовых и эскадронного писаря унтер-офицера Чекунова.

Командующий войсками приказал их судить по законам военного времени. Суд продолжался три дня и приговорил всех троих к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел.

Когда подсудимым было предоставлено последнее слово, один из них, молодой солдат Насонов, поклонившись суду в пояс, проговорил:

⁷³ Полковой праздник 39-го драгунского Нарвского полка – 23 апреля, День Св. великомученика Георгия Победоносца.

– Благодарю суд за приговор, но вновь заявляю, что я не виновен.

Приговоренные тотчас же были отведены в общую тюрьму. Часов в семь вечера начальник тюрьмы прислал барону Стемпелью уведомление, что приговоренный Насонов очень просит видеть командира полка. Стемпель тотчас же отправился к нему. Начальник тюрьмы объявил, что он не может допустить одного командира к приговоренному, которому терять нечего и который может решиться на все. Но Стемпель ответил, что между солдатом и его командиром не может быть постороннего, вошел один в камеру, запер дверь и сказал:

– Здравствуй, Насонов.

Насонов ответил:

– Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие, – бросился перед ним на колени и проговорил: – Спасибо что пришли, я не хотел сознаться перед судом, но вам, своему командиру скажу как на духу, это я убил Шкуратского, ударив его безменом по голове, но я не вор, и часы его лежат на чердаке за балкой, прикажите их взять. Убил за то, что он меня крепко побил. Простите вы меня.

Дальше Стемпель ничего не рассказал, но, зная его сердечность, я уверен, что он простил Насонова.

С какой заботой относился генерал-адъютант Гурко к обучению и боевому воспитанию войск, и в особенности кавалерии, лучше всего было видно на двухсторонних маневрах всех трех родов войск и на кавалерийских маневрах.

Выезжая одновременно с первыми сторожевыми разъездами, он ничего не упускал из виду и по окончании

маневра тут же на месте делал подробный разбор, начиная с оценки разведки, затем плана действий сторон, и, переходя к каждому отдельному эпизоду, в заключение указывал на каждую мелочь до уставных ошибок включительно. Говорил образно. Говоря о невольных или случайных ошибках, всегда старался смягчить, объяснить их; строго выговаривал лишь за ошибки, происшедшие от небрежности или от поверхностного отношения к делу; резок бывал только с теми, кого не уважал.

Многие из таких его разборов навсегда остались в памяти. Так, например, после первого крупного кавалерийского маневра, в котором дивизия участвовала в Варшавском округе, идея которого заключалась в следующем: на начальника 5-й кавалерийской дивизии⁷⁴ генерал-лейтенанта Сержпутовского была возложена защита переправы через Вислу под Варшавой (Варшава не крепость).

Начальнику шестой кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Каханову, стоявшему с дивизией в Окуневе (в 36 верстах к востоку от Варшавы) приказано было двинуться на Варшаву и овладеть переправами через Вислу. Дивизия в точности выполнила указание и еще ранее 10 часов сосредоточилась у посада Н., выслав связь по дороге на Окунев. В 11-м часу прибыл к начальнику дивизии

⁷⁴ 5-я кавалерийская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. входила в 16-й армейский корпус. Состав дивизии: 5-й драгунский Каргопольский, 5-й уланский Литовский Его Величества короля Виктора-Эммануила III, 5-й гусарский Александрийский Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны и 5-й Донской казачий полки, 9-я и 10-я конные батареи 5-го конно-артиллерийского дивизиона.

офицер-ординарец от генерал-лейтенанта Каханова и вручил ему диспозицию. По этой диспозиции дивизии приказывалось свернуть с шоссе и следовать на рысях проселочными дорогами на Вавер, куда прибудет и шестая дивизия. Вавер окружен труднопроходимыми болотами. О движении сплошь рысью не могло быть и речи, так как местами мы шли, увязая по брюхо лошадей. Дивизия все же вышла к Ваверу, но когда уже был дан «отбой».

Собрав начальников, генерал-адъютант Гурко, обращаясь к генерал-лейтенанту Каханову, сказал:

– Как в жизни вообще, так и в нашем деле прямой путь – самый верный и, когда нам Бог посылает благоустроенные пути сообщения, то это для того, чтобы по ним ходить, а не избегать их. Вам приказано было идти на Варшаву и овладеть переправами через Вислу, и что в этом вам поможет 18-я дивизия.⁷⁵ 13-я кавалерийская дивизия прибыла в срок к указанному месту, но вы, вместо того чтобы направить ее на Вавер по прекрасному шоссе, свернули в такие болота, что будь против вас мало-мальски предприимчивый противник, он эту дивизию топил бы в них как слоеный пирог.

Г.[енерал-] Л.[ейтенанту] Сержпутовскому тоже досталось:

⁷⁵ Речь идет о 18-й пехотной дивизии. Сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 14-й армейский корпус. Состав дивизии: 69-й пехотный Рязанский генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына, 70-й пехотный Рязский, 71-й пехотный Белевский и 72-й пехотный Тульский полки, 18-я артиллерийская бригада.

– Вам было приказано защищать переправы через Вислу под Варшавой. Судьбе угодно было вам помочь, в ваши руки попала диспозиция противника, факт совершенно исключительный, которому военная история знает лишь единичные примеры. Вы знали, что ваш противник добровольно на продолжительное время вывел 13-ю кавалерийскую дивизию из боя, и вы легко могли разбить его по частям. Вы же с дивизией попали в тупик между двух переплетающихся железнодорожных насыпей, которые в мирное время считаются непроходимыми препятствиями, и вынудили меня дать преждевременный «отбой».

Несмотря на прочно устоявшиеся отношения, на взаимное доверие в полках дивизии, не обошлось и у нас без доноса.

Однажды командующий войсками вызвал барона Мейкендорфа и передал ему анонимное письмо на командира 37-го драгунского Военного ордена полка полковника Готовского, указывавшее на некоторые неправильности внутренней жизни полка с такими подробностями, которые, несомненно, говорили о том, что письмо было написано кем-либо из офицеров полка или под диктовку кого-либо из них.

Принято считать, что невозможно дознаться, кто автор анонимного письма, и потому лучше такие дела предавать забвению, не поднимая их.

Но барон, возмущенный до глубины души, прибыл лично в полк, собрал всех офицеров, прочел им письмо и затем сказал:

– Для каждого из вас ясно, что такое письмо мог написать или продиктовать только офицер полка, поэтому

передаю письмо председателю суда общества офицеров и объявляю, что пока не будет обнаружен автор этого доноса, я никому из вас не подам руки.

Как именно было расследовано это дело – не знаю, но не прошло и двух месяцев, как в штаб дивизий поступило прошение об увольнении от службы командира третьего эскадрона ротмистра Рябинина.

В Варшавском округе офицеры Генерального штаба ежемесячно собирались в Русском собрании на товарищеский обед.

Один из таких обедов совпал с днем приезда адмирала Авеляна с офицерами эскадры из Тулона в Париж. Телеграмма об их приезде и об оказанном им восторженном приеме жителями Парижа была получена во время обеда. Сейчас же потребовали шампанского и отправили телеграмму тогдашнему начальнику французского Генерального штаба генералу де Буадефру за подписями всех присутствовавших на обеде.

Генерал де Буадефр ответил теплой телеграммой и прислал каждому из нас свою визитную карточку.

Но по поводу этого события у меня возникла совершенно неожиданная переписка. Однажды получаю письмо с печатным бланком на конверте Мальхаузен, Эльзас. Письмо начиналось словами: «Прочитав в газете «Солнце» телеграмму офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа, в числе подписей я увидел подпись полковника Экка. Нося сам эту фамилию, очень прошу вас написать, не будем ли мы с вами родней». А в конце письма приписка: «Позволяю себе переслать вам две бутылки водки мирабель, которые прошу принять».

Я тотчас же ему ответил, что, к сожалению, не могу установить родства между нами, так как мы уже пятое поколение, живущее в России, и род наш вышел из Германии, и поблагодарил за подарок.

Француз не удовольствовался и во втором письме сообщил, что один из его двоюродных дедов, состоя подполковником Великой армии Наполеона I, в бою под Лейпцигом был взят в плен и остался жить в Германии.

Третье его письмо пришло вскоре после кончины императора Александра III, и в этом письме он уведомлял, что через французского посла в Петербурге я получу цветок Франции (*une fleur de France*), который распродавался в Париже в день погребения императора и которого в один день раскупили на 6 миллионов франков.

Через несколько дней действительно прибыл цветок Франции – в черной деревянной овальной раме под выпуклым стеклом – великолепная, как живая роза, светло-розового цвета.

Долго я думал, чем отблагодарить своего однофамильца за такое трогательное внимание, и наконец послал ему фотографию, на которой император Александр III и императрица Мария Федоровна сидят в окружении всей царской фамилии (сняты в Дании во Фреденсборге).

После этого я получил уведомление от французского торгового дома Лавиган Шамеруа, что они получили из Мюльхаузена от г-на А. Экка заказ об отправлении мне бочонка «Ромаме» 1884 года в 300 литров, цена которому на месте четыре франка за литр, и просят моих указаний.

Как ни соблазнителен был такой подарок, я все же не счел себя вправе его принять от незнакомого человека и

тотчас же телеграфировал, что прошу без моего личного заказа мне ничего не присылать, и переписку прекратил.

Глава IV

В 1895 году я был назначен командиром 26-го пехотного Могилевского полка,⁷⁶ расквартированного в Радоме.

Командование полком составляло давно предмет моих вожделений, я постоянно думал об этом, присматривался ко всем командирам полков, с которыми меня сталкивала служба, и вынес прочное убеждение, что только тот является командиром в настоящем значении этого слова, кто способен весь, целиком уйти в интересы полка, овладеть его душою, особенно офицеров, и подчинить их своему авторитету. Когда это достигнуто, командование становится ясным, и все идет по личному примеру и указанию командира, устанавливается та связь между командиром и полком, при которой полк понимает каждое его слово, каждый его знак, верит в него и не колеблясь идет за ним. Очень меня уговаривали принять кавалерийский полк, да и меня самого тянуло на это; пробыв же свыше пяти лет начальником штаба кавалерийской дивизии, я приобрел и положенный ценз. Но меня удержало недостаточное знание техники кавалерийского дела, езды, одиночного обучения кавалериста, без которых кавалерийский полк никогда не выдержит требуемой с него работы без надрыва конского состава, и решил вернуться в пехоту.

⁷⁶ 26-й пехотный Могилевский полк сформирован в 1805 г. как Могилевский мушкетерский. С 1864 г. – 26-й пехотный Могилевский полк. В 1914 г. входил в состав 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса. Дислокация – Воронеж.

Как часто приходилось слышать, что заботы по хозяйству отнимают массу времени у командира полка и мешают ему всецело отдаваться строевому обучению, что командира полка нужно совершенно освободить от хозяйственных забот.

Думаю, что тут кроется большое недоразумение, и ни один настоящий командир полка не оставит хозяйство без внимания, так как умение хорошо обставить солдата и дать ему хорошую пищу является лучшим залогом внутреннего порядка в полку, бодрого его настроения даже при самых высоких требованиях. Замечающееся же столь часто пристрастие некоторых командиров ко всем деталям хозяйства, причем они не ограничиваются одним руководством, а сами входят во все детали, объясняется тем, что командиры полков и начальники дивизий, прежде всего, представляют к производству в полковники и затем аттестовывают на полк именно помощников командира полка по хозяйственной части. Да и много легче добиться хороших результатов в хозяйстве, чем основательно обучить и воспитать полк.

Офицеры Генерального штаба в отношении получения полков стояли в очень невыгодной линии. Так, мы оба, покойный С. К. Гершельман⁷⁷ и я, получили полки

⁷⁷ Гершельман Сергей Константинович (1854–1910) – русский генерал. В 1903 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Сибирского военного округа, участвовал в Русско-японской войне. С 1906 г. – командующий войсками Московского военного округа, московский генерал-губернатор. С 1909 г. – командующий войсками Виленского военного округа.

одновременно, оба вне очереди, состоя уже 11 лет в чине полковника. Такое положение было явно невыгодно и для кандидатов, и в интересах службы, так как невольно побуждало многих офицеров Генерального штаба смотреть на командование полком лишь как на промежуточную инстанцию для производства в генералы.

Все почти трехлетнее командование в целом, каждая подробность до самых мелочей живы в моей памяти, как будто это все только что происходило, тянет все написать, но есть к этому одно препятствие – невозможность выделить самого себя. Если до сих пор я мог писать обо всем, как будто я был лишь очевидцем написанного, с полком так поступить нельзя и придется говорить о самом себе. Если же выделить себя, то получится не то, что было. Могилевский полк – мое родное детище, и раз уж решил, опишу все как было.

Еще в Варшаве, представившись командиру пятого корпуса генерал-лейтенанту Тутолмину, я спросил, не будет ли каких особых указаний и получил в ответ:

– Каким хотите способом, но сделайте так, чтобы полковник К. подал в отставку.

Это меня очень удивило, ибо полковник К. за болезнью командира полка полковника Бредова командовал полком в течение полутора года.

Когда же я в Радоме представился начальнику дивизии, генерал-лейтенант Шелковников указал мне:

– Вам необходимо удалить из полка штабс-капитана Б., отличающегося своей неводержанностью к вину.

В обоих указанных случаях я просил разрешения сперва осмотреться, а потом уже выполнить приказы.

Бригадным командиром оказался мой старый товарищ по Семеновскому полку генерал-майор Аллад-Рамзай – мой полуротный командир, когда я был юнкером в роте Его Величества.

Могилевский полк, как и все полки Варшавского военного округа, имел усиленный состав, по 72 ряда в роте (вместо 48 рядов). Половина состава полка – из уроженцев Калужской губернии, другая половина – Киевской и Тульской губернии и молдаван из Бессарабии. На каждую роту приходилось по 12–15 евреев.

Весь полк стоял в Радоме по казармам, частью в зданиях инженерного ведомства, в большинстве же – в оборудованных под казармы обывательских домах, сырых, холодных, мало удовлетворительных для жилья. При полку находился сводный лазарет в прекрасном каменном здании. Отдельной командой жили трахоматозные, число которых превышало 300 человек. Помещение команды было бедно обставленное, трахоматозным выдавали худшие вещи, белье, посуду. Они были пасынками в полку и, естественно, что число их не уменьшалось, а степень болезни усиливалась.

Офицерское собрание – гарнизонное, общее с 7-й артиллерийской бригадой,⁷⁸ также целиком расквартированной в Радоме. Полковая церковь – большой низкий зал, вмещавший до 500 человек, а в дни Светло-Христовой заутрени в него втискивалось до 800 человек и более.

⁷⁸ 7-я артиллерийская бригада сформирована в 1811 г. как 26-я полевая артиллерийская бригада. В 1914 г. входила в 7-ю пехотную дивизию. Состав бригады: 1-й (1, 2 и 3-я батареи) и 2-й (4, 5 и 6-я батареи) дивизионы. Дислокация – Тамбов.

Еще были полковая баня, полковая хлебопекарня, солдатская лавка.

Прибыв в Радом, я тотчас же приступил к приему полка. Принимал в течение двух недель. Начал с опроса претензий, приказав для сего построить полк на полковом плацу.

К назначенному часу на плацу не оказалось третьего батальона, который прибыл с большим опозданием, когда уже был опрошен целый батальон. Этот же батальон на церемониальном марше прошел вяло, с понуренными головами, так что я невольно спросил командира, какая лежит вина на батальоне, что люди не смотрят мне прямо в глаза. Дальше пошли осмотры помещений, обмундирования, белья. Полк оказался чрезвычайно богат обмундированием. Все имели по три комплекта мундиров, а многие и по четыре. Но этот четвертый, так называемый рабочий, представлял такую грязь, что по соглашению с заведующим хозяйством полковником Чижовым мы решили его сжечь. Было сожжено 1600 худших мундиров, которые от грязи и сала с трудом горели, другие были изрезаны на тряпки. Шинелей по две на каждого солдата. Кроме того, полк имел собственные гимнастические рубашки, сшитые из серого солдатского сукна. В них было чрезвычайно удобно зимою, выводить людей на маршировку на плацу и благодаря им очень сберегались мундиры.

Пища в общем вполне удовлетворительная, но неровная. В некоторых ротах совсем хорошая, в отдельных – как у Горлова, Вородаевского и Галле – даже очень хорошая, в остальных – посредственная. Было видно, что нет должного надзора за котлом. Хлеб хороший.

Но самое неблагоприятное впечатление производил караул у полкового порохового погреба.

Большим плюсом являлся хороший подбор офицеров, их дружная жизнь между собой. Между прочим, в полку издавна был обычай: в случае смерти кого-нибудь из офицеров все расходы по похоронам общество офицеров принимало на свой счет. Офицеров было 78 плюс 33 полковых дамы.

Приняв полк, я собрал всех офицеров в полковом собрании и, приказав запереть все двери, обратился к ним со следующими словами:

– Господа, я вам не только командир, но и старший офицер полка, и поэтому имею право и обязан, беседуя с вами, затронуть все стороны не только служебной, но и внутренней полковой жизни или лично вашей. Будет преступно с вашей стороны, если что-нибудь из высказанного здесь между нами выйдет наружу и сделается достоянием посторонних. С верою, что этого не случится, я приступаю к указаниям по приему полка.

После этого откровенно высказал свое впечатление – и хорошее, и дурное, начиная от наружного вида выправки людей и кончая замечанием каждому офицеру, в чем-либо замеченному во время принятия. Под конец особенно подчеркнул факт не ответа отдельных людей на приветствие, что показывает, насколько они далеки от своих людей.

– Вы здороваетесь только с ротами и командами, а на каждого своего солдата в отдельности не обращаете даже внимания, может быть, даже не всегда принимаете честь от него.

Также отметил, что большинство сверхсрочных фельдфебелей – не коренные могилевцы. Впредь прием со

стороны сверхсрочных, особенно фельдфебелей, допущен не будет; нынешних постепенно заменят своими. Каждый ротный командир обязан готовить фельдфебеля для своей роты из ее состава, а кто этого сделать не сумеет, тому я сам назначу фельдфебеля из учебной команды. Затронул также всегда коробивший меня вопрос рукоприкладства.

– Бить, господа, всякий дурак может, и в обычной обстановке это недостойное офицера дело. Не говоря про предоставленную каждому из вас законом дисциплинарную власть, достаточно одного вашего личного примера, вашего знания службы, вашего авторитета, чтобы люди верили вам и воспринимали ваши указания.

Затем просил, если у кого что есть, то откровенно высказать.

Наша беседа продолжалась более трех часов, мы приступили к общей работе с полным взаимным доверием. Добрая половина ротных командиров была одного со мною возраста, а некоторые даже старше, двое из них, капитаны Кулаков и Бржозовский, уже в 24 года командовали ротами.

Дом командира полка помещался на Ивангородском шоссе, непосредственно у выезда из города. Это был барак, сложенный из полубалочного леса еще во времена Императора Николая Павловича. Барак стоял в большом саду.

В этом же бараке находилась полковая канцелярия, помещение писарей и комната дежурного офицера. Сад граничил с полковым плацом. Перед отъездом из Варшавы я встретился с начальником инженеров округа, который мне сказал:

– Вы получили Могилевский полк в Радоме, там дом командира полка предназначен к слову, но мы вам подправим железную крышу, и года три вы в нем отлично проживете.

И действительно, мы отлично жили в этом бараке, как в усадьбе.

Покончив с приемом полка, я выехал за семьей и привез их в Радом. Из всех многочисленных (до двенадцати) переездов по службе с семьей, этот переезд совершился особенно удобно и дешево. По договоренности со мной перевозчик Врублевский спросил только, могу ли я достать две открытые платформы, устроить так, чтобы платформы были пропущены в Ивангороде, с Привислянской железной дороги на Ивангород – Домбровскую, без перегрузки и дать ему в Радоме две шестерки лошадей. На мой утвердительный ответ Врублевский сказал:

– В таком случае я пришлю за вещами две специальные фуры, в которые установят вашу обстановку, не укладывая ее, а по прибытию в Радом по вашему указанию мои же люди расставят ее в соответствующие комнаты.

Так и было исполнено, и все это удовольствие стоило всего 200 рублей. Вместе с обстановкой прибыла и моя Няда, вороная кобыла пяти с лишком вершков, и очаровательный щенок мопса, с которым дети ни за что не захотели расстаться.

По указанию директора Радомской гимназии я пригласил учителем к детям начальника приюта Проневича, отца одного из офицеров полка, жившего напротив нас. Я всегда с благодарностью буду его вспоминать, так успешно шли занятия с детьми.

Устроив семью, я всецело отдался командованию полком. Драгоценным помощником оказался старший полковник в полку Михаил Иванович Чижов, отличный строевой офицер, но после несчастного падения с экипажа с переломом двух ребер в значительной степени утративший здоровье.

Он был заведующим хозяйством, отлично сознававший, что хозяйство для полка, а не полк для хозяйства, деятельный, толковый работник, умело проводивший в жизнь все мои начинания, честный и не мелочной.

Нельзя было дальше мириться со значительной частью городских казарм, особенно с так называемой Красной казармой, в которой стояли пятая и шестая роты, сырой и холодной, и с помещением третьего батальона, в котором в мороз промерзали потолки и стены. Когда же затапливали железные печки, стены потели и с потолка капало на нары.

Полковник Чижов очень быстро выработал планы постройки зданий под казармы такого типа, что они в случае минования надобности в казарме легко могли быть переделаны на частные квартиры, подыскал предпринимателей, которые согласились построить дома и сдавать их нам за плату, отпускаемую тогда от казны по 5 рублей в год за каждого солдата. Это дало возможность построить отдельное помещение для учебной команды, на которую не полагалось отдельного отпуска от казны.

При мягкости тамошнего климата можно было строить почти всю зиму, и к весне 1896 года большинство зданий было готово, и роты начали постепенно переходить в новые помещения.

Почту приносили в 6 часов вечера прямо ко мне на дом, тут же ее вскрывал, и бумаги поступали в журнал уже с полученными на них резолюциями. Делал это с целью, чтобы ничего от меня не ускользало и чтобы не было влияния помимо моего.

Посещая занятия в ротах, я особенно указывал на важность развития каждого солдата как бойца-стрелка, на необходимость, отдаваясь всецело подготовке молодого пополнения, не забрасывать старослужащих. Занятия по гимнастике (подготовительные упражнения), маршировку и бег всегда вести на воздухе, за исключением дней ненастья.

Помню, как при этом врачи постоянно высказывали опасения, что люди будут простужаться, даже когда я им указывал на стоявших тут же босых мальчишек, ведь и солдаты в детстве были такими же мальчишками и с наслаждением шлепали босиком по лужам, а то и по снегу.

Постоянно раздавались жалобы на жидов, что они уклоняются от занятий, боятся стрельбы, плохого их поведения и так далее. А как ни приду в роту, не вижу жидов на занятиях, все оказывались в отпусках.

Тогда я приказал вернуть всех евреев из отпуска, и впредь, не лишая ротного командира права увольнять людей в отпуск по его усмотрению, об увольнении каждого еврея уведомлять полковую канцелярию для доклада мне. Установить правильные с ними занятия под надзором одного из офицеров роты; батальонным и ротным командирам не допускать никакой травли и издевательств. Требование было проведено в жизнь, и результаты получились неожиданные. Большинство евреев стали хорошими солдатами, и когда доходило до раздачи призов

за стрельбу, в числе которых были ежегодно часы лично от командира полка, все трое моих часов достались евреям.

Ведя тактические занятия с руководителями, я пользовался каждым случаем, чтобы подробно им излагать свои взгляды на обучение и воспитание части в целом и каждого солдата в отдельности, тут же указывал способы, как этого достигать и неуклонно проводить в жизнь. В основу всего клал личный пример начальников всех степеней, от командира полка до младшего начальника отделения.

Первое время случалось, что мои указания не сразу исполнялись, когда я попросил полковника Чижова разобрать, почему так случалось, офицер ответил, что ведь командир только просил, а не приказывал и даже не повышал голоса. Тогда я разъяснил офицерам – каждая моя служебная просьба равносильна приказанию, возвышения голоса они от меня не скоро дождутся; всякое же неисполнение раз мной преподанного буду считать не только служебным упущением, но и недостатком уважения ко мне.

В конце 1895 года полковник К. подал в отставку, офицеры стали сговариваться, чтобы не устраивать ему никаких проводов.

Во избежание нежелательных толков в городе, я собрал батальонных и ротных командиров и обратил их внимание на следующее: удобно ли отпустить полковника К. без проводов? Хотя за ним особых заслуг не числится, но он 31 год носил могилевский мундир, будет носить его и в отставке, и полтора года временно командовал полком. Отказ в проводах обидит его жену и дочь, которые в полку пользуются общей любовью.

Когда вопрос был вынесен на общее собрание, было постановлено устроить прощальный чай с дамами и поднести ему портсигар с соответствующей надписью.

Заехав однажды в 11-ю роту на послеобеденные занятия, я не застал ротного командира. Грамотностью с людьми занимался младший офицер, подпоручик Карциновский, а с молодыми солдатами – фельдфебель Рафальский, один из лучших в полку. Пробыв некоторое время в роте, я услышал, что кто-то старается подняться по лестнице, но это ему плохо удастся. Сообразив в чем дело, быстро вышел на лестницу и увидел штабс-капитана Б., совершенно не в своем виде. Приказав ему немедленно сесть в мой экипаж, я отвез его домой. Приехав к себе, распорядился тотчас же собрать всех батальонных и ротных командиров, рассказал им, что застал в роте, и затем добавил:

– После этого штабс-капитан Б. должен бы оставить полк, но, знаю, как все вы его любите и судьбу его передаю на ваше решение. Если вы можете за него поручиться, что подобный случай не повторится, то на вашу поруку могу его оставить, если же не можете, то он должен снять наш мундир.

Все за него поручились, первым Галле.

– Ну хорошо господа, ради вас он может остаться, но примите меры, чтобы не случилось вновь, так как во второй раз простить уже не смогу. На ваше, Галле, специальное попечение передаю его, так как вам после производства (уже был представлен в подполковники по избранию) предстоит принять третий батальон.

Поручившись за Б., ближайшие его друзья настояли, чтобы он поехал в Варшаву к известному тогда гипнотизеру доктору Охоровичу.

Доктор Охорович пользовал Б. в течение двух недель, и, отпуская его, просил перед выходом в лагерь еще раз приехать дней на пять. Не знаю подробностей лечения, но факт тот, что Б., который до того постоянно много пил, совершенно перестал прикасаться к вину и даже как будто бы не страдал от этого. За несколько дней до выступления в лагерь явился ко мне Б., сильно взволнованный, и стал упрашивать, чтобы я его перевел в другой батальон:

– А то Галле задушит меня.

Я успокоил Б., объяснил, почему не могу перевести его, Галле же действительно его любит, первый просил и поручился за него:

– Не задушит он вас и сделает из вас человека; потерпите и займитесь хорошенько своей ротой.

Подошла весна и принесла мне первые радости. Проверка обучения молодых солдат прошла настолько успешно, что все были довольны, чувствовали нравственное удовлетворение, все подтянулось и настроение поднялось. Но больше всего порадовала учебная команда.

Еще при приеме полка, осмотрев подробно учебную команду, я убедился, что ее начальник штабс-капитан Машевский очень хорошо и усердно ведет классные занятия, но совершенно не справляется со строевым обучением. Вяловатый по природе, медлительный, он привил эти качества и команде. Необходимо было передать команду в более живые, энергичные руки; но я еще совершенно не знал офицерского состава и не мог сам выбрать. Решил

посоветоваться с Чижевским и высказал ему, какие бы я хотел видеть качества у будущего начальника команды: крепко любящего свой полк, ставящего интересы полка выше всего, настоящего строевика, энергичного работника, способного не только обучать, но и воспитывать людей.

Чижев указал на поручика Соколова, причем предупредил, что Соколов временами загуливает, но, по его мнению, это происходило главным образом от избытка энергии, которую ему некуда расходовать.

Расспросив поподробнее, решил остановиться на Соколове. В тот же день пригласил его и высказал ему свой взгляд на постановку обучения в учебной команде и что помимо всего предусмотренного положением об учебных командах я ожидаю от него еще следующего: внедрить будущим унтер-офицерам, что Могилевский полк никогда ни в чем не должен уступать другим, что личный пример и заботливость о подчиненных являются главной силой власти каждого начальника. Помимо положенного курса обучения, обучить людей команды гимнастическим играм и старым военным и народным песням. Ежегодно, по личному его выбору, подготавливать двух человек для замещения должности фельдфебелей.

Штабс-капитан Машевский был назначен командующим 13-й ротой, а поручик Соколов принял учебную команду. И хотя назначение его состоялось лишь в конце 1895 года, результаты обучения, выявившиеся на экзаменах и на строевом смотре, превзошли все ожидания. Стало ясно, что в руках поручика Соколова учебная команда будет надежным рассадником унтер-офицеров.

Поручик Соколов стал лицом в полку. Меня же больше всего радовало отношение к нему людей, как они им гордились и как старались во всем ему подражать.

Потребовав от офицеров напряженной работы, я отлично сознавал, что надо им дать соответствующие отдых и развлечения. Общество офицеров жило дружно, каждые две недели в полковом собрании были вечера, на которые приходили большинство полковых дам и дам 7-й артиллерийской бригады.

Собрание помещалось в прекрасном частном двухэтажном доме. Во втором этаже – зал с хорами. На одном хоре помещалась музыка, на другом – карточные столы. Под хорами отделенные от зала колонами под одним гостиная, под другим столовая. Кроме того, в Собрании были: большая буфетная, дамская уборная, внизу комнаты для занятия с офицерами, для карточной игры и большая бильярдная. Словом, Собрание отвечало всем требованиям. Офицерский стол очень хороший и очень дешевый – обед из двух блюд стоил зимою в Радоме 25 копеек, причем по местному обычаю перед супом подавалось мясо под хреном или под каким-нибудь соусом; по воскресеньям сверх двух блюд или сладкое, или пирог к супу. В лагере же этот обед стоил 30 копеек, ужин по порциям, порция 15 копеек. И только в дни вечеров буфетчику разрешалось подавать блюда, которые для Радома являлись роскошью, например: рыба, дичь, дикая коза, и за такие блюда назначались цены от 40 до 60 копеек за порцию.

Зимой в Собрании обедали и ужинали лишь желающие, каждый отдельно. Два раза в месяц – общий товарищеский обед. Меню обеда обыкновенное, только добавлялись общая

водка и закуска и цена товарищеского обеда 40 копеек. Семейные вечера назначались через субботу, начинались в девять пополудни и кончались в два часа ночи. Несмотря на вполне соответствующую обстановку, вечера проходили без настоящего оживления, танцы шли вяло. Офицеры сетовали, что не только городские дамы, но и свои часто не приходят, ссылаясь на скуку. Но и тут мы скоро договорились. Я им откровенно высказал:

– Как вы хотите, чтобы к вам приезжали гости, когда вы, хозяева, только и думаете, как бы засесть за карты, а на гостей не обращаете внимания. Мало пригласить гостей, надо их и занять. Ведь кадетами и юнкерами вы все танцуете, а как надели эполеты, так и забыли танцы. Попробуйте быть настоящими хозяевами и сами увидите, что все получится.

Постепенно вся молодежь, а за ними и старшие офицеры, перешли от карт в танцевальный зал, танцы привились, число гостей все прибывало, и, наконец, к нам стали приезжать и из других городов – Петрокова и Ивангорода, танцевало до 80 пар, нашлись хорошие дирижеры.

Ежегодно в Собрании устраивалась елка и встреча Нового года. Елка устраивалась на третий день Рождества, за деревом ездил фельдфебель нестроевой роты, которой сам выбирал дерево, соответствовавшее высоте зала, правильной формы и, уплатив за него леснику, сам спиливал и привозил в собрание. В украшении елки принимали участие не только офицеры, но и дамы.

Украшения и подарки из года в год выписывались из Петербурга со склада игрушек Дойникова. Фирма Дойникова удивительно внимательно и добросовестно относилась к

нашему заказу. За цену на круг один рубль за каждую игрушку она подбирала все виды для мальчиков и для девочек, и такого качества, что в отдельности нельзя было приобрести у них же подобные за двойную и даже тройную цену. Мало того, в виде презента от себя присылали весь заказ поездом большой скорости. Подарки получали все дети до четырнадцатилетнего возраста. По окончании праздника елку валили на пол и отдавали детям на разгромление.

Встреча Нового года начиналась с официального торжества. Все собирались в большом зале, подавалось шампанское, и когда часы били полночь, начальник гарнизона, поздравив всех с Новым годом, провозглашал здоровье государю императору и прочие официальные тосты, затем вносились столы и все садились ужинать. После ужина общая мазурка, и в два часа под звуки марша расходились по домам.

Наладились также беседы и сообщения. Только одно зло трудно поддавалось искоренению. В полку издавна привились азартные игры, особенно среди старших офицеров, и именно таких, которые в остальном были в числе лучших, составляли как бы его ядро. Потихоньку играли даже и в полковом собрании, но уличить было трудно.

Долго я не решался затронуть карточный вопрос и поднял его лишь тогда, когда почувствовал, что уже овладел офицерами и могу с них все потребовать. Первый раз официально поднял его после одного из тактических занятий с руководителями, имен не называл, но все отлично знали, о ком говорю:

– Офицеры не дети, и потому я им не могу запретить игру в азартные игры, но как командир полка категорически воспрещаю азартную игру старших офицеров с младшими, особенно с подчиненными, и, если подобные случаи будут повторяться, буду вынужден предложить виновным оставить полк и отмечу это в аттестации.

На общем же собрании офицеров взял с них слово, что в полковом собрании азартной игры больше не будет. Офицеры дали слово и сдержали его.

Наступил май 1896 года, и 14 мая должно было состояться коронование государя императора Николая Александровича и императрицы Александры Федоровны. По случаю этого радостного торжества государю было угодно повелеть дать всем войскам трехдневный праздник.

Когда об этом было объявлено, все батальонные и ротные командиры пришли прямо в ужас и обратились ко мне с вопросом: как быть, какие принять меры, чтобы не произошло каких-либо излишеств, что уже в обычные праздники, особенно Рождества и Пасхи, бывает трудно сдерживать людей, а тут можно будет всего ожидать?

Такой мрачный взгляд меня крайне удивил, такое недоверие к людям и к самим себе!

– Неужели же, господа, мы являемся полком штрафовых, необузданных людей? Я этого совершенно не допускаю, во всяком случае, воля государя должна быть исполнена. Государь повелел дать людям трехдневный праздник, и они его получат, а какие принять меры ввиду ваших опасений, я сам укажу. Вас же прошу обсудить программу праздника и гуляния, которые мы предложим людям на второй день.

На следующее же утро я подъехал к помещению 1-го батальона и приказал дневальному у ворот, что командир полка требует к себе всех людей, выходить в чем есть. Поздоровавшись с людьми, объявил им о предстоящем короновании Их Величеств и спросил:

– Может ли кто из вас объяснить, почему наш царь называется помазанником Божиим?

Оказалось, что многие это разумели.

– Раз вы это понимаете, то понимаете, какой это радостный и великий праздник на всей Руси. Царь повелел дать вам трехдневный праздник, и вы его полностью получите. Не будет занятий, не будет переключек, только, как вы сами понимаете, караульного наряда не могу отменить и списки наряженных в караул будут объявляться накануне. В остальном гуляйте как хотите, но тут же беру с вас слово, что нигде не осрамите Могилевского имени, нигде не допустите бесчинства, никого не обидите и будете друг за другом смотреть. На второй же день приглашаю всех вас на полковое гуляние на плацу.

То же самое объявил и в остальных батальонах.

Впечатление от такого моего распоряжения получилось ошеломляющее; большинство офицеров было уверено, что праздники у нас кончатся каким-нибудь большим скандалом. Только единичные: Чижов, Горелов, Галле, Соколов и Никитин (Басик, как его звали в полку) понимали меня и с особым рвением принялись за приготовление обещанного гуляния. Их рвение заразило и других, и ко дню гуляния плац был убран и разукрашен так, как это могут сделать наши офицеры, когда захотят.

Все три дня прошли благополучно, люди вполне выдержали экзамен. Ни в городе, ни в казармах не было ни одного буйства, ни драк, никто не видал ни одного могилевца в растерзанном виде, и в городе доброе имя полка очень поднялось. Полковое гуляние удалось на славу. Все игры, разученные под руководством поручика Соколова, были пущены в ход, и, руководимые офицерами, люди состязались на призы. Больше всего притягивали те состязания, за которые первым призом были предназначены сапоги.

Шнырявший повсюду мой сын, прибежал ко мне, схватил за руку:

– Пойдем, посмотри как там один танцует.

И действительно, среди обступившей его сплошной стеной толпы, танцевал камаринского молодой солдат. Восхищенные зрители примолкли и только среди вздохов иногда слышалось:

– Ох, пожалей сапоги.

И только когда плясавший в самый разгар присядки, ударив ладонью по земле, стал как вкопанный, раздались шумные одобрения. Сын опять взял меня за руку.

– А теперь пойдем, посмотри за сараями, там сложены уже все, кто не может стоять на ногах.

Как дети веселились молдаване, танцуя под скрипку свою любимую польку. Гуляние продолжалось до полной темноты и завершилось фейерверком.

Отгуляли мы царские дни, а за ними подошли Святая Троица и Духов день. Но тон уже был дан, и эти праздники прошли также благопристойно.

Через несколько дней предстояло выступление в лагерь. Лагерь 7-й дивизии был разбит на арендованном казною участке в шести верстах от города Конева и отстоял от Радома в трех переходах.

Придавая большое значение тому, чтобы офицеры в лагере обязательно довольствовались в офицерской столовой, мы еще заранее прикупили недостающее количество посуды, стекла, столового белья, с тем чтобы все могли садиться за обед одновременно и чтобы кушанья подавались с блюда, как в семье. В лагере я своего стола не держал и всегда обедал и ужинал в полковом собрании. Сначала офицеры были смущены таким моим решением, спрашивали себя, как при командире пить водку и тому подобное. Когда же мы вступили в лагерь и офицеры увидели в столовой чисто накрытые столы, что командир подошел к буфету и, чокаясь с офицерами, выпил водки, все стало просто, и наши обеды проходили всегда очень весело и оживленно. Полк был вообще не из пьющих, особенно среди молодежи были такие, которые совсем не пили водку и даже не курили. Для гостивших же у некоторых офицеров их братьев – кадетов и моего сына, когда я брал его к себе, накрывался в углу столовой отдельный стол, за которым они обедали одновременно с нами.

К обеду и ужину сходились по сигналу, который играл полковой штаб-горнист Павличенко, состоявший уже много лет в полку. Проиграв сигнал, старик возвращался к столовой, где его ожидала закуска, водка и бутерброды.

В окрестностях лагеря совершенно не было подходящих деревень; в лагере же только командир полка имел барак в три комнаты, остальные офицеры жили в полубараках, то

есть офицерские палатки ставились поверх деревянных пола и стенок. Все семьи оставались в Радоме, но два раза в лето лагерным собранием устраивались танцевальные вечера, на которые приезжали наши дамы. В саду рядом с собранием ставился шатер – дамская уборная, мобилизовались все перевозочные средства полка: экипажи, лазаретные линейки, которые выезжали к поезду, приходившему из Радома в шесть часов вечера, а отвозили обратно к поезду, отходившему из Конска в Радом в пять часов утра. В эти дни по взаимному соглашению устраивался общий ужин для всех и подавалось командирское шампанское.

Лето под Конском было часто дождливое, и так как дни вечеров приходилось назначать заблаговременно, то трудно было приноровиться к погоде, но никакая погода дам не останавливала и не влияла на оживленность этих вечеров. Напротив, чем хуже была погода, тем как-то бойче шли танцы.

В день выступления в лагерь перед полком был отслужен молебен. Первый переход до посада Шиловца был в 23 версты, поэтому было необходимо уравнивать движение так, чтобы задам не приходилось добегать. Для этого каждые пять верст я пропускал полк мимо себя, уравнивая шаг, разрешая раздаваться в ширину, но не допуская никаких оттяжек вглубь, те же батальоны или роты, которые это не соблюдали, отправляли в хвост колонны. Таким путем наладилась равномерность движения и отсталых не замечалось. В период полковых сборов расписание занятий составлялось по полкам, за исключением стрельбы, которая производилась на дивизионном стрельбище, и очередь стрельбы назначалась штабом дивизии.

Расписание занятий в полку было так составлено, что ежедневно выходило пять часов занятий – три часа утром, от шести до девяти, и два часа вечером, от пяти до семи. Назначая малое число часов, я требовал напряженного ведения занятий, лишь первое время давая частые передышки, а затем, постепенно сокращая число и длительность передышек, проводить все три часа занятий без передышки.

Еще в период одиночного обучения я неоднократно указывал офицерам на важность ведения подготовительных к стрельбе упражнений, особенно в наводке и прицелке самими офицерами с каждым стрелком по очереди; щелканье же затворами целыми шеренгами признавал прямо вредным. Тем не менее, выехав однажды к началу занятий на переднюю линейку, я застал именно такую картину щелканья затворами, причем господа офицеры еще не выходили. Поздоровавшись с людьми, приказал фельдфебелям занятия прекратить и отпустить всех по палаткам.

В этот день обед в собрании прошел в полном молчании, зато подобный случай уже не повторялся.

Наступил период ротных смотров. Еще зимою во время тактических занятий с руководителями были подробно рассмотрены все стороны обучения рот для боевой их подготовки, причем указывалось на важность выработки темпа шага, равнении в затылок, умения выдерживать направление при прохождении больших расстояний в развернутом и разомкнутом строях роты как боевых строев для передвижения в сфере артиллерийского огня. Зная, как трудно вводить полное число рядов, я на первый год

объявил, что наименьшее число рядов на смотре допускаю 50 в роте. Всякий лишний ряд, выведенный свыше указанных 50-ти рядов, буду ставить в особую заслугу ротных командиров.

Только один ротный командир позволил себе вывести 48 рядов. Не спрашивая объяснений, приказал роту увести и не смотрел ее. Зато другие командиры превзошли мои ожидания: командир 1-й роты штабс-капитан Карабан вывел 60 рядов, командир 5-й капитан Горохов – 68, капитан Бородаевский и штабс-капитан Коссовский – по 56 рядов. Чтобы понять всю заслугу этих ротных командиров, надо сказать, что, выступая в лагерь, полк должен был оставлять в Радоме для несения караульной службы команду в 350 человек; значит, они выводили в строй всех, кроме самого необходимого домашнего расхода, не исключая и офицерской прислуги. Особенное внимание обращалось на полную тишину в строю, на обучение по знакам, а с начала общего сбора и на ночные маневры.

Пища постепенно все улучшалась, а с выходом в лагерь в помощь к приварочному окладу шли овощи с маленьких огородиков, разбитых всюду, где позволяло место. Тем не менее я чувствовал, что можно еще улучшить пищу, но, не имея достаточного опыта, чтобы учить этому делу, я решил прибегнуть к следующему способу.

В то время еще существовали вольные работы, и в Варшавском округе в пехоте среди лета делался перерыв, и войска отпускались на вольные работы на две недели, с 15 июля по 1 августа. Было решено тотчас по возвращении людей с работ, с 1 августа, начать варку на приз, самые же призы раздать в назначенное мною время. Так варили в

течение двух недель, пока наконец утром 15-го, в день Успения Пресвятой Богородицы, я назначил раздачу призов. Пища варилась у нас в восьми котлах; было заготовлено столько же мисок, помеченных каждая особой буквой. Из какого котла в какой миске налита варка, знали только заведующий хозяйством и я. Для оценки варок были назначены от каждой роты: фельдфебель, все унтер-офицеры и по 20 рядовых. Оценка означалась крестиком или нулем, получившая наибольшее число крестиков, получала первый приз, следующая второй и т. д. Призы состояли из: первый – мундир и шаровары с клеймом «призовой» и 10 рублей деньгами; второй – то же самое и 5 рублей деньгами; третий тоже и 3 рубля деньгами.

Когда призы были розданы, я благодарил всех кашеваров и всем, не получившим призов, выдал по 3 рубля наградных. А вечером собрал всех фельдфебелей и в присутствии ротных командиров объявил им:

– Теперь вы убедились, какая может быть варка, так прошу, чтобы и дальше была такая же пища, иначе годовое условие об оставлении на сверхсрочной службе не будет возобновлено.

Для хлебопечения в Радоме вместо старой пекарни были выстроены две хлебопекарные печи системы генерала Васмунта, совершенно точно по его инструкции и из указанного им материала. Печи обошлись в 1800 рублей, но в первый же год окупились экономией на дровах, а затем полк имел ежегодно не менее 1500 рублей экономии от дров и, главное, всегда одинаковый, прекрасно выпеченный хлеб. К следующей весне то же было сделано и с лагерной хлебопекарней.

Замечательно, что по мере улучшения качества и вкуса пищи постоянно сокращалось потребление водки в полковой лавочке и рос спрос на папиросы, чай и на разные лакомства.

Создалась, наконец, в полку та атмосфера взаимного доверия и понимания, о которой я всегда мечтал, и стало легко проводить все требования в жизнь. Насколько привились полная тишина и внимание в строю, могут служить показателями два случая: на одном из ночных маневров, приближаясь к позиции противника, пришлось проходить лесом, и только когда мы вышли на опушку, то оказалось, что мы ошиблись направлением и стоим под углом к противнику. Было еще настолько темно, что едва можно было различать предметы на ближайшем расстоянии. Выйдя с адъютантом несколько вперед, мы стали с ним, расставив руки параллельно фронту противника, и батальоны сами в полной тишине переменили фронт, не переходя опушку леса и ничем не выдав своего присутствия. В таком положении выждали рассвета и произвели атаку.

Другой раз, возвращаясь с ночного маневра, мы подошли к лагерю, когда в дивизионной церкви, расположенной против 4-го батальона полка, уже шла обедня. Став перед серединой полка, я приказал через адъютанта при отнесе знамен музыке не играть, батальонам следовать на свои места в полной тишине, все остальное выполнять по знакам командира. Полк построился на передней линейке, отдал честь знаменам и разошелся по палаткам, не проронив ни звука, так что когда я вошел в церковь, начальник дивизии верить не хотел, что полк только что пришел с маневра и разошелся по палаткам, ничем себя не обнаружив.

15 июля, в День Св. Владимира, мы возвратились с послеобеденного учения уже перед самым ужином. Когда, помывшись, я хотел идти в собрание, сын заявил:

– Офицеры просят тебя не приходить, пока тебя не позовут.

Мы уселись с ним на любимую скамеечку, сделанную дугой и прислоненную к трем елкам, на которой всегда пили кофе и чай. Примерно через час пришли нас звать.

Вся галерея, столовая и столы утопали в зелени, офицеры поздравили меня с именинником и просили после ужина выслушать концерт. Когда отошли от стола, вышли вперед четыре офицера с мандолинами и сыграли нам целый ряд квартетов. Они подметили, как я часто потихоньку подходил к офицерским палаткам и слушал игру подпоручика Никитина. Играл он прекрасно, и я готов был слушать часами. И вот, ко дню именин сына они и подготовили мне сюрприз. После мандолин пел офицерский хор. Замечательно, что игре на мандолине и на других инструментах и пению офицеров обучал поручик Шеин, сам не знавший нот, но игравший по слуху на рояле и на каком-либо другом инструменте и мастерски управлявший офицерским хором. Так неожиданно справили мне именины сына.

В полку был также церковный хор, под управлением поручика Дурнова, в котором было несколько выдающихся голосов: тенор – писарь Емельянов, бас и баритон – фейерверкер и бомбардир 7-й артиллерийской бригады и, в особенности, высокий тенор Ковальский, попавший к нам по набору из Киева, из хора Киево-Печерской лавры.

Выехав однажды верхом по Ивангородскому шоссе, я еще издали услышал пение 1-й роты на ходу, причем один

высокий чистый голос покрывал все голоса. Погода была морозная, при сильном ветре, и снег крупной. Остановив роту, я поздоровался и спросил фельдфебеля, кто у них поет таким высоким голосом?

– Молодой солдат Ковальский, певчий из Киева, мы все не наслушаемся, когда он поет.

Вернувшись с прогулки, я приказал в первую же субботу освидетельствовать Ковальского на нестроевые должности и назначил его на вакантную должность церковника и певчим в хор. Помимо великолепного голоса, он оказался еще и хорошим регентом.

Большого внимания требовал вопрос вольноопределяющихся. Ввиду хорошей стоянки было довольно много желающих отбывать повинность в полку. Не отказывая никому в законном праве отбыть воинскую повинность, я в то же время очень строго отличал желающих только отбыть повинность от желающих быть командированными в училища. Первых допускал легко, вторых же с большим разбором, причем особенно принималось во внимание воспитание и семейное положение. Во всяком случае, каждому объявлялось вперед, на каких условиях он принимается, и велась отдельная книга, в которую вносились фамилии каждого вольноопределяющегося и отмечалось, принят ли только для отбытия воинской повинности или может быть удостоен командирования в училища.

В первых числах августа полк выступил в подвижный сбор в Люблинскую губернию. Сбор был тяжелый, не только по величине переходов с попутными занятиями, но и ввиду неблагоприятной погоды – из 25 дней сбора выдались только

семь ясных солнечных; в остальные дни лил дождь и была местами непролазная грязь. Квартиро-бивачное расположение на ночлег в пехоте почему-то не допускалось, и мы всегда становились биваком.

Ввиду таких неблагоприятных условий погоды и наличия походных кухонь явилась возможность выдавать людям горячий завтрак. Варили котелок густой каши или рису на двух человек. Выдавали этот завтрак не перед выступлением на рассвете, когда мало кто ест, а на первом малом привале. Завтраки особенно полюбились людям, передержка же на довольствие за время сбора составила всего 800 рублей, что было легко покрыть из артельных сумм.

Но, заботясь о том, чтобы люди были всегда сыты, чтобы продовольствие, хотя бы и не по установленной раскладке, обязательно доставлялось все, я искал подходящего случая, чтобы показать, как в военное время может создаться такая обстановка, что по условиям боя не удастся поесть в течение дня и далее. Такой случай представился во второй половине сбора под Ивангородом, когда полк заночевал у деревни Кляшторна Воля и полку предстояло рано утром выступить в Новую Александрию и там дневать.

Переправу через Вислу полк должен был совершить тотчас на рассвете, по проходе поезда чрезвычайной важности. Ввиду такой обстановки были отправлены ночью вперед порционный скот и все продукты, чтобы по прибытии в Новую Александрию получить готовый обед. Но на другое утро, перед самым выступлением полка, из штаба дивизии пришло извещение, что поезд чрезвычайной важности проследует не на рассвете, а вечером, ввиду чего полку оставаться на месте. Вот этим-то случаем я и решил

воспользоваться. Собрав батальонных и ротных командиров, объяснил, что именно хотел показать полку: предположим, что ведем горячий бой и времени на еду нет, ни мы, ни люди обедать и ужинать сегодня не будем. Завтра зато наверстаем. Рассчитываю, что все отнесутся к этому с должным спокойствием и не будет никаких праздных разговоров.

Днем приехал на бивак начальник дивизии, добрейший Шелковников, и озабоченно спросил:

– Вы, говорят, остались без мяса?

Я откровенно рассказал ему как обстоит дело, что у нас не только нет мяса, но ничего нет, кроме дневной дачи хлеба на людях. Он очень был этим смущен, но я просил его не беспокоиться, что завтра мы с лихвой свое наверстаем, а по лицам и настроению всех он может видеть, что в полку все вполне благополучно.

– Знаю, что так, но вы слишком много на себя берете, – и уехал, не совсем успокоенный.

В семь часов вечера проследовал поезд чрезвычайной важности, и мы тотчас же двинулись в путь. Предстоял переход в 31 версту, и так как полку не было дано задачи, то было разрешено на походе курить, песенникам петь. Шли молодцами. В полночь я дал полку получасовой привал. Настроение было веселое, везде шли разговоры, шутки, хохот. Скомандовав «в ружье», я подъехал к людям и улыбаясь спросил:

– Что ж вы, очень голодны?

А они в ответ как гаркнут:

– Никак нет, вашей лаской всегда сыты, – так даже тепло на душе стало, и сам не чувствовал, что с раннего утра до пищи не дотрагивался.

Новая Александрия (Пулава), бывшее имение князей Чарторыйских на берегу Вислы, за измену взято было государем Николаем Павловичем в казну. Во дворце помещался Сельскохозяйственный институт, кругом обширные рощи с великолепными вековыми дубами, липами, буком, грабом, кленами, платанами. По опушкам были образцовые питомники всех пород.

Около одной из рощ был разбит бивак полка. В 10 часов утра люди получили обед, а за вчерашний день им выдали на руки продукта для варки в котелках. При этом я особенно просил дежурного по полку блюсти за тем, чтобы люди, собирая хворост, не повредили бы питомников. Выйдя на бивак часа в три, несмотря на мелкий дождь, я застал варку в полном разгаре, всюду кипели котелки, виднелся прикупленный белый хлеб. Съев свою варку, солдаты в семь часов вечера еще и отлично поужинали.

Не обошлось и без комичного эпизода. На другое утро перед выступлением полка докладывает мне денщик, что меня желает видеть казенный лесничий. Этот последний, войдя в палатку, заявил:

– Извините, господин полковник, но я должен вас просить уплатить полтора рубля за попорченные полком питомники.

Я был крайне удивлен и раздосадован, и обратился к стоявшему тут же дежурному по полку:

– Ведь я же вас просил, чтобы этого не случилось.

– Так точно, господин полковник, я ваше указание исполнил и сам наблюдал, чтобы нигде не трогали выше этого и показал примерно четверть аршина вышины.

После этого ничего не приходилось говорить, и я выдал лесничему 150 рублей. Может быть и дороговато, но удовольствия было больше, чем на полтора ста рублей.

Конечным пунктом сбора для 7-й дивизии⁷⁹ был город Красник, расположенный на австрийской границе, в 70 верстах от Люблина. Прибыли под Красник 28 августа, на другой день, 30-го, был полковой праздник. Последние время шли сильные дожди, на нас не было сухой нитки, и тем не менее было решено церковный парад не откладывать и праздник справить.

Хотелось доставить людям возможность обсушиться и поспать на сухой соломе. У самого места, отведенного под бивак полка, стоял громадный стог соломы. Я послал офицера к помещику с просьбой продать солому и предложить за стог 50 рублей (по тамошнему за солому, которую всегда помещики давали даром за навоз, цена огромная), но упрямый помещик отказал. Солому мы все-таки раздобыли, купив ее на деревне; от стога за ночь ничего не осталось, так как повсюду кругом стояли войска.

На другой день, поздравляя полк с праздником, я был приятно поражен, что все люди был в совершенно чистых

⁷⁹ 7-я пехотная дивизия сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 5-й армейский корпус. Состав дивизии: 25-й пехотный Смоленский, 26-й пехотный Могилевский, 27-й пехотный Витебский и 28-й пехотный Полоцкий полки, 7-я артиллерийская бригада.

белых чехлах на фуражках. Как они сохранили их в такой чистоте среди постоянного ненастья – не знаю, но знаю, что я их от сердца поблагодарил отдельно за эти чехлы.

Молебен прошел без дождя, но церемониальным маршем прошли уже под дождем. Это не помешало нам принять гостей и весело с ними отобедать.

Подвижной сбор окончился двухсторонним маневром под Люблином, по окончании которого от полка были взяты три роты для учебной построики под Холмом узкоколейной железной дороги системы Дековиля, конной тяги. Остальной полк почему-то направлен походным порядком в Радом, вместо обычной перевозки по железной дороге. Я шел с полком, и мы совершили этот путь в 11 дней.

По вступлении в Радом мы заняли новые, построенные для нас частными лицами казармы, и все оказались в сухих, светлых помещениях. Благодаря умелому ведению хозяйства и заботливости полковника Чигова оказалась возможность и в дальнейшем улучшать обстановку в казармах. У нас не было отдельных столовых, люди и обедали, и ужинали в жилых помещениях на собственных сундучках. Это было неудобно, неопрятно и очень портило внешний вид помещений. Вдоль стен были приделаны подъемные столы, к ним скамьи и табуретки. Лампы были так повешены, что за этими столами люди могли читать и писать. С утра, на время занятий, и на ночь столы опускались. Затем явилась возможность приобрести для ротных помещений известное число картин исторического содержания и полк начал постепенно переходить от нар к топчанам, начиная с учебной команды.

Для пополнения хора музыкантов и команды писарей полком были взяты из Мариинского приюта 13 мальчиков, которые и жили при полку в отдельном помещении, отделенном от квартиры командира. Приют очень удачно выбрал детей, причем оказалось, что они почти все сироты, сыновья офицеров, а один даже оказался племянником московского губернского жандармского штаб-офицера, генерал-майора Середы. Узнав об этом, несколько офицеров предложили заниматься с ними по учебным предметам с тем, чтобы они приобрели известный учебный ценз и, отбыв воинскую повинность, могли бы себе найти соответствующий заработок. Судя по прибывшим в полк мальчикам, Мариинский приют был в очень хороших руках.

Отдохнув, отмывшись после маневров, отпустив запасных, полк с 1 октября зажил нормальной зимнею жизнью.

Большое внимание было обращено на выбор людей учебной команды, на подбор и подготовку учителей молодых солдат.

Но, работая целыми днями, мы не забывали и своего собрания. Вечера наши становились лучше и привлекали все больше и больше гостей, число карточных столов уменьшилось, зато танцы процветали. Офицеры упросили меня привозить дочь и, хотя ей было всего 15 лет, я не мог им отказать и уговорил жену ввести Марусю в собрание, где она веселилась от всей души.

Меня прямо трогало, как в полку любили моих детей, как их баловали. У сына, например, был свой отдельный дворик, где содержались подаренные ему голуби, собаки и приносимые солдатами то белка, то куница, то еж, и прочее.

Я намеренно допускал детей, особенно сына, присматриваться к полковой жизни, к солдатскому быту, и сам обращал его внимание на все то, что впоследствии могло помочь ему в командовании эскадроном. Говорю эскадроном, потому что он не мнил себя иначе как кавалерийским офицером.

В то время в Варшавском округе обращалось особенное внимание на малые зимние маневры с ночевкой в поле, и каждый полк в течение зимы должен был проделать их не менее двух таких.

Насколько правильна идея маневрирования на местности, покрытой снегом, совершенно ее видоизменяющим, настолько мало поучительны одна или две ночевки в поле на морозе, и такие ночевки очень дорого обходились полкам, так как мы выдавали на каждую роту на ночь по полукубической сажени дров; свои же палатки мы согревали лампами «молния», поставленными на землю и горевшими всю ночь.

Выступив в эту зиму на первый такой маневр при морозе в четыре градуса, мы совершенно благополучно провели ночь, но уже к утру наступила оттепель и возвращались мы под сильным дождем. Довольно глубокий снег растопился и назад шли по сплошной воде.

Пропуская поля на ходу, я обратил внимание на солдата, шедшего в настолько дырявых сапогах, что видны были голые пальцы без портянок. Подозвав ротного командира, я спросил, как могли допустить, что солдат вышел в строй в дырявых сапогах, да еще и без портянок. Ротный командир ответил:

– Это совершенно особый случай, господин полковник, вы разве не узнали этого солдата, это разжалованный по суду Образцов.

– Теперь, когда вы сказали, вспомнил, но все же не могу допустить подобного выхода в строй и строго взыщу, начиная со взводного командира. По возвращении в казармы доложите подробно.

Дело оказалось в следующем: с выступлением в лагерь приходилось для несения караульной службы оставлять в Радоме команду в 350 человек при офицере. В середине лета начальник команды донес, что зайдя в полковой караул, он застал начальника караула, старшего унтер-офицера Образцова, и двух рядовых играющими в карты. На вопрос поручика Ивлиновского, откуда карты и как он мог допустить игру, Образцов отвечал, что не знает, как и кто принес карты, что он сам не играл, а только смотрел как играли; рядовые же во всем чистосердечно повинились.

По закону карточная игра в карауле составляет такой проступок, за который начальник не может ограничиться дисциплинарным взысканием, и виновные в игре были преданы полковому суду.

На суде выяснилось, что унтер-офицер Образцов ложно доложил поручику Малиновскому, потому что сам принес карты и предложил играть. Утверждая приговор по предоставленной мне законом власти, обоим рядовым смягчил наказание на две степени; в отношении же Образцова за то, что он «солгал начальнику», оставил приговор в силе.

Такое определение его главной вины так подействовало на Образцова, что он наложил на себя епитимью, ограничивал себя до пределов в пище и дома в казармах, несмотря ни на какой мороз, ходил по двору босиком, в строй же надевал старые дырявые сапоги на босую ногу, без

портянок. Такое настроение Образцова тронуло меня, и в День Святой Пасхи, придя в роту, я простил ему штраф и перевел в разряд беспорочно-служащих, и в день полкового праздника восстановил в звании унтер-офицера.

7 января 1897 года у меня родилась вторая дочь. Все обошлось благополучно, и под утро, напоив кофе полкового врача Александра Ивановича Веретенникова и простившись с ним, я прилег на диван.

Через некоторое время слышу, кто-то спрашивает дежурного вестового, дома ли командир полка, и ответ вестового:

– Дома-то дома, да видеть нельзя, прилег и спит, умаялся сердечный за ночь, Бог дочку дал, сам все хлопотал.

Опять возник вопрос о кормилице. Приходили несколько совершенно неподходящих. Выручил денщик повар.

В одно утро исчез Павел, подходило время обеда, а повара нет, и ничего не готовилось. Я был взбешен и решил отчислить его в роту, особенно когда, выйдя на веранду, увидал Павла, несущегося на извозчике с какой-то женщиной. Так он подкатил к крыльцу и, встав в фаятоне, проговорил:

– Ваше Высокоблагородие, привез кормилицу. Она из соседней деревни, у нее двухнедельная девочка, которая осталась у бабушки, думаю, что будет хороша, а обед через час будет готов.

Этот Павел был удивительный человек. Учился поварскому искусству в известной на всю Москву гостинице «Эрмитаж», прекрасно готовил, очень честный, добросовестный и в высшей степени услужливый; общий любимец среди писарей, всех денщиков и, особенно, женской прислуги; все

говорили, что он все может и против него ни в чем устоять нельзя. Но он много пил, иногда до полного бесчувствия, и ничем нельзя было его удержать.

И в данном случае оправдалась его легкая рука. Привезенная им Егося оказалась здоровой, хорошей, тихой женщиной и отлично выкормила Ньюку.

Едва успели справиться с первыми хлопотами и окрестить маленькую, как мне пришлось поехать в Петербург на похороны любимого дяди и устроить сестру, оставшуюся совершенно одинокой. На похоронах я сильно простудился и, вернувшись в Радом, слег с воспалением легких. С болезнью справился довольно легко, но долго не мог совершенно поправиться и вышел в первый раз в сад уже в марте месяце.

Идя по аллее, я увидел у колодца за решеткой сада трех солдат, мывших свои баки, и обрадовался, что смогу с ними поздороваться. Но, каково же было мое удивление, скажу даже огорчение, когда солдаты, увидав меня, оставили мыть баки и бросились бежать в казарму. Все удовольствие прогулки пропало, и я уже думал повернуть обратно, как вдруг услышал крики: «командир вышел», а затем топот ног. Шум все усиливался, отовсюду бежали могилевцы и через несколько минут весь полк столпился на плацу около решетки, слышно было, как они тяжело дышат. От волнения я мог лишь поздороваться с ними, говорить не мог и, пробыв с ними некоторое время, только поблагодарил их за любовь и отпустил.

Подошла весна, начались смотры молодых солдат, роты щеголяли одна перед другой в обучении каждого человека в отдельности. Особенно выделялись успехи по гимнастике и

словесные ответы по всем уставам, по истории полка, спокойствие отвечающих и их умение при полной выправке непринужденно себя держать. Я понимал, сколько умения и труда вложено в это дело, и сердце радовалось, глядя на них.

Особенно порадовали меня ответы молодых солдат роты, их веселый спокойный вид. Я знал, что это целиком работа молодого подпоручика Никитина, на которого я обратил внимание еще когда впервые проверял младших офицеров в умении командовать, показывать и проверять подготовительные гимнастические упражнения. Проверив уже семь рот, я, к своему прискорбию, убедился, что офицеры совершенно не напрактикованы и сами плохо выполняют упражнения. Подойдя к 8-й роте и увидев совсем юного офицера, я подумал, что тут и подавно выйдет слабо и хотел уже прекратить поверку. Каково же было мое приятное удивление, когда подпоручик Никитин, скомандовав смирно, объяснял цель каждого упражнения, сам отлично их проделывал, твердо и отчетливо командовал и спокойно поправлял. И так он выделялся во всем, что я невольно полюбил его, как родного, и как можно чаще зазывал его к нам в дом.

Лагерь 1897 года прошел спокойно и закончился двухсторонним маневром бригады против бригады. Два смотра явились нам наградой за наши труды.

Смотр стрельбы произведен был состоявшим при инспекторе стрелковой части генерал-лейтенантом Скарятиным. Полк не только стрелял отлично; генерал Скарятин обратил особенное внимание и отметил в ордере образцовый порядок и тишину во все время смотра,

отсутствие каких бы то ни было разговоров, даже между офицерами.

В период общих сборов в Конск прибыл командующий войсками светлейший князь Имеретинский и произвел по очереди смотры всем полкам 7-й дивизии. По окончании князь Имеретинский подъехал к передней линейке полка, беседовал с людьми, подробно осмотрел лагерь до задней линейки включительно, пробовал пищу и затем прошел в офицерское собрание, приняв приглашение на обед.

Представив офицеров, я просил командующего войсками к столу. Обед был наш обычный, в два блюда. Когда подали второе блюдо, я доложил князю:

– Мы точно исполнили ваш приказ и приняли вас в нашей обычной обстановке, но нельзя же нам, впервые принимая командующего войсками, не выпить за его здоровье, и потому прошу разрешения подать командирское шампанское.

Отвечая на наш тост, князь Имеретинский сказал:

– В приказе о смотре может быть и будет какое-либо замечание, но здесь, обращаясь к вам, я заявляю, что сегодняшний день был для меня настоящим праздником, я никогда не видал такого гордого, спокойного полка.

Когда командующий войсками уехал, я подошел к офицерам и передал им еще раз высказанную благодарность командующего войсками всем офицерам за блестящее воспитание полка и за отличный вид людей. Тогда офицеры обратились ко мне:

– Теперь мы просим Вас сказать нам: довольны ли вы нами, так ли мы представили, как вы бы этого желали.

И я им от всего сердца ответил:

– Да, я вами вполне доволен, горжусь вами, вы и мне доставили праздник. Когда потребовали трех человек для подробного осмотра, как они одеты, то я указал на 7-ю роту не потому, что я в ком-либо из вас сомневался, а чтобы похвала пошла старшему из ротных командиров, всеми нами уважаемому Федору Федоровичу Кулакову.

Тотчас по возвращении из лагеря полк стал на охрану железнодорожного пути на соединительную ветвь от станции Скаржиеко – Ивангород Домбровской дороги до станции Колюшки Варшавско-Венской.

Мы простояли 13 дней. Благодаря добавочному отпуску к приварочному окладу по 15 копеек в день, явилась возможность выдавать людям по два обеда в день: в девять часов утра и в три часа пополудни, а вечером чай с фунтом белого хлеба на каждого человека, варили в котелках.

Погода стояла холодная, сырая, почти ежедневно выпадали мелкие дожди, но санитарное состояние и настроение были отличные. Я постоянно объезжал свой район, радовался, как точно все выполняется согласно «особой инструкции» и как люди стараются.

Управляющий княжеством Лович и Спалой, маркиз Вельепольский, сообщил мне, что офицерам разрешается охота на мелкую дичь, но строжайше воспрещается трогать зверей, особенно оленей. Вся местность в этом районе кишела куропатками, и офицеры постоянно приглашали на обед и на ужин с куропатками.

Моим местопребыванием была станция Конск, где я и встретил высочайший поезд. Было семь часов утра, холодная сырая погода. Поезд подошел бесшумно, стоял шесть минут,

набирая воду, но в вагоне-спальне Их Величеств были маленькие пассажиры, которые громко звали:

– Мама, мама, – и, несмотря на холод, вдоль открытого коридорного окна великих княжон Ольгу Николаевну⁸⁰ и Татьяну Николаевну⁸¹ пронесли к Ее Величеству в одних утренних платьях.

Взяв воду, поезд также бесшумно отошел. На другой день полк возвратился в Радом.

Однажды во время обеда подали телеграмму. Взглянув на содержание, я громко прочел: «Желаете ли принять штаб 7-го корпуса?⁸²» Дети как-то притихли, а сын, как только обед кончился, встал со словами:

⁸⁰ Великая княжна Ольга Николаевна (1895–1918) – старшая дочь императора Николая II. С 1909 г. – шеф 3-го гусарского Елисаветградского Ея Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны полка. После начала Первой мировой войны прошла курс обучения сестер милосердия и работала в Царскосельском госпитале.

⁸¹ Великая княжна Татьяна Николаевна (1897–1918) – вторая дочь Николая II. С 1911 г. – шеф 8-го уланского Вознесенского Ея Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны полка.

После начала Первой мировой войны окончила курсы обучения сестер милосердия и работала в Царскосельском госпитале.

⁸² 7-й пехотный корпус сформирован в 1812 г. В 1914 г. входил в состав Одесского военного округа. Корпус составляли 13-я и 34-я пехотные дивизии, 7-я мортирный артдивизион и 12-й саперный батальон.

– Теперь все равно все кончено, – выбежал из комнаты и, вернувшись через некоторое время ко мне в кабинет, заявил:

– Теперь полка не будет и мне ничего не надо, все раздарю и даже щенка отдам (а щенок был прекрасный сеттергордон), – горько заплакал.

Вслед затем я был произведен в генералы, и пришлось расстаться с Могилевским полком.

Помню, как было больно, когда пришли взять знамя, почти три года простоявшее у меня в кабинете, для отнеса его на квартиру нового командира.

Отобедав в последней раз с офицерами и прощаясь с ними, я обнял подпоручика Никитина и сказал офицерам:

– Должен перед вами покаяться, что, как я ни старался быть со всеми равным, но к нему особенно привязался и люблю его больше всех. – и получил ответ:

– Мы это давно заметили и сами его за это вдвое полюбили.

Тут же с меня взяли слово, что где бы я ни был, но на столетний юбилей полка приеду сам и привезу сына. Я дал слово, но судьбе угодно было решить иначе. Сын убит в бою под Сольдау в 1914 году, а мне самому нельзя было отлучиться в самый разгар военных действий, да и Могилевский полк справил свое столетие на боевой позиции.

Проводить вышел весь полк, офицеры собрались на вокзал, а солдаты стали шпалерами от вокзала к городу, и когда я проезжал сквозь них, бежали за экипажем до самого вокзала с несмолкаемым криком «ура». Вот такие минуты с лихвою вознаграждают за все труды, за все неприятности и создают такое душевное удовлетворение, которое ни с чем

не сравнимо и которого никакие служебные награды дать не могут.

Грустно было расставаться с полком. Рядом с чувством душевного удовлетворения было и сознание, что такой непосредственной близости с подчиненными, непосредственного влияния на них уже никогда не будет; в дальнейшем придется только учить и направлять, а не самому творить.

Расскажу еще один характерней эпизод, показывающий, как часто возбуждаемые ходатайства не удовлетворяются по вине самих ходатаев.

Командира 9-й роты капитана Брилевича постигло тяжелое несчастье. Его жена, мать пятерых детей, из которых старшей было девять лет, сошла с ума, и не было надежды на поправление. И в зимнее время положение семьи было очень трудное, с наступлением же лагерного времени, когда капитану Брилевичу приходилось разлучаться с семьей – положение получалось прямо трагическое. Было ясно, что ему нельзя было продолжать службу в строю, приходилось его куда-нибудь устроить. Я решил ходатайствовать о внесении капитана Брилевича в кандидаты на воинского начальника 3-го разряда, хотя и было запрещено представлять капитанов в кандидаты на уездные воинские начальники.

Но, возбуждая ходатайство, я просил штаб округа не задержать мое представление и показал начальнику штаба округа свое письмо генерал-адъютанту Обручеву, в котором все откровенно изложил.

Ходатайство было уважено, и капитан Брилевич назначен уездным воинским начальником. Но когда я представ-

лялся военному министру по случаю производства в генерал-майоры, генерал-адъютант Ванновский⁸³ между прочим сказал:

– Я исполнил ваше ходатайство потому, что близко вас знал по прежней вашей службе, а то ведь болезнь жены – это самый избитый повод ко всяким ходатайствам; взгляните на этот стол (на довольно большом столе были сложены целые стопы бумаг) – это все прошения «по болезни жены», как же вы хотите, чтобы я их удовлетворил, как верить им?

⁸³ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – русский военачальник. Участник Венгерской кампании 1848 г., Крымской войны. В 1861 г. генерал-майор, в 1868 г. генерал-лейтенант, начальник 12-й, в 1871 г. – 33-й пехотных дивизий.

В 1878 г. генерал-адъютант, участвовал в Русско-турецкой войне. С 1881 г. – управляющий Военным министерством и член Госсовета. В 1883 г. произведен в чин генерала от инфантерии. В 1898 г. уволен от должности военного министра.

Глава V

Семью я отправил временно в Петербург, а сам выехал к месту служения в Симферополь. Я знал, что меня там ждет нелегкая обстановка. Корпусом командовал генерал Дукмасов, с которым никто не уживался. Зная его по Москве, где он командовал 2-й гренадерской дивизией, я решил быть начеку и в то же время установить с ним добрые отношения – и это вполне удалось. Мы прожили с ним три года без каких-либо крупных размолвок, и частные отношения между ними и моей семьей были совсем хорошие, особенно благодаря его милой жене Марии Ивановне Дукмасовой.

Первое впечатление еще в пути, после поворота от станции Синельниково на юг, получилось неблагоприятное. Необъятные темные поля, всюду пустота, сравнительно редкие села – казалось, еду в изгнание.

Но на другое утро, проснувшись рано, я увидел море, взошло яркое солнце, и в Симферополь я въехал, хотя и в снег, но мягкий южный снег, случайно выпавший и быстро таявший под лучами солнца. Первое свидание с Дукмасовым прошло вполне удачно. Мы договорились обо всем существенном и сразу стали в правильные отношения. Но уже за завтраком он высказал свое осуждение местному обществу и счел нужным меня предупредить, чтобы я осторожнее знакомился, «а то вас заберут и замотают». Мария Ивановна, слушая эти наставления, только улыбалась и под конец сказала:

– Не так уж все страшно, как рисует Павел Григорьевич.

На вопрос, знаю ли я Петра Михайловича Лазарева, я ему ответил, что с Петром Михайловичем мы товарищи, близко

знакомы с первых лет нашего офицерства, но моя служба за границей, а потом в Варшавском округе, разлучила нас, и жены его я не знаю.

– Ну берегитесь и помните, что я вас предупредил, – мрачно проговорил Павел Григорьевич.

Прямо от Дукмасовых я проехал к Лазаревой, попал на ее приемный день и сразу познакомился не только с ней, но и со многими дамами Симферопольского общества.

Петр Михайлович Лазарев уже несколько лет был таврическим губернатором. Умный, тактичный, он очень заботливо управлял губернией и много прилагал труда на благоустройство и украшение Симферополя. Супруга его, Елизавета Феликсовна, удивительно умела соединить общество, внесла в него много жизни, и годы пребывания Лазаревых в Симферополе были расцветом его общественной жизни. Все соединялись вокруг Елизаветы Феликсовны и дружно веселились.

Приняла меня Елизавета Феликсовна как старого товарища своего мужа, познакомила со всеми и на прощание вручила билет на благотворительный спектакль, в оперетку «Нитуш»,⁸⁴ в которой она сама исполняла главную роль. Затем спросила, есть ли у меня взрослые дочери, я ответил, что есть старшая, которой скоро минет 16 лет, другая же малолетняя.

⁸⁴ Речь идет об оперетте Флоримона Эрве, написанной в 1882 г... Первое представление состоялось в парижском «Театре варьете» 23 января 1883 г. В 1884 г. К. С. Станиславский поставил «оперетку-водевиль» «Мадемуазель Нитуш» и сыграл в ней роль учителя музыки Флоридора.

– Ну так старшую смело везите только к Кесслер и, пожалуй, к Веневитиновым, а к остальным сперва хорошенько присмотритесь.

Быстро познакомившись со всеми, я, однако, сразу почувствовал себя как бы в родной среде лишь у Матильды Михайловны Кесслер и у стариков Давыдовых. Семья Кесслер, особенно Матильда Михайловна и ее дочери, погодки с моей Марусей, сразу сделались моими близкими, дорогими друзьями.

Петр Васильевич и Елизавета Сергеевна Давыдовы – оба дети декабристов, родившиеся в Сибири, там венчались и, получив в 1853 году разрешение вернуться в Россию, поселились в Крыму, в богатом имении Саблы в 14 верстах от Симферополя. Зимы проводили в городе, а все остальное время в Саблах. Оригинально досталось это имение Елизавете Сергеевне от ее бабушки.

В конце сороковых годов прошлого столетия стало модным иметь собственное купание в Крыму. Узнав, что граф Мордвинов продает одно из своих имений, бабушка Елизаветы Сергеевны, княгиня Трубецкая, сейчас же купила эти Саблы, выписала своего любимого бурмистра, приказала ему поехать в Крым, принять имение и приготовить дом, чтобы она могла приехать летом на купание. Бурмистр все в точности исполнил и отписал княгине: «Матушка княгиня, имение принял – богатое, дом настоящий, хороший, выезжай хоть сейчас, но только не знаю, матушка, как будешь купаться, до моря 47 верст».

Княгиня так рассердилась, что знать не хотела имения, и когда ее внучка (Елизавета Сергеевна, дочь декабриста князя

Трубецкого) приехала в Россию, тотчас же подарила ей эти Сабли (12 тысяч десятин).

Елизавета Сергеевна приходилась двоюродной сестрой моей мачехи, и когда я в первый раз к ним пришел, она приняла меня как родного, и я как-то сразу привык заходить к ним ежедневно и часто проводил у них вечера. Эпизод с Саблами и записан мною со слов Елизаветы Сергеевны.

На другой же день по приезде я принял штаб и посетил Крымский конный дивизион.⁸⁵ В то время начальник штаба 7-го корпуса помимо своих прямых обязанностей управлял на правах начальника дивизии входившими в состав корпуса 7-м Донским казачьим полком,⁸⁶ стоявшим в городе Николаеве, и Крымским конным дивизионом, расположенный штабом 2-й эскадрон в Симферополе, 1-й эскадрон в Бахчисарае. Этот дивизион не входил в состав 7-го корпуса, комплектовался исключительно крымскими татарами, и только эскадронные вахмистры и часть унтер-офицеров были русские, назначавшиеся из кавалерийских полков.

Работа в штабе шла вполне хорошо. Оба старшие адъютанта: по строевой части Генерального штаба капитан

⁸⁵ Крымский конный полк сформирован в 1874 г. как Крымский эскадрон. С 1907 г. – Крымский конный полк, с 1909 г. стал именоваться Крымским конным Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полком. Дислокация – Симферополь.

⁸⁶ 7-й Донской казачий войскового атамана Денисова полк сформирован в 1873 г. В 1914 г. полк находился в непосредственном подчинении командующего войсками Одесского военного округа. Дислокация – Николаев.

Парский,⁸⁷ по хозяйственной – капитан Побуковский, были на своем месте и хорошо исполняли свои обязанности.

Много забот доставлял 7-й Донской казачий полк. Насколько был добросовестен и дисциплинирован в службе командир Крымского конного дивизиона полковник Карташев, настолько же командир 7-го Донского казачьего полка полковник Телешев требовал постоянного надзора не столько в строевом обучении, сколько по всем хозяйственным оборотам. Но многолетняя практика за время моего пребывания Начальником штаба 13-й кавалерийской дивизии помогла мне разбираться в этих делах и не допускать никаких отступлений от закона. Ежегодно, в мае месяце, в городе Николаеве я производил строевые смотры сотням и стрельбы, осенью – подробный инспекторский смотр. Полковые же учения и специально-кавалерийский сбор – в июле под Симферополем, совместно с Крымским конным дивизионом. Корпус был чрезвычайно широко расквартирован в районе Таврической, Екатеринославской и

⁸⁷ Парский Дмитрий Павлович (1866–1921) – русский военачальник. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, 2-е Константиновское училище и Николаевскую академию Генштаба. Участвовал в Русско-японской войне. В 1915 г. в чине генерал-лейтенанта был назначен начальником 80-й, затем 55-й пехотных дивизий. В 1916 г. командир Гренадерского корпуса, в 1917 г. командующий 12-й армией. В 1918 г. добровольно вступил в РККА, осенью командовал Северным фронтом. С ноября 1918 г. – член Особого совещания при Главкоме РККА. Скончался в Москве от брюшного тифа.

Херсонской губерний: 13-я пехотная дивизия,⁸⁸ штаб и 1-я бригада – в Севастополе. Там же, на северной стороне, – 13-я артиллерийская бригада,⁸⁹ 51-й пехотный Литовский полк⁹⁰ в Симферополе, 52-й пехотный Виленский⁹¹ – в Феодосии; 34-я пехотная дивизия⁹² – штаб и 1-я бригада дивизии в

⁸⁸ 13-я пехотная дивизия сформирована в 1834 г. как 16-я пехотная дивизия. С 1835 г. – 13-я пехотная дивизия. В 1914 г. входила в 7-й армейский корпус. Состав дивизии: 49-й пехотный Брестский Е. И. В. великого князя Михаила Михайловича, 50-й пехотный Белостокский, 51-й Литовский Е. И. В. наследника цесаревича и 52-й Виленский Е. И. В. великого князя Кирилла Владимировича полки, 13-я артиллерийская бригада.

⁸⁹ 13-я артиллерийская бригада сформирована в 1835 г. В 1914 г. входила в 13-ю пехотную дивизию.

⁹⁰ 51-й пехотный Литовский Е. И. В. наследника цесаревича полк сформирован в 1811 г. С 1864 г. – 51-й пехотный Литовский полк, в 1904 г. получил шефство цесаревича. В 1914 г. входил в состав 13-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса. Дислокация – Симферополь.

⁹¹ 52-й пехотный Виленский Е. И. В. князя Кирилла Владимировича полк сформирован в 1811 г. С 1856 г. – 52-й пехотный Виленский, в 1876 г. получил шефство великого князя Кирилла Владимировича. В 1914 г. входил в состав 13-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса. Дислокация – Феодосия.

⁹² 34-я пехотная дивизия сформирована в 1864 г. В 1914 г. входила в 7-й армейский корпус. Состав дивизии: 133-й пехотный Симферопольский, 134-й пехотный Феодосийский, 135-й пехотный Керчь-Еникальский и 136-й пехотный Таганрогский полки, 34-я артиллерийская бригада.

Екатеринославе, 135-й Керчь-Еникальский полк⁹³ в Павлограде, 136-й Таганрогский⁹⁴ – в Елисаветграде; 34-я артиллерийская бригада⁹⁵ – штаб и 4 батареи в Александрии Херсонской губернии и 2 батареи в Екатеринославе; 12-й саперный батальон⁹⁶ в Елисаветграде; 53-я резервная бригада⁹⁷ – штаб в Екатеринославе, Бахчисарайский резервный батальон в Симферополе и Евпаторийский

⁹³ 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк сформирован в 1811 г. как Подольский пехотный полк. С 1864 г. – 135-й пехотный Керчь-Еникальский полк. В 1914 г. входил в состав 34-й пехотной дивизии. Дислокация – Павлоград.

⁹⁴ 136-й пехотный Таганрогский полк сформирован в 1831 г. как Замосцкий пехотный полк. С 1864 г. – 136-й пехотный Таганрогский полк. В 1914 г. входил в состав 34-й пехотной дивизии. Дислокация – Ростов-на-Дону.

⁹⁵ 34-я артиллерийская бригада сформирована в 1897 г. В 1914 г. входила в состав 34-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса. Дислокация – Екатеринослав.

⁹⁶ 12-й саперный императора Александра III батальон сформирован в 1883 г. В 1914 г. входил в состав 7-го армейского корпуса. Дислокация – Елисаветград.

⁹⁷ 53-я пехотная резервная бригада сформирована в 1843 г. в составе Николаевского, Перекопского, Евпаторийского и Бахчисарайского пехотных резервных батальонов. В 1903 г. батальоны развернуты в резервные пехотные полки. В 1910 г. полки вошли в состав: 209-й Николаевский – в 190-й пехотный Очаковский полк, 212-й Бахчисарайский – в 192-й пехотный Рымникский полк. 210-й Перекопский и 211-й Евпаторийский резервные полки были расформированы.

резервный батальон в Керчи, четвертый батальон бригады в Николаеве, там же 7-й Донской казачий полк.

Командир корпуса часто объезжал войска, никогда никого из штаба с собой не брал, довольствуясь личным адъютантом. Правда, что в большинстве его смотры не шли дальше поверки пригонки амуниции, одиночного обучения, пробы пищи и обхода казарм. Доходили слухи о грандиозных разносах, после которых приходилось мирить стороны. Надо отдать справедливость, что командир корпуса не был злым человеком и часто старался тем или иным способом загладить свою грубость. Так, возвратившись однажды из Керчи, командир корпуса, приняв мой доклад, вдруг сказал:

– Знаете, подумав хорошенько, я действительно признаю необходимым командировать в Керчь одну роту Виленского полка для облегчения Евпаторийского батальона в несении караульного наряда; заготовьте в этом смысле доклад командующему войсками.

Такое решение меня крайне удивило, так как сам же командир корпуса, и совершенно справедливо, категорически отклонял все подобные ходатайства. Полки 13-й дивизии содержались в усиленном составе, имели особое назначение на случай занятия Босфора, и потому дробление их было крайне нежелательно. Все это я напомнил командиру корпуса, но он только махнул рукой:

– Нет, нет, это необходимо, – и я обязался так сделать.

Оказалось, что он так накричал на командира батальона, что тот не выдержал и разрыдался. Растерявшийся Дукмасов, желая его успокоить, пообещал прислать в Керчь роту Виленского полка. Лиха беда начать: роту разрешили

командировать, не прошло и года, как в Керчи оказался расквартированным уже целый батальон Виленского полка.

Особую готовность 13-й пехотной дивизии и некоторых других частей Одесский военный округ⁹⁸ тогда считал своей главной задачей. Все такие части не только держались в усиленном составе, но при каждой из них состояли еще гребные и паровые катера и морские команды гребцов и рулевых. Все упражнения и маневры приравнивались к обучению войск посадке на суда и производству десанта в условиях военного времени, и мы ежегодно, помимо упражнений по полкам, проделывали одно-два упражнения в крупном масштабе.

Но возвращусь несколько назад к своим личным делам. Мне удалось довольно скоро нанять очень хорошую, просторную квартиру с конюшней и каретным сараем, правда уже за городом, но зато она окнами выходила на огромный фруктовый сад Щербины в 11 десятин. В период цветения сад представлял великолепное зрелище, аромат от цвета персиковых, абрикосовых деревьев и черешен был так силен, что жена хоть и восхищалась им, но не могла оставаться на балконе, ей делалось дурно.

Переезд семьи задержался из-за болезни старшей дочери. Вскоре после приезда в Петербург Маруся, пользовавшаяся до того цветущим здоровьем, заболела тифом и довольно трудно поправлялась. В апреле

⁹⁸ Одесский военный округ образован в 1857 г. Некоторые части и соединения округа участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В июле 1914 г. войска округа вошли в состав 7-й армии Юго-Западного фронта.

предстояло вести сына на приемный экзамен в Пажеский корпус, и я решил выполнить это лично.

Замечательно, что когда я подал рапорт об увольнении на 28 дней в отпуск в Петербург и рассказал командиру корпуса зачем я собственно еду, он все же пришел в беспокойство и прямо спросил:

– Значит Вы решили уйти, бежите, как и все другие, – и мне стоило большого труда его успокоить.

По дороге в Петербург на станции Харьков я неожиданно встретил своего первого командира полка, а тогда – наказного атамана Донского казачьего войска – князя Святополк-Мирского. Увидав меня, он воскликнул:

– Как, мой прапорщик уже генерал? – обнял меня, пригласил в свой вагон, и мы пробеседовали до самой Москвы, где князь должен был остановиться. Уговаривал и меня:

– Останьтесь на один день, вспомним старину.

Но я вынужден был отказаться, так как времени у меня было в обрез, но сознаюсь, что соблазн был большой, уж очень много было добрых воспоминаний за время его командования полком.

В Петербурге застал Марусю выздоравливающей; экзамены сына прошли вполне успешно, он был принят в четвертый класс и должен был явиться только к 1 сентября. В Петербурге нас больше ничего не удерживало, и я немедленно перевез семью в Симферополь.

Приученный сам с детства ко всякого рода физическим упражнениям, я решил использовать пребывание в Крыму для подправления здоровья детей, особенно сына, у которого

оставались последствия перенесенных им пяти воспалений легких. Удалось подобрать кампанию из мальчиков, в числе коих два брата Двойченко, старожилы Крыма, уже выходили его по всем направлениям. Старшему было 15 лет, и он был их вожаком. Уходили они в горы сперва на один день, потом на два, на три и более, забирая с собой холодную провизию, ночуя в татарских душанах. Так они подробно осмотрели пещеры в верховьях реки Салгира, вершины Чатырдага, где никого не было, кроме диких буйволов и пастухов со своими стадами овец и так далее.

Каковы у них при этом были аппетиты, можно судить по следующему: когда они достигли верховьев Салгира и уселись ужинать, то им показалось, что телятина имеет какой-то привкус, тем не менее съели все без остатка. Когда же потом стали осматривать велосипедный фонарь, бывший в одном месте с телятиной, то оказалось, что несколько капель смоченного карбида вытекли из него и привкус телятины объяснился очень просто. Никого даже не тошнило.

С Марусей дело шло медленней. Пойдем бывало походить, пройдем версту, другую, она уже просится назад:

– Не могу, все кости болят.

Не было и того аппетита, который обыкновенно проявляется после тифа. Так продолжалось, пока не появились дыни, дети накинулись на них, и я им не препятствовал, ставя лишь одно условие, что за раз больше одной дыни на каждого не разрешаю. На дынях и расцвела Маруся; опять вернулся аппетит, появились силы. С осени у Матильды Михайловны Кесслер устроился танцкласс, подобралась кампания молодежи и все пошло как нельзя лучше.

Нигде не видал я таких отличных детских вечеров, как в Симферополе. Во все царские дни, на Рождестве, на Масленице и на Святой неделе, в городском собрании устраивались танцевальные вечера для детей четырех младших классов от семи до десяти часов, для старших – от десяти и до двух часов ночи. Все обязательно в форменных платьях, воспитанницам старших классов разрешались только банты в волосах и на передниках.

Так как по состоянию здоровья жена не могла вывозить Марусю, то это приходилось делать мне, и мы с Матильдой Михайловной просиживали целые вечера, любуясь детьми. Для младших возрастов дирижером являлся их учитель танцев, который, бывало, установит детей пар 80–100, и под его скрипку и оркестр они танцевали тогда только что вошедшие в моду *pas de quatre*, *pas d'Espagne*, *pas de patineurs* и прочие все танцы, танцевали весело и очень хорошо. К молодежи старшего возраста примешивались и взрослые, и вечера часто оканчивались вместо двух часов лишь к четырем-пяти утра. Но мы с Матильдой Михайловной не сетовали, так было весело смотреть на детей.

Младшая дочь, которой тогда было около полутора лет, проводила все дни со своей няней в саду Истинских, в полуверсте от нашей квартиры.

С первых же дней прибытия в Симферополь я застал очень обостренные отношения между войсковым начальством и гражданским ведомством, особенно с Симферопольским городскими головой. П. М. Лазарев просил помочь ему сгладить эти отношения.

Понимая весь вред подобных пререканий, я обещал свое содействие и сейчас же занялся этим вопросом.

Первым пришлось разобрать спор между городским управлением и Крымским конным дивизионом. Столкновение вышло из-за того, что командир дивизиона в интересах самого дела держал учебную команду в Симферополе при штабе дивизиона, между тем как по квартирному расписанию учебная команда числилась при эскадроне, расположенном в г. Бахчисарай. Помирил их тем, что разрешил оставить команду в Симферополе, но квартирный оклад на наем помещения под команду получать по городу Бахчисараю. Стороны сразу успокоились. Особенно остался доволен таким исходом городской голова Ильин.

Летом 1898 года прибыл в Севастополь государь император с государыней императрицей и великими князнями. Их Величества оставались в Севастополе четыре дня, имея пребывание на яхте «Штандарт». ⁹⁹

⁹⁹ Императорская яхта «Штандарт» – личный корабль императорской фамилии. Заложена 1 октября 1893 г. в Копенгагене на верфях «Будмейстер и Вайн» по указу императора Александра III. 21 марта 1895 г. «Штандарт» в 1896 г. введен в эксплуатацию.

Водоизмещение – 5400 т, длина – 128 м, осадка – 6,6 м, мощность двигателей – 12 тыс. лошадиных сил, проектная скорость – 22 узла, экипаж – 373 чел.

«Штандарт» относился к кораблям 1-го класса. Входил в состав Балтийского флота. В основном совершал внутренние и международные рейсы, обслуживая императорскую семью как на отдыхе, так и на различных государственных и общественных мероприятиях. В 1917 г. переименован в «18 марта». В 1918 г. принял участие в Ледовом походе Балтийского флота. В 1933–1936 гг. яхту переоборудовали в минный заградитель и назвали «Марта». С 1938 г. – флагман соединения заграждения и траления

На другой день состоялся парад войскам Севастопольского лагеря и Севастопольского гарнизона. По окончании парада Его Величество благодарил командующего войсками графа Мусина-Пушкина¹⁰⁰ и всех начальствующих лиц за блестящей парад и, в особенности, за то, что полки 13-й пехотной дивизии вывели в строй по 60 рядов в роте.

После парада все начальники частей были приглашены к Высочайшему столу на яхте «Штандарт». После завтрака все вышли на палубу, и Их Величества обходили приглашенных. И тут было ясно видно, как застенчива государыня Александра Федоровна. Ее Величество долго стояли у борта с великим князем Алексеем Александровичем,¹⁰¹ не решаясь

Балтийского флота. Участвовала в Великой Отечественной войне, потопила подводную лодку противника. В 1948 г. переименована в «Оку» и переоборудована в плавучую казарму, в 1960 г. выведена из состава флота. С 1961 г. – плавучая мишень для ракетных стрельб. В середине 1960-х гг. была разобрана на металл.

¹⁰⁰ Мусин-Пушкин Александр Иванович (1827–1903) – русский генерал, граф. С 1881 г. – командир 5-го кавалерийского корпуса, с 1887 г. – помощник командующего войсками Варшавского военного округа. В 1890 г. генерал от кавалерии, командующий войсками Одесского военного округа.

¹⁰¹ Великий князь Алексей Александрович (1850–1908) – четвертый сын императора Александра II. Участник войны 1877–1878 гг., командовал всеми речными силами на Дунае, в 1877 г. произведен в контрадмиралы, награжден орденом Св. Георгия IV степени. С 1881 г. – член Государственного совета. С 1883 г. – генерал-адмирал, с 1888 г. – полевой адмирал. После гибели русской эскадры в Цусимском бою в 1905 г. подал в отставку со всех постов.

начать обход. Статс-дама светлейшая княгиня Голицына трижды подходила к Ее Величеству, и лишь после третьего напоминания государыня наконец решилась, быстро подошла к начальнику 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Христиани, довольно долго с ним говорила и затем также быстро вернулась на прежнее место – и больше уже ни к кому не подходила.

На другой день государь император слушал обедню на северной стороне в церкви Братского кладбища, на котором похоронены защитники Севастополя. После обедни была отслужена панихида по всем погибшим.

В храме государь император прошел на могилу графа Тотлебена,¹⁰² осмотрел памятник ему и затем обошел все кладбище.

Братское кладбище всегда содержалось в образцовом порядке, и его вид производил сильное впечатление, пробуждая чувство благоговения к памяти доблестных защитников Севастополя.

В час отхода яхты «Штандарт» разразился шторм с дождем и грозой, поднялась сильная зыбь, море приняло

¹⁰² Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) – русский военный инженер. В 1869 г. инженер-генерал. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжден орденами Св. Георгия II степени и Св. Андрея Первозванного. В конце войны некоторое время был главнокомандующим действующей армией. С 1879 г. – граф, член Государственного совета, временный командующий войсками Одесского военного округа; в 1880–1882 гг. – виленский, ковенский, гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа.

зловещий вид. Тем не менее «Штандарт» своевременно вышел в море, сопровождаемый двумя миноносцами и несмолкаемым «ура» запрудившего все берега народа.

Трудную минуту пережили мы, когда государь, получив телеграмму о безнадежном состоянии датской королевы,¹⁰³ немедленно выехал через Севастополь в Данию. Приходилось все распоряжения по охране пути сделать по телеграфу. Помню, как я пришел к начальнику телеграфной станции и вручил ему текст приказа о выставлении охраны. Начальник станции сам с необычайной быстротой передал его по линии, и когда «Штандарт» прибыл на Севастопольский рейд, охрана до Симферополя уже стояла по линии, а на дальнейшем пути некоторые части бегом подходили к полотну дороги уже в виду поезда чрезвычайной важности.

Когда же государь возвратился в Севастополь, государыня императрица решила выехать навстречу в экипаже, так как «Штандарт» оставался на севастопольском рейде.

Узнав о намерении Ее Величества, командир находившегося в Ливадии 2-го эскадрона Крымского конного дивизиона ротмистр Лихачев тотчас же выслал вперед людей для охраны пути, а сам верхом сопровождал экипаж Ее Величества вплоть до Царской пристани в Севастополе.

Когда императрица рассказала об этом государю, Его Величество благодарил ротмистра Лихачева и спросил, какого завода лошадь, на которой он прошел эти 90 верст.

¹⁰³ Имеется в виду датская королева Луи-за-Вингельмина-Фредерика-Каролина-Августина-Юлия Гессен-Кассельская (1817–1898), жена короля Дании Христиана IX (1818–1906).

– Собственного моего завода.

– Такая лошадь делает большую честь вам как коннозаводчику.

Экипаж же и лошади, в котором проехала государыня, принадлежали известному на весь Крым симферопольскому извозчику Федору Кучеренко.

В это же лето в последний день специально-кавалерийского сбора произошло первое открытое столкновение между командиром корпуса и мною, настолько странное, что я решаюсь его рассказать.

Командир корпуса вообще ни разу не выезжал на занятия специально-кавалерийского сбора, и я их вел совершенно самостоятельно, представляя лишь заблаговременно командиру подробное расписание по дням. Начинал занятия в восемь часов утра; ежедневно проделывал по три задачи и занятия оканчивались между 10–11, в зависимости от успешности выполнения.

Накануне командир корпуса прислал мне сказать, что с утренним поездом выезжает в Севастополь и просит меня не беспокоиться. В это утро все три предложенных задачи были проделаны весьма удачно, на быстрых аллюрах, и занятия окончились в начале 11-го часа.

Сделав разбор и поблагодарив всех, я отпустил полки и сам собирался покинуть поле, как вдруг увидал прибывшего в экипаже командира корпуса. Приказав остановить полки, я подъехал и доложил, что части остановлены и угодно ли ему произвести им смотр или предложить какую-либо задачу.

В ответ получил:

– Вы не имели права так рано кончать занятия, вашего Крымского дивизиона видеть не желаю, а Донцов верните.

Подъехав к полку, командир корпуса только поздоровался «здорово, станичники»,¹⁰⁴ поблагодарил за труды и отпустил. Затем, повернувшись ко мне:

– Доклад приму в штабе, – сел в экипаж и уехал.

До этого дня командир корпуса принимал доклад у себя на дому.

Когда генерал Дукмасов прибыл в штаб, я обратился к нему со следующими словами:

– Из всего происшедшего сегодня утром, я должен заключить, что вы мною недовольны и желаете, чтобы я ушел. Прошу откровенно сказать, верно ли я вывел заключение, и если это так, я сегодня же телеграфирую начальнику Главного штаба и мне дадут другое назначение.

Получил совершенно неожиданный ответ:

– Нет, я вовсе не желаю, чтобы вы ушли, но вы меня совершенно забрали в руки, делаете со мною, что хотите; я больше этого не потерплю и переменю с вами обращение.

Крайне удивленный таким оборотом, я только нашелся сказать:

– Переменить обращение со мной нельзя, потому что при первой к тому попытке, я все равно сейчас же уйду.

– Вновь повторяю, что не желаю, чтобы вы уходили – докладывайте.

¹⁰⁴ Генерал Дукмасов был сам донской казак. – *Примеч. автора.*

Хотя после такого странного объяснения наши отношения как бы восстановились, но мне стало еще тяжелее и приходилось еще более быть начеку.

Так продолжалось до апреля 1900 года, когда мне неожиданно подали уже распечатанную командиром корпуса телеграмму командующего войсками: «Предписываю генералу Экку немедленно прибыть в Одессу. Мусин-Пушкин». На телеграмме приписка командира корпуса: «Что это значит, что вы предполагаете делать?»

Я тотчас же пошел к командиру корпуса, объяснил, что эта телеграмма и для меня совершенный сюрприз, но выбирать, что делать, не приходится; первым же поездом выеду на Севастополь, оттуда пароходом в Одессу.

Я знал, что командующий войсками еще не вполне оправился после тяжелой операции и, прибыв в Одессу, проехал прямо к начальнику штаба округа генерал-майору Протопопову,¹⁰⁵ с которым нас связывали добрые воспоминания о совместной службе в Константинополе.

¹⁰⁵ Протопопов Александр Павлович (1849–1909) – русский генерал. В 1876 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1877 г. капитан, участвовал в Русско-турецкой войне. В 1881 г. подполковник, в 1884 г. полковник, военный агент в Греции; с 1888 г. – начальник Одесского пехотного юнкерского училища. В 1891 г. командир 12-го стрелкового полка, в 1894 г. генерал-майор. С 1893 г. – помощник начальника, с 1898 г. – начальник штаба Одесского военного округа. В 1901 г. генерал-лейтенант, с 1904 г. – помощник командующего войсками того же округа. С 1905 г. состоял по Военному министерству. В 1907 г. генерал от инфантерии, председатель Главного крепостного комитета, член Совета государственной обороны.

Переговорив со мной, Протопопов сказал:

– Теперь поезжайте к командующему войсками, хотя граф еще никого не принимает, но вас приказал тотчас же направить к нему.

Граф полулежал в особо приспособленном кресле и, посадив меня, высказал следующее:

– Я исходатайствовал немедленное назначение вас дежурным генералом штаба округа. Назначение состоится на днях, и я вас прошу вступить в должность теперь же. Начальник штаба уезжает на лечение в Париж, и вам придется вступить в исполнение его должности. Меня также отправляют за границу. Согласно новому положению, меня заместит мой помощник, генерал Дохтуров,¹⁰⁶ хотя он и младше в чине генерала Дукмасова. Дохтуров и Дукмасов друг друга видеть не могут. Так вот, я рассчитываю, что вы меня выручите и не только гладко проведете всю предстоящую штабу работу, но и дадите мне слово, что между Дохтуровым и Дукмасовым не произойдет ни одного столкновения. Кроме того, я очень рад, что избавил вас от вашего корпусного командира. Ведь трехлетнее пребывание с ним – это вам второе воспитание.

¹⁰⁶ Дохтуров Дмитрий Петрович (1838–1905) – русский генерал. В 1880 г. командир 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1884 г. командующий той же дивизией.

В 1886 г. генерал-лейтенант, в распоряжении военного министра, позднее – начальник 12-й и 13-й пехотных дивизий. В 1895 г. командир 11-го армейского корпуса, в 1898 г. генерал от кавалерии. С 1900 г. – помощник командующего войсками Одесского военного округа, с 1901 г. – член Военного совета.

Я глубоко уважал Александра Ивановича, знал его благородство, любовь к войскам, знание людей и его огромный служебный опыт, и тотчас же заверил, что все сделаю, дабы штаб успешно выполнял предстоявшую ему задачу по мобилизации и отправке на Дальний Восток войск, предназначенных к участию в международной экспедиции для подавления боксерского движения в Китае.

Через несколько дней графа увезли за границу, уехал и генерал-майор Протопопов, и я вступил в исправление должности начальника штаба Одесского военного округа. До прибытия помощника командующего войсками генерала от кавалерии Дохтурова во временное командование войсками вступил генерал Дукмасов.

К счастью для дела, это продолжалось недолго. Когда прибыл генерал Дохтуров, генерал Дукмасов по телеграфу донес в Петербург, что он, как старший в чине, не может сдать округ младшему и до нового указания будет продолжать командовать войсками. В ответ пришла телеграмма военного министра об отозвании его с назначением членом военного совета.

Такова была обстановка в Одессе, когда 25 мая пришла телеграмма о мобилизации 4-й стрелковой бригады¹⁰⁷ с 4-м

¹⁰⁷ 4-я стрелковая бригада сформирована в 1856 г. В 1914 г. входила в 8-й армейский корпус. Состав дивизии: 13-й стрелковый генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича, 14-й стрелковый генерала-фельдмаршала Гурко, 15-й стрелковый Его Величества короля Черногорского Николая и 16-й стрелковый императора Александра III полки, 4-й стрелковый артиллерийский дивизион. За стойкость и безупречное выполнение приказов

стрелковым артиллерийским дивизионом¹⁰⁸ для отправления на Дальний Восток, и с этого дня началась непрерывная работа по отправке войск. Через Одессу-порт прошли, помимо 4-й стрелковой бригады: а) все, сформированные в округах Европейской России третьи батальоны полков Восточно-Сибирских стрелковых бригад,¹⁰⁹ из них четыре батальона были сформированы из войск Одесского военного округа. По приказанию командующего войсками на их формирование были выделены исключительно люди, состоявшие в стрелках 1-го разряда; б) 5-я стрелковая бригада со своей артиллерией;¹¹⁰ в) сформированный в округе батальон Порт-Артурского

командующего бригадой генерала А. И. Деникина в годы Великой войны получила прозвище «Железная бригада».

¹⁰⁸ 4-й стрелковый артиллерийский дивизион сформирован в 1895 г. В 1914 г. входил в состав 4-й стрелковой бригады 8-го армейского корпуса. Дислокация – Одесса.

¹⁰⁹ Речь идет о третьих батальонах полков Восточно-Сибирских стрелковых бригад. В 1904 г. было девять Восточно-Сибирских стрелковых бригад, состоявших из полков двухбатальонного состава. В том же году полки преобразованы в трехбатальонные, а бригады развернуты в стрелковые дивизии. К сожалению, автор не поясняет, батальоны каких именно бригад он имеет в виду.

¹¹⁰ 5-я стрелковая бригада сформирована в 1870 г. В 1914 г. входила в 3-й армейский корпус. Состав бригады: 17, 18, 19 и 20-й стрелковые полки, 5-й стрелковый артиллерийский дивизион. 5-й стрелковый артиллерийский дивизион сформирован в 1895 г. В 1914 г. входил в состав 5-й стрелковой бригады 3-го армейского корпуса. Дислокация – Сувалки.

крепостного пехотного полка;¹¹¹ г) госпитали и санитарный персонал и д) артиллерийское и интендантское довольствие.

По прибытии в Одессу войска грузились на пароходы Добровольного флота¹¹² Русского общества пароходства и торговли¹¹³ и на зафрахтованные контр-агентом Радау, который прекрасно выполнил взятые на себя обязательства. Только один из зафрахтованных им пароходов, «Норд Америка», не был допущен комиссией, принимавшей пароходы. На запрос Радау, почему отказываются принять «Норд Америку», которая была специально построена для

¹¹¹ Порт-Артурский крепостной пехотный полк сформирован в 1900 г. В 1903 г. из трех батальонов полка был сформирован 25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, а один батальон направлен на формирование 26-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

¹¹² Добровольный фронт России – русское пароходство, образованное в 1878 г. на добровольные пожертвования в целях развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва для военного флота.

Во время боевых действий суда Добрфлота могли переоборудоваться во вспомогательные крейсера. В войну 1904–1905 гг. такими крейсерами стали четыре парохода, а транспортными и госпитальными – семь. Пароходы Доброфлота также весьма активно использовались в период Первой мировой войны. В 1900 г. в Добрфлоте было 15 пароходов, в 1914 г. – более 45.

¹¹³ Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) – российская судоходная компания, основанная по инициативе капитана 1-го ранга И. А. Аракса (он же был назначен и первым директором РОПиТ) в 1856 г. Основная сфера деятельности – торговое судоходство на Черном море.

перевозки эмигрантов в Северную и Южную Америку, комиссия указала на то, что в трюмах темно.

– Если только это, – ответил Радау, – то прошу три дня.

И в три дня, при помощи мастерских Добровольного флота, были просверлены борта во всех трех трюмах и вставлены иллюминаторы, после чего пароход был принят и взял на себя один из стрелковых полков.

Руководившая всеми перевозками и фрахтованием судов комиссия в Петербурге вдруг признала условия Радау невыгодными для казны, освободила его от дальнейшей поставки судов и объявила, что сама будет фрахтовать суда, и вслед затем уведомила, что из Англии придут два парохода – «Пинксвей» и «Сити-оф-Бомбей», которые подлежат немедленной нагрузке и отправке, так как за каждый день простоя, по условию, придется платить по 1500 рублей стальных денег.

По прибытии в Одессу суда были подробно осмотрены командиром порта генерал-майором по адмиралтейству Перелешиним, который донес, что «Пинксвей» сравнительно в удовлетворительном состоянии, а «Сити-оф-Бомбей» в таком плохом, что без основательного ремонта он не позволит его выпустить в море.

Петербургская комиссия настаивала на немедленной отправке обоих; генерал-майор Перелешин оставался при своем решении. Не знаю, чем кончилось бы дело, но, к счастью, компания англичан, которой принадлежали эти пароходы, получив акт осмотра их, сама телеграфировала в Одессу, что просит произвести весь ремонт за счет компании. «Сити-оф-Бомбей» чинился шесть недель.

Стоимость перевозки на пароходах Добровольного флота и Русского общества пароходства и торговли, получавших ссуду от казны, была: офицера 500 рублей, солдата 90 рублей, пуд груза 90 копеек. На зафрахтованных Радау пароходах: офицера 600, солдата 130, пуд груза 1 рубль 20 копеек. По заключенному же Петербургской комиссией условию за каждого офицера 650, солдата 150, за пуд груза 2 рубля. Довольствие офицеров состояло: утром чай или кофе с хлебом и маслом; завтрак из двух блюд, из них одно мясное; обед из четырех блюд, из них два мясных; вечером чай, хлеб и масло, для солдат морское довольствие по 40 копеек в день на человека, из них шесть копеек – стоимость чарки водки, которая натурой не выдавалась, а по прибытии в порт назначения, при спуске с парохода, морской офицер каждому солдату выдавал деньгами стоимость водки за все дни переезда, в среднем 2 рубля 40 копеек.

В виду продолжительности переезда (40–42 дня), войска располагались с таким расчетом, чтобы на каждого солдата было не менее одной кубической сажени воздуха. Каждому выдавался морской костюм: белая рубашка, вязаная куртка, белые штаны и белые туфли. Оружие складывалось в ящиках и трюмах, и через проливы проходили как торговые суда под коммерческим флагом.

Пароходы Добровольного флота: «Саратов», «Москва», «Херсон», «Владимир», «Кострома», «Казань», и пароходы, зафрахтованные Радау, принимали каждый по стрелковому полку – 35 офицеров, 1856 нижних чинов. Пароходы Русского общества пароходства и торговли – несколько меньше и 50–80 тысяч пудов груза.

Отправка войск Одесского гарнизона и простоявших несколько дней в пехотном лагере полков 5-й стрелковой бригады происходила весьма торжественно. Перед посадкой каждый полк выстраивался на Куликовом поле. Духовенство служило напутственный молебен, причем священники произносили воинственные речи, благословляя войска на крестовый поход против язычников. Городской голова приветствовал полки от имени 500 тысяч жителей города Одессы, а полки 4-й стрелковой бригады, расквартированные в Одессе, кроме того, благословил иконами. В полках, проходивших прямо со станции железной дороги на пароход, молебен служили на палубе, перед выходом в море.

Все посадки происходили в большом порядке, ни в чем ни разу не было задержки, хотя иногда и были отдельные инциденты, ставившие штаб в очень трудное положение. Так, телеграфируя начальнику специального артиллерийского сбора в Тирасполь о мобилизации 4-го стрелкового артиллерийского дивизиона, я подробно указал, что мобилизация должна быть произведена в лагере, куда и направлены все укомплектования и имущество, и только окончательно готовый дивизион будет перевезен в Одессу. Каково же было мое удивление, когда на другое утро ко мне вошел начальник специального артиллерийского сбора генерал-лейтенант Гофман и торжествующе заявил:

– Честь имею явиться, с 4-м стрелковым дивизионом прибыл. Едва добился поезда, никто не хотел давать.

– Да ведь я же вам телеграфировал, да и согласно мобилизационного плана в период специального артиллерийского сбора дивизион мобилизуется в Тирасполе.

– Телеграмму вашу прочел, но хотел вам сделать лучше.

Что же было говорить со стариком. С большим трудом удалось все переделать, и дивизион был своевременно готов.

Другой случай – в день отхода парохода «Москва» ко мне вошел взволнованный и крайне возбужденный окружной военно-медицинский инспектор и прямо начал со слов:

– Я к вам с жалобой на полковника Милеанта.¹¹⁴ Из Франции прибыл приобретенный там прибор для выделки искусственного льда для военных госпиталей на Дальнем Востоке. С прибором прибыл француз, который по условию будет сопровождать прибор, установит его на месте и пустит в ход, и которому мы платим суточных по 50 франков в день до возвращения его в Париж. Ввиду такого положения я и распорядился, чтобы прибор был погружен на отходящий сегодня пароход, и полковник Милеант (заведовавший передвижением войск) категорически в этом отказал. Прошу приказать принять.

Я ему:

– Что-нибудь да не так, полковник Милеант зря не откажет, – и послал за Милеантом.

На мой вопрос, почему он отказал в погрузке прибора, полковник Милеант ответил:

¹¹⁴ Милеант Гавриил Георгиевич (1864–1936) – русский генерал. В 1900 г. полковник, заведующий передвижением войск Одесского военного округа. В 1901 г. – на той же должности в Московско-Брянском районе. С 1904 г. – командир 53-го пехотного Волынского полка, участвовал в Русско-японской войне. В 1905 г. начальник управления по организации обратного передвижения войск в Европейскую Россию.

– Пароход «Москва» нагружен полностью, а вы знаете какой это прибор? Он, со всеми принадлежностями, весит 10 000 пудов.

Я только посмотрел на санитарного инспектора и спросил Милеанта:

– Как же быть?

– Обещаю завтра погрузить на задержанного «Владимира».

А «Владимир» был задержан ввиду следующего. По мере того как все проходило гладко, требования Главного штаба росли, и наконец, 28 июня вечером, была получена шифрованная телеграмма: «Высочайше велено из частей 52-й резервной бригады¹¹⁵ сформировать первый батальон Порт-Артурского крепостного полка. Батальон отправить на «Владимире», отходящем 1 июля. В крайности разрешается задержать «Владимира», но не более трех дней. Так как за каждый день простоя приходится платить по 1000 рублей сталийных денег».

Это требование было исполнено. Батальон был сформирован, всем снабжен и посажен на «Владимира» в три дня.

Какая штабом была исполнена работа за то лето – нагляднее всего может показать число полученных за период

¹¹⁵ 52-я пехотная резервная бригада сформирована 1893 г. в составе Шемахинского, Ларго-Кагульского, Кишиневского и Очаковского пехотных резервных батальонов. В 1903 г. батальоны развернуты в пехотные резервные полки. В 1904 г. бригада расформирована, полки вошли в состав 52-й (205-й Шемахинский и 208-й Очаковский) и 69-й (206-й Ларго-Кагульский и 207-й Кишиневский) пехотных дивизий.

мобилизации и отправки войск, с 25 мая по 1 августа, одних шифрованных телеграмм – 751.

Работали буквально день и ночь. Ближайшими мне помощниками были Генерального штаба полковники Шишкевич и Милеант и комендант станций Одесса и Одесса-порт полковник Пилль, особенно ценными – последние два, специалисты своего дела по передвижению войск. Еще следует упомянуть агента Добровольного флота Микулина, прекрасно руководившего приемом и погрузкой казенных грузов, для которого ничего не было невозможно, но при этом не забывавшего и себя.

Генерал от кавалерии Дохтуров, видя, как властно распоряжается в порту полковник Пилль, думал, что я не могу с ним справиться, и все мне говорил:

– Не могу допустить, чтобы полковник распоряжался как министр, кончится тем, что посажу его под арест. И каждый раз я ему совершенно спокойно отвечал:

– Посадить Пилля, конечно, можно, но одновременно с его арестом остановится столь мастерски им руководимая работа.

Долго сердился и возмущался генерал Дохтуров, но наконец расхохотался и только сказал:

– Вы возмутительно спокойны.

Работать с ним было легко; он быстро все схватывал, отдав распоряжение, никогда не вмешивался в подробности выполнения, совершенно доверял мне.

Приехавший в Одессу вскоре по окончании отправки войск военный министр генерал-адъютант Куропаткин, благодаря нас, закончил свою речь словами:

– До сих пор не могу понять, как у вас все так гладко прошло, ни разу не заклинившись.

В конце августа вернулся из-за границы граф Мусин-Пушкин, совершенно оправившийся от последствий операции, и немедленно вступил в командование войсками. Генерал Дохтуров, который был уверен, что граф не может поправиться и что он, Дохтуров, будет назначен на его место, тотчас же уехал в Петербург, и в Одессу более не возвращался. Помощником командующего войсками лишь несколько месяцев спустя был назначен генерал от кавалерии барон Каульбарс.

Жизнь в округе потекла своим обычным порядком. Я сдержал обещание, данное командующему войсками, все провел без единой запинки, но так натрудился и устал, что долго не мог отдохнуть, да и не было времени для отдыха, так как дежурному генералу, ведающему всем личным составом округа, по прямым его обязанностям работы более чем достаточно, а тут еще пришлось постоянно исполнять должность начальника штаба, ввиду болезненного состояния генерал-майора Протопопова, иногда неделями лежавшего в постели. Делали мы так – я вел дела, докладывал командующему войсками и привозил к Протопопову на подпись все бумаги, которые должны были идти за его подписью в Главный штаб.

Поздней осенью прибыл в Ливадию государь император со всей семьей и пробыл там на жительство до конца декабря.

По настоянию государя граф Мусин-Пушкин все время пребывания Его Величества в Крыму жил в Ялте и раз навсегда был приглашен к высочайшему столу.

К первому же воскресенью граф вызвал меня в Ялту, где я получил приглашение Их Величеств к обедне в Ливадийской церкви и к высочайшему завтраку. По выходе из церкви, государь подошел ко мне, подробно расспросил о ходе мобилизации и благодарил за блестяще проведенную перевозку войск.

Так отблагодарил меня граф Александр Иванович за мою работу летом 1900 года, и для меня лучшей награды и быть не могло.

Шестого декабря командующий войсками был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, начальник штаба округа генерал-майор Протопопов произведен «вне правил» в генерал-лейтенанты.

В декабре началось возвращение наших войск с Дальнего Востока. Первым прибыл в Россию 13-й стрелковый полк¹¹⁶ на пароходе «Виль-де-Таматава».

«Виль-де-Таматава» из Константинополя был направлен в Ялту, где государь император произвел смотр полка, благодарил за доблестное поведение во время участия в международной экспедиции в Китае и при взятии Пекина.

На пути из Ялты в Одессу «Виль-де-Таматава» попал в снежный шторм и должен был отстаиваться в пути в течение нескольких дней. В таком же положении очутился и

¹¹⁶ 13-й стрелковый генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полк сформирован в 1843 г. как 4-й стрелковый батальон, С 1885 г. – 13-й стрелковый батальон. В 1888 г. развернут в двухбатальонный 13-й стрелковый полк. В 1914 г. входил в состав 4-й стрелковой бригады. Дислокация – Одесса.

командующий войсками, вышедший одновременно из Ялты на «Константине».

В самой Одессе выпал такой глубокий снег, что всякая езда прекратилась. Чтобы пробраться в порт, я шел местами по грудь в снегу. Сани за командующим войсками добрались до порта лишь при помощи всех находившихся при доме полевых жандармов¹¹⁷ и казаков 8-го Донского казачьего полка.

Вслед за «Вилль-де-Таматавой» стали прибывать и другие пароходы, в том числе такие громады как «Батавия», «Корея» и «Монголия» Русско-китайского общества. На «Батавии» прибыли 2800 человек и 500 000 пудов груза, на «Корее» и «Монголии» – по 2400 человек и по 400 000 пудов груза.

В половине января 1901 года обратная перевозка войск была закончена.

Дежурным генералом я пробыл до конца 1903 года. За это время мне пришлось выполнять ряд отдельных поручений, из которых опишу следующие.

Летом 1901 года мне было поручено обследовать Дунай от устьев его до Будапешта и проверить, насколько были справедливы дошедшие до нас слухи о тайном содержании Румынией военной флотилии в Галаце.

По Берлинскому трактату Дунай, особенно его низовья, был объявлен нейтральным и состоял в ведении междуна-

¹¹⁷ Полевая жандармерия – формирования военной полиции, задачей которых являлась охрана порядка в тылу армии. В России впервые появилась во время Заграничных походов 1813–1814 гг.

родной комиссии, которая наблюдала за исполнением постановлений и во многом облегчала плавание по Дунаю спрямлением его русла.

Главным препятствием к правильному судоходству по Дунаю служила Железная гряда в районе Орсовы Базиаша, преграждавшая течение реки и вынуждавшая дважды перегружать товары на мелко сидящие пароходы, которые с опасностью преодолевали гряду.

В девяностых годах образовалась австрийская акционерная компания, которая решила гряду прорвать и провести во всю ее длину канал, чтобы сделать возможным плавание больших пароходов вверх и вниз без перегрузки.

После многих неудачных опытов, стоивших жизни многим предпринимателям и сотням людей, причем на место погибших тотчас же являлись новые, удалось наконец прорвать гряду и соорудить вдоль середины реки канал, огражденный каменными стенами, три с половиной километра длины и такой ширины, что два парохода могли бы разойтись. Непременным условием прохождения через канал являлось обязательное приглашение лоцмана компании, который и проводил пароход. Встреча судов и их расхождение в канале не допускались. За прохождение через канал пароход уплачивал 600 флоринов с правом провести на буксире три баржи.

Время прохождения 12–15 минут.

Словоохотливый лоцман сообщил мне все эти сведения и закончил свой рассказ словами:

– Один Бог знает, сколько тут погибло людей. Один предприниматель, предложивший новый способ взрыва, подошел к гряде на большом плоту, на котором с ним

помещалось 40 человек, произвел взрыв, но от взрыва и сам погиб со всеми людьми. Тут же объявился новый предприниматель, который предложил компании повторить опыт – и тоже погиб.

Тем не менее благодаря непреклонной настойчивости руководителей дела и постоянному повышению платы, предприятие было доведено до успешного конца, Дунай был побежден и пароходы плавают по нем беспрепятственно.

Стоимость работ составила 18 миллионов флоринов. Все собранные на месте и проверенные в Вене сведения подтвердили, что в Галаце у Румынии тайно содержится несколько канонерских лодок, вооруженных каждая орудием тяжелого калибра. В Вене же я узнал, что в Германии решено соединить Немецкое (Балтийское. – *Примеч. ред.*) море с Черным – водным путем через Эльбу – Дунай и, пока что будет готов водный путь, построено 10 разборных, приспособленных для перевозки по железным дорогам, судов.

В Вене удалось подобрать целую литературу по Дунайскому вопросу, которую я вместе со своим отчетом и представил начальнику штаба округа. В заключение отчета о поездке обратил особенное внимание на два обстоятельства:

1. На несоответствие обстановке выработанного в штабе округа проекта, в случае открытия военных действий, занятия и защиты низовьев (гирл) Дуная охотничьими командами. Простая справка из истории всех наших войн с турками указывала на выдающуюся роль, которую всегда играла наша флотилия во всех действиях на Дунае – так было при штурме Измаила, при штурме Силистрии, так пенил воды Дуная еще великий князь Святослав, воевавший с

болгарами, и как сильно чувствовалось отсутствие дунайской флотилии в войну 1877–1878 годах.

И успешная оборона низовьев Дуная, и сохранение их настоятельно требовало воссоздания дунайской флотилии.

2. На необходимость сохранения Черноморско-Дунайского пароходного общества, как единственного поддерживавшего пароходное сообщение Одессы с нашими Дунайскими портами.

Черноморско-Дунайское общество владело несколькими большими, вполне отвечавшими своему назначению пароходами и получало от казны субсидию 500 000 рублей в год.

Во главе правления общества стоял некто Львов, известный ранее журналист под псевдонимом «Русский странник». Правление стоило обществу 510 000 рублей в год, и все его заботы главным образом сводились к тому, чтобы обеспечить содержание правления. Угодные правлению капитаны получали грузы, негодным в таковых отказывалось, хотя грузы лежали тут же на пристанях у всех на виду. Так было с капитаном «России», на котором я совершал свою поездку. Было больно видеть убогое оборудование наших пристаней, особенно по сравнению с румынскими.

Тем не менее было необходимо общество поддержать, но, прежде чем возобновить субсидию, подробно обревизовать общество и во главе его поставить соответствующее лицо.

Весной 1903 года в Одессе впервые проявилось в крупных размерах выступление рабочих.

В те годы в Департаменте государственной полиции¹¹⁸ увлекались теорией Зубатова,¹¹⁹ рассчитывавшего перевести требования рабочих из плоскости борьбы политической в плоскость борьбы экономической с работодателями для улучшения их материального быта.

Года за полтора до описываемых мною событий в Одессе объявился некий Шаевич, который и занялся организацией рабочих, установил ежемесячные взносы в рабочие кассы. К нему примкнули все рабочие Одесского порта, матросы Добровольного флота и Русского общества пароходства и торговли, а затем и рабочие всех крупных заводов Одессы.

Сразу заметивший вредную агитацию Шаевича, одесский градоначальник граф Шувалов¹²⁰ арестовал его и донес обо

¹¹⁸ Департамент государственной полиции – центральный орган управления полицией и сыска. Образован в 1880 г. в составе Министерства внутренних дел. В 1883 г. был соединен с Судебным отделом и стал называться Департаментом полиции Министерства внутренних дел.

¹¹⁹ Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – деятель политического сыска в Российской империи. С 1902 г. – заведующий отделом Департамента полиции. Реорганизовал розыскные пункты в охранные отделения, обновил кадры розыскных органов, ввел систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т. д. В 1903 г. отправлен в отставку и выслан во Владимирскую губернию под надзор полиции. В 1904 г. реабилитирован, служил экспертом в Департаменте полиции.

¹²⁰ Шувалов Павел Павлович (1859–1905) – граф, генерал-майор. В 1890 г. женился на фрейлине императрицы А. И. Воронцовой-Дашковой. В 1903 г. одесский градоначальник, затем

всем в Петербург. Но получил от директора Департамента государственной полиции Лопухина¹²¹ указание, что Шаевич действовал с ведома Департамента полиции и потому его следует освободить и оказать возможное содействие в его работе.

Для меня так и остается вопросом, чем мог Шаевич, родом еврей, 24 лет от роду, воспитывавшийся за границей, заслужить такое доверие государственной полиции, что мог он ей дать?

Дальнейшая его деятельность под покровительством полиции быстро принесла свои плоды. В один прекрасный день всюду разом забастовали рабочие и вышли на улицу в числе 36 000 человек, насильно останавливали движение поездов, конки, требуя закрытия магазинов, ресторанов и тому подобное.

Медлить было нельзя. Граф Шувалов обратился за содействием войск, которое было ему оказано в полной мере, и вновь арестовал Шаевича.

московский генерал-губернатор. Убит террористами 28 июня 1905 г.

¹²¹ Лопухин Алексей Александрович (1862–1928) – русский судебный и административный деятель. В 1902–1905 гг. директор Департамента полиции.

В 1905 г. эстляндский губернатор. Вышел в отставку и сотрудничал с рядом коммерческих предприятий. В 1909 г. арестован, судим особым присутствием Сената, приговорен к каторжным работам сроком на 5 лет (заменены на ссылку на поселение в Сибирь) и лишен всех прав и состояния. В 1912 г. помилован и восстановлен в правах. В 1913 г. вернулся в Москву и стал вице-директором Сибирского торгового банка.

В город была введена 15-я пехотная дивизия,¹²² толпы рабочих были окружены войсками, все сопротивлявшиеся перевязаны и сложены на площади у собора. На каждый вагон конки поставлены по два солдата с приказанием прикалывать штыком вожатого в случае отказа ехать. Пробовавшие ложиться на рельсы для воспрепятствования движению поездов были прогнаны штыками.

В порту действия войск были столь же энергичны, порядок был всюду восстановлен и все обошлось без кровопролития.

Поздно вечером все арестованные, кроме зачинщиков, были отпущены, а зачинщики отправлены в тюрьму. Благодаря быстроте действий и выдержке войск сразу наступило успокоение.

На донесение графа Шувалова о вторичном аресте Шаевича от директора Департамента государственной полиции было получено приказание произвести строжайшее следствие для предания суду. А через несколько часов второе: «Шаевича со всем о нем делопроизводством под конвоем жандармов препроводить в Петербург в распоряжение департамента полиции».

¹²² Сформирована в 1831 г. как 26-я пехотная дивизия. С 1835 г. – 15-я пехотная дивизия. В 1914 г. входила в 8-й армейский корпус. Состав дивизии: 57-й пехотный Модлинский генерал-адъютанта Корнилова, 58-й пехотный Прагский, 59-й пехотный Люблинский и 60-й пехотный Замосцкий полки, 15-я артиллерийская бригада.

На другой день явился ко мне начальник Одесского охранного отделения¹²³ и заявил, что они имеют точные сведения, что на предстоящую ночь на одной из дач малого фонтана назначено собрание всех главарей рабочего движения, что ему точно известно и местоположение дачи и час сбора. От нас же он только просит содействия вооруженной силой для окружения дачи и при аресте собравшихся на совещание.

Я тотчас же отвез его к начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Иванову, который предоставил в его распоряжение учебную команду 57-го пехотного Модлинского полка.¹²⁴ Со своей стороны начальник охранного отделения обещал, что ровно в полночь к начальнику учебной команды явится его агент, который предъявит такую же карточку, какую он сейчас вручает.

¹²³ Охранные отделения – местные органы политического розыска в Департаменте полиции Министерства внутренних дел. Были созданы под названием «розыскных отделений» в 1866 г. в Санкт-Петербурге, в 1880 г. – в Москве и других крупных городах Российской империи. С 1903 г. – охранные отделения. Точное наименование – «Отделения по охране общественной безопасности и порядка».

¹²⁴ 57-й пехотный Модлинский полк сформирован в 1831 г. В 1907 г. «для сохранения в армии памяти о славной совместной службы армии и флота при обороне крепости Севастополя» переименован в 57-й пехотный Модлинский генерала-адъютанта Корнилова полк. В 1914 г. входил в состав 15-й пехотной дивизии. Дислокация – Херсон.

Агент приведет команду к даче и укажет места, которые необходимо занять, дабы никто не мог незаметно уйти.

Начальник учебной команды буквально исполнил все условленное, агент же охранного отделения вместо полуночи явился уже после трех часов ночи, и когда подошли к даче, уже светало и на ней остались лишь люди, про которых агент выразился «ничего не значащие».

К сожалению, это не единичное и не случайное явление. Почти все охранные отделения знали обо всем происходившем, знали главарей, где, что и когда они делают, но никогда, как у них принято выражаться, не ликвидировали их, не арестовывали, под предлогом глубже и шире расследовать дело, а, по существу, получалось намеренное попускание, чтобы, возбуждая все новые дела, оправдывать существование охранных отделений.

Вскоре после одесских беспорядков таковые вспыхнули в Екатеринославе. Тут, к сожалению, пришлось прибегнуть к оружию, и толпы рабочих рассеялись лишь после того, как рота дала по ним залп.

Когда спокойствие было восстановлено, командующий войсками, сам выезжавший в Екатеринослав, поручил мне объехать заводы и расспросить директоров о настроениях, об отношениях между рабочими и администрацией заводов.

Заслуживает особенного внимания сообщенное директором, французом, французского же трубопрокатного завода, одного из крупнейших и старейших заводов в Екатеринославе:

– На нашем заводе не так легко поднять рабочих, так как уже 800 из них материально с ним связаны, живут в домах, построенных на ссуды, выданные заводом, имеют свои

огороды, лавки, в которых все приобретают по оптовым ценам, дети воспитываются в заводских школах, имеется больница, родильный приют, а главное, такие рабочие получают известное процентное отчисление. Мы очень зорко следим за тем, чтобы в район завода не проникали агитаторы и о появлении таковых сейчас же ставим в известность местную прокуратуру. У вас в законе есть статья, по которой прокурор сам обязан следить за тем, чтобы антиправительственная агитация не проникала в рабочую среду; при появлении агитаторов арестовывать их и немедленно назначать расследование. Не только сама прокуратура не исполняла этой статьи, но за последние два года после нашего извещения о появлении агитаторов ни разу не оказала нам содействие и агитаторы безнаказанно продолжали свое дело.

Не стану подробно излагать жизнь штаба за 1901–1903 годы, ограничусь лишь изложением отдельных случаев, ярко показывающих беспредельную доброту покойного государя Николая Александровича, его отзывчивость и понимание условий военного быта, полное доверие государя к графу Александру Ивановичу.

Наиболее частым проступком в офицерской среде являлось вступление в брак без разрешения командира части.

По закону офицер мог вступить в законный брак лишь по достижении 23-летнего возраста, с разрешения командира части и по внесении реверса в 5000 руб. По достижении 28 лет внесение реверса переставало быть обязательным.

Военный министр генерал-адъютант Куропаткин смотрел на вопросы об офицерских браках слишком

снисходительно и постоянно ходатайствовал перед государем о прощении виновных «вне закона».

Государь охотно утверждал подобные ходатайства, но видя наконец, что они все более и более учащаются, высказал министру:

– Мы все, Алексей Николаевич, «вне закона», пора наконец и по закону, – и начертал: «впредь офицеров, вступивших в брак без разрешения начальства, представлять к увольнению от службы».

Вскоре после объявления этого высочайшего повеления, в штаб округа поступила переписка о поручике 52-го пехотного Виленского полка, который вошел к командиру полка с рапортом о внесении в его послужной список двух его сыновей и представил метрические свидетельства. Командир полка, заявляя, что никто в полку не знал о женитьбе поручика, все же дал ему самую блестящую аттестацию и вошел с ходатайством по команде об исполнении его просьбы. Переписка поступила к командующему войсками с ходатайством о прощении поручика ввиду блестящей о нем аттестации командира полка.

Передавая переписку, я доложил и высочайшее повеление, по которому этот поручик подлежал увольнению от службы.

Граф вспыхнул:

– Ну так и вон его!

Но затем, отойдя:

– Но, милый Экк, он же ничего не сделал бесчестного, за что же вон. Как помочь ему?

– Единственный путь – представить на высочайшую милость.

– Ну так заготовьте надпись и представим.

Так и было исполнено.

Приблизительно через месяц от военного министра пришел следующий ответ: «По докладе государю императору ходатайства Вашего Сиятельства, Его Величеству благоугодно было положить следующую резолюцию: наложить взыскание по усмотрению командующего войсками Одесского военного округа, но не очень строгое, причем слова «не очень строгое» Его Величество изволил собственноручно подчеркнуть».

Граф просиял:

– А когда так, объявить ему от меня замечание.

Однажды приезжает ко мне начальник Елисаветградского кавалерийского училища¹²⁵ полковник Самсонов и говорит:

– Выручай, у нас вот какое несчастье – у окончившего первым в этом году училище вахмистром и представленного к производству в эстандарт-юнкера по поверке в Главном штабе оказались неправильные документы; он не имел права поступать вольноопределяющимся, и тем более в училище, и

¹²⁵ Елисаветградское кавалерийское училище – военно-учебное заведение русской армии. Образовано в 1865 г. под названием Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища в г. Елисаветграде Харьковской губернии. Курс обучения – двухгодичный. Выпускниками училища комплектовались кавалерийские части Киевского, Харьковского и Одесского военных округов.

его приказано, как неправильно принятого, уволить в первобытное состояние.

Положение было действительно безвыходное, так как он, окончивши курс училища, считался отбывшим воинскую повинность, следовательно, не мог уже поступить и охотником, чтобы вторично все проделать.

Самсонов был в отчаянии, и мы решили, что он сегодня же пойдет и повинится во всем графу, а завтра я доложу самое дело.

Когда на другое утро я пришел с докладом, командующий войсками встретил меня словами:

– Как же нам выручить Самсонова и этого юношу?

– Абсолютно ничего нельзя сделать. Есть только один путь – обратиться к царской милости.

Опять было заготовлено соответствующее ходатайство и государю императору благоугодно было на нем начертать: «Разрешаю, в изъятие из закона, вновь принять на службу охотником – со званием эстандарт-юнкера».

В начале 1900 годов 7-м корпусом командовал генерал-лейтенант Юнаков, который, к сожалению, во многих отношениях оказывался не на высоте своего положения. Под влиянием своей жены и начальника штаба корпуса, генерал-майора Пешкова, он допустил травлю командира Крымского конного Ее Величества дивизиона полковника графа Келлера,¹²⁶ человека правда тяжелого характера, но преданного военному делу, выдающегося командира части.

¹²⁶ Келлер Федор Артурович (1857–1918) – граф, русский кавалерийский генерал. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–

Сначала доходили только слухи о частых недоразумениях, но затем появился приказ начальника штаба корпуса о смотре дивизиону, который гласил: «Сего числа я произвел смотр Крымскому конному Ее Величества дивизиону. Эскадроны были выстроены в развернутом строю, отлично выровнены, шашки держали правильно, люди имели молодецкий вид. С удовольствием замечая, что все мои указания приняты к сведению, и за блестящее состояние эскадронов объявляю мою сердечную благодарность командиру 1-го эскадрона ротмистру Кокораки и 2-го – ротмистру Николаеву. На плацу не была приготовлена глина для рубки, что объясняю недомыслием командира дивизиона полковника графа Келлера и объявляю ему выговор и так далее...»

Приказ был доложен командующему войсками, и граф приказал вызвать Пешкова для дачи объяснений и мне присутствовать при этом.

1878 гг., награжден знаками отличия Военного ордена IV и III степеней, произведен в офицеры. В 1901 г. полковник, командир Крымского конного дивизиона.

С 1904 г. – командир 15-го драгунского Александрийского полка. С 1906 г. – командующий (затем командир) лейб-гвардии Драгунского полка. С 1907 г. – флигель-адъютант императора Николая II, генерал-майор Свиты Е. И. В. С 1910 г. – командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, затем начальник 10-й кавалерийской дивизии. В 1916 г. генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса.

Граф много лет командовал Кавалергардским полком,¹²⁷ был старейшим кавалергардом, пользовался совершенно исключительным авторитетом и был со всеми на ты.

Генерал-майор Пешков был тоже кавалергард, поэтому когда мы явились в кабинет командующего войсками, граф, посадив нас, спросил Пешкова:

– Что ты можешь сказать в оправдание своего непозволительного приказа?

Пешков:

– Я, Ваше сиятельство, привез целую пачку бумаг, из которых вы изволите усмотреть, что я действовал правильно.

Граф, рассмотрев все бумаги:

– По букве может ты и прав, но ты поступил как иезуит, а уж твоё выражение «недомыслие» по отношению к командиру дивизиона прямо непростительно и недопустимо.

Пешков:

¹²⁷ Кавалергардский Её Величества государыни императрицы Марии Фёдоровны полк сформирован в 1724 г. как Кавалергардская рота – коронационный эскорт императрицы. В 1799 г. сформирован Кавалергардский корпус, с 1800 г. – Кавалергардский полк.

С 1894 г. – Кавалергардский Её Величества государыни императрицы полк. В 1914 г. входил в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Дислокация – Санкт-Петербург.

– Я не хотел обидеть командира, я слово «недомыслие» употребил по Гроту.

Граф:

– Ну, милый мой, ты мне Гротом не тычь, а я тебе скажу, что я ли недомыслил, ты ли недомыслил – кто недомыслил, тот всегда дурак.

Пешков встав:

– Я вижу, Ваше сиятельство, что возбудил ваше неудовольствие и, если угодно, то могу подать в отставку.

Граф:

– Виноват. До сих пор происходил разговор двух кавалергардов и я хотел тебе уяснить всю неправильность и бестактность твоего приказа и твоего поведения в отношении командира дивизиона. Теперь вам угодно заявить командующему войсками, что вы подадите в отставку. Смею вас уверить, что с его стороны препятствий к этому не встретится. А приказ о смотре отменяю.

На этом объяснение и кончилось.

Осенью того же года происходили десантные маневры под Очаковом с участием Черноморского флота, шла высадка войск. Командующий войсками находился на пароходе «Пушкин».

Когда к нему явился начальник 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Церпицкий, граф, выслушав доклад о ходе высадки, спросил:

– А что я не вижу графа Келлера?

Церпицкий:

– О, у него большая неприятность. Командир корпуса, узнав, что граф Келлер не мог по болезни присутствовать на

одном из малых маневров, в присутствии всех офицеров так резко о нем выразился, что я не знаю, сможет ли он оставаться долее командиром дивизиона.

Граф ничего не сказал, но когда на пароход прибыл генерал-лейтенант Юнаков, спросил его:

– Что у вас вышло с графом Келлером?

Юнаков уверил, что ровно ничего не было; даже когда граф повторил сказанное Церпицким, он продолжал уверять, что это недоразумение, что ничего подобного не было.

Тогда граф приказал потребовать от обоих письменное объяснение.

Генерал-лейтенант Церпицкий сейчас же представил рапорт, в котором еще подробней развил все ранее им доложенное. Генерал же Юнаков прибыл к командующему войсками и доложил, что извинится перед графом Келлером в присутствии старших офицеров дивизиона. Граф настоял, чтобы и я присутствовал при объяснении, объяснив Юнакову, что так-де будет лучше ввиду возможной несдержанности графа Келлера.

Все произошло в Симферополе на квартире Юнакова.

Когда вошел командир корпуса, в гостиной находились: граф Келлер, штаб-офицер дивизиона, оба эскадронные командиры и я.

Едва успел командир корпуса произнести первые слова, благородный граф Келлер воскликнул:

– Ради бога, довольно, Ваше превосходительство, я удовлетворен и все забыл, – они обнялись и поцеловались.

Через три дня после моего возвращения в Одессу, рано утром, пришел ординарец от командующего войсками и

доложил, что граф просит меня прийти немедленно. На вопрос о том, не случилось ли чего, ординарец ответил:

– Никак нет. Командующий войсками здоровы, но очень рассержены, прочитав только что полученный пакет.

Едва я успел войти, граф ходивший по кабинету, остановился:

– Нет, каков! Подумайте, сперва извинился, а теперь представил к отчислению от командования дивизионом. Это дело нужно покончить.

И тут же впервые собственноручно сделал надпись, при которой представление генерал-лейтенанта Юнакова об отчислении графа Келлера от командования Крымским конным Ее Величества дивизионом было представлено для доклада государю.

На этой надписи Его Величество соизволил положить следующую резолюцию: 1. Отчислить графа Келлера с чином полковника в один из кавалерийских полков. 2. Предложить генерал-лейтенанту Юнакову подать в отставку с таким расчетом, чтобы эта отставка была мною принята до 1 января. 3. Через два месяца по увольнении генерал-лейтенанта Юнакова в отставку назначить графа Келлера командиром кавалерийского полка.

В первых числах декабря 1903 года на завтрак в день полкового праздника Люблинского полка¹²⁸ граф почувствовал себя нехорошо и просил меня проводить его до дому.

¹²⁸ 59-й пехотный Люблинский полк сформирован в 1831 г. В 1914 г. входил в состав 15-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса. Дислокация – Одесса.

Посидев спокойно, граф скоро оправился, велел подать чаю, просил меня остаться и послал просить графиню спуститься к нему в кабинет. Когда пришла графиня, граф оживился, рассказал ей, что с ним случилось за завтраком:

– Но теперь все прошло и вот такая у меня к тебе просьба: я часто думаю, что уже давно не приглашал и ничем не угощал командиров. Надо всех пригласить еще в этом году и хорошенько угостить всех генералов и всех командиров полков. А так как всех очень много, то можно сделать в две очереди.

Порешили дать два обеда, первый в воскресенье 17 декабря, второй во вторник 19-го. Граф совсем повеселел, долго нас не отпускал, стал вспоминать свое любимое время командования Кавалергардским полком, и мы разошлись уже перед самым обедом.

Оба обеда прошли блестяще; особенно на втором граф выказал себя во всем своем обаянии. Когда в 11-м часу гости разъехались, граф обратился к старшей дочери:

– Ну идем, я ведь дал слово мадам фон-Шак приехать на ее вечер, только переодену сюртук с эполетами и буду тебя ждать внизу, – спустился на свою половину и, в то время как одевал сапог, успел только сказать:

– Федор, мне дурно, позовите графиню, – опустился на диван, вздохнул, и графа Александра Ивановича не стало. Скончался от паралича сердца на 77-м году. Был крупный, светлой души человек, а главное, что так редко бывает, всегда говорил правду своему государю.

По желанию семьи покойного я был назначен от округа сопровождать его тело до Петербурга. С высочайшего разрешения граф погребен в церкви Кавалергардского полка.

После смерти графа недолго продолжалась моя служба в Одесском округе. Начальник Главного штаба через состоявшего для поручений при командующем войсками полковнике Григорьева передал вновь назначенному командующим войсками Одесского военного округа генералу от кавалерии барону Каульбарсу, что Главный штаб признает меня наиболее подготовленным к занятию должности начальника штаба в Одессе. Но барон Каульбарс пожелал иметь своим начальником штаба генерал-майора Безрадецкого, отличного человека, но совершенно не соответствовавшего этой должности.

Так как главному начальнику округа предоставлено законом право выбирать себе начальника штаба, желание барона Каульбарса было исполнено, и генерал-майор Безрадецкий назначен начальником штаба Одесского округа. Но когда по мере развития войны с Японией осенью 1904 года на театр войны были сформированы три армии, и барон Каульбарс, назначенный командующим 11-й Маньчжурской армией, пожелал взять генерал-майора Безрадецкого своим начальником штаба и на войну, ему в этом было отказано, и начальником штаба 2-й Маньчжурской армии был назначен генерал-лейтенант Рузский. В этом назначении вопреки желанию барона Каульбарса, чуждавшегося своего начальника штаба, и кроется начало неурядиц, происходивших во 2-й Маньчжурской армии, принесших столько вреда для дела и огорчений самому барону Каульбарсу.

Я же был взят в распоряжение начальника Главного штаба и тотчас же выехал в Петербург.

В Петербурге начальник Главного штаба просил меня отревизовать 13-е и 14-е отделения, ведавшие личным

составом армии. Приступив к ревизии, первым делом потребовал список неоконченных дел и, к своему удивлению, в числе таких неоконченных дел увидал «Дело о писаре штаба 13-й кавалерийской дивизии Жарикове, начатое в 1890 году».

Почему же это дело не закончено? Потому что ожидается ответ от уездного воинского начальника, которому было поручено расследовать жалобу писаря Жарикова на неполучение от казны денежного пособия за увечье, полученное им на службе.

Я невольно расхохотался и рассказал им в чем дело. В 1888 году, в день Светлого Христова Воскресения, писарь вверенного тогда мне штаба 13-й кавалерийской дивизии Жариков, возвратившись в штаб в пьяном виде, вместо того чтобы войти в дверь, перевалился через перила наружной лестницы и с 4-го этажа упал на мощный двор. Когда мы с доктором пришли на место происшествия и Жариков был внесен в помещение, он лежал в беспамятстве и громко храпел. Доктор тщательно его исследовал, но кроме опухоли на кисти правой руки ничего не обнаружил. Убедившись, что Жариков спит, я приказал его отнести в местный лазарет, где, пролежав с месяц, он благополучно выздоровел. Только у него как бы слегка отшибло память и он стал задумчивым. Я приказал не утруждать его работой, и как только началось увольнение в запас, в первую же очередь отправил его на родину.

Каково же было мое удивление, когда от уездного воинского начальника поступил запрос, в чем заключалось полученное Жариковым на службе увечье, так как он заявил

претензию на неполучение положенного от казны денежного пособия в размере три рубля в месяц.

От штаба тотчас же было отвечено, что увечье Жарикова заключалось в следующем: напившись пьяным в светлый праздник, он при возвращении в помещение писарей, потеряв равновесие, упал с 4-го этажа на мощный двор, причем остался жив и невредим.

На этом переписка о нем со штабом 13-й кавалерийской дивизии прекратилась, но, как оказалось, таковая направилась в Главный штаб и тянулась уже 14 лет. Дело тут же было прекращено.

Глава VI

31 мая 1904 года я был назначен командующим 71-й пехотной дивизией. Это была второочередная резервная дивизия, которую предстояло сформировать.

Я вполне отдавал себе отчет, какая трудная предстояла работа, сколько сил придется положить на это формирование, и решил заранее подготовиться. Взяв предписание Главного штаба о предстоящем назначении, 25 мая выехал в Казань, представился там командующему войсками, проделал все необходимое в штабе округа и вечером 30 мая уже был в Пензе, где стояла 54-я резервная бригада,¹²⁹ из вторых батальонов полков которой мне и предстояло сформировать дивизию.

На обратном пути из Казани в Пензу на станции Разуваевка встретил семь офицеров с цифрой 71 на погонах, подошел к ним, объявил, что я их командующий дивизией и просил назвать свои фамилии. Оказалось, что все семеро едут из Вильны из 28-й дивизии¹³⁰ на формирование 281-го

¹²⁹ 54-я пехотная резервная бригада сформирована в 1899 г. в составе 213-го Оровайского, 214-го Мокшанского, 215-го Бузулукского и 216-го Инсарского пехотных резервных батальонов.

В 1903 г. батальоны были развернуты в пехотные резервные полки. В 1910 г. резервные полки переформированы в пехотные: 213-й – в 195-й Оровайский, 214-й – в 189-й Измайльский, 215-й – в 186-й Асландузский, 216-й – в 196-й Инсарский.

¹³⁰ 28-я пехотная дивизия сформирована в 1863 г. В 1914 г. входила в 20-й армейский корпус. Состав дивизии: 109-й пехотный

пехотного Дрисского полка.¹³¹ Мы успели вместе отобедать и о многом столкнуться.

Первым днем мобилизации считалось 1 июня.

В Пензе формировались: штаб дивизии со всеми при нем учреждениями, дивизионным лазаретом, обозом и двумя полевыми госпиталями, 281-й Дрисский и 284-й Чембарский полки. 282-й пехотный Черноярский полк формировался в г. Златоусте Уфимской губернии и 283-й пехотный Бугульминский¹³² – в Самаре.

Уже тогда и в печати, и в обществе постоянно раздавались неблагоприятные отзывы о запасных. О них иначе не говорили, как с насмешкой; даже в такой крупной газете, как «Новое время», в еженедельных приложениях появлялись карикатуры на запасных – «дяди на позициях», причем дяди изображались грузными, с огромными, навьюченными мешками на спине, опиравшимися на винтовку как на палку и так далее. Из армии шли тоже нарекания, и все неудачи приписывались главным образом неподготовленности запасных.

Такое отрицательное отношение побуждает меня особенно подробно остановиться на ходе мобилизации.

Волжский, 110-м пехотный Камский, 111-й пехотный Донской и 112-й пехотный Уральский полки, 28-я артиллерийская бригада.

¹³¹ 281-й пехотный Дрисский полк сформирован в 1904 г., в 1906 г. расформирован.

¹³² 284-й Чембарский, 282-й Черноярский, 283-й Бугульминский пехотные полки были развернуты в 1904 г. из кадров 216-го Инсарского, 214-го Мокшанского и 215-го Бузулукского пехотных резервных полков. В 1906 г. расформированы.

Было бы странно ожидать, что запасные, особенно старших сроков службы, могут вернуться обратно в строй также подготовленными, как и при увольнении в запас. Жизнь в деревне кладет на них свой отпечаток, а с годами они тяжелеют, утрачивают ловкость и быстроту движений. Но стоит ими хорошенько заняться, правильно поставить требования, и они быстро вновь становятся настоящими солдатами. Быстрота же и ловкость движений восстанавливаются постепенно лишь на походе.

Мобилизация шла правильно, согласно мобилизационных планов, люди и лошади являлись в установленные сроки. Население губерний Пермской, Уфимской, Пензенской и Самарской, крупное, крепкое по телосложению, коренное русское, кроме татар и мордвы.

Призваны были все сроки до 1887 года включительно, то есть до 38-летнего возраста.

С запасными пришли и их семьи: жены, дети, сестры, все в своих лучших нарядах, и когда, бывало, полки выходили на стрельбу или на занятия, за ними шла вся их родня, размещалась поблизости и следила за ходом учения. Кадровых солдат пришлось не более 360–400 человек на каждый полк. Офицеры на формирование полков были назначены из Виленского военного округа из состава 27-й,¹³³ 28 и 40-й¹³⁴ дивизий. Кроме того, распоряжением

¹³³ 27-я пехотная дивизия сформирована в 1863 г. В 1914 г. входила в 3-й армейский корпус. Состав дивизии: 105-й пехотный Оренбургский, 106-й пехотный Уфимский, 107-й пехотный Троицкий и 108-й пехотный Саратовский полки, 27-я артиллерийская бригада.

Главного штаба в дивизию были присланы 80 прапорщиков запаса, по 20 на каждый полк.

Командирами полков были назначены: 281-го пехотного Дрисского – полковник Широков, 282-го Черноярского – полковник Тихонов, 283-го Бугульминского – полковник Зарако-Зараковский¹³⁵ и 284-го Чембарского – полковник Сорнев. Бригад: 1-й – генерал-майор Погорецкий,¹³⁶ 2-й – генерал-майор Нуджевский. Дивизии была придана 28-я артиллерийская бригада¹³⁷ из Ковно, командир бригады генерал-майор Путинцев.

Назначение 28-й артиллерийской бригады было особенно выгодно для дивизии, так как бригада уже два года была снабжена новым прицелом с угломером и успела обучиться обращению с ним в специально-артиллерийском сборе.

Начальником штаба дивизии был назначен Генерального штаба полковник Скалон, мой однополчанин по Семеновскому полку, адъютантом по строевой части Генерального

¹³⁴ 40-я пехотная дивизия сформирована в 1863 г. В 1914 г. входила в состав 4-го армейского корпуса. Состав дивизии: 157-й пехотный Имеретинский, 158-й пехотный Кутаисский, 159-й пехотный Грийский и 160-й пехотный Абхазский полки, 40-я артиллерийская бригада.

¹³⁵ Зарако-Зараковский И. И. в чине генерал-лейтенанта был начальником 11-й Сибирской стрелковой дивизии с 4 марта 1913 по 1917 г.

¹³⁶ Погорецкий С. Т. в чине генерал-лейтенанта был начальником 13-й пехотной дивизии с 18 декабря 1914 по 21 февраля 1915 г.

¹³⁷ 28-я артиллерийская бригада сформирована в 1880 г. Входила в состав 28-й пехотной дивизии. Дислокация – Шанцы.

штаба капитан Борк. Прекрасным офицером оказался перешедший к нам из управления 54-й резервной бригады старший адъютант по хозяйственной части капитан Мухин.

Начальник 54-й резервной бригады, формировавший из первых батальонов 54-ю пехотную дивизию, вполне придерживался правила: своя рубашка к телу ближе, все лучшее брал в 54-ю дивизию, а в 71-ю – что останется. Но судьба нам покровительствовала. Например, 54-я дивизия, считая, что она берет лучших лошадей, отобрала себе самых видных жеребцов, особенно бывших выездных выкормков местных богатых купцов, а нам оставила всех кобыл. Когда начальник обоза и взводные командиры стали на это жаловаться, я поспешил их успокоить и запретил настаивать на передаче нам хотя бы части жеребцов. Мне впервые пришлось быть на Поволожье, и я верить не хотел глазам, какие поступали лошади от населения – крупные, отличного склада, сильные, многие с большим ходом.

Очень быстро сказались последствия такого дележа: жеребцы разбивали коновязи, ржали, не выедали корма, начали худеть, а впоследствии, на походе, стали разбивать вагоны, причем многие калечились. Кобылы же прекрасно пошли в работу и в течение всей войны сослужили нам великую службу, обслужив и свою дивизию, и Забайкальскую казачью.

31 мая штаб дивизии получил список домов, в которых были расквартированы люди, и отдельно список домов по номерам, в которых были построены кухни.

На другое же утро пошел лично осмотреть кухни. У ворот ближайшего из домов увидал солдата, разговаривавшего с местными жителями. На мой вопрос:

– Есть ли в доме солдатская кухня?

Он ответил:

– Есть, Ваше благородие.

– Ну покажи.

Он показал кухню.

– А остальные на главной улице показать можешь?

– Могу, пожалуй за мной.

И всюду провел меня, толково на все отвечал, но продолжал титуловать Ваше благородие и обращаться на ты. Обойдя дома на главной улице, я спросил:

– А в которой из боковых есть еще кухни?

– Да вот на ближайшей, налево в третьем доме.

– Наверное знаешь?

– Да как же мне не знать, когда я сам на ней работал до трех часов ночи, не сомневайся.

И действительно провел на кухню. Там мы застали фельдфебеля, распорядившегося насчет обеда и который на мое приветствие ответил:

– Здравия желаю, Ваше превосходительство.

Мой проводник посмотрел на меня, но, видимо, не убедился, потому что до конца обхода продолжал говорить Ваше благородие и на ты.

Когда мы все обошли, я его поблагодарил за толковое объяснение и спросил по какому он сам мастерству?

– Печник, Ваше благородие.

– Вот ты такой смысленый, а почему же мне говоришь Ваше благородие, разве не разобрал, что я генерал? Да и

фельдфебель же, ты слышал, ответил мне Ваше превосходительство.

Он только как бы виновато улыбнулся и проговорил:

– Виноват, Ваше благородие.

На этом мы с ним и расстались.

А многие из старых запасных, знавших меня, правильно меня титуловавших, первое время со мной говорили на ты. Как часто бывало, вечером идешь по улице и встречаешь бородача солдата, который становится тебе во фронт, приложив правую руку к околышу фуражки, а на левой сидит дитюшка. Никогда раньше не видел я так наглядно, как нежно мужики любят своих детей, как они с ними ласковы по-своему. Вообще, эта мобилизация представила яркую бытовую картину, которая навсегда осталось в памяти. Запасные пришли в бодром, хорошем настроении с сознанием того, что им предстоит, не было ни жалоб, ни сетований на судьбу.

На мобилизацию и на сколачивание частей нам был дан месяц. Благодаря дружной работе командиров полков и всех офицеров удалось многое сделать: пройти сокращенный курс стрельбы, проделать целый ряд ротных учений – уставных и, в особенности, с тактической целью, и по несколько полковых учений. Мы проводили целые дни в поле. Наблюдение же за ходом мобилизации в хозяйственном отношении, за мобилизацией госпиталей возложили на командира 1-й бригады генерал-майора Погорецкого, ничего, однако, не выпуская из своих рук. Только раз вышло недоразумение с окружным интендантом из-за сапог, часть которых оказалась несоответствующего качества. Когда мы потребовали замены, чиновник, заведовавший отпуском

вещевого довольствия, пробовал протестовать, затягивать дело, чтобы заставить принять отпущенные сапоги. Но был составлен акт и окружному интенданту послана телеграмма, которая заканчивалась словами: «Будут ли заменены негодные сапоги или делу дать законный ход?» В ответ из Казани прибыл чиновник особых поручений при окружном интенданте и, проверив на местах, тотчас же все заменил.

Одновременно я отдал распоряжение о заготовлении в каждом полку по документам: хоров музыки, по офицерской походной кухне; во всех полках на штатное число людей по полушубку и по одной паре постолов, дабы люди могли по приходе на бивак скинуть сапоги и дать ногам отдых. Постолы были заготовлены на местах и обошлись в среднем по 80 копеек пара. Сверх того, на каждый полк по 74 призматических бинокля Цейса, которые обошлись по 54 рубля за бинокль.

Заказ полушубков на всю дивизию был сделан в Москве торговому дому «Волк и К°», объявившему цену 4 рубля 50 копеек за полушубок. Но когда посланный от дивизии офицер прибыл в контору, ему заявили что цена полушубка 4 рубля 75 копеек. На заявление офицера, что ведь они сами объявили цену 4 рубля 50 копеек и что он имеет полномочия покупать только по этой цене – контора отвечала: «Не торгуйтесь, а берите, завтра цена будет уже 5 рублей; мы сделали такое крупное пожертвование на Красный Крест, что теперь необходимо его покрыть».

Как только поступили рапорты командиров о готовности полков, я решил начать смотры. Начал с 284-го пехотного Чембарского полка.

Поздоровавшись с полком, обратился к нему со следующим приветствием:

– Поздравляю вас с предстоящим походом в защиту чести нашей родины. Царь не хотел войны, но японцы, не объявляя, вероломно напали на наш флот и нанесли ему большой ущерб. Пришлось принять вызов, и нам предстоит отомстить врагу за нанесенную нам обиду, нам предстоят бои. Бой есть таинство, и в бой надо выходить так, как мы идем к Святому Причастию – с чистой совестью, в чистом белье и платье. И кто так выходит в бой, тот страха не знает, смотрит врагу в глаза, не знает неудач и победа всегда его сопровождает. На отдыхе и на походе буду вас беречь, но в бою потребую все от вас и твердо верую, что вы дадите больше, чем потребую.

Вы пришли в должном настроении, в сознании величия дела, которое вам предстоит, и первые две недели вели себя безупречно. Но затем вы начали пить, и это не только преступно, но вы пропиваете все свои деньги. Я вам сказал, что буду вас беречь и выдавать все положенное и даже свыше, но есть вещи, которые на казенные деньги я не смогу вам выдать, и вот тогда-то каждая сбереженная копейка вам в рубль станет.

Люди этими словами по-видимому были смущены, и один старый солдат просил разрешения сказать от них:

– Нельзя, Ваше превосходительство, неделями прощаться, всю душу вывернуло, надо было нас увести в другое место, было бы много легче для нас.

И я их понимал, и только сказал в ответ:

– Вы отчасти правы, но нам приходится еще побыть на местах, возьмите себя в руки и не заставляйте меня прибегать к мерам строгости.

Полк представился во вполне удовлетворительном состоянии. По окончании смотра, поблагодарив всех, я еще раз указал командиру и офицерам на необходимость стать как можно ближе к людям, чаще обходить их и беседовать с ними.

Первую часть своего приветствия, в которой я объяснил повод, вызвавший войну, и что такое бой, в тот же вечер отдал в приказ по дивизии, чтобы не повторяться и не видоизменять при повторении.

Вечером денщик доложил, что пришла одна баба и просит меня видеть. Когда я ее принял, баба поклонилась и сказала:

– Меня к тебе прислали бабы поблагодарить тебя за то, что ты им сказал, особенно про копеечку уж очень ты хорошо сказал, спасибо тебе.

А когда я ей на это:

– Вот про копеечку-то благодарите, а сами небось мужей не удерживаете, мало того, сами часто их угощаете.

– Нельзя иначе, родимый, уважение того требует, ведь мужья на смерть идут, может, последний раз угощаем, а тебе все же большое спасибо.

281-й Дрисский полк представился в настоящем виде, было ясно, что командир овладел полком и твердо его поведет. Так что, отпустив полк, я только сказал полковнику Широкову:

– Ну, Виктор Павлович, вижу что вы всех прибрали к железным рукам. Пока этого хватит, но в дальнейшем покажите им и свою душу, чтобы почувствовали, что они вам родные – тогда и бои пойдут также успешно, как идет дело здесь на занятиях.

Затем выехал в Златоуст и Самару.

В Златоусте 282-й пехотный Черноморский полк представился в хорошем виде. Полковник Тихонов был старый боевой офицер, еще при штурме Карса 5 декабря 1877 года тяжело ранен в руку с раздроблением костей. Офицеры почти все из 40-й дивизии, долго стоявшей на Кавказе, из которых многие доблестно себя показали за время войны, особенно командир 1-го батальона полковник Полянский.

В полку оставалась еще депутация, приехавшая приветствовать полк от имени Черноморской станицы Астраханского казачьего войска со станичным атаманом во главе. Станичному атаману так понравилось в полку, что он объявил, что никуда не уйдет и выступит с ним в поход. Прибывшие с ним одностаничники не знали, как его уговорить и увезти из полка.

Из Златоуста поехал в Самару, где сформировался 283-й пехотный Бугульминский полк.

Меня очень интересовал и несколько беспокоил командир полка полковник Зарако-Зараковский, единственный за весь период мобилизации ни разу ни с чем ко мне не обратившийся. Он прибыл из лейб-гвардии Волынского полка, но коренным офицером был лейб-гвардии Литовского, аттестации на него прислано не было, его бригадный командир по 3-й гвардейской дивизии генерал-майор Погорецкий доложил, что он по образованию

инженер, был очень хорошим заведующим хозяйством в Волынском полку и раньше в Литовском занимал больше хозяйственные должности. Могло быть или очень хорошо, или совсем слабо.

Поезд пришел в Самару в семь часов утра. Смотр начал в восемь.

Полк был построен в батальонных колонах справа, головы батальонов на линии.

Вид полка сразу подкупил меня, и чем подробнее смотрел, тем более удивлялся всему достигнутому, особенно когда подробно проэкзаменовал целый ряд унтер-офицеров по уставу полевой службы. Взводные, ротные и батальонные учения прошли очень хорошо, спокойно, при полной тишине в строю. Смотр продолжался свыше шести часов.

Покончив со строевым смотром, объехал все помещения. И тут была видна не только умелая рука, но и настоящая заботливость со стороны командира. Лучше всего был расквартирован 2-й батальон, весь на пивном заводе, безвозмездно предоставленном владельцем в полное распоряжение полка.

Здесь не обошлось без комичного эпизода.

Когда мы подъехали к заводу, у ворот стояла целая толпа баб, которая окружила меня и сейчас же раздались голоса:

– Кормилец, родной, мы к тебе с жалобой на командира полка, заступись за нас.

– Так что же вам командир сделал?

– Помилуй, где это видано, не пускать жен в казарму с мужьями спать.

Я невольно рассмеялся:

– Командир не только не хотел обидеть, но я знаю что он устроил вам отдельный дом (показал на стоявший наискосок деревянный дом), в котором вы можете видаться с мужьями и проводить с ними свободное время. Да, полагаю, вам самим зазорно ложиться с мужьями в общей казарме среди чужих людей.

– Так-то так, а все же Бог велел женам спать с мужьями, уж разреши, родимый.

– Нет, не сетуйте на меня, а спать в общей казарме и я разрешить вам не могу.

После этого бабы отошли, видимо, обиженные и на меня.

Порядок в полку был полный, несмотря на то, что Бугульминский был не из легких: в него попало значительное число слободских пригородных жителей, так называемых горчишников, когда-то занимавшихся бичевой тягой барж по Волге, а когда этот промысел отпал – всяким случайным заработком, часто темным, и даже воровством, и среди них шел повальный разгул и пьянство. Призванные по мобилизации, они прибыли без сапог, без белья, и некоторые буквально без всего.

На первых же днях они попробовали устроить беспорядок в полку, перепились и начали буйствовать. Прибывший на место беспорядка командир приказал всех буйствовавших загнать в одно помещение настолько тесное, что их туда еле втиснули, запер их там и так продержал целые сутки.

Пораженные столь быстрой расправой горчишники вышли оттуда как шелковые, и больше нарушения порядка не было. Сразу данное полку правильное направление сказалось во всем, и Бугульминский полк за все время войны выделялся своей доблестью в боях и строгим внутренним

порядком, а полковник Зарака-Зараковский – очень ценным сотрудником в самых тяжких положениях, выпадавших на долю дивизии.

Особенно торжественно были обставлены в полках прибавка новых, только что пожалованных знамен, освящение их перед строем и затем присяга полковому знамени.

Вновь сформированные 54-я и 71-я дивизии составили 5-й Сибирский корпус под командой генерал-лейтенанта Дембовского.¹³⁸

Но 71-я дивизия пробыла в действительности в составе 5-го Сибирского корпуса лишь в течение периода формирования, с прибытием же на театр войны, она сразу попала в отдел и больше своего корпуса не видала.

Генерал-лейтенант Дембовский обращал особенное внимание на санитарную часть и предъявлял большие требования. Так, однажды начальники дивизии и корпусный врач были приглашены к командиру для обсуждения некоторых вопросов по устройству санитарной части и по довольствию войск. Закрыв совещание, генерал-лейтенант Дембовский обратился к нам со следующими словами:

– А теперь, господа, вы должны здесь же, в присутствии корпусного врача, дать мне честное слово, что за всю войну ни один солдат не выпьет сырой воды.

¹³⁸ Дембовский Леонид Матвеевич (1838–1908) – русский генерал. В 1902–1906 гг. генерал-лейтенант, командир 5-го армейского корпуса. В 1906–1907 гг. командир Сводного армейского корпуса для оккупации Манчжурии. С 1906 г. – член Военного совета. В 1907 г. генерал от инфантерии.

Я категорически отказался дать такое слово за невозможностью его сдержать и добавил:

– Если нам суждено будет попасть в горный район, то ведь от горной родниковой воды кроме здоровья ничего не будет.

В заключение всего должен сказать несколько слов про город Пензу, про замечательно хорошие отношения к войскам городских властей и городских жителей. Поражали дешевизна жизни, низкие цены на жизненные продукты, квартиры и прочее. А главное, несмотря на то, что в Пензе мобилизовались два штаба дивизии со всеми учреждениями и четыре полка, цены за все время оставались те же, не повысившись ни на одну копейку, например, цена на мясо как была восемь копеек за фунт, так и осталась до самого выступления частей в поход.

Комнаты приезжим и семейным офицерам сдавались охотно и, по-нашему, за гроши. А был и такой случай. Приехавший капитан Генерального штаба Яхонтов вместе с женой, подыскивая себе помещение, останавливались и прочитывали вывешенные объявления о сдаче комнат. В то время как они читали одно из таких объявлений, к ним подошла дама с вопросом:

– Что вы ищете, помещение? Какое вы хотите помещение?

– Мы бы хотели две комнаты.

– Две не знаю, право, а может быть вам будет достаточно одной хорошей? Тогда я могу вас провести тут же поблизости.

Провела к одному из ближайших домов и во втором этаже ввела их в квартиру и показала хорошую светлую комнату с полной обстановкой.

– Может подойдет? – и когда Яхонтовы сказали, что с удовольствием займут эту комнату:

– Так милости просим, переезжайте хоть сейчас, я быстро все приготовлю.

– А какая будет цена?

– О цене и речи быть не может. Я с особенным удовольствием приму вас и вы будете моими дорогими гостями.

Другой пример: мне было отведено помещение в Суворовской гостинице, лучшей в городе. Но с ходом мобилизации сразу сказалось неудобство пребывания там – масса посторонних людей, необходимость осторожности при разговорах, отсутствие помещения для ожидавших, а главное, желание с места пригласить к себе на довольствие всех чинов штаба, побудили подыскать соответствующий дом.

При содействии капитана Мухина, пензенского старожила, очень скоро удалось нанять дом в пять комнат с мебелью и полной обстановкой, до посуды включительно, причем хозяйка дома, проводившая лето в имении, объявила, что, как мне угодно, на один ли месяц или на все лето, цена одна – 25 рублей. При доме только не оказалось достаточно большой конюшни, но тут же, напротив, я нанял конюшню в четыре стойла за 10 рублей. На другой же день пригласил на новоселье начальника штаба, дивизионного врача, офицеров штаба и двух прапорщиков запаса, моих ординарцев.

Мы пообедали, поужинали и так проделывали всю войну, вплоть до возвращения в Россию. Полковника Скалона я пригласил и жить со мной.

В течение месяца, проведенного нами в Пензе, город четыре раза нас чествовал хлебом-солью, обильно угощая не только офицеров, но и солдат. Ни разу не было недоразумения с городскими властями, напротив, они во всем охотно шли нам навстречу и старались помочь в чем могли.

Еще считаю долгом сказать несколько слов в защиту прапорщиков запаса. Их тоже было принято огульно считать мало подготовленными к офицерской работе, не любящими военное дело, старающимися отвиться от строевой работы и тому подобное.

Мы разом получили 80 прапорщиков запаса. Нельзя же допустить, чтобы к нам попали все исключительно хорошие. Совсем нет, но весь вопрос в том, как взглянуть на дело. Если судить только по тому, насколько они твердо знали строевые уставы при самом призыве, то и к нам попали в большинстве очень слабо подготовленные. Но стоит взглянуть с другой стороны: большой процент из них был с высшим образованием, другие со средним, большое число из них состояло на частной службе, привыкло к большой и ответственной работе. Вот эти качества при них оставались навсегда, возобновление же в памяти уставов и требований военной службы при умелом обращении с ними быстро восстанавливались, и они становились дельными помощниками своих ротных командиров, а впоследствии и сами успешно командовали ротами, были даже начальниками отдельных команд.

Но, повторяю, все это они дают только при умелом, ровном обращении с ними, при настойчивом проведении в жизнь служебных требований. Были и такие, правда единичные, которые пытались вести беседы о вреде войны и на другие, уже и тогда модные темы о свободе, но сразу остановленные и прибранные к рукам, остались в рамке закона, а затем, присмотревшись к работе офицеров, сами примкнули к ним и стали настоящими начальниками и работниками. Только трое из 80 оказались закоренелыми алкоголиками и были по моему представлению исключены из состава армии.

Мои личные сборы в походе были не сложны. Еще в Петербурге я приобрел у Золотова походную кухню, которая умещалась в небольшом сундучке и состояла из плиты и необходимой кухонной посуды, на которой повар часто приготавливал обед на 12 человек. Походный самоварчик на 10 стаканов с таким приспособлением, что его можно было нести за ручку, не обжигая руки, в то время как он наставлялся; фонарь с приспособлением к надеванию на пояс или к седлу и к нему сорок свечей; два кожаных чемодана. В Пензе купил войлочную кошму вместо тюфяка на походную кровать и черную папаху. Проездом, в Казани, купил легкий тарантасик с верхом.

Опасаясь, что моей шестивершковой Няде будет трудно в горах, я ее выменял у командира 28-го драгунского Вознесенского полка¹³⁹ полковника Карташева на его

¹³⁹ Здесь автор ошибается – речь идет о 23-м драгунском Вознесенском полку. Сформирован в 1856 г. как уланский Его Высочества принца Александра Гессенского полк. С 1882 г. – в 23-й

кобылу Аврору, около четырех вершков росту, которая превосходно отслужила мне всю войну, и хотя в Пензе я прикупил еще и киргиза-бегунка, но почти никогда на него не садился.

Упряжных лошадей приобрел так: выйдя однажды вечером походить около дома, я заметил, что один господин проезжает несколько раз мимо меня на сером в яблоках, белая грива, белый хвост, хорошем рысаче вершков трех ростом. Когда он в третий раз проезжал мимо меня, уже шагом, я остановил его и спросил, не продает ли он лошадь?

– Продаю, у меня только нет на нее аттестата, ей семь лет и вы сами видели какой у нее ход.

– А цена?

– 200 рублей.

Это цена была так умеренна, что я, не торгуясь, сейчас же ее приобрел, вызвал кучера Егора, передал ему лошадь и поручил подобрать к ней пристяжку. Егор отлично подобрал и ростом и складом, тоже серую, но светло серую с черной гривой, черным хвостом и заплатил за нее всего 130 рублей – цену, которую платила тогда казна за обозных 1-го разряда. Эта пара прекрасно отслужила всю войну, ход лошадей был так хорош, что когда мы стояли на зимних квартирах и приходилось ездить на станцию Таладжау расстояние в 18 верст, мы проезжали в час с четвертью.

драгунский Вознесенский полк, с 1907 г. – 8-й уланский Вознесенский. С 1911 г. получил шефство великой княжны Татьяна Николаевны. В 1914 г. входил в состав 8-й кавалерийской дивизии 8-го армейского корпуса. Дислокация – Бельцы.

Вообще мне повезло, особенно с людьми, назначенными ко мне. Еще из Одессы со мной прибыл денщик, имеритин Фома Даушвили, который как нянька ходил за мной, заботился чтобы у меня всегда все было, и спать ложился у двери в мое помещение. Кучером был назначен Егор Андриюшин, служивший у помещика, абсолютно трезвый, превосходно управлявший четверкой, тройкой, парой и одиночкой, прекрасно ходивший за лошадьми. Поваром попал тоже служивший у помещика – отличный повар, честный, услужливый, умевший ко всему и всюду приспособиться, часто готовивший нам обед в лютые морозы на открытой ветру, на маленькой походной плите. Но насколько Егор был трезв, настолько Павел неудержно пил; пришлось запретить выдавать ему на руки положенные деньги и то, что я ему назначил от себя. Все его деньги записывалась в книжку, хранились у капитана Мухина и все ему необходимое покупалось лишь по его просьбе. Оба были срока службы 1887 года, то есть старейшие из призванных, и мы старались именно людей этого срока назначать в офицерскую прислугу, в обозные, вообще на нестроевые должности.

27 июня в Пензу прибыл государь император в сопровождении великого князя Михаила Александровича и военного министра благословить полки, выступавшие на войну.

После молебна, отслуженного перед строем, государь император благословил каждый полк иконою, которую затем в течение всей войны полковой знаменщик носил на груди – и на походе, и во время боев. Пропустив войска церемониальным маршем, государь им пожелал счастливого похода и благополучного возвращения домой.

После парада командир корпуса и начальники дивизий были приглашены в высочайший поезд для проезда в Златоуст и Самару.

И там состоялись такие же смотры. Всюду, проезжая по рядам, государь беседовал с людьми. Огромное большинство из них увидели государя впервые и не сводили с него глаз, и смело отвечали на все вопросы, обращаясь к царю на ты. И только в 282-м пехотном Черноморском полку один из унтер-офицеров на вопрос государя, в каком полку он был на действительной службе, ответил:

– В 15-м гренадерском Тифлисском полку¹⁴⁰ и был в Сводном полку Вашего Императорского Величества¹⁴¹ в Царском Селе. Не чаял я, государь, вас больше увидеть, а вот Господь сподобил.

¹⁴⁰ 15-й гренадерский Тифлисский полк сформирован в 1726 г. как заштатный Куринский пехотный полк. С 1784 г. – Тифлисский пехотный полк. С 1856 г. – Тифлисский гренадерский, с 1858 г. получил шефство великого князя Константина Константиновича. В 1914 г. входил в состав Кавказской гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса. Дислокация – Тифлис.

¹⁴¹ Автор имеет в виду Собственный Е. И. В. Сводный пехотный полк. Сформирован в 1881 г. как Рота почетного конвоя для «ближайшей охраны священной особы государя императора» из чинов 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий, кадрового батальона лейб-гвардии Резервного пехотного полка, лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского экипажа. В 1883 г. рота развернута в батальон, в 1907 г. – в полк. Во время Великой войны нес охрану императорских резиденций.

С пятого июля началась посадка в вагоны и отправка эшелонов на театр войны. В каждом полку перед выступлением первого эшелона были отслужены молебны в присутствии военных, гражданских и городских властей. Города благословили полки иконами, было предложено угощение офицерам и солдатам. В Самаре, когда полк после молебна двинулся с поля, из толпы зрителей выделилась маленькая старушка и, подбежав к командиру полка, передала небольшую икону со словами:

– Примите в благословение от дворян, она у нас более 400 лет в роду.

Только тот может в полной мере оценить все благотворительное влияние запрета продажи водки в период мобилизации 1914-го, кто проделал посадку войск и отправление эшелонов во время войны с Японией. Не только вся родня, но масса посторонних людей старались всеми силами передавать людям как можно больше водки и буквально спаивали их. Пришлось задолго до часа посадки оцеплять вокзалы и никого не пропускать на станцию до окончания посадки в вагоны, и выпускать провожающих на перроны лишь перед самым отходом поезда. В городе можно было видеть такие сцены: упившийся солдат уже лежит, а сидящая около него баба, плача и причитая, подносит к его губам бутылку с водкой и льет ее ему в рот.

Когда отходил эшелон штаба, удалось сохранить настоящий воинский вид. В буфете 1-го класса ко мне подошел совершенно приличный, средних лет человек и просил разрешения пригласить к столу писаря Зайцева.

– Мы собрались (указывая на угольный стол) всей семьей проводить его и хотели бы с ним проститься.

Я разрешил, но при этом взял с него слово, что они не будут спаивать Зайцева.

Казалось, все обстояло благополучно, поезд тронулся как всегда при криках «ура» и махании шапками. Уже мы шли с четверть часа, когда, выглянув из окна, я увидел через одну теплушку от нашего вагона этого самого Зайцева сидящим на краю вагона со свешенными наружу ногами, махавшего руками и, раскачиваясь, во весь голос горлающего песню.

Не успел я показать его Скалону, как видим что Зайцев, потеряв равновесие, полетел из вагона стоймя на голову и затем растянулся на пути. Пока подали сигнал, остановили поезд, протрезвевший Зайцев сам подбежал и оказался невредимым. Я все же приказал усадить его в угол, приставить к нему наблюдающего с тем, чтобы никуда не выпускать и сместил его со старшего разряда в младший.

Пунктом сосредоточения дивизии была назначена станция Шаха-Южный, вторая станция к югу от Мукдена. Маршрут был составлен на 35 суток, из них шесть дней. В штабном эшелоне шли, помимо обоза штаба, еще дивизионный обоз и дивизионный лазарет, свыше 600 лошадей. На каждой дневке устраивалась проводка всем лошадям; на продолжительных остановках при помощи запасных сходен сводили только тех лошадей, у которых было можно опасаться колик и хорошенько пробежали их. В Сызрани предстояла пересадка в другие вагоны. По большей частью и начальствующие лица попадали в теплушки, но, как я уже упомянул выше, описывая отправку войск из Одессы в 1900 году, руководивший в Сызрани отправкой поездов генерал-майор Пилль, в память нашей совместной тогда работы, приказал пропустить наш пульмановский

вагон до самой станции Маньчжурия, на которой мы пересели в бронированный вагон Восточно-Китайской железной дороги.¹⁴²

Ехали мы с удобствами. В отведенных мне двух маленьких купе были раскрыты внутренние двери и в них вставлен складной столик, на котором мы пили кофе, чай, ужинали и играли в винт. Обедали на станциях, и так как расписание воинских поездов не совпадало с часами обеда в буфетах, мы вперед давали телеграмму, чтобы к такому-то часу нам приготовили обед на 14 человек. Кормили везде хорошо и очень дешево. Обед в два блюда – 50 копеек, в три – 75 копеек. Кроме того, на многих станциях можно было очень дешево покупать: хлеб, яйца, пироги, домашнюю птицу от местных крестьян. В то время еще ходил поезд экспресс. Пользуясь этим, мы на известных станциях отпускали записного охотника капитана Ворка, который с кем-нибудь из железнодорожных служащих охотился целые сутки, затем с экспрессом догонял эшелон и всегда привозил много всякой дичи, до кроншнепов включительно, и тогда у нас были настоящие лукулловские ужины.

В дни дневок проделывали выводку всем лошадям; на больших, часто в несколько часов, остановках проделывали

¹⁴² Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) – железнодорожная магистраль в Северо-Восточном Китае, проложена с запада на восток от ст. Маньжурия до ст. Суйфыньхэ с южным ответвлением Харбин-Далянь (Дальний). Общая протяженность путей – 2427 км. Построена в 1897–1903 гг. на финансовые средства Российской империи в соответствии с русско-китайским договором 1896 г. Во время войны 1904–1905 гг. по КВЖД осуществлялось все снабжение русской армии.

учения с людьми и поездку лошадям наиболее в ней нуждавшихся.

Путь, начиная с Уфы, пролегал по местности, поражавшей своей красотой, особенно перевал через Уральский хребет. Реки, начиная от реки Белой, удивляли обилием и чистотою воды. Мне не пришлось взглянуть вглубь страны, но что наблюдалось из окон поезда, создавало впечатление, что Сибирь есть страна солнца и света. Даже переезд по тайге между станциями Обь и Иннокентьевской, который мы совершили в семь суток, не составил в этом исключения. Насколько было видно глазом, тайга представляла как бы сплошной ковер. Роскошные травы, местами высотой в аршин и более, цвели всеми красками: красной, синей, желтой, белой. Выкошены были лишь некоторые небольшие отдельные площади, остальное росло и цвело, как хотело.

На станции же Обь, где нашему эшелону была назначена дневка, произошел последний тяжелый эпизод. Там я застал два эшелона Черноморского полка, к приходу которых на станцию подъехали из города Челябинск и его окрестностей родные проезжавших, которые привезли с собой на подводах целые бочки с водкой и всякие съедобные припасы и так наугощали черноморцев, что все было распьяно.

Попрекнув батальонных командиров за то, что они допустили подобное угощение, я приказал немедленно удалить со станции всех родных, людей собрать в свободные амбары и начать посадку, как только подадут вагоны.

Надо отдать справедливость людям, что они все беспрекословно выполнили и не пришлось прибегнуть ни к каким крутым мерам. Только когда на другое утро я вышел на станцию, то на перроне оказалось до 50 черноморцев, в том

числе 20 унтер-офицеров, которые на мой вопрос, что они тут делают и почему остались, ответили:

– Отлучились в город и, опоздав, отстали от эшелона.

Тут же объявил им, что все они по прибытии в полки будут примерно наказаны.

– А вы, унтер-офицеры, как недостойные доверия, кроме того, будете разжалованы в рядовые.

Пройдя вдоль станции и завернув за угол, я увидел сидящими на вагонетке фельдфебеля и молодую бабу редкой красоты, которая держала его за руки. При виде меня оба встали и потупились.

– Как ты, фельдфебель, и отстал от эшелона? А ты, голубушка, как же так подвела мужа, ведь я его простить не могу и должен его сместить.

Баба стояла потупившись, только отпустив руку мужа, и не проронила ни слова. У меня не хватило духу его разжаловать, и я только сместил его в младшие унтер-офицеры.

Распоряжением коменданта станции все отставшие были отправлены с первым проходившим поездом вдогонку своим эшелонам, а я, передав телеграммой командиру полка все происшедшее, приказал наложить на всех строжайшее взыскание. Этот случай произвел на всех неприятное впечатление. Начинать поход с такой расправы было тяжело, но колебаться не приходилось.

Имея в своем распоряжении почти целый день, мы с начальником штаба взяли извозчика и проехали в город Ново-Николаев, возникший в нескольких верстах от станции всего девять лет тому назад, но успевший принять вид

настоящего города. Подъезжая к нему, мы ясно слышали, как военный хор играл марш Семеновского полка. Мы оба были семеновцы и не могли ошибаться, но недоумевали, кто мог в этой глуши играть семеновский марш. На вопрос, какая это слышна музыка, извозчик ответил:

– Это, верно, на городской площади в бывшем магазине.

– Так вези нас туда.

Магазин помещался в большом одноэтажном каменном доме, представлял из себя маленький Мюр и Мерелиз, где все можно было достать, до граммофона включительно. Войдя в магазин, мы попросили еще раз проиграть марш, объяснив, что это наш, полковой. Заведовавший граммофонами не только исполнил нашу просьбу, но, проиграв марш, сейчас же поставил пластинку Вяльцевой.¹⁴³ Даничка Скалон растаял, и мы прослушали весь ее репертуар. Взять с нас деньги за игру наотрез отказались, и мы, чтобы выйти из неловкого положения, купили разных вещей. Я, между прочим, купил несколько аршин кисеи, чтобы закрываться от мух, и утюг, который за поход оказал нам неоценимые услуги. Все денщики штаба гладили им офицерское белье и достигли в глаженьи большого совершенства.

¹⁴³ Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913) – русская певица. Будучи самоучкой, стала в начале XX века популярнейшей русской эстрадной певицей, исполнительницей цыганских романсов, артисткой оперетты. Ее концерты всегда вызывали шумный успех, граммофонные пластинки с ее записями выходили огромными тиражами. В 1904 г. вышла замуж за офицера лейб-гвардии Конного полка В. В. Бискупского.

Несколько отдельных эпизодов дают наглядную картину тамошних нравов. Так, осматривая город Курган, по которому нас возил старик извозчик, мы разговорились с ним, и он охотно отвечал на все вопросы. Когда же Скалон его спросил:

– А ты давно тут и как сюда попал?

Старик сперва промолчал, а потом проговорил:

– Здесь не Рассея, чтобы спрашивать, как сюда попал.

И больше не проронил ни слова. Нам стало жалко старика и как-то неловко перед ним. Очевидно, он был из сосланных, а может быть даже из каторжников.

На станции Хайлар буфетчик нас не только хорошо накормил, продал нам несколько жестянок французского консервированного масла, которое оказалось превосходного качества, но и счел долгом занять нас разговором:

«Ох, трудное наше дело, со здешним народом прямо беда. У меня еще другой буфет, куда на днях я и выехал. Вдруг получается телеграмма: «Приготовить обед на 40 сестер Кауфмановской общины, приезжающих с поездом...». Времени оставалось в обрез. Жена к повару и говорит:

– Вот такая телеграмма, надо скорее готовить обед.

А он, пьяный, отвечает:

– Не желаю готовить.

Жена его упрашивать, а он затвердил – не желаю, да и конец. А ведь не сготовь обеда, отнимут буфет. К счастью, я в это время вернулся. Узнав от жены, в чем дело, я прямо на кухню к повару:

– Готовь обед.

– Не желаю.

– Готовь обед.

– Не желаю.

Я как схватил его за шиворот, да на горячую плиту. Как зашипел на плите, смирился и говорит:

– Буду, буду готовить.

Я его еще не так проучу».

В дальнейшем пути, на одной из небольших станций вместо 20 минут мы простояли часа два. Обойдя станцию, я обратил внимание на деревянную часовню, поставленную у перрона, и спросил работавшего тут же сторожа пути, в память чего поставлена тут часовня.

– Не знаю право, знаю только, что поставил ее подрядчик, строивший станцию. Вы лучше всего спросите на телеграфе, там, наверное, знают.

Когда я вошел на телеграф, передо мной оказалась телеграфистка, красивая молодая девушка, настоящая барышня, в лучшем смысле этого слова, на которой во всем лежал отпечаток хорошего воспитания, принадлежности к хорошему обществу. Она очень любезно ответила мне на все вопросы. Оказалось, часовню поставил подрядчик по собственному почину в память всех умерших на работах. На вопрос – не мешаю ли я ей, она просто ответила:

– Нет, пока аппарат молчит, я свободна, – спросила, знаю ли я сколько-нибудь Забайкалье, и когда я ответил, что впервые проезжаю по этой дороге и никогда раньше не был в Сибири, рассказала, какой это великолепный край. Хотя зимой морозы доходят до 30 градусов, но мягкость воздуха, постоянное солнце делают так, что морозы легко переносятся, а лето прямо великолепное, полевые цветы до

дикого гелиотропа включительно, только без запаха. Про богатство же края минералами, целебными источниками и говорить нечего.

Помня эпизод с извозчиком, я не спросил ее, как она попала в Курган. Но она сама рассказала, что ее родители живут в Красноярске, она вот уже два года служит здесь на телеграфе, и так как хорошо знает языки, то получает 120 рублей в месяц и квартиру. На вопрос, как ей живется с сослуживцами, она ответила – вполне хорошо, все к ней очень внимательны и даже заботливы. На этом мы с ней расстались. Осталось чувство, будто на часок попал в родную среду.

От станции Иннокентьевской (Иркутск) дорога идет долиною реки Ангары и ее притока Хилока до самого озера Байкала. Поражает не только красота местности, но и красота воды. Обе реки текут по каменистому грунту, вода прозрачная, как горный хрусталь, такая холодная, что даже в июле температура воды доходит лишь до +8 °R.

Само озеро Байкал поражает своей мрачной красотой, но вода так чиста и прозрачна, что малейшие предметы на дне озера ясно видны на глубине несколько сажень. Круго-Байкальская дорога еще не была построена, и мы совершили переправу на пароме «Байкал», который принимал на себя груженные вагоны прямо с пути. Лошадей впервые, по указанию заведующего передвижением войск, поставили и на верхнюю палубу. Несмотря на конец июля, погода выдалась бурная, и переезд вышел очень трудный, настолько, что мы всю ночь провели на палубе, чтобы не возникло какого-нибудь переполоха.

На станции Нижнеудинск ко мне подошел начальник станции с вопросом:

– Вы генерал Экк?

– Да.

– Вам телеграмма.

Я думал, какое-нибудь распоряжение, не торопясь вскрыл. Но, взглянув на нее и увидав, что телеграмма извещала о рождении государя наследника цесаревича, я приказал тотчас же построить эшелон, прочел всем радостную весть, поздравил всех и приказал при помощи буфетчика устроить людям какое только возможно угощение. Просил всех офицеров к столу, а сам прошел на телеграф и передал вперед по пути командиру Черныярского полка: «Ввиду дарованной Провидением великой радости и счастья всем на Руси рождением наследника цесаревича, всех виновных простить, восстановить всех в прежних званиях». Восстановленный в звании фельдфебель доблестно заявил себя в первых же боях, был награжден Георгиевским крестом IV степени, в дальнейшем III и II. За Мукденские бои произведен в зауряд-прапорщики, то есть в офицеры. Вспомнив про его жену, написал ей письмо, поздравил ее и рассказал, как ее муж доблестно загладил свою вину. Простил и Зайцева.

Буфетчики, два грузина, сделали все, что могли, и люди получили в дополнение к своему обеду, который у нас варился в пути в походных кухнях, приспособленных на платформах, и мясо, и птицу, и баранину, которые делили между собою по взаимному соглашению, каждый что-нибудь да получил.

Когда мы кончили обедать, я подозвал Фому и послал его в буфет поесть, а главное – узнать мне, кто эти буфетчики, из которых один был настоящий господин; каким путем они сюда попали? Фома доложил, что они оба сосланные на поселение, тот, который обратил на себя мое внимание, принадлежал к старой дворянской семье, был сослан на 10 лет за то, что слишком шибко жил в Одессе. Что-нибудь да не так, за бурную жизнь навсегда не ссылают в места отдаленные. Да, правда, что при этом он раз в азарте спора убил кинжалом спорившего с ним. Другой, простой человек, не сказал, за что был сослан. Теперь оба хорошо живут и дела идут бойко.

Вообще, меня удивило, как много в Восточной Сибири поселилось грузин и имеретин. Например, в Харбине почти все гостиницы и рестораны были в их руках. И тамошний климат они хорошо переносили.

В Харбине нам была назначена дневка, но мы настолько опоздали, что пробыли всего несколько часов. Все же я успел проехать к своему товарищу по академии генерал-майору Надарову,¹⁴⁴ командовавшему войсками в тылу, и у него узнал все новости с фронта. В то время начались бои под

¹⁴⁴ Надаров Иван Павлович (1851–?) – русский генерал. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1901 г. генерал-лейтенант, военный губернатор Забайкальского округа и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Во время Русско-японской войны – главный начальник тыла Маньчжурской армии. В 1908 г. генерал от инфантерии, вышел в отставку.

Ляояном,¹⁴⁵ бои упорные, в которых мы постепенно переходили к обороне, и хотя медленно, но все же шаг за шагом отступали. С Надаровым, с которым мы в течение всего времени пребывания в академии ежедневно играли четверную партию в шахматы, с выпуска, с осени 1877 года, встретились впервые, не выдавшись свыше 26 лет. Обрадовались друг другу и побеседовали часа три. В Харбине жил еще один мой товарищ, с которым мы жили в Петербурге на одной квартире и на всех съемках в одной избе, также участник нашей партии. Но он был в отъезде, и мы с ним так и не свиделись. Из всей беседы с Надаровым вполне выяснилось, что война затягивается, принимает крайне упорный характер, причем японцы напрягают все силы, чтобы одержать верх и добиться для себя утверждения на материке.

В тот же день мы тронулись дальше, имея конечной целью станцию Шахе-Южная. На станции Мукден мы впервые вошли в сферу боевых действий. Тут съехались несколько эшелонов. На вокзале сидели, ходили, выходили массы офицеров. Приезжавших с юга тотчас же обступали, расспрашивали про бои, про настроение в армии, про Куропаткина. Эшелон беспрепятственно проследовал к станции Шахе-Южная. Нас поставили на запасной путь, и тут ожидали первые сюрпризы.

¹⁴⁵ Сражение около г. Ляояна продолжалось с 11 по 22 августа 1904 г. и закончилось с неопределенным итогом. Русская армия организованно отступила к г. Мукдену, японцы не рискнули продолжить наступление. Русские войска потеряли около 16 тысяч человек и 8 орудий, японские – 24 тысячи человек.

Оказалась, что по приказанию командующего армией, 281-й Дрисский полк был высажен в пути и двинут на запад к городу Симентину, где и вошел в состав отряда¹⁴⁶ генерал-майора Косаговского.¹⁴⁷ 283-й Бугульминский полк был также высажен ночью и двинут прямо в бой в поддержку 3-му Восточно-Сибирскому корпусу,¹⁴⁸ и не могли точно сказать, где сейчас находится. 282-й

¹⁴⁶ Отряд генерал-майора В. А. Косаговского в середине сентября 1904 г. имел в своем составе 4 батальона 71-й пехотной дивизии, 1 батальон 1-й Сибирской пехотной дивизии, 8 орудий 28-й артбригады, 4 орудия 4-го Сибирского артдивизиона и 3 сотни Амурского казачьего полка – всего 6 батальонов, 12 орудий и 3 сотни.

¹⁴⁷ Косаговский (Коссаговский) Владимир Андреевич (1857–1918) – русский генерал, военный востоковед. В 1900 г. генерал-майор. В 1904 г. был назначен состоять при командующем войсками Кавказского военного округа, «заведовал обучением персидской кавалерии». Позднее состоял в распоряжении командующего Маньчжурской армии. Во время Русско-японской войны командовал Ляохейским отрядом, Ляолянским гарнизоном, Сибирской казачьей дивизией, Отдельной Приамурской сводно-казачьей бригадой, Корейским отрядом. В 1906 г. вышел в отставку. Собрал богатый архив, библиотеку книг о Востоке (в основном, о Персии), а также коллекцию восточного оружия и предметов искусства.

¹⁴⁸ 3-й Сибирский армейский корпус в августе – сентябре 1904 г. насчитывал 16 700 штыков. В состав корпуса входили 3-я и 6-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, 6-й Енисейский и 7-й Красноярский пехотные полки, 2-й Читинский казачий полк, 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон.

Черноярский – высадился тут несколько дней тому назад и стоял биваком близ соседней деревни Ламаюань. 284-й Чембарский полк и 28-я артиллерийская бригада находились в пути, причем последняя начала высаживаться лишь с вечера следующего дня.

Два дня мы простояли в вагонах и затем получили указание штаба стать в деревню Ламаюань. Для штаба была отведена обширная кумирня, в которой стояли 23 китайских бога. На мое указание китайскому чиновнику, что неудобно стоять в кумирне, ведь придется же в ней и спать, и есть, и курить, и работать, чиновник сказал:

– Пожалуйста, живите как вам удобно, можно и говорить, и есть, и курить, лишь бы только не трогали свечей, поставленных около каких-то ящичков и против маленьких статуэток, и не тушили бы зажженных свечей.

Мы расположились как могли, но чувствовали себя неуютно среди этих богов: у всех были злые лица, у каждого иное положение рук, но у всех как бы грозящее.

Как только установили поезд на запасном пути, я сел верхом и выехал на бивак черноярцев. Застал полк на купанье, почти все люди были в воде. Заехав в реку среди купающихся, которые все встали, я поздоровался с полком. Ответив на приветствие, полк встретил меня громким продолжительным «ура». Очевидно, настроение было хорошее.

Со второго дня начали высаживаться чембарцы и последняя батарея 28-й артиллерийской бригады. В Черноярском полку уже шли ежедневные занятия.

Недолго пришлось нам жить в кумирне. На другое утро, 11 августа, в семь часов утра пришла телеграмма начальника

полевого штаба: командующий армией приказал дивизии выступить с получением сего и следовать по Большой Мандаринской дороге на Ляоян с таким расчетом, чтобы быть в Ляояне не позднее полудня 12 августа. Такое требование при тогдашнем состоянии путей как бы указывало на то, что требуется поддержка в бою. Период дождей еще только заканчивался, дороги представляли из себя одну сплошную топь. До Ляояна было 28 верст. Черноярский полк был на учении, Чембарский заканчивал высадку.

Приказав полкам изготовиться к выступлению, стал при помощи переводчиков искать проводников. Нашлись трое, которые согласились провести нас проселком, через сплошное море гаоляна до Большой Мандаринской дороги. Приходилось пройти девять верст, не видя ничего, кроме неба сверху, а кругом одни верхушки гаоляна.

К 10 часам утра все были готовы, и мы тотчас же выступили. С большим трудом в три с половиной часа прошли мы эти девять верст, почти сплошь в воде и жидкой грязи. Но когда вышли на Большую Мандаринскую дорогу, то увидали, что пока были одни цветочки, а ягодки нас поджидали на этом ужасном тракте, проложенном по сплошной лесной почве. Дав часовой привал, двинулись дальше, утопая в липкой светло-желтой жирной грязи, шли до полных сумерек и стали на ночлег в двух деревнях, расположенных по обе стороны дороги, в 11 верстах от Ляояна. Подъем назначил в три часа утра. Часов с девяти вечера пошел сильный частый дождь и шел, не переставая, всю ночь. Когда настало время тронуться, орудия оказались настолько всосанными в размокшую почву, что никакие усилия лошадей и номеров сдвинуть их не могли. Пришлось

прибегнуть к героическому средству – нанять три фанзы, сложить в них вещевые мешки и шинели пехоты, взяв на людях лишь патроны и хлеб, оставить в фанзах караул и, приставив к каждому оружию по взводу пехоты, двинуться в дальнейший путь.

С неимоверным трудом прошли мы пять верст и в 11 часов утра встали на привал в шести верстах от Ляояна. Были слышны орудийные выстрелы, но кругом все было спокойно. Вскоре прибыл еще с вечера направленный мною в главную квартиру полковник Скалон и привез следующее приказание: штабу дивизии с 284-м Чембарским полком стать в деревню Савогодзе. 282-й Черноярский полк направить в Ламатунь. Командующему дивизией прибыть в Ляоян к командующему армией для получения дальнейших указаний.

Удивленный таким приказанием, я невольно спросил:

– Значит, не требовалась немедленная поддержка в бою?

– По-видимому нет, и бои как бы затихли.

Пригласив командиров полков, я отдал соответствующее распоряжение, разрешил отобедать, затем, дав людям хорошенько отдохнуть, разойтись по назначенным местам. Сам поехал в Ляоян к генерал-адъютанту Куропаткину, жившему в специальном поезде.

Сперва зашел к начальнику полевого штаба, генерал-лейтенанту Сахарову,¹⁴⁹ тоже одного со мной выпуска

¹⁴⁹ Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – русский военачальник. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1904–1905 гг. начальник полевого штаба Главнокомандующего всеми морскими и сухопутными силами, действующими против

из академии. Когда мы обнялись и поцеловались, Сахаров спросил:

– Так ты дошел и с артиллерией, и с обозом?

– Да как же было не дойти, ты разве не помнишь текста своей телеграммы? Я был уверен, что требуется боевая помощь, и прибег к чрезвычайным мерам, дошел в полной готовности вступить в бой. А каково будет теперь подвезти к частям оставленные под караулом шинели и мешки?

Сахаров:

– Ну, другие нас так не балуют и больше шести-десяти верст в день переходов не делают.

От Сахарова прошел к командующему армией. Генерал-адъютант Куропаткин встретил меня очень тепло и высказал следующее:

– Вам назначено занять укрепленные позиции у д. Савагодзе, изучите их внимательно со своими командирами полков, так как вам на этих позициях придется умирать. Прошу вас при каждой возможности приезжать ко мне, дабы мы могли обо всем подробно переговорить, оставайтесь почаще у нас обедать, чтобы со всеми познакомиться и быть в курсе событий. Ваши части, привлеченные в бой, заявили себя очень хорошо. Да и ваш сегодняшний подход свидетельствует, что в трудные минуты мы можем на вас положиться.

На другое же утро мы приступили к осмотру вверенной нам позиции. Нас поразило то, что батареи были построены на самых макушках сопков и представляли отлично видимую

Японию. С 1906 г. – командир 7-го армейского корпуса. В 1908 г. – генерал от кавалерии.

для противника цель. На вопрос командира артиллерийского дивизиона, полковника Булатова, заставлю ли я их занимать эти батареи, я определенно ответил:

– Нет, нам придется самим выбрать соответственные места по тальвегам¹⁵⁰ за склоном гор и самим построить новые батареи; к постройке приступить немедленно, необходимый наряд рабочих будет сделан от пехоты, но прошу все, что только возможно, делать собственными средствами артиллерии.

Так проработали мы 14, 15 августа. 16-го был день полкового праздника 284-го Чембарского полка.

Для молебна полк был выстроен на небольшой площадке впереди бивака. Последние дни были жаркие, солнечные, мы успели обсохнуть и обчиститься. Богослужение совершалось под неумолкаемый гул артиллерийской канонады. Все видимые глазом сопки были как бы окутаны клубами белого дыма от непрерывно лопающихся шрапнелей. Зрелище было захватывающее.

Во время богослужения пошел дождь, и тут мы впервые наглядно увидели, какой страшной стихией становилась вода в период тамошних дождей. Наша фанза отделялась от места молебна мелким ручейком, через который я легко перескочил. А через каких-нибудь полчаса после начала дождя от фанзы нас оделяла бурная река, которую мы с трудом переехали, стоя в двуколке. Проходивший через

¹⁵⁰ Тальвег – в широком смысле – дно долины. Конкретнее, тальвег – это линия, соединявшая наиболее пониженные участки дна реки, долины, оврага, балки и других вытянутых форм рельефа.

деревню Сибирский артиллерийский дивизион¹⁵¹ прошел через эту реку, имея воду выше брюха лошадей, орудия в воде.

Умирать нам на Савагодзских позициях не пришлось, так как 14-го утром пришло приказание: 282-й Черноярский полк передать в распоряжение коменданта г. Ляояна для размещения в фортах. 284-й Чембарский и 28-ю артиллерийскую бригаду – в распоряжение командира 4-го Сибирского корпуса.

Исполнив в точности приказание, я поставил осиротевший штаб в д <...> и сам поехал к командующему армией узнать свою дальнейшую судьбу. Генерал-адъютант Куропаткин встретил меня словами:

– Здравствуйте, Экк, ну, вас постигла общая участь, и вы остались без дивизии. Но я о вас уже подумал и подыскал войска; я вам верну Чембарский полк, потом дам Выборгский полк,¹⁵² который вы легко разыщете, он только на днях высадился здесь, и я его смотрел. Как кавалерию дам 1-й Аргунский казачий полк¹⁵³ и артиллерию – два

¹⁵¹ Точные номер и название дивизиона неизвестны.

¹⁵² 85-й пехотный Выборгский полк сформирован в 1700 г. как пехотный Ивана Кулома полк. С 1727 г. – Выборгский пехотный полк, с 1864 г. – 85-й пехотный Выборгский полк. В 1914 г. входил в состав 22-й пехотной дивизии 1-го армейского корпуса. Дислокация – Новгород.

¹⁵³ 1-й Аргунский полк сформирован в 1900 г. как 4-й Забайкальский казачий полк. Входил в состав Забайкальского казачьего войска.

дивизиона сибирской резервной артиллерии. Эти части будут направлены к д. Туадагау, и вы составите резерв командира 18-го армейского корпуса генерала от кавалерии Бильдерлинга.¹⁵⁴

Знал я, что перемешивание частей стало хроническим явлением в Маньчжурской армии, но все же такого быстрого расхищения дивизии не ожидал, и понятно, на душе не могло быть спокойно.

85-й пехотный Выборгский полк я быстро разыскал на биваке под самым Ляояном. Это был головной эшелон 1-го армейского корпуса. 17-го же вечером вернулся к штабу дивизии 284-й Чембарский полк и с ним, случайно, 5-я батарея 28-й артиллерийской бригады. Явился и командир 1-го дивизиона 1-го Аргунского казачьего полка Забайкальского казачьего войска, а на другое утро, 18 августа, прибыли два дивизиона сибирской резервной артиллерии.

Все эти части была направлены к деревне Туадагау, где и стали: 85-й пехотный Выборгский и 287-й пехотный Чембарский полки на биваке у селения Туадагау; дивизион 1-го Аргунского казачьего полка квартиро-биваком в самом селе; артиллерия на позиция уступом сзади бивака пехоты.

¹⁵⁴ Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912) – русский военный и общественный деятель, исследователь, художник. В 1904 г. генерал от кавалерии, командир Восточного отряда, затем командир 17-го корпуса и Западного отряда. В сражении под Мукденом – командующий 3-й Маньчжурской армией, а осенью 1905 г. – 2-й. С ноября – член Военного совета.

Тотчас же была установлена связь с 35-й пехотной дивизией,¹⁵⁵ которая вела бои впереди нас. Сам я поехал к командиру 18-го армейского корпуса, генералу от кавалерии Бильдерлингу, стоявшему со штабом корпуса в четырех верстах за нами, и получил от него приказание оставаться на занятых нами местах, так как его резерв непосредственно в его распоряжении.

То были дни, когда генерал Куроки,¹⁵⁶ потеснив наши войска, успел переправить часть своих войск на правый берег р. Тай-цзы-хэ в районе д. Секвантун и двинуть их на Янтайские копи, в обход нашего левого фланга. Высланная против обходящих частей бригада была разбита и в беспорядке отошла.

Для восстановления положения был направлен 1-й Сибирский корпус,¹⁵⁷ выдержавший уже целый ряд упорных

¹⁵⁵ 35-я пехотная дивизия сформирована в 1863 г. В 1914 г. входила в 17-й армейский корпус. Состав дивизии: 137-й пехотный Нежинский, 138-й пехотный Болховский, 139-й пехотный Моршанский и 140-й пехотный Зарайский полки, 35-я артиллерийская бригада.

¹⁵⁶ Тамэмото Куроки (1844–1923) – японский генерал, граф. Во время Русско-японской войны командовал 1-й армией. Высадив свои войска в Чемульпо в середине февраля 1904 г., Куроки занял Корею и заставил отступить небольшой русский отряд в сражении на реке Ялу. Командовал той же армией в сражениях при Ляояне, на реке Шахе и под Мукдене.

¹⁵⁷ 1-й Сибирский армейский корпус в августе 1904 г. насчитывал 19 700 штыков. В состав корпуса входили 1-я и 9-я

боев, особенно 17 августа на горе Маятунь, когда корпус в течение целого дня был под непрерывным артиллерийским огнем не слыханного дотоле напряжения. Гора Маятунь от вершины до подошвы буквально как бы курилась, вся окутанная клубками дыма рвавшейся шрапнели. К счастью, несмотря на столь напряженный огонь, войска 1-го Сибирского корпуса особых потерь не понесли, но были как бы подавлены этим огнем и корпус двинулся очень вяло, прошел в течение дня всего восемь верст и существенной пользы не принес. 19-го к Янтайским копям подошла Сибирская казачья дивизия¹⁵⁸ генерал-майора Самсонова, которая остановила дальнейшее продвижение японцев.

В течение всего 18 августа и утра 20-го вверенный мне резерв оставался в бездействии и за это время был очевидцем двух паник: поздно вечером 19-го к биваку Чембарского полка подошел офицер с небольшой командой людей и просил принять от них знамя одного из полков 35-й дивизии. Получив об этом донесение, я немедленно прибыл на бивак и потребовал от офицера донесения, каким образом он мог со знаменем отделиться от полка. Офицер доложил следующее:

– Я офицер артиллерийского парка и стою со своим отделением недалеко от вашего бивака. Знамя с приведенной мною группой солдат приблудилось к нашему отделению, и так как я не мог добиться от людей, что именно

Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, Уссурийская конная бригада, 1-й Восточно-Сибирский саперный батальон.

¹⁵⁸ Сибирская казачья дивизия сформирована в 1904 г. Состав дивизии: 4, 5, 7 и 8-й Сибирские казачьи полки.

случилось и где их полк, то и решил принести знамя к ближайшей части и сдать под ее охрану.

Я приказал знамя принять, поставить вместе со знаменем Чембарского полка и уведомить командира о месте нахождения знамени.

Не успел я вернуться в фанзу, как вновь прибежали доложить, что к биваку на полных рысях подъехал дивизион 35-й артиллерийской бригады,¹⁵⁹ оставившей позицию. Выслушав сбивчивые объяснения командира дивизиона, я приказал ему успокоить людей и под конвоем двух сотен 1-го Аргунского казачьего полка вернуться на боевую позицию. Об обоих случаях уведомил начальника 35-й пехотной дивизии и донес генералу Бильдерлингу.

Но каково было мое удивление, когда артиллерийский дивизион вновь прибыл к биваку и командир доложил, что начальник дивизии ему объявил, что он в нем не нуждается, и приказал идти обратно в тыл.

Я приказал дивизиону стать на позицию с Сибирскими резервными дивизионами и вновь донес генералу Бильдерлингу. Через некоторое время, уже после полуночи, мимо бивака прошел в тыл 137-й пехотный полк,¹⁶⁰

¹⁵⁹ 35-я артиллерийская бригада сформирована в 1874 г. В 1914 г. входила в состав 35-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Рязань.

¹⁶⁰ 137-й пехотный Нежинский Е. И. В. великой княгини Марии Павловны полк сформирован в 1796 г. как Екатеринбургский мушкетерский полк. С 1875 г. – 137-й пехотный Нежинский Е. И. В. великого князя Александра Владимировича полк. С 1877 г. – Нежинский Е. И. В. великой княгини Марии Павловны полк. В

командир которого объяснил начальнику штаба дивизии, что он решил отвести полк назад и лично доложить командиру корпуса о положении дела на передовой позиции.

Так прошла ночь на 20 августа. Все эти случаи не могли не повлиять неблагоприятно на настроение вверенной мне пехоты, еще не бывавшей в бою. Но, очевидно, серьезной катастрофы не было, так как японцы не произвели общей атаки, бой затихал и наши части сохранили свои позиции.

20-го с рассветом возобновился бой, но японцы ограничивались лишь сильным обстрелом нашей позиции и отдельными частичными атаками на некоторых участках. Я все время стоял на продольном горном массиве к юго-западу от д. Туадагау, который на наших картах заканчивается поперечным массивом 131, от которого уже идут скаты к деревне Секвантун, и наблюдал за ходом боя. Впечатление было такое: или японцы не переправили на правый берег р. Тай-цзы-хэ достаточно сил, чтобы начать решительную атаку, или они вообще недостаточно сильны. Около полудня подошел 4-й Сибирский корпус и стал за расположением 35-й пехотной дивизии, левее упомянутого мною массива. Одновременно прибыл на поле сражения и командующий армией.

В час дня прибыл на продольный массив генерал от кавалерии Бильдерлинг и приказал мне атаковать деревню Секвантун и овладеть ею.

1914 г. входил в состав 35-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Рязань.

Прямо от д. Туадагау я поднял оба полка на гору, мало обстреливаемую японцами, и повел наступление: Выборгским полком – по правой стороне в связи с частями 10-го армейского корпуса,¹⁶¹ который вел бой правее нас и части которого по мере нашего продвижения отходили вправо к своим участкам, Чембарским полком – по левой стороне массива.

Первое время полки наступали чрезвычайно нервно, части залегали, и было трудно их поднимать. Но затем, обтерпевшись, прошли безостановочно вплоть до самого поперечного массива, заняли его и двинулись на д. Секвантун.

Одновременно с пехотой мы, с чрезвычайными усилиями, на руках людей подняли наверх одно орудие, которое дошло с нами до поперечного массива, откуда открыло огонь по д. Секвантун.

Наблюдавший за боем генерал-адъютант Куропаткин прислал мне записку: «Действия одобряю. Овладев д. Секвантун, прочно закрепитесь на массиве 131. Завтра на рассвете вся армия перейдет в наступление».

Самая атака д. Секвантун произошла в темноте. Наши части ворвались в нее с двух сторон. Выборжцы с северо-западной, Чембарцы с северо-восточной стороны.

Несколько опередившие Чембарцев, выборжцы ворвались первыми, в азарте и темноте не разобравшись, приняли

¹⁶¹ 10-й армейский корпус в августе 1904 г. насчитывал 18 000 штыков. В состав корпуса входили 9-я и 31-я пехотные дивизии, 1-й саперный батальон и 1-й Оренбургский казачий полк.

ворвавшихся Чембарцев за японцев, дали по ним залп и сцепились в рукопашную.

К счастью, недоразумение скоро разъяснилось, роты разобрались и увидали, что они полные хозяева деревни, японцы отошли по направлению к реке. Это столкновение между своими, по счастью, не имевшее никаких дурных последствий, оказало удручающее впечатление на обоих командиров полков. Напрасно я их успокаивал, поздравляя с первым успехом, одержанным притом с очень малыми потерями – всего четыре офицера и около двухсот солдат убитых и раненых, командиры не могли прийти в себя. Нервность командиров, естественно, передавалась и в полки. Особенно нервничал командир Выборгского полка, настолько, что, оставив две роты в д. Секвантун и выставив охранение, остальную часть полка пришлось поднять на поперечный массив 131 и всю ночь неотлучно оставаться при командире. В Чембарский полк послал своего начальника штаба. О сне нечего было и думать, да со мной не было никаких вещей, кроме непромокаемого плаща.

Со стороны противника не было попыток к наступлению, и ночь прошла благополучно. С первыми проблесками рассвета японская артиллерия открыла по нас редкий огонь, снаряды ложились в долины, и мы потерь не несли. Тем не менее полковник Заинчковский настоятельно меня упрасивал дать разрешение на спуск полка с высоты. Я старался его успокоить и, наконец, обещал, что дам разрешение при первых же потерях. Рассвело совсем, но никакого шевеления с нашей стороны не было. В начале шестого часа, далеко влево, вероятно, на крайнем левом фланге 35-й дивизии, одна из наших батарей начала

отвечать на огонь японской артиллерии и, сделав несколько выстрелов, замолчала.

Помня содержание записки генерал-адъютанта Куропаткина, я прямо недоумевал, почему мы не переходим в решительное наступление.

Так продолжалось до 10 часов утра. Огонь японской артиллерии не усиливался, скорее, временами как бы замирал и не причинял нам потерь.

В это время со стороны расположения 35-й дивизии показался казачий разъезд, коней 10–12, который, подойдя к подножью массива, остановился. Один из всадников спешил и начал подниматься к нам. На полпути он вдруг как бы сел, но затем снова пошел и добрался до вершины, на которой находился я. Явившись мне, он, прежде всего, спросил:

– Разве вы, Ваше превосходительство, не знаете, что вся армия еще в ночь отступила и вы тут совсем один и я долго вас разыскивал? Одновременно передал мне записку от начальника штаба 17-го корпуса.

– Командир корпуса приказал вам, заняв 85-м пехотным Выборгским полком поперечный массив 131, Чембарский полк спустить в д. Туадагау и ожидать дальнейших приказаний. И ничего больше.

Когда я сообщил это приказание командиру Выборгского полка, полковник Заинчковский вновь пришел в волнение, что полк значит обрекается на гибель.

Меня, наконец, взорвало, и я ему резко ответил:

– Да на какую же гибель, когда никто на вас не наступает и потерь вы не несете.

После этого я стал спускаться в д. Туадагау. Помимо всего меня беспокоила судьба моей Авроры, сумел ли вестовой в полной тьме вывести ее к штабу или мне предстояло остаться без верховой лошади. Но, как почти всегда бывает в самые тяжкие минуты, какая-нибудь мелочь да отвлечет и поможет вернуться к действительности. Я почти совсем спустился к подножью и уже была видна д. Туадагау, навстречу мне шел солдат Чембарского полка. Просвистевший в это время снаряд ударился в землю у самой ноги солдата, но настолько глубоко ушел в грунт, что не разорвался. Солдат же был как бы брошен на землю. Через несколько мгновений он встал невредим, подобрал фуражку и, истово крестясь и ругаясь самой скверной бранью, снова пошел по прежнему направлению. Поравнявшись со мной, стал во фронт и ясно ответил на мое приветствие.

В д. Туадагау капитан Мухин тотчас же угостил нас горячим супом, что было очень кстати, ибо мы почти ничего не ели с 18 числа. В первом часу дня прибыл ординарец от командира 17-го корпуса с приказанием мне отойти к д. Цофантунь всего верстах в четырех от Туадагау и там занять арьергардную позицию.

Отход совершился беспрепятственно, противник за нами не наступал.

22-го на рассвете я занял прилежащие высоты и оставался на них до двух часов пополудни. Будучи совершенно не ориентирован и видя, что впереди нас все спокойно, я передал командование генерал-майору Путинцеву, а сам проехал к генералу Бильдерлингу, который мне сообщил:

– О вас получено следующее распоряжение: вы с дивизией изъяты из боевого расписания и вас приказано направить прямо к Мукдену.

На мое заявление, что я, занимая арьергардную позицию, не могу ее покинуть ранее, чем буду сменен, генерал Бильдерлинг ответил, что еще с утра сделано распоряжение о смене меня частями 35-й дивизии. На мой вопрос, почему последовала такая перемена, и мы вместо перехода в решительное наступление отошли, тогда как вполне ясно, что против нас был противник, не смогший или не решившийся использовать свои предыдущие успехи, генерал Бильдерлинг ответил, что, по-видимому, на Куропаткина оказали влияние отовсюду поступившие неблагоприятные донесения, колоссальный расход артиллерийских снарядов, и вместо приказа об атаке мы получили приказ ночью начать отход.

В три часа дня меня сменил дивизион 17-го гусарского Черниговского полка,¹⁶² и я, собрав части, двинулся по направлению к станции Янтай.

Уже после шести часов вечера возобновился довольно сильный артиллерийский огонь со стороны японцев, служивший показателем об их сближении с нами. Часам к 10

¹⁶² Автор имеет в виду 51-й драгунский Черниговский полк. Сформирован в 1896 г. В 1898 г. получил шефство великой княгини Елизаветы Федоровны. С 1907 г. – 17-й гусарский Черниговский великой княгини Елизаветы Федоровны полк, с 1911 г. получил шефство великого князя Михаила Александровича. В 1914 г. входил в состав 2-й отдельной кавалерийской бригады 13-го армейского корпуса. Дислокация – Орел.

вечера в полной тьме достигли мы станции Янтай. Здесь меня встретил Генерального штаба подполковник Ломновский, который передал мне приказание командующего армией разыскать находящиеся в районе станции части 71-й дивизии и, разыскав их, безотлагательно следовать к Мукдену.

Я просил подполковника Ломновского доложить генерал-адъютанту Куропаткину, что приказание будет исполнено с первыми проблесками света; сейчас же в этой тьме можно лишь вызвать переполох. Тем не менее я тут же поручил старшему адъютанту Генерального штаба капитану Борку и моим ординарцам обойти соседние с нами части и расспросить о Черноморском и Бугульминском полках.

Все пространство в районе станции было занято войсками, светилось бивачными фонарями и огнями костров. Но при ближайшем осмотре оказалось, что большую часть составляют скопившееся отовсюду войсковые обозы и парки.

К шести часам утра удалось разыскать части Бугульминского полка. Выехавший к станции командующий армией торопил меня, и в семь часов Чембарский полк, два батальона Бугульминского полка и Выборгский полк выступили по направлению на Мукден. Пропустив полки и батареи, я простился с командующим и выехал со штабом вслед за полками. Не успел я отъехать четырех верст, как меня догнал галопом ординарец командующего армией и передал письменное приказание начальника штаба армии: «Командующий возлагает на вас эвакуацию станции Янтай, для чего в ваше распоряжение назначается 11-й пехотный

Псковский полк¹⁶³ и дивизион 17-го гусарского Черниговского полка».

Указав вверенным мне войскам пункты ночлегов, я приказал командирам полков следовать не задерживаясь. По прибытии в указанные пункты тотчас же становиться на ночлег. Сам вернулся на станцию.

Два обстоятельства помогли удачной, спокойной эвакуации станции Янтай. Еще накануне командир 4-го Сибирского корпуса¹⁶⁴ генерал-лейтенант Зарубаев¹⁶⁵ выслал саперных офицеров на все железнодорожные мосты и виадуки, дабы регулировать движение через них и не

¹⁶³ 11-й пехотный Псковский полк сформирован в 1700 г. как пехотный Мевса Псковский полк. С 1864 г. – 11-й пехотный Псковский генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация – Тула.

¹⁶⁴ В состав 4-го Сибирского армейского корпуса в сентябре 1904 г. входили 2-я и 3-я Сибирские пехотные дивизии, 1-я Сибирская артиллерийская бригада, 60 орудий различных Сибирских артдивизионов, 12 мортир Восточно-Сибирского мортирного полка и 4-й Восточно-Сибирский саперный батальон (3 роты).

¹⁶⁵ Зарубаев Николай Платонович (1843–1912) – русский генерал, деятель Русско-японской войны. В 1904 г. генерал-лейтенант, командир 4-го армейского корпуса. С 1905 г. – помощник главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, член Государственного совета. С 1906 г. – генерал-инспектор пехоты, с 1909 г. – командующий войсками Одесского военного округа.

допустить их порчи. Драгоценным помощником, спокойным и энергичным, оказался командир Черниговского дивизиона, который, по соглашению с моим начальником штаба, прекрасно распределил дивизион по пути следования отходящих частей, не допустив ни разу нарушения установленного порядка продвижения.

До эвакуации всех раненых и больных до последнего человека, полотно железной дороги считалось для войск неприкосновенным. Все пехотные части с их артиллерией следовали по грунтовому пути по правую сторону, все парки – артиллерийские и мостовые, а за ними обозы – по грунтовой дороге по левую сторону полотна железной дороги.

Когда же был отправлен последний поезд с ранеными и больными, а в оставшихся еще вагонах и все что уместилось из артиллерийского и интендантского имущества, примерно в два часа пополудни, станция была объявлена закрытой, пехота поднята на полотно железной дороги и тем намного облегчено движение артиллерии, причем явилась возможность в хвост ей направить и часть обоза. На самой же станции я запретил немедленное зажигание интендантских складов, особенно с продовольствием, которое проходившие войска успели разобрать. Равным образом успели взять и из вещевых складов значительную часть имущества. Начальники складов пробовали протестовать, но им было объявлено, что тот, кто осмелится что-либо

поджечь до моего разрешения, будет тут же предан полемому суду по 105-й статье.¹⁶⁶

В четвертом часу дня к станции прибыл начальник арьергарда и объявил, что он будет стоять лишь до первого артиллерийского выстрела со стороны противника. По первому же выстрелу японцев прикажет возобновить отход. На это я ему как бы шутя ответил:

– А я полагаю, что вы будете стоять до тех пор, пока я вам не сообщу, что станция эвакуирована, все склады и сама станция зажжены. А сейчас пройдите вот к тому домику, там вас угостят чаем. А в случае натиска поддержу вас Псковским полком.

К семи часам вечера все было закончено, я отдал приказание зажечь станцию, склады уже пылали. Сам выехал на присоединение к дивизии. По пути убедился, что войска уже прошли, все движение парков и обозов совершилось беспрепятственно, и по пути я от души благодарил саперов и черниговцев за отличное выполнение данного им поручения.

Несмотря на то что это было уже не первое отступление, несмотря на сильное утомление войск, настроение было бодрое, соблюдался полный порядок, в войсках не было признаков чувства поражения.

Переночевав с дивизией, я на другое утро, 25 августа, выступил в шесть часов утра и к вечеру достиг станции Мукден. Расположив части в ближайших двух деревнях, сам

¹⁶⁶ Непонятно, на какое издание по военно-уголовному законодательству ссылается автор – «Воинский устав о наказаниях» (1875) или «Устав военно-судебный» (1885).

со штабом по приглашению коменданта станции переночевал в вагоне на запасном пути.

Прежде чем продолжать рассказ событий, сделаю небольшое отступление, чтобы охарактеризовать начальника разъезда, прибывшего ко мне утром 21 августа на поперечный массив 131, так как во время смуты последних годов он оказался одним из видных деятелей во главе группы войск, образовавшейся на нашей северо-западной границе в 1919–1920 годах. Когда он, поднявшись на сопку, вручил мне пакет, я спросил его:

– Как ваша фамилия?

– Вольноопределяющийся старший урядник Бермонт.¹⁶⁷

¹⁶⁷ Биография Павла Рафаиловича Бермонта (1877–1974) весьма запутанна. Его отцом был грузинский князь Михаил Антонович Авалов, но после развода его мать, урожденная княжна Кутушева, вышла второй раз замуж за штабс-ротмистра Рафаила Бермонта. Он усыновил Павла и дал ему свое отчество.

В 1901 г. зачислен вольнонаемным капельмейстером в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, участвовал в Русско-китайской войне. В 1904 г. по мобилизации зачислен в тот же полк охотником, произведен в младшие, затем в старшие урядники и награжден знаками отличия Военного ордена IV и III степеней. В 1905 г. зауряд-прапорщик, в 1906 г. – прапорщик.

В 1906 г. переведен в Уссурийский казачий дивизион. В 1906–1908 гг. – в распоряжении штаба Московского военного округа, затем прикомандирован к 1-му Донскому казачьему генералиссимуса князя Суворова полку. В 1908 г. корнет, переведен в 1-й уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк. В 1908 или 1910 г. вышел в отставку.

– Вы ранены?

– Да, в ногу, но легко.

На мое предложение пойти на перевязку, он отказался и просил разрешения поехать обратно с разъездом в штаб Сибирской казачьей дивизии, сдать мою расписку и там уже перевязаться. Я, конечно, его отпустил, и больше мы с ним на войне не встречались.

Уже в Москве в начале 1908 года, когда я командовал Гренадерским корпусом, однажды доложили: корнет Бермонт просит представиться. В корнете Бермонте я узнал бывшего вольноопределяющегося, поздравил его с производством и спросил, чем могу ему быть полезным.

Он просил меня определить его корнетом в 1-й уланский Петербургский полк,¹⁶⁸ что кроме меня у него нет никого,

В 1914 г. вновь поступил в армию и к 1917 г. служил в 8-м Граевском пограничном конном полку. Во время Февральского переворота был в Петрограде, где вступил в подпольную организацию профессора Б. Д. Плетнева, затем отбыл в свой полк.

В 1918 г. переехал в Киев, участвовал в формировании Южной армии. После захвата Киева петлюровцами арестован.

В 1919 г. в Германии занимался формированием русских частей, затем Н. Н. Юденичем был назначен «командующим всеми русскими вооруженными силами, сформированными на территории Курляндии и Литвы». Тогда же вернул себе отцовскую фамилию и отчество. После поражения вместе со своей армией интернирован в Германию.

¹⁶⁸ 1-го уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк сформирован в 1707 г. как лейб-регIMENT. С 1775 г. – Санкт-Петербургский драгунский полк, с 1827 г. –

кто бы мог его рекомендовать. Хотя я видел его всего один раз, 20 августа 1904 года, но все его поведение в этот день говорило за него и потому я ему ответил:

– Я сам никогда помимо командира полка и общества офицеров никого не определяю в полк, поэтому вам надо поехать к командиру и просить о приеме, причем, если командир полка спросит, кто бы мог вас рекомендовать, разрешаю сослаться на меня.

Корнет Бермонт был принят в полк, оказался офицером средним, ничем не выдающимся, пробыл в полку с небольшим год и затем оставил службу. Командир полка доложил мне следующее: «Бермонт служил довольно исправно, но не умел уживаться с офицерами и часто ссорился то с тем, то с другим, главным образом по вине своей жены. Недавно у него произошла крупная ссора с полковым адъютантом; в порыве спора Бермонт, вместо того, чтобы потребовать удовлетворения узаконенным для офицерской среды способом, позволил себе ударить полкового адъютанта по лицу. Суд общества офицеров тотчас же приговорил обоих к удалению из полка». Это было, сколько помнится, в конце 1908 года или в самом начале 1910-го. Где он провел последующие восемь-девять лет, не знаю, но с 1918 года он, в чине полковника, стал во главе войск, формировавшихся в Эстонии и Литве и действовав-

Санкт-Петербургский уланский. С 1864 г. – 1-й уланский Санкт-Петербургский Его Величества короля Баварского полк.

С 1882 г. – 2-й драгунский, с 1907 г. – 1-го уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк. В 1914 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Ржев.

ших против большевиков. С 1920 года стал именоваться Бермонт князь Авалов.

Но возвращаюсь к тогдашним событиям. На другое утро, то есть 26 августа, едва успел встать, как мне доложили, что командующей армией просит меня к себе в поезд, и я тотчас же к нему отправился.

Генерал-адъютант Куропаткин высказал мне следующее (привожу дословно):

– Я позвал вас, чтобы поблагодарить за поведение ваших войск, которые теперь все крестились в огне, и доблестно крестились. И потому я решил возложить на вас охрану левого фланга армии. Вы выдвинетесь к д. Импань (78 верст к востоку от Мукдена на берегу р. Хунь-хэ), от которой идет прямой и кратчайший путь через г. Фушун на г. Телин, и я рассчитываю, что вы этот путь отстоите и не допустите японцев выйти нам в тыл. Я знаю, что тут поблизости расположены по деревням Чернойарский полк и остальная часть Бугульминского полка. Я прикажу вам вернуть вашу артиллерию, а Выборгский полк вернется к своему корпусу. Чтобы вам наглядно показать, какое придаю значение вашему отряду, я, запретив выдавать хотя бы один сухарь в войска, приказал приготовить для вас вьючный транспорт с восьмидневным запасом сухарей на восемь тысяч человек. Когда вы выступите?

– Разрешите сперва собрать части и тогда доложить о дне выступления.

– Хорошо.

Пока я был у командующего армией, штаб дивизии устроился в фанзе в районе Чембарского полка. Я никогда не становился отдельно от штаба, мне только отводился

отдельный угол на кане, где, когда обстоятельства позволяли, ставилась моя походная кровать, а в большинстве, особенно в период боев, приходилось спать на каменном кане, подстилая войлок, служивший мне вместо тюфяка. Рядом со мной располагался начальник штаба и далее остальные офицеры. Мы вместе работали, вместе ели, вместе спали – и все к этому отлично привыкли.

Весь день ушел на сбор войск.

Собрав войска, я дал им 27 августа на отдых и на подготовку к походу. Явился к своему корпусному командиру в Мукден и просил о возвращении к дивизии 28-й артиллерийской бригады. Не знаю, по недоразумению или по какой другой причине, но 27 августа вместо 28-й артиллерийской бригады в мое распоряжение прибыл командир 26-й артиллерийской бригады, генерал-майор Эрис Хан Алиев с 5, 6, 7 и 8-й батареями той же бригады. Вечером я доложил командующему армией, что все налажено и что мы выступим 28-го в семь часов утра. Ввиду дурного состояния дорог рассчитываю пройти до Импани в четыре перехода, то есть буду на месте к вечеру 31 августа.

Командующий армией одобрил все распоряжения и даже не возражал против предоставления войскам 27-го числа на сборы.

Едва я успел добраться до своей фанзы, полил дождь и разразилась одна из тех страшных гроз, подобных которым я до того нигде не видел. В течение всей ночи непрерывно сверкали молнии, удары грома следовали один за другим и, раскатываясь по горам, переходили в страшный непрерывный гул, грохотание, а по улице бурным потоком неслась целая река. Спать не было возможности, да и картина перед

глазами была такая жуткая и столь величественная, что было трудно отвести от нее глаза. Нет сомнения, что многодневная, беспримерная до того по своей напряженности артиллерийская канонада вызвала такое разряжение электричества и атмосферных осадков. А какова была сила и напряженность огня, лучше всего показывает число израсходованных нами снарядов в последние дни Ляоянских боев – до 200 тысяч снарядов. Были батареи, которые расходовали в сутки по несколько сот и даже до тысячи снарядов на каждое орудие.

Так окончились Ляоянские бои. Мы отошли в полном порядке на позиции, которые сами избрали, не тревожимые японцами. Почему именно отошли – полного ответа так на память дать не могу. Но несомненно, что неосновательно считать одной из главных приводимых причин отхода переход армии Куроки на правый берег р. Тай-дзы-хэ в обход нашего левого фланга. Перешла не армия Куроки, а только полторы дивизии, которые к вечеру 20 августа выдохлись и могли быть нами раздавлены переходом в наступление 21-го, как правильно наметил командующий армией, но затем, по своему обычаю, сейчас же и перерешил. Несомненно тоже, что японцы сами отступили раньше нас, и только генерал Нодзу,¹⁶⁹ командующий 2-й японской армией, видя наш отход, умолил вернуть в Ояму¹⁷⁰ войска и снова наступать. За это он и получил титул маркиза.

¹⁶⁹ Нодзу Митицура (1840–1908) – японский маршал. Во время Русско-японской войны командовал японской 4-й армией.

¹⁷⁰ Ояма Ивао (1842–1916) – японский военный деятель, маршал. В 1899–1904 гг. начальник японского Генштаба. Под его

28 августа в семь часов утра мы выступили по назначению. Командующий армией пропустил колонну мимо себя, благодарил части за их боевые труды и еще раз напомнил всю важность возложенной на нас задачи. Дорога, хотя и размытая дождями, не представляла особых трудностей, и мы успешно продвигались вперед.

Едва мы достигли г. Фулина в 16 верстах от Мукдена, как меня нагнал ординарец командующего армией и передал письменное приказание: «С получением сего выделить 5 рот на этапы».

Приказание было немедленно исполнено, но невольно чувствовалась несообразность его с указаниями Командующего армией о важности возложенной на дивизион задачи.

31 августа мы достигли д. Импань и расположились в ее окрестностях на берегу р. Хунь-хэ.

Предстояло выбрать и укрепить позиции. Впервые мы попали в горный район и с трудом могли разбираться в окружающей обстановке, ограничить протяжение позиции соответственно с силами отряда. После нескольких неудачных попыток мы все же в три дня наметили главную позицию и два передовых опорных пункта и приступили к ее укреплению. Охранение стояло в четырех верстах впереди нашего расположения.

руководством был разработан план войны с Россией и проведена тщательная подготовка японской армии к кампании. В 1904 г. главнокомандующий японскими войсками в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. Под его командованием японцы победили в Ляоянском сражении, отбили наступление русских на р. Шахе и одержали решительную победу под Мукденом.

Левее (восточнее) нас уступом вперед стоял отряд полковника Мадритова.¹⁷¹ Японцы стояли значительно южнее нас и никаких активных действий не предпринимали. Описание и кроки занятой позиции были представлены в штаб армии.

Постоянно изучая местность кругом позиции, мы наконец разобрались и увидели, что горный узел находится в трех верстах позади нашей позиции. Ясно, что приходилось перенести главную позицию на этот горный узел, а бывшую – обратить в передовую. Так и было исполнено и подробно донесено в штаб армии, чем вызвано новое распределение позиции. В ответ на это донесение получил от командующего армией собственноручную записку: «Отправляя вас в Импань, я надеялся на вас как на каменную гору, а вы мне доносите, что отступили на три версты». Перечитал несколько раз и прямо недоумевал. Ведь от меня требовалось сохранить не д. Импань, а путь на Фушунь – Телин, и я на этом пути определил и занял горный узел, то есть сочетание ряда высот, у подножья которых проходит главный путь и с ним сходятся все боковые дороги и тропы, и которого миновать нельзя, а меня упрекнули в отступлении на три версты.

Но недоумевать пришлось и по другому поводу. Еще 28 августа, как упомянуто выше, я по приказанию командующе-

¹⁷¹ Отряд полковника А. С. Мадритова в середине сентября 1904 г. состоял из одного батальона 1-й Сибирской пехотной дивизии, четырех сотен 10-го Оренбургского и одной сотни Уссурийского казачьих полков, одной сотни Терско-Кубанского казачьего и двух охотничьих команд.

го армией выделил пять рот на этапы. 6 сентября получаю телеграмму от командира 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Иванова, стоявшего в окрестностях города Фушун, с вопросом, почему я не исполняю до сих пор приказания по армии за номером таким-то. Ответив, что этого приказания в дивизии нет, я спросил, что им требуется от меня? Тогда генерал-лейтенант Иванов передал по телеграфу содержание этого приказания: «Командующий армией приказал с получением сего выделить от каждого батальона полков 71-й дивизии по одному офицеру и по 200 солдат на усиление личного состава войск 3-го Сибирского корпуса».

И это приказание было тотчас же исполнено. Последствием его явилось значительное ослабление личного состава дивизии, что в трудную минуту могло крайне неблагоприятно отозваться на успешном выполнении возложенной на дивизию задачи. К счастью, японцы не обнаруживали никакого шевеления.

Условия жизни были вполне благоприятные. Дожди прекратились, наступила великолепная осень, довольствие людей и хлебопечение вполне наладились. С довольствием лошадей было хуже, не всегда удавалось доставать ячмень, а чумизная солома явилась очень хорошим подспорьем; артиллерийские лошади стали поправляться. Сами мы всегда имели в изобилии мясо, яйца, зелень, фазанов, местных груш, которые в компоте были вполне съедобны. Сахар и масло выписывали из Харбина, а от Мукдена доставляли частям средствами дивизионного обоза. На месте можно было иметь только растительное масло (бобовое), так как манджуры не употребляют в пищу коровьего масла, коров не доят.

Наступило время отлета диких гусей, которые целыми стаями садились по берегу реки, но, во избежание тревог, охота в районе отряда была строго запрещена. Вообще же жили главным образом на средства страны. При наличии в фанзах больших чугунных котлов и при земляных полах было очень легко устраивать бани и стирку белья в горячей воде, что благоприятно отзывалось на санитарном состоянии людей.

Отношения с жителями установились вполне дружественные.

Так прожили мы до 17 сентября. В этот день, вернувшись с позиции, мы собирались садиться обедать, когда около часу дня из штаба армии подали телеграмму, гласившую: «С получением сего дивизии выступить в д. Улангоу, куда прибыть не позднее вечера 18 сентября».

Взглянув на карту, оказалось, что до д. Улангоу 40 верст и то, если следовать береговой дорогой вдоль р. Хунь-хэ. По большой же дороге, через д. Чанту, на десять верст дальше. Тотчас же было отдано приказание всем изготавиться к пяти часам пополудни, сборный пункт у западного выхода из д. Импань. Мы же сели за стол и в последний раз отобедали на веранде нашей фанзы, с которой был удивительно красивый вид на р. Хунь-хэ.

Ровно в пять часов пополудни выступил авангард, а в пять с половиной и главные силы. Хотя при обследовании береговой дороги оказалось, что она верстах в пяти от д. Импань пресекается скалами, вдававшимися в самое русло реки на протяжении сажень ста, я все же решил идти этой дорогой, обойдя скалы вброд. Вечер был великолепный, вода теплая, грунт на дне твердый, глубина не более аршина.

Казачи конвойного взвода стали цепью вдоль фарватера, все разулись, подвернули шаровары и прошли водой вполне удобно, без большого промедления. По выходе на дорогу казаки были направлены в д. Тангау, где обследовали брод, так как предстояло перейти на левый берег р. Хунь-хэ и далее повернуть под прямым углом на юг. Переход колонны вброд совершился так же беспрепятственно, и в 11 часов вечера мы стали на ночлег. Утром 18-го выступили в шесть часов утра на д. Улангау. Дорога пролежала по горной местности, пришлось пройти через два больших перевала, которые артиллерия преодолела лишь с помощью пехоты. Тем не менее в семь часов вечера мы прибыли в указанную нам д. Улангау, расположенную в котловине, окруженную сопками, сплошь покрытыми кустарником и диким виноградом. Несмотря на то что впереди нас, охраняя Далинский перевал, стоял отряд генерал-майора Петерева,¹⁷² я все же приказал во избежание каких-либо случайностей выставить посты по сопкам кругом деревни, решив на другой день обследовать местность и выбрать более удобную стоянку.

19-го утром прибыли в нашу деревню два офицера, которые доложили, что они высланы квартирьерами от штаба генерал-лейтенанта Ренненкампа, который к вечеру сам прибудет в наше село. Так как генерал-лейтенант

¹⁷² Отряд генерал-майора Петерева в середине сентября 1904 г. состоял из трех батальонов различных полков 54-й пехотной дивизии, 1-й Сибирской пехотной дивизии, 26-й артбригады (четыре орудия) и 10-го Оренбургского казачьего полка (одна сотня), 2-го Дагестанского конного полка (шесть сотен). Действовал на Далинском перевале.

Ренненкампф стал старше меня в чине и был кавалером ордена Св. великомученика и победоносца Георгия III и IV степеней, предупредив всех о его приезде, я приказал при встрече вызывать людей на линию и приветствовать как георгиевского кавалера.

Павел Карлович прибыл под вечер, был нами встречен громким «Ура!» и затем приглашен со штабом к обеду. Мы были знакомы по Варшавскому округу, он был начальником штаба 14-й кавалерийской дивизии, а я – 13-й, встречались на маневрах; специально-кавалерийских сборах. Здесь же, с этого дня нам волею генерал-адъютанта Куропаткина было суждено работать нераздельно до заключения мира с Японией, и 71-я дивизия составила ядро того, что впоследствии называлось отрядом генерал-лейтенанта Ренненкампфа.

Из разговоров с Павлом Карловичем оказалось, что он прибыл в Улангау на основании такой же лаконической телеграммы, как и я. Тут же выяснили, что оставаться в этой деревне, как в ловушке, невозможно, и порешили на другой же день перейти в д. Убеньяпузу на большой дороге от Фушуна на Далинский перевал, что и было исполнено.

В д. Убеньяпуза мы оставались до 22 сентября включительно. 20-го прибыл в мое распоряжение один батальон 1-го резервного Сретенского полка¹⁷³ под командой

¹⁷³ Сретенский резервный пехотный батальон (кадровый) сформирован в 1886 г., Читинский резервный батальон – в 1896 г. В 1902 г. получили 1-й и 2-й номера и вошли в 1-ю Сибирскую резервную пехотную бригаду. В 1904 г. развернуты в одноименные пехотные Сибирские полки. Тогда же были сформированы новые

опытного штаб-офицера, еще в мирное время командовавшего полком, и оставившего военную службу лишь по случаю выбора его в предводители дворянства; с объявлением войны тотчас же вновь поступившего на службу. Батальон был в очень сильном составе – 1300 человек, имел свою охотничью команду. Вслед за тем прибыли еще два батальона 3-го резервного Читинского полка.¹⁷⁴

22-го утром была получена диспозиция по армии, по которой армия, разделенная на два крыла, должна была, выступив 23-го числа, в три перехода подойти к р. Тай-цзы-хэ и овладеть правым ее берегом. По этой диспозиции отряд генерал-лейтенанта Ренненкампа входил в состав левого крыла и как бы прикрывал его слева.

Все до сих пор изложенное составляет точный рассказ событий почти по дням и так, как они происходили в действительности. Все разговоры с генерал-адъютантом Куропаткиным, его наставления и приказания приведены почти дословно. Дальше изложить также точно по дням подход к полю сражения и пятидневный бой под Бенсиху на память не представляется возможным, и я вынужден ограничиться изложением отдельных эпизодов этого боя по

1-й Стретенский и 2-й Читинский резервные батальоны, расформированные в 1906 г. В 1910 г. батальоны вошли в состав 37-го и 38-го Сибирских стрелковых полков.

¹⁷⁴ Ошибка автора – речь идет о 2-м Читинском пехотном Сибирском полке, номер 3 был у Нерчинского полка.

мере его развития, ручаясь за полную верность и правдивость изложения.¹⁷⁵

Подход к полю сражения отряд генерал-лейтенанта Ренненкампа совершил в три дня двумя колоннами. Правая колонна генерал-лейтенанта Петерева (бригада 54-й дивизии), левая генерал-майора Экка в составе 282-го Черноморского полка, одного батальона 1-го резервного Сретенского полка, двух батальонов 3-го резервного Читинского полка и 26-й артиллерийской бригады. 283-й пехотный Бугульминский полк (без пяти рот, выделенных на этапы) по приказанию генерал-лейтенанта Ренненкампа был выдвинут к д. Сонлуны для наблюдения за Далинским перевалом и прикрытия нашего тыла.

Отряд точно выполнил трехдневный марш-маневр и после полудня 25 сентября подошел к правому берегу Тай-цзы-хэ. При этом авангарду правой колонны удалось с налету захватить господствовавшую над всею местностью сопку. Следовавший при колонне генерал-лейтенант Ренненкампф благодарил войска Петерева за молодецкое дело и разрешил, оставив на сопке охранение, остальные войска отвести на ночлег в ближайшую деревню. Это разрешение обошлось нам очень дорого, так как за ночь японцы внезапной атакой сбили охранение и прочно

¹⁷⁵ Ускользнуло у меня из памяти, когда и куда был взят у меня Чембарский полк, который вернулся в дивизию уже после боев, когда, наконец, разновремененно расхвачанные части были постепенно возвращены в свои дивизии и восстановлена нормальная организация.

утвердились на сопке, вновь овладеть которой так и не удалось.

26-го возобновился бой, тяжесть которого всецело пала на отряд генерал-лейтенанта Ренненкампа, так как остальные части всего левого крыла, вопреки основной диспозиции, на второй день, то есть 24-го, имели дневку и подошли к реке лишь вечером 26-го.

После упорного боя, длившегося целый день, бригада генерал-майора Петерева и Чернойарский полк овладели целым рядом сопек, но взять обратно командующую высоту не смогли.

Особенно тяжелое было положение 26-й артиллерийской бригады, вынужденной стать на позицию сравнительно открыто, и бригада понесла большие потери – из 12 офицеров из строя выбыло восемь – два убитыми и шесть ранеными. В числе убитых был и временно командовавший батареей штабс-капитан Лепешинский, принявший батарею от заболевшего тифом в д. Импань полковника Кучина и сразу заявивший себя смелым и энергичным командиром. В то время как другие батареи, особенно 5-я и 8-я, преодолевали большие перевалы лишь с помощью пехоты, иногда совсем выпрягая лошадей, штабс-капитан Лепешинский проводил свою батарею самостоятельно в конном строю.

Доблестный командир бригады генерал-майор Эрис Хан Алиев, стоя на самом опасном месте, личным примером ободрял артиллеристов и сам руководил огнем бригады.

Когда бой затих и окончательно стемнело, мы смогли исправить расположение артиллерии и надлежащим образом укрыть ее. Ночь прошла спокойно.

На рассвете бой возобновился. Японцы, получавшие все время подкрепления, перешли в энергичное наступление против расположения Черноморского полка. Прибывший на поле сражения командир 3-го сибирского корпуса поддержал меня, прислав в мое распоряжение 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк¹⁷⁶ под командой полковника Кукурана.

После первой же на него атаки полковник Кукуран донес: «Атаку отбил, потерял половину полка. Настоятельно прошу меня поддержать».

На это донесение я ответил: «Бой только начался, мы еще точно не определили силы противника, а вы уже просите поддержки. Ввиду ограниченного резерва, подкрепление вас считаю преждевременным».

После полудня японцы повторили атаку, которая, несмотря на все их упорство, снова была отбита. И снова поступило донесение от полковника Кукурана: «Вторая атака отбита, но потерял половину полка, держаться больше не могу и буду вынужден отойти, если не получу подкрепление». Такое донесение от кого-либо другого сильно бы меня встревожило, но я хорошо знал полковника Кукурана еще по Могилевскому полку, знал его энергию, распорядительность и был в нем уверен, знал и усвоенный многими командирами прием посылать угрожающие донесения, дабы добиться

¹⁷⁶ 22-й Сибирский стрелковый полк сформирован в 1882 г. как 4-й Восточно-Сибирский батальон. С 1900 г. – 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С 1910 г. – 22-й Сибирский стрелковый полк. В 1914 г. входил в состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Никольск-Уссурийский.

присылки свежих войск и тем увеличить значение подвига, и потому лаконически отвечал: «Отхода не разрешаю, приказываю позицию удержать». А к этому приказанию приложил частную записочку: «Ну, дорогой мой, мы с вами потеряли две половины полка, теперь попробуем потерять третью; но твердо знаю, что вы ничего не сдадите и не подведете своего старого командира полка». Когда мы с ним встретились после боя и я его благодарил за доблестное поведение полка, он, улыбаясь, только проговорил:

– За что вы так безбожно строги ко мне?

Получив еще в подкрепление 9-й и 10-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, мы 28-го перешли в наступление и овладели вторым рядом высот; но перед нами оказалась как бы третья стена, состоявшая из такого же ряда сопков. Главная же вершина Лаутхалаза, атакованная третьим сибирским корпусом, все еще оставалась в руках японцев.

Тогда стало совершенно ясно, что штурмовать сопку бесполезно, и я доложил генерал-лейтенанту Ренненкампу, что для успеха атаки третьего корпуса необходимо мне хотя бы только с Черноярским полком и приданными мне резервными сибирскими полками и 26-й артиллерийской бригадой перейти по наведенному у д. Уйюнин мосту на левый берег Тай-цзы-хэ, по которому и наступать совместно с конными частями генерал-майоров Самсонова и Любавина в охват правого фланга и тыла японцев, держа общее направление на Бенсиху, овладение которым сразу бы решило бой в нашу пользу. Сам же по себе генерал-майор Любавин со своей бригадой Забайкальской казачьей

дивизии,¹⁷⁷ да еще расстрелявший все снаряды бывшей при нем конной батареи, мог лишь охранять наш левый фланг.

Мое предложение было представлено начальнику левого крыла генерал-лейтенанту барону Штакельбергу,¹⁷⁸ который не разрешил переправить пехоту на левый берег Тай-цзы-хэ и приказал продолжить атаки в прежнем направлении, то есть прямо в лоб. Так прошел остаток дня 27-го и все 28-е число. По настоятельной просьбе генерал-майора Самсонова я все же переправил на левый берег Тай-цзы-хэ батальон Черноярского полка под командой подполковника Квинихидзе в поддержку конным частям.

В течение 26-го числа мы медленно продвигались вперед, но решительных результатов не достигли. Войска сильно утомились и понесли довольно значительные потери.

На совещании генерал-лейтенантов Иванова и Ренненкампа было постановлено произвести общую атаку в ночь с 28-го на 29-е. Начало атаки в два часа ночи.

Накормив людей и дав им отдохнуть, отряд ровно в два часа ночи начал наступление. Но едва мы успели начать движение, как от генерал-лейтенанта Иванова пришло

¹⁷⁷ Забайкальская казачья дивизия сформирована в 1904 г. Состав дивизии: 2-й Верхнедудинский, 2-й Читинский, 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский казачьи полки, 3-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи. Расформирована в 1906 г.

¹⁷⁸ Штакельберг Георгий Карлович (1851–1913) – русский генерал, барон. Во время Русско-японской войны – генерал-лейтенант, командир 1-го Сибирского армейского корпуса. В 1907 г. генерал от кавалерии.

уведомление, что по приказанию барона Штакельберга атаку начать лишь в четыре часа утра. Мы успели приостановить свои части, но вместе с тем порыв был потерян, а когда подошло время к четырем часам, атака была совсем отложена и все усилия наших полков, успевших пройти через небольшую долину, сплошь продольно обстреливаемую японцами частым ружейным и пулеметным огнем, пропали даром, и мы лишь закрепились на новых высотах. В поддержку своим частям я поставил во вторую линию 9-й и 10-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Стало ясно, что решительного успеха мы уже иметь не будем.

С утра 29-го японцы, вероятно получившие свежие подкрепления, стали сами на нас напирать и начали выполнять то, что мне не было разрешено, то есть, атакуя нас с фронта, направили часть пехоты левым берегом Тай-цзы-хэ в обхват моего левого фланга. Положение становилось особенно трудным ввиду того, что генерал-лейтенант Иванов потребовал немедленного возвращения ему 9-го и 10-го Восточно-Сибирских стрелковых полков. Моя просьба об оставлении этих полков хотя бы до наступления темноты не была уважена, и я был вынужден их отпустить.

К вечеру бой как будто стал затихать и я, не имевший отдыха с утра 27-го, спустился в деревню, чтобы хоть поесть, как вдруг около шести часов вечера японская батарея открыла по нам огонь с тыла. Этот огонь произвел на всех удручающее впечатление. По лицам было видно, как тяжело он переносится. К счастью, у меня в резерве стояла 8-я батарея 26-й артиллерийской бригады. Посланный к полковнику Евтину Генерального штаба капитан Шнабель

вскочил на лошадь как был без кителя и, подскакав к нему, доложил от меня:

– От действия батареи зависит судьба отряда, если батарея успеет забить японскую батарею, то мы будем спасены, если нет, то вряд ли удастся удержать войска.

Стоявший наготове полковник Евтин быстро снялся с передков, очень скоро нащупал японскую батарею и открыл по ней частый огонь. Состязание их продолжилось недолго, и через 36 минут японская батарея прекратила огонь и скрылась. Но эти 36 минут показались нам целыми часами. Необходимо было поддержать настроение, но, сознавая, что пока не скажется успех огня нашей батареи, никакими другими средствами помочь нельзя, чтобы хоть чем-нибудь смягчить остроту положения, я позвал своего верного Фому и на глазах у всех стал умываться и менять белье. Но вздохнулось легко, только когда затих артиллерийский огонь.

В восемь часов вечера было получено приказание с полночи начать отход в направлении на д. Ягоу.

Несмотря на то что совершенно стемнело, по всему фронту шла непрерывная перестрелка, временами переходившая в огонь пачками.

Обойти все части и всех оповестить о предстоявшем отходе представлялось не только трудной, но и сопряженной с большой опасностью задачей. Необходимо было поручить ее человеку не только смелому, но и вполне верному. Я выбрал хорунжего Бакшеева,¹⁷⁹ забайкальского казака,

¹⁷⁹ Бакшеев Алексей Проклович (1873–1946) – русский военачальник и деятель эмиграции. Участник Русско-японской и

командира моего конвоя. Подробно объяснив ему, что требуется, я спросил его, как он исполнит и сколько рассчитывает взять с собой людей. Он скромно ответил:

– Вы меня знаете, к горам я привык, обещаю лично передать каждому из командиров частей ваше приказание; в конвой возьму четырех казаков, и будьте уверены, что все будет исполнено, я сам наблюдаю, чтобы никто не был забыт.

И несомненно, что он все исполнил в точности, потому что к часу ночи все части уже сходились к дороге, ведущей от д. Уй-Ю-Нин на д. Ягоу. Отход с высот был выполнен под прикрытием охранения, оставленного на сопках, которое все время поддерживало оживленный огонь с противником и покинуло высоты лишь с первыми проблесками рассвета.

Несмотря на полную темноту, войска были спокойны, в полном порядке. Отпустив первым 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и батальон 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка¹⁸⁰ на присоединение к своему корпусу, установил следующий порядок марша: впереди Сретенский резервный батальон, затем три батареи 26-й артиллерийской бригады, два батальона Читинского резервного полка, Чернойарский полк с батареями.

Великой войн. В 1919 г. генерал-майор, начальник 1-го военного района Забайкальской области.

¹⁸⁰ 10-й Сибирский стрелковый полк сформирован в 1849 г. как Иркутский гарнизонный батальон. С 1898 г. – 10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С 1910 г. – 10-й Сибирский стрелковый полк. В 1914 г. входил в состав 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Владивосток.

Пропустив все части через ущелье у д. Ягоу, один батальон Черноярского полка с батареей оставил у входа в ущелье для принятия оставшихся в охране частей. Остальные войска расположил на высотах к северу от д. Ягоу, и в таком положении мы оставались весь день 30-го. Бой затих, японцы не наступали. Правее нас, верстах в пяти, стоял арьергард 3-го Сибирского корпуса под командой командира 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка¹⁸¹ полковника Лечицкого.

Мы с Ренненкампом сидели на вершине сопки и пили чай с солдатскими сухарями, настолько твердыми, что их нельзя было раскусить или разломить, не размочив в горячем чае. Все было в точности исполнено, все стояли на указанных местах, люди накормлены, раненые вывезены из д. Ягоу на подводах и отправлены в тыл. Один доблестный Бакшеев не вернулся, и я уже считал его погибшим, как вдруг, около 11 часов утра, мы увидели его подходящим к сопке. Он доложил, что заночевал в д. Уй-Ю-Нин с сотней 1-го Аргунского казачьего полка, а теперь пришел доложить, что в эту деревню приползли 21 человек раненых, из коих некоторые тяжело, в живот.

Тотчас же были вызваны охотники для вывоза этих раненых. Первым вызвался сотник князь Долгорукий, который был отправлен со взводом казаков в д. Уй-Ю-Нин. Подвод не было. Легко раненные дошли сами, более тяжело

¹⁸¹ 24-й Сибирский стрелковый полк сформирован 11 июля 1900 г. как 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С 1910 г. – 24-й Сибирский стрелковый полк. В 1914 г. входил в состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Хабаровск.

– были посажены верхом; тяжело раненные в живот были положены поперек седел и, поддержанные людьми, хоть и с большими страданиями, но благополучно вывезены до ближайшего передового пункта Красного Креста.

Под вечер пришло приказание продолжать отход и всем возвращаться на места, с которых начали наступление.

В течение дня 30-го были вывезены свыше 500 человек раненых. Остальных, для которых не хватило перевозочных средств, несли на руках, часть – на носилках, большинство же – на шинелях, привязанных к стволам винтовок. Свободные от носки раненые несли по две, а некоторые по три винтовки. В таком виде мы в течение вечера и ночи 30 сентября и утра 1 октября прошли 40 верст через Тунгвалинский перевал до д. Мадзяндян, где и расположили отряд на отдых. Несмотря на трудность переноски раненых, особенно на импровизированных носилках из ружей и шинелей, никто не воркнул, и все до последнего раненого были вынесены и сданы в госпиталя.

У южной подошвы перевала я застал командира состоявшей при дивизии саперной роты, который совместно с саперными частями 3-го Сибирского корпуса успели немного разработать путь через перевал и облегчить переход войск, особенно артиллерии. Командир мне доложил, что при отходе ему не удалось собрать роту, и он точно не знает, где вторая полурота, и выслал конных людей ее разыскивать. Когда же я, пропустив части, спустился к северной подошве перевала, ко мне подошел младший офицер саперной роты и со слезами на глазах доложил:

– У нас большое несчастье, погибла первая полурота, а с нею погиб и наш ротный командир.

Когда же я ему, улыбаясь, ответил:

– Не горюйте, а пошлите кого-нибудь или сами пройдите за перевал, и вы там увидите своего командира, работающего на перевале. – Он не поверил:

– Не шутите, Ваше превосходительство, он в самом деле погиб.

И только когда я его заверил, что не шучу и приказываю ему немедленно отправиться к командиру роты и доложить, где он находится со своей полуротой, прапорщик Шлюпп просиял и бегом направился через перевал.

Так безрезультатно закончилось наше наступление с целью овладения правым берегом р. Тай-Дзи-Хэ. А началось оно, казалось бы, при благоприятных условиях. Войска за три недели сентября успели отдохнуть, пополнить ряды и, сколько мне помнится, число штыков достигло 200 000.

Не могу подробно высказаться относительно событий на правом крыле, но на левом успех несомненно мог бы быть достигнут при наличии трех условий:

1) Точное исполнение диспозиции по армии, которой предписывался трехдневный марш-маневр и одновременный подход к правому берегу реки. Стройность марш-маневра была сразу нарушена разрешением дневки после первого же перехода, и частично завязавшийся бой не только указал японцам на опасность, но и дал им время парировать ее.

2) Если бы сразу была проведена атака с фронта войсками 3-го Сибирского корпуса, а весь отряд Реннекампа сразу переправлен на левый берег реки в районе деревни Уй-Ю-Нин и совместно с конницей Самсонова и Любавина энергично двинут в направлении на д. Бенсиху, успех был бы

полный, захватить Бенсиху не представило бы особенной трудности в первые два дня боя. Взятые же во фланги тылы японцев в лучшем случае должны были бы отходить через реку под напором наших войск.

Третье условие труднее формулировать. Общий голос армии давно требовал замены барона Штакельберга другим лицом, и его следовало отозвать еще после ляоянских боев, а не после сентябрьской операции.

С возвращением войск в исходные пункты последовало приказание по армии о восстановлении нормальной организации частей. На основании этого приказа присланные в мое распоряжение Сибирские резервные части после двухдневного отдыха были мною направлены на присоединение к 1-й Сибирской резервной дивизии.¹⁸² Свою же дивизию удалось собрать не так скоро, особенно 281-й Дрисский полк, совершенно бесцельно задерживаемый в отряде генерал-майора Коссаговского под Синментином вне крайнего фланга нашей армии.

Одновременно было приступлено к реорганизации и самой Маньчжурской армии. Она была развернута в три армии: во главе 1-й стал генерал от инфантерии Линевиц,¹⁸³

¹⁸² 1-я Сибирская резервная дивизия – точнее, 1-я Сибирская пехотная резервная дивизия. Сформирована в 1906 г. Состав дивизии: 1-й Сретенский Сибирский резервный, 2-й Читинский Сибирский резервный, 3-й Нерчинский Сибирский резервный и 4-й Верхнеудинский Сибирский резервный полки.

¹⁸³ Линевиц (Леневиц) Николай Петрович (1839–1908) – русский генерал. В 1903 г. генерал от инфантерии, командующий войсками Приамурского военного округа. В 1904 г. командующий 1-й

2-й – генерал от инфантерии Гриппенберг¹⁸⁴ и 3-й – генерал от инфантерии Батьянов.¹⁸⁵ Генерал-адъютант Куропаткин назначен главнокомандующим манджурских армий.

Забыл упомянуть, что одновременно с возложением на меня охраны левого фланга армии было предписано 71-ю дивизию обратить в горную, для чего все полковые обозы 1-го и 2-го разряда обратить во вьючные обозы по расчету двух вьючных лошадей или мулов за каждую двуколку. Обозных рядовых по одному на каждых двух мулов. Отдавая это распоряжение, генерал-адъютант Куропаткин неоднократно повторил:

– У вас не смеет быть ни одной двуколки.

Были отпущены необходимые кредиты на закупку мулов, вьючных седел и конской принадлежности. Все было закуплено самой дивизией под руководством командира 1-й бригады генерал-майора Погорецкого. Категорически требуя, чтобы с полками не было ни одной двуколки, совершенно забыли, что в каждом полку состояло по четыре

Маньчжурской армией. В 1905 г. главнокомандующий всеми морскими и сухопутными силами, действующими против Японии.

¹⁸⁴ Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович фон (1838–1915) – русский генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В 1901 г. помощник командующего войсками Виленского военного округа. В 1904–1905 гг. командующий 2-й Маньчжурской армией.

¹⁸⁵ Батьянов Михаил Иванович (1835–1916) – русский генерал от инфантерии. С 1893 г. командир 12-го, затем 16-го армейского корпусов. В 1905 г. командующий 3-й Маньчжурской армией. С 1911 г. – в отставке.

четырехколесных кухни Никифорова, самого тяжелого прототипа тяжелых походных кухонь, отличавшихся своей тяжестью и неповоротливостью, и что с дивизией следовали четыре батареи 26-й артиллерийской бригады; горные же батареи 8, 3 и 2-я подходили постепенно. Полевые батареи и тяжелые неповоротливые кухни всюду неотлучно следовали с нами и сослужили нам добрую службу. Переход же на вьюки лишил нас многих удобств, стоил дорого и увеличил число нестроевых в каждом полку на 653 человека.

В д. Мад-Зань-Дзянь мы простояли до 8 октября. Видя, что японцы не продвигаются вперед, мы решили с ними сблизиться и для этого перейти в д. Гаолинцзы в 30 верстах к югу от д. Мад-Зань-Дзяни. Выступили 8 октября и 10-го прибыли на место. Путь пролегал по дороге, находившейся в удовлетворительном состоянии, но пересекаемый многочисленными ручьями, мелкими, но настолько широкими, что перескочить было нельзя и приходилось идти по воде, что пагубно отзывалось на обуви и без того сильно пострадавшей от лазанья по сопкам. Кроме того, пришлось перевалить через два перевала Сы-да-лин и Тин-гуа-линь, из которых второй был особенно труден, с такими крутыми заворотами, что орудие в запряжке не могло проходить. Приходилось отпрягать лошадей и протаскивать орудия на руках. На переправу батареи с зарядными ящиками требовалось до четырех часов. Принимая это во внимание, надо признать, что хотя мы в два дня прошли всего 30 верст, переходы были форсированные.

Пропуская артиллерию через перевал, я с удивлением наблюдал, что по обе стороны дороги, как только отпускались смены на отдых, тотчас же начиналась варка в

котелках, где картофеля, где кукурузы или чумизы, между тем как мы с большим трудом добывали эти продукты. Дело объяснилось лишь тогда, когда, пропустив последний зарядный ящик, я со штабом начал спускаться вниз. Примерно на полгоре мы увидели манджура, который подбежал ко мне, бросился на колени и начал со слезами что-то быстро говорить, показывая руками как бы на груды чего-то перед собой. Подозвав переводчика, я приказал ему расспросить манджура и точно перевести; все объяснилось очень просто. Тут же около дороги стоял его шалаш, внутри которого и кругом лежало довольно много перечисленных выше продуктов, но бóльшая часть была растаскана людьми. Все было ясно, и я приказал спросить, сколько он хочет получить за все унесенное солдатами. Он попросил 20 рублей. Я хотел уже платить, но переводчик восстал; помилуйте, да ведь это неслыханная здесь цена, если дадите два рубля, то и то он будет очень доволен. Я дал ему 10 рублей, чем привел его прямо-таки в восторг. Он не только благодарил, но сам стал наделять проходивших мимо людей чем только мог.

Погода стояла ясная, но осень вступила в свои права, и по ночам морозы доходили до пяти-восьми градусов, а части были в летней одежде, в рубашках. Оставленные в пути при подходе к Ляояну шинели и вещевые мешки хотя и были благополучно вывезены при отходе к Мукдену, но еще не могли быть доставлены к частям. Было выдано сколько возможно шинелей и фуфаяк из дивизионного обоза, с тем чтобы хоть при назначении в наряд люди могли быть в шинелях. Полностью же все вещи были подвезены лишь в ноябре, когда мы стояли в д. Цен-хи-чен.

Присоединив в пути 283-й Бугулинский полк, оставленный на время боев в д. Сон-лунь-ю для наблюдения за Даолинским перевалом, 10-го вечером мы заняли д. Гаолинцзы, выдвинув авангард в д. Белинпузу, на правом берегу р. Тайдзи-хэ, верстах в шести к востоку от д. Уй-Ю-Нин, в которой находился мой штаб во время боев под Бенсиху.

В д. Гаолинцзы мы простояли до последних чисел октября, не тревожимые японцами. В самой деревне стояли штабы генерал-лейтенанта Ренненкампа и 71-й пехотной дивизии, 282-й Черноморский и 283-й Бугульминский полки, имея два батальона в авангарде в д. Белинпуза, и полк Забайкальской казачьей дивизии. Часть людей была размещена по фанзам, для остальных построили землянки, каждая на взвод, с печами, сложенными из камня. Построили хлебопекарные печи и несколько бань. Но с довольствием людей было трудно: мясо, баранину или свинину, мы доставали легко и выдавали по фунту на человека, но на приварок в большинстве доставали только бобы, которые трудно разваривались, что естественно отражалось на качестве и вкусе пищи. Чумизы первое время совсем не было, гаолянскую крупу доставали, но не всегда. Но по мере того, как мы успели осмотреться и наладить подвоз через дивизионный обоз, пища стала улучшаться, наладилось и чайное довольствие. Уставы Полевой и Внутренней службы строго соблюдались, установился прочный внутренний порядок, отношения с жителями все улучшались. Видя, что мы за все рассчитываемся наличными деньгами, жители стали постепенно все доставлять, и мы не только были сыты, но у нас еще оставались значительные суммы в экономии.

Самым действительным средством для урегулирования раз и навсегда отношений с жителями послужил приказ по дивизии: «Если ко мне или кому-нибудь из других начальников поступит жалоба о самовольном захвате чего-нибудь у жителей, то захватившему приказывалось заплатить ту цену, которую назначит потерпевший, как бы она ни была высока», и так как я строго следил за точным исполнением этого приказа, стало невыгодно брать что-либо, не условившись в цене.

Ближайший к нам отряд генерал-майора Самсонова находился в 14 верстах к северо-западу от нас.

Долина, в которой мы стояли, отличалась удивительной мягкостью воздуха при полном безветрии. Даже при морозе в пять-шесть градусов, при ярком солнце можно было ходить в одних кителях.

За все три недели не происходило никаких боевых действий, так что, покончив с устройством землянок и укреплением позиций, мы приступили к строевым занятиям. Богослужения по воскресеньям, в Царские дни и двенадцатые праздники совершались на открытом воздухе. 21 октября, в день восшествия на престол государя Николая Александровича, был назначен церковный парад. Когда обедня подходила к концу, вдруг раздался орудейный выстрел, за ним другой, и казалось, что совсем близко. Я приказал запросить в авангард – оттуда ответили, что тоже слышат огонь, но недоумевают откуда, так как впереди все тихо. Огонь между тем все усиливался. Не прерывая парада, я приказал дежурной части изготавиться на всякий случай и послал офицера к Самсонову спросить, как у него. Церемониальным маршем прошли не только под звуки

музыки, но и такой артиллерийской канонады, будто мы сами вели бой. Около полудня огонь прекратился. Вернувшийся от Самсонова офицер доложил, что там спокойно и где идет бой, неизвестно. Впоследствии оказалось, что канонада происходила на крайнем правом фланге армии, на расстоянии свыше сорока верст от нас, а казалось, что тут непосредственно, такая была чистота и прозрачность воздуха при полном безветрии.

Чтобы разнообразить нашу жизнь, решено было устроить офицерские скачки. Был устроен круг, назначены судьи. Записалось довольно много офицеров Забайкальской казачьей дивизии. На этих скачках взял первый приз состоявший полковым адъютантом 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска сотник барон Врангель,¹⁸⁶ ныне главнокомандующий Русской армии.

Из текущей жизни отряда за этот период отмечу еще два эпизода:

а) Вскоре по прибытии в Гаолинцзы я получил письмо от сестры милосердия 2-го отряда Красного Креста, который стоял у северной подошвы перевала, через который мы

¹⁸⁶ Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – генерал-лейтенант, барон, один из лидеров Белого движения в России. В 1902 г. корнет гвардии. В Русско-японской войне 1904–1905 гг. командир сотни и полковой адъютант 2-го Аргунского казачьего полка.

В 1914 г. ротмистр, командир 3-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка, награжден орденом Св. Георгия IV степени и званием флигель-адъютанта. В 1915 г. полковник, командир 1-го Нерчинского казачьего полка.

отошли после сентябрьских боев. Привожу письмо дословно, как оно того заслуживает:

«Ваше превосходительство, может быть Вы найдете неуместным вмешательство в ваши дела, но я считала своим долгом довести до вашего сведения о доблести ваших подчиненных. 1 октября зашел к нам в госпиталь фельдфебель с двумя рядовыми ранеными больными и просил их принять.

– Только не задержите меня сестрица, чтобы я мог догнать свой полк.

Я тотчас же приняла обоих; тогда фельдфебель добавил:

– Ох, сестрица, раз вы такая проворная, может быть, не откажите и мне поправить повязку, она очень ослабла.

По снятии повязки, он оказался простреленным насквозь из бока в бок. Тогда я ему сказала:

– Да вы сами тяжело ранены, вам немислимо уходить и вы должны сейчас же у нас лечь.

– Нет, сестрица, я не лягу, я прострелен еще в ночь с 28 на 30 сентября, скрыл свое ранение и остался в строю, и теперь прошу только поправить повязку и скорей меня отпустить.

Так и ушел, и лишь от оставленных им людей я узнала, что это фельдфебель 11-й роты 282-го Черноморского полка Красильников – вашей дивизии».

Я сейчас же ей ответил, горячо благодарил за сообщение и что Красильников, уже кавалер Георгиевского креста IV степени, представляется мною к производству в зауряд-прапорщики.

Самое же письмо дал прочесть генерал-лейтенанту Ренненкампу и затем отослал в Петербург Алексею Сергеевичу Суворину¹⁸⁷ с просьбой о его напечатании в «Новом Времени». Но, к моему великому удивлению, оно так и не появилось в печати. К сожалению, я отослал Суворину письмо в подлиннике, и потому уже не мог обратиться в другую газету; а содержи оно что-нибудь рисующее того же фельдфебеля с неблагоприятной стороны – письмо появилось бы сейчас же, и притом на самом видном месте. Таково уже было тогда настроение печати по отношению к запасным, все хорошее замалчивалось, все дурное раздувалось.

б) Примерно через неделю после нашего прибытия в Гаолянцзы ко мне явилась депутация от жителей и спросила, могут ли они вернуть в дома своих жен и дочерей.

– А где же находятся ваши жены и дети?

– Спрятаны в горах, но стало так холодно, что им там больше оставаться нельзя.

– И вам не стыдно не признаваться, что вы прячете свои семьи от нас как от диких зверей? Немедленно приводите их домой, ручаюсь вам за полную их безопасность.

На другой же день все семьи были водворены по домам и жизнь местного населения вошла в нормальную колею, насколько это возможно в военное время. Через несколько

¹⁸⁷ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский писатель, журналист, издатель и общественный деятель, председатель Литературно-художественного общества. Автор нескольких «книжек для народного чтения», рассказов и повестей, в основном на историческую тематику, а также критических статей и заметок о литературе и театре своего времени.

дней во двор нашей фанзы торжественно вошла та же депутация, остановилась перед крыльцом и просила через переводчика, чтобы я вышел к ним.

Когда я вышел на крыльцо, все пришедшие стояли со скрещенными на груди руками, на каждой руке прислоненной к груди по три бутылки вина. Старший из них передал благодарность за доброе отношение к ним войск и просил принять от них в знак особой их благодарности принесенное ими вино. Когда же я приказал им передать, что с удовольствием принимаю их благодарность и всегда их буду беречь, но подарка, в данном случае вина, принять никак не могу, да я не имею права и прошу их вино унести. Они это поняли так, что я недоволен качеством подарка и просили переводчика передать, что это вино куплено у приехавшего к нам маркитанта, лучшее и самое дорогое, какое у него только было. Ответив, что тем более не могу принять их подарка, я поклонился и ушел в фанзу. Долго еще оставались они на дворе, беседуя с переводчиком и наконец, недовольные, ушли.

Присматриваясь все время к 282-му Черноморскому полку, я начал замечать, что там создается какое-то нервное настроение и внутренняя жизнь полка как будто разлагается. Когда же я об этом заговорил с командиром полка, полковник Тихонов мне откровенно признался, что старая рана (ранен еще в 1877 году 5 декабря при штурме Карса в правую руку с раздроблением локтевой кости) причиняет ему такие страдания, что он постоянно находится в сильно раздраженном состоянии и стал невыносим не только другим, но и самому себе, что при таком состоянии его командование приносит вред полку и просил о перемещении его в какую-нибудь тыловую должность. Поблагодарив его за

столь благородное сознание в своей несостоятельности, обещал ввиду его боевых заслуг в прошлом и [в] периоде сентябрьских боев, устроить его возможно лучше, и тотчас же вошел с соответствующим ходатайством о перемещении полковника Тихонова на тыловую должность и с назначением командиром Черноярского полка командира 1-го батальона полковника Полянского. Оба ходатайства были уважены, и с назначением полковника Полянского Черноярский полк попал в настоящие руки и в дальнейшем стяжал себе громкую боевую славу.

Сменился командир и в 284-м Чембарском полку. Уехавший после ляоянских боев полковник Сорнев был отчислен от командования полком, и на его место назначен полковник Бемельбург, который привел полк к дивизии перед нашим выступлением в Ценхечень. С Чембарским полком прибыл в должности командира 4-го батальона и полковник Горлов, один из лучших офицеров Могилевского полка, которого я всегда особенно ценил и ходатайствовал о переводе его в 71-ю дивизию.

В последних числах октября ввиду полученных сведений о сосредоточении довольно значительных сил японцев в районе Зан-Чана было решено нашему отряду перейти еще более к востоку, в деревню Ценхечень с тем, чтобы прикрыть перевал Далин и пролежавший через него путь на Фушун-Телин.

В д. Ценхечень мы перешли второго ноября и тотчас же приступили к выбору и укреплению позиции. Сама деревня была расположена в долине на большом пути от Фушуна через д. Сонлунью – Далинский перевал на Зан-Чан.

Выбор укрепленной позиции в этот раз не представило тех затруднений, что в д. Импань. Мы уже привыкли к горам и перед нами были три характерные группы сопок, разделенные двумя долинами, по которым пролегали дороги и протекала речка Цинь-Чо-Хе. Все три группы были укреплены, и укрепление их совершенствовалось во все время нашего пребывания на этих позициях. Главной группой, составлявшей ключ всей позиции, являлись сопки, названные впоследствии Бересневскими, по фамилии подполковника Береснева, занимавшего их тремя ротами Бугульминского полка.

Полки расположились: 282-й Чернойарский и 284-й Чембарский в самой д. Ценхечень. 283-й Богульминский в землянках на площадке у деревни за Бересневскими сопками, отделенные от них долиною р. Цень-Чо-Хе и большою дорогой, проходившей вдоль русла речки. Штаб генерала Ренненкампа стал на ханшинном заводе в версте от д. Ценхечень, штаб 71-й дивизии – в крайней к югу из фанз, прилегавших к заводу. Четвертого ноября прибыл к нам состоявший в распоряжении командующего армией Генерального штаба генерал-майор Иванов и передал, что генерал-адъютант Куропаткин очень озабочен поступавшими к нему донесениями полковника Мадритова о постоянном продвижении к востоку крупных сил японцев в обход нашего левого фланга и что за последние дни эти силы Мадритов определял в 80 000 человек. Командующий армией озабочен еще и тем, что ничего подобного не поступает от нас. Он не требует от нас проверки этих сведений, но был бы нам очень благодарен, если бы мы произвели рекогносцировку в районе Депиндушана – Сензентина.

Мы с Павлом Карловичем абсолютно недоумевали, откуда Мадритов собирает подобные совершенно неверные сведения, но, видя беспокойство командующего армией, порешили произвести рекогносцировку и добытыми данными успокоить его.

Пятого ноября был сформирован отряд из двух батальонов пехоты, по одному от Чембарского и Бугульминского полков, чтобы не слишком ослаблять рабочую силу на участках, одной полевой и одной горной батареей и 2-го Нерчинского казачьего полка¹⁸⁸ (6 сотен). С этим отрядом мы выступили утром 6-го в направлении на д. Уй-Дзи-Юй-Дзи – Дапиндушан.

На первом же перевале мы натолкнулись на японские передовые части, которые после непродолжительной перестрелки были сбиты спешенными частями казаков и отошли к югу. Далее мы следовали беспрепятственно и к сумеркам достигли д. Уй-Дзи-Юй-Дзи, где и остановились на ночлег, направив пять сотен 2-го Нерчинского полка в район Дапнидушана.

Богатое село Уй-Дзи-Юй-Дзи имело много прекрасных фанз, которые было легко приспособить к обороне. Охранение – две роты Чембарского полка, было выставлено на сопках к югу от деревни, причем им было предписано быть особенно бдительными и, стоя на сопках по обе стороны дороги на Зан-Чан, самую долину охранять

¹⁸⁸ 2-й Нерчинский казачий полк – второочередной полк Забайкальского казачьего войска, сформирован по мобилизации в 1904 г. и вошел в состав Забайкальской казачьей дивизии. К 1912 г. расформирован.

непрерывным патрулированием. Ночь прошла спокойно, и только в шестом часу утра мы неожиданно оказались под ружейным огнем. Пули сыпались как горох по черепичным крышам фанз. Очевидно, охранение на рассвете просмотрело подход японцев и было сбито.

Я вышел на главную улицу села и тотчас же увидел картину вполне меня удовлетворившую. Несмотря на частый огонь, посередине улицы стоял командир Бугульминского полка и направлял роты, выходившие, как на учения. Поздоровавшись с людьми, я приказал одну роту направить для преграждения долины, остальные на намеченные еще вчера высоты.

На высотах правее дороги на Зан-Чан вместе с пехотой впервые стала 8-я горная батарея¹⁸⁹ и тотчас же открыла огонь по японским цепям, наступавшим по долине. Близость расположения горной батареи к частям, меткость ее огня сразу полюбили пехоте. Взрывы шрапнелей в районе уже подступавших цепей заставили японцев отбегать назад. Положение в районе Чембарского полка было быстро восстановлено. Силы японцев, по-видимому, не превышали одного полка с батареей. Из нескольких их попыток наступать все были остановлены огнем нашей артиллерии. После полудня бой стал затихать, и японцы начали постепенно отходить к Зан-Чану. Около трех часов пополудни пришло донесение командира 2-го Нерчинского полка, что Дапиндушан в наших руках, все посты на своих местах и связь с Синзентаном не прерывалась. При такой обстановке

¹⁸⁹ 8-я горная батарея – точнее, 8-я Восточно-Сибирская горная (скорострельная) батарея. Сформирована в 1904 г.

не могло быть и речи о каком-либо массовом продвижении японцев в северо-восточном направлении, в обход нашего левого фланга.

Считая цель рекогносцировки вполне достигнутой, я приказал бой прекратить, до рассвета всем оставаться на своих местах и тотчас же раздавать обед.

Генерал Ренненкампф тут же отправил донесение командующему армией. Пока он писал донесение, мы сидели на завалинке у одной из фанз. Вдруг какая-то шальная пуля на излете упала между нами. Ренненкампф со словами:

– Эдуард Владимирович, вы не будете у меня ее оспаривать? – с жадностью подобрал пулю и положил ее в портмоне. Восьмого утром мы выступили обратно и к вечеру были на своей половине.

Японцы никогда не прощали, если их, бывало, потревожишь. И действительно, 9-е число прошло спокойно, но уже 10-го утром из охранения стали поступать донесения о наступлении японцев со стороны Зан-Чана на Бересневские сопки и, охватывая их справа, на сопки, занятые батальоном Чембарского полка. Около четырех часов пополудни японская артиллерия открыла огонь по Бересневским сопкам, но до вечера решительного наступления пехоты не замечалось. 11-го же на рассвете японская артиллерия сразу повела напряженный огонь по Бересневским сопкам и по расположению Чембарского полка.

Так начались ноябрьские бои под Ценьхеченом, продолжавшиеся непрерывно до вечера 15 ноября. Все атаки японцев в течение 11-го числа были отбиты с полным успехом. 12-го они возобновили атаки, но снова были

отбиты. Сразу обнаружили прекрасные качества батарей 26-й артиллерийской бригады, особенно 6-й. Быстрота пристрелки, меткость и сила огня, умелый перенос его оказывали пехоте могущественную поддержку. Мы все были на позиции, все друг друга понимали, настроение было бодрое, уверенное. Атаки были отбиты. Особенно упорно вели атаку в этот день на участок Чембарского полка. Полковник Горелов отбил атаку, но сам был ранен пулей в шею. Несмотря на мороз, навалившийся сплошной стеной снег, Горелов тут же снял меховой сюртук, дабы вызванный врач мог наложить ему повязку. Снег падал так обильно, что образовалась как бы сплошная завеса, даже ружейный огонь затих. Вдруг стоявший за Чембарским батальоном полковой капельмейстер громко закричал:

– Смотрите, японцы выходят нам в тыл! – и действительно, среди валившего снега начали вырисовываться фигуры японцев, карабкавшихся со стороны долины, пролегавшей между Бересневскими сопками и расположением Чембарцев, на высоту, где стояли наши батареи. Положение требовало быстрого решения. Но прежде чем я успел двинуть части резерва, доблестный Горелов еще с неоконченной перевязкой бросился к своему батальону, повернул две роты кругом, стремительно атаковал японцев и сбросил их с высот. Положение было восстановлено. С 13-го числа японцы повели атаки на все три участка нашей позиции, но в течение последующих трех дней все их усилия разбились о стойкость полков дивизии. Все же 13-го вечером японцы успели порвать нашу непосредственную связь с Бересневскими сопками. Передача приказаний людьми прервалась, стала невозможна. Сигнализация флажками была еще совсем внове, в дивизии ее не успели изучить. Тем

не менее благодаря непрерывным стараниям 14-го утром с Бересневских сопок приняли наши сигналы и тотчас нам ответили. Эта удача вызвала ликование среди войск, и настроение еще поднялось. 15-го не только все атаки были отбиты и восстановлено полное общение с Бересневскими сопками, но было решено с рассветом следующего дня, с подходом высланных к нам подкреплений: 22 и 24-го Восточно-Сибирских стрелковых полков – перейти в энергичное наступление в направлении на Зан-Чан.

В ночь на 16-е число японцы отошли к перевалу Ванлихе, который и был нами атакован 16-го числа. Генерал-лейтенант Ренненкампф требовал немедленного штурма перевала, но, наученный опытом сентябрьских боев, я категорически этому воспротивился и указал, что штурм надо начать лишь тогда, когда посланная мною часть успеет выйти на дорогу, пролежавшую за высотами вправо от нас. Эти высоты тянулись под прямым углом к перевалу Ванлихе, и можно было быть уверенным, что за ними, параллельно им, окажется дорога, проходившая на Зан-Чан и с которой можно было взять перевал Ванлихэ с тылу. Эту операцию я доверил оставшемуся в строю полковнику Горелову. Горелов отлично понял, в чем дело, и под прикрытием усиленного огня всей нашей артиллерии удачно перевалил через хребет и занял действительно оказавшуюся там дорогу. В четыре часа пополудни мы произвели общую атаку. Атакованные с фронта и угрожаемые с тыла, японцы сдали и стали отходить на Зан-Чан с такою быстротою, что мы не могли их догнать.

О захвате перевала и наступлении на Зан-Чан было одновременно донесено генерал-адъютанту Куропаткину и командующему только что сформированной 1-й армии генералу от инфантерии Линевичу.

Генерал Линеви́ч одобрил наш план и обещал двинуть за нами уступом один из корпусов 1-й армии. Но от генерала-адъютанта Куропаткина была получена ответная телеграмма: «Ваши действия выше всяких похвал, но наступление несвоевременно, прекратить его и стать на старые места».

К сожалению, у меня нет под рукой такой карты, которая могла бы наглядно показать всю выгоду для нас наступления в направлении на Зан-Чан уступами слева. Мы этим обходили правый фланг японских армий, приобретали все выгоды уступного порядка, столь удобного для маневрирования, взаимной поддержки и быстрого сосредоточения на важнейшем направлении боя.

Но надо думать, что у главнокомандующего были веские причины для отказа от столь выгодной операции, нам пришлось подчиниться, и мы, оставаясь на тех местах, на которых закончились бои 17 ноября, продолжали тщательно укреплять и развивать наши позиции.

Три полка дивизии были вместе, в недалеком будущем ожидалось прибытие и Дрисского полка из отряда Коссоговского. Стояли уже крепкие морозы, доходившие до 15–20 °R. Все занимаемые фанзы были тщательно оборудованы, все землянки снабжены печами. Подвезли теплую одежду. Довольствие также шло успешно. Бугульминский полк не только сумел в изобилии закупать баранов в пищу, но еще из каждой двух шкур выделять по три папахи.

Пользуясь затишьем, я успел произвести подробные инспекторские смотры, причем опросил всех людей не только относительно их материальных нужд, но и насколько

они могут сообщаться со своими на родине. И все ответы сводились к следующему: все получаем и письма, и посылки, письма в среднем через месяц, посылки через пять-шесть недель; только сапоги никогда не доходят. Крупные остатки от хозяйственных оборотов позволяли широко закупать необходимое белье, сахар, мыло, табак и бесплатно выдавать их людям. Обилье мыла и наличие бань очень помогали в борьбе с паразитами и поддерживали отличное санитарное состояние в частях.

Я запретил увольнение кого бы то ни было в отпуск в Харбин. Для необходимых же закупок от полков и артиллерии командировались офицеры по назначению командиров частей, им придавалось необходимое число солдат, которые закупали и привозили все необходимое и все заказанное. Таким путем все постепенно обзавелись полушубками, папахами, валенками и т. п. Но больше всего офицеры выписывали всякие сладости, особенно пастилу, шоколад, леденцы, которые поглощались в огромном количестве. Во время войны появляется какая-то особенная потребность к сладкому, даже у тех, кто в обыкновенное время никогда до сладкого не дотрагивается.

Мы прочно устроились, жили в полном порядке и легко переносили морозы, которые все крепчали. Некоторые из сопок имели особо угрюмый вид, и по ночам оттуда раздавался вой голодных волков.

Показателем того, насколько прочен был внутренний порядок, может служить следующей пример. В одну из декабрьских ночей вдруг началась ружейная перестрелка, затем как бы взрывы патронов. Оказалось, что в Бугульминском полку от чрезмерной топки печей запылали несколько

землянок и начали взрываться жестянки с патронами. К счастью, все люди успели повыскакивать и тотчас же по команде дежурного по полку стали строиться впереди своих землянок, никто не сгорел. Прибывший на бивак командир полка отдал необходимые распоряжения и большая часть землянок была сохранена. Тотчас же были отправлены конные ординарцы во все части с извещением о происшедшем, и нигде не произошло тревоги.

В самом селении Ценхичень была устроена военная полиция, которая поддерживала порядок и ограждала жителей от каких-либо обид. Но потребность в топливе была так велика, что несмотря на строгость охранения, стоявшие пустыми две фанзы постепенно как бы выветрились и исчезли бесследно.

Недавно сформированные конные охотничьи команды несли службу разведки вполне удовлетворительно. Прибыли 2-я и 3-я горные батареи.¹⁹⁰

Приданные дивизии два Восточно-Сибирских полка, 22-й и 24-й, прибыли под командой командиров особо выделенных своим начальством. Командир 24-го полковник Лечицкий был образцовым командиром не только во время боев, но и в периоды затишья, когда приходилось производить тяжелые работы по укреплению позиций, исправлению путей и т. п. Не только в точности исполнял все наряды, но где требовалось, сам их усиливал, лишь бы

¹⁹⁰ 2-я и 3-я горные батареи – точнее, 2-я и 3-я Восточно-Сибирские горные (скорострельные) батареи. Сформированы в 1904 г. Эти батареи, видимо, должны были входить в один из восьми Восточно-Сибирских горных артиллерийских дивизионов.

обеспечить успех дела. Человек недюжинных военных способностей, обладавший в высокой мере военным глазомером, человек долга, правдивый в донесениях и докладах. Недаром солдаты полка так гордились им и говорили про него: «Наш командир всем командирам командир».

Совсем иным являлся командир 22-го полка полковник Некрасов – весь на рекламе, требовавший постоянной проверки, как в исполнении нарядов, так в особенности представляемых им донесений.

Очень характерно обрисовывает его моя беседа с командирами по поводу предстоящих наград. Вслед за окончанием ноябрьских боев, было получено распоряжение 1-й армии: «Ввиду доблестного поведения частей дивизий в последних боях разрешаю, помимо представления к статутным наградам, представить к очередным наградам половину всех офицеров, бывших в строю во время боев, в том числе от 71-й дивизии разрешаю представить 8 офицеров к награждению чином».

Хотя 22-й и 24-й Восточно-Сибирские стрелковые полки подошли к нам только вечером 15 ноября и участвовали лишь в наступлении и овладении перевалом Ванлихе, я решил распространить и на них пожалованную норму наград, кроме производства в чины.

Собрав командиров частей, объявил им о разрешенном представлении к наградам. Полковник Лечицкий благодарил за внимание, оказанное полку, полковник же Некрасов заявил:

– А что же я скажу другой половине офицеров, которых не представляю к наградам, как буду им смотреть в глаза?

Подошли наконец и приданные дивизии полевые госпитали, 30-й и 31-й, и были расположены: 31-й – в д. Сонлунью за Далинским перевалом, в 18 верстах от д. Ценхенчень, и 30-й – в окрестностях города Фушуна, у начала узкоколейки Дековилля, проложенной от г. Фушуна до д. Мадзяндзянь.

Эти госпитали в дальнейших боях сослужили нам большую службу, принимая от нас всех серьезно раненных, которые могли выдерживать перевозку на подводах или санитарных двуколках. Особенно тяжело раненных и всех легко мы оставляли в д. Ценхенчене, в дивизионном лазарете. Среди таких тяжело раненных находились и три японца – солдаты, подобранные нами после боев; лежавший же с ними офицер не дал себя взять и, собрав последние силы, застрелился. Вообще, в первый год войны японцы дрались с необычайным упорством и здоровыми ни при каких условиях не сдавались в плен. Даже подобранные нами раненые, лежа вместе с нашими, обласканные, накормленные, все же пытались себя уничтожить: один при помощи оказавшейся у него веревки задушил себя; другой, попросив пить, успел проглотить яд и скончался в сильных страданиях, все время крестясь по-католически; третий, совсем уже ослабевший, все пытался засунуть кулак в рот, в расчете, что таким путем задушит себя.

И не то чтобы они не ценили наш уход за ними, напротив, они или знаками, или через переводчика всегда высказывали благодарность. Однажды при обходе раненых я натолкнулся на такую сцену. Раненый японец знаками просил у санитары помыться и, когда санитар исполнил его просьбу, улыбаясь благодарил, посылая санитару воздушные

поцелуи. Рядом с японцем лежал раненый бородач-чембарец. На вопрос санитаря:

– А ты не хочешь помыться? – бородач только посмотрел на него и проговорил:

– А нешто меня так не узнаешь?

Но и те из наших солдат, которые не очень заботились о том, чтобы помыться, с увлечением, при первой возможности шли в баню и парились. Помимо построенных частями, любители сами устраивали еще бани следующего типа: вырывали глубокую, в рост среднего человека, цилиндрической формы двойную яму, ширина внутреннего цилиндра такая, чтобы человек мог свободно в ней стоять, не прикасаясь телом к горячей земле. Кругом этого цилиндра вырывалась пустота такой только ширины, чтобы в ней могли гореть опускаемые дрова. Огнем этих дров стены внутреннего цилиндра настолько нагревались, что к ним нельзя было прикасаться. Когда такая баня была достаточно накалилась, любители раздевались по очереди тут же на морозе, при помощи рук опускались в яму и оставались в ней, кто сколько мог; затем таким же путем выскакивали на мороз медно-красного цвета, так что пар от них валил, и, прежде чем одеться, несколько секунд стояли голыми над ямой.

6 декабря, в день тезоименитства государя Николая Александровича, был назначен церковный парад при 283-м Бугульминском полку, праздновавшем в этот день свой первый полковой праздник.

Было 19 °R мороза при полном безветрии. Молебн, как всегда, служили перед строем полка. На парад, после провозглашения здравия и благоденствия Его Император-

скому Величеству, были розданы Георгиевские кресты и медали всем представленным за Лаоянские, сентябрьские и последние бои.

Полк представился отлично в новых самодельных папах. Людям были выданы чарка водки, улучшенный обед и чай с белым хлебом. Мы все собрались в фанзе командира полка. В полку оказались хорошие повара, булочники, кондитеры, колбасники, которые приготовили отличный обед. Вино красное и белое и двенадцать бутылок шампанского были присланы главнокомандующим в подарок полку и, хотя оно в пути замерзло, мы пили его с большим удовольствием.

Незаметно подошли праздники. Пользуясь полным затишьем на фронте и пребыванием в нашем расположении маркитанта, доставившего нам несколько окороков ветчины и красного вина, я в первый день Рождества пригласил к обеду всех командиров частей.

В ожидании гостей я сидел и подписывал необходимые распоряжения, когда вошел Фома и доложил, что желает представиться прапорщик Зетть. Не отрываясь от дела, я только сказал:

– Проси и поставь прибор.

Подписав последнюю бумагу, встал и, увидев перед собой знакомое лицо, только тут сообразил, в чем дело. Протянув ему обе руки, я воскликнул:

– Так вы живы, а ведь я на запрос вашего отца написал ему, что вы погибли в бою 26 сентября, и сообщил, как хорошо вы сумели себя поставить и заслужили общее расположение и уважение. Что он бедный пережил.

Зетть, улыбаясь, ответил:

– Не волнуйтесь напрасно, я был ошибочно показан убитым, тогда как был лишь тяжело ранен, благополучно эвакуирован, и судьбе было угодно, чтобы мы вместе с отцом прочли ваше письмо. Отец вам очень благодарен за ваше внимание.

Я тотчас же провел его на другую половину фанзы и представил всем вернувшегося с того света прапорщика – и мы весело сели за стол.

В день Нового года после обедни зашел к командиру Бугульминского полка на шоколад. Все чины полкового штаба еще накануне были заинтригованы и неприятно поражены внезапным исчезновением полкового мясника вместе с самым большим быком, купленным еще под Ляояном и которого мясник ни за что не соглашался резать, упрашивая каждый раз оставить его на черный день.

Поиски никакого результата не дали. Очевидно, люди были в заговоре, потому что около полудня в ворота фанзы въехал разряженный мясник верхом на быке, убранном бумажными лентами разных цветов и, остановившись посередине двора, поздравил командира с Новым годом, причем тут же и был сфотографирован.

Боевых действий не было, но деятельность штаба шла напряженным темпом. Я постоянно обходил позиции и наблюдал за их совершенствованием как в боевом отношении, так и в смысле удобств проживания на них.

Хожение по сопкам, в особенности в первое время, вызывало большое физическое напряжение. Часто непосильное для многих штаб-офицеров и ротных командиров. Некоторые не выносили его и прямо

заболевали от натуги. В числе таких от натуги заболел заворотом кишок начальник штаба полковник Скалон, и хотя его тотчас же отвезли в 31-й госпиталь для производства операции, но в госпитале ясно обозначились признаки заражения крови, и на пятый день он скончался, причем последние три дня совершенно не страдал. Но большинство втянулось и вполне освоились с действиями в горах.

Начальником штаба дивизии был назначен Генерального штаба подполковник Хростицкий.¹⁹¹

В конце декабря пал Порт-Артур, и с января стало замечаться усиление противника, расположенного против нас.

В то время как мы стояли в полном бездействии, на правом нашем фланге в последних числах декабря – в первой половине января 1905 года были предприняты две наступательные операции: кавалерийский рейд генерал-лейтенанта Мищенко на Инкоу, не давший никаких существенных результатов,¹⁹² и частичное наступление 2-й

¹⁹¹ Хростицкий Анатолий Владимирович (1867–1919) – русский генерал, участник Белого движения. В 1904 г. штаб-офицер для особых поручений при штабе Восточного отряда, затем – в распоряжении командующего Манчжурской армией. В 1905 г. начальник штаба 71-й пехотной дивизии, произведен в полковники. В 1914 г. генерал-майор, начальник штаба Гренадерского корпуса.

¹⁹² Рейд конного отряда генерала П. И. Мищенко на г. Инкоу продолжался с 26 декабря 1904 по 6 января 1905 г. и каких-либо серьезных последствий не имел.

армии на Сандепу, окончившееся неудачей,¹⁹³ и после которой командующий 2-й армией генерал-адъютант Гриппенберг позволил себе самовольно покинуть армию. На его место прибыл генерал от кавалерии барон Каульбарс.

Об эту же пору был вызван в главную квартиру генерал-лейтенант Ренненкампф для принятия начальствования над кавалерией, действовавшей на правом фланге армии.

Подошел наконец и Дрисский полк, и в первый раз за время войны вся дивизия оказалась в сборе, но увы, ненадолго, потому что, не могу хорошенько припомнить когда именно, но в это же время, то есть в первой половине января, была вдруг потребована 2-я бригада дивизии, Бугульминский и Чембарский полки, в резерв главнокомандующего за 180 верст от нашего расположения, и так спешно, что маршрут был прислан на восемь переходов. Но затем с пути Бугульминский полк был возвращен обратно и вновь стал на свои позиции; Чембарский же полк принял участие в Мукденских боях¹⁹⁴ при 3-м Сибирском корпусе на Гаутудинском перевале. Одновременно 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк был заменен 21-м Восточно-Сибирским стрелковым полком.¹⁹⁵ Во второй

¹⁹³ Сражение при Сандепу продолжалось с 12 по 15 января 1905 г.

¹⁹⁴ Сражение в районе г. Мукдена продолжалось с 6 по 25 февраля 1905 г.

¹⁹⁵ 21-й Восточно-Сибирский Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны стрелковый полк сформирован в 1865 г. как 72-й резервный пехотный батальон. С 1900 г. – 21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С 1907 г. –

половине января совершенно точно определилось сосредоточение против Цинхеченских позиций явно превосходных сил противника и постоянный подход к ним свежих сил. Но несмотря на точность и обоснованный, спокойный тон донесений (а может быть и в силу этого), в главной квартире продолжали верить и считать, что главный удар против нашего левого фланга намечается на Гаутулинский перевал, в районе 3-го Сибирского корпуса.

В последних числах января японцы перешли в наступление, а с 31 января уже повели атаки против Бересневских сопок и против расположения Дрисского полка, занявшего позиции чембарцев.

Так начались в нашем районе Мукденские бои. В течение 11 дней все усилия японцев разбились о стойкость наших войск. Постепенно усиливая свои войска, японцы начали обтекать нас и с левого фланга в направлении на деревни Ченья и Чампур, что грозило нам потерю пути на Далинский перевал – Сонлунью – Фушун – Телин, сохранение которого составляло главнейшую задачу нашего отряда.

11 февраля Бересневские сопки были взяты штурмом 5-й японской дивизией, подошедшей из под Порт-Артура, после того как подполковник Береснев был тяжело ранен в голову. Соппротивление было оказано до последнего предела, произошел в действительности штыковой бой, и сброшенные с высот остатки трех рот Бугульминского полка

21-й Восточно-Сибирский стрелковый Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полк. В 1914 г. входил в состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Никольск-Уссурийский.

в числе 39 человек, перейдя поперечную долину р. Цин-чо-хе, поднялись на гору Ренненкампфа, на которой уже занял позицию батальон 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Подойдя к остаткам рот, я поздоровался с ними, а они мне заявили:

– Ваше превосходительство, мы не виноваты, нас так мало осталось, что мы перестали друг друга видеть.

– Да я вас и не виню, напротив, от всего сердца благодарю за вашу доблесть, но, к сожалению, полного отдыха вам дать не могу, а лишь на полчаса, а потом вам придется стать на позицию вместе с ротами 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

– Покорнейше благодарим! – был их ответ.

Пока я отдал приказание командиру 5-го Забайкальского казачьего батальона¹⁹⁶ о выдвижении двух рот в долину, дабы японцы не могли прорваться через нее, прошло несколько минут. Подойдя к группе бугульминцев, увидел их мирно сидящими и закусывающими.

Положение стало очень серьезным. Почти все части были втянуты в бой, а японцы продолжили распространяться вправо в охват нашего левого фланга. Предстояло решить, отстаивать ли до конца Цинхеченские позиции, создавшие столь добрую славу дивизии, или сохранить в своих руках

¹⁹⁶ 5-й Забайкальский казачий батальон формировался несколько раз: в 1900 г. вошел в Забайкальскую казачью пешую бригаду, в том же году расформирован; вторая дата формирования неизвестна, расформирован в 1903 г.; в 1904 г. расформирован в 1906 г. Именно о последнем и идет речь в воспоминаниях автора.

путь на Телин. Колебания быть не могло. Сохранить в наших руках путь на Телин и уберечь войска для прикрытия этого пути составляло главную задачу отряда. От этого, в случае общей неудачи, зависела судьба всех армий, и я, заняв частями резерва перевалы Далин, Чейлин, Папанлин, не колеблясь приказал вечером того же дня начать отход на Сонлунью.

Отход совершился беспрепятственно. Натруженные японцы возобновили атаки лишь на следующий день.

На рассвете этого дня в Цинхечен прибыл наш санитарный транспорт, который и забрал всех еще остававшихся в Цинхечене тяжело раненных. Стояли крепкие морозы, особенно по ночам, но днем действие солнца уже намного смягчало мороз, чувствовалось, что зима подходит к концу.

Перевал вместе со всеми прошел пешком, пропуская кухни, патронный, вьюки, артиллерию и самые части. Порядок был полный. Ко мне подошел раненый офицер и доложил:

– Умиравший тут в фанзе наш капитан увидал вас и просит подойти, чтобы проститься с вами.

Я тотчас же вошел к нему. Он едва мог говорить, взял за руку своего товарища, дал ему свой тельный крест и прошептал:

– Отдай сыну.

Тогда тот нагнулся к самому его лицу и выговорил:

– Прости жену.

Умиравший как будто хотел привстать, сделал последнее мятущееся движение, но выговорил только едва внятно:

– Не могу. – И скончался.

В Сонлунью мы пробыли 12 февраля и день 13-го. Арьергарды вели бои на перевалах и без особого напряжения сдерживали натиск японцев. Около полудня вернулся к отряду генерал-лейтенант Ренненкампф, которого генерал-адъютант Куропаткин, ввиду серьезности положения в бывшем его отряде, тотчас же снял с командования кавалерией на правом фланге и вернул к отряду. Было решено держаться на перевалах, доколе только позволит обстановка, и дать войскам хоть небольшую передышку. Но под вечер прискакал конный ординарец от отправленного с батальоном в тыл на отдых командира 2-го батальона Чернойарского полка подполковника Квинихидзе, который доносил: «Батальон 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, занимавший Папанлинский перевал, отступил с позиции, и японские цепи подходят к дороге от Сонлунью на Мадзяндзянь верстах в пяти севернее Сонлунью. Поднял батальон по тревоге и выступает против них».

К счастью, в ту минуту как прибыло это донесение, у нас с генерал-лейтенантом Ренненкамфом были собраны командиры полков, стоявших в резерве за перевалами, и было принято решение держаться на занимаемых позициях возможно дольше.

Полученное донесение сразу изменило положение. Неожиданный отход арьергарда с перевала Папанлин, без донесения даже об отходе и появление японцев в тылу, заставило принять новое решение: окончательный бой принять на Мадзяндзянской позиции в 15 верстах севернее Сонлунью. Тотчас же начать отход, и если Квинихидзе не удастся отбросить японцев, самим пробиваться штыками.

Пока отдавались эти распоряжения, я приказал полковнику Полянскому с остальными батальонами полка поддержать Квинихидзе и занять позицию у д. Убеньяпуза, на которой полку, пропустив все прочие войска на Мадзяндзян, оставаться, составив арьергард, и задержать противника, пока я смогу осмотреть позицию у Мадзяндзяни и поставить на ней войска.

Настроение в отряде было бодрое, марш выполнен в полном порядке. Мы с Ренненкампом шли пешком в голове Бугульминского полка, предназначенного для штыковой атаки японцев, если бы путь оказался прегражденным.

Энергичные действия Квинихидзе, вовремя поддержанного командиром полка, заставили японцев отойти, и мы к полуночи беспрепятственно достигли д. Мадзяндзян. Настроение в частях было такое бодрое, дух такой молодецкий, что, несмотря на всю угрожаемость положения, все было сделано также спокойно и просто, как оно здесь рассказано, и кто бы нас встретил на марше, никогда бы не заподозрил, что мы идем в тисках, готовые штыками проложить себе выход, и совершаем простое походное движение. Гостивший при отряде австрийский военно-уполномоченный подполковник граф Шептицкий, идя рядом со мною, после довольно продолжительного молчания, проговорил:

– Удивительно, как у вас все хотят, чтобы все вышло возможно лучше.

Около полуночи мы достигли д. Мадзяндзян. Можно было бы до рассвета отдохнуть, но 31-й госпиталь, уходя, увез свои печи, фанза была нетоплена, мороз до 20 градусов и в фанзах тоже стоял мороз.

С первыми проблесками рассвета я выехал в сопровождении начальника штаба, генерал-майора Эрис Хан Алиева, командиров полков и батарей на высоты в трех-четыре верстах от д. Мадзяндзян, и мы очень скоро наметили позицию по высотам, расположенным по обе стороны довольно широкой поляны, по которой пролегалла дорога на Фушун-Телин. Да медлить и не приходилось. В семи верстах к югу от нас у д. Убеньяпузы Чернойарский полк выдерживал упорный бой, сдерживая бешеный натиск японцев. Доблестный полковник Полянский, отбив в течение дня семь атак, отошел на главную позицию лишь тогда, когда я его уведомил, что главная позиция занята, все готово и он может отходить и стать в резерв за главной позицией.

Поняли наконец и в главной квартире всю серьезность нашего положения, и к нам постепенно подходили подкрепления: 9-й¹⁹⁷ и 10-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, Куликовский резервный полк¹⁹⁸ и батальон 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Занятая и укрепленная нами позиция продольною долиною разделялась на две неравные половины и имела

¹⁹⁷ 9-й Сибирский стрелковый полк сформирован в 1880 г. как 4-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. С 1898 г. – 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, 21 марта переименован в 9-й. В 1914 г. входил в состав 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Владивосток.

¹⁹⁸ 36-й Сибирский стрелковый полк сформирован в 1903 г. как 36-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С 1910 г. – 36-й Сибирский стрелковый полк. В 1914 г. входил в состав 9-й Сибирской стрелковой дивизии. Дислокация – Владивосток.

общий вид дуги, выгнутой к стороне противника. Окопы и войска были расположены по высотам. Долина днем не занималась и лишь на ночь поперек нее выставлялось сторожевое охранение для предупреждения возможного прорыва ночью.

В общем резерве всегда стоял один из полков, сменяемых по очереди из боевых линий, как бы на отдых. На каждом же полковом участке ряд частых резервов, по роте от каждого батальона, от каждой из рот боевой линии – один вход в поддержку непосредственно за своей ротой. При отражении атак поддержки и частные резервы в решительную минуту вступали в бой. По отбитии же атаки, тотчас же вновь выделялись из боевых линий и возвращались в свои окопы. Только благодаря строгому соблюдению такого порядка и удалось отбивать непрерывные атаки в течение последующих восьми дней. Новый начальник штаба подполковник Хростицкий мастерски вел учет войск и я всегда знал, чем располагаю в действительности.

Штаб дивизии и дивизионный лазарет стояли в д. Мадзяндзян, сам же начальник штаба со строевым отделением расположился в одинокой фанзе, стоявшей укрыто в лощинке на самой позиции. Эвакуация раненых шла непрерывно по конно-железной дороге на Фушун и далее.

Еще в ночь с 14-го на 15-е японцы произвели ряд частных атак, очевидно, с целью разведки. Начиная с рассвета 15 февраля они вели и днем, и ночью одну атаку за другой, с криком и бранью по-русски. Шли с необычайной отвагой и решимостью, никакой огонь, никакие потери не останавливали их; они шли по своим трупам, часто делая из

них же заслон для передышки, подходили к нашим окопам на 30–40 шагов, но опрокинуть наших не могли и, расстреливаемые в упор пачечным, иногда залповым огнем, отхлынывали назад и залегали в нескольких сотнях шагов, прикрываясь, как сказано, трупами собственных убитых.

Обе стороны ясно понимали: одна, что сделать нельзя, а другая, что надо сломить во что бы то ни стало, борьба приняла прямо героический характер. Брань прекратилась.

Но положение для нас становилось все труднее. На стороне японцев было явное превосходство сил и они чаще могли пускать в бой свежие части. Наши же полки таяли, и держаться становилось все труднее. Могучим подспорьем при отражении атак явились впервые примененные за эту войну ручные гранаты, которые нам изготовлял день и ночь из пироксилиновых шашек отрядный инженер подполковник Рукин. Японцы, выдерживавшие пачечный огонь на расстоянии нескольких десятков шагов, не выдерживали взрыва ручных гранат и сразу отхлынывали на несколько сот шагов.

Вероятно, для нашего ободрения генерал-адъютант Куропаткин по разу, по два в день присылал телеграммы: «Наши дела идут блестяще, все атаки японцев нами отбиваются с огромными для них потерями». Эти телеграммы немедленно передавались по всем позициям, но невольно ставился вопрос: если так, то за что же приносить нас в жертву до конца и не поддержать нас стоявшим за нашим расположением в непосредственном распоряжении главнокомандующего 1-м Сибирским корпусом.

Под утро 16-го я немного прилег, но заснуть не мог и приказал подать помыться. Едва встал на ноги, мне

сделалось дурно. Посидев немного, вторично встал, но тут со мной сделался обморок, за ним второй. Попробовал выпить чаю и не смог. Тогда я подозвал Эрис Хан Алиева и просил его выйти за меня к войскам, что я останусь тут на позиции, но войскам в таком виде показываться не буду. Дивизионного же врача просил дать какое-нибудь возбуждающее средство. Он отказал под предлогом, что это слишком вредно, и уверял меня, что если бы я съел фунт-полтора сахара, то силы восстановились бы. Поставив в известность о случившемся со мной генерал-лейтенанта Ренненкамппа, я остался лежать пластом и так пролежал 16-го и 17-го числа, когда, наконец, поев хорошенько, заснул, и на рассвете 18-го опять вступил в командование и обошел часть позиции.

Бой все время шел с одинаковым напряжением. Главные усилия японцев были направлены на наш правый фланг. Получив в подкрепление от Куроки еще бригаду пехоты, они вели атаку за атакой, но все их усилия разбились о стойкость черноморцев и бугульминцев. Последние понесли такие потери, что я вынужден был им придать батальон 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Так шло до вечера 20 февраля. Атаки как бы несколько затихли; подошли две роты, назначенные в охранение долины, как вдруг получаю донесение непосредственно от командира батальона 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, занимавшего важнейший участок позиции в составе Бугульминского полка: «По нас открыли огонь с тыла, все защитники перебиты, позицию удержать не могу».

Прорыв на этом участке неминуемо повел бы за собой потерю позиции, нельзя было даже тратить время на

проверку донесения и пришлось принять отчаянное решение – направить прибывшие в охранение две роты на позицию, а долину оставить временно открытой.

Написал приказание командиру Дрисского полка, только что на рассвете смененного в резерв, о высылке двух батальонов в поддержку Бугульминскому полку и донес генерал-лейтенанту Ренненкампу.

Но прежде чем я успел отправить последние два распоряжения, в фанзу вошел ординарец командира Бугульминского полка и подал очередное вечернее донесение, в котором ничего подобного донесенному командиром стрелкового батальона не заключалось.

Успокоенный, я стал расспрашивать унтер-офицера и первым делом спросил:

– Какой такой огонь вас так сильно беспокоит и наносит вам потери?

Унтер-офицер ответил:

– Огонь со стороны противника как бы затих. А от нашей артиллерии на каждые четыре сильные выстрела раздается один слабее и от этого слабого выстрела снаряд падает в расположение полка, главным образом стрелкового батальона.

– И что же, много наносит потерь?

– Никак нет, когда я поехал, было ранено 4 человека.

Из этого простого рассказа стало ясно, что горная батарея при Куликовском резервном полку, стоявшем уступом сзади на правом фланге позиции, неверно взяла направление и поражала своих. Командиру батареи было

приказано огонь прекратить и выслать офицера на позицию для проверки направления.

Тревога оказалась ложной, но ряды защитников настолько поредели, что все же приходилось с утра ввести в боевую линию и Дрисский полк и просить генерал-лейтенанта Ренненкампа дать мне в резерв какую-либо из частей, находившихся в его распоряжении.

Ночь на 21-е прошла спокойнее предыдущих ночей. Рано утром 21-го пришла очередная телеграмма от главнокомандующего: «Дела наши идут блестяще, все атаки японцев отбиваются с огромными для них потерями», и только что была разослана по позиции. Меня прямо взяло зло, потому что час тому назад я вынужден был приказать командиру Дрисского полка выступить на позицию для заполнения образовавшихся перерывов из-за убыли людей. Мы стояли с подполковником Хростицким у подножья сопки, за которой находились знамена Черноморского и Бугульминского полков под прикрытием сборной роты из остатков охотничьих команд в числе 60 человек, которые и составляли весь мой резерв.

Часов в 11 утра подали телеграмму, впервые за подписью Линевича, гласившую: «Для спасения армии и чести России вам надлежит держаться до конца». Мы еще не знали ни о катастрофе, происшедшей во 2-й и 3-й армиях, ни о смене главнокомандующего, но стало ясно, что случилось что-то чрезвычайное.

Пока мы гадали, что именно произошло, подошел следовавший на позицию Дрисский полк. Я приказал его остановить, поздоровался с полком, затем прочел полученную телеграмму и спросил:

– Понимаете ли, что от нас требуется? Победы сейчас одержать не сможем, но нам надо постоять до конца и тем спасти армию от окружения.

– И постоим, – серьезно ответили бородачи, так просто, так уверенно, что я им только сказал:

– Так с Богом, верю, что постоите.

И мы опять остались со знаменами и со сборной ротой.

В этот день японцы перенесли главный удар на левый участок позиции, на котором стояли 9-й и 10-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. За болезнью бригадного командира в командование участком вступил командир 3-й горной батареи полковник Мунтянов.¹⁹⁹ Около полудня он донес: «Атаку успешно отбил, но назревает новая атака. Ввиду чрезмерного утомления людей прошу чем можно поддержать». Отсчитал от сборной роты 30 человек и поручил их вести вызвавшемуся на то есаулу 5-го Забайкальского казачьего батальона Попову:

– Ведите и скажите, что это все, что смог прислать.

Японцы хоть и повторили атаку, но уже без прежней энергии, причем кричали из рядов:

– Будет вам стрелять, и так уж чуть не всех перебили.

Вот в эту бы пору передать генерал-лейтенанту Ренненкампу 1-й Сибирский корпус для перехода в решительное наступление – полный успех несомненно был бы на нашей

¹⁹⁹ Мунтянов Кузьма Евстафьевич в чине генерал-лейтенанта с 11 февраля 1915 по 10 мая 1916 г. был инспектором 29-го армейского корпуса.

стороне, так как войска Кавамуры,²⁰⁰ очевидно, надломились, и удар по 2-й и 3-й армиям в значительной степени был бы парализован. Но 1-й Сибирский корпус за дни боев был дважды направляем на правый фланг наших армий (за 45 верст в один конец) и дважды возвращаем обратно, нигде не приняв настоящего участия в бою.

22-го числа атак не было. Днем пришло приказание ночью начать отход с позиций, имея общее направление на д. Чанту. 9, 10 и 22-й Восточно-Сибирские стрелковые полки направить на Фушун на присоединение к своему корпусу.

* * *

Так закончились Мукденские бои для 71-й дивизии. Она выдержала непрерывные бои с 31 января по 22 февраля 1905 года. Каково было при этом напряжение, лучше всего доказывают потери, понесенные дивизией в этих боях. Из двенадцатитысячного состава дивизии, ставшей на Мадзяндзянскую позицию в ночь с 14 на 15 февраля, ночью 22 февраля сошло с позиции всего 31 офицер и 2500 солдат. В Бугульминском полку осталось 8 офицеров, в том числе командир полка, и 510 солдат. И вслед за приказанием об отходе пришло уведомление, что навстречу дивизии высылаются укомплектованная первая тысяча к д. Чанта, которую я целиком влил в Бугульминский полк; последую-

²⁰⁰ Кагэаки Кавамура (1850–1926) – японский маршал, барон. В начале Русско-японской войны командовал 10-й пехотной дивизией. В 1905 г. командующий 5-й армией, участвовал в Мукденском сражении.

щие две тысячи должны были подходить в следующие дни. Кроме того, из офицерского резерва в дивизию было направлено до 150 штаб- и обер-офицеров.

Отход наш совершился беспрепятственно, японцы не преследовали, и мы отходили без выстрела. И хорошо. Все были до того утомлены, что двигались как тени. Когда я на пути присел на кан в одной из фанз и стал показывать командирам полков намеченную мною линию охранения, сидевший вправо от меня командир Бугульминского полка полковник Зарака-Зараковский положил палец на карту и хотел что-то сказать, но вдруг соскользнул на землю и, уткнувшись головой в мое колено, мгновенно заснул.

На четвертый день отхода к нам подошел Чембарский полк, участвовавший в боях на Гаутулинском перевале среди войск 3-го Сибирского корпуса. Полк был в составе до 1600 человек, командир полка полковник Бемельбург, раненный пулей навывлет в плечо, остался в строю и следовал с полком.

Впечатление от совершенного 71-й дивизией, надо прямо сказать, подвига было различно. Генерал-адъютант Куропаткин, превознося дивизию на словах, отдал специальный приказ о боях под Мадзяндзянью, в котором больше всего восхвалял генерала Ренненкампфа, а мою фамилию забыл даже упомянуть. Большинство в армии как будто было в претензии, как это – второочередная резервная дивизия и вдруг стала в уровень с лучшими Восточно-Сибирскими стрелковыми дивизиями. Даже генерал-лейтенант Иванов, с которым у нас еще с 1900 года были самые лучшие отношения, первое время стал как бы сторониться от меня. Один генерал Линевич без всяких лишних слов прислал указание, чтобы от 71-й дивизии,

помимо статутных наград, представить к наградам всех офицеров, в том числе двух командиров полков в генерал-майоры, и 10 штаб- и обер-офицеров к производству в следующие чины.

Как это всегда бывает, и при отходе не обошлось без некоторых комических эпизодов.

Когда мы несколько отдохнули, явилась потребность побаловать себя. По пути мы могли все закупить в изобилии, кроме хлеба, которого у нас совершенно не было. Обедавший с нами полковник Мунтянов объявил, что у него есть такой фуражир, который достанет все, что нужно, хотя бы из-под земли. Давайте его сюда. Когда фуражир явился, я вручил ему 75 рублей и говорю:

– Я тебе в конвой дам трех казаков, проедешь с ними в Телин и купишь там сколько сможешь хлеба, черного или белого – все равно; если хлеба не будет, то галет, и лишь в крайности – печенья. Понял?

– Точно так все будет исполнено.

Пропадал он три дня, но наконец благополучно вернулся и доложил, что все исполнил. – Так неси.

Он вновь вошел и положил на стол мешок, в котором что-то лежало довольно тяжелое, но мало объемистое.

– А хлеб где?

– Хлеба в продаже совсем не было, я выпросил только три черных хлеба, которые и передал вашему вестовому.

– А что ж купил?

– Все, как изволили приказать. – И вынул из мешка две бутылки какого-то итальянского вина и тридцать пять полубутылок простого рома местного производства. Я

позвал Хростицкого и просил пригласить Мунтянова к обеду, а Фоме наказал поставить перед его прибором все 35 бутылочек рому. Когда Мунтянов пришел, мы подвели его к столу и поздравили с действительно гениальным фуражиром. Хохоту было много, смеялся и сам Мунтянов, несмотря на сильный конфуз.

На пятый или шестой день отхода вдруг подскакивает ординарец от роты, следовавшей в голове колонны и докладывает:

– Ваше превосходительство, перед нами, насколько видно глазом, по сторонам дороги стоит боевая цепь. Во всяком случае не японская.

– Анненков, выезжайте вперед и спросите, кто такие?

Возвратившийся Анненков доложил:

– Подумайте, Ваше превосходительство, спрошенный мною офицер говорит, что эта цепь выставлена от 55-й дивизии²⁰¹ (4-го Сибирского корпуса 3-й армии) по приказанию генерал-лейтенанта Соболева,²⁰² дабы перехватывать бегущую 71-ю дивизию.

²⁰¹ Речь идет о 55-й пехотной резервной бригаде. Сформирована в 1899 г. в составе 217-го Крымского, 218-го Борисоглебского, 219-го Юхновского и 216-го Епифанского пехотных резервных батальонов.

В 1903 г. батальоны развернуты в пехотные резервные полки. В 1904 г. бригада развернута в дивизию. В 1910 г. батальоны влились в пехотные полки: 217-й и 218-й – в 185-й Башкадыкларский, 219-й – в 184-й Варшавский, 220-й – в 191-й Ларго-Кагульский.

²⁰² Соболев Леонид Николаевич (1844–1913) – русский генерал, премьер-министр Болгарии. С 1877 г. – заведующий по

Тут я действительно и расхохотался, и рассердился, и тотчас же написал старшему в цепи начальнику: «Предлагаю немедленно неуместные шутки прекратить и безотлагательно очистить район вверенной мне дивизии. Нам уже известно все, что произошло в 3-й армии и почему вы так быстро очутились в глубоком тылу, да еще в чужом районе». После этого спасительная цепь быстро удалась, и мы мирно вступили в г. Цейтун, где имели первую дневку, отслужили молебен и роздали всем представленным солдатам Георгиевские кресты и медали.

В Цейтун подошли обещанные укомплектования, но не две тысячи человек, а всего 800. Остальные 1200 и большинство офицеров во главе с полковником Запольским погибли в боях на правом фланге, брошенные в бой прямо из вагонов, чтобы хоть несколько задержать разгром 2-й армии, загнувшей правый фланг под напором обходивших ее войск генерала Ноги,²⁰³ что грозило ей потерей пути отступления. Привел эти укомплектования штабс-капитан 6-го

гражданским чином при главнокомандующем, участвовал в Русско-турецкой войне. В 1878–1883 гг. – в прикомандировании к Главному штабу. В 1882–1883 гг. премьер-министр и министр внутренних дел Болгарии. Затем командир 1-й бригады 37-й пехотной дивизии, начальник штаба Виленского военного округа. С 1904 г. – командир 6-го сибирского корпуса. Автор нескольких трудов, в том числе по истории Болгарии и Русско-японской войны.

²⁰³ Марэсукэ Ноги (1849–1912) – японский генерал и третий губернатор о. Тайвань. В 1904 г. командующий 3-й армией. Руководил осадой Порт-Артура, участвовал в Мукденском сражении. Награжден орденом Восходящего солнца I степени.

гренадерского Таврического полка;²⁰⁴ штаб-офицеров не оказалось ни одного.

В этот же день было получено приказание: дивизии свернуть с намеченного ранее пути и следовать на город Хайлунчен Гиринской провинции. Поход до г. Хайлунчена мы совершили вполне спокойно, не тревожимые противником, на ночлеги располагались по деревням квартиро-бивачным порядком. Погода благоприятствовала нам. Морозы, достигавшие по ночам до 15–18 градусов, днем смягчались солнцем, пригревавшим нас. Красивое и вместе с тем жуткое зрелище представляли сопки, вдоль подножья которых пролегал наш путь. Все сопки были объяты полосами огня. Это жители поджигали на них прошлогоднюю растительность, подготавливая землю под распашку полей.

В Хайлунчен вступили 14 марта. Дав людям трехдневный отдых, выдвинули авангард – 283-й пехотный Бугульминский полк в город Бейшанчендзы, находившийся в 50 верстах к югу от Хайлунчена; а от авангарда еще передовой отряд из двух рот в д. Бейхэ, в 18 верстах от Бейшанчендзы. Такое, казалось бы, совершенно аномальное удаление авангарда от главных сил в данном случае вполне

²⁰⁴ 6-й гренадерский Таврический Е. И. В. великого князя Михаила Николаевича полк сформирован в 1756 г. как 2-й гренадерский полк. С 1785 г. – Таврический гренадерский полк. С 1864 г. – 6-й гренадерский Таврический Е. И. В. великого князя Михаила Николаевича полк. В 1914 г. входил в состав 2-й гренадерской дивизии. Дислокация – Москва.

оправдывалось обстановкой; дало нам обширное пространство впереди укрепляемой нами позиции, свободное от противника, что в свою очередь позволило шире расквартировать войска по деревням и предоставить им необходимые удобства.

Отдохнув, приступили к укреплению позиции, которая была совершенно иного характера, чем предыдущие. Мы вышли из горного района и находились в местности, лишь местами слегка всхолмленной, богатой, плодородной и почти сплошь возделанной. Занятые под окопы и ходы сообщения поля были оценены смешанной комиссией, и мы уплатили жителям за посевы на них – так что отношения сразу установились самые лучшие.

Местный фудутун (губернатор) встретил нас очень радушно и отвел хорошие помещения. Генерал-лейтенант Ренненкампф был помещен в доме чифу, высший судебный чин, соответствует примерно председателю судебной палаты. Под меня и штаб 71-й дивизии Илина уступил один из своих домов, вернее усадьбу, так как в обширном дворе стояли четыре дома с внутренним квадратным двориком. Впервые мы разместились свободно, и я имел отдельную комнату с каменной верандой, на которой по утрам пил кофе.

Как только я вступил в отведенное мне помещение, пришел с визитом Илина, а после его ухода тотчас же пришли его люди и принесли подарки: разных сортов печенье из бисквитного теста и великолепное меховое одеяло. Печенье я с радостью принял, а одеяло отослал обратно, объяснив, почему не могу его принять. Отдавая визит Илина, я поднес ему несколько плиток имевшегося у

меня шоколада, но, к своему удивлению, заметил, что хотя Илина благодарил меня за подарок, но, видимо, за что-то обиделся. Мне было крайне неприятно и досадно. Все объяснилось лишь впоследствии. Оказалось, что манджуры считают грехом после молока матери дотрагиваться до какого-либо другого молока или молочных продуктов. Загладить свой промах удалось лишь через несколько дней, когда вполне наладилось хлебопечение в Дрисском полку, где были превосходные пекари, булочники и кондитеры, и я стал получать оттуда пеклеванные хлеба. Поднесенные Илину три хлеба привели его в такой восторг, что я ему в течение всего времени пребывания в Хайлунчене ежедневно посылал по такому хлебу.

В знак особого почета чифу и фудутун пригласили генерала Ренненкампфа и меня посещать заседания суда, которые происходили в доме чифу. Это считалось особенным почетом, так как они этим приглашали нас присутствовать при пытках и были очень удивлены и как бы в претензии, что я ни разу не воспользовался этим почетом.

Хотя было ясно, что война подходит к концу, мы все же тщательно укрепляли позиции и производили строевые занятия. Довольствие как людей, так и лошадей устроилось очень хорошо. Хоть с трудом, но доставали зерно, а сена было вволю. Маньчжуры сена не косят, трава великолепная, часто по брюхо лошади, и покосы нам уступали сравнительно за бесценнок. Довольствие людей было не только обеспечено, но можно было позволять себе и некоторую роскошь.

Черного хлеба не было, но мне удалось закупить 45 тысяч пудов белой муки американского производства. Ввиду

сравнительно ограниченного количества муки, установил дачу хлеба по два фунта в день. Но зато дачу мяса увеличил до 1 1/2 фунта в день на человека – фунт в обед, полфунта в ужин. Приварки в борщ или суп клалось столько, сколько только позволяла вместимость котлов, до яиц включительно. Тут я впервые убедился, что насколько наш солдат терпеливо выносит голод, настолько невозможно его накормить так, чтобы он сказал: «сыт, больше не могу», прямо невозможно. Получая столь обильную, прямо роскошную пищу и чай с сахаром, они в антрактах между обедом и ужином еще сами подваривали себе то чумизу, то бобы, то тыквы, а позднее и кукурузу. Как только выдерживали алюминиевые котелки, часами не сходявшие с огня. И тем не менее, когда бывало спросишь:

– Пищей довольны?

Получался один ответ:

– Очень довольны, премного благодарны, но хлеба маловато.

Врачей пугало присутствие кругом города, по краям дорог, массы полуоткрытых гробов, в которых крышка держалась над гробом на особых подставках, так что было видно внутрь. В каждом гробу лежал одетый покойник или покойница, все сравнительно хорошо сохранившиеся, особого зловония не было. Врачи требовали немедленного зарытия всех этих покойников.

Но этим нарушился бы самый священный их обычай, по которому покойник не может быть погребен, пока все близкие родственники не простятся с ним. Некоторые гробы стояли по году и больше, тела несомненно были так или иначе набальзамированы и почти не разлагались. Я не

позволял тронуть покойников, за что жители нам были особенно благодарны. Никакой эпидемии не вспыхнуло, напротив, санитарное состояние было всегда хорошее, были только, как и летом 1904 года, полоса поносов и отдельные случаи брюшного тифа. Повального тифа никогда не было.

Великим постом все успели отговорить. Для этого поставили походную церковь из двух госпитальных шатров. Пасха в том году была поздняя, если не ошибаюсь, 18 апреля, и мы, отслужив заутреню, отлично разговелись. А на второй день Пасхи я устроил обед и затем парадный чай с пасхой, куличами, музыкой, на который были приглашены и все сестры милосердия 30-го и 31-го полевых госпиталей и санитарного транспорта и студенты-санитары состоявшего при дивизии передового отряда Красного Креста.

С апреля месяца стали поступать в дивизию укомплектования из молодых солдат срока службы 1904 года и в дивизии впервые появились срочнслужашщие.

Но по плохому обучению этих людей, и в особенности по малой их дисциплинированности, приходилось заключать, что дома в войсках не было твердого внутреннего порядка, и прибывавшие укомплектования приходилось переучивать и крепко муштровать. Но в твердых руках командиров полков, привлеченные к обучению, к работам по укреплению позиции, они быстро становились настоящими солдатами, а затем на передовых постах получали и боевое крещение.

С апреля же стали массами возвращаться излечившиеся от ран офицеры и солдаты. Все партии (по несколько сот человек каждая) прибывали к штабу дивизии и от нас уже направлялись по своим частям. Я выходил к каждой, приветствовал их, благодарил за службу и труды. С

некоторыми партиями стали приходить матросы, которые на мой вопрос:

– А как вы к нам попали?

Отвечали только одно:

– Списан с крейсера или броненосца такого-то и переведен в пехоту.

Мы удивлялись этому, но так как они были все молодец к молодцу, то были желанным приобретением для частей, многие из них попали в охотничьи команды, где отличались своею смелостью и, главное, смышленостью. В Дрисском полку один из таких матросов после ряда оказанных им отличий был произведен в унтер-офицеры и назначен старшим в команде.

Много позднее, когда пришли на них письменные сведения, то оказалось, что это все приговоренные военно-морскими судами за беспорядки на судах на разные сроки в дисциплинарные батальоны с переводом в разряд штрафованных, которым отбытие наказания заменено отправкой на театр военных действий. Таким штрафованным, приговоренным на три года в дисциплинарный батальон, оказался и матрос, произведенный в Дрисском полку за боевые отличия в унтер-офицеры.

Озадаченный таким оборотом дела, полковник Широков приехал мне все доложить и испросить, как выйти из этого положения? Подумав, я ответил:

– Так как он у нас заявил себя с отличной стороны и продолжает на всех разведках отличаться своей удалью и сметкой, то оставить его унтер-офицером и старшим в команде и войти с ходатайством о прощении ему штрафа за оказанные боевые подвиги.

В числе выздоровевших от ран офицеров возвратились Чембарского полка штабс-капитан Шуструйский и Дрисского полка капитан Андреев.

Поручик Шуструйский первый раз был ранен в бою первого октября 1904 года – прострелен насквозь в грудь пятью пулями. Был поднят как мертвый и его относили с тем, чтобы похоронить с боевыми почестями. В пути один из носильщиков заявил:

– Да его благородие дышит.

Подозвали доктора, который приложил зеркальце к его губам, получился как будто след дыхания. Дойдя до первого отряда Красного Креста, вызвали сестру милосердия, которая, осмотрев раненого, принесла бутылку коньяку и стала потихоньку, с ложечки вливать коньяк ему в рот; раненый, проглотив коньяк, вздохнул. Тогда его тотчас же положили на кровать, а через два месяца после этого он вернулся в полк совершенно здоровым и вновь вступил в командование ротой. Тогда же за безотлагательное возвращение после столь тяжелого ранения, по моему представлению, был награжден чином штабс-капитана. В бою 18 февраля 1905 года на Гаутулинском перевале вновь прострелен тремя пулями в грудь навылет, вновь выздоровел, через семь недель вернулся в строй, несмотря на полученное медицинское свидетельство об освобождении от службы, и вновь по моему ходатайству был награжден чином капитана.

Капитан Андреев был тяжело ранен днем 18 февраля 1905 года в бою под Мадзяндзянью. Когда его принесли к дивизионному лазарету, врач, посмотрев на него, указал санитарам на покойницкую, где его сложили на землю в

ожидании погребения. Ночью, когда продолжали приносить убитых, один из санитаров от испуга вскрикнул, так как кто-то взял его рукою за ногу, и затем услышал слабый голос:

– Не пугайся, это я, Дрисского полка капитан Андреев, которого по ошибке положили сюда. Отнесите меня к доктору.

Тоже благополучно выздоровел и вернулся в полк.

Вообще было много случаев тяжелых ранений, особенно сквозных, которые вылечивались поразительно легко и скоро. Я лично знаю три случая ранений, когда пуля прошла через сердечную сумку и все трое выздоровели, так как была возможность оставить их на месте, в полном покое.

Были удивительные случаи и легких ранений. Так в одном из лоянских боев подполковник Блезе был ранен или вернее ушиблен пулей в лоб. Очевидно, пуля попала с рикошета. Удар был настолько силен, что Блезе упал ошеломленный, но околыш фуражки не был пробит. Через несколько минут Блезе совершенно оправился и продолжал руководить боем, но спустя полгода начал заметно глохнуть.

Под вечер одного из боев под Мадзяндзянью мы стояли с подполковником Хростицким впереди нашей фанзы. Хростицкий держал в руках развернутую карту. Вдруг пуля, очевидно на излете, ударила его по руке как раз посередине между кистью и локтем, пробила полушубок, прочую одежду и тело до кости, и так и осталась стоять. Когда он разделся, на руке оказалась черная ямочка до самой кости, которая очень быстро зажила.

Но страшны были по своим последствиям ранения с рикошета от земли, хотя бы и легкие. Большинство таких

ранений на 10–12-й день кончались столбняком, и пораженные им умирали в страшных мучениях.

К июлю месяцу дивизия была настолько укомплектована молодыми солдатами и в особенности выздоровевшими от ран, что состав дивизии дошел до 22 000 человек.

Прибыли и свежие войска из России: 53-я резервная дивизия²⁰⁵ из Екатеринослава и 2-я пластунская бригада²⁰⁶ с Кавказа. Был сформирован 7-й Сибирский корпус, и генерал-лейтенант Ренненкампф назначен его командиром. Корпус вошел в состав 1-й армии, которой командовал генерал-адъютант Куропаткин.

Боевые действия заключались лишь в незначительных стычках на передовых постах и в предпринимаемых нами от времени до времени рекогносцировках и разведках. Против нас стояла та же армия Кавамуры. Но насколько японцы были предприимчивы включительно до мукденских боев, настолько они стали после Мукдена уклоняться от боевых действий.

Помимо работ по укреплению позиции и строевых занятий мы старались, особенно после заключения мира,

²⁰⁵ 53-я пехотная резервная бригада была сформирована в 1898 г. из 209-го Николаевского, 210-го Перекопского, 211-го Евпаторийского и 212-го Бахчисарайского пехотных резервных батальонов. В 1903 г. батальоны развернуты в пехотные резервные полки. В 1904 г. бригада развернута в дивизию. В 1910 г. батальоны влились в пехотные полки: 209-й – в 190-й Очаковский, 212-й – в 192-й Рымникский и т. д.

²⁰⁶ Правильнее – 2-я Кубанская пластунская бригада. Сформирована в 1904 г., расформирована в 1906 г.

когда отпали работы на позиции, насколько могли разнообразить жизнь. Я постоянно объезжал полки, госпитали, произвел инспекторские смотры и ряд строевых смотров, подолгу беседовал с людьми и охотно оставался обедать с офицерами. За одним из таких обедов в Дрисском полку мы засиделись до глубокой темноты. До фанзы командира полка приходилось пройти с четверть версты, мы шли в темноте при полной тишине, как вдруг поднялся шум, будто бежала масса людей. Я спросил командира:

– Что это может быть?

– Люди просили разрешения вас проводить.

И действительно, люди стали массами выбегать, имея в руках зажженные кто хворост, кто солому, и мы оказались в иллюминированном живом коридоре при несмолкаемом «ура». Я снял шапку и шел до самого моего тарантаса с обнаженной головой.

В Черноморском полку в день полкового праздника после церковного парада был обед, вечером – солдатский спектакль, играли пьесу из малороссийского быта по заглавию «Злодей мельник». Мельник всячески притесняет бедную вдову, чтобы заставить ее отдать ему красавицу дочку Дуняшу. Пьеса в двух или трех действиях. Мельник, взбешенный сопротивлением Дуняши, окончательно разоряет их и выгоняет на улицу, появляется черт, который хватает мельника и увлекает его в ад. Дуняшу отлично играл красивый молодой солдат, а черта – профессиональный клоун, который был весь в черном трико и проделывал такие прыжки и извивания, что нельзя было не удивляться. Пьеса была замечательно хорошо сыграна. Интересное зрелище представлял из себя фудутун Илина, который был прямо в

детском восторге и неудержимо смеялся, когда на сцене появился черт.

В августе был заключен Портсмутский мир.²⁰⁷ Японцы, предложившие было тяжелые условия, до контрибуции включительно, быстро уступили перед твердо предъявленными нами контр-предложениями, так как запрошенный из Токио маршал Ояма ответил очень просто: «Больше на победу рассчитывать нельзя».

Когда пришли сведения, что мир подписан, многие, особенно из таких, которые под разными предлогами отвиливали от боев, вдруг сделались очень воинственными, стали протестовать против преждевременного заключения мира и требовать возобновления боевых действий. К сожалению, генерал-адъютант Куропаткин поощрял такие выходки и подстрекал многих, в том числе и генерал-лейтенанта Ренненкампа, продолжать производство усиленных рекогносцировок, чтобы заставить японцев возобновить бои и тем нарушить мир. Но после первой же такой бесцельной схватки, стоившей нам свыше 300 человек убитыми и ранеными, я категорически запротестовал и заявил, что без получения указаний от главнокомандующего о возобновлении боевых действий ни одного человека от

²⁰⁷ Портсмутский мир, заключенный 5 сентября 1905 г., завершил Русско-японскую войну. В соответствии с мирным договором Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила Японии Южный Сахалин, а также все права на Ляодунский полуостров и города Порт-Артур и Дальний. Обе стороны взяли на себя обязательство одновременно эвакуировать Манчжурию. Портсмутский мир утратил силу только после капитуляции Японии при окончании Второй мировой войны.

дивизии в бой не дам. Только после этого прекратились бесцельные задиранья японцев и на передовых постах стало спокойно.

В Хайлунчене мы простояли до конца октября.

Забыл упомянуть о том, как мы вновь связались с почтой. Как часто слышишь нарекания на полевую почту. Нижеизложенное может служить наглядным примером тому, какую громадную работу выполняет подчас полевая почтовая контора. Вскоре по отходе с Мадзяндзянской позиции, особенно после сворота от г. Цейтуна на восток, мы вышли из района полевой почты и около месяца оставались без сведений из России. От Хайлунчена до ближайшей к нам станции Восточно-Китайской железной дороги Куанчендзы было 180 верст. Прибывший через эту станцию из Харбина офицер доложил в штабе, что начальник почты в Куанчендзы убедительно просит взять накопившуюся почту в дивизию: писем и посылок столько, что для поднятия их нужно прислать не менее 70 парных повозок. Парных повозок у нас не было, но, к счастью, мы сохранили двуколки, замененные выюками, и я отправил за почтой 140 двуколок при офицере. Через две недели двуколки вернулись нагруженные до предела, причем офицер заявил, что необходимо послать еще по крайней мере 40 двуколок за оставшейся недобранной почтой. Для разбора и раздачи этой почты были приняты экстренные меры. По прибытии в Хайлунчен она была оцеплена часовыми, сложена под крышей обширного сарая и разобрана специально наряженными офицерами и писарями по полкам и батареям, и только после этого роздана в части.

Проходя как-то мимо казарм китайского войска, я обратил внимание на одного солдата, который упражнялся в фехтовании саблей, имевшей лезвие, расширявшееся к концу. Владел он ею в совершенстве, и полюбовавшись им, я через переводчика пригласил его вечером прийти в штаб, чтобы показать его офицерам. Он был очень доволен и обещал непременно быть.

Я всех известил о предстоявшем зрелище и пригласил Ранненкампа. В назначенный час китаец действительно явился и прямо поразил всех своею изумительной ловкостью, быстротою и силою наносимых им ударов. Одарив его, мы спросили, где мог он научиться с таким совершенством владеть оружием? И вдруг получили для нас совершенно неожиданный ответ:

– Еще бы мне не выучиться, я уже за свою службу отрубил 2300 голов.

Это оказался палач, состоявший при местном суде.

Вскоре после заключении мира пришло распоряжение о расформировании конно-охотничьих команд и демобилизации обозов. По Высочайшему повелению из обозов были отобраны все лучшие кобылы для отправления в Забайкальское и Сибирское²⁰⁸ казачьи войска, много

²⁰⁸ Сибирское казачье войско ведет свою историю с 1582 г. от «Царской служилой рати» Ермака Тимофеевича. С 1760 г. получило название Сибирского войска. В 1914 г. войско состояло из трех отделов и насчитывало около 168 000 человек войскового сословия. Части войска участвовали почти во всех кампаниях и походах русской армии на Дальнем Востоке и в Средней Азии, в Русско-японской и Первой мировой войнах.

потерпевших от двух последовательных мобилизаций и походов 1900 и 1904–1905 годов. Остальных лошадей и мулов продать. Обозные лошади и мулы были в отличном порядке. Тем не менее за самых крупных, лучших лошадей предлагали дешевые цены. Они не подходили под их двухколесные повозки (на четырехколесных повозках в Китае могут ездить только члены императорского дома и некоторые особы высших классов). На мулах же мы доставили казне прямой доход. Купив их на круг по 150 рублей, мы продали по 200. Особенно были хороши три мула, за которых мы назначили цену по 300 рублей. Узнав об этом, фудутун просил меня продать их ему по 200 рублей. Я ему говорю:

– Как же это сделать теперь, когда торги уже объявлены?

А он очень просто ответил:

– О, это ничего, я запрещаю их торговать и никто не купит.

Принимая во внимание, что в его усадьбе даром просто-ял в течение семи месяцев штаб с обозом и конвойным взводом, я приказал уступить ему этих мулов по 200 рублей за каждого. За хорошую цену пошли жеребята, которых было много от ожеребившихся весной кобыл.

Лето стояло жаркое, особенно было тяжело в период дождей. Большинство офицеров и солдат купались в протекавшей тут же речке, но я опасался схватить лихорадку и поручил переводчику купить мне какую-нибудь ванну. Через несколько дней переводчик доложил, что ванна есть, но что хозяин ванны не согласился ее продать, а сказал: «Пусть Дзяндзюн купается в ней сколько хочет, но потом

вернет мне ее и за пользование заплатит по своему усмотрению». Обрадованный, что могу наконец хорошенько помыться, я пошел к себе и говорю Фоме:

– Если есть вода, я сейчас же обновлю ванну.

Фома улыбнулся и только добавил:

– Пожалуйста, все готово.

Вошел в комнату и передо мной оказался гроб, наполовину налитый водой. Первое впечатление было неприятное, но, осилив его, я отлично вымылся и так проделывал каждый день в течение всего лета. Только жене ничего не писал и рассказал об этой ванне лишь по возвращении с войны в Одессу.

Объезжая окрестности Хайлунчена, я впервые увидел, что действительно возможно снятие в течение одного лета трех урожаев с одного и того же поля. Когда мы в половине марта вступили в Хайлунчен, все ближайшие к городу поля были засеяны маком и только что начинали расцветать. В апреле, когда цвет опал и образовалась завязь, манджурки на каждой завязи делали продольный надрез и подвешивали маленькие ведерочки, в которые и вытекал сок. Так повторяли три раза, после чего поле запахивали, а полученный сок шел на выделку опия. Десятина такого мака дает до трехсот рублей чистого дохода. На вновь вспаханные поля сажали капусту, которая оставалась на корню до конца августа или начала сентября. Тамошняя капуста не завязывается в кочан и растет в виде очень крупного салата, вышиною до полуаршина, листья толстые, шириною примерно в ладонь. В течение лета едят ее в свежем виде, а на зиму квасят, для чего в каждой фанзе по углам стоят каменные цилиндрической формы чаны. К сентябрю вся

капуста была снята, поля вновь вспаханы, и на них посажена репа, похожая на ту, что у нас называется голорепкой.

За семь месяцев стояния под Хайлунченом у нас образовалось три главных кладбища: под Хайлунченом, при д. Нюсиндинзи, где стоял 31-й госпиталь и при г. Мопаншане, где стоял 30-й госпиталь. Маленькие кладбища были при местах стоянок каждого из полков.

Все кладбища были приведены в полный порядок, все могилы обложены дерном из таких растений, которые прочно сплетаются корнями; на каждой могиле крест с вырезанной надписью, какой части войск, чин или звание, имя и фамилия погребенного. Я очень просил фудутуна продать нам участки земли, занятые под кладбища. Он объяснил, что у них землю продать нельзя, но это не должно нас беспокоить – почитание усопших так велико, что мы можем быть уверены, что кладбища будут стоять в сохранности, и не только власти, но и само население будет за ними смотреть.

Самое большое кладбище было под Хайлунченом, на коем число могил доходило до 250. Оно было разбито правильным четырехугольником, с аллеями, разделяющими его вдоль и поперек на правильные участки, обнесено высоким валом с глубоким наружным рвом. В валу прорезан небольшой проход, вставлена калитка и от нее через ров подъемный мост.

Посередине кладбища водружен обтесанный столб четырехгранной формы, на котором были вырезаны стихи – посвящение усопшим, написанное одним из офицеров Черноморского полка. Накануне ухода на зимние квартиры мы отслужили последнюю панихиду, и когда все вышли по

подъемному мосту, мост был скинут, канаты обрезаны и кладбище осталось совершенно отделенное глубоким рвом от внешнего мира.

Недели за две до нашего выступления на зимние квартиры в Хайлунчен прибыл маркитант с товарами и вином и обратился ко мне за разрешением открыть торговлю. Он привез несколько десятков пар сапог, шаровар, шведских курток, немного белья, туалетных принадлежностей – мыла и духов, шоколаду, галет, консервов и массу вина и шампанского, причем вино и шампанское были настоящие, из Москвы от Е. Е. Лёве. Цены объявил умеренные, например, за шампанское 20 рублей за бутылку. Едва успел дать разрешение, как все было раскуплено. Шампанского в один день раскупили двадцать дюжин.

Пораспродав товар, он снова пришел в штаб и заявил, что маркитант он случайный, но подрядчик постоянный и по прибытии на зимние квартиры поставит нам кислую капусту, сибирское топленое масло, солонину и прочее.

Я назначил комиссию под председательством генерал-майора Зарако-Зараковского, который и заключил с ним условие на поставку в м. Укашу (штаб 71-й дивизии на зимних квартирах): 20 000 пудов кислой капусты по 4 рубля за пуд. 20 000 пудов масла по 30 рублей за пуд и 20 000 пудов солонины по 12 рублей за пуд, причем он обязался тотчас заменять солонину, которая по вскрытии ящиков оказалась бы не свежей. Этот подряд он выполнил в точности и очень добросовестно. Особенно хорошо было поставленное им масло.

Выступление на зимние квартиры в долину реки Сунгари началось 28 октября 1905 года. Я двинул дивизию четырьмя

эшелонами, в каждом эшелоне по полку с соответствующей артиллерией. Сам выступил с последним эшелоном с 284-м пехотным Чембарским полком, двумя батареями и конногорным артиллерийским дивизионом.

Наш путь пролегал через город Гирин, и хотя в нем была назначена дневка, я не успел хорошенько осмотреть этот один из старейших китайских городов, славящийся своим богатством и, между прочим, своими мехами. Купил лишь несколько чайников Клуазене и вееров в подарки своим.

Поход продолжался пятнадцать дней, путь местами был трудный, погода суровая, но мы так были втянуты, что проделали его легко, шли по краю, в котором наши войска впервые проходили после 1900 года. Обилие всего и дешевизна поразительная. На одном из переходов во время привала, пока мы закусывали, хозяин фанзы стал упрашивать, чтобы я купил у него кур. Поручив Фоме отобрать пять штук, я спросил, сколько он за них хочет. Хозяин:

– Два рубля и пол.

Я шутя:

– Дорого.

Хозяин:

– Как дорого! Вчера у меня взяли 10 кур даром, тебе даю пять, и ты считаешь, что дорого. Коли так, получи пять рублей.

Эшелон, с которым я следовал, вступил в Укашу 12 ноября. Меня встретили прибывшие раньше бригадный командир генерал-майор Сычевский и командиры полков, провели к отделанному для меня помещению. Высланные

вперед рабочие от Бугульминского полка по собственной инициативе отделили мне помещение в две комнаты: спальни и столовой – с деревянными полами и потолками из циновки, сложили печь, сделали большой обеденный стол и скамейки к нему. В углу столовой было отдельное помещение для Фомы.

По их просьбе мы снялись на дворе и затем все сели за стол. Впервые после пребывания в Ляояне в августе 1904 года мы получили вместо хлеба привезенные со станции Таладжау французские булочки. Все было в отличном настроении.

Отведенный нам район находился вблизи р. Сунгари и в 20–25 верстах от железнодорожной станции Таладжау. В самом Укашу стали: штаб дивизии, Бугульминский и Чембарский полки с конно-пулеметной командой 21-го Белорусского драгунского полка,²⁰⁹ две батареи 26-й артиллерийской бригады, 8-я и 3-я горные батареи.

Штаб генерал-лейтенанта Ренненкампа также стал в Укашу. Дрисский полк с батареей стал в пяти верстах от Укашу, Чернойарский полк – в 15-ти. Все стало по фанзам, в которых были устроены нары в два яруса, все снабжено постельными принадлежностями. Так как фанз на всех не хватило, то из купленного в Гирине и сплавленного по реке

²⁰⁹ 7-й гусарский Белорусский императора Александра I полк сформирован в 1803 г. как Белорусский гусарский полк.

С 1882 г. – 21-й драгунский Белорусский Е. И. В. великого князя Михаила Николаевича полк, с 1907 г. – 7-й гусарский. В 1914 г. входил в состав 7-й кавалерийской дивизии 19-го армейского корпуса. Дислокация – Владимир-Волынский.

леса были построены два барака, каждый на две роты, с нарами, окнами и железными печами. Когда впервые затопили печи, земля в бараках оттаяла и получилась глубокая грязь. Но когда оттаившая земля была вынута, получился вполне сухой пол, и бараки только выиграли в высоту. Были построены хлебопекарные печи и настоящие бани. Законтрактованный подрядчик оказался очень исправным, и мы зажили жизнью вполне благоустроенных частей; внутренний порядок и чистота соблюдались в полной мере.

Поблизости от нас расположились 53-я пехотная дивизия и пластунская бригада.

Каждый день все люди выводились на прогулку, со срочнослужащими производились строевые занятия, с запасными же, подлежащими по демобилизации зачислению в ополчение, лишь занятия грамотностью, причем в каждой роте людям было предложено рассказывать, кто что запомнил из боев, в которых рота участвовала. Офицеры руководили этими занятиями, задавали вопросы, записывали рассказы, прочитывали записанное, причем многие солдаты еще дополняли записанное своими рассказами. Эти занятия не только заинтересовали людей, но получился такой богатый материал, что я приказал все тщательно собирать и назначил в каждом полку из остатков от хозяйственных оборотов по пять тысяч рублей для написания истории полка.

Еще в Хайлунчене, вскоре по заключении мира, я приказал привести в порядок обмундирование, подновить шинели и папахи и потребовал от офицеров, чтобы они все перешли к форменной одежде. Исключение допускалось

только в отношении полушубков с погонями, так как наше форменное пальто не представляло достаточной защиты от тамошних морозов. Такое требование поставил не по формальной причине, а потому что считал и до сих пор считаю, что допущение ношения неформенной одежды было одною из главных причин беспорядков в армии. На заявления командиров полков, что офицерам трудно выполнить мое требование за недостатком средств, приказал выдать всем денежное пособие на заведение форменной одежды в размере: офицерам, состоявшим в полках со дня мобилизации, – по 200 рублей на каждого; назначенным в полки после Мукденских боев – по 100 рублей на каждого.

В полки дивизии уже глубокой осенью прибыла запоздавшая летняя одежда: рубашки и шаровары цвета хаки, превосходного качества. Так как в Маньчжурии можно иметь вату в каком угодно количестве, то приказал всю летнюю новую одежду и все мундиры положить на вату – получилась легкая теплая одежда, а мундиры от этого очень выиграли в покрое.

Через несколько дней по прибытии на зимние квартиры главнокомандующий генерал Линевич назначал нам смотр, причем приказал ко дню смотра представить от 71-й дивизии к наградам в каждом полку по 14-ти офицеров, из них по четыре к ордену Св. Владимира IV степени по выбору начальника дивизии и от каждой роты по пять солдат к Георгиевским крестам.

Смотр прошел отлично. Раздавая после смотра награды, генерал Линевич беседовал с офицерами и солдатами,

благодарил за доблестную службу и их труды, за созданную дивизии добрую славу.

Во второй половине ноября по нашему стилю манджуры празднуют свой новый год, празднуют в течение двух недель, причем постоянно идет как бы стрельба от взрыва массы хлопушек, которых они ставят тысячами кругом домов и на всех выступлениях и затем поджигают. Многие за эти две недели праздников пропускают весь свой годовой заработок.

В Ценхичене ввиду близости с противником я не мог разрешить употребление хлопушек во избежание тревог, но тут на их просьбу разрешить празднование ответил: «Празднуйте как хотите и сколько хотите». И вот однажды на рассвете я был разбужен ружейными выстрелами, по всему местечку раздавался пачечный огонь. Я сел на кровати и в недоумении прислушивался к огню; выглянул в стеклышко – на дворе стоит Фома и мирно чистит платье. Я постучал в стеклышко и когда Фома вошел, спросил:

– Что это такое?

– Наступил их Новый год, и это они вас чествуют за то, что разрешили справлять, как хотят.

Увы, их забава не прошла даром. Перед обедом пришел командир Чембарского полка и доложил, что в полку произошел несчастный случай из-за простого недоразумения. Во время взрыва хлопушек пулеметчики Белорусского драгунского гусарского полка прибежали к своему командиру поручику Хандакову и заявили, что жители открыли по ним огонь, что пули ложатся около помещения и что они уже изготовили пулеметы к бою. Поручик Хандаков тотчас же прибыл в команду и так как по его требованию

огня не прекратили, велел обстрелять стоявшую против команды фанзу, причем в ней была убита старуха. Я тотчас же вызвал поручика Хандакова и, когда он пришел, задал ему вопрос:

– Как вы могли так неосторожно открыть огонь? Разве вы слышали визг пуль или видели хоть одну упавшую пулю?

Хандаков:

– Я думал, что вспыхнуло восстание, что необходимо его прекратить, и потому открыл огонь. Одновременно послал в местную полицию известить о случившемся.

– А во что же вы ставили нас всех: меня со штабом и два полка, разве вы видели какое-нибудь шевеление в Чембарском полку? Да сейчас дело не в этом. Раз произошел смертный случай, неизбежно производство следствия и вы пойдете под суд.

Хандаков:

– Это все ничего, не сообщайте только моему старшему брату (полковник Хандаков старший штаб-офицер в полку), а то мне житья не будет от него, и мне лучше тогда и не возвращаться в полк.

Мне было его искренне жаль, и зная, как дешево там ценится жизнь, я ему посоветовал войти через переводчика в соглашение с семьей убитой. И действительно, за 200 рублей они с радостью согласились не жаловаться.

Вскоре сказала близость Харбина. В один прекрасный день на нескольких местных повозках прибыл со станции Таладжоу кафешантан с оркестром, женским хором (среди них и танцовщицы) и рестораном и просил разрешение открыть ресторан.

Так как я оставил в силе запрещение увольнять кого-либо в отпуск в Харбин, то, посоветовавшись с Ренненкампом, мы порешили устроить гауптвахту и разрешение дать. Ресторан оказался хорошим, исполнительницы шансонеток вполне удовлетворительными, дела их пошли бойко, и недель в шесть они съели все офицерские сбережения и сами покинули нас.

Хотя отпуска в Россию давались широко, никто из начальников частей дивизии и не подумал уехать. Необходимо было всем оставаться на местах, так как из России доходили недобрые вести: на железной дороге образовался стачечный комитет, председателем и товарищем председателя в нем состояли старшие инженеры дороги, которые, рассылая распоряжения комитета, подписывались полным своим титулом. Началась перевозка войск в Россию, причем сразу создалось такое положение: поезда отходили, доставляли эшелоны по назначению, но обратно теплушки не возвращались и, естественно, очень быстро за сокращением подвижного состава отправка войск сделалась почти невозможной, прекратилась и доставка почты из России, дорога не желала доставлять почту, общение с Европейской Россией прекратилось, и это обстоятельство очень способствовало беспокойному состоянию войск. Стали жить слухами, и слухи создавались такого рода, что беспокойствие все увеличивалось. Запасные стали предъявлять разные требования и заявили, что в наряд и на занятия выходить не будут. Во многих частях начальство пошло на компромиссы, ублажало запасных, что, конечно, постепенно ухудшало положение. Но там, где начальники были на своих местах, серьезных нарушений присяги не было.

Если трудно допустить, что внутри России не могли справиться со стачками на железных дорогах, то как объяснить, что стачка могла осуществиться на Сибирском пути и на Восточно-Китайской железной дороге, состоявших на военном положении. Между тем в Харбине не только образовался и действовал стачечный комитет, но во главе его стояли инженеры дороги, которые в то время считались на государственной службе. Будь эти господа немедленно арестованы и отданы под полевой суд, порядок на дороге был бы сразу восстановлен и не пришлось бы впоследствии двинуть карательные отряды генерал-лейтенантов барона Меллера-Закомельского и Ренненкампа, которые вынуждены были прибегать на всем пути к чрезвычайным мерам.²¹⁰

Вообще, Восточно-Китайская железная дорога была в большом беспорядке; настоящего надзора и контроля давно не было. Казенные или войсковые грузы продвигать было чрезвычайно трудно, всегда не оказывалось свободных вагонов; частные же люди, при условии не пожалеть денег, могли перевозить что угодно. Чтобы не быть голословным, приведу следующих два примера:

а) поезда ходили плохо освещенные обыкновенными свечами (четыре или пять на фунт), а мы в течение всей

²¹⁰ В 1905 г. революционные выступления рабочих и бунты солдат на Китайской железной дороге были подавлены особыми отрядами генерал-лейтенантов барона А. Н. Меллера-Закомельского и П.-Г. К. фон Ренненкампа, двигавшимися на поездах навстречу друг другу. Отряд Меллера-Закомельского продвигался на восток, а Ренненкампа восстановил сообщение между Маньчжурской армии и Западной Сибирью.

войны покупали от маркитантов великолепные толстые свечи, специально изготавливаемые для железных дорог, на которых были буквы В. К. Ж. Д.

б) с прибытием на зимние квартиры полевым инженерным управлением был установлен денежный отпуск войскам на приобретение дров по 96 рублей за кубическую сажень. Первое время мы легко приобретали дрова и отпуск был вполне достаточный. Но затем в ближайших окрестностях дрова иссякли и добывание их, особенно за казенную цену, стало почти невозможным. Явился молодой подрядчик, который предложил свои услуги. Опять была составлена комиссия, которая и заключила с ним условие на поставку нам в указанные сроки на станцию Таладжоу 3000 кубов дров по цене 96 рублей за куб, причем подрядчик поставил лишь одно непереносимое условие, чтобы ему выхлопотали право получать от дороги по одному вагону в день от Восточных ветвей до станции Таладжоу. На вопрос председателя комиссии, что же ему поможет один вагон в день? – подрядчик только ответил:

– Будьте покойны, дрова придут в срок.

И в самом деле, он выполнил свои обязательства и подвез нам в срок все три тысячи кубов.

Прибыв однажды с докладом к генералу Линевичу и, приглашенный им к обеду, я случайно оказался присутствующим при докладе начальника Полевого инженерного управления и слышал, как он докладывал о невозможности подвоза дров с Восточных ветвей. Когда доклад был кончен, я подошел к главнокомандующему и попросил разрешения доложить по поводу дровяного вопроса, рассказал о заключенном нами подряде, о настоянии подрядчика иметь

разрешение на один вагон в день для подвозки дров именно с Восточных Ветвей, и что подряд уже почти выполнен. Назвал и подрядчика. Начальник инженеров стал отрицать возможность такого факта; я только ответил:

– Приезжайте к нам, и мы покажем вам дрова.

Так прожили мы до конца года, прожили Рождество и встретили Новый год 1906-й. Настроение было нелегкое. Почтовые сношения с Европейской Россией уже давно прервались, мер против этого принято не было, и мы продолжали оставаться без писем. Отправляемые на родину запасные по дороге бесчинствовали, везде находили водку, напивались и разносили станции. Были даже случаи насилий над офицерами.

Наконец, решили обуздать железные дороги. Наведение порядка по линии с запада на восток было возложено на генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского, а от Харбина на запад – на генерал-лейтенанта Ренненкампа. Обоим были предоставлены чрезвычайные полномочия, и так как оба шли во главе предоставленных в их распоряжение отрядов, то порядок быстро всюду восстанавливался и движение упорядочивалось. Застигнутые в пути буйствовавшие эшелоны были отцепляемы, тут же на месте поголовно наказаны и дальше уже следовали в полном порядке.

Отъезжая в эту командировку, генерал-лейтенант Ренненкампф сдал командование корпусом, и приказом главнокомандующего я был допущен к командованию 8-м Сибирским корпусом. В командование корпусом вступил немедленно, но с родной дивизией решил не расставаться до конца и временное командование ею оставил за собой.

В феврале последовало распоряжение об отправлении из дивизии всех срочно-служащих в 54-ю резервную бригаду. Туда же направить и тех офицеров, которые при мобилизации были назначены в дивизию из состава 54-й резервной бригады. Прощаясь с этими офицерами, я обратился к капитану Шуструйскому:²¹¹

– По закону вы имеете право на четырехмесячный отпуск с сохранением содержания, угодно ли вам им воспользоваться?

– Нет, Ваше превосходительство, я так здоров, что лучше воспользуюсь им летом.

В течение февраля месяца 1906 года командующий 1-й армией генерал-адъютант Куропаткин дважды собирал командиров корпусов на совещание, спрашивал о настроении в войсках, особенно среди офицеров и зауряд-прапорщиков. Все сетовали на пагубное влияние, оказываемое на всех, посещающих Харбин, что офицеры там не только прокучиваются, но и заражаются вредными идеями. Зауряд-же прапорщики не только пьянствуют там, но, скупая вина по дешевым ценам в Московском и Гвардейском экономических обществах, по возвращении в свои части занимаются перепродажей этого вина по высоким ценам. Я слушал с удивлением, но не возражал ни слова. И только на вопрос Куропаткина:

– Почему вы, Экк, ничего не скажете? – я заявил, что как в течение всей войны, так и по сейчас в 71-й дивизии

²¹¹ Капитан Шуструйский – тот самый, который был дважды ранен в грудь на вылет – первый раз пятью, а второй раз тремя пулями. – *Примеч. автора.*

отпуски в Харбин воспрещены. За всем необходимым для частей и для офицеров командируются специальные лица, которые закупают все, что необходимо частям, и все, что заказывается отдельными лицами. Офицерские столовые очень хорошо оборудованы; зауряд-прапорщики имеют вход в собрание. Все, начиная с меня, подают им руку и обращаются с ними как с офицерами. Живем мы в полном довольствии. Если бы кто из зауряд-прапорщиков был уличен в неблаговидной продаже вина или в чем-нибудь подобном, то был бы немедленно лишен звания зауряд-прапорщика.

После второго совещания, когда мы пошли к обеду, генерал-адъютант Куропаткин, отозвав меня в сторону, сказал:

– Сегодня мы с вами не пойдем в общую столовую, а пообедаем отдельно, мне нужно вами поговорить, – и провел меня в свой рабочий кабинет, где был накрыт стол на два прибора, и мы сели обедать. Алексей Николаевич всегда был радушным хозяином, и в этот раз угостил меня прекрасным вином и сладостями, присланными ему графией Карловой.

Если бы не его записки, в которых он вылил столько обвинений на офицеров, да и на нас всех, никогда не привел бы нашей беседы в этот день; но она так характерна для него и он был так уверен, что этой беседой как бы оказывает особую честь, что решил превозмочь свое чувство и привожу беседу дословно:

– Я позвал сегодня вас сюда, чтобы высказать вам, что мы очень перед вами виноваты. Мы забыли про вас, а вы со свойственной вам деликатностью не напомнили о себе, не подали даже рапорта.

Я был неприятно поражен таким откровением, цинизм ли это или наивность, не знаю, но ответил только:

– После Ляояна вы мне доверили охрану армии и, на словах по крайней мере, вы мне доверяли вполне. Присылкой Ренненкамппа без всякого предупреждения меня вы только парализовали мою деятельность. Хорошо, что Ренненкампп мне не мешал работать и сам лишь доносил. Бои под Мадзяндзяню – и 71-ю дивизию вы восхвалили, отдали о них специальный приказ, в котором превознесли Ренненкамппа, а мою фамилию забыли даже упомянуть. Вы меня упрекаете, что я не подал рапорта о награждении меня орденом Св. Георгия. Никогда и не подам. Да и зачем его подавать, когда не только вы, но и вся армия знает, что сделала 71-я дивизия с 31 января по 22 февраля 1905 года.

Куропаткин:

– Да, вы-то молчали, а другие неотступно все просили, прямо требовали – ну мы и давали.

На это я не произнес ни слова.

Ввиду необычайной трудности отправления эшелонов по железной дороге было предложено формировать в тех дивизиях, где имелись люди ближайших к берегам Черного моря губерний, морские эшелоны вызовом желающих для отправления таковых на судах через Владивосток в Одессу.

После долгих уговоров, наконец, удалось собрать от дивизии три морских эшелона, которые были постепенно направляемы на Владивосток. Два эшелона проследовали вполне благополучно, одному же не повезло. Эшелон попал во Владивосток в самый разгар беспорядков, простоял шесть дней в нетопленных бараках, получая, и то неаккуратно, лишь по 18 золотников мяса в день на человека. Ежедневно

по несколько раз в барак являлись посланные от бунтовавших войск с предложением присоединиться к ним. Но люди устояли и твердо держались своих офицеров.

Наконец, на восьмой день был подан пароход «Сильвия», который принял эшелон 71-й дивизии и еще несколько сборных команд. Отойдя 50 миль от Владивостока, «Сильвия» наткнулась на плавучую мину, от взрыва которой получила повреждение настолько серьезное, что капитан парохода счел необходимым повернуть обратно и, хоть со значительным креном, но благополучно дошел до бухты. И только тут произошла паника, так как от спрыгивания массы людей лед местами надломился и несколько человек утонуло.

Все это я узнал только когда прибыл офицер, командированный начальником эшелона, и доложил, что и как произошло, и передал общую всех просьбу – пусть отправят хоть пешком, только не морем. Просьба их была уважена, и они были направлены из Владивостока по железным дорогам на Синельниково и оттуда по домам.

Перед отправлением всем людям было рассказано обо всем происходившем в пути и у них на Родине, и взято слово, что они нигде не посрамят доброго имени 71-й дивизии.

И действительно, по окончании перевозок дивизии главнокомандующий получил телеграмму от заведовавшего отправкой войск: «Все эшелоны 71-й дивизии проследовали в полном порядке». А один из эшелонов Черныярского полка прислал нам телеграмму, после того как перевалил Уральский хребет: «Помня ваши слова, идем в полном порядке, все нас хвалят, а мы благодарим своих начальников

и шлем им низкий поклон». Под телеграммой полтора листа подписей и крестов.

12 марта 1906 года последовал приказ о расформировании 71-й пехотной дивизии. Личный состав был отправлен в Россию, все имущество, начиная с оружия, сдано в соответствующие склады в Харбине. Все денежные остатки – 977 000 рублей – сданы в казначейство по § 20-му в депозит Главного штаба.

Хочу отметить еще два отдельных эпизода из нашей жизни на зимних квартирах.

Как-то днем слышу вдруг выстрел из винтовки, за ним другой, третий и так далее и совсем близко от дома, в котором я жил. Выйдя на улицу, я увидел двух солдат, что-то показывавших один другому и жадно глядевших по направлению выстрелов, которые продолжались. На мой вопрос, что вы смотрите? Они, улыбаясь, ответили:

– Капитан стреляют.

Завернув в боковую улицу, увидел командира 1-й роты Бугульминского полка капитана Н., который стоял посреди улицы с винтовкой и стрелял одной пачкой за другой. Увидав меня, он опустил винтовку и взволнованно проговорил:

– Японцы, японцы, Ваше превосходительство.

Этот капитан был один из лучших боевых офицеров Бугульминского полка, командовал 1-й ротой с самого формирования полка. Но ханшин сгубил его. Я подошел к нему и сказал:

– Успокойтесь, никаких японцев нет, идите сейчас же в свою квартиру и никуда из нее не отлучайтесь до нового моего распоряжения.

В это время подошел командир полка, полковник Горелов, которому я рассказал, что видел, и отдал распоряжение содержать капитана под домашним арестом.

На другое утро я прошел на квартиру командира Бугульминского полка и, приказав вызвать капитана Н., в присутствии командира объявил ему:

– Во внимание к вашей доблестной службе в Бугульминском полку и ваших боевых заслуг, за которые я вас еще раз от души благодарю, вчерашняя ваша выходка не будет иметь для вас никаких дурных последствий, но в полку вам оставаться нельзя. Вы сегодня же будете откомандированы в 54-ю резервную бригаду и должны немедленно туда выехать. Прощайте.

Капитан не проронил ни слова, поклонился и вышел, но через несколько мгновений вновь вошел в комнату и со словами:

– Позвольте проститься со знаменем, – подошел к знамени, перекрестился, поклонился до земли, поцеловал знамя и молча вышел из комнаты.

На почве ханшина (местного производства водка) произошел и другой прискорбный случай. На проходившего по главной улиц Укашу священника Бугульминского полка набросился унтер-офицер и бляхою своего пояса нанес батюшке три удара. Увидавшие это солдаты схватили унтер-офицера и отвели его в роту. Батюшка же был так потрясен, что слег в постель.

По докладе мне об этом происшествии я приказал предать унтер-офицера полковому суду. Этот священник был иеромонах и назначен в полк при мобилизации, провел с полком всю войну. Участвовал с полком во всех боях. Говорю участвовал во всех боях, потому что он всегда присутствовал на поле сражения, обходил и утешал раненых, исповедовал и причащал желавших. Сам в миру из фельдфебелей, он прекрасно понимал душу солдата, любил их и пользовался их любовью и особым уважением, был им совсем своим.

Узнав о предании унтер-офицера полковому суду и не будучи в состоянии встать с постели, прислал просить меня навестить его. Когда я вошел, батюшка сейчас же стал упрашивать, чтобы я простил унтер-офицера. Напрасно я ему доказывал, что не могу, не имею права простить, батюшка продолжал упрашивать:

– Ради меня простите, как я его простил. Как я, служитель Богу, предстану перед Ним, Всевышним, если из-за меня погибнет по суду человек. Простите хоть ради меня, верните мне душевный покой, а его грех я замолю.

Так как я все же не считал возможным простить унтер-офицера, то батюшка вдруг, спустившись из-под одеяла, стал на колени у моих ног и вновь выговорил:

– Всю вину, весь грех его беру на себя и молю вас во имя Бога, простите его, верните мне душевный покой, дайте мне возможность предстать перед Богом с чистой совестью и с чистой молитвой.

Он был так прост и так велик в это время, что я только мог сказать:

– Все будет по-вашему, прощаю его и только прошу вас успокоиться и беречь себя, – я помог ему лечь в постель.

Расформировав дивизию, я со штабом 8-го Сибирского корпуса перешел в Таладжоу, где и оставался до конца апреля, когда, за отправкой всех частей в Россию, в апреле месяце корпус и его штаб были расформированы, и я был вызван генералом Гродековым в Харбин.

В бытность в Таладжоу, примерно в половине апреля, я получил телеграмму от дежурного генерала Главного штаба, содержание которой меня в первую минуту озадачило: «Командующий войсками Варшавского военного округа непременно желает, чтобы вы приняли одну из дивизий округа. Согласны ли вы принять 8-ю дивизию»?

Озадачила, потому что я еще в декабре 1905 года был допущен главнокомандующим к командованию 8-м Сибирским корпусом, что было равносильно назначению командиром корпуса. В первую минуту хотел протестовать, но потом отставил, сел и написал: «Благодарю генерал-адъютанта Скалона за внимание, согласен».

Вскоре после заключения мира последовало распоряжение о представлении к наградам войсковых частей, отдельных рот, батарей и прочее. Когда поступили в штаб дивизии представления от командиров полков, артиллерийской бригады и горных батарей, все представления были проверены по соответствующим статьям Положения о награждении частей за боевые отличия и представлены в штаб армии.

За Мукденские бои с 31 января 1904 года по 22 февраля 1905 года все четыре полка были мною представлены к награждению Георгиевскими знаменами, а командиры полков к награждению мундиром полка, на что они имели

право как сформировавшие эти полки, так и за получение полком боевых отличий за время их командования.

Все представления были поддержаны и командующим армией, и главнокомандующим и направлены в Главный штаб.

В Главном штабе этим не удовлетвоались и, не знаю в силу какого закона, мое представление о награждении полков Георгиевскими знаменами было передано на проверку в Военно-историческую комиссию, составлявшую описание войны с Японией. Комиссия единогласно высказалась за награждение, и тем не менее ни один полк ни одной награды не получил. Ссылались на то, что полки перестали существовать, но и это не основание. Полки были расформированы до новой общей мобилизации, а знамена их остались и хранились в Петербургском арсенале.

Много хлопот доставлял мне и сданный дивизией в депозит Главного штаба миллион рублей, но об этом ниже.

Обмен военнопленными произошел довольно быстро, и пленные стали возвращаться к своим частям еще до отправки их в Россию. От дивизии в плену находились только один раненый поручик и сорок семь солдат, захваченных в одном из окопов на Бересневских сопках 11 февраля 1905 года.

Ввиду очень разнообразных толков об обращении японцев с нашими пленными привожу выдержку из письма Черныярского полка поручика М. и устный рассказ сорока семи бугульминцев, взятых на Бересневских сопках. Поручик М. без вести пропал в бою 18 февраля 1905 года и мы считали его погибшим. Но на Святой неделе от него пришло письмо из г. Мацуямы, в котором он писал, что под вечер 18 февраля

он был тяжело ранен в грудь и ногу, упал с сопки к стороне японцев, был ими подобран, и так как он очень страдал, то его отправили на носилках до г. Фынхуанчена (200 верст от места боя), где в госпитале ему сделали полную перевязку и затем отвезли в Мацуяму. Отношение к нему было хорошее, достойное.

Бугульминцы показали:

«Когда наши отходили с сопки, мы выйти из окопа не смогли, так как большинство из нас были ранены.

От японцев, окруживших нас, выделился один, подошел близко и стал ломанным русским языком говорить, что их генерал ввиду нашей упорной защиты и отхода наших войск с сопки приказал прекратить по нам огонь и просит нас сдаться. Мы плохо поняли, да и не поверили. Тогда через некоторое время подошел их офицер, который по-русски совсем ясно сказал, что генерал благодарит нас за нашу храбрость, не хочет больше нас убивать и просит сдаться, что с нами будут обращаться как мы того заслуживаем. Ну мы сдались. Жили в Мацуяме в казармах. Японцы очень строго требовали исполнения всех правил службы, но и сами несли службу еще строже, чем с нас требовали. Кормили плохо, по маленькому хлебцу в день, да либо рису, либо сушеной рыбы. Да и что требовать в стране, где рабочий день стоит восемь копеек на наши деньги.

Поначалу раз было вышла беда. Нас стали строить к перекличке. Один из нас, не имевший совсем сапог, не пошел в строй и остался сидеть на нарах. Японский унтер-офицер вскочил на нары и давай его бить по затылку. Мы не стерпели, как смеет нашего бить, бросились на нары и крепко побили унтер-офицера.

Казарму оцепили, сейчас же вызвали пулеметы и, быть беде, расстреляли бы нас. Но в это время в казарму вошел православный дьякон-японец и стал нас усовещевать, заставил нас повиниться и дать слово, что мы никогда больше не будем слушаться. Мы все обещали, просили только, чтобы и наших не били. Дьякон просил за нас и нас простили.

Когда был заключен мир, приехал генерал, всех их бранил, и с того дня стали выдавать по большому хлебу».

Вообще, я не могу привести ни одного случая предательского поведения японцев в отношении нас. Ни разу, занимая деревни, мы не нашли ни минированных канов, печей, ни отравленных колодцев. Напротив, были случаи, что в канун наших самых больших праздников они подбрасывали нам бумажки, на которых было написано по-русски: «Мы знаем какой у вас завтра большой праздник и стрелять не будем, можете быть уверены», и передовые части удостоверяли, что японцы действительно не стреляли. А раз был такой случай. К передовой линии подъехал конный солдат с белым флажком и передал письмо. В письме японский генерал просил разрешения взять тело убитого офицера, которое, они знают, лежит там-то у деревни. Пошлют столько людей, сколько мы укажем. Я дал разрешение, тело было взято и затем прислано второе письмо, в котором меня благодарили и было сказано: «За то, что вы разрешили взять это тело, что бы вы не попросили, все нами будет исполнено».

В Харбине генерал Гродеков спросил меня, желаю ли я остаться в его распоряжении или ехать в Главный штаб. Я доложил, что уже принял предложенное мне назначение и, простившись с ним, выехал в Россию.

Обратный путь проехал в Восточном экспрессе, с полным комфортом, и весь путь от Харбина до Одессы с остановкой на один день в Москве совершил в 15 дней.

За два года пребывания в Маньчжурии у нас в семье все было благополучно. В августе 1904 года сын был произведен в корнеты в лейб-гвардии Драгунский полк,²¹² в январе 1905 года старшая дочь подарила мне первого внука. Младшая дочь незадолго до моего возвращения успешно выдержала операцию и я застал ее на ногах. Им всем пришлось пережить одесские беспорядки 1905 года, и внук родился под звуки выстрелов с «Потемкина», громившего Одессу.²¹³

²¹² Лейб-гвардии Драгунский Е. И. В. великой княгини Марии Павловны полк сформирован в 1814 г. как лейб-гвардии Конно-егерский полк. С 1833 г. – лейб-гвардии Драгунский полк. В 1914 г. входил в состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Дислокация – Петергоф.

²¹³ Броненосец «Князь Потемкин Таврический» – корабль Черноморского флота. Заложен в 1898 г., спущен на воду в 1900 г. в Николаеве. Во время учебного похода к Тендеровской косе 14 июня 1905 г. на «Князе Потемкине Таврическом» произошел вооруженный бунт, большинство офицеров корабля были перебиты и выброшены за борт.

Для поддержки забастовки рабочих, пополнения запасов углем и похорон убитого матроса большевика Г. Н. Вакулычука броненосец прибыл в Одессу и стал на рейд в виду города. 16 июня митинг на могиле Вакулычука был обстрелян.

В ответ на это артиллерия броненосца открыла огонь по городу, но из-за того, что комендоры при орудиях изменили прицелы, повреждения в Одессе и потери среди мирного населения были минимальными. 17 июня броненосец прошел без боя сквозь

Младшая дочь, которой минуло девять лет, с увлечением рассказывала мне про последние события, про внука и про необходимость мне его посмотреть. Прожив две недели в Одессе, мы выехали в Симферополь к старшей дочери.

С ними тоже прожили только две недели и затем поехали в Петербург, явиться в распоряжение Главного штаба и повидать сына.

В Петербурге пришлось пробыть довольно долго, так как мое назначение начальником 8-й пехотной дивизии²¹⁴ состоялось лишь в конце июня.²¹⁵

боевые порядки кораблей Черноморского флота и прибыл в порт Констанца (Румыния). Румынские власти предложили сдать броненосец и предоставить экипажу политическое убежище.

Матросы отказались, и броненосец вышел в Феодосию для пополнения запасов, но сделать это не удалось. «Потемкин» отправился в Сухуми. Однако 24 июня на подходе к Сухуми он вынужден был повернуть вновь к Констанце, где и появился 25 июня. Здесь экипаж сошел на берег и был интернирован, а румынское правительство вернуло броненосец России, после чего он был переименован в «Святой Пантелеймон».

²¹⁴ 8-я пехотная дивизия сформирована в 1874 г. В 1914 г. входила в 15-й армейский корпус. Состав дивизии: 29-й пехотный Черниговский генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского, 30-й пехотный Полтавский, 31-й пехотный Алексопольский и 32-й пехотный Кременчугский полки, 8-я артиллерийская бригада.

²¹⁵ Автор ошибается, так как официально он был назначен начальником 8-й пехотной дивизии 3 июня (по старому стилю) 1906 г.

Вскоре по прибытии в Петербург я получил из Главного штаба секретный пакет с пометкой «В собственные руки». Оказалось следующее: когда возвратились в Казанский военный округ резервные бригады, из которых были сформированы четыре резервные дивизии, в том числе и 71-я, то командующий войсками генерал Бруннер, ознакомившись с результатами демобилизации дивизий, приказал выяснить причину той резкой разницы в размерах остатков, которые получились между суммой, сданной полками 71-й дивизии и полками остальных трех дивизий. В округе же все было повернуто так: откуда могли получиться такие суммы в 71-й дивизии? Указали на целый ряд будто бы незаконных с моей стороны расходов и всю эту переписку представили на усмотрение Главного штаба. Вот по этой-то переписке военный министр и просил меня дать вполне откровенное объяснение.

Хотя все документы по расходованию сумм находились в Пензе, где было управление 54-й резервной бригады, я, указав на это, тотчас же подробно объяснил по всем статьям, почему я приказывал или разрешал расходы и действительный размер каждого расхода. Объяснил, почему выдал пособия всем офицерам на заведение форменной одежды, награды всем чинам, способствовавшим накоплению остатков, и почему размер выданных наградных и пособий был намного крупнее норм мирного времени.

Военный министр и Главный штаб были поражены полной откровенностью представленной мною картины внутренней жизни дивизии и порешили запросить заключение государственного контролера. Государственный

контролер тайный советник Харитонов,²¹⁶ ознакомившись с моим объяснением, вернул его военному министру с пометкой: «Слава богу, что есть начальники, которые могут так полно и откровенно показывать все свои расходы, не пытаясь подгонять их под разные статьи».²¹⁷

Военный министр генерал-лейтенант Редигер представил все это дело на высочайшее государя императора благоволение. Выслушав доклад, Его Величество сказал:

– Я уже два раза благодарил генерала Экка за дивизию, поблагодарите его от меня в третий раз.

Приходилось еще уладить одно семейное дело. Сын сделал предложение, которое родителями невесты было принято. Сын настаивал, чтобы я уговорил его командира

²¹⁶ Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) – российский государственный деятель, чиновник. В 1887 г. действительный статский, в 1899 г. тайный советник. Занимал различные гражданские должности, в том числе в Особом совещании при Государственном совете.

С 1906 г. – сенатор, член Государственного совета. С 1907 г. – государственный контролер. В 1913 г. действительный тайный советник. С 1916 г. – в отставке.

²¹⁷ Так как я поручался за точность всего излагаемого в этих воспоминаниях, то оговариваю здесь, что заключение государственного контролера сам не читал, но написал его со слов дежурного генерала Главного штаба генерал-лейтенанта Петра Александровича Фролова, который мне все подробно рассказал, что всех особенно поразила моя полная откровенность и, главное, как я решился написать, что считаю допущение ношения офицерами неформенной одежды одной из главных причин беспорядков в армии. Да тогда оно так и было. – *Примеч. автора.*

дать разрешение на брак. Напрасно я ему указывал, что просто по годам как офицер он не имеет еще права жениться, что ему всего 21 год и надо ждать еще два года до законного возраста (офицеры могли по закону вступать в брак лишь 23 лет). Он мне с большим волнением заявил – я уже пять лет жду и больше ждать не могу. Делать было нечего, поехал к его командиру и просил дать разрешение на венчание, не ожидая до 23 лет. Командир дал согласие, но с тем условием, что я сам поеду к великому князю Николаю Николаевичу и испрошу его согласие как главнокомандующего Петербургским военным округом. Согласие было получено, и мы обвенчали сына.

В конце июня месяца в Петербург прибыли все командиры полков бывшей 71-й дивизии и, представляясь мне, просили с ними отзавтракать. За этим завтраком они поднесли мне от дивизии золотую шашку с надписью «За храбрость» работы Златоустовского завода, златоустовской травленной стали, на лезвии которой с одной стороны была втравленная золотом надпись: «Генерал-лейтенанту Экку от благодарной 71-й дивизии». А на обороте девиз, также втравленный: «Строг к себе, снисходителен к другим».

В июле я выехал в Варшаву и затем в г. Прасныш Плоцкой губернии, где стояла лагерем 8-я пехотная дивизия.

Пробыв 2 года в Маньчжурии, я с любопытством ко многому присматривался, и заключения получались невеселые. Особенно поражало шатание многих старших начальников: одни как бы усомнились в своих силах, другие, правда единичные, уже готовились пойти по новому течению, если бы оно возымело успех. Довольно вспомнить три письма генерал-лейтенанта Церпицкого, помещенные в

газете «Русь», при помощи которых он явно пролагал себе путь в военные министры, если бы, неровен час, новое течение одержало верх. Издатель «Руси» Суворин (сын Алексея Сергеевича) восхищался этими письмами и говорил, что каждое слово в них дышит правдою, очевидно не подозревая, что в армии много лет существовала поговорка: «Врет как Церпицкий».

Когда в Варшаве я ехал с вокзала по Налевкам, всюду были видны патрули лейб-гвардии Волынского полка.²¹⁸ Один из таких патрулей остановил меня и доложил:

– Ваше превосходительство, вам дальше ехать нельзя, на вас готовится покушение.

– Верно какое-нибудь недоразумение, я только что приехал с Дальнего Востока и в Варшаве не был с 1897 года.

– Позвольте узнать вашу фамилию?

– ЭКК.

– А мы вас приняли за генерала, – и назвал совсем другую фамилию – извольте ехать, наши патрули тут по всему кварталу.

В Варшаве я застал двух старых друзей: помощника командующего войсками генерал-лейтенанта Федора Константиновича Гершельмана и начальника штаба округа генерал-лейтенанта Самсонова, людей долга, непоколебимых убеждений, и сразу почувствовал себя в родной среде.

²¹⁸ Лейб-гвардии Волынский полк сформирован в 1817 г. В 1914 г. входил в состав 3-й гвардейской пехотной дивизии. Дислокация – Варшава.

Представившись командующему войсками генерал-адъютанту Скалону, я выехал в город Прасныш, в пяти верстах от которого находился дивизионный лагерь 8-й дивизии.

Мой предшественник генерал-лейтенант Михайлов уходил в отставку и хорошо делал, так как он не был в состоянии бороться с новыми вредными веяниями, лавировал и несомненно расстроил бы в дальнейшем эту прекрасную во всех отношениях дивизию.

Прибыв в лагерь, со следующего же дня приступил к приему дивизии. Начал с инспекторского опроса по полкам. Серьезных жалоб никем заявлено не было, но меня порастил понурый, угрюмый вид 30-го пехотного Полтавского полка.²¹⁹ Люди не смотрели в глаза, на вопросы отвечали вяло, как бы неохотно. Тогда я громко спросил командира полка:

– Какая вина лежит на полке, в чем полтавцы провинились, что стоят столь понурые и не смотрят мне в глаза?

И получил от командира ответ очень меня поразивший:

– Разрешите, Ваше превосходительство, мне после доложить, без свидетелей.

– Тогда так: ведите полк домой и пожалуйста ко мне сегодня в восемь часов вечера.

²¹⁹ 30-й пехотный Полтавский полк сформирован в 1798 г. как Мушкетерский генерал-майора Маркловского полк. С 1801 г. – Полтавский мушкетерский полк, с 1864 г. – 30-й пехотный Полтавский. В 1914 г. входил в состав 8-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса. Дислокация – Варшава.

Прибыв ко мне, командир полка с места начал жаловаться на трудность командования полком в то беспокойное время, ни в ком не видишь поддержки, ни на офицеров, ни на солдат ни в чем положиться нельзя и т. д. Выслушав его до конца, спросил:

– А где же во всем этом командир полка? Давно ли вы командуете полком?

– Два года.

– Мы с вами оба офицеры Генерального штаба, так будемте откровенны до конца. Из всего вами доложенного, я вывожу заключение, что вы не только тяготитесь командованием полком, но даже боитесь полка. При таком положении, оставаясь далее командиром, вы только вредите полку и самому себе, можете погубить себя по службе. Сколько вы лет служите?

– На днях мне исполнится 25 лет в офицерских чинах.

– Так либо переходите куда-нибудь, либо подавайте в отставку.

– Позвольте мне выбрать второе и помогите мне.

Я сейчас же дал согласие и обещал полное содействие к скорейшему проведению его отставки.

Я уже получил одного верного помощника в лице генерал-майора Зарако-Зараковского, назначенного командиром 2-й бригады 8-й дивизии. Теперь вошел с ходатайством о назначении состоявшего в распоряжении Главного штаба бывшего командира Бугульминского полка полковника Горелова командиром 30-го пехотного Полтавского полка.

В умелых, благожелательных руках Горелова Полтавский полк быстро поднял голову и мог смело соревноваться во всем с прочими полками дивизии.

Обстановка для меня была очень благоприятная. Находясь последние два года в Маньчжурии, я был совершенно вне сомнений, закравшихся в души многих начальников, переживших смуту внутри России; лагерное поле под Праснышем, имея в своих границах довольно большое пространство песчаных бугров и рошу, позволяло фактически укреплять позицию, окапываться при наступлении и наглядно показывать приемы сближения в темноте с позицией противника до расстояния прямого выстрела, атаки ее накоротке с первыми проблесками рассвета. Штабом округа были отпущены 800 рублей на приобретение материалов для сооружения искусственных препятствий, и явилась возможность наглядно показать, как строить полевые укрепления, усиливать их искусственными препятствиями: волчьими ямами, колючей проволокой, проволочными петлями и прочим, а, главное, как их атаковать открытою силою, как их отстаивать.

Под свежим впечатлением войны подобные занятия в высокой степени заинтересовали всех; об обременении занятиями не было речи. Я целые дни, часто ночи, проводил с полками в поле, и командование 8-й дивизией с 14 июля 1906 по 1 октября 1907 года было сплошным для меня удовлетворением, и проведенные с ней два лагерных сбора дали мне возможность проверить и провести в жизнь новые требования, поставленные войскам войною с Японией, и убедиться, что эти требования быстро и очень охотно воспринимались войсками.

Главнейшие из этих требований сводились к следующим:

- а) полное единение пехоты со своей артиллерией, взаимная их вера в то, что при полной согласованности их действий успех всегда обеспечен;
- б) только полная физическая втянутость, особенно умение легко всходить и спускаться по кручам, пробегая версты по пахоте или болотистому грунту, сохраняя свободу дыхания, дает возможность офицерам успешно руководить боем и не выпускать частей из своих рук;
- в) умение начальников всех степеней, начиная со взводных командиров, вести самостоятельно бой и никогда при этом не забывать, что первый залог успеха – всеми своими действиями помогать успеху соседей;
- г) не злоупотреблять работою охотничьих команд, ограничивая их деятельность по прямому их назначению непрерывною разведкой противника; не сводить охотничьих команд в отдельные отряды, давая им при этом самостоятельные боевые задачи. Сколько погибло отборнейших офицеров и людей из-за того, что некоторые начальники возлагали на охотничьи команды такие задачи, которых они сами не решались выполнять целыми частями.

В конце лета 1906 года командующий войсками поручил мне встретить и осмотреть 8-ю артиллерийскую бригаду,²²⁰ только что перевезенную с Дальнего Востока, внутреннее состояние которой почему-то считалось не особенно надежным.

²²⁰ 8-я артиллерийская бригада сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в состав 8-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса. Дислокация – Варшава.

Осмотрев инспекторским порядком, особенно подробно беседовал отдельно с офицерами и с фейерверкерами, напомнил им важность личного их примера во всем, их права и обязанности и строгую ответственность за бездействие власти.

Бригада вернулась в удовлетворительном состоянии, а с назначением нового командира генерал-майора Седергольма вполне восстановилась и снова заняла свое прежнее почетное место среди полевых артиллерийских бригад.

Несмотря на неблагоприятные условия стоянок, полки дивизии имели полный комплект офицеров, которые жили дружно. В этом отношении особенно выделялся 32-й Кременчугский полк,²²¹ имевший свой ярко определенный облик. Кто бы не вышел в этот полк – через год, много два, приобретал во всем нечто такое, по чему сразу можно было определить, что он кременчужец. Большая в этом заслуга принадлежала и полковым дамам. Все молодые офицеры тотчас по прибытии в полк как бы распределялись между семейными домами, были приняты, обласканы и потому легко мирились со всеми неудобствами полковой стоянки в г. Цеханов. В 1907 году Кременчугский полк праздновал свой 100-летний юбилей. Торжество продолжалось три дня. Первый день – официальное празднование, на второй и третий – домашне-семейное. Бал, на который все дамы

²²¹ 32-й пехотный Кременчугский полк сформирован в 1806 г. как Кременчугский мушкетерский полк. С 1864 г. – 32-й пехотный Кременчугский полк. В 1914 г. входил в состав 8-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса. Дислокация – Варшава.

явились в белых платьях, отделанных лентами полкового цвета, прошел с большим оживлением; было видно, с какой любовью офицеры чествовали своих дам.

Как иногда судьба подшучивает над людьми, может служить следующий пример: летом 1907 года, в период общих сборов, дивизия была подробно осмотрена помощником командующего войсками. Результатом этого осмотра явился не только лестный для дивизии приказ по округу, но генерал-адъютант Скалон предоставил в мое распоряжение одну из наград, «вне правил» ежегодно назначаемых Главным штабом в распоряжение командующего войсками. На эту награду мною был представлен к производству в подполковники командир 8-й роты Кременчугского полка капитан Фесенко.

Награды «вне правил» обычно выходили в начале следующего за представлением года. Так было и с капитаном Фесенко. Представленный из округа в ноябре 1907 года, он был произведен в подполковники в конце января 1908. Между тем осенью же 1907 года, по новой дислокации 8-й дивизии, 32-й пехотный Кременчугский полк был переведен в Варшаву, и для офицеров полка явилась возможность пользоваться всеми удобствами жизни в Варшаве. Произведенный же «вне правил» в штаб-офицеры капитан Фесенко попал в одну из войсковых частей, расположенных в г. Кушке, недалеко от границы с Афганистаном, то есть попал еще в гораздо большее захолустье, чем город Цеханов.

Проездом к новому месту назначения Фесенко заехали ко мне в Москве, и только тогда я узнал от них о столь неудачно сложившейся для них обстановке. На вопрос, как

она относится к переезду в Кушку, милая мадам Фесенко улыбнулась только и ответила:

– Откровенно сказать, жутковато туда ехать, но я так благодарна и рада, что моего мужа выдвинули; он так это заслужил, и в полку все этому рады.

Штаб дивизии стоял в г. Пултуск в 27 верстах от железной дороги. Квартира начальника дивизии помещалась в старом монастырском доме, была очень удобная, и прожили мы в ней зиму 1906–1907 годов очень хорошо.

Занятия с младшей дочерью, которой шел десятый год, сразу наладились. С ней занималась по всем предметам Раиса Ивановна Бунина, одна из полковых дам Алексапольского (ныне Алексеевского) полка.²²² У Ньюки было много книг, и она просила у меня разрешения давать их читать дежурным вестовым. Как только сменялся новый вестовой, она шла к нему, спрашивала, не желает ли он почитать, и давала на выбор несколько книг. Все с особенным удовольствием брали «Грозную тучу» и «Синее знамя».

Весной приехала с мужем и детьми старшая дочь и прогостила у нас довольно долго. Ее мужу предстояла наконец возможность сдать выпускные экзамены и проекты в Екатеринославском горном институте, который из-за студенческих беспорядков был закрыт почти два года.

²²² 31-й пехотный Алексеевский полк сформирован в 1731 г. как Закамский ландмилицкий полк. С 1769 г. – Алексеевский пехотный, с 1864 г. – 31-й пехотный Алексопольский полк. С 1913 г. – 31-й пехотный Алексеевский полк. В 1914 г. входил в состав 8-й пехотной дивизии 15-го армейского корпуса. Дислокация – Скерневицы.

Между прочим, зять только теперь подробно рассказал мне об оказанном нам содействии императором Вильгельмом в период войны с Японией. Весной 1904 года впервые было получено из Петербурга разрешение командировать предстоящим летом для практических занятий на Пермский сталелитейный завод трех лучших студентов. В число командированных попал и мой зять. Когда они прибыли на завод, директор встретил их очень радушно, но добавил:

– Что ж мы можем вам показать интересного, вам, ученикам Павлова, ознакомленным не только с настоящим, но и с будущим сталелитейного дела? Живите, присматривайтесь, все будет к вашим услугам.

Так прожили они недели две. Вдруг на завод прибыло из Германии отделение завода Круппа, были установлены привезенные станки и приступлено к отливке горных орудий, сослуживших нам столь великую службу во второй период войны с Японией. Правда, что за это содействие император Вильгельм взял с нас столь дорого нам стоивший торговый договор, но полагаю, что вина за убыточность для нас этого договора должна быть возложена не на одного императора Вильгельма, а и на заключавших этот договор с нашей стороны.

Летом мы всей семьей переехали в лагерь под Прасныш. Мой барак, построенный в углу парка, находился совершенно в стороне от лагеря. В этом же парке была построена деревянная эстрада, на которой в праздничные дни играла музыка и часто затевались танцы. В глубине парка было построено помещение для буфета и столовой.

Глава VII

Высочайшим приказом 1 октября 1907 года я был назначен командиром Гренадерского корпуса, штаб коего стоял в Москве. В состав его входили 1, 2 и 3-я гренадерские дивизии с соответствующими гренадерскими артиллерийскими бригадами,²²³ Гренадерский саперный батальон,²²⁴ 60-я²²⁵ и 62-я²²⁶ резервные бригады и 1-я кавалерийская

²²³ Гренадерские артиллерийские бригады в Российской императорской армии появились в 1819 г., когда была образована Гренадерская артиллерийская дивизия, вошедшая в Гренадерский корпус.

²²⁴ Гренадерский саперный генерал-адъютанта Шильдера, ныне Е. И. В. великого князя Петра Николаевича батальон сформирован в 1816 г. как 1-й саперный батальон.

С 1864 г. – Гренадерский саперный Е. И. В. великого князя Петра Николаевича батальон. В 1914 г. входил в состав Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

²²⁵ 60-я пехотная резервная бригада сформирована в 1899 г. в составе 237-го Кремлевского, 238-го Клязминского, 239-го Окского и 240-го Краснинского пехотных резервных батальонов.

В 1904 г. батальоны развернуты в пехотные полки. В 1906 г. вновь свернуты в пехотные резервные батальоны. В 1910 г. батальоны влились в полки: 237-й – в 11-й Финляндский стрелковый, 238-й – в 181-й пехотный Остроленский, 239-й – в 184-й пехотный Варшавский, 240-й – в 183-й пехотный Пултуский.

²²⁶ 62-я пехотная резервная бригада сформирована в 1899 г. в составе 245-го Солигачского, 246-го Грязовецкого, 247-го Романовского и 248-го Осташковского пехотных резервных

дивизия²²⁷ с 20-й и 22-й конными батареями. Хотя из двенадцати гренадерских полков восемь стояли в самой Москве, район корпуса был очень велик и включал в себя губернии Московскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, и один резервный батальон стоял в Вологде.

Штаб корпуса находился в Москве, на Спиридоновке, в казенном здании, в котором помещались и квартиры командира корпуса, начальника штаба, и старших адъютантов штаба корпуса.

В Москве я не был 20 лет, но ехал в нее с чувством, что еду в родное место, так живы были воспоминания о прожитых в ней двух годах с 1885 по 1887 год.

Помнил и прекрасные гренадерские полки, их великолепно-лепный состав. Им пришлось пережить очень тяжелое время в 1905–1906 годах, когда Москва была так глубоко захвачена внутренними событиями. Но из всех полков серьезно поддался тогдашним влияниям лишь один 2-й гренадерский

батальонов. В 1904 г. батальоны развернуты в пехотные полки. В 1906 г. вновь свернуты в батальоны. В 1910 г. вошли в состав пехотных полков: 245-й – в 183-й Пултуский, 246-й – в 198-й Александро-Невский, 247-й – в 181-й Лестоленский и 248-й – в 182-й Гроховский.

²²⁷ 1-я кавалерийская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. входила в Гренадерский корпус. Состав дивизии: 1-й лейб-драгунский Московский императора Петра Великого, 1-й уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова, 1-й гусарский Сумской генерала Сеславина, 1-й Донской казачий генералиссимуса князя Суворова полки, 1-й конно-артиллерийский дивизион.

Ростовский полк.²²⁸ Остальные остались верны своей присяге.

Командующим войсками и московским генерал-губернатором был генерал-лейтенант Сергей Константинович Гершельман. Участник войны с Японией, прекрасно сознававший необходимость намеченных мною нововведений в обучении войск, особенно в подготовке офицеров, и я всегда мог рассчитывать на полное его содействие.

Простившись с 8-й дивизией, я выехал в Москву, представился командующему войсками, осмотрел все части, расположенные в Москве, и затем выехал в объезд прочих. Обращал главное внимание на втянутость частей, особенно офицеров, и всюду дал подробные указания насчет занятий гимнастикой на машинах, и особенно подготовительными упражнениями, на важность постепенного втягивания в бег.

Казарменные помещения, за малыми исключениями, были удовлетворительными, но все же меня поразило, что в самой первопрестольной Москве, главным образом в Крутицких и Хамовнических казармах, люди продолжали

²²⁸ 2-й гренадерский Ростовский Е. И. В. великого князя Михаила Александровича полк сформирован в 1700 г. как солдатский Кашпара Гулицы полк. С 1811 г. – гренадерский графа Аракчеева полк. С 1864 г. – 2-й гренадерский Ростовский принца Фридриха Нидерландского полк, в 1903 г. получил шефство великого князя Михаила Александровича. В 1914 г. входил в состав 1-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

спать на нарах, и город все еще только собирался перейти к системе топчанов.

Города имели обыкновение жаловаться на тягость и убыточность для них войсковой квартирной повинности, что войска приносят городам только убыток. К их голосу часто прислушивались и шли навстречу их требованиям об увеличении квартирной платы, недостаточно налегая при этом на выполнение ими требований военного ведомства. Так было и в Москве. Город получал по 10 рублей в год за каждого солдата и лошадь, и настаивал на увеличении этой платы до 12 рублей 50 копеек в год, и добился своего.

Если принять во внимание, что значительная часть казарм состояла из бывших казенных зданий, переданных городу, то надо признать, что плата 10 рублей в год за каждого солдата и каждую лошадь окажется вовсе не мала, да кроме того, войска являются очень крупным потребителем не только съестного, но и всякого иного товара. Наглядным тому примером являются обогащение городов и жителей бывшего Варшавского военного округа от массы войск, расквартированных в нем в силу стратегических соображений, и соответствующее оскудение городов в центре России, из которых войска были переведены в Варшавский округ. Другой пример – город Псков после долгих колебаний решился выстроить казармы для двух полков, и вскоре убедившись, что от получаемой платы он имеет 13 % в год на затраченный капитал, сам предложил военному ведомству построить казармы еще для одного полка.

В восьмидесятых годах город Севастополь, настроенный своим городским головой, совершенно отказался идти

навстречу военному ведомству, отказался строить казармы и уступить за плату место для учений.

Получив об этом донесение, начальник Главного штаба приказал штабу Одесского военного округа немедленно подыскать новую стоянку для вывода из Севастополя.

Когда городская дума узнала о таком решении дела, то в первом же заседании обрушилась на своего городского голову и постановила: просить об оставлении бригады в Севастополе, предоставить за плату необходимые казарменные помещения, а место под учение предоставить бесплатно. На этом уступленном тогда месте был разбит лагерь, и 13-я дивизия отбывала на нем лагерные сборы в полном составе.

Но масштабы бывают разные. Когда я в разговоре с городским головой Нижнего Новгорода привел пример Пскова, он мне возразил:

– Да кого же здесь соблазнят 13 процентов в год, когда они, построив лавки из досок, ценою каждая в 200–300 рублей, сдают их на время ярмарки за 1000, а то 1500 рублей за каждую?

Сделал это отступление со специальной целью указать, что и в будущем при определении размера квартирной платы за казармы военному ведомству необходимо брать во внимание, что войска приносят городам помимо прямого дохода в виде годовой платы за постой каждого человека и лошади еще и косвенные доходы от закупки необходимого войскам довольствия, от бюджета, проживаемого офицерами и их семьями, и от траты солдатами денег, получаемых ими из дому от родных, которые совсем не так малы, как думают,

и которые, например, для полка, которым я командовал в Радоме, достигали до 15 000–20 000 рублей в месяц.

Вернувшись с объезда, собрав всех начальников частей, высказал им свои впечатления и нарисовал полную картину того тяжелого для офицеров положения, когда мы неожиданно попали в горный район; каких невероятных трудов стоило им преодоление крутостей сопок, пока они в это не втянулись, и сколько из старших офицеров, начиная от ротных командиров, надорвались над этим и выбыли из строя. Главным средством для настоящей физической подготовки офицеров считал образование гимнастическо-фехтовальных школ в дивизиях и полках, занятия спортом, широкое ведение занятий полевой гимнастикой круглый год, офицеры обязательно в голове своих рот, а так как для некоторых ротных командиров это могло оказаться непосильным напряжением, то роты должны щеголять одна перед другой в умении провести своего ротного командира через все препятствия.

Рассадником инструкторов гимнастики и фехтования в полках послужит образуемая нами в Москве гимнастическо-фехтовальная школа.

Школа была образована на следующих основаниях: помещение для школы – гимнастический зал Александровского военного училища,²²⁹ любезно предоставленный

²²⁹ Александровское военное училище – военно-учебное заведение, готовившее офицеров пехоты. Создано в 1863 г. на базе Александринского сиротского кадетского корпуса, располагалось в Москве. К 1914 г. штат училища насчитывал 600 юнкеров, а с началом войны он был увеличен на 1000 человек.

начальником училища в полное наше распоряжение по вечерам. Были наняты учителя гимнастики и фехтования, установлен шестинедельный курс для инструкторов: по одному офицеру и по восемь гренадер от каждого полка. Будущие инструктора обязательно занимались каждый вечер; через шесть недель сдавали экзамен и возвращались в полки инструкторами.

Наблюдающим за школой назначил начальника 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенанта Мищенко, человека неутомимой энергии.

Занятия для командированных от полков были обязательны. Прочие офицеры могли пользоваться залом в предоставленные нам часы по желанию.

Занятия привились и пошли очень удачно. Офицеров съезжалось столько, что приходилось устанавливать очереди.

Только против одного вида спорта предупреждал я офицеров и отговаривал от занятий им – от упражнений с тяжелыми гирями, штангами и тому подобным. Нам нужны не силачи-атлеты, а втянутые люди, способные к быстрым продолжительным передвижениям по любому грунту, по горам, не теряя при этом ни легкости дыхания, ни энергии. К сожалению, у многих русских очень легко развивается склонность именно к этому роду упражнений.

Александровское военное училище не ограничилось одним предоставлением нам своего гимнастического зала. Нашлись среди его преподавателей такие, которые предложили сделать офицерам бесплатно целый ряд сообщений: по современной тактике и стратегии, иллюстрируя примерами из последних войн, по ручному

оружию, по артиллерии, по сравнению строевых и полевых уставов наших и иностранных армий и так далее. И в этом случае начальник училища пошел нам навстречу и предоставил в наше распоряжение по вечерам в субботу училищный актовый зал.

Трудно было сразу сказать, удастся ли провести эти сообщения в жизнь, ввиду громадности московских расстояний и удаленности большинства казарм от Александровского училища. На первые сообщения явились по несколько десятков офицеров, но уже с третьего сообщения число явившихся достигло двухсот, и чем далее, тем плотнее наполнялся зал.

Особенно удачны были сообщения по сравнению полевых уставов нашего и иностранных, принятых в германской, австро-венгерской, французской, итальянской и британской армиях; о действиях современной артиллерии, четыре сообщения генерального штаба полковника Галкина, на которых он прекрасно изложил содержание книги профессора Менделеева «К познанию России».²³⁰

Строевые занятия в частях шли с должной энергией, внутренний порядок не оставлял желать лучшего. Одно похрамывало. Приходилось слышать от командующего войсками и самому встречать малые команды и даже

²³⁰ Речь идет о последнем крупном труде Д. И. Менделеева «К познанию России», написанном в 1906 г. Важное место в работе занимают вопросы народонаселения, опирающиеся на анализ результатов переписи 1897 г. К работе была приобщена карта, в которой нашла отражение идея единого промышленного и культурного развития европейской и азиатской частей России.

караулы, которые следовали по улицам не в должном порядке, не в ногу, и с этим пришлось бороться довольно долго. Были случаи неотдачи чести офицерам. Так, выехав однажды утром в николаевской шинели, я встретил на Садовой три унтер-офицерских караула 2-го гренадерского Ростовского полка, два начальника караула отдали установленную честь, начальник же третьего караула посмотрел на меня и прошел с караулом, ничего не скомандовав.

Вызвав к телефону командира полка, я приказал узнать, кто этот унтер-офицер и почему не отдал установленную честь? Через некоторое время командир полка доложил мне фамилию унтер-офицера, что тот не узнал меня в лицо и потому не отдал честь. Я тут же ответил командиру:

– Ваш ответ особенно ярко подчеркивает вину унтер-офицера, который, очевидно, считает лишним отдавать честь каждому офицеру, как его к тому обязывает устав, да и вы сами как будто склонны считать, что вся его вина в том, что не узнал своего командира корпуса. А я именно за то, что намеренно не отдал офицеру установленной чести, лишаю его унтер-офицерского звания и так приказываю поступать с каждым унтер-офицером, уклоняющимся от отдания чести офицеру.

Посещая казармы, я сам говорил с унтер-офицерами на эту тему и скоро такие случаи совершенно отошли в прошлое.

Поддержанный в моих начинаниях командующим войсками, я легко привил их войскам. С выходом в лагерь часто выезжал на занятия, в некоторых случаях сам руководил ими, требуя полную тишину в строю, допуская

громкие команды только на уставных учениях; при практических же учениях, особенно в период продвижения перебежками в сфере ружейного огня, накапливания перед атакой – все приказания в цепях условными знаками или голосом по цепи, от звена к звену, от человека к человеку. В этом отношении, как и прежде, в первом номере шел лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества полк, за ним 8-й гренадерский Московский,²³¹ командир которого, полковник Цурканов, прекрасно руководил боевым воспитанием полка.

И здесь мы скоро поняли друг друга, и все мои начинания легко проходили в жизнь. Но, посвящая большую часть времени на боевую подготовку войск, мы никогда не упускали строевой выправки, и на церковных парадах в дни полковых праздников полки представлялась один лучше другого. Вернулось бодрое настроение, вера в своих начальников, вера в себя.

Корпус отбывал лагерные сборы в трех местах: 1-я и 2-я гренадерские дивизии на Ходынке под Москвой, 3-я гренадерская дивизия и 62-я резервная бригада под Ярославлем, на берегу Волги, и 60-я резервная бригада – под Нижним Новгородом. Артиллерия отбывала свой

²³¹ 8-й гренадерский Московский великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полк сформирован в 1790 г. как Московский пехотный полк. С 1791 г. – Московский гренадерский. С 1864 г. – 8-й гренадерский Московский великого герцога Фридриха Мекленбургского полк. В 1914 г. входил в состав 8-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса. Дислокация – Тверь.

специальный сбор под Можайском на Клементьевском полигоне.

В августе 1908 года корпусу был назначен подвижный сбор в районе Владимирской губернии. Впервые после событий 1905–1906 годов приходилось войскам войти в массовое соприкосновение с жителями. Население губернии почти сплошь из фабричных рабочих. Многие опасались, что сбор будет очень трудный, что неизбежны столкновения с жителями, враждебно настроенными против войск.

Я же признавал, что сбор явился самым подходящим случаем для восстановления добрых отношений между войсками и населением. Объезжая войска, всюду высказывал этот взгляд и твердое убеждение, что все начальники меня в этом поддержат и проведут мои указания в жизнь: всем частям на ночлег становиться по деревням квартиро-бивачным порядком. Занимая помещение, бережно относиться к имуществу хозяев, самовольно ничего не брать, все приобретать за наличный расчет, быть вежливыми, баб не задевать. В дни дневок музыке играть, устраивать гуляния и танцы, насколько возможно угощать хозяев.

Занятия шли очень успешно, малые маневры, боевые стрельбы прошли вполне благополучно. В первые дни сбора при постановке на ночлег были случаи прямо враждебного отношения жителей, запиравших дома и не хотевших пускать солдат во двор. Но настойчивые требования войск, поддержанные представителем от губернатора, преодолели все преграды, а образцовое поведение войск после первых же ночевок сразу все изменило. Жители не только перестали запирались, но стали охотно встречать войска, угощали своим обедом, ели солдатский паек и, наконец, откровенно

сознались, что они очень боялись нашего прихода. Постоянно приходившие в деревню люди уверяли их, что царские войска всегда голодные, некормленные, что начальники их обкрадывают, и потому они поневоле грабят жителей. Теперь же мы видим, как вам хорошо живется и что вы нам друзья, а не враги. И очень просили, чтобы на обратном пути людей становили по тем же дворам, дабы они могли бы еще раз с ними побыть и хорошенько их угостить. 15 августа 10-й гренадерский Малороссийский полк²³² праздновал свой полковой праздник. Церковный парад полку, молебен с провозглашением многолетия государю императору произвели на жителей огромное впечатление. На богослужение вышло все население деревни в праздничных нарядах и затем приняло участие в праздновании полка.

Сбор завершился двухсторонним маневром. Погода нам не благоприятствовала. Под конец сбора шли проливные дожди, дороги стали труднопроходимы. Когда маневр закончился, командующему войсками приходилось проехать одиннадцать верст до железнодорожной станции. Мы усадили его в экипаж, запряженный тройкой. Командир полка ручался, что лошади безусловно вывезут. Отъехав версты три, коляска так завязла, что лошади хоть и дружно взяли, но сдвинуть экипаж не смогли и лишь оторвали

²³² 10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полк сформирован в 1756 г. как 4-й гренадерский полк. С 1801 г. – Малороссийский гренадерский. В 1914 г. и входил в состав 3-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса. Дислокация – Владимир.

передний ход коляски. Пришлось вновь подать верховую лошадь.

Проводив командующего войсками, я объехал войска, пропустил всех церемониальным маршем, благодарил за труды, за отличное их поведение по отношению к жителям. Несмотря на невылазную грязь, на дождь, настроение было отличное, все шли с музыкой, с песнями, зная, что будут желанными гостями у своих хозяев.

Пехотные части разошлись по своим штаб-квартирам, кто по железной дороге, кто походным порядком, в зависимости от расстояния до штаб-квартир, 1-я кавалерийская дивизия собралась у станции Келлерово, где и отбыла специально-кавалерийский сбор.

Весной 1908 года было упразднено Московское генерал-губернаторство, и генерал-лейтенант Гершельман был назначен к перемещению командующим войсками Московского военного округа.

По его представлению Высшей аттестационной комиссией я был назначен его преемником по должности командующего войсками Московского военного округа.

Но в это время произошла неожиданная смена военного министра. Генерал Редигер покинул свой пост, и в управление Военным министерством вступил генерал от кавалерии Сухомлинов, который мою кандидатуру устранил, под предлогом, что я всего полтора года командую корпусом, и настоял на назначении командующим войсками в Москву генерала от кавалерии Плеве.

О своем уходе из Москвы генерал-лейтенант Гершельман объявил войскам на церковном параде по случаю освящения церкви, только что построенной на Ходынке Иваном

Андреевичем Колесниковым для 1-го Донского казачьего генералиссимуса князя Суворова полка²³³ и для 1-й гренадерской артиллерийской бригады.

Известие об уходе генерала Гершельмана для многих явилось совершенной неожиданностью и глубоко нас всех огорчило. Сергей Константинович пользовался большим авторитетом и уважением не только войск округа, но и всей Москвы. Все высоко ценили его твердость, непреклонную волю в достижении раз намеченной цели, его справедливость и благожелательное отношение ко всем. Под его управлением Москва быстро успокоилась и вошла в нормальную жизнь.

Должен сделать маленькое отступление, чтобы пояснить, кто был этот строитель церкви на Ходынке.

Иван Андреевич Колесников уже много лет состоял главноуправляющим всеми делам и фирмы Саввы Морозова и пользовался неограниченным доверием его вдовы. Человек образованный, с большим весом в деловых сферах Москвы,

²³³ Донское казачье войско за годы Первой мировой войны выставило 2 гвардейских и 58 армейских казачьих полков, 23 отдельных и 55 особых казачьих (конных) сотен, 58 конвойных полусотен, одну пластунскую (пешую) бригаду (шесть батальонов), одну гвардейскую конную батарею и 14 армейских казачьих конно-артиллерийских дивизионов (41 батарея), две отдельных конных батареи, запасных – шесть конных полков и один конно-артиллерийский дивизион – всего более 100 тысяч человек. 1-й Донской казачий генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова полк сформирован в 1874 г. как Донской казачий № 23 полк. С 1894 г. – 1-й Донской казачий полк. В 1914 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Москва.

он не ограничивался одним ведением торговых предприятий фирмы, но принимал живое участие в политической жизни страны. По убеждениям правый, он был одним из основателей и видных деятелей Общества Михаила Архангела²³⁴ и других. Будучи бездетным и получая весьма крупное содержание, Иван Андреевич, как человек глубоко верующий, значительную часть своих средств употреблял на постройку православных церквей, и вновь построенная на Ходынке была четырнадцатой из им построенных. Тринадцатая за четыре года перед тем была им построена в Японии, в г. Мацуяме, для нужд наших военнопленных. За разновременно оказанные заслуги Иван Андреевич был пожалован званием потомственного дворянина и орденами, включительно до ордена Св. Станислава I степени.²³⁵

²³⁴ Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) – правомонархическая (черносотенная) консервативная общественно-политическая организация, действовавшая в Российской империи в 1907–1917 гг. Лидер – В. М. Пуришкевич. Союз выступал за сохранение исторических устоев России – православия и самодержавия, боролся за лишение избирательных прав иудеев и ограничение представительства Польши и Кавказа и вместе с тем поддерживал существование Государственной думы и одобрял столыпинскую реформу. Союз выпускал газету «Колокол», еженедельники «Прямой путь» и «Зверобой», распространял книги и брошюры, проводил собрания, чтения, массовые антисемитские кампании.

²³⁵ Орден Св. Станислава учрежден в 1765 г. польским королем Станиславом-Августом Понятовским. После присоединения Польши к России в 1815 г. император Александр I сохранил орден как награду для уроженцев Царства Польского и установил четыре

Вскоре по прибытии в Москву я был приглашен на общее собрание московского отдела Общества повсеместной помощи солдатам, пострадавшим на войне с Японией, и их семьям. Общество образовалось во время войны и пользовалось большими симпатиями во всех слоях общества, быстро развивалось и через пять-шесть лет после своего образования насчитывало уже до 100 человек. Цель общества заключалась не только в оказании материальной помощи самим пострадавшим на войне, их семьям и семьям убитых в боях или скончавшихся от ран, в определении места, но и в оказании им содействия: а) в причислении их под покровительство Александровского комитета о раненых; б) в определении их прав на пенсию и в) на получение пособий из Александровского комитета о раненых и из главного Алексеевского комитета. Оказалось, что последние три пункта составили едва ли не главнейшую работу общества, так как многие увечные не знали, как осуществить свои права. Денежные средства отделов состояли из членских взносов и добровольных пожертвований, доходов от спектаклей в пользу общества.

Согласно высочайшему повелению в каждом ведомстве известное число мест должно было предоставляться раненым солдатам. Ведомства неохотно шли навстречу, и устроить раненого в большинстве требовало многих хлопот, знакомств, просьб. Один В. Б. Похвиснев, тогдашний московский почт-директор, всегда шел навстречу и по первому же заявлению предоставлял места кандидатам от

степени этой награды. В 1831 г. присоединен к российским орденам.

отдела. За пять лет моего пребывания в Москве Владимир Борисович определил таким путем свыше сорока человек.

Странное бывало отношение железных дорог к этому вопросу. В 1905–1906 годах настолько развились хищения грузов, что железные дороги были вынуждены образовать охранную стражу, которая окарауливала грузы и сопровождала их в пути. Подобрал однажды пять унтер-офицеров, выдержавших всю осаду Порт-Артура, собрав о них сведения от их прямых начальников, я просил о принятии их на службу Казанской железной дороги, которая как раз подбирала стражу. Но, к моему удивлению, дорога уклонялась под разными предлогами от принятия их. Так как я продолжал настаивать о приеме, указывая, что ведь такие люди особенно ценны, заведовавший наймом стражи наконец высказался:

– Знаю, что хорошие, да ведь если таких принять, так потом уж забастовки не устроишь.

Тогда я попросил директора дороги князя Н. Н. Енгальчева, и унтер-офицеры были немедленно приняты.

Но самое трудное было поместить в богадельни или приюты увечных воинов, совершенно к труду неспособных, составлявших, казалось бы, обузу для семей. На деле же оказывалось, что семьи, понуждая их жить подаянием, ни за что не хотели их отпускать, видя в них отличных кормильцев. Так, например, Калужское дворянство построило в память кончины великого князя Сергея Александровича²³⁶ Сергиевский скит и предоставило в мое

²³⁶ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – пятый сын императора Александра II. Участвовал в Русско-турецкой

распоряжение десять мест для инвалидов, не могущих жить без посторонней помощи. Принятые в скит жили на полном иждивении Калужского дворянства и, кроме того, продолжали получать пенсию и все виды пособий от казны, от Александровского комитета о раненых и от Алексеевского комитета. Объявляя об этом через гражданских властей и уездных воинских начальников, я думал, что от просьб не будет отбою, но самом же деле откликнулся лишь один слепой на оба глаза, совершенно одинокий, который просил принять его в скит и прислать кого-нибудь за ним, так как он один не в состоянии приехать.

Рядом с обществом Повсеместной помощи солдатам, пострадавшим на войне, и их семьям в Москве, состояло еще общество Братской помощи, каждый член которого брал на свое попечение одного или нескольких увечных воинов, обязуясь их поддерживать или путем выдачи ежемесячного денежного пособия, или путем отпуска продовольствия натурой, или предоставлением помещения для жилья. Этот вид помощи увечным воинам встретил большое сочувствие в обществе, и число поддерживаемых таким путем было весьма значительно.

войне 1877–1878 гг. С 1887 г. – командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1891 г. – губернатор Москвы, с 1896 г. – командующий войсками Московского военного округа. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Много сделал для обустройства Москвы и улучшения условий жизни горожан, занимался благотворительностью, принимал деятельное участие в развитии культурной и научной жизни города.

В 1905 г. по собственному прошению уволен с должности генерал-губернатора Москвы. 4 февраля того же года убит взрывом бомбы, брошенной эсером террористом И. П. Каляевым.

Но и при этом виде помощи часто проскальзывал своеобразный взгляд на значение самой помощи. Многие, вероятно, помнят подвиг рядового Чембарского полка Рябова, замученного японцами за отказ выдать им необходимые сведения о нашем расположении и о наших силах. Вдова покойного была щедро награждена государем императором, кроме того, было собрано частных пожертвований на его семью до 12 000 рублей. Когда вдова Рябова узнала о последнем, сейчас же выгнала родителей из дому, объявив, что эти пожертвования ей с детьми, а на себя они должны собрать сами. Старик приехал в Москву и обратился за содействием к покойной М. Э. Ферсман, с самого начала взявшей их на свое попечение. Она была глубоко возмущена бессердечием вдовы и рассказала многим об ее поступке. Та по-своему оказалась права, потому что в первые же три дня по прибытии старика Рябова в Москву в его пользу было собрано свыше 800 рублей и пожертвования продолжали поступать.

Наблюдалось и другое явление, заслуживающее внимания. Как бы ни были тяжки ранения или увечья, они не мешали размножению их семей. Сколько к нам поступало прошений, в которых просители, излагая в чем состоят их ранения или увечья, делающие их или совсем неспособными к физическому труду, или малоспособными, неизменно добавляли, а у меня малолетних детей... причем цифра пять и выше очень обыкновенны, а по возрасту детей, удостоверенному сельскими властями, выходило, что по возвращении с войны дети у них рождались еще исправнее, чем до войны. Так один писал: «Я, Александров, унтер-офицер такого-то полка, тяжело ранен в ногу, и у меня оторвана правая рука со всем плечом; к труду неспособен, не

могу прокормить себя, жену и пятерых детей. А ведь жить полагается, Ваше превосходительство, а потому прошу и так далее...» и по возрасту детей выходило, что к концу 1908 года у него после войны родились трое детей. Московский отдел смог быстро выяснить и исхлопотать положенную пенсию от казны, ежегодное пособие от Александровского комитета о раненых, постоянное пособие на детей из Алексеевского комитета и ежемесячное пособие из средств отдела.

Но такое решение было возможно после войны 1904–1905 годов, когда число тяжело раненных и увечных было относительно не так велико и могло исчисляться десятками, скажем даже сотней тысяч, а что можно будет сделать, когда придется призреть всех раненых и увечных воинов, к труду неспособных, которых после Великой войны 1914–1917 годов и междоусобной войны окажется не один миллион, да еще в придачу к ним их семьи и семьи всех убитых в боях или умерших от ран и семьи всех офицеров и солдат, расстрелянных или убитых большевиками. Ведь призрение военнослужащих, пострадавших на войне, и их семей составляет одну из первейших обязанностей государства, от которой оно не может уклониться.

Летом 1908 года прибыл в Москву новый командующий войсками генерал от кавалерии Плеве.

Поначалу он, по-видимому, остался всем доволен. На смотрах и парадах неоднократно отмечал прекрасную выправку гренадер, а по окончании подвижного сбора и большого двухстороннего маневра выразил руководителям и начальникам сторон, генерал-лейтенанту Эверту и мне, свое полное удовлетворение за удачное руководство подвижны-

ми сборами и за командование сторонами на двухстороннем маневре.

27 июня 1908 года была торжественно отпразднована двухсотлетняя годовщина Полтавской победы. Главное торжество в высочайшем присутствии состоялось в Полтаве на самом поле сражения. На торжество в Полтаву были командированы: из Красного Села Петровская бригада в полном составе, от Гренадерского корпуса по роте от полков 5-го гренадерского Киевского²³⁷ Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны²³⁸ и 9-го гренадерского Сибирского,²³⁹ по эскадрону от 1-го

²³⁷ 5-й гренадерский Киевский Е. И. В. наследника цесаревича полк сформирован в 1833 г. как солдатский полковника Вилима Вилимовича фон Дельдена полк. С 1785 г. – Киевский гренадерский полк. В 1914 г. входил во 2-ю гренадерскую дивизию Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

²³⁸ Великая княгиня Елизавета Федоровна (урожденная Елизавета Александра Луиза Алиса) (1864–1918) – дочь великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV, супруга великого князя Сергея Александровича и сестра императрицы Александры Федоровны.

Вела общественно-просветительскую работу, во время Русско-японской войны возглавила в Москве движение по оказанию помощи воинам, вдовам и детям погибших. После убийства своего мужа распустила двор и занялась благотворительностью. Во время Великой войны проводила активную деятельность по оказанию медицинской помощи раненым солдатам и офицерам.

²³⁹ 9-й гренадерский Сибирский полк сформирован в 1700 г. как солдатский полковника Ирика фон Вердена. С 1801 г. – Сибирский

лейб-драгунского Московского императора Александра III²⁴⁰ и 1-го уланского Петербургского полков. От всех остальных гренадерских полков – депутации, каждая в составе командира полка, одного обер-офицера и семи гренадер. По распоряжению Главного штаба, в видах якобы экономии, было постановлено не командировать на торжество в Полтаву прямых начальников вызванных частей выше командира полка.

134-й пехотный Феодосийский полк сформирован в 1831 г. как Прагский пехотный полк. С 1863 г. – Феодосийский пехотный полк. В 1914 г. входил в состав 34-й пехотной дивизии. Дислокация – Екатеринослав.

В силу этого я был лишен возможности присутствовать на торжестве и даже воспользоваться приглашением семеновцев, которые проездом через Москву прислали ко мне офицера с просьбой быть гостем полка на все время торжества, и что для меня будет поставлена палатка в район расположения полка. Не мог я присутствовать на торжествах частным лицом, когда в строю стояли вверенные мне части. Знаю только со слов великой княгини Елизаветы Федоровны, что государь ей написал: «Гренадеры особенно меня порадовали своим блестящим видом, все ими любовались».

гренадерский полк. В 1914 г. входил в 3-ю гренадерскую дивизию Гренадерского корпуса. Дислокация – Владимир.

²⁴⁰ 1-й лейб-драгунский Московский императора Петра Великого полк сформирован в 1700 г. как Преображенский драгунский полк. С 1708 г. – Московский драгунский полк. В 1914 г. входил в 1-ю кавалерийскую дивизию. Дислокация – Тверь.

1-й лейб-драгунский Московский императора Александра III полк, как старейший из сформированных Петром драгунских полков, был переименован в 1-й лейб-драгунский Московский императора Петра Великого полк. Командир полка князь Енгальчев пожалован флигель-адъютантом.

Когда государь объявил полку о наименовании его впредь полком Великого Петра, офицеры просили о сохранении полку и вензелей императора Александра III, один из офицеров тут же представил и рисунок соединенных вензелей. Государь император уважил просьбу офицеров, сказав:

– Мне очень дорого, что вы просили о сохранении вензелей моего отца.

В Москве, как и во всех прочих войсковых сборах, празднование Полтавской победы выразилось церковным парадом, причем согласно высочайше утвержденному церемониалу при провозглашении вечной памяти Петру войска взяли «на-караул» и отдавали честь.

Сделаю два маленьких отступления: за год перед описанным торжеством, в 1908-м, исполнилось 200 лет со дня победы под Лесной, которую Петр называл матерью Полтавской победы. В день этой годовщины государем императором был утвержден полковой знак лейб-гвардии Семеновского полка:²⁴¹ белый эмалевый крест формы и

²⁴¹ Полковой знак лейб-гвардии Семеновского полка был установлен 11 июля 1908 г. и представлял собой пятилистный лапчатый крест, покрытый белой эмалью, с золотым ободком. На двух горизонтальных концах креста – золотые вензеля

размера того, который был на груди Петра в Полтавском бою и спасший его от пули, которая об этот крест ударилась. Командир и общество офицеров прислали мне в подарок тот знак, который я всегда ношу, и серебряную медаль, на которой Петр изображен в лавровом венке.

Вскоре после возвращения с маневров я получил телеграмму от бывшего полкового адъютанта Бугульминского полка капитана Егорова, в которой он сообщал, что по приказанию Главного штаба знамя полка препровождается на хранение в Петербургский арсенал. Знамя прибудет по Казанской железной дороге поездом таким то.

Для принятия знамени и относа его на Николаевский вокзал была наряжена рота 7-го гренадерского Самогитского полка²⁴² при хоре музыки.

Я сам встретил знамя, бывшее с полком во всех боях и дважды простреленное, присутствовал при переносе его на Николаевский вокзал, и когда знамя было установлено в отведенном для него помещении и сдано под караул, пригласил капитана Егорова и знаменщика к обеду. Этот знаменщик принял знамя тотчас после его прибывки, держал во время освящения и носил его в течение всей войны, был награжден Георгиевскими крестами I V, III и II

императоров Петра I и Николая II, в центре на крест наложен серебряный меч с золотой рукоятью (лезвием вниз).

²⁴² 7-й гренадерский Самогитский генерал-адъютанта графа Тотлебена полк сформирован в 1817 г. как 1-й гренадерский полк Отдельного Литовского корпуса. С 1825 г. – Самогитский гренадерский полк. В 1914 г. входил во 2-ю гренадерскую дивизию Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

степеней. Мне было отрадно угостить их и вместе с ними вспомнить все пережитое за два года войны, причем, как это всегда бывает, все тяжелое как будто отошло куда-то далеко, все же хорошее вспоминалось особенно живо.

Как уже сказано выше, лето 1908 года прошло вполне благополучно. Командующий войсками неоднократно выражал свое удовлетворение блестящим видом гренадер. Казалось, между нами установились совершенно нормальные отношения.

Генерал от инфантерии Плеве посетил нашу гимнастическо-фехтовальную школу, присутствовал при испытании одной из серий инструкторов, окончивших шестинедельное обучение, и остался вполне доволен достигнутыми результатами.

Каково же было мое удивление, когда командующий войсками, пригласив меня к себе, объявил:

– Созданные вами школа гимнастики и сообщения для офицеров не предусмотрены никакими уставами. Военный министр признает их вредными, отнимающими время у офицеров в ущерб их служебным занятиям, и приказал закрыть школу и прекратить сообщения.

Я прямо остолбенел, особенно потому, что запрещение было отдано как бы от имени военного министра, который был, во всяком случае, умный человек и далеко не педант. Напрасно попробовал я заступиться за школу и подчеркнуть очевидную потребность в подобных сообщениях и их пользу, командующий войсками остался тверд в своей точке зрения и пришлось все отменить. Указал только, что лучше отменить простым распоряжением, не отдавая в приказ, с чем командующий войсками тотчас же согласился.

Месяца через два после этого разговора приезжает ко мне генерал Нищенков и докладывает, что его вызывал командующий войсками и спросил, как устроить окружную фехтовально-гимнастическую школу. Нищенков ответил, лучше всего обратиться к командиру Гренадерского корпуса, который специалист в этой области и сразу все наладит. Командующий войсками круто оборвал разговор и отпустил его. Так мы и остались без фехтовально-гимнастической школы.

Создалось странное положение. Наружно наши отношения с командующим войсками, как служебные, так и частные, остались вполне правильные, я бывал на всех его приемах, всегда обо всем его уведомлял, и тем не менее не только в войсках, но и в московском обществе стали говорить, что генерал Плеве не переносит командира Гренадерского корпуса, ревнует его к войскам. Я и так жил сравнительно замкнуто ввиду отсутствия семьи, так как жена с младшей дочерью провели почти все годы моего командования гренадерами в Швейцарии, в клинике профессора Ру или в указанных им курортах. А тут стал еще охотнее оставаться дома. Даже великая княгиня Елизавета Федоровна не скрыла от меня недоброжелательного отношения ко мне командующего войсками.

Но свою служебную линию я держал твердо. Убежденный в неминуемой близости европейской войны, я соответственно этому вел и воспитание войск, не скрывая своего убеждения от начальников, и прилагал все усилия добиться полного сближения между родами оружия; особенно дружбы между артиллерией и пехотой. Внутреннее настроение в частях требовало постоянного твердого руководства. Каждый год вслед за прибытием новобранцев от

соответствующих воинских начальников поступали секретные списки с перечислением фамилий новобранцев, принадлежащих к составу боевых дружин, причем против некоторых фамилий были пометки «предназначен на должность командира роты, на должность батальонного командира, командира полка». До 1908 года большинство людей, внесенных в подобные списки, отличались своим нерадением к службе, плохим поведением и не пользовались ни уважением, ни расположением товарищей. Но с 1910 года по отданному, очевидно, в дружинах указанию, эти люди стали выделяться не только своим хорошим поведением, но и примерным отношением к службе, являлись одними из лучших солдат в ротах. Стало не только труднее за ними следить, но, являясь примером в роте и по поведению, и по исправности по службе, они стали приобретать значение в ротах и даже подкупать в свою пользу и ротных командиров. Так, в одной из рот 4-го гренадерского Несвижского полка²⁴³ один из таких принадлежавших к боевой дружине, заметив, что он не включен в список людей, выступавших на охрану поездов чрезвычайной важности, обратился к ротному командиру со следующими словами:

– Ваше высокоблагородие, я вижу, что вы мне не доверяете, оставили меня от охраны. Это правда, что я у себя дома принадлежу к составу боевой дружины и,

²⁴³ 4-й гренадерский Несвижский генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полк сформирован в 1833 г. как Карабинерный генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полк. С 1857 г. – Несвижский гренадерский генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли полк. В 1914 г. входил в состав 1-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

покончив службу, вновь в нее вступлю. Но здесь, пока я на царской службе, я верный ему слуга, клянусь в том, – и перекрестился на ротный образ. Ротный командир доложил об этом командиру полка, и затем они оба прибыли ко мне, испрашивая, как быть. Я дал совершенно определенные указания относиться к нему с уважением, как он того заслуживает своим поведением и образцовым несением службы. Как примерный солдат может быть произведен в ефрейторы, но вдвое бдительнее следить за ним, взводный и фельдфебель должны иметь за ним неослабный надзор. Ни на охрану, ни в учебную команду не назначать.

Летом 1910 года генерал Плеве поселился в бараке, построенном для командующего войсками на Ходынском поле у самой Всесвятской рощи. Приказом по округу назначил меня начальником Ходынского лагерного сбора, что стесняло меня в руководстве другими двумя лагерными сборами корпуса – в Ярославле и в Нижнем Новгороде. До 1910 года начальником сбора на Ходынке всегда назначался старший из начальников дивизий. Имея привычку каждое утро ездить верхом не менее двух часов, он аккуратно выезжал в восемь часов утра и ездил шагом по Ходынскому полю между обучающимися войсками, требуя при этом, чтобы его не замечали, не командовали ему «смирно» и не подходили с рапортом. Напрасно я ему доказывал, что это невозможно, что я не имею права приказать игнорировать командующего войсками, он продолжал ежедневно выезжать, жаловаться на то, что я не исполняю его просьбы, что, однако, не мешало ему вмешиваться в мои чисто внутренние распоряжения.

В один из дней общего сбора по просьбе начальников дивизий я решил показать им атаку укрепленной позиции

открытою силою. Ядром укрепленной позиции служил нам обширный редут, построенный на заднем Ходынском поле. Позиция была занята согласно моих указаний и обозначенным противником руководил начальник штаба корпуса. Наступление мы начали в семь часов утра. Учение шло очень удачно, мы уже сблизились на расстояние среднего ружейного выстрела, началось выдвижение охватывающего уступа. Обозначенный противник все молчит. Мне было крайне досадно, что пропадет вся поучительность занятия, как вдруг подъехал галопом начальник штаба и доложил, что командующий войсками, узнав, что я разрешил занять позицию ротами дежурной части, приехал на редут, объявил начальнику штаба, что это против устава, и приказал роты немедленно снять и отправить в лагерь.

Начальник штаба доложил генералу Плеве, что командир корпуса сам производит показное учение, на что он только повторил:

– Все равно это против устава, прикажите ротам идти в свое расположение.

Пришлось прекратить учение, не доведя его до конца.

Подвижной сбор происходил в районе Московской и Калужской губерний. К концу сбора весь корпус должен был сосредоточиться у г. Каширы, который и являлся для Гренадерского корпуса исходным пунктом предстоявшего двухстороннего маневра под руководством командующего войсками.

Последний день подвижного сбора я решил использовать для переправы через реку Оку. За день до переправы отправил в Каширу третью роту Гренадерского саперного батальона под командой капитана Турчина и поручил ему

все подготовить для переправы корпуса, для чего: исправить плавучий мост, чтобы по нему могли пройти артиллерия и обозы, подготовить средства для переправы пехоты на пароме или на плотках, подыскать брод для кавалерии и обозначить его. Лесной материал будет отпущен городской управой.

Капитан Турчин блестяще справился с задачей. В течение бывших в его распоряжении суток он подвел под плавучий мост 80 лежней и настлал вторую настилку; построил два парома, каждый на роту, определил и обставил вехами брод.

По отданной мною диспозиции войска начали подходить к реке к семи часам утра, и переправа шла одновременно всеми тремя родами оружия: артиллерия (отдельно передний и задние ходы) по мосту, пехота на паромах ниже моста, кавалерия в брод выше моста; брод извилистый, особенно глубокий под берегом города настолько, что местами мокли потники. Переправа шла безостановочно, в полной тишине, и через восемь часов весь корпус был на том берегу. Вслед за войсками прошли по мосту и обозы корпуса.

Войска расположились частью в самой Кашире, частью кругом города. В Кашире был такой урожай антоновских яблок, что на базаре они продавалась по 20 копеек пуд, а когда войска проходили городом, жители выносили им целые бельевые корзины, наполненные яблоками. Все наелись яблок вволю, и никаких дурных последствий не было. Когда я въехал в город и благодарил всех начальников за прекрасное выполнение переправы, вернулся из Каширского монастыря старший посредник при корпусе

генерал-лейтенант Михневич²⁴⁴ и со смехом передал нам рассказ игуменьи о нашей переправе:

– Все монашенки столпились в окнах монастыря и глядя, как солдаты шли в воду, крестились и громко произносили: «Господи, Господи, спаси и сохрани их, прости изувера, намеренно топящего людей»; многие из них при этом плакали.

На другой день была дневка, после которой начался четырехдневный двухсторонний маневр.

Я стоял с Гренадерским корпусом у Каширы. Противник, генерал-лейтенант Яковлев, стоял в двух группах: одна у Серебряных Ключей, верстах в 35 от Каширы, другая в г. Зарайске. Мне было приказано энергично двинуться вперед и не дать противнику соединиться, разбить его по частям.

Задача требовала прежде всего быстрого хода. Гренадеры были всегда мастера ходить, а тут, когда я им объяснил, что удачное решение задачи будет зависеть от них, они двинулись таким ходом, что приходилось их придерживать.

По условию задания я должен был начать движение в полдень. В авангард двинул 2-й гренадерский Ростовский полк. Важно было занять переправу через речку, пересекавшую дорогу, верстах в 13 от Каширы. Авангард так быстро достиг ее, что беспрепятственно переправился, застав на переправе только командующего войсками, который приказал солдатам остановиться.

²⁴⁴ Генерал от инфантерии Н. П. Михневич занимал должность начальника Главного штаба с 7 марта 1911 по 8 мая 1917 г.

Подойдя с главными силами, я увидел свой авангард с составленными ружьями. В недоумении подъехал к командующему войсками, который мне с сердцем выговорил:

– Так ходить нельзя, по уставу полагается идти четыре версты в час, а вы шли пять, если не шесть.

– Вы хотите сорвать маневр, но это вам не удастся.

– Он рассчитан на четыре дня, четыре дня он и будет продолжаться. Приказываю вернуть войска на прежние места и завтра вновь начать наступление.

Так как мы стояли только вчетвером: командующий войсками, начальник штаба округа, генерал-лейтенант Яковлев и я, то я позволил себе доложить:

– Ограничить скорость гренадер, особенно в условиях данной задачи, никак нельзя. Быстрота хода есть драгоценное качество, которого добиваются всеми силами. Расстояние между сторонами в 35 верст не дает возможности растянуть маневры на четыре дня. Завтрашнее наступление будет столь же быстро. Необходимо ввести какую-нибудь дополнительную задачу после общего столкновения сторон.

Командующий войсками ничего не ответил, повторил лишь приказание отводить войска на старые места.

На другой день повторилось то же самое. Мы опять оказались перед противником прежде, чем он успел развернуть свои силы, а бригада 1-й кавалерийской дивизии, успевшая скрытно пройти мимо авангарда противника, застала врасплох дивизию пехоты, стоявшую на привале. Командующий войсками вновь вернул войска на исходные пункты и приказал возобновить маневр в третий раз.

Легко себе представить, какое у всех осталось впечатление после таких маневров. Не знаю, дошло ли что до Петербурга, но заготовленный приказ по округу, обвинявший нас в полном неумении водить войска и маневрировать, был заменен другим.

Ежегодно 26 ноября, в день основания ордена Св. великомученика и победоносца Георгия, в Кремлевском манеже происходил Георгиевский парад. В параде участвовали: взвод от роты дворцовых гренадер и по взводу от каждой из частей московского гарнизона. 1-й гусарский Сумский полк,²⁴⁵ праздновавший в этот день свой полковой праздник, выводился в полном составе. В строй вносились все знамена, пожалованные частям с самого их основания, хранившиеся при частях в их полковых церквях. Число таких знамен было очень велико, в некоторых полках доходило до 26, наименьшее число восемь.

В параде участвовали и все отставные Георгиевские кавалеры, находившиеся ко дню праздника в Москве. Число их в среднем доходило до 1000 человек.

Богослужение совершал благочинный 1-й гренадерской дивизии в сослужении со всеми войсковыми священниками Московского гарнизона: литургию в церкви

²⁴⁵ 1-й гусарский Сумский генерала Сеславина полк сформирован в 1651 г. как Сумский слободской черкесский казачий полк. С 1765 г. – Сумской гусарский полк. В 1914 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Дислокация – Москва.

лейб-гренадерского Екатеринославского полка,²⁴⁶ молебен перед строем, посредине манежа. Знамена подносились к аналою.

Поднос знамен и, в особенности, отдавание им чести при расхождении на свои места представляло величественное, редкое по красоте зрелище: войска держали «на-караул», гремела музыка, барабанщики били «Гренадерский поход» и по манежу расходились по своим местам свыше 150 знамен от самых старых, на которых едва держалась шелковая ткань, до новейшего полкового.

Церемониальным маршем знамена проходили перед обоими взводами, все в ряд. Многие из них были так ветхи, что после парада по всему манежу лежали лоскутки шелковых тканей. По окончании парада все Георгиевские кавалеры, действительной службы и отставные, приглашались в Кремль, в помещение 1-го батальона лейб-Екатеринославского полка, где их чествовали обедом.

26 ноября 1908 года в числе отставных Георгиевских кавалеров оказалась молодая женщина. На мой вопрос, когда она получила крест, женщина рассказала, что она в 1904 году, 18 лет, поступила охотником в один из полков 23-й дивизии,²⁴⁷ прошла с полком всю войну, состояла в

²⁴⁶ Церковь лейб-гренадерского Екатеринославского полка находилась в пристройке к манежу, отделенная от него раздвижной стеной. – *Примеч. автора.*

²⁴⁷ 23-я пехотная дивизия сформирована в 1808 г. В 1914 г. входила в 18-й армейский корпус. Состав дивизии: 89-й пехотный Беломорский, 90-й пехотный Онежский, 91-й пехотный Двинский и 92-й пехотный Печорский полк, 23-я артиллерийская бригада.

охотничьей команде, награждена Георгиевским крестом IV степени за то, что вынесла из боя раненого начальника команды. Уверяла, что кроме командира полка никто не знал, что она девушка.

Высочайшим повелением в декабре²⁴⁸ 1907 года в нашей кавалерии были восстановлены уланские и гусарские полки. Известие об этом восстановлении с возвращением прежних наименований и номеров, было в полках встречено прямо с ликованием. Так, например, когда командир Сумского полка, вызвав полк на площадь перед казармами, прочел только что полученную им телеграмму: «3-му драгунскому Сумскому полку вновь именоваться 1-м гусарским Сумским полком» раздалось громовое «ура!», которое продолжалось не менее двух минут.

Переименование всех кавалерийских полков в драгунские последовало в 1882 году.²⁴⁹ Я был назначен начальником штаба 13-й кавалерийской дивизии в 1887-м и осенью этого же года видел в Грубешове портного при полку, существовавшего тем, что одевал в старую гусарскую форму всех нарвцев, увольняемых в запас. Вся армия знает и помнит, да, вероятно, помнят и многие посторонние, как 2-й Павлоградский гусарский полк,²⁵⁰ получив известие о

²⁴⁸ 6 декабря 1907 г.

²⁴⁹ 18 августа 1882 г.

²⁵⁰ 2-й лейб-гусарский Павлоградский императора Александра III полк сформирован в 1783 г. как Павлоградский легко-конный полк. С 1801 г. – Павлоградский гусарский полк. В 1914 г. входил во 2-ю кавалерийскую дивизию 2-го армейского корпуса. Дислокация – Сувалки.

переименовании в драгунский, торжественно похоронил ментик, составлявший боевое отличие полка за Отечественную войну 1812 года.

26 ноября 1910 года Сумской полк впервые вышел в строй в новом гусарском обмундировании. Настроение в полку было приподнятое, парад прошел блестяще, и когда за завтраком началась тосты, то таковые принимались с особенным воодушевлением. Когда же командир полка провозгласил за здоровье командира корпуса, «ура» было так продолжительно, что я просил командующего войсками сесть. Когда и это не помогло, я потребовал от командира полка прекратить шум. Но только что успели восстановить спокойствие, и командир полка вновь стал провозглашать тосты, сидевший направо от командующего войсками отставной сумец и тогдашний саратовский предводитель дворянства нагнул к командующему войсками и произнес:

– Как мне, старейшему сумцу, отрадно видеть, что сумцы так любят своего корпусного командира, позвольте мне еще раз выпить его здоровье! – и все началось сначала. Командующий войсками сейчас же по окончании завтрака встал и уехал.

Я очень любил посещать полки, оставаться с офицерами и после окончания официальной части торжества, чтобы откровенно с ними говорить и давать им высказываться, но пришлось постепенно от этого отказаться, а в неизбежных случаях просить командиров полков сдерживать офицеров.

В 1910 году в Москве под председательством командующего войсками образовалось «Московское воздухоплавательное общество». Воздухоплавательное искусство у нас еще было только в зачатке, и наши офицеры в тот год

впервые подошли к аппарату. Первым учителем был приглашен Уточкин,²⁵¹ но мы с ним быстро расстались и заменили его Габер-Влынским.²⁵² Под его руководством офицеры необычайно быстро освоились с управлением аэропланами, и в следующее же лето некоторые из них приняли участие в состязаниях на призы. Средства у Общества образовались от членских взносов, частных пожертвований, доходов от платы за вход на состязания, происходившие на Ходынском поле, и прочего. Самые же крупные призы жертвовало Общество трамвая, выручавшее в дни состязания от проезда пассажиров на Ходынку по 30

251 Уточкин Сергей Исаевич (1876–1915) – один из первых русских авиаторов и летчиков-испытателей. В 1907 г. совершил свой первый полет на воздушном шаре, в 1910 г. – на биплане «Фарман IV». Стал вторым дипломированным летчиком в истории российского воздухоплавания. В 1910–1912 гг. совершил около 150 полетов в 70 городах России и за рубежом.

252 Габер-Влынский Адам Мечеславович (1883–1921) – российский и польский авиатор, первый летчик-инструктор Московской авиашколы. Велосипедист, учился летному делу во Франции у знаменитых авиаконструкторов и летчиков Л. Блерио и А. Фармана.

Вернулся в Россию в 1910 г., занялся обучением летчиков.

Гастролировал с полетами в Прибалтике, на юге России и в Закавказье. В 1913 г. установил шесть всероссийских рекордов, был признан лучшим летчиком-спортсменом России. Научился делать «мертвые петли», что наглядно и публично продемонстрировал в Москве и Санкт-Петербурге. После начала Великой войны как подданный Австро-Венгрии не имел права участвовать в боевых действиях.

000–35 000 чистого дохода. Осенью 1911 года уже состоялись состязания не только на полеты, но и на метание бомб в расчерченную белой краской по земле палубу судна средней величины. В состязаниях участвовали и частные летчики, в том числе известный Ефимов.²⁵³ Первый аэроплан был подарен Обществу членом его Владимиром Павловичем Рябушинским.²⁵⁴

²⁵³ Ефимов Михаил Никифорович (1881–1919) – первый русский авиатор. В 1908 и 1909 гг. стал чемпионом Росси по мотоциклетному спорту. В 1909 г. в Одессе совершил первый полет на планере, уехал во Францию, обучался летному делу у А. Фармана.

В 1910 г. получил диплом аэроклуба Франции. Первый полет на самолете совершил в Одессе 21 марта 1910 г.

Затем руководил подготовкой летчиков в Севастопольской авиашколе и участвовал в авиационных соревнованиях в Италии, Франции и Австро-Венгрии. В 1914 г. подал рапорт об отправке на фронт и с 1915 г. в качестве летчика-охотника 32-го авиационного отряда активно участвовал в рейдах в тыл противника, бомбардировках и фотографировании позиций. Затем переведен в авиаотряд Гвардейского корпуса, стал полным георгиевским кавалером, произведен в прапорщики. В 1916 г. переведен на Румынский фронт, служил в 6-м и 4-м авиаотрядах.

²⁵⁴ Рябушинский Владимир Павлович (1873–1955) – русский предприниматель, банкир, меценат. Вместе со своими братьями Михаилом и Павлом руководил финансовым сектором семейного дела, совладелец банкирского дома братьев Рябушинских. Увлекался коллекционированием живописи. Скончался в эмиграции.

Летом 1911 года по высочайшему повелению 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский полк был командирован в Петербург в Красносельский лагерь, где представился своему державному шефу и принял участие в маневрах. Перед отъездом полка я произвел ему подробный смотр и не мог не радоваться блестящему его состоянию, спокойствию и тишине в строю, уверенности при самых сложных перестроениях, а главное, той полной тишине, которая исстари составляла отличительную черту этого великолепного полка.

Во время смотра разразилась сильнейшая гроза и ливень, молнии сверкали не только в небе, но и скользили как змеи по земле (явление, виденное мною впервые). Я уже думал дать отбой, но учение шло так удачно, что решил им не мешать до конца. Гроза разрешилась проливным дождем, мы вымокли до нитки, но я довел полк до передней линейки его расположения и благодаря их указал, что этот ливень, наверное, послужит счастливым предзнаменованием их полного успеха в Красном Селе. И не ошибся. Главнокомандующий Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич, произведя смотр полку, высказал командирам гвардейских полков:

– К вам пришел конкурент, с которым вам нелегко будет соревноваться.

А мой старый друг, бывший командир Нарвского гусарского полка барон Штемпель (в 1911 году был Красносельским комендантом) писал: «Когда пришли ваши гренадеры, я хотел их хоть в чем-нибудь поймать, неоднократно присутствовал при заступлении полка в

караул или при смене, и не мог им сделать ни одного замечания».

После высочайшего смотра государь император, поблагодарив полк за блестящий смотр, подошел к полковому знаменщику старшему унтер-офицеру Шеффелю, кавалеру Георгиевского креста I V, III и II степеней и со словами:

– За твою личную доблесть и во внимание к заслугам полка жалую тебе Георгиевский крест I степени – собственноручно надел ему этот крест.

В этом же году по высочайшему повелению я был назначен председателем комиссии по восстановлению полей важнейших сражений 1812 года: Бородинского, под Красным, под Вязьмой и под Малым Ярославцем. Перечисленные поля были восстановлены в том виде, в каком они были сто лет назад во время самых боев. Особенно трудно было восстановить Бородинское поле, но и оно удалось вполне благодаря тому, что в Гренадерском саперном батальоне оказалось наставление для производства саперных работ и укрепления полевых позиций, изданное в 1811 году. Восстановление полей, особенно Бородинского, потребовало отчуждения некоторых земельных участков. Крестьяне по первому же заявлению комиссии объявили, что предоставляют все необходимые для комиссии принадлежащие им участки безвозмездно в полное ее распоряжение. Местный помещик назначил за свои земли по 150 рублей за десятину. Но самой несговорчивой, по первоначальному, оказалась игуменья Бородинского монастыря, которая за участок немного более полудесятины, на котором во время боя были сооружены Семеновские флеши, потребовала плату в сумме 48 000 рублей, объясняя

такую несоразмерно высокую цену тем, что на этом именно участке у них построен скотный двор и разбит огород клубники, и монастырю не только придется купить новый участок земли, но и затратить крупные суммы на перенесение скотного двора. Долго оставалась игуменья непреклонной в своих требованиях, так что по соглашению с московским губернатором Владимиром Федоровичем Джунковским было решено прибегнуть к отчуждению участка по 12 рублей за квадратную сажень. Но когда наступил 1912 год, охватившее всех воспоминание о подвигах наших войск и всего народа сказалось и на инокинях Бородинского монастыря, построенного вдовою генерал-аншефа Тучковой в память трех ее сыновей, павших в Бородинском бою.²⁵⁵ Я неожиданно получил письмо от настоятельницы, в котором она заявляла, что монастырь с радостью отдаст необходимый участок безвозмездно и просит начать работы когда нам угодно.

Бородинское поле было вполне восстановлено в том именно виде, в каком оно находилось в 1812 году. Были восстановлены Семеновские флеши, Центральный редут, батарея Раевского и прочее. В дополнение к прежнему явилось только новое шоссе, проложенное так, чтобы можно было совершить объезд позиции в экипаже.

Работы производили две роты Гренадерского саперного батальона под руководством командира 3-й роты капитана Турчина.

²⁵⁵ Автор ошибается: не в память трех сыновей М. М. Тучковой, а в память ее погибшего мужа генерала-майора А. А. Тучкова 4-го.

Лучшим показателем, как производились эти работы и каково было поведение саперов по отношению к жителям, может служить доклад В. Ф. Джунковского,²⁵⁶ сделанный им Командующему войсками и повторенный нам в комиссии. Привожу его дословно: «Когда я объезжал Бородинское поле, жители прилежащих деревень заявили мне – мы никогда не видали таких солдат, не нарадуемся, глядя на них, как они работают и как хорошо, ласково относятся к нам. Мы очень просим, чтобы они подольше остались среди нас».

Много думал и я о предстоящем праздновании столетия Отечественной войны и готовил гренадер к этому торжеству. Отставление в 1908 году от назначения командующим войсками в Москву не задело моего служебного самолюбия. Напротив, командование Гренадерским корпусом, сразу так хорошо задавшееся, вполне меня удовлетворяло. За пять лет командования я так сжился с корпусом, так ясно сознавал, что мы с ним составляем одно целое, что главное мое желание сводилось к представлению гренадер их Державному Вождю на предстоящем в 1912 году параде, на том самом Бородинском поле, на котором сто лет тому назад

²⁵⁶ Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – русский генерал. В 1905 г. полковник, флигель-адъютант императора Николая II, московский вице-губернатор, затем – и. д. московского губернатора. В 1908 г. генерал-майор, утвержден в должности московского губернатора, зачислен в Свиту Е. И. В. С 1909 г. исполнял обязанности генерал-губернатора. С 1913 г. – товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. В 1915 г. отстранен от всех занимаемых должностей, по личной просьбе направлен в действующую армию на Западный фронт.

обессмертили себя полки 2-й гренадерской дивизии, и в память которых императором Александром I всем гренадерам пожалован «Гренадерский поход»,²⁵⁷ который бьют при салютовании знаменам.

Думал об этом параде и государь, потому что, отпуская в 1911 году командира своего 1-го лейб-гренадерского Екатеринбургского полка, ему сказал:

– Гренадеры и не подозревают, как я их награжу.

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Генерал Плеве, услышав от В. Ф. Джунковского, что предполагено назначить меня командующим парадом на Бородинском торжестве, решил во чтобы то ни стало удалить меня из Москвы и пошел на крайнее средство. Предлогом для этого послужило следующее обстоятельство: согласно разъяснению Главного штаба командиру корпуса предоставлялось право, по мере открытия в корпусе штаб-офицерских вакансий, представлять к производству в подполковники капитанов, прослуживших в чине семь лет, оговаривая в представлении, желает ли представляемый быть произведенным только в своем полку или согласен на перевод в один из прочих полков корпуса. На основании этого разъяснения мною были представлены к производству в подполковники три капитана: 2-го гренадерского

²⁵⁷ «Гренадерский поход» – точнее, «гренадерский бой» (в 1799 г.), или «поход за военное отличие» (в 1912 г.), – особый сигнал на барабанах, который имели гренадерские полки и сформированные на гренадерском положении морские полки и батальоны. Для пехотных и егерских полков этот сигнал был коллективной наградой.

Ростовского полка командир роты Его Высочества капитан Миссо в свой полк и два капитана 8-го гренадерского Московского полка с переводом в другие полки корпуса.

Главный штаб уведомил, что производство капитана Миссо не может состояться, так как ему не хватает одного месяца до семи лет в чине капитана. Но, одновременно, без представления с моей стороны, Главным штабом был произведен в подполковники один из капитанов 3-го гренадерского Перновского полка,²⁵⁸ на год моложе в чине капитана Миссо и с переводом в 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский полк. Я тотчас же донес об этом рапортом командующему войсками и запросил письмом начальника Главного штаба, как могло случиться, что, отказав в производстве капитану Миссо, потому что у него не хватало месяца до семи лет в чине, Главный штаб в то же время произвел в подполковники без моего представления капитана на год моложе в чине капитана Миссо. Начальник Главного штаба ответил мне, что это произошло по недоразумению, а командующий войсками не дал ходу моему рапорту. Так как в корпусе пошли неблагоприятные толки по поводу этого производства, и особенно по переводу произведенного в лейб-гренадерский Екатеринославский полк, я перевел этого капитана обратно в Перновский полк.

Вот этим переводом и воспользовался генерал Плеве, доложил военному министру, что я открыто иду против его

²⁵⁸ 3-й гренадерский Перновский полк сформирован в 1806 г. как Перновский мушкетерский полк. С 1813 г. – Перновский гренадерский полк. В 1914 г. входил в 1-ю гренадерскую дивизию Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

желаний и, представляя мою аттестацию за 1911 год, обвинил меня в неповиновении своему прямому начальнику. Военный министр, давно имевший своего кандидата на Гренадерский корпус, внес эту аттестацию в Высшую аттестационную комиссию, которая, по настоянию генерала Плеве, поддержанного военным министром, признала меня несоответствующим занимаемой должности, та самая комиссия, которая за два года перед тем утвердила представление о назначении меня командующим войсками в Москву. На запрос Главного штаба, когда я подам в отставку, я ответил, что подам в установленный срок, и так и сделал.

Но государь моей отставки не принял, и 20 мая я получил от начальника Главного штаба телеграмму: «По высочайшему повелению в 15-й день мая вы назначены командиром 8-го армейского корпуса».

Что генерал Плеве, человек исключительно мелочный, завистливый, пошел на такую меру, я еще могу понять, но как мог генерал Сухомлинов в угоду своему зятю и личным расчетам ввести в заблуждение государя, я до сих пор понять отказываюсь.

Прибывший в Москву в мае 1912 года на открытие памятника императору Александру III государь, при встрече не подал руки командующему войсками, да и Бородинские торжества в августе того же года прошли ничем не отмеченными для военных.

Когда узнали в корпусе о моем назначении, офицеры постановили в полном составе чествовать меня прощальным обедом. Такой обед мог вылиться ввиду возбужденного состояния офицеров в крупную демонстрацию, и нельзя было его допустить. Собрав начальников частей, я просил их

отговорить офицеров от этой затеи, что я благодарю их от всей души, но не могу принять обеда и прошу пощадить меня. Начальники частей исполнили просьбу, но просили, чтобы я хоть с ними все-таки отобедал на прощание, на что я с радостью согласился.

Перед отъездом объехал все полки, со всеми простился. Особенно блестящий парад представил мне в Клементьеве инспектор артиллерии генерал-лейтенант Гаитинов.

В то самое время, как командующий войсками работал в Петербурге над моим удалением из Москвы, мне пришлось встретить в Москве Его Королевское Величество сербского короля Петра.²⁵⁹ Почетный караул был выставлен от 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка.

После обеда в Кремлевском дворце король Петр спросил меня:

– Откуда вы набираете таких красавцев гренадер?

Подробно расспросил о сроках службы, о способах обучения. На доклад, что у нас в пехоте служат три года, Его Величество сказал:

– Тогда вам много легче обучать, чем нам, у которых солдат остается под ружьем всего 20 месяцев.

²⁵⁹ Петр I Карагеоргиевич (1844–1921) – сербский король. Много лет провел в эмиграции, был женат на Зорве, дочери короля Черногории Николая I. В 1903 г. в результате военного переворота провозглашен королем Сербии. В 1914 г. назначил своего второго сына Александра принцем-регентом Сербии. Разделил с сербской армией поражение, отступление и эвакуацию на остров Кофру. После образования Королевства СХС в 1918 г. стал его королем.

Этот разговор происходил за год до войны 1912–1913 годов,²⁶⁰ в которые так прекрасно показала себя сербская армия. Помню, как в конце 1913 года являлись мне в Симферополе несколько запасных унтер-офицеров гренадерских полков, ездивших добровольцами и возвращавшихся на Родину после войны. С какою похвалою отзывалась они о мужестве сербских солдат, о благоустройстве и порядках в сербской армии.

Зимой 1910–1911 годов главноуполномоченный Красного Креста тайный советник Ильин просил меня взять на себя руководство по приведению в исполнение

²⁶⁰ 8 октября 1912 г. началась Первая Балканская война. Болгария, Греция, Сербия и Черногория вели войну против Турции за создание национальных государств на Балканах. Война закончилась 30 мая 1913 г. поражением Турции. Была провозглашена независимость Албании и Македонии.

По Лондонскому мирному договору 1913 г. Турция потеряла все свои европейские владения за исключением Константинополя и небольшой части Восточной Фракии. Лондонский мирный договор не был ратифицирован, так как уже в июне 1913 г. между Болгарией – с одной стороны, и Сербией и Грецией – с другой, обострился конфликт из-за Македонии. Вторая Балканская война продолжалась с 28 июня по 10 августа 1913 г. Сербия, Греция, Румыния, Черногория и Турция объединились против Болгарии, армия которой потерпела поражение. По Бухарестскому мирному договору 10 августа 1913 г. Болгария уступала Румынии Южную Добруджу, Греции – южную часть Македонии, Сербии – почти всю северную часть Македонии. Главным военно-политическим итогом войны явился переход Болгарии на сторону австро-германо-турецкого блока, в составе которого она и приняла участие в Первой мировой войне.

назначенного Красным Крестом создания в Москве запасных складов для снабжения при мобилизации санитарным имуществом, медикаментами, обозом и транспортом пяти армейских корпусов. С этой целью под моим председательством была образована комиссия, в число членов которой вошли губернатор В. Ф. Джунковский и губернский предводитель дворянства Александр Дмитриевич Самарин.

Комиссия выбрала участок под склады на месте бывшей Анненгофской роши и тотчас же приступила к сооружению складов. Но мне не удалось довести этого дела до конца, и, вынужденный в июне 1912 года покинуть Москву, я передал председательствование в комиссии и руководство всем делом Александру Дмитриевичу Самарину.

В 1911 году сын окончил академию и, как причисленный к Генеральному штабу для отбытия лагерного сбора, был прикомандирован к штабу Гренадерского корпуса. Я принципиально был против назначения сына в штаб вверенного мне корпуса, но должен отметить с полным удовлетворением, что он держал себя с выдающимся тактом и заслужил доброе имя в корпусе. Осенью для отбытия ценза вступил в командование 3-м эскадроном 1-го лейб-драгунского Московского Петра Великого полка. Уезжая из Москвы, я в последний раз виделся с ним, так как в первом же бою под Сольдау, 18 августа 1914 года, он погиб, отказавшись сдаться в плен, о чем меня впоследствии уведомил его начальник дивизии генерал-лейтенант

Угрюмов,²⁶¹ находившейся со всем штабом 1-й пехотной дивизии²⁶² в германском плену.

По поводу лета 1911 года вспоминаю следующие обстоятельства. Мы все, чины штаба Гренадерского корпуса, жили в бараках, построенных в одном общем саду, в непосредственном соседстве с лагерем 12-го гренадерского Астраханского Его Величества полка.²⁶³ Я жил в своем бараке с сыном и его молодой женой. Начальник штаба Десино²⁶⁴ жил со своей семьей – двумя взрослыми

²⁶¹ Генерал-лейтенант Андрей Александрович Угрюмов был начальником 1-й пехотной дивизии со 2 июня 1910 г. В ходе Восточно-Прусской операции попал в плен, где и находился до конца Первой мировой войны. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁶² 1-я пехотная дивизия сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 13-й армейский корпус. Состав дивизии: 1-й пехотный Нарвский генерал-фельдмаршала графа Ласси, ныне Его Величества короля Эллинов полк, 2-й пехотный Софийский императора Александра III полк, 3-й пехотный Нарвский генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полк, 4-й пехотный Копорский генерала Коновницина, ныне Его Величества короля Саксонского полк, 1-я артиллерийская бригада.

²⁶³ 12-й гренадерский Астраханский императора Александра III полк сформирован в 1700 г. как пехотный Романа Брюса полк. С 1790 г. – Астраханский гренадерский полк. В 1914 г. входил в 3-ю гренадерскую дивизию Гренадерского корпуса. Дислокация – Москва.

²⁶⁴ Константин Николаевич Дессино с 1 мая 1913 по 14 декабря в чине генерал-майора был начальником штаба 4-го армейского

дочерьми, младшей дочерью 14 лет и маленькой внучкой, у полковника Дядюши²⁶⁵ были две дочери-подростки.

Ввиду столь близкого соседства с полком я прошел однажды к Астраханцам и, вызвав их на линию, просил подумать о соседстве детей и молодых барышень и в своем обиходе воздерживаться от привычных ругательств. Я знал, какую трудно исполнимую просьбу обращаю к полку, но знал и астраханцев. И полк исполнил мою просьбу: за все лето не было слышно ни брани, ни ругательств, и после смотра полка я специально благодарил людей за их внимание к нашим семьям.

Постоянно вспоминаешь про Москву, про гренадер, и сколько всплывает все новых и новых воспоминаний; но всего не напишешь. Но душа моя все еще живет с гренадерами и скорбит о том, что участие их в Великой мировой войне прошло так незаметно, не отмечено ни одним сколько-нибудь крупным успехом.

корпуса, с 21 апреля 1915 по 5 июня 1916 г. в чине генерал-лейтенанта был начальником 71-й пехотной дивизии.

²⁶⁵ Дядюша Сергей Иванович (1870–1933) – русский генерал. Служил на штабных должностях в Варшавском и Московском военных округах. С 1904 г. преподавал в Московском пехотном юнкерском училище. В 1906 г. – полковник. С 1908 г. – штаб-офицер для поручений при штабе Гренадерского корпуса.

Глава VIII

Простившись с гренадерами, я с семьей выехал в Симферополь, где находилась штаб-квартира 7-го корпуса. Корпус мне был знаком, так как я пробыл три года его начальником штаба, с 1897 по 1900 год.

Был июнь месяц, самый разгар лагерных сборов, и мне хотелось сразу объехать войска и взять в свои руки руководство полевыми занятиями.

Плохо обстоял вопрос с квартирой. На просьбу присмотреть нам квартиру начальник штаба корпуса ответил, что квартир совершенно нет и он только может предложить свою квартиру, ввиду предстоявшего его назначения начальником 4-й пехотной дивизии.²⁶⁶

Мы решили до времени жить в гостинице. Но в самый день приезда я встретил на Пушкинской улице Е. Э. Кесслер, которая, поздравив меня с приездом, добавила:

– Идите скорей к Елизавете Сергеевне Давыдовой, в дом Шае, она уговорила Марию Фердинандовну не сдавать верхней квартиры и держит ее для вас.

Я тотчас же прошел к Елизавете Сергеевне и через час имел действительно превосходную, поместительную

²⁶⁶ 4-я пехотная дивизия сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 6-й армейский корпус. Состав дивизии: 13-й пехотный Белозерский, 14-й пехотный Олонецкий Его Величества Петра I короля Сербского, 15-й пехотный Шлиссельбургский генерал-фельдмаршала князя Аникиты Репнина и 16-й пехотный Ладожский полки, 4-я артиллерийская бригада.

квартиру на Лазаревской улице, лучшей в городе, так как дома стоят лишь по одну сторону, а по другую разбит городской бульвар. В этой квартире моя семья жила до января 1922 года.

Предоставив жене устройство квартиры, я оказался совершенно свободен и мог приступить к своим занятиям.

Корпус был расквартирован довольно широко, но пехотные части стояли в двух группах: 13-я пехотная дивизия – в Крыму, 34-я – в Екатеринославе и в Павлограде, и только 136-й пехотный Таганрогский полк с 1905 года стоял на отлете в Ростове-на-Дону, имея один батальон в городе Таганрог; 7-й Донской казачий полк в Николаеве, Крымский конный Ее Величества полк в Симферополе.

В две недели объехал все войска корпуса, произвел строевые смотры и смотры стрельбы, причем большое внимание обратил на боевые стрельбы частями. Особенно удачно прошла боевая стрельба в 52-м пехотном Виленском полку. Командир полка генерал-майор Котюжинский, участник войны 1904–1905 годов, поставил производство этой стрельбы весьма близко к боевым условиям. Приучив строго выдерживать направление, он добился непрерывности огня при перебежках, так как перебегавшие взводы, целиком ли, отделениями, или звеньями, или поодиночке, никогда не закрывали взводов, остававшихся на месте, которые и вели усиленный огонь, пока соседний взвод устраивался на новом месте и открывал огонь. Тогда начинали перебежку остававшиеся на месте взводы и так далее.

В Таганроге успел осмотреть дворец, в котором жил последние месяцы своей жизни и скончался император

Александр I. За исключением спальни, в которой скончался Благословенный, обращенной в церковь, дворец поддерживается совершенно в том виде, в каком он был при жизни Александра I. Поражает простота во всем, комнаты просторные, сравнительно низкие, крашенные полы с настланными вдоль середины комнат от двери до двери ковровыми дорожками. Увидав в последней комнате светлого дерева козетку, перед нею овальный стол и по бокам два кресла, так и вспомнил описание генералом-лейтенантом Шильдером²⁶⁷ жизни императора в Таганроге, дневной чай с барбарисовым вареньем и анисовыми крендельками, во время которого любимой темой разговора императора было когда он сможет выйти в отставку и поселиться в Крыму, куда государь действительно ездил незадолго до своей кончины с целью выбрать и купить там имение.

Вернувшись с объезда, поехал навестить своих старых симферопольских друзей Кесслер, живших в своем имении в семи верстах от города. Свернув с Ялтинского шоссе, мне предстояло переехать мост через Салгир, но оказалось, что конец моста стоит посередине реки. В тот год были такие ливни в Крыму, что Салгир, всегда в окрестностях Симферополя легко проходимый вброд, настолько вздулся, что на повороте в Тотакой смысл песчаную дорогу до самой

²⁶⁷ Шильдер Николай Карлович (1842–1902) – русский военный деятель, историк. Автор капитальных трудов об императорах Павле I, Александре I и Николае I. Упомянутая автором работа Шильдера «Император Александр I: его жизнь и царствование» была издана в 4 томах в Санкт-Петербурге в 1897–1904 гг.

скалы, мост оказался в середине реки, и две недели не было броду.

В этом же году 7-й корпус принял участие в подвижном сборе и большом маневре в районе Херсонской губернии. Впервые я попал в ту часть Херсонской губернии, которая сплошь заселена немецкими колонистами, переселившимися в эти края еще в царствование Екатерины II. Поражало богатство и благоустройство их жизни. Колонисты, владевшие от 200 до 400 десятин земли, были совсем не исключением. Дома же у большинства настолько просторные, что они без особого стеснения отводили в одном доме под штаб 3–4 комнаты, хорошо меблированные. Почти у каждого хозяина собственный автомобиль. Отношения к войскам очень доброжелательные – солдатам они все давали даром, а с нас брали за все нормальные цены, что чрезвычайно облегчало нам условия проживания у них. В расчетах очень точны, деньги несомненно любят. Бывали и курьезные случаи. После одного затянувшегося дня маневра мы пришли на ночлег, когда уже начинало темнеть. Помещение нам отвели в богатом доме, домохозяйка предоставила нам пять комнат. Пока приготавливали ужин, я подсел на крыльце к хозяйке, и она мне рассказала, что у них уже было 400 десятин земли; в прошлом году они прикупили еще 200 десятин по 450 рублей за десятину. Несмотря на это, муж хочет переехать в город, чтобы дети там росли и жили. На другое утро, перед тем как сесть на лошадь, я пошел к ней и благодарил за радушное гостеприимство. А на следующий ночлег поручик Булгаков рассказал нам, как хозяйка, сводя с ним счета, поблагодарила и сказала:

– А что же ваш генерал был со мной такой милый, ласковый, а на чай мне ничего не дал?

Может ли прийти в голову предложить денег на чай женщине, которая сама рассказала, что у них одной земли более чем на 250 000 рублей.

В тот год первый раз привлекли к участию в сборах владельцев автомобилей, машины коих были взяты на учет по автомобильной повинности.

В 7-й корпус были назначены три легкие автомобиля и один грузовик, поднимавший до 130 пудов груза. Из трех легких машин настоящую службу сослужила только одна, фирмы «Бенц», владелец которой, Цорн, сам ею управлял и превосходно выполнил все возлагавшиеся на него поручения. Чтобы показать, насколько может быть использована машина, он сам вызвался провезти меня во время поверки линии охранения, и действительно провез по полю, часто без дорог, по всем постам. Самое замечательное, что он так плохо видел, что вел машину по подсказу своего шофера. Второй автомобиль прибыл из Екатеринослава в Николаев, но его владелец, получив на почте известие о внезапной болезни жены, тотчас же уехал обратно в Екатеринослав. Третий автомобиль, барона Рене, в первый же день сбора сломал одну из рессор и никак не мог ее как следует починить. С грузовиком из Одессы прибыл сам его владелец, англичанин Кук, который сослужил нам большую службу по доставке хлеба с полевых хлебопекарен во все части корпуса. Благодаря ему довольствие хлебом, главное, своевременная доставка его в части, прошли без осечки, и, что тоже очень важно, намного сократилось взимание подвод от населения.

Вскоре по окончании празднования 300-летия Дома Романовых государь прибыл со всей семьей в Севастополь и,

переехав на яхту «Штандарт», оставался на рейде шесть дней, за время которых присутствовал: на освящении часовни, сооруженной в память 300-летия царствования Дома Романовых, и на освящении только что законченного сухого дока, построенного инженером Чаевым, в который могли входить и чиниться в нем самые большие броненосцы типа «Екатерины II» и «Императрицы Марии»; произвел смотры молодым солдатам всех частей Севастопольского гарнизона и молодым матросам флотских экипажей и посетил все суда Черноморского флота, стоявшие на Севастопольском рейде. После каждого смотра все начальники частей приглашались на яхту «Штандарт» к высочайшему столу.

Особенно остался в памяти обед после смотра молодых солдат 13-й пехотной дивизии и 13-й артиллерийской бригады. Поблагодарив людей, Его Величество подошел ко мне и сказал:

– Я уже осмотрел четыре ваших части, и меня особенно порадовали их молодецкий вид, выправка и особенно их смелый, широкий шаг, спокойствие и тишина в строю. Благодарю вас за блестящее состояние ваших войск.

Прямо со смотра мы прибыли на яхту к высочайшему обеду. Государыня по нездоровью не выходила, присутствовали лишь великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Я сидел рядом с великой княжной Татьяной Николаевной. Число приглашенных было очень ограничено, и государь по своей необычайной приветливости придавал обеду возможно менее официальный характер. Великая княжна Татьяна Николаевна сначала лишь отвечала на мои вопросы, но постепенно сама разговорилась, особенно когда зашел разговор о войне, о ее ужасах. Я ей на это сказал:

– Да, война жестока сама по себе, но она сразу определяет человека – душа ли у него или только душонка; у людей с душой она вызывает наружу все лучшие, самые благородные стороны человеческой, готовность отдать жизнь за других.

Великая княжна задумалась и потом сказала:

– Как вы правы, и мне всегда думалось, что на войне совершаются не одни только ужасы.

Несмотря на раннюю молодость (ей в том году минуло 11 лет) видно было, что великая княжна много передумала и больше понимала жизнь, чем, вероятно, понимали большинство ее сверстниц по годам. Привел этот разговор здесь в опровержение того ложного образа великой княжны Татьяны Николаевны, выведенного генералом Красновым²⁶⁸ в его романе «От Двуглавого Орла до Красного знамени» при описании внутренней жизни Царскосельского госпиталя Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны. Легкомысленной великая княжна не была и раньше, а годы войны, когда на нее легло много забот по руководству Татьянинским комитетом и по собственноручному уходу за ранеными и больными, наверное, еще

²⁶⁸ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – российский военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1909 г. окончил курс Офицерской кавалерийской школы, зачислен в ее постоянный состав. В 1910 г. полковник, командир 10-го Донского казачьего полка. В 1914 г. генерал-майор.

В 1915 г. командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, затем – командующий 2-й Сводной казачьей дивизии. С 1916 г. – начальник 1-й Донской казачьей дивизии. В 1917 г. генерал-лейтенант, начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. Затем – командующий 3-м конным корпусом.

усилили ее вдумчивость во все явления жизни. Только известная застенчивость, как и у всех членов царской семьи, не допускала сразу угадать настоящий облик великой княжны Татьяны Николаевны.

По окончании смотров государь император с семьей отбыл на яхте «Штандарт» в Ливадию. На молу был выстроен почетный караул от 51-го пехотного Литовского Его Императорского Величества государя наследника цесаревича полка. Приняв караул и всех представляющихся лиц, государь обратился к командиру полка полковнику Лихачеву:²⁶⁹

– Благодарю вас, всегда представляете блестящий караул, а сегодня – более, чем блестящий.

В этот день мы с командирами Литовского и Виленского полков с особым удовольствием сели за обеденный стол и просидели до глубокой ночи. Был конец августа, стояли необычайно жаркие дни; так в этот день термометр на террасе гостиницы «Россия» показывал в полночь + 24 °R.

В том году пребывание высочайшей семьи в Ливадии было весьма продолжительно. Охрану несли части 7-го корпуса: 1-я рота 52-го пехотного Виленского полка, три роты 51-го Литовского пехотного полка, два эскадрона

²⁶⁹ Гавриил Александрович Лихачев в чине генерала-майора с поздней осени 1915 г. командовал Отдельной Саратовской пехотной бригадой.

В чине генерал-лейтенанта на 21 октября 1916 г. был начальником 122-й пехотной дивизии, с августа 1917 г. – 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Крымского конного Ее Величества полка и эскадрон Собственного Его Величества конвоя.²⁷⁰

Хотя все части охраны, кроме Собственного Его Величества конвоя, принадлежали к составу вверенного мне корпуса, я не позволял себе жить постоянно в Ялте, оставался в своей штаб-квартире в Симферополе и приезжал в Ялту лишь к дням смотров или по особому приглашению. В одно из воскресений мы получили приглашение к обедне и высочайшему столу вместе с женой. Государыня императрица была особенно милостива к моей жене и долго с ней беседовала по окончании завтрака.

Как часто приходилось слышать, что государыня Александра Федоровна очень горда и малодоступна. Происходило это главным образом от необычайной застенчивости государыни, доходившей до того, что если при представлении Ее Величеству, особенно в первые годы, представляющиеся сами не заговорят, государыня стояла, краснела и не могла выговорить ни слова. Но стоило ей с кем-нибудь обжиться, и она становилась такой, какой была в действительности. Надо было видеть, как она была внимательна и ласкова с офицерами, несшими службу охраны, и с их семьями. Так, встретив однажды ротмистра

²⁷⁰ Собственный Е. И. В. конвой сформирован в 1811 г. как лейб-гвардии Черноморская казачья сотня. С 1828 г. – Собственный Е. И. В. конвой. Состоял при особе императора, однако также принимал активное участие в боевых действиях. Состоял из четырех сотен, а не эскадронов – двух Кубанских и двух Терских. Дислокация – Санкт-Петербург.

Юрицына,²⁷¹ императрица заговорила с ним, спросила, женат ли он, есть ли у него дети. На ответ Юрицына, что он женат и что они скоро ждут рождения первого ребенка, государыня сказала:

– Так я буду его крестной матерью.

Юрицыны были очень счастливы, но думали, что все ограничится как всегда, то есть государыня будет записана восприемницей их ребенка. Но Александра Федоровна это понимала совсем иначе, сама сшила все приданое ребенку и при крещении сама держала мальчика на руках.

Во время каждого своего пребывания в Крыму государыня устраивала в пользу бедных благотворительный базар, для которого Ее Величество и великие княжны изготовляли массу вещей собственноручной их работы и сами продавали их.

На базаре 1913 года к столу государыни подошел пожилой человек и обратился к императрице со словами:

– Дай мне, матушка царица, шарф твоей работы.

Государыня выбрала красный шарф и подала ему.

– Нет, матушка царица, такой яркий мне, старому человеку, не подойдет, а ты мне дай потемней.

Государыня встала, подошла к полке, где были сложены вещи, и, выбрав темно-лиловый шарф, подала ему и, улыбаясь, спросила:

²⁷¹ Юрицын Василий Тимофеевич (ок. 1890–1977) – русский офицер, участник Белого движения. В 1912 г. ротмистр Крымского конного Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка.

– Вот этот подойдет?

– Да, этот подойдет, вот, матушка царица, спасибо тебе, угодила мне старому человеку, век не забуду, что из твоих рук получил работу, спасибо тебе, – низко поклонился, положил серебряный рубль и ушел. И только когда он отошел, государыня расхохоталась от души.

На этом же базаре один офицер, проходя коридором, столкнулся с младшей великой княжной Анастасией Николаевной,²⁷² бойкой девочкой, про которую сама государыня говорила: «Это мой докладчик, она всегда все знает». Великая княжна спросила:

– Вы что, отдохнуть хотите?

Офицер:

– Нет, я ищу, где бы покурить.

– Так войдите в эту комнату, там никого нет, только одна мама сидит, – и разом распахнула дверь.

Самое большое удовольствие для великих княжен составляли прогулки пешком из Ливадии в Ялту, с заходом в магазины за покупками, особенно если их при этом не узнавали.

Пятое октября 1913 года – день тезоименитства наследника цесаревича, совпал со столетней годовщиной Великой

²⁷² Великая княжна Анастасия Николаевна (1901–1918) – младшая дочь императора Николая II. После начала Великой войны вместе со своей сестрой Марией организовала свой собственный госпиталь для офицеров в «Федоровском городке», находившемся в Царском Селе. С 1915 г. – шеф 148-го пехотного Каспийского полка.

битвы народов под Лейпцигом в 1813 году, за которую Литовский полк имел боевое отличие «Серебряные трубы в Георгиевских лентах». Государь признал неудобным соединять оба празднества в одно и повелел празднование столетия Лейпцигской битвы перенести на 23 ноября.

День тезоименитства наследника был отпразднован с большим торжеством. На церковном параде находился в строю взвод гардемарин Черноморского флота. По окончании парада государь поздравил их всех мичманами и, в знак особого к ним благоволения, повелел позвать фотографа и с наследником цесаревичем снялся с ними в группе и объявил, что каждый из них получит по группе. Наследник цесаревич был в этот день в форме Собственного Его Величества конвоя, которая ему очень шла, поражало только грустное выражение его красивых глаз.

Празднование столетия битвы под Лейпцигом состоялось 23 ноября во дворе казарм Массандры, в которых стояли три роты Литовского полка, несшие охрану. Государь повелел, чтобы полки в полном составе не вызывать, в строю быть трем ротам, находившимся в Массандре, и вызвать всех офицеров полка, кроме самого необходимого наряда на службу.

К 11 часам утра роты при хоре музыки были построены во дворе казарм; все офицеры остальных рот – на левом фланге парада.

Ровно в 11 часов прибыл государь император с наследником цесаревичем. При обходе рот государь шепнул командиру полка:

– Прикажите поставить стул для шефа.

Обходя фронт, государь против обыкновения шел очень тихо, и все же было заметно, что наследник прихрамывает. Тем не менее во время молебна ни разу не присел. По окончании молебна и окроплении войск при пении «Спаси, Господи, люди Твоя» перед серединой рот был вынесен стол с пробной порцией и чаркой водки. Взяв чарку, государь обратился к офицерам, благодарил их за службу, за блестящее состояние литовцев и пил их здоровье. Затем обратился к людям, напомнил, в чем состоял подвиг полка, поздравил с торжеством и пил еще раз за славу и доблесть литовцев и за их здоровье. Передавая затем чарку августейшему шефу, государь шепнул ему:

– Выпей за полк.

– Не хочу.

– Выпей, это необходимо.

– Не хочу.

Попробовав пищу, государь передал ложку наследнику со словами:

– Попробуй.

– Не хочу.

Тогда командир полка обратился к наследнику:

– Ваше Императорское Высочество, попробуйте, варка очень вкусна.

Наследник все-таки колебался, но, наконец, решился, взял ложку и попробовал пищу. Государь улыбнулся и сказал:

– А он своего командира больше слушается, чем меня.

Пропустив роты церемониальным маршем, государь пригласил всех офицеров к завтраку. По окончании завтрака

государь долго беседовал с офицерами, вспоминая некоторые эпизоды из жизни полка.

Когда государь отошел, офицеры обратились ко мне, чтобы я просил Его Величество сняться с полком. На мой об этом доклад государь сказал:

– Хорошо, пускай все соберутся на главном подъезде, пока я пошлю за фотографом.

Через несколько минут к нам вышли Их Величества с наследником цесаревичем, государыня села на стул посреди офицеров и к своим ногам посадила августейшего шефа. Государь стал с нами за стулом императрицы. Через несколько дней все участвовавшие в группе получили по экземпляру таковой группы.

Замечательно, что когда большевики дважды произвели осмотр квартиры и пробыли довольно долго в моем кабинете, забрали из книжных шкафов все мои книги, особенно военные, они не тронули висевших на стенах ни этой группы, ни громадной, в полстены, полковой группы Могилевского полка.

В этот день государь опять был особенно милостив ко мне. Мы сидели за столом: посередине государь, направо от государя – великая княжна Ольга Николаевна, налево великая княжна Татьяна Николаевна, налево от великой княжны Татьяны Николаевны я. Во время завтрака государь нагнулся ко мне за спиной великой княжны и сказал:

– А я, Эрк, перед вами виноват, забыл третьего дня про вас и не пригласил вас к себе (то есть 21 ноября, в день Введения во Храм Пресвятой Богородицы – полкового праздника лейб-гвардии Семеновского полка).

Я был особенно тронут этим вниманием и, благодаря, доложил в ответ, что я в этот день находился в городе Бахчисарай на освящении памятника, воздвигнутого татарами в память 300-летия Дома Романовых, и рассказал, какое отрадное впечатление произвел этот памятник тем, что он как бы живой, ибо имеет форму четырехгранной колонны, поставленной на высоком, в пять ступеней, пьедестале, окруженный бассейном, из четырех углов которого непрерывно бьет струей бахчисарайская вода, считающаяся лучшей в Крыму. Государь ответил:

– Все это так, но все же мне досадно, что я забыл о вас в этот день.

26 ноября, как всегда, был торжественно отпразднован день основания ордена Св. великомученика и победоносца Георгия. После богослужения состоялся Георгиевский парад и затем – завтрак всем георгиевским кавалерам в присутствии государя императора.

На молебне в этот день мы все были опечалены, когда увидели, что после того как Их Величества с великими княжнами вышли к молебну, на веранду дворца наследника Цесаревича вынесли на кресле, на котором он и оставался, не вставая, рядом с государыней Александрой Федоровной.

Только шестого декабря в день своего тезоименитства государь император, подойдя к нам после завтрака, рассказал, обращаясь к командиру Литовского полка:

– С шефом вот что случилось: во время урока русского языка, когда учитель, диктуя, отвернулся к окну, он одним скачком встал на парту. В эту минуту учитель опять повернулся лицом к нему. Наследник мгновенно соскочил на

пол и сел, но при этом задел больной ногой о край парты, и у него сделалось воспаление надкостницы.

Шефу тогда было 8 лет.

За это пребывание государя в Крыму испросил однажды разрешение представиться Его Величеству генерал... и, получив разрешение, доложил Его Величеству, что он состоит председателем общества, задавшегося целью соорудить в Крыму санаторий для офицеров, слабых грудью, и что у них уже собрано около 10 000 рублей.

– А сколько нужно чтобы построить этот санаторий?

– Триста тысяч рублей.

– Ну так вступаю в ваше общество с вкладом в 300 000 рублей и принимаю его под свое покровительство.

Через несколько дней состоялась закладка этого санатория недалеко от Массандры в присутствии Их Величеств и великих княжон. Несмотря на холод и проливной дождь, государыня императрица и великие княжны присутствовали в одних белых платьях.

Еще два случая живо мне вспоминаются: один радостный, другой весьма печальный.

1. Сижу однажды в своем номере, как вдруг, даже не постучавшись, влетает в комнату запыхавшийся командир 1-й роты Виленского полка капитан Коваленко, подает мне бумагу и с трудом выговаривает:

– Час тому назад государь император вошел в караульное помещение роты, повелел подать постовую ведомость и собственноручно написал в ней, что изволите прочесть.

В поданной постовой ведомости было написано: «Сего числа обошел все посты роты. Все часовые несут службу

исправно, твердо знают свои обязанности, на вопросы отвечали смело и толково. Николай».

Я поздравил капитана Коваленко, научил, как зафиксировать подпись, чтобы она от времени не слиняла, и поручил поздравить роту от меня.

Написав этот случай, вдруг вспомнил еще один. Около того же времени к часовому у калитки подошли состоявшие при государе флигель-адъютанты Дрентельн²⁷³ и князь Трубецкой²⁷⁴ и хотели пройти через калитку на тропинку, на которую имел свободный доступ только государь император. Часовой не пропустил их. Напрасно они настаивали, доказывая часовому, что они состоят при Его Величестве и имеют право всюду проходить, часовой оставался тверд на своем: кроме государя императора никого пропустить не могу.

В это время подошел гулявший государь и спросил их, в чем дело. Когда они рассказали, как было, государь улыбнулся и, обращаясь к часовому, сказал:

– Пропусти. Я за них ручаюсь.

Часовой тотчас же ответил:

²⁷³ Скорее всего имеется в виду Александр Александрович Дрентельн (1868–1925), сын генерал-лейтенанта Александра Романовича Дрентельна – генерал-майор, командир лейб-гвардии Преображенского полка.

²⁷⁴ По-видимому, речь идет о генерал-лейтенанте князе Георгии Ивановиче Трубецком, который с 18 октября 1914 по 18 апреля 1917 г. был начальником 2-й кавалерийской дивизии.

– Если Вашему Величеству угодно, то я обязан пропустить, – и стал в стороне, открыв доступ в калитку.

2. Печальный случай заключался в следующем:

Я только что в то утро подробно осмотрел стоявшие в Массандре роты Литовского полка. Несмотря на трудность их караульной службы, роты представились отлично и смело могли соревноваться с самыми твердыми ротами в полку. Поблагодарив всех, я простился с ними и оставил их в том радостном настроении, которое получается только тогда, когда представившиеся сами внутри чувствуют, что действительно все было вполне хорошо.

Не успел я войти в гостиницу, как меня догнал полковник Моисеев, бледный как полотно, и доложил:

– Только что вы успели отъехать, как подали телеграмму, что сегодня на аэродроме на Каче погиб капитан Андреади.²⁷⁵

Капитан Андреади был сам первоклассный летчик и лучшей учитель на Каче. Полк гордился им, и его смерть была действительно тяжелой потерей для нашего молодого воздухоплавания. Похоронили мы его на нашем военном кладбище в Симферополе. Похоронили почетно, как редко кого хоронят. Архиепископ Таврический Высокопреосвя-

²⁷⁵ Андреади Дмитрий Георгиевич (1878–1914) – русский летчик. Служил в пехоте. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Затем преподавал в Севастопольской офицерской школе в Каче. В 1911 г. сдал экзамены на летчика, установил рекорд России по продолжительности полета на самолете пассажиром. В 1912 г. совершил рекордный дальний перелет Севастополь – Одесса – Харьков – Москва – Санкт-Петербург.

щенный Димитрий встретил тело на вокзале, сам совершил отпевание в кафедральном соборе и проводил тело до самой могилы. За гробом, который несли на руках офицеры и солдаты Литовского полка, шли все военные во главе с командиром корпуса и масса частных лиц. Вся могила была покрыта венками и букетами цветов.

Вскоре после 6 декабря государь император выехал в Царское Село, по пути под Севастополем, на реке Каче, посетил школу военных летчиков и присутствовал на освящении только что законченного здания под школу.

Прощаясь с нами, государь отпустил меня со словами:

– Ваши войска истинно радуют меня.

Продолжительное пребывание государя в Ливадии ни в чем не задерживало систематического обучения войск. Уверенный в близости европейской войны, я прилагал все усилия к подготовке каждого бойца к действию в рассыпном строю, к втягиванию войск в труды полевой службы и, превыше всего, к сближению между собой различных родов оружия, особенно пехоты с артиллерией, и успел добиться в этом отношении прочных результатов. Эта сплоченность корпуса, уверенность пехоты в своей артиллерии оказала нам большие услуги во время войны. Несмотря на ограниченное число тяжелой артиллерии, а иногда, как было при первом наступлении в Карпатах, предоставленные одним своим силам, не было примера, раз мы решили брать позицию и наметили место прорыва, чтобы нам это не удалось. Как только артиллерия, подготовлявшая прорыв, передавала пехоте: «готово», пехота, не колеблясь, вставала, шла вперед, овладевала первой линией окопов и так продолжала идти насквозь, пока не выходила на открытое

поле в тылу неприятельской позиции. Этой согласованностью действий, верой в друг друга и объясняется, главным образом, достижение успеха при сравнительно малых потерях, всегда приводивших в удивление генерала Брусилова.

Последний раз пришлось мне видеть Царскую Семью в мае 1914 года, когда Их Величества со всеми детьми сели на яхту «Штандарт» для поездки в Румынию. Государь взошел на капитанский мостик, государыня с великими княжнами стояла на палубе, караул отдавал честь, музыка играла гимн, «Штандарт» плавно отошел от мола и, дав ход, начал быстро удаляться.

Не чаял я тогда, что вижу своего государя в последний раз. Все было так празднично, так красиво, что нельзя было глаз отвести, и ни одной мрачной мысли не закралось в душу. За все же три года войны, с 1914 по 1917 год, хотя я ни разу не отлучался от корпуса, видеть государя мне не пришлось.

Во время пребывания на Очаковском артиллерийском полигоне после одной из стрельб мы собрались в лагерном собрании и только что успели условиться на счет следующего дня, как принесли газеты, и в них оказались первые известия об убийстве наследника австрийского престола²⁷⁶ и о

²⁷⁶ Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте (1863–1914) – наследник австро-венгерского престола, сын эрцгерцога Карла-Людвига-младшего, брата императора Франца-Иосифа I.

С 1906 г. активно участвовал в решении внешнеполитических вопросов, был одним из инициаторов аннексии Боснии и

предъявленном Австрией ультиматуме к Сербии. Я тотчас же обратился ко всем присутствующим:

– Господа, теперь не может быть сомнения в неминучести войны, так как государь никогда не допустит порабощения Сербии. Готовьтесь, господа, и помните, что эта война будет сведением всех счетов на чистоту и потребует от нас напряжения всех сил до предела.

Все были того же мнения, все понимали, что иначе быть не может и что приближаются решающие события. Настроение было серьезное, торжественное, все понимали, сколько от нас потребуется, и все же никто не мог вполне постичь, каких неслыханных до того размеров достигнет надвигавшаяся мировая война.

На другой день я произвел строевой смотр 34-й артиллерийской бригаде и 7-му мортирному дивизиону²⁷⁷ и отбыл в Симферополь.

В войсках я был уверен, внушал мне только некоторое опасение по состоянию своего здоровья начальник 34-й дивизии генерал-лейтенант Добровольский,²⁷⁸ находив-

Герцеговины, провел ряд реформ в армии. С 1913 г. – генерал-инспектор вооруженных сил империи. Убит в г. Сараево 15 (28) июля 1914 г. вместе со своей супругой членом организации «Молодая Босния» Гаврилой Принципом.

²⁷⁷ 7-й мортирный артиллерийский дивизион сформирован в 1905 г. в составе двух батарей, входил в 7-й армейский корпус.

²⁷⁸ Генерал-лейтенант Михаил Михайлович Добровольский был начальником 34-й пехотной дивизии с 12 октября 1911 по 26 августа 1914 г.

шийся по болезни в заграничном отпуску; бригадный командир генерал-майор Баташев в случае мобилизации получал назначение начальника 71-й дивизии,²⁷⁹ сформировавшейся из частей 7-го корпуса. Но со штабом было не вполне благополучно. Незадолго перед тем я был вынужден предложить его начальнику просить о перемещении в другой корпус или об отчислении от должности и не знал еще, когда прибудет вновь назначенный начальник штаба генерал-майор Лазарев.²⁸⁰ Несмотря на такое положение, я в конце июня отпустил жену с дочерью на курорт Коктебель.

Так мы прожили до 18 июля. В этот день я пошел спать в обычное время, но заснуть не мог. Голова работала напряженно, нервы расходились. В третьем часу ночи раздался звонок и мне подали телеграмму: «Германия объявила нам войну. Сухомлинов».

Вызвав к телефону дежурного по штабу офицера, приказал немедленно передать эту телеграмму начальникам дивизий, командирам артиллерийских бригад, командирам

²⁷⁹ 71-я пехотная дивизия – второочередная дивизия, сформирована из кадров 34-й пехотной дивизии в 1914 г. Состав дивизии: 281-й пехотный Новомосковский, 282-й пехотный Александрийский, 283-й пехотный Павлоградский, 284-й пехотный Вентровский полки, 71-я артиллерийская бригада.

²⁸⁰ Генерал-майор Владимир Петрович Лазарев занимал должность начальника штаба 7-го армейского корпуса с 3 июля 1914 по июнь 1916 г.

кавалерийских полков, корпусному интенданту, корпусному врачу и всем чинам штаба, лег и заснул сладчайшим сном.

Приступая далее к изложению событий с 18 июля 1914 года, я, отнюдь, не имею в виду на память, без карт крупного масштаба, излагать историю Великой войны. Я ограничиваюсь занесением в эти воспоминания отдельных эпизодов из ряда событий, непрерывно следовавших одно за другим, таких эпизодов, которые, на мой взгляд, наглядно обрисовывают общую обстановку на Юго-Западном фронте и бытовую сторону жизни 7-го корпуса за время войны, со дня мобилизации по сентябрь месяц 1916 года, а затем 23-го корпуса²⁸¹ в Лесистых Карпатах.

19-го утром дал телеграмму командующему войсками: «Ходатайствую о назначении генерал-майора Баташева²⁸² командующим 34-й дивизией». Ходатайство было уважено, и с его назначением 34-я дивизия попала в настоящие руки и за время войны стяжала себе громкую, вполне заслуженную боевую славу. На третий день мобилизации прибыл генерал-майор Лазарев, и с самого его приступа к делу стало ясно, какого ценного сотрудника я приобрел в его лице. Вообще, мне повезло. Как и перед Японской войной, с момента получения телеграммы о мобилизации, все прочее

²⁸¹ 23-й армейский корпус в 1914 г. входил в Варшавский военный округ и включал 3-ю гвардейскую и 2-ю пехотные дивизии, Отдельную гвардейскую кавалерийскую бригаду, 23-й мортирный артиллерийский дивизион, 9-й саперный батальон.

²⁸² Никита Михайлович Баташев в чине генерал-майора в июле 1914 г. командовал бригадой 34-й пехотной дивизии, с 18 июля был начальником 71-й пехотной дивизии.

как бы отошло от меня, забылось все пережитое в Москве, все подчас странные отношения генерала Никитина. Осталась одна предстоящая война, стало уверенно и спокойно на душе.

Глава IX

Мобилизация проходила гладко, без задержки. Все конечно помнят, какая волна народного сознания охватила всех, в каком прекрасном настроении приходили запасные. Запрещение продажи водки принесло драгоценные плоды.

20-го утром начали представляться начальники вновь формируемых при штабе корпуса учреждений. Причем начальник полевой телеграфной конторы, представившись, добавил:

– Я совершенно поражен, не далее как три дня тому назад я лично передал телеграмму, что всякая опасность войны миновала.

Действительно, Австрия перед категорическим заявлением, что Россия не позволит тронуть Сербии, уже готова была уступить и пойти на соглашение. Тогда-то Германия, давно решившая, что война неминуема и считавшая тогдашнюю обстановку наивыгоднейшей для себя, сама объявила нам войну. В Берлине были уверены, что с объявлением войны в Петербурге повторятся события 1905 года – и ошиблись. Русский народ как один человек откликнулся на зов своего царя, и даже Государственная дума в сознании величия совершившегося была в то время единомысленна.

Что вопрос о необходимости начать войну немедленно был уже заранее решен в Берлине, очень наглядно видно из записок тогдашнего американского посла в Константинополе Моргентгау, который приводит следующий свой разговор с германским послом Вангенгеймом, ставленником императора Вильгельма, занимавшего совершенно

исключительное положение в Константинополе: «Ко мне неожиданно приехал Вангенгейм и объявил, что он вызван императором на 5 июля в Берлин и сегодня же выезжает. Вернувшись обратно, Вангенгейм немедленно приехал ко мне в очень приподнятом настроении и сразу заявил: приехал с вами поделиться. 5 июля состоялось совещание под председательством императора. В совещании участвовали: имперский канцлер, начальник генерального штаба, министры – военный, внутренних дел и финансов; управляющие главнейшими банками и директора крупных торговых фирм и технических обществ. Открыв совещание, император обратился к имперскому канцлеру:

– К войне готовы?

Получив утвердительный ответ, повторил вопрос, обращаясь к начальнику генерального штаба и так, по очереди, к каждому из присутствовавших. Все дали лаконический ответ – готовы, и только представители финансовых учреждений, заявив, что готовы, просили 14 дней для необходимой реализации известного количества бумаг, чтобы иметь достаточное количество наличных денег, и император им ответил:

– Хорошо, 14 дней получите.

Вот, добавляет Моргентау, в чем крылась истинная причина тех невероятных колебаний, скачков вверх и понижений ценностей всех держав, которые в то время все пытались объяснить, но никак не могли».

Возвращаясь к мобилизации. Выехав после обеда на лагерное поле Литовского полка, я застал там только что прибывшую партию запасных из жителей г. Симферополя, еще в своей одежде, в котелках, фуражках и тому подобном.

По команде «смирно» все приняли воинскую осанку и дружно ответили на мое приветствие. Уже по самому тону ответа было ясно, что настроение среди них было настоящее, твердое, и действительно, поведение их за все время мобилизации было безупречное.

Все части были укомплектованы в срок, согласно мобилизационных планов. Также своевременно началась и перевозка войск. 7-й корпус вошел в состав 8-й армии генерала от кавалерии Брусилова, входившей в состав войск Юго-Западного фронта. Пунктом сосредоточения было указано село Печиски в окрестностях г. Проскурова.

К сожалению, входившая в состав корпуса кавалерия: Крымский конный Ее Величества и 7-й Донской казачий конные полки – были временно направлены в Бессарабию и так и не вернулись к корпусу.

Штаб корпуса стал в д. Печиски. Владельцы имения, Елачичи, приняли нас очень радушно и разместили у себя на усадьбе: командира корпуса и начальника штаба в отдельном флигеле, прочих чинов в главном доме, в котором они сами жили. Несмотря на все радушие хозяев, на их предупредительность во всем, на другой же день штаб-офицер штаба корпуса Генерального штаба полковник Прокопович доложил о необходимости арестовать хозяина, так как он, наверное, австрийский шпион, и стоило большого труда его успокоить. Подозрительность тогда у большинства доходила до болезненности. Достаточно было иметь не вполне русскую фамилию, чтобы подпасть под подозрение. И так продолжалось почти весь первый год войны.

Стоять на месте нам пришлось недолго. 3 августа была получена телеграмма Верховного главнокомандующего:

«Пятого августа начать общее наступление». Это распоряжение явилось следствием телеграммы французского главнокомандующего генерала Жоффра, просившего о помощи ввиду критического положения на французском фронте. И несмотря на то что наше сосредоточение еще не было закончено, великий князь не колеблясь отдал распоряжение об общем наступлении.

Наступление велось с крайним напряжением и быстротой. Начав движение 5 августа и выдержав упорный, двухдневный бой на р. Гнилой Липе, мы уже 21 августа стояли за Львовом против Городецкой позиции. Одновременно на нашем крайнем правом фланге армия Ренненкампа вторглась в пределы Восточной Пруссии, и германцы были вынуждены приостановить свое наступление на Париж, дабы восстановить положение у себя дома. Франция была спасена, а вместе с тем окончательно рухнул расчет Германии, покончив одним ударом с Францией, повернуть большую часть своих войск против нас и в общем наступлении с Австрией нанести нам решительный удар. На быстрое окончание войны больше не приходилось рассчитывать, и Германия не могла не сознавать всей тяжести создавшегося для нее положения.

Первый ночлег штаба был в усадьбе вдовы одного генерала, которая предоставила нам необходимое помещение, но была с нами мало любезна, и мы с ней виделись лишь при вступлении в ее дом. Второй ночлег штаба был в имении Войтовых, где мы были приняты как желанные гости. Хозяева настояли, чтобы мы и отобедали, и отужинали у них, причем по старому польскому обычаю нас обслуживала за столом не прислуга, а дочь хозяев со своей воспитательницей. Третий ночлег штаба был в Волочаске, в

роскошной усадьбе графа Ледоховского. Нигде не видал столь многочисленных, столь роскошных уборных с ваннами, душами, с ножными и подмывательными ваннами с проточной водой. Владельцев в усадьбе не было.

В этот же день, 7 августа, мы перешли границу через р. Збруч почти без выстрела и вступили в пределы Галиции. По переходе через р. Збруч я объехал войска и объяснил людям, что мы вступили не во вражескую землю, а в исстари родной нам край, бывшую Червонную Русь, что жители, несомненно, будут нас встречать как близких, и мы должны сразу стать с ними в дружеские отношения и бережно относиться к их добру.

10-го мы подходили к Тернополю, и впервые перед нами оказался противник в довольно значительных силах. Артиллерия выехала на позицию и открыла огонь. 13-я дивизия развернула боевой порядок и начала наступление на Тернополь. Австрийцы боя не приняли, и прежде чем мы успели сблизиться на ружейный выстрел, начали поспешно отходить. К пяти часам пополудни я уже въехал в город и пропускал войска мимо себя. Войска проходили с музыкой, с песенниками и по выходе из города становились на ночлег.

Пропустив войска, я подъехал к собравшемуся в полном составе городскому управлению и объявил, что с сего дня они переходят под власть государя императора, что они должны немедленно сдать нам почту, казначейство и все деньги, принадлежащие австрийскому правительству. Если они все это выполнят, то жизнь их ни в чем не изменится. Во главе города останется то же городское самоуправление, будет действовать тот же суд, только от имени государя

императора. Они обещали все в точности исполнить, и жизнь в городе потекла нормальным порядком.

Затем мы прошли на почту, и там в моем присутствии во дворе были сожжены целые кипы призывных листов, которых, очевидно, еще не успели разослать. Оказалось, что мобилизация в Австрии далеко не была закончена.

Комендантом города на первые дни я назначил прокурора корпусного суда подполковника Энгельгардта, как человека привыкшего к сношению с гражданскими властями, и он очень скоро все наладил настолько, что и суд на третий день по нашем вступлении уже действовал по указу Его Императорского Величества государя императора Николая Александровича. С этого времени Тернополь оставался нашим городом до постыдного отступления 1918 года.

Город совершенно не пострадал от выстрелов. В него попало всего три наших снаряда, и по несчастной случайности все три в дом на главной улице, в которой помещался австрийский Красный Крест.

На другой день мы продолжали наступление. Шли почти без дневок, настолько быстро, что обозы не успевали своевременно подходить к войскам. Выручали походные кухни, варившие на ходу. Большие трудности представлял своевременный подвоз хлеба, требовались все умение и энергия корпусного интенданта, полковника Иващенко, чтобы войска не жили на сухарях. Штабу же корпуса в большинстве удавалось обедать лишь поздно вечером. По всему пути попадались брошенные австрийские повозки, походные кухни, зарядные ящики. Все свидетельствовало о

поспешном отход австрийцев. Через р. Золотую Липу прошли беспрепятственно.

В ночь на 13-е я вступил в г. Бржезаны, и здесь мы имели дневку. Вошли в город около трех часов ночи и были встречены городскими властями. На вопрос, где можно остановиться, нас ввели в большой дом, в квартиру одного адвоката. Все было брошено как есть, открытые постели свидетельствовали о поспешном бегстве и, как всегда бывает в таких случаях, какая-нибудь мелочь резко бросается в глаза и как бы подчеркивает всю трагичность положения. Так и здесь, войдя в столовую, мы увидели на столе глубокую тарелку с наполовину недоеденной тапиокой с кусочками яблок и три чайные ложки, брошенные около. Очевидно, кормили детей и вдруг, внезапно забрали их и увезли.

Город нам достался без боя, мы стояли на дневке и, несмотря на приподнятое настроение войск, в городе вдруг поднялась тревога и началась стрельба. Я тотчас же вышел на улицу и увидел собравшиеся две роты, которые обстреливали дом, стоявший как бы особняком на площади. Приказал взять к ноге, спросил:

– Почему и с чьего разрешения открыли огонь?

И офицеры, и люди стали уверять, что из этого дома стреляли по проходившим солдатам и продолжали стрелять, даже когда были выведены роты. Простояв некоторое время и не получив ни одного выстрела, приказал обыскать дом, причем, кроме перепуганных жильцов, в нем никого не оказалось. Пристыдив всех, я приказал разойтись по квартирам. Такие тревоги случались несколько раз в первые две недели и совершенно прекратились только после боя на Гнилой Липе.

15-го вечером мы достигли р. Гнилой Липы в районе Янчина. Усиленная рекогносцировка показала, что противоположный берег сильно занят австрийцами, позиция укреплена и имеется двухъярусная пулеметная оборона. Главная трудность для наступления и атаки заключалась в том, что р. Гнилая Липа, сама проходимая вброд, протекала по долине, левый берег которой (с нашей стороны) представлял болотистую равнину около одной версты с четвертью ширины, по которой и приходилось открыто наступать под пехотным и пулеметным огнем, местами по колено в воде, причем дебушировать приходилось через плотину.

Пока все было обследовано, начало темнеть, и ввиду малой обстрелянности войск было решено атаку отложить до следующего дня. 16-го утром пехота, поддержанная огнем артиллерии, двинулась вперед, но, дойдя до плотины, перебежать через нее не могла и залегла. Тогда генерал Баташев, понимая всю опасность создавшегося положения от скопления массы людей у плотины, сам первый перешел плотину и вышел на открытое место, причем был ранен в голову. Я тотчас же послал адъютанта к генерал-майору Котюжинскому с приказанием немедленно вступить во временное командование 34-й дивизией, когда подошел ординарец генерал-лейтенанта Баташева и подал от него записку: «Голову перевязали, продолжаю бой и сам поведу наступление». В это время подошли к Баташеву генерал-майор Котюжинский, полковники Файдыш и Рогозин и подполковник Аветчин, и все они устремились вперед. Наэлектризованные ими люди бросились за своими начальниками, и уже ничто их не могло остановить. Полковник Рогозин был убит, подполковник Аветчин ранен

пулей в шею, перевязал рану платком и продолжал идти в голове войск. Австрийцы не выдержали удара и быстро начали отступать. Часам к пяти пополудни мы уже все были на том берегу.

Трофеями были: знамя 50-го пехотного австрийского полка (первый и единственный случай захвата знамени; в последующих боях, когда нами были захватываемы целые полки с их командирами, знамен при полках никогда не оказывалось),²⁸³ свыше 1000 человек пленных и значительное количество пулеметов. Вслед за 34-й пехотной дивизией, правее ее, перешла на правый берег и 13-я пехотная дивизия.

В преследование совершенно расстроенного противника была двинута 10-я кавалерийская дивизия,²⁸⁴ во время боя подошедшая к Янчину.

²⁸³ 16 августа 1914 г. в бою на р. Гнилая Липа части 34-й пехотной дивизии взяли первое во время Великой войны трофейное знамя – австрийского 50-го пехотного полка. Однако автор ошибается в том, что это был единственный подобный случай.

²⁸⁴ В состав 10-й кавалерийской дивизии в 1914 г. входили: 10-й драгунский Новгородский Его Величества короля Вюртембергского, 10-й уланский Одесский, 10-й гусарский Ингерманландский Его Высочества великого герцога Саксен-Веймарского и 1-й Оренбургский казачий Его Высочества наследника цесаревича полки. Начальник – генерал-майор Ф. А. Келлер. Летом 1914 г. дивизия произвела блестящую конную атаку на австрийскую кавалерию при Ярославцах. В 1916 г. входила в состав 3-го кавалерийского (конного) корпуса и участвовала в Брусиловском наступлении.

В занятой нами деревне оказалось много оставленных австрийцами раненых, в том числе тяжело раненный командир 50-го австрийского полка, скончавшийся в ту же ночь.

Отдав распоряжение о преследовании и указав линию охранения, я подошел к генералам Баташеву, Котюжинскому, полковнику Файдышу, подполковнику Аветчину, главным виновникам нашей победы. Котюжинский и Файдыш были невредимы, Баташев, раненный над левым глазом, причем врач ясно определил входное и выходное отверстия пули, и подполковник Аветчин, которому пуля пробила шею насквозь с правой стороны. Оба стояли тут же и остались в строю. Вправо от нас представляла величественное и зловещее зрелище зажженное нашими снарядами огромное село, которое все было объято пламенем, и в середине его непрерывно взрывались снаряды.

Поручив корпусному интенданту распорядиться похоронами скончавшегося командира 50-го австрийского полка, я сам на рассвете, опередив войска, выехал на охранение. Каково же было мое удивление, когда с рапортом ко мне подъехал подполковник Аветчин. Я невольно воскликнул:

– Как, вас еще и в охранение назначили?!

Аветчин, улыбаясь, скромно ответил:

– И слава богу, Ваше высокопревосходительство, посмотрите, как все кругом спокойно.

С благоговением смотрел я на этого маленького ростом штаб-офицера, про которого, когда я в первый раз посетил 34-ю пехотную дивизию, генерал-лейтенант Добровольский мне доложил, что ему дают только дослужить полтора года,

дабы он мог воспользоваться пенсией по предельному возрасту.

После разгрома на Гнилой Липе австрийцы отступали с такой поспешностью, что мы их догнать не могли, и только попадавшие по пути брошенные орудия, зарядные ящики, снаряды и всякого рода поломанные повозки свидетельствовали об энергии преследования 10-й кавалерийской дивизии.

21 августа наши войска вступили во Львов и этим как бы закончили первый акт нашего наступления. Удивительную картину представляло наше, можно сказать, триумфальное наступление по Галиции. Население встречало нас радушно, охотно указывало дорогу и смотрело на нас, как на своих. Рядом с этим поражали два других явления: поголовное бегство помещиков и значительной части городских жителей. Богатейшие усадьбы были брошены владельцами на произвол судьбы, и по мере приближения наших войск многие усадьбы пылали, особенно принадлежавшие помещикам из евреев. Жители бежали, обгоняя наши войска, и сами весело заявляли:

– Бежим грабить жидовские усадьбы.

Прочие усадьбы если не жгли, то уносили из них все что могли, так что, бывало, придешь на ночлег в барский дом, а в нем уже ничего нет. Правда, что по первому же приказанию жители приносили обратно мебель, стулья, столы и прочее. Сколько при этом погибло богатейших библиотек. Особенно памятна одна, в которой оказались книги от самых первых годов по изобретении книгопечатания по всем отраслям наук и, между прочими, одно иллюстрированное сочинение о воспитании кавалерийской лошади, написанное по заказу

одного из маркграфов в XVII столетии, поражавшее красотой рисунков и богатством издания. Одни только дома нигде не были тронуты и тщательно оберегались жителями – это дома униатских священников, которые были арестованы и увезены австрийскими властями, и в этих домах нам предоставлялись лучшие ночлеги.

Первое время при постоянном продвижении вперед, хотя наше собрание действовало с первого дня высадки в Печисках, мы питались как бы на лету, в большинстве обедая лишь поздно вечером, и совершенно не имели белого хлеба. Удивляло, что жители часто просили, чтобы им уплачивали за купленное не деньгами, а солью, свечами и сахаром. Особенно поражало полное отсутствие соли в Галиции, которая так богата горною солью и всегда поставляла ее на всю империю.

Не поспевала за нами и почта. Письма не только в частях, но и в штабе корпуса получались неисправно, с большим запозданием, особенно из Симферополя. На второй день после занятия Львова накопившаяся почта в количестве 20 огромных кожаных мешков была наконец доставлена в штаб корпуса. Но каково же было общее разочарование, когда по вскрытии мешков в них оказалась корреспонденция, адресованная в части Северного фронта. Как она к нам попала неизвестно. О происшедшем смещении штаб корпуса немедленно уведомил начальника сообщений Юго-Западного фронта с просьбой взять ошибочно завезенную к нам и по возможности разыскать нашу и дослать ее нам вслед. В это же время к корпусу подошли: 2-я

отдельная Донская сотня²⁸⁵ в личное мое распоряжение (в конвой) и 3-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска²⁸⁶ как корпусная кавалерия, так как 7-й Донской и Крымский Конный полки так и не прибывали к корпусу и были приданы другим частям.

Из частей 7-го корпуса только самые правофланговые прошли городом, но я заранее приказал, чтобы ни одна часть не задерживалась в городе, выходила бы на шоссе Львов – Городец и располагалась по прилежащим деревням, и сам в город не заезжал.

Тотчас по занятии Львова главнокомандующий Юго-Западным фронтом отдал распоряжение, которое, если бы было верно оценено командующим 3-й армией и энергично проведено в жизнь, могло бы иметь решающее значение и повлечь за собой выбытие Австрии, уже и так ошеломленной нашим безудержным наступлением, из числа воюющих держав.

3-й армии было приказано, повернув фронт на север, продолжать наступление правым своим флангом на Равву-Русскую, прочими корпусами постепенно забирая влево, с тем чтобы перерезать путь австрийским армиям, уже начавшим отход от Люблина и Грубешова под давлением

²⁸⁵ 2-я Донская казачья отдельная сотня сформирована в 1892 г. как Отдельная Донская казачья № 2 сотня. С 1894 г. – 2-я Донская казачья отдельная сотня.

²⁸⁶ 3-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска сформирован в 1914 г. С осени того же года составлял корпусную конницу 15-го армейского корпуса. С декабря 1916 по январь 1917 г. входил в 4-ю Кубанскую казачью дивизию.

наших 4-й и 5-й армий. Будь это указание выполнено с должными быстротой и энергией, упомянутые австрийские армии были бы взяты в клещи, и если бы могли пробиться, то уже совершенно расстроенными и обессиленными потерями.

8-я армия, направившая при наступлении 24-й²⁸⁷ и 8-й²⁸⁸ корпуса для занятия Галича и Николаева, остановилась с 7-м²⁸⁹ и 12-м²⁹⁰ корпусами фронтом на Городецкую позицию. Почувствовалось некоторое ослабление энергии в отдаваемых распоряжениях. Галич сдался без сопротивления, и 24-й корпус был свободен. Но Николаев еще держался. Командир 8-го корпуса просил его подкрепить, и штаб армии решил приблизить к нему 7-й корпус.

²⁸⁷ 24-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Казанском военном округе. В корпус входили 48-я и 49-я пехотные дивизии, 24-й мортирный артиллерийский дивизион и 24-й саперный батальон.

²⁸⁸ 8-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Одесском военном округе. В корпус входили 14-я и 15-я пехотные, 8-я кавалерийская дивизии, 8-й мортирный артиллерийский дивизион и 11-й саперный батальон.

²⁸⁹ 7-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Одесском военном округе. В корпус входили 13-я и 34-я пехотные дивизии, 7-й мортирный артиллерийский дивизион и 12-й саперный батальон.

²⁹⁰ 12-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Киевском военном корпусе. В корпус входили 12-я и 19-я пехотные дивизии, 3-я стрелковая бригада, 12-я кавалерийская и 2-я Донская казачья дивизии, 12-й мортирный артиллерийский дивизион, 5-й саперный, 4-й и 5-й обозные батальоны.

Я всеми силами старался доказать, что нельзя мне очистить два шоссе, ведущие из Львова на Городок, так как внезапный переход в наступление армии, отошедшей от Львова на Городецкую позицию, мог бы оказаться роковым для нас. Но штаб армии настаивал, и я только добился разрешения не уклоняться к югу, а лишь сблизиться с 8-м корпусом. Одновременно я получил приказание тремя полками 13-й пехотной дивизии поддержать 10-й корпус²⁹¹ (левофланговый 3-й армии), который был не в силах сдерживать напор австрийцев. Приказание было немедленно исполнено.

Пока все это происходило, Николаев сдался от одного артиллерийского огня, и 8-й корпус также освободился.

Таково было положение, когда 25 августа вечером обнаружились явные признаки перехода австрийцев в наступление с Городецкой позиции с целью вернуть Львов.

7-й корпус едва успел вернуться на шоссе Городок – Львов и задержать наступление австрийцев у д. Мшаны.

Так начались бои 26–30 августа, едва не повлекшие за собою потери нами Львова. Три полка 13-й дивизии не были мне возвращены. Взамен их генерал Брусилов передал в мое распоряжение бригаду 12-й пехотной дивизии²⁹² из состава

²⁹¹ 10-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Киевском военном округе. В корпусе входили 9-я и 31-я пехотные, 10-я кавалерийская дивизии, 10-й мортирный артиллерийский дивизион и 7-й саперный батальон.

²⁹² 12-я пехотная дивизия сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 12-й армейский корпус. Состав дивизии: 45-й пехотный

12-го армейского корпуса, стоявшей у Янова, и 4-й артиллерийский тяжелый дивизион.²⁹³

Переговорив с генералом Баташевым, я отдал приказание: бригаде 12-й пехотной дивизии с получением моего приказа наступать по шоссе, проходившему от Янова через лес прямо к Городку, в тыл перешедшим в наступление частям австрийских войск. Генералу Баташеву, оставив в моем распоряжении другой, 136-й пехотный Таганрогский полк, с остальными тремя полками дивизии атаковать д. Мшаны и выбить из нее австрийцев. 4-му тяжелому дивизиону поддержать атаку.

Подготовив атаку артиллерийским огнем, генерал Баташев двинул свои полки вперед. По расчету времени выходило, что 12-я пехотная дивизия уже могла начать дебуширование из леса в охват фланга и в тыл австрийцам. Но совершенно неожиданно, из штаба армии передали, что ввиду донесения командира 12-го корпуса о том, что австрийцы в превосходных силах обрушились на его корпус и обтекают его правый фланг, командующий армией признал необходимым отменить приказание о командировании бригады 12-й дивизии в ваше распоряжение. Эта отмена поставила нас в более чем тяжелое положение и, если так можно выразиться, развязала руки австрийцам. Они

Азовский, 46-й пехотный Днепровский, 47-й пехотный Украинский и 48-й пехотный Одесский полки, 12-я артиллерийская бригада.

²⁹³ 4-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион сформирован в 1910 г. Был укомплектован 6-дм (калибра 15,24 см) гаубицами и 42-л (калибра 106,7 мм) тяжелыми полевыми орудиями образца 1877 г.

сами начали продвигать значительные силы в охват правого фланга 34-й дивизии.

Приходилось выручать генерал-лейтенанта Баташева, и я двинул 136-й пехотный полк на д. Вельно Поле с приказанием отбросить охватывавшую наш фланг австрийскую пехоту. Таганрогцы доблестно атаковали и поначалу имели успех, но затем, потеряв командира полка и подавленные превосходными силами, очистили Вельно Поле и в беспорядке отошли.

Остававшийся в момент распоряжения другой полк, 133-й Симферопольский, еще ранее по просьбе командира 8-го корпуса отдал в его распоряжение ввиду запоздания 14-й пехотной дивизии, и полк в течение всего дня вел бой на участке 8-го корпуса на фронте шесть верст. Не видя другого исхода, я впервые отдал приказание 4-му тяжелому дивизиону перенести огонь по пехоте. Дивизион выполнил перенос огня с замечательной быстротой, и действие его огня было поразительно.

Поражаемые огнем шестидюймовых гаубиц и 42-линейных орудий, австрийцы отхлынули назад и более не наступали в этом направлении.

Часам к пяти пополудни и на фронте 34-й дивизии положение стало трудным. Командир Керчь-Еникольского полка был тяжело ранен в грудь, полк начал колебаться; 3-я батарея снялась с позиции и начала отходить. Австрийцы вновь повели решительную атаку. Дело казалось проигранным, но, как и 17-го числа, положение спасли генералы, которые вышли вперед цепей и своим примером вернули уже начавших было уходить Керчь-Еникольцев. В это время австрийские цепи были от наших на расстоянии 1000–1500 шагов.

И вдруг раздается команда: «Батарея в передки». Встревоженный генерал Баташев воскликнул:

– Куда батарея?

И получил спокойный ответ полковника Васильева:

– Вперед на позицию.

Выехал, снялся с передков и скомандовал:

– Прицел десять, трубка ноль, по пехоте картечью, очередь.

Этот геройский выезд 6-й батареи 34-й артиллерийской бригады окончательно спас наше положение; поражаемые в упор картечью, австрийцы сперва остановились, а через несколько минут не выдержали, отхлынули назад и в этот день в наступление более не переходили. Чтобы вполне понять все величие подвига полковника Васильева, достаточно указать, что прицел 10 означает расстояние в 200 сажень или 600 шагов. Так пережили мы этот критический день, и настроение в 7-м корпусе не только не упало, а еще поднялось.

Столь тяжкая обстановка создалась ввиду роковой ошибки командиров 12-го и 10-го корпусов, принявших спешно отходившие мимо них массы австрийских войск, отступавших от Грубешова под давлением 5-й армии, за наступающего противника. И так в течение всего боя 12-й корпус оставался на месте, ограничиваясь одним артиллерийским огнем, а командир 10-го корпуса настоял на оставлении в его распоряжении полков 13-й пехотной дивизии. У меня же в этот день в резерве остался один взвод 7-го мортирного дивизиона и батальон пехоты.

Узнав, что Таганрогский полк отошел, не подобрав своего погибшего командира, я послал сказать полку, что если тело командира не будет подобрано – никогда больше не буду здороваться с полком. И командир был найден и погребен.

На другое утро начальник штаба лично произвел рекогносцировку; очень метко определил значение рощицы, находившейся впереди австрийского расположения, без занятия которой они не могли перейти в решительное наступление. Роща была нами взята под огонь, и мы, хотя и были вынуждены перейти к обороне, прочно утвердились на занятых нами позициях, и частичными переходами в наступление парализовали все попытки австрийцев пробиваться ко Львову, и даже смогли два раза поддержать командира 8-го корпуса.

Так прошло 27-е. 28-го сражавшийся левее 8-го корпуса 24-й корпус не выдержал напора австрийцев и отошел ко Львову, и я получил приказание генерала Брусилова отойти ко Львову и стать за форты. Приказание это скрыл, продержался до вечера и затем написал частную записку генералу Брусилову: «Ваше приказание об отходе не объявил и до повторения приказа не приведу его в исполнение, так как отход в форты будет равносителен потере для нас Львова. Мы твердо стоим и при первой возможности перейдем в наступление, а сейчас необходимо приказать 24-му корпусу вновь выдвинуться вперед, на старые места, и тогда положение будет восстановлено». На эту записку ответа не получил, но, очевидно, она была принята к сведению, потому что приказание об отходе в форты не было повторено.

В этих боях впервые пришлось наблюдать оригинальный прием, усвоенный австрийской артиллерией – ежедневно перед закатом солнца австрийская артиллерия открывала по всему фронту частый огонь и вела его с полным напряжением до заката солнца, после чего бой постепенно затихал. И так как за этим ураганным огнем ни разу не последовало решительного наступления, то он не оказывал тяжелого давления на войска, скорее способствовал подъему духа и уверенности в себе. Штаб корпуса все время находился на самом поле сражения, тут же и обедал на глазах у войск и только на ночь становился на занятый нами дом лесничего.

28-го после обеда я полулежал на траве и рассматривал с Лазаревым карту, как вдруг вплотную над нами остановился всадник. Подняв голову, мы увидели урядника, который сказал, нагнувшись с коня:

– Ваше высокопревосходительство, сейчас вызывали охотников для обследования болота, чтобы провести через него пехоту для удара во фланг австрийцам, так вот: я тут и сейчас подойдут еще несколько станичников.

Мы залюбовались красавцем урядником и передали его в распоряжение состоявшего при штабе корпуса Крымского конного полка поручика Двойченко, который и нашел тропу, выходящую прямо к левому флангу австрийцев. В этот же день один из писарей штаба привел к нам старика в армяке с большой седой бородой и доложил, что он очень просит меня видеть. На мой вопрос:

– Что скажешь? – старик доложил:

– Отставной взводный фейерверкер, хочу вновь послужить, был у великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего, просился вновь на службу.

Великий князь сказал: «Хоть стар ты, но, вижу, что молодец. Куда же ты хочешь поступить, хочешь в любой парк?» Но я просил непременно в батарею и, если можно, в 7-й корпус, а вас, Ваше высокопревосходительство, прошу меня назначить в 1-ю батарею 13-й артиллерийской бригады.

– Сколько тебе лет?

– 62 года, был в Турецкую войну и в Японскую. Очень прошу принять.

– Хорошо приму и твердо уверен, что ты, старина, будешь всем примером и в бою, и на походе. Но 13-я бригада не здесь, переночуй у нас, а завтра рано утром тебя проведут к командиру бригады, генерал-майору Пилкину,²⁹⁴ которому я о тебе сейчас напишу.

Старик был зачислен в 1-ю батарею, проделал с ней всю войну и оказался действительно драгоценным человеком, имевшим самое благотворное влияние на личный состав батареи.

Ежедневно производили разведки наши летчики, вылетая по несколько раз в день, часто поднимаясь в самый разгар боя и подолгу находясь вдоль линии расположения противника, несмотря ни на какой огонь с его стороны, доставляли ценные сведения о расположении противника, главное – его батарей. Особенно остался в памяти полет поручика Степанова 28 августа.

²⁹⁴ Генерал-майор Константин Константинович Пилкин с 13 мая 1916 по 18 февраля 1917 г. был инспектором артиллерии 3-го пехотного корпуса.

Степанов, сблизившись насколько возможно с противником, начал осмотр его расположения и продолжал свое наблюдение и в то время, когда буквально был объят снарядами противника. С жутью следили мы за ним. Аппарат едва было видно, так как сверху, снизу, с боков он был весь окружен клубками белого дыма от рвавшихся снарядов. Его гибель казалась нам неминуемой, тем не менее Степанов оставался над расположением противника минут двадцать и только после этого повернул назад и начал снижаться. Опустился невдалеке от нас, вылез из аппарата, подошел ко мне и совершенно спокойным тоном сделал доклад.

Другой летчик, прапорщик С., окончивший до войны курс воздухоплавания во Франции, прекрасно делал фотографические снимки во время полета. На мое указание, чтобы не слишком уж рисковал, он только ответил:

– Я и так берегусь больше, чем бы хотел, из-за страха, что вместе со мной может к ним попасть фотографический аппарат, поставленный у меня. Такого ведь еще нет ни у австрийцев, ни у германцев.

29-го к вечеру австрийская артиллерия открыла обычный частый огонь, но не прекратила его после захода солнца, а вела его с полным напряжением всю ночь. От этой массовой стрельбы не только стоял сплошной грохот и гул, но дрожал весь дом, в котором мы лежали. И хотя мы еще не знали тогда, что такой огонь у них означал начало отступления, слушая этот шум, было как-то хорошо на душе.

На рассвете Баташев донес, что противник отходит и он выступает вслед за ним. Тотчас же было отдано приказание всем перейти в наступление, и, одевшись, мы выехали к

войскам. Проезжая мимо села Вильно Поле, мы наглядно увидели страшное опустошение, которое произвел своим огнем 4-й тяжелый артиллерийский дивизион. Весь выгон за селом был усеян разорванными телами людей и коров. Очевидно, целое стадо попало под его огонь и, как это ни странно, вид разорванных на части животных производил более тяжелое, потрясающее впечатление, чем трупы людей.

Когда после этого боя я впервые встретился с генерал-адъютантом Ивановым, он мне сказал по поводу моего приказа тяжелому дивизиону открыть огонь по пехоте:

– Я отлично понимаю, что Вам ничего другого не оставалось делать и вы этим приказанием спасли положение, но в душе как артиллерист я все же не могу вам этого простить.

Да, тогда это было впервые, а затем, по мере развития и затягивания войны, употребление тяжелой артиллерии против пехоты даже вне закрытий стало обычным явлением.

У въезда в деревню Мшаны сидела сумасшедшая баба с искаженным лицом и молча озиралась. В доме, стоявшем за фабричной трубой, по которой пристрелялась наша артиллерия, оказались наши тяжело раненные. По счастью, они уцелели, но можно себе представить, что они пережили за дни боев под звуки неумолкаемой канонады и когда все кругом горело и рушилось. Мы недоумевали, куда стать на ночлег, когда неожиданно подошли два крестьянина и сообщили, что за частично разрушенной церковью уцелел дом священника, и просили нас туда. Все было целехонько, в полном порядке – и мебель, и кровати. Указав занять дом, я отправился разыскать генерала Баташева, чтобы благодарить его за все им сделанное в эти дни.

Австрийцы так быстро отступали, что даже не удерживались на Городецкой позиции и мы их прямо догнать не могли. На другое утро, то есть 31 августа, штаб перешел в городок Вейсенбург. Поднимаясь на высоты, мы увидели, насколько была укреплена Городецкая позиция, и подумали с Лазаревым – какое счастье, что австрийцы перешли в наступление и тем дали нам возможность разбить их в открытом поле. Останься они на укрепленных позициях, овладение этим рубежом, даже с обходом с юга, вдоль р. Верещицы, потребовало бы огромных усилий и жертв людьми. Но и так бои с 26 по 30 августа обошлись одной 34-й дивизии в 5700 человек убитых и раненых.

За бои 16–17 и 26–30 августа появились в 7-м корпусе первые Георгиевские кавалеры: генерал Баташев был награжден за бой 16–17-го орденом Св. Георгия IV степени, за бои 26–30-го – Св. Георгия III степени; генерал-майоры Котюжинский и Лихачев как имевшие уже орден Св. Георгия IV степени за Японскую войну – были награждены Георгиевским оружием; командир Керчь-Еникольского полка полковник Бутчик,²⁹⁵ поручик Степанов, полковник Васильев и командир корпуса орденом Св. Георгия IV степени. Начальник штаба генерал-майор Лазарев и подполковник Аветчин – Георгиевским оружием.

²⁹⁵ Бутчик Михаил Михайлович (1864–1922) – русский генерал. В 1908 г. полковник, с 1912 г. – командир 152-го пехотного Керчь-Еникольского полка. В 1915 г. генерал-майор, начальник штаба 17-го, затем 40-го армейских корпусов.

Въехав в Вейсенбург, я слез с лошади и стоял на улице в ожидании отвода квартиры. Ко мне подошла старая дама, поддерживаемая девушкой, вся в слезах, и начала говорить:

– Сегодня утром, когда мы еще спали, раздался стук в двери; когда мы открыли дверь, передо нею оказались три солдата, которые воскликнули: «Прячьтесь скорее, мы сейчас открываем огонь». Мы заперлись и спустились в погреб. Сидим два-три часа – не слышно ни звука. Мы решились выглянуть, и когда вошли в комнаты, увидали, что все, что можно было взять в руки, унесено, комод взломан и из него похищены все деньги – две тысячи флоринов.

Я спросил у нее, не заметила ли она, какие были погоны на людях и было ли что на них написано или изображено. Дама только сильнее заплакала, говоря, что ничего не заметила. Но девушка оказалась смышленнее и сказала, что погоны были красные с двумя пушками и цифра 13. Записав фамилию дамы, я успокоил ее и сказал, чтобы она шла домой. За возвращение вещей не ручаюсь, но деньги сегодня же будут ей возвращены, только нашими деньгами, по объявленному расчету 30 копеек за крону. Войдя в отведенную квартиру, тотчас же все написал командиру 13-й артиллерийской бригады генерал-майору Пилкину и приказал: бригаде сегодня же уплатить этой даме похищенные у нее деньги, то есть тысячу двести рублей, а с виновными людьми поступить по его усмотрению.

С дневки в д. Мокщаны Вельки я был вызван в штаб армии для председательствования в Думе Георгиевского оружия. Генерал Брусилов встретил меня словами:

– За бои 26–30 августа я вас представил к ордену Св. Георгия IV степени, а за 16–17 на Гнилой Липе я очень

виноват перед вами, но мне сказали, что у вас ничего не было, и только проехав через Янчин и осмотрев поле битвы, я понял, что вы сделали.

Я только мог ответить:

– Ведь вы же получили мое донесение и знаете, что я в своих донесениях всегда точно говорю, что и как было.

После заседания Думы я еще раз зашел к генералу Брусилову, чтобы доложить о постановлении, причем счел долгом обратить его внимание на слишком большое число представлений, по которым Дума была вынуждена отклонить награждение ввиду необоснованности представлений.

На обратном пути мы нагнали парную подводу, которой правил подросток лет 15-ти. В то время как мы хотели ее объехать, лошади, испугавшись автомобиля, подхватили и понесли. Я приказал убавить ход, пока не успокоятся лошади. Но едва мы вновь попытались объехать подводу, лошади опять понесли, задели за столб, причем, по счастью, подвода не опрокинулась, лошади с дышлом оторвались и поскакали дальше. Остановив автомобиль, я позвал мальчика, посадил его к себе и спросил, где его дом, что мы его подвезем. Но мальчик, не переставая плакать, просил, чтобы мы его сдали обозным солдатам, которые, по его словам, стоят тут недалеко, и когда я на это согласился, мальчик сразу успокоился и сказал, что солдаты очень добрые, помогут ему подобрать подводу и починить ее. А лошадей найдем, они, наверное, доскачут до дому.

Конец пути был очень трудный, размытая дождем дорога шла вдоль реки по откосу, автомобиль все время сползал в реку, и только искусство шофера Карпушина избавило нас от

невольного купанья. Унтер-офицер Карпушин прибыл с автомобилем в штаб корпуса еще в 1912 году, а перед тем был с военным автомобилем в Персии при Персидской казачьей бригаде,²⁹⁶ прекрасно знал машину и отлично ею управлял.

Вообще, и по этой части нам повезло. Мы получили в распоряжение штаба четыре машины, все в хорошем состоянии, и трех хороших шоферов, в числе коих Климентия, бывшего старшим шофером в Крымском дорожном отделе Министерства путей сообщения, и четырех помощников шоферов. Оба мои адъютанта, особенно ротмистр Юрицын, хорошо понимали автомобильное дело, и машины у них всегда были в исправности. Правда, что я прибегал к автомобилю только при поездках в штаб армии

²⁹⁶ Персидская казачья Его Величества шаха бригада. Персидский шах Насреддин во время своего второго путешествия в Европу в 1879 г. изъявил желание пригласить к себе на службу офицеров русской кавалерии для создания по казачьему образцу своего конвоя. Разрешение было дано, и в 1882 г. конвой был развернут в Персидскую казачью Его Величества шаха бригаду.

Личный состав ее был из персов, но с русскими командирами. Бригада составляла наиболее боеспособную часть персидской армии; при ней имелась бригадная школа (затем и кадетский корпус), в которую отдать своих детей почитали за честь многие представители знати и интеллигенции. Во время революции в Персии в 1908 г. именно эта бригада спасла законную власть и самого шаха. Во время Первой мировой войны, будучи распределенной по отдельным отрядам, взаимодействовала с частями Кавказского кавалерийского корпуса.

или при осмотре позиций во время стоянок на месте. При передвижении же войск всегда следовал с ними верхом на коне, здоровался с частями и пропускал мимо себя.

Ночь была совсем темная, в штабе видно опасались за нас, потому что навстречу нам выехали четыре казака с лямками, чтобы, в случае чего, выручить нас.

На другое утро мы продолжали наступление, но уже на следующей остановке я получил приказание свернуть со своего пути и двинуться по тылам наших войск через Садовую Вишню – Мосциску – Яворов на Лежайск. Шел без дневок, лишь бы скорее подойти. Но столь внезапная перемена направления совершенно нарушила питание корпуса продовольствием и фуражом. Особенно не успевали подвозить овес. Ввиду этого я по пути заехал в штаб армии в Садовую Вишню, доложил генералу Брусилову о трудности нашего положения и просил содействия начальника снабжения армии.

Генерал Брусилов на это, улыбаясь спросил:

– Неужели у 7-го корпуса не хватит духу преодолеть эти трудности?

На что я отвечал:

– Несомненно хватит, но лошади духом не живут и им зерно подать необходимо.

Генерал Брусилов обещал полное содействие и, хоть со значительными недочетами в довольствии, но мы безостановочно продвигались вперед. По пути прошли через прекрасно оборудованные хлебопекарни 10-го корпуса, но на мой запрос заведующему хлебопекарнями, сколько бы он мог нам уделить хлеба, он доложил, что имеет категориче-

ское приказание командира корпуса никому, кроме частей 10-го корпуса, ни под каким видом хлеба не отпускать.

Подойдя к Лежайску, тотчас же переправил 13-ю дивизию на левый берег р. Сана в поддержку 21-му корпусу,²⁹⁷ просившему о помощи.

Но дивизия застала 21-й корпус уже в полном отступлении, и командир использовал нашу помощь лишь для прикрытия своего отхода. Одновременно с 21-м корпусом отошел и 11-й корпус.²⁹⁸

С этого дня 7-й корпус временно перестал быть единым прочным организмом. Подпирая и поддерживая там, где было наиболее плохо, я постепенно роздал свои части и, не получив самостоятельного назначения, со штабом и своим конвоем, переночевав в Сеняве, сперва остановился на несколько дней в д. Потоки Белгородского уезда, а при дальнейшем отходе наших войск перешел в д. Цевкув.

Сенява – родовое имение князей Чарторыйских. В роскошном замке-дворце уже стоял штаб 11-го корпуса, но места было так много, что легко нашлось и для нас. Я ночевал в спальне княгини на огромной резного черного дуба кровати; у противоположной стены стоял огромный

²⁹⁷ 21-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Киевском военном округе. В корпус входили 33-я и 44-я пехотные дивизии, 21-й мортирный и 4-й тяжелый артиллерийские дивизионы, 14-й саперный и 5-й понтонный батальоны.

²⁹⁸ 11-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Киевском военном округе. В корпус входили 11-я и 32-я пехотные, 11-я кавалерийская дивизии, 11-й мортирный артиллерийский дивизион и 21-й саперный батальон.

комод черного дерева, на крышке которого инкрустацией из слоновой кости был изображен в картинах суд Соломона, начиная от входа матерей с ребенком и кончая, когда настоящая мать отказывается от ребенка и Соломон повелевает отдать ребенка ей. Комод был пустой, и только в верхнем ящике осталась забытой книжечка Нового Завета с заглавной надписью: *a mon petit-fils Stanislas la jour de sa premiere communion* (моему дорогому внуку Станиславу в день его первого причащения). Обедали вместе с командиром 11-го корпуса, моим товарищем по академии в царски-роскошной столовой, каждый стул которой представлял настоящий шедевр искусства. И все это было брошено на произвол судьбы.

На другое утро командир 11-го корпуса просил меня обсудить вместе с ними предложение корпусного инженера взорвать все находившиеся на складе в Сеняве артиллерийские снаряды за невозможностью их вывезти. Не понимаю даже, как могла родиться такая нелепая мысль. Средства к вывозу, безусловно, можно было собрать даже от жителей, не говоря про парки. Неожиданные взрывы могли создать панику в войсках, да и каждый снаряд был тогда особенно ценен. Да и не было такой крайности. Переправы через Сан мы могли удерживать еще в течение нескольких дней, которых было более чем достаточно, чтобы все вывезти. Так и вышло на самом деле. Лишь через несколько дней австрийцы, подвезя тяжелую артиллерию, открыли огонь по замку, по окружавшему его роскошному парку, и после двухдневного обстрела замок был сильно поврежден и погибло много дивных вековых деревьев.

13-я пехотная дивизия была оставлена в распоряжении командира 21-го корпуса, а затем передана в распоряжение

командира 8-го корпуса. 34-я дивизия непрерывно участвовала в боях, постепенно спускалась к югу, и в половине октября опять очутилась в окрестностях г. Самбора.

Сам я со штабом, как сказано, остановился в Потоках. Местный священник рассказал нам, в каком образцовом порядке наступали австрийцы, какой у них был подъем духа. Стоявший в его доме начальник дивизии, узнав, что два солдата забрались в фруктовый сад священника и набрали яблок, тут же отдал приказание их расстрелять, и батюшке стоило большого труда упросить генерала их помиловать. Эти же генералы просили батюшку показать церковь, и когда ее открыли, вошли, рассматривали иконостас, иконы, сосуды, все время продолжая курить, и затем снялись группой посредине церкви с сигарами в зубах.

Но насколько стройно шло наступление, причем они самоуверенно заявляли, что по овладении Люблином и Грубешовым они двинутся далее на Киев, настолько беспорядочно прошел их отход назад. Все шло вперемежку, великолепные тяжеловозного типа артиллерийские лошади, с трудом преодолевали наши пески и едва двигались; исчез блестящий внутренний порядок, и люди безнаказанно мародерничали по пути.

В Потоках мы установили радиостанцию. Через два дня начальник станции доложил, что со станции исчезли три сапера и он опасается, не перебежали ли они к австрийцам. Уже в Цевкуве поступил рапорт от начальника 13-й пехотной дивизии, в котором он доносил, что несколько дней тому назад в штаб дивизии явились три сапера, доложили, что они отбились от части и просят их принять охотниками в части,

сражавшиеся на Сане. Начальник дивизии разрешил их принять; они участвовали во всех мелких боях, два раза переправлялись на тот берег; своей храбростью и сметливостью служили всем примером. В заключение ходатайствовал о награждении их Георгиевскими крестами IV степени. Все трое оказались самовольно отлучившиеся с радиостанции. Приказал всех троих вернуть на станцию, собственноручно выдал им Георгиевские кресты, но за самовольную отлучку приказал наложить дисциплинарное взыскание.

В Цевкуве я пребывал уже как бы не у дел, и только мысль, что части корпуса будут вконец измотаны, крепко озабочивала. 30 сентября мне подали две телеграммы. В первой, мною вскрытой, генерал Брусилов, поздравляя, сообщал, что 24 сентября государь император пожаловал меня кавалером ордена Св. Георгия IV степени. Во второй жена сообщала о гибели сына в бою под Сольдау 18 августа 1914 года. Первоначально он был показан без вести пропавшим, и только много позднее я наконец получил письмо от его начальника дивизии, находившегося со всем своим штабом в германском плену, что сын отказался сдаться в плен и геройски погиб. И как ни больно было потерять единственного сына, я по сей день благословляю его за то, что он предпочел погибнуть, чем сдаться в плен.

В Цевкуве я оставался в невольном бездействии до 17 октября, когда получил телеграмму генерала Брусилова: «Желаете ли во главе четырех дивизий произвести охват левого фланга противника?» Ответив: «Согласен, тотчас со штабом выезжаю», приказал всем уложиться; сотне седлать и через полтора часа мы верхом выехали в Любашов, где стоял штаб 3-й армии и где нам готовили поезд.

В Любашове командующий 3-й армией генерал-лейтенант Радко-Дмитриев, пригласил нас обедать и оставаться у него, пока не подадут поезд и не погрузят сотню, автомобили и прочее. С подачей поезда дело затянулось, и мы прибыли во Львов лишь рано утром 19-го.

Приказав сгрузить автомобиль, мы с Лазаревым выехали в Садовую Вишню в штаб 8-й армии, где и договорились с генералом Брусиловым.

Оказалось, что нам предстояло двинуться от Самбора и Драгобыча в Карпатские горы, овладеть перевалами на Ужокском и Стрыйском направлениях и тем открыть выход в Венгерскую равнину. В мое распоряжение на первое время предоставлялись 34, 65-я²⁹⁹ и 78-я³⁰⁰ дивизии. 34-я находилась в окрестностях Самбора, 65-я – Старого Места и 78-я – Драгобыча, штаб корпуса наметил в Самборе.

Условившись во всем, мы к вечеру вернулись в Львов. Здесь нам было приготовлено помещение в гостинице, мы с наслаждением сидели на мягкой мебели, отлично поужинали

²⁹⁹ 65-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 19-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 257-й пехотный Евпаторийский, 258-й пехотный Кишиневский, 259-й пехотный Ольгопольский и 260-й пехотный Брацлавский полки, 65-я артиллерийская бригада.

³⁰⁰ 78-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 42-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 309-й пехотный Обручский, 310-й пехотный Шацкий, 311-й пехотный Кременецкий и 312-й пехотный Васильковский полки, 78-я артиллерийская бригада.

и, наконец, в первый раз после выезда из дому я взял настоящую ванну.

Так, отдыхая, мы провели во Львове 20 октября и рано утром 21-го выехали в Самбор.

К этому времени постепенно затихла великая Галицийская битва, продолжавшаяся свыше 30 дней. Попытка захватить Перемышль открытою силою не удалась. Было решено перейти к его обложению и выждать прибытие осадной артиллерии. Войска были сильно утомлены и крепко потрепаны.

В Самборе я узнал о кончине доблестного подполковника Аветчина. Он был тяжело ранен в бою под Старой Полью, не выдержал перевозки и, по доставке в госпиталь, скончался. Про его смерть рассказали мне раненые его батальона, симферопольцы, причем все говорили:

– А какой дюже храбрый был.

Дав войскам лишь самый необходимый отдых, приступили к продвижению вперед. Приходилось продвигаться с боем, но главная задержка происходила от постоянного отвлечения частей для отражения упорного натиска австрийцев со стороны г. Санока с целью прорвать блокаду Перемышля. Но мы хоть медленно, но упорно подвигались вперед на обоих направлениях, распространяясь и к западу, и заняли: на Ужокском направлении г. Турку, Лутовиски, Устржики Долные и хребет Устржики Горные; на Стрыйском – г. Сколе. Вот когда мне пригодился приобретенный в Маньчжурии опыт действий в горах. Мы всегда наступали несколькими колоннами по числу дорог и троп. Превосходно делаемый в штабе расчет движения и точное выполнение диспозиции войсками позволяли

действительно осуществить наступление в таком порядке, что головы всех колонн всегда были на одной высоте и противник никогда не знал, откуда ждать главный удар.

Решающим днем овладения Карпатским хребтом явился день, назначенный для атаки перевалов у Бескид, Лятурки, Лабухоры, Тухолки, Ужка.

Особенно было важно прочно овладеть перевалом у Бескид, так как дорога от перевала Ужка поворачивает почти под прямым углом на запад, и при неудаче у Бескид австрийцы могли через Тухолку ударить прямо в тыл войскам, действовавшим против Ужка.

Диспозиция была в точности выполнена, все колонны достигли указанных им пунктов. На другой день в шесть часов утра предстояла общая атака. И вдруг в 11 часов вечера от начальника 78-й дивизии подали телеграмму: «Необходимо атаку отложить, положение угрожающее. Альфтан».³⁰¹

Отложить атаку значило обречь всю операцию на неудачу. Даже всегда столь сдержанный в серьезные минуты Лазарев – и тот нашелся только сказать:

– Необходимо Альфтана немедленно отрешить, – и стал меня об этом упрашивать.

Я только сказал:

³⁰¹ Генерал-лейтенант Владимир Алексеевич Альфтан с 18 июля 1914 был начальником 78-й пехотной дивизии, с 3 июня 1915 г. – командиром 12-го армейского корпуса, с 5 июля – начальником 65-й пехотной дивизии, с 22 августа 1915 до 16 апреля 1916 г. – командиром 3-го армейского корпуса.

– Отрешить Альфтана значит прямо отказаться от общей атаки. С выгодой заменить его некем, сам я туда своевременно прибыть не смогу. А вот отправьте ему, – и передал Лазареву только что написанную мною телеграмму: «Мысли не допускаю, чтобы доблестная 78-я дивизия не выполнила возложенной на нее задачи и ожидаю донесения о взятии Бескид».

Телеграмму отправили, а сами остались сидеть в томительном ожидании. В два часа ночи в комнату вошел буфетчик собрания татарин Софиян с подносом в руках и доложил:

– Видя, что вы не ложитесь, я приготовил поужинать, – и поставил на стол яичницу, кусок малороссийского сала и хлеба. Это разрядило нас, и со словами:

– Чему быть, того не миновать, – мы принялись за еду.

Только в три часа ночи подали телеграмму: «Все благополучно, все будет исполнено. Альфтан».

На другое утро в 11 часов перевал Бескиды был в наших руках. Успеху атаки содействовал удар генерал-майора Крымова³⁰² в тыл противнику со стороны Вышкова двумя сотнями кубанцев.

По мере нашего распространения в районе Карпат в состав корпуса стали прибывать все свежие войска: дивизии:

³⁰² Крымов Александр Михайлович (1871–1917) – русский генерал. В 1914 г. полковник, и. д. генерала для поручений при командующем 2-й армией, затем – командующий бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии. В 1916 г. генерал-майор, начальник Уссурийской конной дивизии.

82-я (вскоре была отправлена под Перемышль),³⁰³ 60-я,³⁰⁴ 61-я,³⁰⁵ 69-я,³⁰⁶ 4-я стрелковая,³⁰⁷ 58-я,³⁰⁸ 2-й

³⁰³ 82-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 47-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 325-й пехотный Царевский, 326-й пехотный Белгорайский, 327-й пехотный Корсунский и 328-й пехотный Новоузенский полки, 82-я артиллерийская бригада.

³⁰⁴ 60-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 9-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 237-й пехотный Грайворонский, 238-й пехотный Ветлужский, 239-й пехотный Константиноградский и 240-й пехотный Ваврский полки, 60-я артиллерийская бригада.

³⁰⁵ 61-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 10-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 241-й пехотный Седлецкий, 242-й пехотный Луковский, 243-й пехотный Холмский и 244-й пехотный Красновостановский полки, 61-я артиллерийская бригада.

³⁰⁶ 69-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 31-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 273-й пехотный Богодуховский, 274-й пехотный Изюмский, 275-й пехотный Лебединский и 276-й пехотный Купянский полки, 69-я артиллерийская бригада.

³⁰⁷ 4-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. И. Деникина в составе 13, 14, 15 и 16-го стрелковых полков в годы Первой мировой войны прославилась своей стойкостью и мужеством, за что и получила полуофициальное название «Железной».

³⁰⁸ 58-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 5-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 229-й пехотный Сквирский, 230-й пехотный Новоград-Волынский,

кавалерийский корпус (12-я кавалерийская³⁰⁹ и Кавказская Туземная дивизии³¹⁰); три полка 2-й Кубанской дивизии³¹¹ и, под конец, бригада 11-й пехотной дивизии.³¹² Все эти войска стали называться то 7-м корпусом, то войсками генерала Экка.

231-й пехотный Дрогичинский и 232-й пехотный Радомысльский полки, 58-я артиллерийская бригада.

³⁰⁹ 12-я кавалерийская дивизия сформирована в 1812 г. В 1914 г. входила в 12-й армейский корпус. Состав дивизии: 12-й драгунский Стародубовский, 12-й уланский Белгородский императора Австрийского короля Венгерского Франца Иосифа I, 12-й гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова полки и 3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска, 2-й Донской казачий артиллерийский дивизион.

³¹⁰ Автор имеет в виду Кавказскую Туземную конную дивизию, сформированную из горцев Кавказа в 1914 г. в составе Кавказской армии и затем переброшенную на Западный фронт. Состав дивизии: 2-й Дагестанский, Кабардинский, Чеченский, Татарский, Черкесский и Ингушский конные полки. В мае – июне 1916 г. дивизия числилась в составе 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии, но находилась при 33-м армейском корпусе 9-й армии, принимала участие в Брусиловском прорыве.

³¹¹ 2-я Кубанская казачья дивизия сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 2-й Кавказский, 1-й Лабинский, 2-й Кубанский и 2-й Хоперский полки Кубанского казачьего войска.

³¹² Автор не уточняет номер бригады 11-й пехотной дивизии. В 1-й бригаде были 41-й пехотный Селегинский и 42-й пехотный Якутский полки, во 2-й бригаде – 43-й пехотный Охотский и 44-й пехотный Камчатский полки.

Самые упорные бои продолжались в районе Ужка. Командовавший всеми австрийскими войсками в Карпатах фельдмаршал-лейтенант Чермак, лично руководил операциями против Ужка. Ему даже удалось временно потеснить нас. Но 3 декабря 1914 года мы вновь атаковали Ужок и на этот раз окончательно овладели им одновременной атакой с фронта и с тыла. Лично руководивший боем фельдмаршал-лейтенант Чермак хотел спастись в автомобиле, но был перехвачен вышедшей в тыл австрийцам колонной полковника Хагондокова³¹³ и, тяжело раненный, взят в плен. Через несколько часов от ран скончался. При погребении ему были отданы все воинские почести: пленные австрийцы поставлены в строй без оружия.

В числе отобранных его бумаг оказалось недописанное им письмо жене, в котором он ей писал: «Ты уже знаешь, что за время моего отсутствия, наши не сумели устоять и уступили русским даже и Ужок. Но тотчас же по возвращении я восстановил положение и в память этих событий посылаю тебе из числа доставшейся нам добычи великолепный русский серебряный самовар, который, несомненно, явится одним из лучших украшений твоего хозяйства...» На этом месте письмо обрывалось, написано оно по отношению к нам в таком тоне и в таких выражениях, как например: «твои свиньи русские (deine san Russen)», что знай я наперед содержание письма, может быть, и воздержался бы от отдания ему воинских почестей.

³¹³ Константин Николаевич Хагондоков в чине генерал-майора с 4 декабря 1915 по 20 января 1916 г. был начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса.

Удивительные были отношения в австрийской армии между различными народностями, входившими в ее состав. Так, после овладения Ужком число пленных превышало 4500 человек, которые и были немедленно направлены в тыл. После ночлега в Старом Месте в рядах только что построенных пленными раздалась неистовая брань и началась драка. Восстановив порядок, начальник конвоя допросил буйствовавших венгерцев. Они заявили:

– Мы вам сдались и спокойно пойдем туда, куда вы нас направите, не нужно даже нас конвоировать. Но только рядом с этими свиньями (указывая на пленных румын) ни за что не пойдем, просим нас от них отделить.

В Турнаке мы захватили колоссальный лесной склад, принадлежавший одной германской компании. Склад представлял громадную ценность не только по качеству, но и по количеству сложенного на нем леса. Из этого леса были построены все необходимые жилые помещения, восстановлены железные дороги, мосты. А когда началась невылазная грязь, на местах коновязей под всех лошадей поставлены помосты, что избавило нас от повальных мокрецов. В окопах настланы полы, одеты крутости, на дорогах в топких местах настлана бревенчатая мостовая, и за всем тем склад как будто и не уменьшился.

По овладении перевалами мы задались прежде: а) восстановлением железных дорог, особенно взорванного австрийцами виадука в районе Ужка, представлявшего редкой красоты железнодорожное сооружение и б) образованием резерва, не только с целью иметь в моем распоряжении свободную для маневрирования часть, но и иметь возможность по очереди сменять части из боевых

линий и давать им необходимый отдых. По вопросу о восстановлении железных дорог, особенно взорванного виадука, я обратился к находившемуся в Самборе инженеру путей сообщения, который, осмотрев путь, объявил, что виадук может быть вполне восстановлен, необходимые для этого фермы будут изготовлены на Брянском заводе. На изготовление таких ферм потребуется 7 месяцев. Тогда я просто обратился к находившемуся в моем распоряжении командиру 5-й роты 8-го железнодорожного батальона,³¹⁴ который доложил, что если я позволю брать готовый лес со склада, то в две-три недели все будет настолько восстановлено, что явится возможность пропускать поезда. Были сложены по всему пространству взорванного виадука деревянные устои, необходимой высоты, по ним проложены рельсы, и через 14 дней пущен первый поезд. Узкоколейные же ветки начали действовать на третий день.

Несмотря на то что железная дорога стала действовать, все укомплектования и команды выздоравливающих направлялись в части походным порядком по шоссе, пролежавшему по всему пути от Самбора параллельно железнодорожному полотну, и люди, утопая в грязи, шли, имея все время перед глазами проходившие поезда.

Я не мог мириться с таким порядком и обратился к начальнику сообщений Юго-Западного фронта с просьбой все пешие части и команды не выгружать в Самборе, а направлять по железной дороге до пунктов назначения. И,

³¹⁴ Железнодорожные части не входили в состав инженерных войск. 8-й железнодорожный батальон был сформирован в 1910 г. Дислокация – Киев.

разумеется, сейчас же получил ответ, что ввиду перегруженности железной дороги это прямо невозможно. Тогда я обратился непосредственно к командиру 1-го Заамурского железнодорожного батальона,³¹⁵ ведавшего эксплуатацией железных дорог в Прикарпатском районе и показал ему следовавшие чуть не по колени в грязи команды вдоль линии железной дороги. Командир батальона заявил:

– Больше этого не будет, но вы не будете в претензии, если иногда не всех удастся поместить в крытых вагонах?

Я только сказал:

– Сами видите, каково им, и за открытую платформу будут вас благословлять.

И когда он погрузил первую партию, люди не только его благодарили, но, отъезжая, устроили ему овацию, махали шапками и громко кричали «ура».

Чтобы не возвращаться более к железнодорожному вопросу, укажу еще на один особенно характерный случай. Когда в начале 1915 года произошел внезапный кризис под Станиславовым и генерал Брусилов потребовал от начальника сообщений фронта немедленной перевозки дивизии пехоты от Хырова к Станиславову, то получил ответ, что на перевозку дивизии потребуется неделя. Обстановка не допускала такой проволочки, и генерал Брусилов спросил меня:

– Кому бы поручить эту перевозку?

³¹⁵ 1-й Заамурский железнодорожный батальон сформирован в 1903 г. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне.

Я сейчас же направил к нему командира 1-го Зааумурского железнодорожного батальона.

На указания генерала Брусилова, что обстановка требует немедленной доставки дивизии к Станиславу, полковник Циммерман доложил:

– Ваше требование застало меня врасплох, надо собрать необходимый состав. Но все будет сделано, вы только прикажите, чтобы сегодня к полночи одна бригада была бы на станции Хыров, другая – на станции Устржики Дольний.

Так было исполнено, в полночь войска были погружены в вагоны, и через 30 часов дивизия была доставлена в Станиславов.

Генерал Брусилов горячо благодарил полковника Циммермана и объявил ему благодарность в приказе по армии. Но столь блестящее выполнение возложенной на него задачи имело неожиданные для полковника последствия. Генерал-майор Павский за самовольное распоряжение отрешил его от должности – и только заступничество генерала Брусилова, который в письме изложил все дело великому князю Николаю Николаевичу, спасло полковника Циммермана, и он был восстановлен в своих правах.

С образованием резерва дело вышло так. Я не только сам сознавал необходимость образования резерва, но постоянно получал о том указания и от главнокомандующего Юго-Западным фронтом,³¹⁶ и от генерала Брусилова. Наконец, когда закончились бои под Лутовиско и мы

³¹⁶ Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта с 18 июня 1914 по 17 марта 1916 г. был генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов.

овладели хребтом Устржики Горный, явилась возможность вывести одну дивизию во вторую линию, и так как нашему успеху наиболее способствовали действия 4-й стрелковой дивизии, то я и предупредил ее начальника генерал-лейтенанта Деникина,³¹⁷ что тотчас по окончании боев он будет направлен в резерв, южнее города Турки, на стыке обоих направлений: Ужокского и Стрыйского.

Но как только в штабе армии было получено донесение штаба корпуса, в котором указывалось, что 4-я стрелковая дивизия выведена в резерв, я получил от генерала Брусилова телеграмму: «С сего числа 4-я стрелковая дивизия поступает в мое распоряжение. Брусилов». И дивизия была направлена в другой район.

Другое доставшееся нам в районе Карпат богатство составляли нефтяные промыслы в районе Дрогобыча и Болехова. Эти промыслы принадлежали французской компании, и, полагаю, было бы очень легко войти с ней в соглашение по использованию нами их производств на нужды армии, и даже отправки нефти в Россию с обратными, пустыми поездами.

³¹⁷ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – русский генерал, участник Белого движения. В 1914 г. генерал-майор, и. д. генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа, затем – генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии. После объявления войны подал рапорт о прошении направить его в строй, назначен командиром 4-й стрелковой бригады (позднее – дивизии). Награжден Георгиевским оружием. В 1915 г. генерал-лейтенант. В 1916 г. командующий 8-м армейским корпусом.

Но пользоваться этими богатствами под предлогом, что они являются достоянием французской компании, нам не разрешалось, керосин и нефть продолжали везти из России, где цена на них и тогда уже сильно возросла, а затем стал ощущаться недостаток керосина, и скоро он сделался предметом роскоши. Когда же весной 1915 года было приказано начать отход с Карпат – лесной склад в Турках и нефтяные промыслы в районе Дрогобыча распоряжением штаба армии были подожжены. От пылавшего лесного склада получилась такая раскаленная атмосфера, что едва не загорелся г. Турка. От горевшей же нефти над всей окрестной местностью стояло колоссальное черное облако и было трудно дышать на несколько верст кругом.

Зиму в Карпатах, несмотря на морозы, доходившие до 20–22 °R, и на глубокие снега, мы пережили вполне благополучно. Довольствие людей и лошадей было обильно до роскоши. Сахару выдавали по 18 золотников на человека в день, а когда появились поносы, была установлена дача красного вина, и хотя оно часто скисало в дороге, беды от этого не было, так как вино кипятили в котелках и пили горячим с сахаром.

К сожалению, такие дачи не удалось сохранить на все время войны, и с конца 1915 года их пришлось постепенно сокращать.

Санитарное состояние войск было превосходно, число заболеваний не превышало нормальной заболеваемости мирного времени. Не только отмораживание, но даже ознобление ног являлись единичными случаями. Самым действительным средством против последнего явилось строго проведенное в жизнь правило не допускать никого из

людей, вернувшихся с наряда или обхода, ложиться спать не переодев ноги в сухие портянки. Ближайшее наблюдение за этим лежало на взводных командирах, с которых строго взыскивалось за малейшее упущение, но которых за то и широко награждали не только установленными для солдат орденами и медалями, но и выдачей денежных наград. Обмундирование и сапоги выдавались своевременно. Но привычка накапливать обмундирование настолько вкоренилась в войсках, что постоянно приходилось наталкиваться на склады, тайком образованные посредством задержки выдачи вещей на руки. Против такого накопления можно было успешно бороться только тем, что тотчас по обнаруживании таких складов содержимое в них отбиралось и выдавалось вновь прибывшим войскам. И по этой части не обошлось без курьеза: командир 34-й артиллерийской бригады принес мне жалобу на корпусного интенданта, который якобы неравномерно выдает вещевое довольствие, и в батареях, особенно в 6-й, чувствуется недостаток в сапогах, мундирах и шароварах. Когда я спросил корпусного интенданта, как могла возникнуть такая жалоба, полковник Иващенко расхохотался и просил потребовать донесения от полковника Васильева, где у него обмундирование и сапоги, выданные по его просьбе в батарею осенью 1914 года.

– А что такое?

– Полковник Васильев в предвидении победоносного конца войны и вероятного общего парада союзным армиям в присутствии высочайших особ тотчас по получении обмундирования и сапог приказал их упаковать, отвезти в штаб-квартиру батарей г. Екатеринослава, где и хранить, дабы батарея могла выйти на высочайший смотр в должном виде.

Сердиться на доблестного полковника Васильева я не мог, но обмундирование и сапоги приказал немедленно вернуть в батарею и распределить в бригаде в мере надобности.

Дневная фуражная дача приказом главнокомандующего Юго-Западным фронтом была утверждена для строевых лошадей в кавалерии и пехоте: овса 20 фунтов, сена 12 фунтов; в артиллерии – овса 26 фунтов и сена 12 фунтов; обозных лошадей – овса 15 и сена 12. Дачи слишком роскошные, принимая во внимание, что войска в течение нескольких месяцев оставались на местах. И эту дачу не удалось выдержать на всю войну, пришлось ее постепенно уменьшать. Было бы много лучше начать с нормальных дач и лишь постепенно переходить к усиленным. Зато конский состав в корпусе был в таком блестящем состоянии, что посещавшие нас иностранные военные представители сразу обращали на это внимание и спрашивали меня, как я этого добиваюсь.

Рассказанный мною случай с вещевым довольствием являлся лишь курьезом чрезмерной заботливости полковника Васильева о своей батарее. Но с нами произошел крупный промах в отношении довольствия, который мог повлечь за собой очень тяжелые последствия для войск, если бы нами не были приняты чрезвычайные меры для парирования его вредного влияния. С 1 января 1915 года забыли включить в план довольствия все вверенные мне войска, находившиеся на Ужокском направлении, всего 128 отдельных частей.

На докладе об этом корпусного интенданта я приказал до предела использовать средства края, закупая все, не

стесняясь, в исключительных случаях предельными ценами, и затем добавил:

– Ну а за всем тем, как добыть то количество припасов, которого нельзя будет приобрести на местах?

Полковник Иващенко доложил:

– Я и это подсчитал, нам придется отцеплять от проходящих поездов с продовольствием по семи вагонов в день.

Тут же подписал ему два предписания – одно на закупку продуктов, другое на отцепку семи вагонов с довольствием в день.

Видно уж такая моя судьба – попадать под следствия. После японской войны меня долго допрашивали, откуда явился миллион рублей экономических денег, сданных в депозит Главного штаба частями 71-й дивизии при ее расформировании. Теперь же прибыл однажды в Самбор в штаб корпуса состоявший при главной квартире Верховного главнокомандующего бывший главный интендант генерал Ростковский. Прибыл он как раз в то время, как мы садились за стол. Я вышел ему навстречу и, приветствуя его, просил с нами отобедать. Но генерал ответил:

– Прости, теперь не до обеда. Я прислан по повелению Верховного главнокомандующего проверить, правда ли, что по вашему приказанию ежедневно отцепляются по семь вагонов с довольствием на нужды вашего корпуса и тем нарушена правильность довольствия прочих корпусов?

Видя, какой оборот приняло дело, я просил генерала Ростковского пройти в мою комнату и там в присутствии начальника штаба и корпусного интенданта подробно рассказал, как нас забыли включить в план довольствия и как мы вышли из этого положения, сколько, чего и по каким

ценам покупаем от населения и только абсолютно недостающее берем от интендантства – правда, самовольно.

Ростковский:

– И вы справились с довольствием и взяли все это добровольно на свою ответственность?

– А то как же?

Генерал как бы просиял и, пожимая мне руки, сказал:

– Считайте, что следствие кончено, пускай ваш интендант изложит мне все это на бумаге, а теперь с радостью приму ваше приглашение к обеду.

В столовой штаба все ждали в крайне напряженном состоянии, но когда увидели наши лица, все поняли, что ничего неприятного не произошло. Одно только для меня осталось непонятным, что виновник такого недопустимого промаха не только остался на своем месте, но в скором времени опять выказал свое полное непонимание дела.

Совершенно неожиданно для нас был получен приказ главнокомандующего Юго-Западным фронтом, в котором был объявлен выговор моему корпусному интенданту за то, что им возлагается непомерная работа на приданные корпусу продовольственные транспорты, в то время как корпусный продовольственный транспорт, нагруженный, празднo стоит в Самборе.

Я отлично знал, что в Самборе, в месте расположения штаба стоит по положению 6-й отдел корпусного продовольственного транспорта, составляющий неприкосновенный запас; все же прочие пять отделов работают непрерывно, и при своих объездах я постоянно встречал их в пути. Тем не менее я вытребовал поденные записи

перевозок каждого отдела, из которых было видно, что корпусным транспортом за указанный период было в общем перевезено более двух миллионов пудов различного довольствия. Все эти данные представил по команде и просил генерала Брусилова заступиться за полковника Иващенко и оградить его от нападков заведовавшего снабжением. Но несмотря на все представленные данные, генерал-адъютант Иванов своего приказа не отменил, и начальник снабжения опять вышел сух из воды.

К счастью, все эти неприятности меня мало задевали, я считал их как бы неизбежной изнанкой дела. Отношения же с войсками с лихвою вознаграждали меня за них. Несмотря на случайный и столь сложный состав корпуса, отношения были очень ровные, не было пасынков, и все легко переносили тяготы, как боевые, так и тяжелых работ.

Посетивший нас генерал Брусилов был особенно доволен заботливым обставлением войск, налаженностью связи и артиллерийского наблюдения в передовых окопах. Возвращаясь с позиции, он задал мне вопрос:

– Что вы делаете, чем вы добиваетесь, что у вас такой порядок в тылу, как в благоустроенном лагере? Я у себя всех разношу, со всех взыскиваю и все же не могу добиться порядка.

Отвечаю:

– Я ставлю определенное, точное требование, предоставляю необходимые средства для его выполнения и неуклонно слежу за проведением моего требования в жизнь. Все знают, что кто не может провести моих требований, тому оставаться тут не придется, ибо невыполненное своевремен-

но будет тотчас выполнено другим, специально мною присланным лицом.

В ноябре 1914 года начала прибывать в Самбор Кавказская туземная дивизия под начальством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича. Первая бригада приняла участие в Георгиевском параде 26 ноября в день праздника Военного ордена Св. великомученика и победоносца Георгия и затем проследовала на указанный ей участок. Великий князь, находясь постоянно при дивизии, принял участие во всех боях, завершивших занятие Ужокского перевала и горного хребта Устржики Горный, а в период затишья часто заходил в окопы соседней с ними 65-й пехотной дивизии, подолгу беседовал с людьми и своим присутствием оказывал самое благотворное влияние на настроение людей. Нельзя не подчеркнуть не только личную доблесть Его Императорского Высочества, но и прирожденный его такт, умение держать себя при всякой обстановке.

Подошло Рождество Христово и Новый год. Архиепископ Таврический и Симферопольский высокопреосвященный Димитрий командировал в штаб корпуса протоиерея отца Александра Эндеку для совершения богослужений в штабе в дни праздников и передачи в мое распоряжение семи вагонов с подарками для частей войск корпуса и для раздачи местному населению. И так поступал владыка в течение всей войны, присылая массу пожертвований, которые стекались к нему со всей епархии, и, по словам самого владыки, самыми щедрыми жертвователями на нужды войск как вещами, так и съестными припасами были немецкие колонисты Херсонской губернии.

На вопрос отца Эндеки, в каком районе наибольшая нужда в населении, я в первую голову указал на совершенно разрушенный за время сентябрьских – октябрьских боев когда-то цветущий городок Стара Соль, от которого остались одни полуразрушенные стены, около которых и ютились вернувшиеся жители. Проводя с населением целые дни, беседуя с ними и раздавая подарки, отец Эндека был больше всего поражен был удивительной скромностью, порядочностью жителей, которые сами указывали на тех, кто остался без ничего и особенно нуждался.

Кроме Таврического владыки мы получили еще девять вагонов подарков из Харькова от Общества горнопромышленников юга России и еще много вещей от симферопольских и севастопольских дам. Все вещи, предназначенные для 13-й пехотной дивизии, были направлены далее по месту нахождения дивизии, оставшейся при 8-м корпусе.

Все вещи были присланы для 7-го корпуса, то есть для дивизий 13-й и 34-й с соответствующими артиллерийскими бригадами и для 7-го мортирного дивизиона. Но у нас было правило, что каждая часть, попавшая по условиям боевой обстановки в 7-й корпус, с первого же дня прибытия становилась полноправным его членом, и потому я тотчас же просил по телеграфу разрешения жертвователей делить все присланное по-братски между всеми частями, вошедшими в корпус, особенно между полками второочередных дивизий: 60, 61, 69-й и прочих. Но потом оказалось, что и на их имя поступила масса пожертвований.

В феврале 1915 года штаб корпуса перешел в г. Старое Место (на австрийской карте – Старый Самбор). Здесь также были следы сильного разрушения. Прекрасный храм на

городской площади хотя и уцелел, но стены его были избиты осколками снарядов и пулями. Оказалось, что по окрестностям в глубоких впадинах и по ущельям осталось много непогребенных тел, особенно австрийских. Корпусный комендант с должной энергией сам подробно осматривал всю местность и тщательно хоронил все находимые тела, привлекая к этой работе и местных жителей. Были исправлены все пострадавшие за зиму могилы. Все было приведено в порядок, могилы отдельные и общие обложены дерном, восстановлены кресты, но всех надписей восстановить не удалось.

Возвращаясь однажды с объезда, я увидел, что несколько местных копошатся около одной могилы, вынули крест и разрывают ее. Возмущенный их поступком, я приказал сопровождавшим меня казакам арестовать этих жителей и сам подъехал к ним. Оробевшие жители сначала ничего не отвечали, но, наконец, один из них заговорил:

– Это не могила, тут зарыт наш картофель, и это единственный способ уберечь его.

Разгребли землю и показали ссыпанный в яме картофель. После этого случая я специально возложил на корпусного коменданта охрану съестных припасов местных жителей, особенно всего предназначенного для обсеменения полей, и дал ему в этом отношении большие полномочия.

Исправление дорог велось с неослабленной энергией, но нужно сознаться, что мы не сумели сохранить дороги, и великолепные, всюду проложенные шоссе от постоянного передвижения артиллерии и обозов совершенно разбились, обратились в едва проходимую грязь, а местами – прямо в топь. Наши инженеры просмотрели, что все шоссе были

прекрасно дренированы прокладкой на известных расстояниях водоотводных труб, допустили забитие их снегом; получилось постоянное скопление воды, и шоссе, подмываемое водою, не выдерживало тяжести подвод и перемешивалось как в кастрюле.

Несмотря на отличные отношения с жителями и что мы совершенно свободно разъезжали и по дорогам, и в горах, не переставали раздаваться единичные голоса, обвинявшие население во враждебном к нам отношении. Особенно часты были жалобы на жителей одной большой деревни, лежавшей в горном ущелье, настаивали даже на необходимости производства экзекуции для примера другим, но определенных фактов не приводили.

В одно утро я сам с адъютантом и пятью казаками проехал в это село. Характерно показание одного из опрошенных мною жителей, почтенного старика:

– Нас обвиняют во враждебности к вам. А в чем же эта враждебность? Ваши солдаты, офицеры постоянно приходят на село даже без оружия, а твой полковник инженер целые дни, иногда совсем один или с офицером ходит всюду по горам, все осматривает и записывает, а разве кто-нибудь его хоть тронул или задел? А ведь вы нас к присяге не приводили своему царю, а своему императору мы присягали, и его мы подданные. Вот когда вы нас приведете к присяге, тогда мы будем совсем ваши. А теперь мы не ваши, но зла вам никогда не сделаем.

Конечно, никаких экзекуций не допускалось, напротив, настойчиво требовалось хорошее обращение с жителями и честная расплата за все забираемое.

Когда мы совсем обжились, местные попривыкли к нам, я призвал трех баб, постоянно продававших нам молоко, творог, яйца, и просил их откровенно сказать, обижают их солдаты или нет?

– Сказать правду, поначалу все было – пограбили, попритесняли, но теперь они не только берегут нас, ласкают, кормят, особенно детей; мало того – вспахали и засеяли нам наши поля.

А одна из баб, потупясь и улыбаясь, проговорила:

– И сколько тут ваших маленьких солдат останется.

Отношения были действительно самые простые, солдаты жили, как со своими бабами. Сколько приходилось видеть рано утром, как обозные выкатывали подводы, выводили лошадей, бабы приносили хомуты, вожжи, а когда лошади были запряжены, баба садилась рядом с обозным, и они направлялись по назначению.

С начала 1915 года стало заметно сокращение отпуска снарядов, к ранней весне дошло до того, что я отдал распоряжение – вне боев на огонь австрийской артиллерии не отвечать. Это давало возможность во время столкновений доводить огонь до должного напряжения. Все же люди удивлялись, что наша артиллерия не всегда отвечает на огонь противника:

– Что-то наша артиллерия будто устала, не та, что была во время наступлений, а раньше, бывало, как все крушила!

Ощущался недостаток и в ручном оружии, значительная часть укомплектований приходила без винтовок. Обращалось особенное внимание на сбор оружия на полях сражений; всем жителям была объявлена денежная расценка за приносимые цельные винтовки наши и австрийские,

вполне исправные и с повреждениями, и за каждую отдельную часть винтовки. Деньги выплачивались аккуратно, и количество приносимых войсками и населением винтовок и отдельных частей было столь значительно, что открытая при корпусе оружейная мастерская, руководимая выдающимся оружейным мастером 134-го пехотного Феодосийского полка,³¹⁸ могла выправлять до ста винтовок в день. Большие услуги артиллерии корпуса оказала подвижная артиллерийская мастерская, стоявшая на одной из станций железной дороги линии Самбор – Турка, которая постепенно исправила нам все орудия, требовавшие ремонта, а в 7-м мортирном дивизионе все орудия в течение войны были постепенно заменены новыми.

Были укреплены три главные позиции: на Стрыйском направлении и у Бескид; на Ужокском – впереди города Турки и у Хырова на целый корпус нормального состава. В районе Устржики Горные нам удалось связаться с австрийскими проводами, и мы принимали на свои аппараты все их распоряжения уже в течение нескольких дней. К сожалению, половина этих распоряжений отдавалась на венгерском языке, для нас недоступном. Тогда я командировал к генералу Брусилову своего адъютанта, приказав ему доложить с глазу на глаз о том, как мы связаны, и просить, нет ли у него надежного человека,

³¹⁸ 134-й пехотный Феодосийский полк сформирован в 1831 г. как Прагский пехотный полк. С 1863 г. – Феодосийский пехотный полк. В 1914 г. входил в состав 34-й пехотной дивизии. Дислокация – Екатеринослав.

знающего венгерский язык, которого и командировать в мое распоряжение.

Генерал Брусилов тотчас прислал состоявшего в штабе армии статского советника (фамилию забыл, но знаю, что в мирное время он долго служил в канцелярии военного министерства), вполне владевшего венгерским языком.

Тотчас по прибытии этот статский советник был проведен командиром телефонной роты на один из пунктов, где мы принимали австрийские распоряжения. Как раз шел прием. Державший трубку статский советник что-то будто переспросил по-венгерски. Передача сразу прервалась, и восстановить ее больше не удалось. Прожив у нас два дня, статский советник уехал обратно в штаб армии.

Приблизительно об эту пору в Ставку прибыл французский генерал По, который привез точные данные о том, что все наши распоряжения попадают к германцам, а при передаче своим часто искажаются. Мясоедовская история всем известна, и я не буду здесь распространяться об этой темной странице нашей истории.

Исполнив свое поручение, генерал По из Ставки проехал на Юго-Западный фронт, посетил и нас в Карпатах. Мы показали ему наши позиции и в одном из окопов на высоте 865 предложили ему чай. Больше всего его поразила растянутасть наших позиций, и во время чая, обращаясь к нам по поводу этой растянутасти, он сказал:

– *Trente deux verstes – vingt quatre bataillons! Trente deux verstes – vingt quatre bataillons! A non seulement vous*

*rebistez, mais vous attaquez encore! C'est sublime mais on ne devrait jamais le faire.*³¹⁹

А чтобы он сказал, увидав наши позиции на Волыни, где мы были вынуждены занимать по две и даже две с половиной версты на батальон? Только к нашим офицерам и солдатам можно предъявлять такие крайние требования и не платиться за это. В марте пал Перемышль.³²⁰ Сдались девять генералов, 105 000 солдат, а вся сила отряда, взявшего крепость, достигала лишь 52 000 штыков и сабель, причем пехота состояла по большей части из ополченских дружин.

К началу 1915 года мы занимали на обоих направлениях такое положение, что могли по первому требованию начать наступление в венгерскую равнину. На Ужокском направлении мы прочно заняли д. Новоселицы, на повороте шоссе на юг на Ужгород, верстах в тридцати от него. На Стрыйском – Альвареско – в 12 верстах от Мункача.

³¹⁹ Тридцать две версты – двадцать четыре батальона! Тридцать две версты – двадцать четыре батальона! И вы не только отстаиваетесь, но еще и сами атакуете. Это великолепно, но этого никогда не следовало бы делать. – *Примеч. пер.*

³²⁰ Первая осада крепости Перемышль началась 27 сентября 1914 г. и продолжалась до 11 октября. Вторая осада продолжалась с 8 ноября 1914 г. и длилась до сдачи крепости 22 марта 1915 г. В плен сдались девять генералов, 2307 офицеров, 113 890 нижних чинов; в госпиталях на театре военных действий осталось 6800 больных и раненых при 128 врачах и 100 санитарях австрийской армии. Взято также более 1000 орудий, но из них только 180 оказались пригодными к использованию. Русские войска за время осады потеряли от 20 до 30 тысяч человек.

Перезимовали вполне благополучно, пополнились, подучили укомплектования, и только сокращенный отпуск снарядов указывал на не совсем благоприятное наше положение. Настроение в войсках было твердое, можно прямо сказать, великолепное. Все отговели, Пасху встретили на своих местах, всюду были устроены розговения, хотя бы и самые скромные. Пасхальную заутреню штаб корпуса отстоял в соборе в Старом Месте. В Светлое Христово Воскресенье в четыре часа дня отец Эндека в сослужении с местным духовенством служил молебен на городской площади. Помимо нас на этот молебен стеклось и все население города.

В понедельник на Святой штаб корпуса перешел в г. Турку, где и оставался до 28 апреля. Большой утратой для корпуса явилось назначение генерал-лейтенанта Баташева командиром 8-го корпуса. Начальником 34-й дивизии был назначен генерал-лейтенант Эйхе.³²¹

Первую половину апреля мы простояли спокойно, противник ограничивался систематическим обстрелом тех участков дорог, к которым ему было удобно пристреляться, и по каждой показавшейся повозке, даже по одиночным людям немедленно начинался артиллерийский огонь. Наша

³²¹ Возможно, генерал-лейтенант Георгий Федорович Эйхе был назначен вр. и. д. начальника 34-й пехотной дивизии, т. к. уже 1 апреля 1915 г. вместо генерал-лейтенанта Н. М. Баташева начальником дивизии стал генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор (до 6 марта 1916 г.). С 18 июля по 28 октября 1914 г. генерал-майор Эйхе был начальником 5-й пехотной дивизии.

артиллерия, согласно отданного мною приказа, не отвечала, приберегая снаряды к предстоявшим боям.

На третий день Пасхи нас посетил высокопреосвященный Анастасий, архиепископ Холмский. Отслужив молебен в Турках, архиепископ Анастасий пожелал непременно проехать к войскам в д. Бoryнью в 12 верстах от г. Турки. Зная всю трудность и даже небезопасность проезда туда в экипаже, я долго отговаривал владыку от этой поездки. Но владыка настоял на своем. Туда владыка проехал сравнительно скоро, отслужил перед фронтом молебен и, сдаваясь на просьбы войск, провел весь день в Бoryнье. На обратный проезд потребовалось свыше четырех часов, владыка попал под обстрел, и лишь к одиннадцати часам вечера нам удалось доставить его на вокзал.

Об эту же пору прибыли в Турку состоявшие при Ставке Верховного главнокомандующего военные представители союзных держав: Франции – маркиз Лагиш, Англии – генерал Вильямс, Японии – генерал Накажима и Сербии – полковник Петрович.

Прогостили они у нас целую неделю, объехали все наши позиции, оставаясь на некоторых по несколько часов. Маркиз свободно говорил по-русски, и ему было легко беседовать с офицерами. Все они постоянно подчеркивали радушие, с которым их всюду принимали, и бодрое, даже веселое настроение войск.

На одной из позиций генерал Накажима, также говоривший по-русски, подошел к двум старым солдатам и спросил, за какие бои они имеют Георгиевские кресты? Когда люди ответили, что за бои под Мадзяндзянью в феврале 1905 года (Мукденские бои), генерал воскликнул:

– И я участвовал в этих боях, знаю, как вы героически дрались, и мы не смогли вас сломить!

Обратившись к стоявшим по близости офицерам:

– Наверное, у кого-нибудь из вас есть с собой фотографический аппарат?

И когда к нему подошел офицер с аппаратом, генерал, взяв обоих солдат за руки, сказал:

– Прошу вас, снимите нас и дайте мне эту фотографию на память.

После одного из обедов, когда мы вышли в сад, генерал Вильямс, взяв меня в сторону, спросил:

– Как у вас в народе зовут Константинополь?

– Царьградом, и в народе нет ему другого названия.

Вильямс:

– Ну так впредь он и будет Царьградом, потому что в феврале сего года на совещании союзных держав в Париже постановлено, что по окончании войны Константинополь и проливы перейдут под власть России.

Тогда это сообщение только наполнило меня чувством радости, что наконец исполнится заветная мечта русского народа вновь водрузить крест на Св. Софии, и лишь пять лет спустя, лежа в посольском госпитале в Константинополе, я из книги мемуаров американского посла Моргентау понял, что тогда же, подписав это соглашение, англичане с места начали работать против его осуществления. Предпринятое Британским флотом форсирование Дарданелл по числам как раз совпало с днем подписания соглашения в Париже. Англичане вели форсирование, имея в первой линии суда старого типа, т. к. считалось, что это форсирование дастся

нелегко и будет достигнуто ценою утраты восьми-девяти судов. Действительно, в первый день форсирования турки, руководимые германскими артиллеристами, оказали геройское сопротивление и вывели из строя четыре британских судна, но и сами окончательно обессилили и считали захват Константинополя неминуемым.

Особенно было встревожено германское посольство, точно знавшее положение дел. Оно было уверено в падении Константинополя, как только британский флот на рассвете следующего дня возобновит нападение, ибо на двух главных фортах Хамидие (или Махмудие, не помню) осталось снарядов: на азиатском форту – 10, на европейском – 17.

Но британский флот, с наступлением темноты вышедшей из сферы огня, на рассвете следующего дня не только не возобновил атаки, но совершенно ушел, отказавшись от дальнейших операций против Дарданелл. И, как верно добавляет Моргентоу, не только Константинополь был спасен, но и Россия на всю войну осталась оторванной от своих союзников, имея с ними лишь одно, и то не всегда верное сообщение через Архангельск.

Тогда же впервые прибыл в наш район поезд-бани, оборудованный Всероссийским союзом городов. Достоинство этого поезда-бани заключалось главным образом в том, что люди в нем мылись, имея в изобилии мыло и горячую воду, и, раздевшись в одном конце поезда, после мытья выходили из бани в другой конец, где в раздевальне каждый из вымывшихся получал новый комплект чистого белья взамен его грязного, оставшегося в раздевальне, которое и поступало в собственность Союза, стиралось, чинилось и вновь шло в обращение.

Сначала люди с недоверием отнеслись к этой мене белья, но потом очень полюбили поезда-бани и, когда только могли, стремились в них.

И хотя такие поезда-бани, за единичными исключениями, не могли обслуживать войска, находившиеся в передовых окопах, то есть не могли проникать именно туда, где они были бы всего нужнее, польза от них все же была очень велика, и в армии их очень ценили.

С половины апреля стало замечаться усиление противника на Стрыйском направлении. Подкрепленные германцами, австрийские войска перешли в наступление и потеснили 78-ю дивизию.

Дивизия имела опорным пунктом прекрасно укрепленную позицию на Бескидах, на которой могла отстаиваться даже против значительно превосходных сил. Но начальник дивизии упустил занять ее заблаговременно войсками, которые могли бы принять на себя отходившие части, и последние под напором противника проскочили позицию и были вынуждены отходить и далее.

Находившийся в арьергарде приданный к 78-й дивизии 260-й пехотный Брацлавский полк задержал противника у д. Казювки и, несмотря на полное окружение, героически отбил все атаки и дал возможность дивизии устроиться и закрепиться на новой позиции. За этот героический бой Верховный главнокомандующий наградил Брацлавский полк поголовно Георгиевскими крестами, начальника 78-й дивизии генерал-лейтенанта Альфтана – орденом Св. Георгия III степени.

Вслед затем на Стрыйское направление был подвезен 22-й армейский корпус, командир которого не был мне

подчинен, и единство командования на двух столь смежных направлениях было утрачено.

На Ужокском направлении попытки противника перейти в наступление были остановлены, и мы деятельно готовились к наступлению.

На Стрыйском же направлении шел непрерывный ряд боев с переменным счастьем.

Но самые грозные признаки, указывавшие на массовый переход противника в наступление, обозначились против нашей 3-й армии, занимавшей очень растянутый район по р. Дунайцу. Командующий 3-й армией точно донес о грозившем ему ударе, но не был своевременно подкреплён.

В это время в район г. Турки прибыл 3-й Кавказский корпус,³²² составлявший стратегический резерв главнокомандующего Юго-Западным фронтом.

Обстановка не допускала промедлений, требовала немедленного решения: 1) или двинуть 3-й Кавказский корпус в обход левого фланга австро-германцев на Стрыйском направлении для удара им в тыл – что сразу восстановило бы там наше положение и дало бы свободу действий на обоих направлениях, Стрыйском и Ужокском, или 2) перейдя в Карпатах к обороне, не теряя ни одного дня, двинуть 3-й Кавказский корпус уступом на левый фланг 3-й армии, прежде чем Макензен успел бы на нее обрушиться.

³²² 3-й Кавказский армейский корпус в 1914 г. состоял в Кавказском военном округе. В состав корпуса входили 21-я и 52-я пехотные, 3-я Кавказская казачья дивизии, 3-й Кавказский мортирно-артиллерийский дивизион, 3-й Кавказский саперный батальон.

В колебаниях прошло несколько дней. Двинутый, наконец, в поддержку 3-й армии, корпус прибыл в район Дунайца, когда сама армия была уже в полном отступлении, и подвергся отдельному поражению.

26 апреля я получил приказание 28-го начать отход с Карпат.

Обидно было очищать с таким трудом доставшийся нам Карпатский хребет, занятие и укрепление которого открыли нам пути к наступлению в Венгерскую равнину и далее на Вену. С нами двинулась и часть населения. Пропуская обозы штаба корпуса, я заметил на некоторых двуколках посаженных на наши вещи детей и женщин, шедших по сторонам дороги.

Не теснимый противником, я на другой день простоял на месте, но получил приказание продолжать отход. Выполняя диспозицию по отходу, корпус останавливался на промежуточных позициях, избегая заранее укрепленных чисто оборонительного, пассивного характера; при каждой возможности переходил в контратаку и наносил противнику ряд ударов. 9 мая 1915 года в районе д. Конюшки Семеновские на р. Днестр мы отбросили австрийцев и захватили до двух тысяч пленных.

После этого боя начальник 34-й дивизии генерал-лейтенант Эйхе сам просил меня об освобождении его от командования дивизией и назначении на какую-нибудь тыловую должность. Ходатайство о нем было уважено, начальником 34-й дивизии был назначен генерал-лейтенант Гутор, который тотчас же прибыл к дивизии. Только с его назначением 34-я дивизия опять попала в настоящие руки, и

генерал-лейтенант Гутор блестяще выдержал первое же выпавшее на его долю испытание.

Несмотря на растянутое расположение корпуса, от меня потребовали бригаду в подкрепление 12, 19-го³²³ и 21-го корпусов, утративших свои кадры и не бывших в состоянии задерживать противника.

Понимая всю важность задачи, выпадавшей на долю генерал-лейтенанта Гутора, я предоставил в его распоряжение два самых сильных по составу полка: 134-й Феодосийский и 135-й Керчь-Еникальский. Генерал-лейтенант Гутор с бригадой, сохранившей свои кадры, сразу восстановил положение там, где не могли задерживаться три корпуса, утратившие свои кадры. Отмечаю здесь этот факт, чтобы вновь указать, какую мы совершали ошибку, не жалея своих кадров, особенно офицеров, которые тысячами складывали свои головы, всегда атакуя в голове своих частей, часто даже без достаточной подготовки удара.

В дальнейшем 7-й корпус, отбив все атаки противника на позициях у Городка, задержал его в течение недели у Львова, причем в ночь с седьмого на восьмое июня своевременно брошенными резервами корпуса восстановил фронт, прорванный австрийцами на стыке 65-й и 3-й дивизий.³²⁴

³²³ 19-й армейский корпус в 1914 г. входил в Варшавский военный округ. Корпус включал 17-ю и 38-ю пехотные, 7-ю кавалерийскую и 1-ю Донскую казачьи дивизии, 19-й мортирный и 2-й тяжелый артиллерийские дивизионы, 19-й саперный батальон.

³²⁴ 3-я пехотная дивизия сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 17-й армейский корпус. Состав дивизии: 9-й пехотный Староинтерманландский, 10-й пехотный Новоингерманландский,

Когда думаешь об этих сражениях, невольно вспоминаешь и красоты некоторых ночных боев. Так, в ту самую ночь, когда произошел бой на нашем стыке с 22-м корпусом, летняя ночь стояла во всей своей красе. В природе царила полная тишина, все небо сияло звездами; впереди того оврага, у которого я стоял, были видны непрерывно взлетающие сигнальные ядра – синие, красные, желтые, зеленые, белые, стоял непрерывный звук пулеметного и пачечного ружейного огня, а рядом, в усадебном парке, мирно заливались соловьи. Несмотря на всю ответственность положения, красота кругом захватывала, и нельзя было не поддаваться ее чарующему спокойствию.

За время боев у Задворье и Красне штаб корпуса стоял в Белом Камне в здании Визитковского монастыря. В монастыре жили двенадцать сестер (*soeurs risitenses*), и в нем же помещалась школа, в которой воспитывались 80 девочек-сирот в возрасте от пяти-шести и до 15 лет.

Когда я посетил старшую сестру, она мне рассказала подробно про школу и, указав затем на обширные, прекрасно содержанные огороды, добавила:

– Вот эти огороды составляют нашу собственность и все наше достояние, на доходы с них мы содержим и воспитываем всех наших сирот. Теперь наша судьба в ваших руках, потому что если огороды будут опустошены, то дети и мы будем обречены на голод.

11-й пехотный Псковский и 12-й пехотный Великолуцкий полки, 3-я артиллерийская бригада.

Я заверил ее, что все будет сохранно и, выйдя, объехал стоявшие кругом части и обозы, объяснил людям, чье это добро, и сказал им:

– Твердо верую, что вы не только не посягнете на сиротское добро, но будете беречь огороды и своим трудом и умением поможете их возделыванию.

Люди обещали огороды беречь и честно сдержали свое слово. Когда после недельного пребывания в Белом Камне нам пришлось отходить в свои пределы, начальница сестер благодарила меня и сказала:

– Ваши люди были удивительно добры к нам. Они не только ничего не тронули, но многие из них исполнили самые тяжелые работы, и наше хозяйство никогда еще не было в столь цветущем состоянии.

Делаю маленькое отступление. Поддержание этих огородов нашими солдатами не является единичным. По всей Галиции наши люди, где только могли, становились на полевые работы, пахали и засевали поля, помогая тем семьям, в которых мужчины были призваны на войну, и мы, их начальники, не препятствовали в этом и даже поощряли. Но неугомонный граф Бобринский (брат генерал-губернатора) настоял, чтобы всех военнопленных галичан отпустили бы по домам и, к сожалению, его настояние увенчалось успехом. Свыше 200 000 таких пленных при нашем отходе остались по своим деревням и были вновь призваны австрийцами. Так что мы сами способствовали усилению австрийской армии, действовавшей против нас.

Город Белый Камень имеет свою легенду. По этой легенде икона Пресвятой Богородицы впервые объявилась в

Белом Камне. Но недовольная тем, что никто не обратил на нее внимания, икона удалилась по словам католиков в г. Подкамень, а по словам православных – в наш Почаев. И только часовенка, построенная на горе в лесу, на том самом месте, где впервые объявилась икона, составляет единственный след этого сказания, и когда бы не прийти в эту часовенку, в ней всегда светится много свечей, зажигаемых в честь Богородицы местными бабами.

За Буг корпус отошел только тогда, когда все соседние части уже были за ним и не было больше надежды на переход в наступление в ближайшее время.

Отходя постепенно в наши пределы, корпус к вечеру 25 августа задержался на широком фронте Подкамень – Радзивиллов – Панасувка. На нас наседали шесть австрийских дивизий. Сильно растянутая позиция с загнутым правым флангом поставила корпус в очень тяжелое положение, необходимо было своевременно вывести войска из-под удара. Я доложил генералу Брусилову обстановку и впервые за все время войны заявил о необходимости отступить, как только стемнеет, и что мною уже отданы соответствующие распоряжения.

Генерал Брусилов ответил:

– Отход разрешить не могу, да и ваша боевая слава от этого пострадает.

Я вновь доложил, что отойти – и отойти своевременно – необходимо, дабы спасти корпус от разгрома и сохранить его кадры, что я все беру на свою ответственность, приказание об отходе уже отдал и прошу доложить главнокомандующему Юго-Западного фронта. Генерал-адъютант Иванов

одобрил мое решение и приказал сократить фронт корпуса на двадцать верст.

Отход совершили в полном порядке и остановились в районе д. Рыдомель; штаб корпуса перешел в Катербург.

Особенно тяжело было отдавать в руки врага нашу святыню, Почаевскую лавру, но, задержись мы долее, лавра оказалась бы в самом средоточии боя и была бы разрушена артиллерийским огнем.

30 августа австрийцы вновь повели наступление, и бой разгорелся по всей линии. Вдруг, часов около пяти пополудни, австрийцы прекратили атаки, и бой сразу начал затихать.

Что именно вызвало прекращение боя со стороны австрийцев, мы отгадать не могли, но одно было ясно, что наступил наш черед. 31 августа в шесть часов утра, несмотря на сплошной туман, мы перешли в энергичное наступление, стремительно атаковали австрийцев и отбросили их в район д. Лопушно Волица, причем взяли в плен 183 офицера, 9500 нижних чинов и захватили два тяжелых орудия. Сами заняли позиции по восточной окраине деревень Рыдомель и Лотовица.

Возвратясь в Катербург, я стоял на площади и думал, как и чем нам накормить всех пленных, из которых первая партия офицеров уже прибыли в Катербург и их угощали чем могли: чаем, кофе, сыром, хлебом, колбасой, но для имевших еще прибыть могло уже ничего остаться. В это время в Катербург въехала графиня Елисавета Владимировна Шувалова со своим лазаретом и питательным пунктом и тотчас же спросила:

– Чем вы так озабочены, когда все так отлично сложилось?

Я ей рассказал, в каком я затруднении относительно питания пленных, а она мне в ответ:

– Если только это, я вас сейчас же успокою, все будут сыты.

Подозвала повара питательного пункта, приказала ему сейчас же купить четыре коровы, зарезать их и варить обед на 10 000 человек.

Графиня Елисавета Владимировна прибыла в 7-й корпус вместе с возвращенной нам 13-й дивизией. У нее были собственный лазарет с хирургическим отделением, питательный пункт и сапожная мастерская. Обладая редкой энергией, умением все устроить и наладить, она вся отдавалась взятому на себя делу, умела держать в руках и служебный персонал, и раненых, и больных, и при этом была заботлива и ласкова, как родная мать к своим детям. В течение войны она оказала корпусу неоценимые услуги, у меня нет слов, чтобы достойным образом описать все сделанное ею, все мы с благоговением и благодарностью вспоминаем ее работу.

Простой пример нагляднее всего покажет чувство к ней всех выхоженных и обласканных ею за время войны. Однажды, когда она в д. Горенке обходила лазарет, один молодой солдат, поправлявшийся после тяжелой болезни, глядя на нее, проговорил:

– Графинюшка, подойдите ко мне, – и когда она к нему нагнулась:

– Мне скоро уходить от вас, а ведь вы мне были как родная мать, так приласкали, согрели меня, – обнял ее за голову и, рыдая, долго целовал ее.

В то время как пленные офицеры закусывали в нашей столовой, появился врач штаба корпуса, один из австрийских офицеров подошел к нему и чистым русским языком спросил:

– Не будете ли вы так добры дать мне почтовую открытку, мне надо написать письмо в Москву, у меня там невеста, и теперь она будет уверена, что мы скоро свидимся.

Одновременно с нашим отходом на Волынь, стало подниматься все население, бросая поля, дома, хозяйство, и устремилось вглубь страны, причем многие крестьяне намеренно останавливались на посевах и выпускали на них скот и лошадей, приговаривая:

– Наше все пропало, пускай и их добро пропадает.

В первую же ночь в Петербурге кто-то постучался в избу, занятую офицерами штаба, и вслед за стуком дверь отворил священник и обратился к офицерам со словами:

– Извините, господа, у нас на подводе родились двое детей, разрешите только их окрестить, и мы сейчас же тронемся дальше.

Такое повальное бегство ничем не вызывалось, и мы приняли меры к его остановке. Все еще остававшиеся на местах становые приставы и урядники были нами задержаны, жители остановлены и постепенно водворяемы по своим деревням или временно расселяемы по ближайшим к штабу деревням. Питательный пункт графини Шуваловой действовал всюду, и она за эти дни накормила не один десяток тысяч взрослых и детей. Одновременно я

вошел с ходатайством по команде о немедленном возвращении на свои места всех уездных властей.

Второго сентября штаб корпуса перешел в п. Вышневец, где и оставался до весны 1916 года.

В то время как в ближайшем тылу и даже в Киеве создавалась паника и многие искали, куда бы переехать подальше вглубь России, едва я успел войти в Вышневецкий дом, как мне доложили, что меня желает видеть графиня Ржечешская. На мой вопрос:

– Где графиня? – мне ответили, что она только что въехала во двор и идет к дому.

Выйдя к ней навстречу, я увидел старушку лет 60, которая тотчас заговорила:

– Я заехала к Вам, чтобы спросить, могу ли я возвратиться в свою усадьбу, которую раньше я никогда не покидала.

– А которая Ваша усадьба?

– Да Рыдомель, где вы на днях разбили австрийцев, и она теперь свободна.

– Нет, в Рыдомель я вас пустить еще не могу, так как он находился под артиллерийским обстрелом и убедительно прошу вас хоть на первое время остаться в Вышневце.

Насилу удалось ее уговорить, и она жила у местного ксендза.

С этого времени мы прочно закрепились. Вправо от нас, в районе Кременца, стал 17-й корпус;³²⁵ влево в районе Збоража – 6-й.³²⁶

С приходом 6-го корпуса в лице его командира генерал-лейтенанта Гурко я приобрел ценного соседа, на содействие которого всегда мог рассчитывать и совместные действия с которым увенчались полным успехом.

К сентябрю 1915 года на всем фронте создалась крайне тяжелая для нас общая обстановка, требовавшая от старших начальников полного напряжения сил для восстановления боеспособности вверенных им войск. И как всегда во все самые тяжелые дни нашей истории, первый пример самоотвержения явил нам наш державный вождь. Государь император взял все на свою ответственность и 25 августа 1915 года принял на себя Верховное главнокомандование. Великий князь Николай Николаевич был назначен наместником на Кавказ и главнокомандующим войсками Кавказского фронта.

В первую голову приходилось устроить и пополнить войска, обеспечить их довольствие.

³²⁵ 17 армейский корпус в 1914 г. входил в Московский военный округ. Корпус включал 3-ю и 35-ю пехотные дивизии, 17-й мортирный артиллерийский и 3-й тяжелый артиллерийские дивизионы, 17-й саперный батальон.

³²⁶ 6-й армейский корпус в 1914 г. состоял в Варшавском военном округе. В корпус входили 4-я и 16-я пехотные, 4-я кавалерийская дивизии, 6-й мортирный артиллерийский дивизион, 10-й саперный и 1-й обозный батальоны.

Волянь – благословенный край, но бездорожье его страшно все затрудняло. Хлебопечение мы основали в г. Ямполе, в сорока верстах за Вышневым. Корпусный интендант быстро вошел в соглашение с местными помещиками, которые за все забранное у них в первые дни заявили очень скромные цены: пшеница 80 копеек, овес 80 копеек, рожь 1 рубль 20 копеек за пуд, а затем и заключили условия на дальнейшую поставку и зерна, и скота, причем цены за пшеницу до октября оставались 80 копеек за пуд, а с конца октября – 1 рубль 20 копеек за пуд пуд.

Управляющий имениями князя Сангушко предложил корпусному интенданту при условии, что мы поможем ему рабочими, поставить из экономии 80 000 пудов зерна по цене 1 рубль 20 копеек. А рекомендованный им еврей взял подряд на поставку скота по цене 3,50 рубля за пуд живого мяса, а с декабря – по 4,50.

Эти цены не только были намного ниже открытых внутри России, но и самый скот попадал к нам полновесным, не утрачивая ничего от истощения в пути. Я сказал, что все помещики шли нам навстречу. Но князь Сангушко явился исключением из них. Узнав об условии, заключенном с нами его управляющим, он телеграфировал ему: «Только такой дурак, как вы, мог уступить войскам зерно по рубль 20 копеек. Так как вы уже подписали условие, то разрешаю поставить по этой цене первые 20 000 пудов; остальные же 60 000 пудов разрешаю продать только по два рубля за пуд».

Когда корпусный интендант доложил мне об этой телеграмме князя, я, проверив свои права по реквизиции, дал предписание корпусному интенданту реквизировать 60 000 пудов зерна по условленной цене рубль 20 коп.

Одновременно мы вошли с ходатайством о немедленной постройке узкоколейной ветки от железнодорожной магистрали к Вышневецу. Бездорожье края требовало возможно быстрой постройки, но почему-то она затянулась, потратили массу времени на предварительные изыскания вместо немедленной прокладки, обходя местные преграды, и узкоколейка в 70 с небольшим верст длины была готова лишь через шесть с половиной месяцев. И это в той же армии, в которой ненадолго перед тем в один месяц были построены 50 верст ширококолейного пути на Сокаль.

Обеспечивая довольствие войск, мы одновременно деятельно готовились к переходу в наступление с тем, чтобы выставить австрийцев из пределов Волыни. Четвертого октября мы съехались с командиром 6-го корпуса на стыке между нашими частями и договорились о совместном переходе в наступление на 8 октября.

Корпусу предстояло атаковать укрепленную позицию, средний участок которой проходил через деревни Волица и Лопушно. Пятого были приглашены на совещание начальники дивизий и начальник артиллерийской группы, которая должна была подготовить прорыв. Как всегда, мы решили атаковать на всем фронте позиции, но прорыв наметили против д. Волицы, где было укрепление в виде тупого исходящего угла на протяжении около версты, подступы к которому были тщательно обрекогносцированы Генерального штаба капитаном Коноваловым (Германом).³²⁷

³²⁷ Коновалов Герман Иванович (1882–1936) – русский офицер, участник Белого движения. С 1914 г. – в списках Генерального

Еще в ночь с седьмого на восьмое пехота сблизилась с позицией противника на 300–400 шагов. Утром восьмого ударная группа артиллерии (один тяжелый дивизион, четыре батареи 34-й артиллерийской бригады и 7-й мортирный дивизион), пристреляв каждое орудие, перешли на поражение и вели против намеченного для прорыва участка напряженный огонь в течение почти двух часов, причем один мортирный дивизион израсходовал 2000 снарядов. Все у противника как бы замерло, и как только артиллерия передала «готово», пехота встала и, рубя проволоку топорами или перерезая ножницами, ворвалась в первую линию, безостановочно преследуя противника прошла все три линии окопов, пока не вышла на чистое поле с противоположной стороны.

Во избежание задержек в захваченных окопах, за атаковавшими частями следовали команды отборных людей под командой опытных офицеров, на обязанности которых лежало не допускать никого останавливаться и подбирать добычу, пока не будут пройдены все линии.

Удар был так стремителен, что австрийцы, забрасываемые ручными гранатами, убегали в полном беспорядке и не только дали нам возможность захватить Верещацкий лес, по западной опушке которого проходит граница с Галицией, но оставили в наших руках 92 офицеров, 5600 нижних чинов пленными, 48 пулеметов, шесть бомбометов, два миномета и значительное количество вооружения и снаряжения.

штаба. На фронте в составе 134-го пехотного Феодосийского полка. В 1915 г. капитан, в оперативном отделении генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. В 1916 г. старший адъютант штаба 34-й пехотной дивизии.

Девятое число прошло спокойно, но уже десятого, с трех часов пополудни, австрийская артиллерия открыла по всему фронту корпуса ураганный огонь и вела его до самой темноты, выпустив, по подсчету наших артиллеристов, до 22 000 снарядов, однако в атаку австрийцы не переходили.

Наша пехота отсиживалась в узких щелях, специально вырытых, до четырех аршин глубины, с крутыми отлогостями. Эти щели оказались отличным закрытием против артиллерийского огня, потери корпуса за весь день не превысили 15 убитых и около 80 раненых. А главное, такие щели не производили на людей того пришибающего впечатления, которое они испытывали, сидя в лисьих норах, из каковых во время канонады добровольно никогда не выползали.

12-го австрийцы в подавляюще превосходных силах перешли в наступление, очевидно, решив взять позицию обратно. Но все их усилия остались тщетны. То же повторилось 20 и 22 октября. Ряд их последовательных атак были нами успешно отбиты.

Главный удар австрийцы вели на участок 136-го пехотного Таганрогского полка, особенно на участок 5-й роты. Но мы успели на участке роты поставить пять пулеметов – три на фронте и по одному на флангах, бравших атакующих под перекрестный огонь.

Три раза пытались австрийцы переходить в атаку, сближаясь шагов до 400–500, но, поражаемые пулеметным и ружейным огнем, поворачивали назад. Встреченные с тыла огнем своих пулеметов, поворачивали и вновь пробовали наступать. Наконец, по третьему разу, не будучи в силах более выдерживать, на мгновение приостановились, затем

бросились во все стороны врассыпную. Все бывшие в резерве части перешли в контратаку и отбросили австрийцев в их окопы.

5-й ротой Таганрогского полка командовал прапорщик Шафоростов. Мое донесение об этих боях и о геройском поведении этой роты и ее командира было доставлено командующему армией в Волочиск на вокзал в то самое время, как к станции подходил поезд Его Величества. Прочитав донесение, государь тут же наградил прапорщика Шафоростова орденом Св. Георгия IV степени и повелел пожалованный орден отправить с мотоциклистом в штаб корпуса для немедленного вручения по принадлежности.

Судьбе было угодно, чтобы в то самое время, как в штаб корпуса прибыл мотоциклист, привезший Высочайше пожалованный орден, в штаб вошел и прапорщик Шафоростов. Я тотчас же вручил ему от имени государя императора пожалованный орден. Впечатление было так сильно, что прапорщик Шафоростов не выдержал, упал на стоявшее у стола кресло и долго рыдал, не будучи в силах прийти в себя. С ним сделался нервный припадок, во время которого он все твердил имя своего старшего брата поручика Шафоростова, также командовавшего 5-й ротой и незадолго перед тем убитого в одном из боев при отходе с Карпат.

Так как за время этих сражений 7-й корпус оставался на месте, оставался на месте и правый фланг корпуса, примыкавший к нему. Не только получилась ломанная линия фронта, но позиция корпуса простреливалась продольно со стороны Почаева и австрийцев, стоявших на левом берегу реки. Необходимо было спрямить фронт, перейдя на левый

берег Иквы, овладеть д. Лосятино и прилежавшими позициями австрийцев.

На первом же совещании с командовавшим армией генералом Щербачевым я предложил исполнить это выпрямление, причем просил предоставить в мое распоряжение только на время боев еще одну дивизию. Генерал Щербачев признавал важность и необходимость моего предложения, но решил сперва выполнить намечавшийся им удар в районе 22-го корпуса,³²⁸ стоявшего левее 6-го.

Намеченный удар не удался и стоил нам больших потерь. Спряжения же фронта моего корпуса пришлось добиваться собственными силами.

После октябрьских боев на фронте корпуса наступил период затишья. Как и раньше, это затишье было использовано для усовершенствования наших позиций, усиления их и придания им таких очертаний, чтобы в каждую минуту можно было с них перейти в наступление.

Явилась возможность выводить по очереди по одному полку в резерв для отдыха, исправления одежды и обуви.

Одновременно шло усиленное обучение и дисциплинирование приходивших к нам укомплектований. С этой целью к обучению и воспитанию были привлечены лучшие кадровые офицеры 34-й дивизии, была выработана инструкция, приспособленная к условиям войны. В этой инструкции видное место отводилось стрельбе, употребле-

³²⁸ 22-й армейский корпус в 1914 г. входил в состав Петроградского военного округа. В корпус входили 1, 2, 3 и 4-я Финляндские стрелковые бригады (развернутые впоследствии в дивизии), 22-й мортирный дивизион и 22-й саперный батальон.

нию ручных гранат, умению сооружать укрепления и искусственные препятствия и, главное, разрушать их и штурмовать окопы. На отведенных участках все сооружалось в действительности и затем атакывалось. При этом достигались такие результаты, что двинутый против проволочных заграждений батальон в три-пять минут руками вырывал из земли проволочные заграждения и проползал под ними. Такие упражнения не только втягивали людей в труды, но и вызывали в них молодечество, соревнование, и надо было видеть, с каким азартом батальоны ходили на приступ. Я постоянно обходил войска, посещал окопы, а в царские дни и в дни полковых праздников производил смотры, требуя ту же выправку, то же щегольство, что и в мирное время, понимая щегольство в смысле умения одеться и пригнать снаряжение.

На корпус было возложено формирование отдельной полевой бригады из приданных нам ополченских дружин. С этой целью дружины были разбиты на отдельные роты, каждая такая рота прикомандирована к батальону полка и несла в нем службу наравне с прочими ротами батальона. По истечении месяца ополченские роты были сведены в батальоны, каждый такой батальон прикомандирован пятым батальоном в полки дивизии. По истечении еще месяца, обученные таким путем восемь батальонов были сведены в два полка и составили Отдельную Саратовскую бригаду.³²⁹ Начальником Саратовской бригады был назначен доблестный генерал-майор Лихачев.

³²⁹ Отдельная Саратовская пехотная бригада сформирована осенью 1915 г. в составе двух полков при 7-м армейском корпусе.

Волянь – страна влаги. Влага появлялась отовсюду – и с неба, и из земли; окопы и ходы сообщений, особенно первое время, наполнялись водой, борьба с этим представляла чрезвычайные трудности, пока уполномоченный Всероссийского союза городов не снабдил нас насосами очень простой конструкции, но которые превосходно и быстро выкачивали не только воду, но и жидкую грязь. Сорок таких насосов позволили нам осушить, наконец, окопы и жилые в них помещения.

Кроме осушения, Всероссийский союз городов помог нам и в устройстве бань и особенно прачечных, совершая обмен рваного, заношенного белья частью на новое, частью – тщательно вычиненное.

Одновременно с Всероссийским союзом городов постепенно расширял свою деятельность и Всероссийский земский союз, установивший в районе корпуса несколько санитарных отрядов, продовольственных лавочек и питательных пунктов, а первое время, не знаю даже в силу чего, Всероссийский земский союз занимался поголовно кормлением местного населения до здоровых мужиков включительно. Мы категорически восстали против такой безумной, ничем не вызываемой траты народных денег и настояли на прекращении такого кормления, ввиду прекрасного, неслыханного на Воляни по размерам денежного заработка за поденные работы при войсках по рытью окопов, исправлению дорог, рубке и перевозке леса. За все эти работы штабом фронта были назначены цены втрое и выше существовавших в крае цен. А так как на работы допускались и женщины, крестьяне целыми семьями зарабатывали столько, что многие перестали заниматься возделыванием полей.

Вообще же должен сказать, что как ни почтенна была деятельность Всероссийского земского союза, как ни хороши были многие из его работников и работниц, особенно среди сестер милосердия, деятельность эта представляла много и отрицательных сторон, мешало и чрезмерное обилие служебного персонала во всех предприятиях Союза; там где легко могли бы управиться один, много два человека, ставили три-пять человек и с слишком высокими окладами. Несколько опошленное слово зем-гусары, к сожалению, в основе имеет много истины. Сколько военнообязанной молодежи под флагом Всероссийского земского союза уклонилось от военной службы. Было слишком много евреев среди служащих, которые, особенно на питательных пунктах, подкармливали и укрывали дезертиров и сами совращали малодушных, так что за некоторыми пунктами пришлось установить надзор со стороны коменданта штаба корпуса.

Работая со всем усердием на войска, многие агенты старались тормозить деятельность правительственных органов и выставять ее в невыгодном свете. Такая двойственность деятельности агентов Всероссийского земского союза все более и более стала проявляться начиная с 1916 года. Но среди сестер милосердия большинство отдавались своему делу всей душой, и работа их по отношению к раненым и больным достойна высокой похвалы. Но и тут иногда не обходилось без курьезов. Так, однажды, во время доклада у начальника штаба вошел мой адъютант и доложил, что одна сестра милосердия очень просит меня видеть. Когда я вышел к ней и спросил, чем могу служить, она несколько смущенно заявила:

– Прошу вас приказать назначить в мое распоряжение 50 человек солдат.

– Да зачем вам 50 человек? Вы скажите прямо, что нужно вам сделать, а уж сколько для этого понадобится, мы увидим сами.

– Нет, мне нужно 50 человек в день.

– Да зачем же? Прошу вас, скажите прямо, и мы наверное сейчас же договоримся.

Тогда она, смутившись еще больше, призналась, что получила от своего уполномоченного предписание отправиться в Вышневец и открыть там чайную на 50 человек.

– И вот я предписание исполнила, нашла и оборудовала помещение, все готово, но никто ко мне не заходит. Я и прошу назначить мне 50 человек, которых я буду ежедневно поить чаем.

Я невольно улыбнулся и сказал:

– Посылая вас в Вышневец с подобным поручением, уполномоченный, очевидно, не знал обстановки. Здесь все обеспечены своим чаем и к вам не пойдут. Но, раз вы так хотите работать, то я вам дам на попечение действительно нуждающихся в чае – это обозных, привозящих в Вышневец хлеб и прочее довольствие, но только их иногда будет гораздо больше чем 50.

– Я рада всех напоить, но у меня есть оборудование только на 50.

– Лишь бы вы захотели нам помочь, все недостающее вам доставит корпусный интендант.

Она тотчас же согласилась и прекрасно вела это дело, часто требовавшее работы и по ночам.

По мере приближения к зиме грязь все увеличивалась, дороги становились непроезжими. Корпусный ветеринар доложил, что корпус ежедневно теряет от 12–15 падающих от натуги лошадей. Усиленное исправление дорог мало помогало делу, пришлось приблизить тыл, и я отдал приказ о переводе хлебопекарен к самому Вышневецу, несмотря на то, что окрестности подвергались постоянному обстрелу с аэропланов. Хлебопекарни были поставлены на открытом поле, замаскированы искусственными насаждениями, и несмотря на то, что начиная с ноября над Вышневецом ежедневно появлялись по два, по три аэроплана, бросавших каждый по две-три бомбы, хлебопекарни до конца, то есть до весны 1916 года, остались совершенно благополучны и работали без перерыва, выпекая в среднем по 6000 пудов в день.

Равным образом не пострадал и замок, в котором стоял штаб корпуса, две-три бомбы попали в прилежавший к дому пруд, одна падала прямо на конек крыши сарая, в котором стояли наши верховые лошади. Гибель их казалась неминуема, как вдруг в нескольких саженях от крыши бомба от чего-то разорвалась в воздухе и на крышу и землю попадали лишь мелкие куски, самые большие величиной с мелкий грецкий орех. Таким образом, сами неприятельские аэропланы почти не причиняли нам вреда, но беда, бывало, очутиться в парке, когда над ним появлялся аэроплан и наша специально установленная батарея открывала по ним огонь – стаканы так и сыпались, и приходилось становиться к стволу одного из вековых деревьев парка, пока огонь не затихнет.

Автомобили почти с места пришлось отправить в Збараж, откуда они выезжали нам навстречу по австрийскому шоссе. До этого шоссе от Вышневецца приходилось проехать грунтовой дорогой 23 версты. В случае вызова в штаб армии в Волочиск я эти 23 версты до ноября проезжал четвериком в легком фаэтоне, а с конца ноября пришлось это расстояние проезжать верхом.

Прежде чем вернуться к описанию боевых действий, мне остается коснуться одной из бытовых сторон нашей армии, встречавшейся и в прежние войны, но особенно ярко сказавшейся в эту Великую войну. В войсках, в строю, несомненно находились, правда единичные, женщины, добровольно взявшие на себя этот крест и свято исполнявшие взятый на себя долг.

Так, проезжая из Вышневецца мимо Рыдомеля, на возникшем после боя 31 августа кладбище, на кресте ближайшей к дороге могилы стояла надпись: ефрейтор Дарья Киселева. История этого ефрейтора такова. Когда его, тяжело раненного, принесли в лазарет, раздевавшие его сестры сразу увидели по груди, что перед ними женщина. На вопрос, как она попала в полк, Дарья Киселева просто рассказала:

– Мой муж запасной, хворый, хилый, у нас маленький ребенок, когда его призвали, я сказала ему: куда тебе бедному воевать, останься с маленькой дома и береги ее, а за тебя я пойду. Остригла волосы, одела его платье и пошла на призывной пункт. Когда позвали ефрейтора Василия Киселева, я крикнула «я» и так и пошла. Если умру, напишите им, да уж и похороните меня как бабу.

В 134-м пехотном Феодосийском полку с самого выступления полка находились две женщины, прозванные солдатами Мишкой и Сашкой. Солдаты их очень любили и берегли, в окопах им всегда устраивали место в одном из углов. Они участвовали во всех боях. Мишка была молодая москвичка, окончившая в Москве фельдшерскую школу, а Сашка – девушка, служившая прежде у нее. Как они попали в полк – не знаю. В бою 8 октября Мишке оторвало руку со всем плечом, и она от раны скончалась. Что случилось дальше с Сашкой – не знаю.

Однажды вечером мне доложили, что командир 50-го пехотного Белостокского полка на основании публикации родителей при записке прислал в штаб обнаруженных в полку двух гимназисток, для отправления их к родителям. Так как было уже довольно поздно, я поручил Славочке (моему адъютанту) устроить им ночлег, накормить их ужином, оградить от назойливых расспросов, а утром привести ко мне.

Обе оказались молодыми девушками 20 и 18 лет. На мое указание, что я должен их отправить к родителям, старшая заявила:

– У меня нет родителей, я сирота, и меня никто не может требовать, ибо перед тем как уехать в армию, я во всем призналась бабушке, умолила ее, и бабушка, благословив меня, отпустила.

Другая созналась, что она действительно тайком ушла из дому.

– Но если меня теперь насильно отправят домой, я наложу на себя руки.

Обе умоляли оставить их в армии, что они уже сжились с солдатской жизнью и будут служить до конца войны. На вопрос, как они попали в армию и как они, девушки, уживаются в такой постоянной, непосредственной близости с солдатами, они рассказали:

– Мы обе пошли по призыванию, долго не знали, как осуществить наше намерение, но, наконец, нам удалось сговориться с солдатами, которые доставили нам сапоги, всю форменную одежду и, когда наступил день отъезда, спрятали нас в эшелоне, и мы благополучно доехали до полка. Что касается жизни в полку, то, конечно, сначала было очень трудно; пришлось поступиться некоторыми условностями жизни, но солдаты, при всей их внешней грубости, по-своему очень деликатны и берегут нас. Еще недавно мы как-то пришли на участок, находившийся под обстрелом, и вдруг слышим грубый голос старого солдата: «Что вы тут делаете, барчуки? Пошли вон, ведь тут стреляют». С офицерами труднее; многие сейчас вносят элемент ухаживания, и это подчас очень тяжело.

Обе умоляли оставить их в полку. Я невольно задумался, хотя ясно сознавал, что обе тут по глубокому убеждению и выслать их из армии – нанести им глубокое оскорбление, а может быть и погубить их. Но мои колебания были непродолжительны, и я им заявил:

– В Белостокском полку вам оставаться нельзя, я переведу вас в 5-ю батарею 13-й артиллерийской бригады в команду телефонистов.

Обе в один голос воскликнули:

– Нет, в телефонисты мы не пойдем, мы хотим остаться в строю.

– Отказа я никакого не приму, вы будете в команде телефонистов и назначаться дежурными к наблюдателям в передовых окопах; будете по телефону передавать их наблюдения; сами скоро выучитесь наблюдать и будете оказывать нам ценные услуги. Затем прощайте, официально я не буду знать о вашем существовании, но если бы с вами что-нибудь случилось, пишите прямо мне, и я найду способ вам помочь и уберечь вас.

К декабрю 1915 года 7-я армия и ее штаб были перевезены на Галицийский фронт. Командующим 7-й армией был назначен генерал-лейтенант Щербачев. Предполагался прорыв австрийского фронта в районе Бучача, самый прорыв возложен на 7-ю армию, усиленную 22-м корпусом; стоявшая южнее 9-я армия должна была поддержать ее своевременным переходом в наступление.

Все мы, сознавая важность задачи, возложенной на 7-ю армию, растянули свои расположения до предела, так что она могла занять район всего в 25 верст по фронту, а следовательно, для усиления удара, могла эшелонировать часть своих корпусов в глубину.

Для развития успеха после прорыва в распоряжение главнокомандующего Юго-Западным фронтом были подвезены: гвардейская группа (1-й и 2-й гвардейские корпуса) и пять кавалерийских дивизий.

Таким образом, на лицо были все данные, чтобы рассчитывать на успех, но исполнители не учли ни времени года, ни трудности передвижения и подвоза по невылазной грязи. Удар получился скороспелый и как легко дался первый успех – захват первой линии австрийских окопов,

после чего произошла задержка, так также легко задержавшиеся части были выбиты обратно.

Не удалось и наступление 9-й армии, мы понесли очень большие потери (до 43 000 человек) и вынуждены были отойти на свои прежние места.

Конец декабря и первые месяцы 1916 года мы провели на своих позициях. Корпус занимал по фронту 51 версту, так что приходилось назначать батальонные участки в две – две с половиной версты по фронту. Чтобы добиться на важнейших участках скрещивания артиллерийского огня, пришлось прибегнуть к дроблению, и большинство батарей на позициях были в два орудия.

Несмотря на столь растянутое расположение, я не оставил мысли спрямить фронт корпуса и постепенно накапливал войска к правому флангу 13-й дивизии к р. Икве напротив д. Лосятино. Подготовку удара возложил на вернувшегося после ранения к дивизии ее начальника генерал-лейтенанта Михелиса.³³⁰

Внутренняя жизнь в корпусе шла полным ходом, часть была вполне укомплектована; благодаря предыдущим успешным боям, число пулеметов втрое превышало штатное; число австрийских патронов достигло нескольких миллионов штук. Орудия частью исправлены, частью заменены новыми. Но главное, настроение было твердое, все были уверены, что с переходом в наступление мы вновь

³³⁰ Генерал-лейтенант Евгений Михайлович Михелис с 21 февраля 1915 г. был начальником 13-й пехотной дивизии, с 5 мая 1917 г. – командиром 24-го армейского корпуса.

вернем все нами сданное при отходе с Карпат в свои пределы.

Одно меня глубоко огорчало, да и не меня одного, весь корпус скорбел о тяжелом заболевании всеми любимого и уважаемого начальника штаба Владимира Петровича Лазарева. Он работал до конца, не покладая рук, пока не свалился совсем. Пришлось его эвакуировать. Несмотря на то что его на руках вынесли в сани, он при проезде через д. Колодно посетил стоявшие там два госпиталя и прислал подробный отчет об их состоянии и нуждах.

Недуг его не поддавался лечению, и в феврале 1916 года Владимир Петрович скончался, но я успел еще перед его кончиной поздравить с производством «за боевые отличия» в генерал-лейтенанты.

Мы торжественно отпраздновали Рождество и встречу нового 1916 года. К молебну и ужину помимо чинов штаба были приглашены: весь медицинский персонал, уполномоченные и сестры милосердия, находившиеся поблизости Вышневецца.

После молебна я провозгласил здравие и благоденствие державному вождю государю императору, а затем благодарил всех за дружную, настойчивую работу и выразил уверенность, что в наступающем году победа вновь вернется к нам, и если наши союзники так же беззаветно пойдут навстречу нам, как мы идем к ним, то наступивший Новый год будет не только годом победы, но и годом почетного мира.

В начале 1916-го произошла перемена высшего командования на нашем фронте. Генерал-адъютант Иванов был назначен состоять при особе Его Величества; главнокоман-

дующим Юго-западным фронтом – генерал-адъютант Брусилов; командующим 7-й армией – генерал Каледин.

Возвратившись однажды от графини Шуваловой, я нашел у себя на столе телеграмму: «Петроградская Георгиевская дума в заседании своем 18 февраля единогласно постановила о награждении вас и, по вашему представлению, начальника 34-й дивизии генерал-лейтенанта Гутора орденом Св. Георгия III степени».

Это было наградою за бои 31 августа и октябрьские сражения 1915 года.

Почти одновременно мне был присужден английский орден Бани,³³¹ присланный английским королем для награждения им того из генералов Русской армии, в действиях которого в период августа – октября 1915 года было проявлено наиболее решительности и энергии.

Об эту же пору в штабы корпусов были разосланы отчеты только что вернувшегося из Франции генерал-майора Кельчевского³³² и «Замечания» по поводу действий 7-й и 9-й армий в период намечавшегося прорыва у Бучача.

³³¹ Почетнейший орден Бани – рыцарский орден Великобритании, основан в 1725 г. Название происходит от древнего обряда, когда претендентов подвергали ночному бодрствованию с постом, молитвой и купанием накануне возведения в рыцарское достоинство. В британской системе наград по старшинству занимает четвертое место после орденов Подвязки, Чертополоха и Святого Патрика.

³³² Келчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович (1869–1923) – русский генерал. В 1914 г. командир 6-го Финляндского стрелкового полка. В 1915 г. генерал-майор, гене-

В препроводительной бумаге указывалось, что с отчетом генерал-майора Кельчевского и с «Замечаниями» следует ознакомить всех начальников, до командиров полков включительно. Особенно подчеркивалась важность указания, что у французов первая линия окопов занимается крайне слабо, как бы только охранением, а главные силы дивизии располагаются во второй и третьей, и рекомендовалось и нам придерживаться такого же образа действий. Но при этом упускалось из виду одно: у французов предел растяжения корпуса по фронту составляли пять-шесть километров, значит дивизии – от двух до двух с половиной. Нормальное число орудий во французском корпусе 140. К этому было добавлено с началом войны по два дивизиона тяжелой артиллерии и, кроме того, на каждый километр позиций ставилось специально для заградительного огня по 25 77,5-мм орудий. По мере развития позиционной войны устанавливались тяжелые орудия до старых морских мортир включительно. Все арсеналы были опустошены.

Спрашивается, можно ли было предлагать такую схему к руководству в корпусе, стоявшем на фронте 51 версты, дивизия на фронте 20 верст, и имевшего на всем этом протяжении лишь 84 орудия, 72 полевых пушки и 12–48 мортир?

В «Замечаниях» же строго осуждались действия начальников только что получивших высшие назначения.

рал-квартирмейстер 9-й армии. Принимал активное участие в разработке и выполнении Черновицкой и Станиславовской операций 1916 г. В 1917 г. командующий 9-й армией, генерал-лейтенант.

Присланные отчеты я оставил у себя, а «Замечания» показал только начальникам дивизий, о чем и сообщил письмом командующему армией.

Ускользает у меня из памяти, когда именно произошло то, что сейчас будет изложено, но полагаю, что близко к началу весны 1916 года. Среди полного спокойствия на фронте корпуса вдруг, под вечер (часов в шесть-семь пополудни), австрийцы открыли артиллерийский огонь со стороны Почаева по правофланговому участку нашей позиции по течению р. Иквы. Видя, что огонь не затихает, а напротив, все разгорается, я понял, что австрийцы замышляют отход, и тотчас же по телефону запросил генералов Лихачева и Михелиса, что по их мнению означает этот огонь и не заметно ли шевеления в окопах противника? Генерал Лихачев сразу же ответил:

– Несомненно задумали отступление, я уже приказал всем изготoвиться.

Я ему:

– Совершенно так, пошлите заодно будить 35-ю дивизию (17-го корпуса) и передайте ее начальнику, что мы атакуем австрийцев.

Генерал же Михелис³³³ ответил:

– У противника все спокойно, и этот огонь, вероятно, случайный и скоро должен затихнуть.

³³³ Для которого я постепенно успел стянуть против д. Лосятино до трех полков, чтобы при первой возможности нанести удар и спрямить фронт корпуса. – *Примеч. автора.*

На мое приказание немедленно атаковать в направлении на д. Лосятино генерал Михелис доложил, что у него еще не все готово и он просит его не торопить.

Тогда я ему вновь заявил:

– Приказываю немедленно всеми вашими силами перейти в наступление и атаковать в направлении на д. Лосятино, иначе противник безнаказанно уйдет от вас.

И действительно, они застали австрийцев в полном отступлении и захватили всего 700 пленных. Занятие Лосятино выводило нас в тыл сильно укрепленной австрийской позиции на Божьей Горе, которую в случае наступления пришлось бы атаковать 17-му корпусу. К сожалению, они уже успели ее очистить и благополучно отошли. Пойми Михелис сразу обстановку, наш успех был бы еще полнее, но и так позиция на Божьей Горе досталась 17-му корпусу без боя.

Австрийцы отступили настолько, что Почаевская лавра вновь перешла в наши руки неповрежденной. Лавра оказалась нетронутой, австрийцы, всюду снимавшие медь, колокола и тому подобные ценные для них предметы, не тронули ничего – и купол, и крыша, и колокола оказались целыми; все кругом содержалось в образцовом порядке, всюду, где только было возможно, устроены огороды. При всем том не вполне обошлось без святотатства. С целью устроить развлечения для солдат ими были вынесены из трапезной все образа. На месте, где стояли киоты с образами, был установлен кинематограф и все стены разрисованы в юмористическом духе, часто довольно грубого свойства.

В эту ночь почти без потерь мы не только освободили Почаевскую лавру совершенно неповрежденную, но, спрямив фронт корпуса, настолько сократили его, что явилась возможность иметь в каждой дивизии по полку в резерве и в каждом полку, чередуя, выводить по батальону в частные резервы, что значительно облегчило службу войск.

На донесение об этом нашем успехе из штаба армии ничем не отозвались, как будто не уяснили себе его значения. Может быть потому, что с виду он достался совсем легко, а может и потому, что как всегда в моем донесении не было ни одного рекламного слова.

Так дожили мы до начала лета 1916 года, когда у союзников создалось очень тяжелое положение на Итальянском фронте. Итальянский король письмом просил государя императора о выручке. И как в 1914 году, по первой телеграмме о помощи генерала Жоффра Верховный главнокомандующий повелел начать общее наступление, не ссылаясь на нашу неготовность, так и в 1916 году государь император повелел войскам Юго-Западного фронта перейти в наступление.

На запрос штаба армии, где бы я предполагал произвести прорыв, я представил следующий проект: прорвав фронт австрийцев на участке д. Баранувка – Пиотрувка, вести удар на Заложце, овладев которым, прочно стать на р. Серете. Далее развивать действия по обстоятельствам. План действий был тщательно разработан, для прибывающих дивизионов тяжелой артиллерии построен прикрытый путь, по которому они прошли совершенно незамеченными со стороны противника. Подступы к намеченному для прорыва участку были мною тщательно обследованы совместно с

инспектором артиллерии 11-й армии,³³⁴ начальником 34-й дивизии генерал-лейтенантом Стремоуховым³³⁵ (генерал-лейтенант Гутор незадолго перед тем был назначен командиром 6-го корпуса), полковниками артиллерии Васильевым и Рахминым.

За этой работой мы провели четыре часа в Верещакском лесу, переходя с участка на участок, местами всего в нескольких стах шагов от австрийских окопов. Мы сами не произносили ни одного громкого слова, в австрийских же окопах были слышны разговоры. В течение всего времени, проведенного нами в лесу, не раздалось ни одного орудийного, ни одного ружейного выстрела. При такой же тишине мы покинули Верещакский лес и разъехались по своим местам. Но не успел я доехать до д. Хотовицы, как со стороны австрийцев начался артиллерийский огонь, вскоре принявший характер ураганного. Сойдя с автомобиля, прошел на телефонную станцию и приказал запросить: по какому участку стреляют? Последовал ответ: «Не прошло и получаса после вашего отъезда, как австрийцы открыли огонь по Верещакскому лесу и ведут его все с возрастающим

³³⁴ Инспектором артиллерии 11-й армии был генерал-лейтенант Арсений Дмитриевич Шашевский (с 16 апреля по конец 1916 г.).

³³⁵ Генерал-майор Николай Петрович Стремоухов с 21 июня 1909 по 31 октября 1914 г. был начальником штаба 17-го армейского корпуса, затем до начала 1915 г. – начальником 17-й пехотной дивизии; с 18 мая по 18 октября 1915 г. в чине генерал-лейтенанта был начальником штаба 7-й армии, с 10 марта 1916 по 4 сентября 1917 г. – начальником 34-й пехотной дивизии.

напряжением». Обстрел леса продолжался свыше двух часов, затем постепенно затих.

В разработанном плане была одна слабая сторона – необходимость выставления сильного заслона против Подкамня для прикрытия правого фланга корпуса при продвижении с участка Баранувка – Пиотрувка на Заложце в юго-западном направлении. Ввиду этого на совещании у командующего 11-й армией, изложив план выработанных действий, я просил, чтобы для усиления удара на Заложце одновременно с нашей атакой с линии Баранувка – Пиотрувка был бы произведен удар на Заложце по шоссе Мшанец – Заложце 6-м корпусом,³³⁶ силами не менее одной бригады, в помощь которой я обязался прислать один из приданных мне дивизионов тяжелой артиллерии.

План был всеми одобрен и тут же по прямому проводу передан начальнику штаба Юго-Западного фронта для доклада главнокомандующему.

От главнокомандующего получил неожиданный ответ:

– Я просил разработать один сильный удар, в мне взамен того предлагают два слабых.

Очевидно, получилось какое-то недоразумение, и я просил передоложить главнокомандующему, что предлагается одновременный удар на Заложце с двух точек и такой удар всегда сильнее удара, веденного с одной точки. Получился вторичный ответ:

³³⁶ В 1914 г. 6-й армейский корпус входил в состав Варшавского военного округа. Корпус включал 4-ю и 16-ю пехотные, 4-ю кавалерийскую дивизии, 6-й мортирный артиллерийский дивизион, 10-й саперный и 1-й обозный батальоны.

– Главнокомандующий предоставляет решение вопроса на полную вашу ответственность.

Как только было произнесено роковое слово «ответственность», картина совещания сразу изменилась. Все стали колебаться, командующий армией, несмотря на мое заявление, что я все беру на себя, колебался и не давал решающего ответа. Пока раздумывал командующий армией, командир 6-го корпуса генерал-лейтенант Гутор, которого, по-видимому, не удовлетворяла второстепенная роль, отводимая его корпусу, неожиданно внес совершенно новое предложение:

– Раз главнокомандующего не удовлетворяет удар, предложенный командиром 7-го корпуса, то я предлагаю произвести прорыв в районе вверенной мне части в районе деревень Гладки и Воробьювка. Германцы с этого участка ушли, и можно рассчитывать на успех.

Такое предложение со стороны генерал-лейтенанта Гутора меня больше чем удивило. Позиция Гладки – Воробьювка уже дважды была атакована войсками 6-го корпуса, оба раза неудачно, и при этих атаках корпус потерял свыше 30 000 человек. Атаковать этот участок теми же войсками в третий раз значило идти на верную неудачу. Тем не менее командующий сейчас же ухватился за это предложение и утвердил его, несмотря на то, что я на совещании высказал изложенные выше соображения, а после совещания еще раз пытался, уже как товарищ, всеми силами отговорить его от этого рокового шага.

Позиция Гладки – Воробьювка была атакована. Как всегда, каждый день доносилось о доблестных атаках, были захвачены три высоты, но на восьмой или девятый день

обессилевшие войска отошли на свои исходные места. Корпус даром потерял свыше 16 000 человек, и сам генерал-лейтенант Гутор, неосторожно подъехав в автомобиле к наблюдательному пункту, был ранен в руку.

Жестокие бои под Луцком и Ковелем не дали положительных результатов.

Так туго началось Брусиловское наступление 1916 года. Но затем, все более и более расширяясь, оно переходило от успеха к успеху и закончилось полным разгромом австрийских войск. Действия 40-го и 5-го³³⁷ армейских корпусов, особенно 40-го, увенчалось полным успехом. Когда затихли бои на фронте упомянутых корпусов, я получил предписание: 20 июля начать форсирование р. Серета на участке деревень Ратыще – Заложце – Вертелка.

Предстояло форсировать реку, вброд непроходимую, на определенном участке, причем противоположный берег был укреплен и прочно занят. Положение еще усугублялось тем, что присланная тяжелая артиллерия была не в порядке, и на второй день боя командир дивизиона заявил о необходимости отвести часть с позиции, чтобы исправить орудия, пока они совсем не откажутся от службы. Такого разрешения я, конечно, дать не мог, но, входя в его положение, разрешил снимать орудия по очереди и производить необходимые исправления.

³³⁷ В 1914 г. 5-й армейский корпус входил в Московский военный округ. Корпус включал 7-ю и 10-ю пехотные дивизии, 3-ю отдельную кавалерийскую бригаду, 5-й мортирный артиллерийский дивизион и 23-й саперный батальон.

Не имея возможности на память подробно изложить ход этих боев, заслуживающих полного внимания, ввиду трудности задачи ограничусь лишь схематическим изложением хода форсирования.

Как всегда, мы атаковали на всем указанном фронте: 13-я дивизия на участке Ратыще – Чистопады; Саратовская Отдельная бригада на участке Вертелка – Новоселки; 34-я дивизия посередине должна была атаковать Заложце и вести прорыв.

Несмотря на тщательную артиллерийскую подготовку, первая атака 133-го пехотного Симферопольского полка не удалась. Повторенная после обеда, несмотря на своевременное усиление атакующих, также не имела успеха; не удалось захватить плотину, перегороженную прочной решеткой.

Тогда в пять часов пополудни я приказал прекратить бой, произвести перегруппировку войск и главный удар перенести севернее Заложце в район д. Чистопады Ратыще. На подготовку нового удара предоставил ночь с 20-го на 21-е, все 21 июля и ночь с 21-го на 22-е.

В течение 21 июля корпусным инженером были заготовлены материалы для 11 мостков: восемь для пехоты и три для артиллерии. Для отвлечения внимания австрийцев я приказал генералу Лихачеву готовиться к переправе у Вертелки.

Генерал Лихачев, всегда все понимавший с полуслова, так энергично вел приготовления к переправе, что австрийцы стянули против него все свои резервы.

Как только совершенно стемнело, мостки в районе д. Чистопады были наведены; по ним двинулась пехота и два

взвода артиллерии, и к моменту рассвета мы уже имели на том берегу 14 рот пехоты и два взвода артиллерии, следовавшие на линии цепей. Присутствие орудий в цепи оказало ошеломляющее влияние на австрийцев, которые не выдержали удара и отошли настолько, что мы смогли прочно закрепиться на том берегу и исправить мост в д. Ратыще.

Несмотря на этот первый успех, потребовалось еще семь дней боев, пока противник был окончательно сломен. В течение 27–28 июля, тесня австрийцев, мы постепенно заходили правым своим флангом и заняли деревни Ренюв Белоглавы, Белокерницу, Олеюв.

29-го на рассвете австрийцы, подкрепленные тремя полками германцев, присланных из-под Вердена,³³⁸ перешли в контратаку.

Начавшийся в четыре часа утра бой продолжался весь день до девяти часов вечера с особенным напряжением артиллерийского огня. Несмотря на утомление от десятидневных непрерывных сражений, войска корпуса, одушевленные предыдущими успехами, не только отбили атаки австрийцев, но сами перешли в наступление и нанесли противнику полное поражение.

Австро-германцы в полном беспорядке поспешно уходили, оставив в наших руках свыше 17 000 пленных, в том числе 3000 германцев и трех командиров полков.

Отступали в полном беспорядке не только разбитые нами войска, но также поспешно очищали они злосчастные

³³⁸ Показания военнопленных германцев. – *Примеч. автора.*

позиции у Гладки – Воробьювки, ранее атакованные 22-м корпусом.

Бой 28 июля, продолжавшийся 20 часов (с четырех утра до девяти вечера), был настоящим побоищем, потребовавшим напряжения всех сил корпуса. У меня не было ни одной свежей части, чтобы вести энергичное преследование.

Наступило время или подчинить мне соседние корпуса 17, 6 и 22-й, или самому командующему армией прибыть на поле сражения и вести неослабное преследование. Но ни то, ни другое не было сделано, и я только продолжал получать указания, что необходимо завершить столь доблестно начатое дело, дабы понесенные потери не были напрасны. За десять дней боев корпус потерял убитыми и ранеными 488 офицеров и 20 500 солдат. Необходимо было привести части в порядок и восстановить командование. Все же мы продвинулись вперед и заняли все очищенные перед нами позиции. Штаб корпуса перешел в д. Городище.

Несмотря на столь тяжелые потери, настроение в корпусе было повышенное. Даже раненые, когда я их обходил и благодарил, встречали меня улыбаясь, поздравляли с победой.

Впервые за время войны о действиях корпуса было объявлено в реляции штаба Верховного главнокомандующего с упоминанием моей фамилии. Недаром начальник штаба Верховного главнокомандующего³³⁹ высказал:

³³⁹ Начальником штаба Верховного главнокомандующего с 18 августа 1915 по 1 апреля 1917 г. был генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

– Победа Эка обратила тактическое поражение австрийцев в стратегическое поражение.

Случайное ли это совпадение или действительно этот успех повлиял наконец на румын, но на другой день, 30 июля, Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Германии.

К сожалению, эта победа явилась неожиданной, не в развитие заранее составленного плана, и хотя она открыла пути на Львов, воспользоваться ею было некому, и открытые пути стали опять постепенно закрываться. Но каково же было удивление не только мое, но и всего корпуса, когда командующий армией прислал комиссию для расследования, как мы могли за время боя 28 июля израсходовать 22 000 снарядов? Когда инспектор артиллерии армии доложил мне о возложенном на него поручении, я только сказал:

– Пожалуйста, расследуйте что хотите, как хотите, но меня оставьте в покое.

Войдя утром 30-го в нашу столовую, я застал в ней командира одного из австрийских полков с полковым адъютантом. Когда мы сели пить кофе, командир, указывая на адъютанта, сказал:

– Вот, кажется, мы с ним единственные, оставшиеся в живых от всего полка после вчерашнего ужасающего боя.

Когда же я затем подошел к стоявшим на улице военнопленным, я был поражен их удрученным видом. Обыкновенно военнопленные очень быстро приходили в веселое расположение духа и первым делом поедали бывшие на каждом из них консервы, считавшиеся неприкосновенным запасом и за самовольное съедение которых жестоко карали до расстрела включительно. Эти же стояли как окупутые в

воду и не смотрели прямо в глаза. На мой вопрос, почему они так грустны, что им нечего опасаться, они отвечали:

– Нам не только было объявлено повеление императора об удержании этих позиций во что бы то ни стало, но и офицеры нам объяснили, что если мы сдадим эти позиции, то нам не удержаться и русские опять свободно вступят в нашу страну.

А когда я спросил у германцев, как они сюда попали, они объяснили:

– Четыре дня тому назад под Верденом нас неожиданно посадили в вагоны и в два дня доставили в Зборув. От Зборува мы сделали один переход пешком и 29-го приняли участие в бою.

Стоявший рядом с говорившими германский унтер-офицер добавил:

– Вы нам враги и, конечно, должны нас ненавидеть, но если бы вы видели, что с нами делали под Верденом, то и вы бы нас пожалели, – и, закрыв лицо руками, так разрыдался, что сел на землю.

В один из последующих дней я объехал австрийские позиции в районе д. Гладки – Воробьювки и был поражен, если так можно выразиться, их зловещим видом. Они произвели на всех нас очень тяжелое впечатление.

Одно только было отрадно видеть, в каком образцовом порядке содержались на них кладбища, и не только те, на которых были похоронены австрийцы и германцы, но и наши. На всех могилах были кресты, на которых набиты личные номера похороненных. В таком же порядке были кладбища и в Заложцах.

Заложце, очевидно, составляло как бы ядро австрийской позиции. В нем не только было несколько домов, оборудованных под квартиры старших начальников, большие склады, госпитали, но кругом были поля, обнесенные столбиками и отмеченные надписями «военное поле», «вполовину военное». Жители объяснили, что военные поля составляли собственность войск, всецело ими возделывались; вполовину военные – интендантство давало семена, войска помогали крестьянам лошадьми и рабочими, и за это половина урожая шла владельцам полей, половина войскам. Непосредственно кругом селения по краям улиц при всех окопах были разбиты огороды, всецело возделываемые войсками. Все военные поля и военные огороды я предоставил в полное пользование войск и во избежание расхищения сдал под охрану коменданта штаба корпуса.

Надо отдать справедливость, что австрийцы обращали большое внимание не только на предоставление жилых удобств войскам и в окопах, и в домах, но и на придачу внешней красоты: все мосты, изгороди, ворота были построены из стволов молодых берез, причем тщательно сохранялась чистота и целостность бересты. Из берез же были сделаны стулья, скамьи, столы в окопах и бараках. Все стены расписаны. В генеральском домике, в котором я прожил несколько дней, одна из стен была расписана четырьмя картинами, каждая картина обрамлена гирляндой из цветов в виде медальона. В первом медальоне медленно выступал господин средних лет в синем фраке, жабо, белых чулках, в башмаках с пряжками и с букетом цветов в руке. На втором – он уже стоял на одном колене перед своей невестой и, целуя ей руку, вручал букет; на третьем – они медленно, обнявшись, шествовали среди полей; на четвертом – оба

кружились в веселом хороводе, взявшись за руки с целой ватагой ребятишек. Умение рисовать должно быть очень развито среди австрийцев. Во всех домах, избах, где только стояли войска, стены были расписаны, часто с большим мастерством. Так, на стене избы, в которой я ночевал в деревне Городище, обитой тесом, была нарисована углем очаровательная головка, которой нельзя было не любоваться.

Наши солдаты очень хвалили австрийцев за их умение устроиться и часто очень простодушно высказывали свою похвалу. Однажды генерал-майор Нищинский,³⁴⁰ пожелавший осмотреть австрийские окопы, спросил:

– Где начинается австрийская позиция?

Спрошенный им солдат ответил:

– Пожалуйте, все прямо, и как увидите, что все чисто и красиво кругом, это значит и есть австрийские окопы.

Из тактических действий в период этих боев заслуживают особенного внимания: а) быстрота заготовки и особенно наводки мостиков в ночь с 21 на 22 июля; б) следование двух артиллерийских взводов на линии пехотных цепей, оказавшее решающее влияние на успех занятия противоположного берега; в) атака 3-м Уманским казачьим полком Кубанского войска в конном строю пехотных цепей, увенчавшаяся полным успехом, причем полк понес потери: 37 человек убитыми и ранеными и до 90 лошадей, выбывших из строя; г) образцово веденная демонстрация переправы

³⁴⁰ Генерал-майор Леонид Витальевич Нищинский с августа 1916 г. был инспектором артиллерии 47-го, с 22 января 1917 г. – 1-го Туркестанского армейских корпусов.

Саратовской Отдельной бригады у д. Вертелки, настолько приковавшая внимание австрийцев, что они спешили направить туда все свои резервы и д) в бою 28 июля командир 134-го пехотного Феодосийского полка полковник Коваленко во время атаки д. Белогловы, когда подавленные артиллерийским огнем полки залегли, сумел поднять полк и продвижением вперед вывел его из полосы наибольшего поражения, и тем решил успех боя в нашу пользу. За это именно по моему представлению награжден орденом Св. Георгия IV степени.

Принятое мною решение прекратить бой у Заложце и произвести перегруппировку сил с целью переноса главного удара в район деревень Чистопады и Ратыще было принято штабом армии с недоверием, и меня старались уговорить отказаться от этого и заставить продолжать долбление на Заложце, как будто мало было примеров Гладки-Воробьювки, Луцка, Ковеля и других.

Хотя в моем распоряжении находилось довольно значительное количество укомплектований, я не допускал ставить в ряды более одной четвертой части наличного состава частей, так как бои продолжались и самые укомплектования были во всем неподготовлены к боевой работе.

Впервые в числе укомплектований, стали прибывать девятнадцатилетние; некоторые из них сразу выделялись своими юными лицами, с чисто детским выражением, и по сложению были лишь подростками.

По мере прибывания я выходил к каждой партии, приветствовал их и производил проверку ими усвоенного.

Осмотры производил на большой лужайке перед домом, в котором я жил.

Осмотрев одну такую партию, я отпустил ее на ночлег в прилежащую тут же деревню. Уже почти все успели втянуться в нее, как вдруг на луг упала бомба, брошенная с пролетавшего аэроплана, и с треском разорвалась. Отставший несколько от партии девятнадцатилетний новобранец, перепуганный, начал метаться по лугу, ища убежища, но не находя такового, стремглав бросился к стоявшей на окраине бабе, упав на землю, заполз под ее юбки. Баба, уже привыкшая к подобным взрывам, расхохоталась и, прикрыв его юбкой, приговаривала:

– То е децко.

Наконец, помимо укомплектований в мое распоряжение была перевезена с Западного фронта 84-я пехотная дивизия.³⁴¹ Получив свежие силы, я тотчас же решил продолжать наступление и, овладев Зборовом, перейти на правый берег р. Стрыпы. За это же время я успел получить ценного сотрудника, артиллериста, в лице вновь назначенного командиром 13-й артиллерийской бригады генерал-майора Шепелева, бывшего в мирное время командиром дивизиона в этой же бригаде, а затем и помощником командира бригады.

³⁴¹ 84-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 49-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 333-й пехотный Глазовский, 334-й пехотный Ирбитский, 335-й пехотный Анапский и 336-й пехотный Челябинский полки, 84-я артиллерийская бригада.

Атака австрийской позиции была назначена на 18 августа, и 84-й дивизии предназначалась почетная роль охвата левого фланга австрийцев. Все приготовления велись в полной тишине, необходимые передвижения производились по ночам.

В дни приготовления этой атаки впервые проявились признаки внутренней разрушающей работы в войсковых частях. 16 августа прибыл ко мне начальник Саратовской отдельной бригады генерал-майор Лихачев с известием: утром к нему явился командир 2-го полка бригады с докладом об отказе солдат наступать, но, мол, защищать свои позиции будут до последнего человека.

На мой вопрос, что он решил и чем могу ему помочь, генерал-майор Лихачев заявил:

– Пока ничего не надо, я только явился, чтобы поставить вас в известность, а с полком я живо управляюсь; я уже сделал соответствующее внушение его командиру и приказал к моему возвращению построить полк и состоящую при мне отдельную Оренбургскую казачью сотню с четырьмя пулеметами. Ручаюсь, что все будет в порядке и 18-го мы атакуем, как назначено.

Подъехав к полку, генерал Лихачев, приказав сотне стать по флангам, а пулеметам против фронта полка, обратился с речью. Речь была очень коротка, но и очень внушительна, закончил он ее словами:

– Трусами вы до сих пор не были, и я не позволю вам сделаться трусами! Сегодня же после обеда станете в окопы, завтра произведем разведку, а послезавтра атакуем. Я сам пойду за вами, при мне будут два пулемета, и горе тому, кто остановится или повернет назад. Поняли?

– Так точно, Ваше превосходительство.

Обратившись к командиру полка, добавил:

– Ну так отобедайте и затем ведите полк в окопы.

84-я дивизия была в хорошем виде, сильна по составу, но как будто только что впервые прибыла на театр военных действий. Поражало полное отсутствие боевых сноровок, выработавшихся в наших войсках за два года войны.

Когда все роли были распределены и отдан боевой приказ, я указал начальнику дивизии:

– Теперь вам надо за ночь стать в исходное положение, то есть сблизиться с противником атакующими частями настолько, чтобы по первому знаку артиллерии, что все готово, встать и атаковать. Это особенно важно в данном случае, так как вам приходится атаковать по совершенно открытой местности.

Генерал-лейтенант Козлов³⁴² уверил меня, что все будет сделано, как я указываю, и за ночь действительно сблизился с противником, но лишь на 2000 шагов, согласно нормы, указанной уставом.

Когда наступила ночь на 18-е, на обеих позициях царила полная тишина; казалось, что все спят. И вдруг, около полуночи, раздался взрыв ручной гранаты, затем другой, третий, и так продолжалось несколько минут, затем все опять затихло. Оказалось, что один из начальников учебных команд полков 13-й пехотной дивизии, расположенных в одной из деревень в тылу нашей позиции, решил в эту ночь

³⁴² Генерал-лейтенант Владимир Апполонович Козлов с 18 июля 1914 по 15 апреля 1917 г. был начальником 84-й пехотной дивизии.

произвести обучение действию ручных гранат, очевидно, не был ориентирован в обстановке штабом дивизии. К счастью, этот эпизод не имел никаких последствий, нигде не поднялось тревоги, австрийцы также не шелохнулись, и снова воцарилась полная тишина.

На рассвете наша артиллерия открыла огонь. Ударная группа артиллерии, руководимая генерал-майором Шепелевым, после двухчасового напряженного огня как бы придушила выбранный для прорыва участок. Керчь-Еникальск и Таганрогский полки поднялись и, пролагая себе путь через проволочные заграждения, ворвались в австрийские окопы и, проходя их, забрасывали противника ручными гранатами. Стоявший влево от них 3-й полк³⁴³ 84-й дивизии также доблестно атаковал и почти одновременно с ними ворвался в австрийские окопы. Но когда наши, продвигаясь вперед, стали забрасывать противника ручными гранатами, 3-й полк сперва оторопел, а затем бросился назад, и стоило большого труда его остановить. Пришлось отвести полк в резерв, причем не только люди, но и офицеры не хотели верить, что это наши забрасывали ручными гранатами, уверяя, что их у нас никогда не было.

Столь неожиданный и поспешный отход поставил в очень тяжелое положение Керчь-Еникальск и Таганрогский полки, обнажив их фланг. Слабо поддерживаемые Белостокским полком, они лишь смогли удержаться в

³⁴³ Упоминается третий полк дивизии, то есть 335-й пехотный Анапский.

захваченных ими окопах, бой затянулся, и окончательно овладеть австрийской позицией удалось лишь 20-го утром.

В Саратовской отдельной бригаде дела шли блистательно. Наэлектризованные своим грозным начальником, они прямо летели вперед и к 11 часам утра были уже на том берегу р. Стрыпы, овладели Зборовом и захватили 3000 пленных.

Это был мой последний бой с 7-м корпусом.

Не получая ни в чем поддержки от командующего армией и тем лишенный каждый раз возможности развивать добытый успех, я после долгого размышления решил обратиться к генерал-адъютанту Брусилову с просьбой переместить меня. Генерал-адъютант Брусилов отнесся к просьбе с большим вниманием и предложил мне самому выбрать любой из корпусов, находившихся в составе войск Юго-Западного фронта. Я откровенно ответил, что мне настолько тяжело расстаться с 7-м корпусом, что все равно, какой принять, и что я это предоставляю всецело на его усмотрение. Тогда генерал-адъютант Брусилов предложил мне обменяться с командиром 23-го корпуса генерал-лейтенантом Сычевским. Я знал генерала Сычевского с очень хорошей стороны еще по Японской войне, мне было приятно передать свой корпус в его руки, и я сейчас же согласился.

Штаб 23-го корпуса находился в г. Яблоница в районе Лесистых Карпат.

Прежде чем перейти к изложению жизни в Лесистых Карпатах, я остановлюсь на итогах Брусиловского наступления 1916 года. Почти одновременно с описанным выше форсированием р. Серета, в конце июля или начале

августа началось наступление 8-й и 9-й армий, вскоре принявшее очень крупные размеры и переходившее от успеха к успеху. Всюду разбитые, австрийцы быстро отступали, и мы постепенно заняли города Трембовлю, Чорткув, Коломыю, всю Буковину с главным городом Черновиками, Залещики, Куты, Выжнец, вторглись в район Лесистых Карпат и заняли перевалы, господствовавшие над путями в Венгерскую равнину.

Разгром австрийских армий был полный, всего мы захватили свыше 600 орудий, 1500 пулеметов и свыше 500 000 пленных. Австрийские войска были деморализованы и Австро-Венгерское правительство взывало о помощи к Германии.

Германия о ту пору сама была сильно потрясена. Неудачи под Верденом, стоившие им, по признанию самих германцев, свыше 300 000 человек выбывших из строя, необходимость спастись Австрию довели напряжение Германии до предела – до того, что она решилась предложить мир на условиях *status quo ante bellum* (то есть, на условии возвращения к взаимному положению до войны). Насколько тогда была потрясена Германия, наглядно видно из той книги воспоминаний американского посла в Константинополе Моргантау, который так описывает свое свидание с германским послом Вангенгеймом осенью 1916 года: «Как и перед войной, в июле 1914 года, так и теперь заехал ко мне Вангенгейм и объявил, что его срочно вызывают на совещание в Берлин, причем Вангенгейм заявил, что Германия готова пойти на мир на условиях *status quo* до войны, чтобы избавить человечество от создавшихся колоссальных потрясений, и беда тем, кто сейчас не примет наших теперешних условий. С теми мы поведем войну до

крайних пределов и уже как победители продиктуем свои условия. С этими словами он простился со мной и уехал в Берлин».

«Когда же через две недели он возвратился обратно, ко мне в кабинет вошла лишь как бы тень бывшего Вангенгейма. От волнения у него так кружилась голова, что он схватился за спинку стула, чтобы не упасть, затем опустился в кресло и сразу не мог говорить. Придя в себя, он опять стал доказывать, что Германия, единственно только входя в положение своих противников и своих союзников, добровольно предлагает всем почетный мир. Но, воскликнул он, если отринуть эти наши предложения, то в дальнейшем мы будем беспощадны и поведем войну до победного конца. Поговорив еще недолго, он уехал, и с этого дня стал быстро слабеть, а через 24 дня его не стало».

Наступило время для союзников в действительности объединить все свои действия, как о том уже много раз поднимался вопрос, дружным переходом в общее наступление на всех фронтах перенести войну в пределы Германии и там нанести ей решительное поражение в бою, и затем продиктовать ей условия мира. И стратегическая и государственно-политическая обстановка требовали такого решения и, пойдя на нее союзники, Великая война была бы закончена в 1916 году, самое позднее весной 1917-го, и притом закончена нормальным путем – военной победой, без полного надрыва народных сил. И условия мира были бы таковы, что явилась бы возможность постепенно восстанавливать нормальные отношения между державами и действительно перейти на мирное положение.

Но нашим союзникам не улыбалась та выдающаяся роль, которая выпала бы на нашу долю при создавшейся тогда обстановке; их тяготило, что мы уже два раза, жертвуя своими интересами, спасли их от разгрома, и они предпочли затянуть войну, сославшись на свою еще не вполне законченную готовность к решительному переходу в наступление, указав, что эта готовность может быть не ранее весны 1917 года.

Своим отказом в 1916 году перейти вместе с нами в общее наступление союзники не только затянули нормальное окончание войны, но способствовали нашему внутреннему надрыву и помогли Германии совершить против нас величайшую гнусность, когда-либо совершенную одним государством в отношении другого соседнего государства.

Но и самим себе затяжением войны на полтора года они нанесли такой вред, глубину которого еще и посейчас не вполне можно оценить.

Последствия Версальского мира, в котором стремление уничтожить Германию и инстинкты наживы взяли верх над высшими государственными соображениями, могут оказаться, особенно для Франции, столь тягостными, что их не окупят и все миллиарды, которые стремятся вытянуть из Германии.

Указав здесь на сделанное нам Германией зло доставлением на нашу территорию шайки Ленина и К°, снабдив их при этом многомиллионными капиталами, я далек от мысли проповедовать в будущем воздержание от соглашения с Германией. В подобных случаях на первое место должны выступать государственные интересы, а чувства отодвигать-

ся на второе и даже на третье. Мы имели и, по восстановлении России, снова будем иметь свыше тысячи верст сухопутной границы с Германией, следовательно, необходимо будет восстановить с ней прежние добрососедские отношения. Но, восстанавливая эти отношения, надо будет ставить Германии такие условия, выгодами от которых мы бы заставили ее расплачиваться хоть за часть того вреда, который она нам нанесла. А для этого достаточно, чтобы наши государственные люди твердо помнили две данные: первое – только две державы в мире – Россия и Америка – имеют у себя внутри все виды сырья, необходимые для какой угодно промышленности и могут самостоятельно создавать любую из них, не нуждаясь в помощи других государств. Германия же без нашего сырья процветать не может; второе – история всех народов показывает, что проигранная война всегда вызывает необычайный подъем духовных и производительных сил народа, и чем глубже, чем тяжелее разражалось бедствие над народом, тем ярче и сильнее бывало его возрождение. Так будет и с нашей родиной, как только она освободится от захвативших в ней власть грабителей и изуверов.

Простившись с 7-м корпусом, я выехал в г. Черновицы, где стояли штабы 8-й и 9-й армий, чтобы представиться своему новому командующему армии генералу Каледину и повидать генерала Лечицкого, которого привык уважать и любить еще со времен Японской войны, когда он командиром 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка состоял у меня в отряде.

Город Черновицы поражал своим благоустройством, богатством и, в особенности, великолепным зданием Буковинской митрополии. Пробыв в Черновицах два дня, я

выехал в Яблоницы, где стоял штаб 23-го корпуса. Перед выездом из города встретил только что прибывших наших верховых лошадей и, к моему удивлению, увидел при них приказного 2-й отдельной Донской казачьей сотни Пузанова, состоявшего при мне постоянным вестовым. Поздоровавшись с ним, я ему объяснил, что как ни рад его видеть, но должен его отправить обратно в сотню, так как не имею права разлучать его с ней. Он мне ответил:

– Никак нет, Ваше высокопревосходительство, мне обратно в сотню вернуться нельзя, потому что сотня единогласно постановила приговор быть мне неотлучно при вас до окончания войны и наказала мне писать про вас, где вы пребываете и благополучны ли вы.

Командир сотни приговор утвердил и отправил его для доклада атаману отдела. Я был глубоко тронут этим приговором и рад сохранить при себе приказного Пузанова, к которому очень привык за время войны.

В пояснение того, как мог создаться подобный приговор, надо упомянуть, что за время войны, в конце 1915 года я получил от наказного атамана Донского и войскового атамана Кубанского казачьих войск утвержденные ими приговоры: первый – об избрании меня почетным казаком Донского войска по Калитвенской станице Донецкого округа, и второй – почетным стариком по Староминской и Новодеревянковской станицам Ейского отдела Кубанского казачьего войска. Оба приговора по представлению атаманов были высочайше утверждены.

Передавая приговор Староминской и Новодеревянковской станиц, состоявший при 7-м корпусе 3-й Уманский

полк³⁴⁴ передал мне и подарок от кубанцев: шашку, бурку, алый башлык и плеть в серебре.

Оба приговора, судя по их содержанию, состоялись, надо полагать, на основании писем казаков, присланных ими с театра войны, и в столь теплых выражениях, особенно Донской, что я был тронут до глубины души и обратился письмом к военному министру генералу Поливанову, в котором ходатайствовал об испрошении для меня Высочайшего разрешения на ношение хотя бы одного войскового мундира – Донского войска. Генерал Поливанов ответил, что так как избрание в почетные казаки не дает еще права на войсковой мундир и до настоящего времени пожалования мундиром удостоивались лишь некоторые особы совершенно в исключительных случаях, то он не признает возможным исполнить мою просьбу. Выходило, что, по мнению генерала Поливанова, командир корпуса, генерал-от-инфантерии, кавалер ордена Св. Георгия III и IV степеней и Бриллиантовых знаков Св. Александра Невского с мечами – не являлся еще особой.

В Яблоницу я прибыл 4 сентября 1916 года.

Встреча с генерал-лейтенантом Сычевским вышла совсем не такой, как я ее себе представлял. Наружно он мало изменился, но от прежнего светлого взгляда на жизнь, благожелательного отношения к войскам не осталось и

³⁴⁴ 3-й Уманский полк Кубанского казачьего войска сформирован в 1914 г., состоял при 12-м армейском корпусе. Во время наступления Юго-Западного фронта в конце мая – июне 1916 г. полк был придан Заамурской конной дивизии 17-го армейского корпуса.

следа. Все, высказанное им при встрече, выказывало мрачность его настроения и недовольство войсками. Еще более меня поразило его желание немедленно уехать. Он не согласился даже отобедать с нами, и пробыв со мной не более получаса, уехал, не представив мне никого, кроме начальника штаба генерал-майора Черепенникова.³⁴⁵

Проводив генерал-лейтенанта Сычевского, мы вошли в столовую, генерал-майор Черепенников представил мне всех чинов штаба, и мы сели обедать. И здесь замечалось такое настроение, будто все были настороже, на мои вопросы об условиях стоянки штаба и жизни в Лесистых Карпатах отвечали очень коротко, и я встал от этого первого моего обеда в 23-м корпусе с тяжелым впечатлением. Многое заставляло призадуматься, особенно общая подавленность настроения, которое всегда является основой всех неудач.

Первый же доклад начальника штаба – обстоятельный и вполне откровенный – в значительной степени выяснил мне положение. Оказалось, что войска переутомлены не только от непомерно многочисленного наряда в охранение (до половины и более всего состава частей), но и другими стеснениями в хозяйственном отношении. Войска стояли в окопах по высотам, а кухни из опасения потери их в случае неудачного боя – внизу, и людей по очереди, командами сводили вниз на обед. Горячую пищу варили раз в день. Не только не допускалось разведение костров для обогрева людей, но не разрешалось даже разводить огонь для варки

³⁴⁵ Генерал-майор Алексей Иванович Черепенников с 20 апреля 1916 г. был начальником штаба 23-го армейского корпуса, с 7 апреля 1917 г. – начальником 43-й пехотной дивизии.

чая в котелках. Из опасения тревоги людям не давали спать по ночам и удивлялись, что они в понуренном настроении.

Необходимо было немедленно объехать позиции и обойти войска. Но сделать это было нелегко и потребовало бы много времени. Корпус занимал по фронту до 70 верст, в его состав входили пехотные дивизии: 32-я,³⁴⁶ 79-я,³⁴⁷ 82-я и 59-я³⁴⁸ и Конно-Уссурийская казачья дивизия.³⁴⁹ Я решил

³⁴⁶ 32-я пехотная дивизия сформирована в 1812 г. В 1914 г. входила в 11-й армейский корпус. Состав дивизии: 125-й пехотный Курский, 126-й пехотный Рыльский, 127-й пехотный Путивльский, 128-й пехотный Старооскольский полки, 32-я артиллерийская бригада.

³⁴⁷ 79-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 44-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 313-й пехотный Балашовский, 314-й пехотный Новооскольский, 315-й пехотный Глуховский и 316-й пехотный Хвалынский полки, 79-я артиллерийская бригада.

³⁴⁸ 59-я пехотная дивизия – второочередная дивизия из кадров 7-й пехотной дивизии. Сформирована в 1914 г. Состав дивизии: 233-й пехотный Старобельский, 234-й пехотный Богучарский, 235-й пехотный Белебеевский и 236-й пехотный Борисоглебский полки, 59-я артиллерийская бригада.

³⁴⁹ Точнее, Уссурийская конная дивизия. Сформирована в 1895 г. как Уссурийская конная бригада в составе Приморского драгунского, 1-го Нерчинского и Амурского казачьих полков, Уссурийского казачьего и 1-го конно-горного артиллерийского дивизионов. В июле 1914 г. в бригаду входили Приморский драгунский, 1-й Нерченский полк Забайкальского казачьего войска и Уссурийский казачий полк и тот же артдивизион. В ноябре 1915 г. бригада была переформирована в Уссурийскую конную дивизию

на первый раз посетить штабы дивизий и в каждой дивизии собрать командиров полков на указанных начальниками дивизий сборных пунктах, а затем уже постепенно обходить самые позиции.

На другое же утро выехал в штаб 82-й дивизии. Ее начальником был генерал-лейтенант Промтов,³⁵⁰ которого я хорошо знал еще по Японской войне и на которого мог во всем положиться. Беседа с ним окончательно открыла мне глаза, и, заканчивая разговор, я ему высказал:

– Не только не буду препятствовать, но настоятельно требую, чтобы было установлено нормальное довольствие людей горячей пищей два раза в день, чтобы люди имели чай и обязательно необходимый отдых по ночам.

В тот же вечер отдал руководящий приказ чтобы: 1) в каждом полку иметь по батальону в частном резерве. По мере улучшения позиций добиваться, чтобы в каждой дивизии один из полков по очереди выводился в резерв для отдыха, обучения и исправления обуви и одежды; 2) сторожевое охранение выставлять лишь в мере действительной необходимости, разведку же вести непрерывно днем и

(Приморский драгунский, 1-й Нерченский, Уссурийский и 1-й Амурский казачий полки, 8-й Донской казачий артдивизион). Расформирована в начале 1918 г.

³⁵⁰ Промтов (Промптов) Михаил Николаевич (1857–1950) – русский генерал. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., произведен в полковники, награжден орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием. В 1911 г. генерал-майор. С 1914 г. – командующий, затем начальник 82-й пехотной дивизии. В 1915 г. генерал-лейтенант. С 1916 г. – командир Сводного корпуса 9-й армии.

ночью; 3) все кухни были бы подняты на высоты, непосредственно к своим частям, люди получали бы ежедневно обед, ужин и положенное чайное довольствие и 4) чтобы вне боев всем, не состоящим в наряде, предоставлялся бы полный отдых; в холодные и ненастные дни допускать зажигание костров наподобие того, как это делалось у противника.

Объезжая дивизии, я подтвердил эти указания к неуклонному исполнению, возложив ответственность на командиров полков, и предупредил, что даже промедление в проведении их в жизнь буду считать показателем, что виновным в таковом командовании полком не под силу.

Должен сознаться, что посещение позиций представляло большие трудности, требовало огромного напряжения, и постоянно обходить войска в окопах не хватало ни сил, ни времени. Лесистые Карпаты и выше, и по характеру гор намного труднодоступнее Карпат на Ужокском и Стрыйском направлении, но климатические условия также благоприятны. Правда, в дни ненастья приходилось очень жутко, ветры были настолько сильны, что сбрасывали с круч людей, неосторожно подходивших к краям гребней. Сколько таких сорванных ветром германских и австрийских егерей попало в наши руки, да, вероятно, не менее и наших к нам. Зато в ясные дни, даже зимой, морозы, достигавшие 20–25 °R, переносились легко, и санитарное состояние войск не оставляло желать лучшего.

Санитарному благосостоянию много способствовали имевшиеся всюду при частях бани и прачечные. Один из войсковых врачей после санитарного осмотра полка донес, что в целом полку он не нашел ни одного паразита. Такого

благополучия прямо нельзя было себе представить, и я сейчас же обратился за справками во 2-й хирургический отряд, где, я знал, ни один раненый или больной не попадает в палату раньше, чем его разденут и вымоют сами сестры. И врачи, и сестры подтвердили, что паразиты находятся почти у каждого, но, по сравнению с прежними годами этой войны, количество их настолько уменьшилось, что больных можно сразу от них избавлять.

Многие думают, что паразиты – это как бы наша специальность, а в иностранных армиях их будто бы нет. В действительности же наш солдат при малейшей заботе о нем сравнительно чистоплотен. Желая в этом отношении свериться с нашими противниками, я поручил штаб-офицеру, заведовавшему опросом пленных, расспросить, как обстоит у них в этом отношении. На первый же поставленный старшему германскому унтер-офицеру вопрос, есть ли у них паразиты, он даже как бы с гордостью ответил:

– Конечно, иначе какие же мы были бы солдаты.

Начиная с ноября 1916 года затруднения с довольствием становились все более и более обычным явлением, и все в большем количестве вместо капусты и крупы стали доставлять чечевицу, а начиная с 1917 года только ее и доставляли. Чечевица является продуктом очень питательным, мы, офицеры, с нею легко мирились, но солдаты ели ее с отвращением, многие прямо выбрасывали, предпочитая есть сухой хлеб. Сложили даже песню: «Коли щи да каша, так и Вена наша, а коли только чечевица, так уйдем до Черновицы». Мясо доставлялось в мороженом виде,

а к 1917 году преимущественно мороженная или копченая баранина.

Даже наш стол настолько оскудел, что я наконец разрешил охоту на оленей, которые водились в горах в достаточном количестве. Сократилась дача сахара для офицеров с 10 фунтов в месяц на четыре фунта.

Еще труднее обстояло с фуражом, особенно с зерновым. Местные жители, гуцулы, относились к нам хорошо, продавали что могли и сравнительно по дешевым ценам. Но постепенно и у них все стало оскудевать.

Но самое трудное было исправление дорог и мостов. При корпусе состояло четыре дорожных отряда, сформированных из наемных рабочих, вывезенных из России. Плату они получали высокую, по 3 рубля 50 копеек в день на полном казенном пайке. Работали крайне вяло, стараясь всеми способами отлынивать от работ. Работы в районе позиции шли успешнее, так как там рабочие чувствовали, что куражиться не удастся и работу все равно придется исполнить. Но как ни туго шли работы, энергия заведовавших ими все превозмогла: шоссе были приведены в достаточно исправный вид, узкоколейка конной тяги работала исправно; на самые же кручи тяжести поднимались по воздушным дорогам, поставленными нашими саперами. Ими же были исправлены мосты и построен новый мост у слияния рек Белого и Черного Черемошей, представлявший капитальное сооружение, легко выдержавшее напор воды при весеннем половодье.

В своем районе мы справлялись со всеми трудностями, и можно было быть уверенным, что с началом военных действий все необходимое для войск будет им доставляться.

Но в более глубоком тылу железнодорожный транспорт действовал уже не так исправно, как в первые два года войны. Также не было прежних порядка и дисциплины, и часто чтобы добиться пропуска войсковых грузов, приходилось прибегать к некоторым своеобразным мерам. Приведу один разговор с начальником 59-й пехотной дивизии, дающий своего рода бытовую картинку тогдашнего железнодорожного мира. Генерал-лейтенант Оглоблев³⁵¹ отличался не только заботливостью о людях, умением все добыть, но и доставить добытое к дивизии. На мой вопрос, как он этого достигает, генерал доложил, что оставил на р. Серете в районе Заложца одного офицера и 40 рабочих при пяти подводах, которые по мере сбора продуктов и доставляют их.

– Да ведь они доставляют только на станцию железной дороги, а вот что вы делаете, чтобы эти продукты дошли до вас по железной дороге?

Генерал замялся и просил разрешить ему не отвечать на этот вопрос, так как, если он скажет, как это делается, то дивизия может лишиться подвоза. И только когда я ему обещал, что сказанное останется между нами, генерал улыбнулся и сказал:

– 10 фунтов сахару кому следует – вот и вагон, еще 10 фунтов – еще вагон, так и довозим. Ну, а изнутри России одним сахаром не отделаешься.

³⁵¹ Генерал-лейтенант Александр Семенович Оглоблев был начальником 59-й пехотной дивизии с 18 июля 1914 по 24 июня 1917 г.

Я нарочно остановился на вопросе довольствия, потому что оно всегда, а в обстановке Лесистых Карпат подавно, является одним из главных факторов бодрого настроения войск и успешности их боевых действий.

Руководящий приказ был неуклонно проведен в жизнь. Были две попытки оттянуть подъем походных кухонь, но их все равно подняли другие. А с выделением частей во вторую линию явилась возможность систематически вести занятия. Особенное внимание обращалось на уничтожение искусственных препятствий. За расположением штаба корпуса было выбрано специальное место, сооружены проволочные заграждения, и на этом месте присылаемые по очереди от войсковых частей офицеры и солдаты обучались действию ручными гранатами и бомбометами, применяя их к разрушению проволочных заграждений, а затем при штурме и прохождении неприятельских окопов в забрасывании ими отступающего противника.

Я часто посещал полки, отводимые в резерв, и неослабно следил за ходом строевых занятий, беседовал с офицерами и с людьми.

Одновременно был урегулирован вопрос отпусков. При нашем расположении в горах, когда уволенному в отпуск требовалось четыре дня для достижения г. Куты, откуда начиналась железная дорога, да четыре дня от Кут к полку, трехнедельный отпуск фактически сводился для большинства на нет, не оставалось времени для побывки дома.

Приказанием по корпусу три недели отпуска исчислялись со дня прибытия в г. Куты до дня возвращения в этот город.

Поставленные в нормальные условия жизни, войска быстро оправились, и настроение поднялось.

Приходилось всегда быть начеку, так как против нас стоял серьезный противник, привыкший к действиям в горах – почти сплошь австрийские и германские егерские батальоны.

Зима прошла спокойно, изредка происходили боевые столкновения, не имевшие серьезного значения. Но мы неуклонно готовились к переходу весною в наступление, план такового разрабатывался в штабе корпуса, причем я ставил главным условием начинать наступление ввиду климатических условий Лесистых Карпат отнюдь не ранее начала мая.

Несмотря на все трудности и неудобства стоянки, она как-то полюбилась мне настолько, что я не раз мечтал о приобретении в собственность усадьбы и дома, в котором мы жили, с тем чтобы пожить в нем когда-нибудь после войны.

Со времени мобилизации и выступления в поход я ни разу не отлучался от корпуса. Напряженная работа, в особенности обстановка, в которой она протекала с лета 1916 года, утомила меня и я, пользуясь налаженностью внутренней жизни корпуса и имея надежного заместителя в лице генерал-лейтенанта Промтова, решил уехать на две недели в Симферополь к семье, чтобы провести с ними Рождество.

Начиная от неурядиц на станции, сахарный песок, который подали к чаю, задержки поезда в пути – на станции Синельниково, например, на целые сутки – все указывало на крупные перемены, которые произошли во внутренней

жизни страны. Но, как не радостно было увидеть своих после почти трехлетней разлуки, зажечь елку и прочее, все мысли, вся душа остались на фронте, и, прожив с семьей с 25 декабря 1916 по 2 января 1917 года, я выехал обратно на фронт.

Проезжая через штаб главнокомандующего Юго-Западного фронта, я решил остановиться на несколько часов, чтобы представиться генерал-адъютанту Брусилову, поздравить его с Новым годом и доложить намеченный план прорыва на Мармарошь – Сегет, а главное, упросить его не торопить с наступлением до установления настоящей весны в горах, дабы преждевременным переходом не подорвать войска. Совместная работа в течение всей войны сблизила нас, и я знал, что могу ему все говорить с полной откровенностью.

Встретилась мы очень тепло, отобедали в его кабинете, но когда мы остались одни, разговор сразу принял такой оборот, которого я, по правде, и представить себе не мог и который произвел на меня еще более тягостное впечатление, чем приведенный в своем месте последний разговор с Куропаткиным в 1906 году перед оставлением Маньчжурии. Привожу дословно:

Брусилов:

– Я особенно рад вашему приезду, так как он дает мне возможность извиниться и объяснить мою невольную вину перед вами – в том, что вы не были назначены командующим армией. Но фактически вы таковою всегда командовали. По аттестации, по заслугам, по полученным наградам вы стоите первым номером, но я не мог официально вас представить в командующие армии ввиду вашей немецкой

фамилии и вероисповедания. Вы не можете себе представить, сколько я получаю доносов на эту тему.

Я был не только возмущен, но и глубоко оскорблен подобным заявлением. Алексей Алексеевич отлично знал мои отношения с войсками, какими я пользовался авторитетом и верой среди них, постоянно мне на это указывал, и я ему ответил:

– Если дело так обстоит, то мне нет места в армии, и мне остается только просить о назначении меня на должность внутри России, или лучше прямо отпустить меня на покой.

Брусилов:

– Нет, нет, за все это вам воздастся после войны, а сейчас я и здесь рассчитываю на вас.

Но с меня было довольно, я встал, простился с ним и уехал.

Вернувшись к корпусу, стал по-прежнему работать, вести подготовку к весне, но разговор с Брусиловым камнем лег мне на душу. Теперь мне было ясно, что в этом именно крылась основная причина, что столько достигнутых мною успехов не могли получить полного развития и постепенно сводились на нет, особенно после форсирования р. Серета, когда одновременно с моей победой началось победоносное наступление 8-й и 9-й армий, а в промежутке между нами остались на месте 22-й и 6-й корпуса и вправо от меня 17-й и 5-й. Подчини мне тогда эти корпуса, что бы осталось от поспешно уходивших в полном расстройстве австрийских войск? Разгром был бы полный и окончательный.

Но не время было предаваться собственному горю. Россия быстрыми шагами подходила к той роковой стезе, вступив на которую остановиться уже не могла и докатилась

до настоящей разрухи. Колебания власти, всеобщая утомленность войной, разлаженность государственной машины, происшедшая главным образом от неудачного выбора лиц, стоявших во главе администрации, особенно министра внутренних дел Протопопова; резкие выходы отдельных личностей в Государственной думе против правительства, причем открыто затрагивались особы императорской фамилии, противодействие всей общественности: военно-промышленных комитетов, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, недостаток, вернее почти полное отсутствие кадровых офицеров в запасных частях, облегчавшее проникновение в них злобредных агитаторов и постепенно их разлагавших – все это вместе взятое подтачивало государственные основы и толкнуло нас в объятия сперва военного бунта, а затем и во власть бездарного Временного правительства. Ни Государственная дума, ни Временное правительство не сумели совладать с доставшеюся им властью, просмотрели зарождение и значение Советов рабочих и солдатских депутатов³⁵² и были ими стерты. Рухнула законность,

³⁵² Речь идет о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, первые выборы в который состоялись еще 24–25 февраля 1917 г. Большинство в исполкоме Петросовета первоначально принадлежало меньшевикам и эсерам (13 человек), в него вошло только два большевика. Председателем был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, его замами – эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. Петросовет издал приказ № 1, вводивший систему выборных солдатских комитетов, запретил черносотенные газеты, ввел фабрично-заводские комитеты и 8-часовой рабочий день. 2 марта передал государственную власть

рухнула армия; с благосклонного попустительства Керенского³⁵³ воцарились темные силы в лице большевиков, и наша мать Россия, заливаясь кровью, в каких-нибудь четыре-пять лет докатилась до пропасти и совершенно обнищала.

Слухи о том, что дома не все благополучно, стали чаще и чаще проникать в армию. С самого начала 1917 года стали учащаться случаи дезертирства с позиций. Но мы в Лесистых Карпатах еще точно не знали, что именно разыгралось в Петрограде в дни 27–28 февраля, когда ночью со второго на третье марта (в 2 часа 15 минут ночи) начальник штаба

Временному правительству, однако продолжал функционировать как орган управления революционными организациями на промышленных предприятиях и в частях Петроградского гарнизона. Внес значительный вклад в ликвидацию «корниловщины». 8 сентября председателем Петросовета был избран большевик Л. Д. Троцкий. Позднее по решению ЦК РСДРП(б) при Петросовете был образован Военно-революционный комитет, возглавивший октябрьский переворот. 27 ноября Петросовет стал называться Петроградским советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

³⁵³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – русский политический деятель. В 1912 г. избран в IV Государственную думу, стал лидером трудовой группы. После Февральской революции вошел в Исполнительный комитет Государственной думы. Во Временном правительстве 1-го состава – министр юстиции. Также исполнял должность товарища председателя Совета рабочих и солдатских депутатов. Во Временном правительстве 2-го состава – министр-председатель, военный и морской министр. С августа 1917 г. – Верховный главнокомандующий вооруженными силами Российской республики.

принес мне только что принятую с аппарата телеграмму – манифест государя императора: «Признав за благо нашей родины, отрекаемся от прародительского престола в пользу сына нашего государя наследника цесаревича Алексея Николаевича под регентством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича и с ответственным министерством с князем Львовым³⁵⁴ во главе. Николай».

Положение было настолько напряженное, что тогда это показалось лучшим выходом из тупика и я, прочитав телеграмму, от всего сердца перекрестился.

Третьего марта рано утром я уехал на позицию и возвратился в штаб лишь около полудня. На крыльце начальник штаба передал мне принятые утром телеграммы. Первая, за подписью государя императора гласила: «Признавая своевременным сложить с себя верховное главнокомандование повелеваем вступить в Верховное главнокомандование Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Николаевичу».

Вторая: «Не желая расставаться с любезным сыном нашим, отрекаемся от прародительского престола и за него и передаем прародительский престол брату нашему Его

³⁵⁴ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – русский политический деятель. В 1914 г. председатель (главноуполномоченный) Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Один из руководителей Объединенного комитета земского и городского союзов (Земгор). В 1917 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел Временного правительства 1-го и 2-го составов.

Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу с ответственным министерством с князем Львовым во главе».

И последняя, за подписью великого князя Михаила Александровича: «Приму прародительский престол лишь через Учредительное Собрание».

Эта вторая телеграмма государя императора чрезвычайно осложнила положение. Телеграмма же великого князя Михаила Александровича, создавшая перерыв в преемственности законной власти, совершенно недопустима даже в условиях нормальной жизни государства, при тогдашней сугубо тяжелой обстановке – незаконченной внешней войне, полной расшатанности – сразу повела к падению царской власти.³⁵⁵

Власть перешла к Временному правительству.

Армия, повинаясь указаниям своего бывшего венценосного вождя, беспрекословно присягнула Временному правительству.

Эта присяга армии на верность Временному правительству сразу разъяснила обстановку, упрочила положение Временного правительства, и если бы оно состояло из истинно государственных людей, способных стать выше партийных целей, использовало бы армию для победоносного окончания войны и заключения почетного мира, а затем, покончив с войной, приступило бы к налаживанию внутреннего положения.

³⁵⁵ Автор путает – он приводит текст неосуществленного проекта отречения императора Николая II.

На самом же деле Временное правительство несмотря на принесенную армией присягу не доверяло ей и даже боялось ее. Вместо того чтобы укрепить боеспособность армии, Правительство в лице военного министра А. И. Гучкова³⁵⁶ занялось отбором лиц командного состава не по действительному соответствию или несоответствию их в военном отношении, а под известным углом зрения в смысле политической благонадежности, удобовосприимчивости новых веяний, и одним росчерком пера произвело массовое увольнение начальников и такое же замещение новыми лицами. Если нельзя отрицать, что между снятыми с командных должностей лицами известный процент был таких, уход которых мог быть даже полезен для армии, то несомненно, что среди вновь, совершенно зря назначенных был гораздо больший процент вредных для дела лиц.

Справедливость требует сказать, что военный министр Гучков не нашел настоящей, деловой поддержки в созданной им военной комиссии под председательством бывшего

³⁵⁶ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – русский политический деятель. В 1904–1905 гг. главноуполномоченный Российского общества Красного Креста и комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи раненым. Один из основателей партии «Союз 17 октября», с 1906 г. – ее руководитель. В 3-й Государственной думе – глава комиссии по обороне. После начала Великой войны – уполномоченный Российского общества Красного Креста на фронте, в 1915 г. – глава Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного совета. В 1917 г. сотрудничал с Временным правительством, вместе с В. В. Шульгиным принял от Николая II манифест об отречении. Затем – военный и морской министр.

военного министра Поливанова. Генерал Поливанов, а за ним и другие члены комиссии, только что назначенные на различные высшие должности военного управления, пошли гораздо дальше самого Гучкова и в угоду крайнему элементу в советах рабочих и солдатских депутатов вынесли постановление, что в русской армии, самой свободной в мире, все будут равны, не будет отдания чести и тому подобного. Одновременно появился приказ № 1,³⁵⁷ который не был утвержден военным министром, но вопреки его воле проник в войска. Затем последовали указания о формировании ротных, полковых, дивизионных и выше комитетов.

Теперь уже не подлежит сомнению, что и начальник штаба Верховного главнокомандующего,³⁵⁸ и большинство главнокомандующих фронтами знали о намечавшемся

³⁵⁷ Приказ № 1 – первый после Февральского переворота приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по петроградскому гарнизону, принятый 1 марта 1917 г. Узаконил солдатские комитеты в армии, установил подчиняемость воинских частей в политических выступлениях Совету, отдал оружие под контроль ротных и батальонных комитетов.

Солдаты получали гражданские права и уравнивались с офицерами вне службы и строя, было отменено обращение к офицерам и генералам «Ваше благородие» (или «высокоблагородие») и «Ваше высокопревосходительство». Приказ № 1 сыграл огромную роль в «демократизации» и «революционизировании» армии, ее окончательном развале, падении боевого духа, росте дезертирства и уголовных преступлений среди солдат и матросов.

³⁵⁸ Начальником штаба Верховного главнокомандующего с 18 августа 1915 по 1 апреля 1917 г. был генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

перевороте и дали на него свое согласие. Когда же наступил самый переворот, вместо того чтобы отстаивать армию и уберечь ее от неумелых вредных посягательств, они спешили идти навстречу всем нововведениям, иногда даже расширяли их, лишь бы упрочить свое положение – и разложение армии пошло быстрыми шагами при благосклонном содействии большинства высших боевых начальников: главнокомандующих фронтами и командующих армиями. По крайней мере, на Юго-Западном фронте один только генерал Лучицкий остался чист как стекло, не пошел ни на какие компромиссы и на поставленный ему Гучковым вопрос:

– Так как же быть? – ответил:

– Теперь, когда все расшатано, поздно спрашивать, – и настоял на своем увольнении от службы.

В первые же дни после переворота был прислан текст новой присяги, причем указывалось, что при приведении к присяге присутствие священника не обязательно, но обязательна расписка каждого присягнувшего на особых листах, неграмотным вместо подписи ставить крест.

Генерал Брусилов не только торопил с приведением к присяге, но приказал, чтобы все присягающие, особенно генералы и офицеры, вышли в строй с красными бантами на мундирах. Присяга прошла во всем корпусе без всяких трений, везде с участием священников. Замечательно, что многие люди, совершенно охотно повторявшие слова присяги, целовавшие крест и Евангелие, очень неохотно писали свою фамилию на листах.

Когда же я объявил по корпусу приказ об обращении к солдатам на «вы», об отмене титулования при обращении к

начальствующим лицам, солдаты вынесли постановление: «К офицерам обращаться, как указано, по чинам, корпусному же командиру не только продолжать говорить «Ваше высокопревосходительство», но и становиться при встрече во фронт и следить за тем, чтобы все это строго исполняли». Стоило большого труда заставить их вполне подчиниться новому приказу.

Когда же я объявил своему денщику, что согласно нового приказа я отныне буду ему говорить «вы», он как бы с укоризной посмотрел на меня и промолвил:

– За что же, разве я вам чужой стал?

Вообще, это требование обращения на «вы» есть желание исключительно фабричных и мещан. Крестьяне-земледельцы лучше понимают обращение на «ты». Послушали бы господ Соколовы³⁵⁹ и компания, как запасные, особенно первое время после призыва, отвечая нам, начальникам, или спрашивая, говорили «ты, ваше высокопревосходительство», и такое обращение на ты не только не шокировало нас, а лишь указывало, что вот именно эти люди и есть самые близкие нам. А в деревнях все крестьяне беседовали с барином всегда по имени-отчеству и на «ты». И к государю же в народе все всегда обращались на «ты».

³⁵⁹ Имеется в виду автор приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928), присяжный поверенный, социал-демократ. После Февральской революции 1917 г. – член Исполкома Петросовета. После Октябрьского переворота работал юрисконсультom в различных советских учреждениях.

Выборы в комитеты также прошли гладко: люди при этом старались держать себя пристойно, и первое время нигде эксцессов не было. Особенно гладко прошли выборы в 82-й дивизии, где председателем дивизионного комитета был выбран командующий 1-й батареей 82-й артиллерийской бригады капитан, фамилию коего сейчас припомнить не могу. Когда он мне представил свой комитет, я напомнил людям, какие важные хозяйственные обязанности ложатся на них, что будет непростительно для них, если довольствие солдата хоть в чем-нибудь понизится. Капитана же я спросил, почему во всей его этой, казалось бы, совершенно новой для него деятельности с первых же шагов чувствовалось, что она ему совсем знакома, ничто его не удивляло, он сразу во всем разбирался и сам все направлял, а не шел за другими по течению? Капитан ответил:

– Ничего, Ваше высокопревосходительство, в этом нет удивительного, я до войны прожил пять лет в Аргентинской республике и ко всему подобному присмотрелся.

Наружно в корпусе все шло нормально, но один вопрос сильно волновал людей – вопрос земельный. Не будучи в состоянии сами разобраться, они подсылали просить меня помочь им в этом деле.

После тщательно собранных справок, я остановился на двух лицах – одном полковом враче и одном офицере, призванном из запаса при мобилизации. Оба выросли в деревне, служили по земству, хорошо знали крестьянский быт и их нужды. Солдаты с жадностью слушали их толкования, задавали им массу вопросов, и эти беседы вносили успокоение в солдатскую среду.

Другое зло, также связанное с земельным вопросом, – это сразу усилившееся дезертирство, люди самовольно отлучались и прокрадывались по ночам по направлению к железным дорогам.

Недели через две после переворота я присутствовал на церковном параде в день праздника 2-го полка³⁶⁰ 70-й пехотной дивизии. Полк представился в хорошем виде, на приветствие ответили «здравия желаем, Ваше высокопревосходительство», но число рядов было неполное. Когда после молебна я провозгласил:

– За здоровье великой державы Российской и Временного ее правительства, – музыка вдруг заиграла Марсельезу. Я тотчас же отмахнул и приказал играть полковой марш. Все остальное было проделано по уставу.

На Страстной неделе мне доложили, что в Яблоницу прибыла команда добровольно вернувшихся дезертиров в несколько сот человек. Так как на дворе было уже темно, я приказал поставить их на ночлег и накормить, а утром доложить, когда команда будет готова к выступлению. Выйдя на другое утро к команде, поздоровался с ними и командовал:

– С права и слева заходи ко мне.

Когда люди стали кругом, я им сказал:

– Если вы пришли, действительно раскаявшись в своей вине, с намерением честно послужить Родине и разделить труды со своими товарищами, то мы вам говорим: добро

³⁶⁰ Имеется в виду 278-й пехотный Кромский полк. Сформирован в 1914 г., входил в 70-ю пехотную дивизию.

пожаловать; поднимите головы, смело идите на позицию, подходя к окопам осените себя святым Крестом и входите в них полноправными воинами. С Богом.

Вскоре после Святой распоряжением Временного правительства я был снят с командования корпусом и зачислен в резерв чинов Киевского военного округа. Моим преемником был назначен начальник 82-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Промтов.

Сдав корпус Промтову, простившись со всеми и отобедав в последний раз с чинами штаба корпуса, я вышел, чтобы сесть в автомобиль. Подавая мне пальто, денщик шепнул мне:

– Все плачут по вас, а солдаты прямо говорят, пропадем мы без него.

Около автомобиля построились все солдаты, стоявшие в Яблоницах и в прилежащих местечках. Я простился со всеми, но говорить не мог, слишком трудно было сохранить полное самообладание. Встав в автомобиле, я только сказал:

– Прощайте братцы, спасибо вам за ваши труды, за вашу службу, берегите Родину, уберегайте себя от смуты, ищите опоры в своих начальниках.

Продолжительный пробег на автомобиле, а затем переезд до Киева несколько успокоил меня, точно бремя спало с плеч, и я легко вздохнул, почувствовав себя на свободе.

Но когда на другое утро в Киеве я встал и оделся, то почувствовал такую пустоту, что даже страшно стало. Первый раз с 17-летнего возраста мне ни о ком и ни о чем не надо было думать, ни за что не отвечать.

По положению пошел представиться командующему войсками и начальнику штаба округа. Но все это было как бы не настоящее. Так, незадолго до моего приезда в Киеве состоялся смотр войскам, и командующий войсками пропускал их и приветствовал с балкона, окруженный начальствующими лицами.

Киев был переполнен, с трудом добыл номер в гостинице «Виргиния» по Александровской улице и за неимением другого дела стал наблюдать новую жизнь.

Острой нужды в Киеве еще не замечалось, но дороговизна росла, особенно дорожали предметы первой необходимости, начиная с хлеба; всем становилось труднее жить. Легче других жилось некоторым рабочим и особенно прислуге в гостиницах и ресторанах. В ресторанах первоклассных гостиниц «Гранд-Отель», «Отель Континенталь» и других лакеи зарабатывали, по собственному их признанию, от ста пятидесяти до двухсот и более рублей в день. И эти же люди постоянно устраивали забастовки и процессиями расхаживали по городу, выступая рядами медленным, протяжным шагом с комически важным выражением лиц.

Эти забастовки ресторанной прислуги доставляли нам своеобразные развлечения. Приходя в такие дни обедать, приходилось покупать в конторе квитанцию на обед, на отдельное блюдо, стакан чаю и тому подобное и затем, заняв место за столиком, самим идти с тарелкой на кухню и там получать свою порцию. Эти путешествия на кухню, выжидание там своей очереди, взаимные мелкие услуги сближали между собою публику, вносили оживление в разговоры. Все относились к этим явлениям очень добродушно, не делая из этого трагедии.

Цены проезда на извозчиках росли с каждым днем, и скоро пришлось от них совсем отказаться, так как приходилось платить по несколько рублей в конец. Тем не менее и извозчики решили бастовать, бастовали долго и проиграли. До забастовки Киевская публика, выходя из театров, брала извозчиков нарасхват, сколько бы их не было. Когда же после забастовки извозчики опять массами стояли у театров, привыкшая расходиться пешком публика разошлась, не обратив на них никакого внимания.

Описанные выше процессии бастующих вызывали больше всего чувство недоумения, но кроме них мне приходилось дважды в день видеть из окна части лейб-гвардейского Гренадерского полка,³⁶¹ проходившие в военно-окружный суд и обратно. Этот полк, взбунтованный штабс-капитаном Дзевалтовским,³⁶² отказался идти в бой,

³⁶¹ Лейб-гвардии Гренадерский полк сформирован в 1756 г. как 1-й гренадерский полк. С 1775 г. – лейб-гренадерский полк, с 1813 г. – лейб-гвардии Гренадерский полк. В 1914 г. входил в состав 2-й гвардейской пехотной дивизии.

³⁶² По другим данным, Г. Л. Дзевалтовский (Дзевялтовский) в 1917 г. был не штабс-капитаном, а поручиком. Член большевистской партии, председатель полкового комитета лейб-гвардии Гренадерского полка. Под его руководством 16 июня, во время приезда А. Ф. Керенского на фронт, полк отказался слушать его выступление. Кроме того, полк не выполнил приказ командования и отказался принимать участие в летнем наступлении 1917 года. 22 июня полк под командованием Дзевалтовского отправился в тыл. 4 сентября в Киевском окружном суде начался процесс над Дзевалтовским и 78 гренадерами, обвинявшимися в дезертирстве, Дзевалтовский же обвинялся в разъяснении солдатам идей

был арестован, снят с позиции, доставлен в Киев и предан военно-окружному суду. И вот они ежедневно проходили по Александровской улице побатальонно, занимая улицу во всю ширину, держа друг друга под руки, ломаясь и напевая революционные песни. Нельзя было без боли в сердце и омерзения смотреть на эти наглые рожи. В довершение всего они судом были оправданы.

Офицеры и солдаты местного гарнизона держали себя пристойно и почти все отдавали мне честь. Очевидно, Георгиевские кресты все еще импонировали.

Как только выяснилось, что мне не предстоит никакого дела, я поспешил съездить в Москву, где у меня были близкие друзья и много старых моих сослуживцев.

В Москве последствия новых порядков сказывались уже гораздо сильнее. Не только все вздорожало, но уже были очереди на хлеб и выдавали всего по полфунта в день на человека. Трамваи переполнены настолько, что попасть в них можно было только в виде исключения. Извозчики были мало доступны, и приходилось огромные московские расстояния проходить пешком.

большевизма и в создании полковой газеты «Правда гренадерская». Подсудимые отказались признать себя виновными, и 3 октября присяжные заседатели объявили их невиновными. Они тут же были освобождены из-под ареста, чему немало способствовала развернувшаяся большевистская агитация. В тот же день гренадеры приняли участие в митингах, а также в заседании Киевского совета рабочих депутатов, на котором Дзевалтовский выразил благодарность «трудящимся» Киева за поддержку. После суда военные власти требовали проведения повторного процесса, но из-за октябрьских событий он так и не состоялся.

Навещая своих друзей, я в то же время пытался устроиться в будущем на частную службу, но это сразу мне не удалось и, прожив несколько дней, я выехал к своим в Симферополь.

Но и там не мог спокойно жить, волновали вести, доходившие из армии и, прожив дома недели две, поспешил вернуться в Киев. Когда же произошел прорыв Рижского фронта,³⁶³ я был не в силах удержаться и, несмотря на всю бесцеремонность моего снятия с командования, решил предложить свои услуги и написал о том письма Верховному главнокомандующему генералу Корнилову³⁶⁴ и военному министру Керенскому.

³⁶³ Рижская наступательная операция германской армии началась 18 августа (1 сентября) 1917 г. В этот день немцы форсировали р. Западную Двину и, отбросив часть русской 12-й армии, 21 августа (3 сентября) заняли Ригу и Усть-Двинск, 24 августа (6 сентября) достигли Венденской позиции и остановились. В итоге немцам все же не удалось окружить и разгромить 12-ю армию, потерявшую в боях 25 тыс. человек.

³⁶⁴ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – русский военачальник. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1911 г. генерал-майор. С 1914 г. – начальник 48-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант. В 1915 г. попал в австрийский плен, в 1916 г. бежал из плена, назначен командиром 25-го армейского корпуса. В 1917 г. генерал от инфантерии, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, затем – командующий 8-й армией, главнокомандующий Юго-Западным фронтом и Верховный главнокомандующий Русской армией. Выступил против Временного правительства и направил войска на Петроград, после чего был смещен А. Ф. Керенским со своего поста и объявлен вне закона.

От Лавра Георгиевича Корнилова, затеявшего тогда свое движение на Петроград, ответа так и не получил. От Керенского получил письмо, в котором говорилось, что Временное правительство высоко ценит мои заслуги и боевой опыт, но по обстоятельствам времени лишено возможности ими воспользоваться.

Тогда я подал рапорт об увольнении в отставку и получил ответ: «Ввиду заслуг увольнению не подлежит, предназначен в Александровский комитет о раненых». Не получая ни содержания, ни пенсии, я, оставив свой адрес в штабе округа, выехал в Симферополь, где и жил как бы частным лицом.

В Симферополе я оставался до весны 1918 года, пережил в нем первых большевиков и германскую оккупацию.

Большевики заняли Симферополь 13 января 1918 года, обстреляли наш дом из пулемета, уверяя, будто из него по ним стреляли. Комиссар, вошедший в квартиру, обыска не делал, отобрал лишь шашку, висевшую в передней, и два револьвера и выдал в том расписку, но без подписи.

Несмотря на совершенные ими зверства: в ночь с 13 на 14 января ими были убиты до ста офицеров и затем в ночь с 11 на 12 февраля свыше двухсот, – ни генерал-лейтенанта Лихачева, ни меня они не тронули, не обыскивали и даже никого к нам не поставили в квартиры. Когда же ими были опечатаны все сейфы, в том числе и наш, в котором лежали пожалованные мне в 1916 году Бриллиантовые знаки Св. Александра Невского с мечами, я написал письмо председателю совета рабочих и солдатских депутатов, в котором объяснил, что эти Знаки нельзя рассматривать как простые драгоценности, что они пожалованы как боевая

награда за завоевание Карпат, и просил мне их выдать. В ответ получил от председателя – что совет постановил в моей просьбе отказать. Мы уже думали, что знаки, очевидно, пропали для нас, но впоследствии оказалось, что при уходе большевиков они остались нетронутыми в сейфе.

На четвертой неделе Великого поста мы говели одновременно с Лихачевыми. В четверг пришли ко мне две молодые барышни и, войдя в кабинет, заявили:

– Мы пришли вас предупредить, чтобы вы и генерал Лихачев скорей уезжали отсюда. Мы сейчас с заседания рабочих, на котором был поднят вопрос о необходимости убить вас и Лихачева и, когда некоторые стали за вас заступаться, другие возражали – вот еще мы столько убили молодых и вдруг остановимся убить двух стариков. Вам обоим необходимо бежать.

Я посмотрел на них, обе говорили серьезно, тем не менее я им ответил:

– Мы оба говеем и никуда не уедем. Конечно, я сейчас же сообщу Лихачеву, но уверен, что он ответит тоже самое. Прошу вас только ничего не говорить моим жене и дочери, чтобы преждевременно не напугать их и дать им спокойно отговорить. А там что будет. Во всяком случае, благодарю вас за участие и еще раз прошу этого не разглашать.

Лихачев отнесся к сообщенному совершенно также. Мы не только благополучно отговорили и причастились, но оба здравствуем и по сей день.

Германцы вступили в Симферополь 8 апреля 1918 года, в самый день Светлого Христова Воскресенья. Стало спокойнее жить, особенно по ночам. Но присутствие их на нашей территории, образцовый порядок, царивший первое

время в их войсках, еще более давал чувствовать всю глубину нашего развала. Бывало, сидишь в своем кабинете и слышишь, как проходят роты, отпечатывая ногой, но не Литовские³⁶⁵ роты, как прежде, а чужеземные, и сердце щемило, и слезы навертывались от сознания своего бессилия.

В течение 1918 года мне пришлось дважды проехать по Совдепии: в начале года в Москву и в октябре – в Киев, хотя подобные путешествия в то время были не только очень трудны, но для нашего брата и не безопасны, так как все зависело от произвола милиционеров, являвшихся проверять документы. Но отказать в приезде было нельзя, и я оба раза ездил в штатском пальто, но со своим подлинным документом, явленном в Симферополе у советских властей.

В Москве останавливался в Национальной гостинице. Не успел расположиться в номере, как ко мне вошел комиссар – в солдатской форме, но, несомненно, из интеллигентной семьи и воспитанный. Войдя, он просил меня сказать откровенно, зачем я приехал, сколько пробуду и есть ли у меня с собой оружие? Я также просто ему ответил:

– Я приехал исключительно по своим частным делам и повидать своих старых друзей, пробуду не более двух недель, оружия не имею и, хотя вы меня здесь в номере видите в форме, на улицу я выхожу вот в этом штатском пальто (указал на вешалку). Еще предупреждаю вас, что, может быть, мне придется на три дня съездить в деревню недалеко от Серпухова. Так как вы дали себе труд зайти ко мне, то

³⁶⁵ 51-го пехотного Литовского Е. И. В. государя наследника цесаревича Алексея Николаевича полка. – *Примеч. автора.*

прошу вас меня научить, что нужно теперь сделать, чтобы засвидетельствовать мою подпись и подпись того лица, которому я выдам доверенность.

Он очень любезно объяснил, что это надо сделать через домовый комитет, который помещается тут же в конторе гостиницы, поклонился и вышел. Больше меня никто не беспокоил.

Я благополучно устроил все, что мне было нужно. Билет на обратный путь мне достали через комиссара, заведовавшего станцией Курск – Москва. Он же дал мне милиционера, который помог втиснуться в вагон.

Процедура посадки в вагоны прямого поезда на юг произошла так: поезд был предварительно обстрелян, чтобы очистить его от набившихся заблаговременно мешочников, потом уже начали садиться пассажиры. Но и во время самой посадки стоявшие у вагона милиционеры от времени до времени стреляли вверх холостыми патронами, вероятно для острастки публики, заполнявшей перрон. Нас оказалось семь человек в маленьком купе – из них один еврей при каждом выстреле приговаривал:

– О, я не боюсь, я сам старый солдат, умею отличать звук боевого выстрела от холостого и знаю, что все это холостые.

Последняя неприятная процедура ожидала меня в Симферополе, где вокзал охранялся матросами, подвергавших всех обыску и до гадости грубых. Но и тут мне повезло. Начиная от станции Джанкой в наше купе стал постоянно заглядывать какой-то почтовый служащий и каждый раз пристально в меня вглядывался. Сначала это меня раздражало, а затем стало и беспокоить. Наконец, уже перед

самым Симферополем, он втиснулся в купе и, присев на корточки, обратился ко мне:

– Наконец-таки я вас признал, моего благодетеля, ведь я старый литовец. Вот мы с ним, – указывая на сидевшего фейерверкера, – вам поможем, пронесем ваши вещи и посадим на извозчика.

Так и сделали, провели меня беспрепятственно и ни за что не хотели взять денег, которые я им вручил при расставании.

В Киев меня просили приехать по следующему поводу: там шло формирование Южной армии;³⁶⁶ вербование в нее велось под флагом «Союза возрождения Родины», во главе

³⁶⁶ Южная армия начала формироваться в Киеве лидером монархического союза «Наша Родина» присяжным поверенным М. Е. Акацатовым и полковником лейб-гвардии Конного полка герцогом Г. Н. Лейхтенбергским. Вербовочные пункты были открыты в Киеве, Полтаве, Харькове, Екатеринославе, Житомире, Пскове, Могилеве. Армия создавалась на добровольческой основе из монархически настроенных офицеров, чиновников и т. д.; создание активно поддерживало германское командование и гетман Украинской державы П. П. Скоропадский. В Киеве находилось бюро (штаб) армии. Осенью 1918 г. на основе Южной армии был сформирован Воронежский корпус Особой Южной армии. В начале ноября все три корпуса Особой Южной армии по соглашению между гетманом П. П. Скоропадским и донским атаманом П. Н. Красновым были переданы в состав Донской армии.

которого стоял герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский.³⁶⁷

На вопрос, чем могу им служить, Его Высочество высказал:

– Мы, к сожалению, не можем вам предложить соответствующего командования, оно уже предложено генералу Иванову, но мы рассчитываем, что вы не откажете нам в просьбе, имеющей для нас особо важное значение. На нас косятся и не хотят нас признавать, считая, что мы действуем по указке германцев. Мы и просим вас быть посредником между Деникиным, атаманами и нами – помирить нас с ними.

Я ответил:

– Чтобы исполнить вашу просьбу, мне нужно более подробно ознакомиться со всем, что у вас делается, получить необходимые данные успешности формирования и списки намеченных начальников. Роль же посредника, полагаю, могу выполнить с успехом, так как с Деникиным меня связывают две совместно проведенные войны, 1904–1905 годов и настоящая, а к атаманам я явлюсь как почетный казак и Донского, и Кубанского³⁶⁸ казачьих войск.

³⁶⁷ Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский (1872–1929) – офицер русской армии, участник Белого движения. Служил в лейб-гвардии Конном полку. В 1914 г. вернулся на службу, штаб-офицер для поручений при штабе Юго-Западного фронта. В 1918 г. активно участвовал в создании монархической Южной армии в Киеве.

³⁶⁸ Атаманом Кубанского казачьего войска был генерал-лейтенант Александр Петрович Филимонов (1866–1948). С

Мы обо всем договорились, и было решено, что через неделю они пришлют ко мне в Симферополь офицера со всеми необходимыми сведениями.

Но обещанный офицер так и не прибывал, а вскоре были получены сведения, что «Союз возрождения Родины» распался, герцог Лейхтенбергский и часть членов правления отбыли за границу.

Между тем на обратном пути я чуть не подвергся аресту на станции в Екатеринославе. Пока поезд стоял, я сидел в купе и никуда не выходил. Какой-то жидок, очевидно, комиссар или член совета рабочих и солдатских депутатов, три раза открывал дверь и заглядывал в купе. Наконец, по четвертому разу я встал и захлопнул дверь.

Тогда он привел трех солдат с винтовками и объявил, что арестует меня за то, что я ему чуть не разбил голову. По счастью, солдаты оказались 135-го пехотного Керчь-Еникальского полка, которые, узнав меня, заявили:

– Нет, нашего корпусного командира мы арестовать не позволим, – и пошли к выходу из вагона.

Растерявшийся жидок пробормотал:

– Ну, на этот раз я вас прощаю, – и тоже побежал к выходу, так как поезд уже тронулся.

Поезда были так согласованы, что приходилось доехать до Харькова и там пересесть в прямой поезд на юг. Ждать между поездами часа два. Сдав чемоданчик носильщику, я

1911 г. – атаман Лабинского отдела Кубанской области. В 1917 г. полковник, председатель Временного Кубанского войскового правительства, затем – первый войсковой атаман Кубанского казачьего войска.

направился в буфет 1-го класса, чтобы хоть что-нибудь поесть, но не было возможности сразу добраться до столов.

В это время ко мне протиснулся мой носильщик и доложил:

– Вас узнали ваши старые солдаты, они говорят, что вам тут, среди жидов, не место, просят пожаловать в багажную, там и кресло приготовлено, и будет чай.

Я с радостью прошел за ним и с большим удовольствием просидел с ними два часа, слушал их рассказы на разные злобы дня. Недалеко от нас одиноко стоял носильщик, выделявшийся своей осанкой и интеллигентным выражением лица. Я нагнулся к своему соседу и тихонько спросил:

– Кто этот носильщик?

– Капитан, только третьего дня приехал с Кавказа, поступил в нашу артель и еще не осмотрелся.

В это время подали звонок и я, сердечно простившись с ними, пошел к поезду, благополучно пробрался в вагон и девятым втиснулся в купе.